

Библиотека «АНИВ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОТ БАЛТИКИ ДО ЧЕРНОГО МОРЯ:
АРМЯНЕ В КУЛЬТУРНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ»
ЕРЕВАН, 15–18 ОКТЯБРЯ 2018 г.

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ
«ԲԱԼԹԻԿԱՅԻՑ ՄԻՆՉԵՎ ԾՈՎ.
ՀԱՅԵՐԸ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ, ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ
ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐՈՒՄ»
ԵՐԵՎԱՆ, 15–18 ՀՈԿՏԵՄԲԵՐԻ 2018 թ.

INTERNATIONAL CONFERENCE
“FROM THE BALTIC TO THE BLACK SEA:
ARMENIANS IN CULTURAL, ECONOMIC
AND POLITICAL PROCESSES”
YEREVAN, OCTOBER 15–18, 2018

УДК [008+323.1](=19)(082)
ББК 71(=51)я43+63.521(=51)я43
О-80

Составитель и ответственный редактор: Татевик Саргсян
Перевод с французского языка: Марина Савко

О-80 Сборник материалов международной научной конференции «От Балтики до Чёрного моря: армяне в культурных, экономических и политических процессах»: материалы междунар. науч. конф. (Ереван, 15–18 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. Т. Саргсян; Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ». — Москва: ИД «Арк Медиа», 2023. — 436 с., илл.

ISBN 978-5-605-0678-4-9

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научной конференции «От Балтики до Чёрного моря: армяне в культурных, экономических и политических процессах» (Ереван, 15–18 октября 2018 г.). В них исследован опыт взаимодействия армян с другими народами региона, рассмотрены отношения Армении со странами региона, дана оценка роли армянских общин в истории региона в прошлом и на современном этапе.

УДК [008+323.1](=19)(082)
ББК 71(=51)я43+63.521(=51)я43

© 2023, ИД «Арк Медиа»

© 2023, Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ»

Фонд развития и поддержки
арменоведческих исследований «АНИВ»

•
Институт истории
Национальной академии наук Республики Армении

•
Институт истории
Национальной академии наук Беларуси

•
Польская академия знаний

•
Российско-армянский университет

•
Научно-исследовательский институт древних рукописей
им. Месропа Маштоца «Матенадаран»

•
Ереванский государственный университет

•
Государственный институт искусствознания
Министерства культуры Российской Федерации

•
Исторический факультет
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

•
Исторический факультет
Белорусского государственного университета

*Сборник издан при финансовой поддержке
Артема Констандяна и Арташеса Ширикяна*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие генерального директора Фонда «АНИВ» Армена Хечояна.....	8
--	---

ИСТОРИЯ СПЮРКА И ОТДЕЛЬНЫХ АРМЯНСКИХ ОБЩИН

1. <i>Claude Mutaflan</i> . From Ararat to Carpathians.....	12
2. Карен Балаян. Торговые маршруты армянских негочантов в Европе.....	29
3. <i>Alexandr Osipian</i> . Armenian Diaspora in the Early Modern Kingdom of Poland: the attitudes of Polish noblemen, Catholic clergy and burghers.....	39
4. <i>Гагик Погосян (Хахбакян)</i> . Драгоманы-армяне Речи Посполитой в Персии.....	48
5. <i>Лилия Аванесян</i> . Сведения об экспорте армянского текстиля и ковров на рынки Восточной Европы и России в XIII–XVIII веках.....	62
6. <i>Левон Батиев</i> . Из истории самоуправления армян на Дону: полицейская служба в Нахичевани (конец XVIII–XIX вв.).....	73
7. <i>Саркис Казаров</i> . Салханы донских армян.....	86
8. <i>Валерий Тунян</i> . О совместных предприятиях членов семей Манук-бея и Лазаревых.....	90
9. <i>Эдуард Алхазов</i> . Дворяне армянского происхождения в Бессарабии (XIX — начало XX века).....	101
10. <i>Ljiljana Lazić</i> . Armenians in Novi Sad (Serbia) — vanished community.....	119
11. <i>Евгений Гуринов</i> . Численность армян, проживавших в границах современной Беларуси, по данным переписи населения Российской империи 1897 года.....	130
12. <i>Շիրին Փաղիանյան</i> . Դրոյութանութների (Դրոյութանյաններ) սզնվական գերդաստանի նպաստը ռուսական բանակի հաղթանակներում Առաջին աշխարհամարտի տարիներին.....	136
13. <i>Армен Хечоян</i> . Армяне в Беларуси: краткий исторический обзор.....	143
14. <i>Кнарлик Авакян</i> . Армяне в США в контексте армяно-российских военно-политических отношений в годы Первой и Второй мировых войн и после.....	154
15. <i>Сергей Суцкий</i> . Армяне в статусных профессиональных сообществах юга России начала XXI века.....	169
16. <i>Kali Kinga</i> . Cultural Strategies of Hungarian Armenians: Armenism and Neo-Armenism.....	178
17. <i>Nélida Elena Boulgourdjian-Toufeksian</i> . Armenian Diaspora and Motherland: convergences and divergences in dynamic and complex bonds. a look from Argentina.....	190

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПОДХОДЫ

1. <i>Андрей Прохоров</i> . «Таврские армяне» у Прокопия Кесарийского и мифологические параллели сюжета.....	202
2. <i>Максим Евадян</i> . Следы распространения армянских медицинских знаний в Западной и Восточной Европе в Средние века.....	216

3.	<i>Рима Мирумян.</i> Павликиане на Руси (XI–XVI вв.).....	245
4.	<i>Beatrice Tolidjian.</i> Armenians of the Ottoman Balkans: the sources.....	257
5.	<i>Денис Лисейчиков.</i> Завещания армянских урядников города Замостье третьей четверти XVII века (по материалам Национального исторического архива Беларуси).....	267
6.	<i>Татевик Саргсян.</i> «Право» Юзефа Любомирского, дарованное армянам города Рашкова в 1751 году.....	273
7.	<i>Лусинэ Гуциян.</i> Армяне-фондообразователи Этнографического отдела Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге (по материалам собрания Российского этнографического музея).....	291
8.	<i>Մարիամ Վարդանյան.</i> Մասանց պահարանները Ռուսիայի հայոց թնփի հավաքածուներում.....	298
9.	<i>Մարենիկ Ավդյան.</i> Ընտրական սկզբունքի նուաքը Հայ Առաքելական եկեղեցի (1906–1914 թթ.).....	315
10.	<i>Համր Մոքրիապյան.</i> Խարկովում Խորհրդային Հայաստանի լիազոր ներկայացուցիչ Հովսեփ Կարախանյանի նամակ-գեկուցագրերը Ուկրաինայի հայերի նստին (1921–1922 թթ.).....	321
11.	<i>Галина Варёнова.</i> «В страну гор и бурных рек...»: Янка Купала и Армения.....	328
12.	<i>Рубен Атоян.</i> Традиции армянской школы художественной картографии и их развитие на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы.....	338
13.	<i>Вержине Свазлян.</i> Фольклорные реликвии переселившихся в Пятигорск арцахских армян.....	350
14.	<i>Дмитрий Кривошей.</i> Белорусско-армянские литературные связи в XX–XXI веках.....	364

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

1.	<i>Кишиштоф Стопка.</i> Начало службы армян в польской дипломатии. Рыцарь Григорий, владелец деревень Ляшки и Сроки, и его потомки.....	370
2.	<i>Համիկ Ամիրջանյան.</i> Հովսեփ արքեպիսկոպոս Արղությանի ավանդը Դրիմի Սուրբ Խաչ վանքի պահպանման և վերականգնման գործում.....	379
3.	<i>Степан Джунджузов.</i> Из колонновожатых в генералы: астраханский армянин Никита Макарович Калустов на русской военной службе.....	385
4.	<i>Իվեթ Թաշարյան.</i> Արդուլի երթայրների բացառիկ դերը Օսմանյան կայսրության լուսանկարչական արվեստում.....	390
5.	<i>Мария (Маника) Багдасарян.</i> Некоторые уточнения к биографии И. К. Айвазовского.....	400
6.	<i>Виктор Акоюн.</i> Просветитель донских армян Григорий Христофорович Чалхушьян.....	408
7.	<i>Сергей Любичанковский.</i> «Он в край степной пришел издалека»: Ваан Терьян на оренбургской земле.....	421
8.	<i>Андрей Тихомиров.</i> Армянин в Гродно: штрихи к интеллектуальному портрету Гургена Мартиросова.....	425

Предисловие

В период с 15 по 18 октября 2018 года в Ереване состоялась Международная научная конференция «От Балтики до Черного моря: армяне в культурных, экономических и политических процессах». Ее организаторами выступили Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ», Институт истории Национальной академии наук Республики Армении, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Научно-исследовательский институт древних рукописей имени Месропа Маштоца «Матенадаран», Польская академия знаний и изящной словесности, Российско-армянский университет, Ереванский государственный университет, Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации, исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, исторический факультет Белорусского государственного университета.

Эта конференция стала четвертым крупным арменоведческим форумом, организованным по инициативе и при непосредственном участии Фонда «АНИВ». Первые два прошли в Минске в 2012 и 2015 годах¹, еще один — в Москве, на базе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в 2016 году. в ереванской конференции 2018 года приняли участие 64 специалиста из 20 стран; в их числе не только историки, но и социологи, культурологи, исследователи международных отношений, архивисты, музееведы, искусствоведы. Сегодня мы рады представить вниманию научного сообщества и всем заинтересованным сборник материалов конференции.

В сборник вошло 39 докладов, которые распределены по трем разделам. в первом разделе представлены исследования, касающиеся общих вопросов развития армянской диаспоры и истории отдельных армянских общин. Можно выделить следующие тематические «кластеры»: причины и механизмы проникновения армян в другие страны; история отдельных армянских общин (Беларусь, Венгрия, Польша, Россия, Сербия, США); роль армянских родов и семей в истории страны; идентичность, саморепрезентация и образ «Другого».

В раздел «Новые источники и подходы» вошли доклады, в которых изложены преимущественно результаты исследований в архивах, музеях, экспедиций по сбору фольклора. Там же можно найти доклады, подготовленные с применением новых исследовательских методов и подходов. Поиск и введение в научный оборот новых исторических источников всегда были одним из приоритетов нашей работы. в этой связи нельзя не отметить доклад, посвященный завещаниям армянских урядников города Замостья. Эти завещания записаны в актовую книгу 60-х годов XVII века, которая была обнаружена в фонде Национального исторического архива Беларуси (Минск) в ходе работы над одним из проектов Фонда «АНИВ» в 2017 году и впоследствии оцифрована.

1. Материалы этих конференций изданы: Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой: материалы межд. научн. конф. (Минск, 9–11 октября 2012 г.) / сост. И. Н. Скворцова. Минск, 2013; Международная научная конференция «Армяно-белорусские историко-культурные отношения. Традиции и современность»: сборник материалов и докладов межд. научн. конф. (Минск, 21–22 мая 2015 г.) / сост. и отв. ред. Е. Гуринов. Москва, 2019.

Наконец, в разделе «Историческая биография» представлены очерки о выдающихся армянах, внесших вклад в историю Беларуси, Польши, России, Турции. Открывает раздел доклад о рыцаре Григории из Львова (первая половина XV в.), первом армянском дипломате и переводчике на службе Речи Посполитой, а завершает — доклад о Гургене Мартиросове (1912–1995), белорусском философе армянского происхождения. Эта хронологическая протяженность в шесть столетий красноречивее всего свидетельствует о древности присутствия армян в регионе от Балтики до Черного моря.

По итогам конференции «От Балтики до Черного моря: армяне в культурных, экономических и политических процессах» можно говорить о перспективности дальнейшего изучения роли армян как связующего звена между Востоком и Западом в эпоху Средневековья и раннего Нового времени (торговля, искусство, научные знания и др.).

Надеемся, что в наше сложное время конференции Фонда «АНИВ» послужат консолидации сообщества ученых-арменоведов в их благородном деле — поиске истины.

*Генеральный директор
Фонда развития и поддержки
арменоведческих исследований «АНИВ»
Армен Хечоян*

**ИСТОРИЯ СПЮРКА
И ОТДЕЛЬНЫХ АРМЯНСКИХ ОБЩИН**

From Ararat to Carpathians

Claude Mutafian,

Doctor in History, University of Paris

In 2017, an International Conference in Warsaw commemorated the 650th anniversary of the official recognition of the Armenian community by the Kingdom of Poland. The decree of King Casimir the Great (fig. 1) was issued on February 4, 1367, in Lvov¹, a city which in 1616 was to become the fourth centre of Armenian printing (fig. 2). Let us also recall that the only city ever founded by the Armenians in Europe is the modern Romanian Gherla (fig. 3) in Transylvania². At the beginning of the 17th century the Armenian traveler Simeon the Pole, on his way from Lvov to Constantinople, noticed that “*there is not a town, a village, or a farm [...] without Armenian residents*”³.

The emigration of Armenians to Carpathians

As shown by these examples, the Armenian presence in Carpathian Europe has a rather long and rich history. What was its origin? A widely spread legend makes a link with the fall of Ani, the capital of the last kingdom in Historic Armenia, annexed by Byzantium in 1045. It claims that in the 11th century, having lost their faith, its inhabitants were leading a depraved life and that, in order to punish them, God provoked earthquakes, sent the Turks in 1064, then the Mongols in 1236. Facing these calamities, the inhabitants supposedly fled away, crossed the Black Sea and settled in Eastern Europe⁴. The main propagandist of this simplistic tale is the Mekhitarist father Minas Bzhishkyan, who, in his travel diary, describes the past and the present of all the Armenian communities in Eastern Europe at the beginning of 19th century⁵. Original version of this narrative can be found in certain late sources, not earlier than the 17th century, which add some more emigration goals⁶.

In fact, one does not know any contemporary inscription or colophon supporting such a tale. Ani was reconquered by the Armenians in 1199, and in 1255 William of Rubruck, on his way back from Mongolia, wrote: “*I was in a city called Ani [...]. Its position is extremely strong: it contains a thousand Armenian churches [...] and the Tatars station a commissioner there*”⁷. According to all the witnesses, Ani was still a flourishing Armenian city in the 14th century and later, so that the tale of a massive emigration is absolutely fanciful. Moreover, one cannot imagine Armenians migrating in the 11th

1. Warsaw. Central Archive of historical Documents (further—AGAD). Doc. perg. 6197.

2. *Mutafian Cl.* La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates. Paris, 2018, p. 257–276.

3. The Travel Accounts of Simeon of Poland / Transl. G. Bournoutian. Costa Mesa, 2007, p. 33–34.

4. *Mutafian Cl.* La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 35–44.

5. *Bzhishkyan M.* A journey to Poland and other countries inhabited by the Armenians descended from the ancestors from the city of Ani. Venice, 1830 (in Armenian).

6. *Martiros Ghrimetsi.* History of the country of Crimea, composed by vardapet Martiros Ghrimetsi in poetic form: in *Martirosian A.* Martiros Ghrimetsi. Yerevan, 1958, p. 142–152 (in Armenian); *Davit Ghrimetsi.* Colophon. Yerevan. Matenadaran. MS 7442, fo 281r—fo 282v (in Armenian); *Davit Ghrimetsi.* Colophon: in *Bzhishkyan M.* A journey to Poland, p. 335–342; *Abraham Kretatsi:* in *Matevosyan K.* Pages from the history of Ani-Chirak. Yerevan, 2010, p. 265–273 (in Armenian); *Roshka St.* Chronicle or Ecclesiastical yearbook / Publ. by H. Voskanyan. Vienna, 1964, p. 196 (in Armenian).

7. The mission of Friar William of Rubruck / Transl. P. Jackson, London, 1990, p. 270.

century towards some unknown country in the hand of the Tatars, with whom they became familiar only in the 13th century⁸.

A limited immigration may have followed the fall of Ani, but the crowded waves of it emerged later, as a consequence of the good relations with the Mongols and the Genoese. According to some of the above mentioned texts, the destinations of the migrants were essentially Sis, that is Cilicia, and Crimea. In the 13th century, the Kingdom of Armenia was in Cilicia, Crimea was part of the Mongol Golden Horde, and the Genoese had received the authorization to settle in its south-eastern coast. It is well-known that Cilician Armenians were actively trading with the Genoese in the Mediterranean, so that at the beginning of the 14th century, when the situation of the Armenian Kingdom began to worsen in front of the Mamluk threat, the Genoese allowed the Armenians to take refuge in Crimea. As one sees, all of this essentially concerns Armenians from Cilicia, not from Ani. The Armenian settlements in Crimea increased very quickly (fig. 4), and according to a Genoese document they constituted in 1455 the majority of the population of Caffa, the modern Feodosia⁹.

In the middle of the 15th century, while the Ottoman threat was increasing — the peninsula was to fall to the Turks in 1475 — many Armenians left Crimea for the Christian States of Europe (fig. 5): either up the valley of the Dnieper river, then to Volhynia and Galicia, or south, towards Bucovina and Moldavia. Some others might have crossed the sea directly from Crimea to the mouth of the Dniester, essentially to the port of Akkerman, modern Bilhorod-Dnistrovskiy (Belgorod-Dniester) in Ukraine, where, according to the Flemish ambassador Gilbert de Lannoy who visited it in 1421, the population was then mainly composed of “*Genoese, Vlachs and Armenians*”¹⁰.

The Armenians in the Kingdom of Poland

Dated 1364, the bull of Catholicos Mesrop¹¹, which proclaims the establishment of a diocese, is addressed to the Armenians of Lvov, Vladimir and Lutsk, apparently the three most significant Armenian parishes in the Carpathians, more precisely in Galicia and Volhynia (fig. 6). Chronologically, the first one seems to have been Lutsk¹², but it was soon overpassed by Lvov, alias Lemberg. The juridical frame of the Armenian element had been defined by the decree of King Casimir the Great in 1356¹³, followed by the main one in 1367 and others in 1379 and 1387¹⁴.

8. [From the editor] It should be noted that none of the authors mentioned, who link the formation of the northern Armenian colonies with the mass resettlement of Ani inhabitants, refers this resettlement to the 11th century. All of them date it to the period following the invasion of Chormaghān (1236). Further, they divide the resettlement into three stages. The first stage was the moving to Ak-Saray (North Caspian region, on the mouth of the Volga River) with the consent of the Golden Horde Khan. The second stage, which followed after a “*short period of time*”, was the resettlement from Ak-Saray to the Crimea. The dates mentioned are 1299 and 1330 (1331). And the third stage was the spread of certain groups of Armenian immigrants from the Crimea to the countries of Eastern and Southeastern Europe. As a result of this multi-stage resettlement and its development in the following decades, populous Armenian colonies were formed in the Northern Black Sea region and in the Northern Caspian. This is evidenced by the huge layer of the Armenian cultural heritage. Judging by this heritage, the settlers were predominantly urban dwellers. At the same time the appearance of the Armenian population here cannot be related specifically to this resettlement. The topic requires a separate multilateral consideration.

9. [Vigna A.] Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) ordinato ed illustrato dal socio p. Amedeo Vigna. T. I. Genoa, 1868, p. 365 (doc. CLI).

10. *Ghillebert de Lannoy*. Voyages et ambassades. Mons, 1840, p. 39.

11. Venice. Mekhitarist Congregation. Rot. 3054.

12. *Mutafian Cl.* La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 84–87.

13. *Petrowicz Gr.* L'organisation juridique des Arméniens sous les monarques polonais // “*Revue des Études arméniennes*”. T. IV. Paris, 1967, p. 324–327; *Bzhishkyan M.* A journey to Poland, p. 116.

14. *Mutafian Cl.* La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 88–89.

In 1364, the seat of the Armenian Archbishopric was placed in Lvov, enjoying jurisdiction over the whole area and submitted to the catholicos of the Armenian Church, independent from Rome. And in 1363 the great Cathedral was inaugurated, which still exists (fig. 7). According to the Armenian tradition, a scriptorium was also founded; it became particularly active during the 16th century¹⁵. More exceptional is the foundation of a printing-house, under the initiative of a certain Hovhannes Qarmatanents¹⁶, who published four books between 1616 and 1618, the last one being in “Armeno-Kipchak”, that is in the Tatar language written in the Armenian alphabetical script (fig. 8).

Around Lvov, two important Armenian centres flourished (fig. 6). To the south-east, in Podolia, Kamenets-Podolsk is mentioned in the bull of Catholicos Theodoros, dated 1388. The church was inaugurated at the end of the 14th century¹⁷, the Armenians received two royal privileges at the beginning of the 16th century¹⁸, and a little later the copy of manuscripts began¹⁹ (fig. 9). To the north-west of Lvov, the case of Zamość is very singular: at the end of the 16th century, a rich prince, Jan Zamoyski, decided to found a city under his name²⁰, and wishing to attract Armenian merchants here, he provided them with various privileges. An active scriptorium was founded, and on the superb buildings of the main square one can still notice some Armenian monograms²¹ (fig. 10).

Religious problems were unavoidable, as the Armenian Church was considered to be schismatic by the Roman hierarchy. Catholic propaganda had already begun in Crimea²², and the missions were working in Lvov already in the 1370s²³. At the Florence Council (1439) a “Bull of Union” was proclaimed, but a split in the Armenian Church, followed after a while, led to the erection of two rival catholicosates, one in Echmiadzin (Greater Armenia) and one in Sis (Cilicia). Instead of sending catholic missions in order to convert the Armenians, Rome used another of its favourite tactics: it handed over the work to some Armenian priests educated as catholic fanatics. The offensive was entrusted to Nikol Torosovich who, in spite of violent attacks from the Armenian hierarchy, carried on the work²⁴, which then, after his death, was continued by his pupil Vardan Hunanyan. The goal was reached in 1689, when a synod convened in Lvov proclaimed the submission of the Armenian Church of Poland to Rome²⁵.

It did not mean the end of the Armenian element in Poland, as one can see with Stepanos Roshka (1670–1739), both a zealous propagandist of Catholicism and a brilliant representative of the Armenian culture. Unfortunately, he was practically the last Armenian of the area, who wrote in his mother tongue²⁶. Armenian culture was naturally affected by the submission to Rome: since 1618, not a single book in Armenian has been published in Poland.

In 1795 Poland disappeared as a State, but the Armenian studies did not stop: let us mention the Armenian Dominican historian Sadok Barontch and his studies on

15. Ibid, p. 94–97.

16. Ibid, p. 106–107, 135.

17. *Alishan Gh. Kamenits'. Annals of the Armenians of Poland and Romania. Venice, 1896, p. 160 (in Armenian); Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 109–112.*

18. AGAD. Doc. perg. 5872, 5876.

19. *Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 115–116.*

20. *Alishan Gh. Kamenits', p. 54.*

21. *Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 121–129.*

22. Archives de l'Orient latin. T.I. Paris, 1881, p. 269 (n. XXXV).

23. *Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 195–197.*

24. *Bzhishkyan M. A journey to Poland, p. 107.*

25. *Alishan Gh. Kamenits', p. 144; Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 207–220.*

26. *Roshka St. Chronicle or Ecclesiastical yearbook (in Armenian); Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 224–226.*

Armenians in Poland²⁷. After the First World War and the resurrection of Poland, including Galicia, the first periodical appeared in Lvov in 1927, of course in Polish language²⁸. Armenian language was still taught in Lvov by Bogdan Davidovich and he was succeeded by Karapet Keuprulyan, who died in 1939. The last Armenian archbishop of Poland, Józef Teodorowicz, played an important role, both political and cultural, organizing the restoration of the cathedral and founding the magazine “Gregoriana” in Polish. He died in Lvov in 1938²⁹.

The end of the Second World War marked the annexation of Galicia, Volhynia and Podolia to Ukraine. After the collapse of the Soviet Union, the Armenian cathedral of Lvov, closed in 1945, was handed back to the Armenian Apostolic Church and consecrated by Echiadzin in 2003, for its 640th anniversary. Armenology was revived in this Western Ukraine by Yaroslav Dashkevych (1926–2010), followed by Iryna Hayuk³⁰.

As for the Republic of Poland, it was recreated in 1945, but without its historical Armenian provinces. The Armenian Apostolic Church became officially recognized, but with no place for cult, while the catholic one has three parishes: in Gdańsk, Gliwice and Warsaw. During the communist period Armenian cultural life in Polish language managed to survive thanks to the ties with Soviet Armenia. Since the independence a spectacular revival has taken place. Let us mention the “Foundation of the culture and heritage of the Polish Armenians”, the publication of a bilingual monthly magazine “Awetis” since 2009, the numerous international conferences held on Armenology, and more recently the foundation of a centre for Armenian studies in Krakow. Many brilliant personalities are at the root of this revival, like Monika Agopsowicz, Waldemar Deluga, Andrzej Zięba, Piotr Kondraciuk, Krzysztof Stopka³¹.

Armenians in Romania

In Romanian Moldavia, the Armenian penetration came essentially from the north, as one can check by the bull of Catholicos Theodoros from 1388, which mentions Siret and Suceava³². As a matter of fact, it is at the end of the 14th century that the first Armenian colonies appeared in Romania, and in 1401 they were confirmed by a decree of the Voivod Alexander the Good³³ (fig. 11).

The voivodship of Moldavia was at that time under Polish suzerainty. There were Armenian settlements in Siret, Roman, Târgu Ocna and Botoşani, but the two most important ones were in Suceava and Iaşi (fig. 12). The first one was the seat of a Bishopric and is also well-known for its two famous monasteries in the surroundings, Zamka and Hajgardar (fig. 13), where pilgrimages still continue³⁴. In the middle of the 16th century the main centre shifted to Iaşi (fig. 14), which in 1608 had “200 Armenian households”³⁵; its church is supposed to have been founded in 1395, according to an inscription of questionable authenticity.

27. Barącz S. *Żywoty Sławnych Ormian we Polsce* [Lives of well-known Armenians of Poland]. Lvov, 1856.

28. Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 229.

29. Macler Fr. Rapport sur une mission scientifique en Galicie et en Bukovine (juillet-août 1925) // “Revue des Études arméniennes”, 1927, p. 39 (n. 1); Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 229–231.

30. Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 232.

31. Ibid, p. 232–233.

32. Alishan Gh. Kamenits', p. 9–13; Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 81.

33. Documenta Romaniae historica. A. Moldova. Vol. I. Bucharest, 1974, p. 21–22 (n. 14), pl. V; Mutafian Cl.

La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 144.

34. Mutafian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 146–152.

35. The Travel Accounts of Simeon of Poland, p. 29.

At the beginning, the relations with the local population were good-neighbourly, but little by little they began to worsen. There were some economic reasons, the comfortable position of the Armenians provoking a kind of jealousy, but the religious factor played the most important role: like the Catholic Church in Poland, the Greek Orthodox Church of Moldavia aimed to convert the “schismatic” Armenians. There had already been a wave of persecutions in 1479³⁶, but the most spectacular one arose in 1551³⁷. It is called “*the persecution of the millennium*” because the Armenian calendar begins in 551. At that time Moldavia had become a vassal of the Ottoman Empire, and some of the frescoes on the walls of Bukovina monasteries, representing the “Last Judgment” and dating back to the first half of the 16th century, include the Armenians along with the Jews, the Turks and the Tatars among the accursed peoples (fig. 15). These persecutions became the theme of an Elegy composed by a contemporary witness, Minas Tokhatetsi³⁸. For a long time, the Armenian Church of Moldavia remained subordinate to the Lvov Archbishopric, and when Rome finally succeeded in converting the Armenians of Poland to Catholicism, the links with Moldavia loosened. But the Greek Orthodox Church in Moldavia did not use the subtle tactics of the Catholics and never succeeded in converting the Armenians, so that Moldavian Armenians always remained under the jurisdiction of Echiadzin and kept their language and culture.

Soon after, in 1572, an Armenian called Ion Voda³⁹ took over the voivodship. He was both called “the Brave” because of his courage in front of the Turks, and “the Terrible” for his ruthless policy against the boyars (fig. 16). Some of these betrayed him to the Turks, who tore him apart in 1574. Ion Voda left a very positive memory among the people, and became the main character of the opera “Ion Voda the Terrible” (Gheorghe Dumitrescu, 1956).

As always, the Armenians founded scriptoria in every city where they settled, and they perpetrated the art of the manuscript, with miniatures comparable in quality to those of the motherland⁴⁰. The oldest ones known here are from the end of the 15th century, and the most famous artist is Ghazar Baberdatsi, who worked in Zamka in 1624–1630⁴¹ (fig. 17).

Also in the south-east, in Dobruja (Dobrogea), Armenian churches were greeted, and four of them still stand today. Armenian inscriptions can be found here of the period as early as the 16th century, and manuscripts were copied in the 17th century⁴².

As for Walachia, the Armenian presence came much later. The Mekhitarist father Minas Bzhishkyan, who travelled in all Carpathian Europe at the beginning of the 19th century, mentioned everywhere the past and the present of the Armenians. He quotes very few cities in Walachia, and churches only in Bucharest and Focșani. This last city, being divided by the Moldavia-Walachia border, since the 18th century has had two Armenian churches — one on each side⁴³. The earliest manuscript copy that we know in the capital city of Romania is as late as 1845⁴⁴. Bucharest is inseparable from the name of Manuc Bei (Manuk Bey, Emanuel Mârzayan), a sponsor and a politician who founded

36. Venice. State Archives. Miscellaneous diplomatic and private acts. B. 76, n. 2178.

37. *Alishan Gh. Kamenits*, p. 18; *Mutaŋian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates*, p. 168.

38. *Alishan Gh. Kamenits*, p. 20–27; *Mutaŋian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates*, p. 412–415.

39. *Urechi Gr. Chronique de Moldavie depuis le milieu du XIVe siècle jusqu'à l'an 1594* / Trad. E. Picot. Paris, 1878, p. 472–473; *Mutaŋian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates*, p. 175–177.

40. *Mutaŋian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates*, p. 179–193.

41. Vienna. Mekhitarist Congregation. MS 283 and MS 292.

42. *Mutaŋian Cl. La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates*, p. 336–339.

43. *Bzhishkyan M. A journey to Poland*, p. 206–207.

44. Yerevan Matenadaran. MS 9507.

the first Armenian school here in 1817. Before that he had built his famous inn “Manuc Han”, which is still one of the major tourist attractions of the city⁴⁵ (fig. 18).

The birthplace of the Armenian printing in Romania became Iași, in 1847. Then it was followed by Galați (Galatz) in 1895, thanks to the priest Ghevond Papazian, and later by Bucharest in the 20th century⁴⁶. The period between the two world wars was the Golden Age, which began to decay in the early 1950s with the instauration of the communist regime and the progressive assimilation. As for the Armenian press, the first newspapers were printed in Constanța (Northern Dobruja), but it really flourished in Bucharest, with the newspaper “Shepor” published from 1912 on by Leon Lanis⁴⁷. A prosperous period followed World War I, with some distinguished personalities like the Mekhitarist father Mkrtich Poturean (Bodurian) and his collaborator Adrushan⁴⁸. There was also an important Armenian press in Romanian language, with famous names such as Vartan (Victor) Mestugean, who in 1906 founded the magazine “Aurora” (published for two years), and before him Gheorghe Asachi (newspaper “Albina”, 1829), a great propagandist of Romanian culture during the first half of the 19th century⁴⁹.

Among the other Armenian personalities in the fields of Science and Culture, let us quote the painters Theodor Aman, Apcar Baltazar, Hrandt Avakian, the art collector Krikor Zambaccian, whose house has been converted into a State Museum, the carpet maker Agop Agopian, the historians Suren Kolanjian and, before him, Hagop Djololian, nicknamed Siruni — a close collaborator to the famous Nicolae Iorga, the doctress Ana Aslan, the political figure Grigore Trancu-Iași, without forgetting Catholicos Vazgen the First (1955–1994). Under the communist regime, this cultural revival weakened, but since 1990 it received a new impetus thanks to the rebirth of the “Union of Armenians of Romania”, with its dynamic director Varuzhan Vosgianian, two bilingual newspapers and a library. The office is situated between the Cathedral, inaugurated in 1913, and the Dudian Museum (fig. 19).

Armenians in Transylvania

In the west of the Carpathians, more recent component of Romania, the history of the Armenians has been totally different. This Transylvania used to be an autonomous principality, vassal first of the Kingdom of Poland, then of the Ottoman Empire, before being incorporated in the Habsburg Empire, and finally in Romania after the 1918 collapse. As a consequence, its historical links with Moldavia are recent and very weak. For a long time, the Armenian component was reduced to a few refugees crossing the Carpathians whenever the situation in Moldavia presented any danger. The only exception was the commercial city of Brașov, where Armenians are mentioned as early as in 1399 in a letter of pope Boniface IX⁵⁰. In the rest of the country, the activity of the Armenian merchants followed the rules of the 1600 Transylvanian Diet, until the 1670s, when an important event was to create a completely new situation. At that time, Transylvania was governed by a Calvinist elite under the suzerainty of Constantinople. In 1668 Moldavia became the theatre of a revolt against a corrupt Voivod, which was crushed with the

45. *Mutaſian Cl.* La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 329–335.

46. *Ibid.*, p. 347–353.

47. *Ibid.*, p. 352–356.

48. *Ibid.*, p. 357–363.

49. *Ibid.*, p. 371–375.

50. Vatican Secret Archive. Reg. Lat. 80, fo 268.

help of the Turks⁵¹. Having supported the revolt, many Armenians had no choice but to emigrate. Instead of going north, to Poland, where the process of forced conversion to Catholicism was at its paroxysm, they preferred to cross the Carpathians and seek refuge in Transylvania, where the Ottoman yoke was pretty loose. The protestant governors, princes Apafi father and son, welcomed them warmly and granted many privileges. They first settled in the nearest cities like the present Bistrița, Frumoasa, and mainly Gheorgheni, where a scriptorium was active as soon as in 1676⁵².

In 1699, after the defeat of the Ottoman Empire, the Peace treaty of Karlowitz placed Transylvania under Habsburg rule, in catholic Hungary, opening the way to a process of conversion similar to the Polish one earlier. Here also, the authorities instrumentalized an Armenian fanatic convert, Oxendios Viziresco, who used the same brutal methods⁵³. When he died in 1715, maybe poisoned, there was still a movement of resistance, but soon after the conversion reached its goal.

The name of Oxendios is linked with another important event: he was the one who in 1703 obtained from Kaiser Leopold the First the authorisation to build an Armenian city, called “Armenopolis”, or “Hayaqaghak” in Armenian, or “Armenierstadt” in German, or “Szamosújvár” in Hungarian, and nowadays — Gherla in Romanian⁵⁴ (fig. 3). Thanks to various Imperial Decrees⁵⁵, the city grew pretty quickly. Built in 1724, the first church soon became too small and was replaced by the actual big Armenian Cathedral, consecrated in 1804. The production of manuscripts and craft objects was remarkably important⁵⁶.

Although much older than the Armenian presence, another Transylvanian centre is also considered as an Armenian city, for demographic reasons: Ebesfalva, the former residence of the Apafi princes, called “Elisabethstadt” in German, “Erzsébetváros” in Hungarian, and now “Dumbrăveni” in Romanian⁵⁷. It had its own scriptorium, and one can still admire the luxurious houses of the Armenian bourgeoisie and the great Armenian catholic Cathedral (fig. 20). The Mekhitarist fathers settled there during the 18th century, and in 1746 was founded their first school in the world. Many of them became famous, like Stépanos Agonts Guver, who interceded successfully with Napoleon to avoid the closing of the San Lazzaro monastery in Venice, Grigor Govrikian, Mkrtych Poturean (Mgrdich Bodurian), or more recently Augustin (Ogostinos) Szekulian.

There were many other famous Transylvanian Armenians in the 19th century, like the great intellectual Zakaria Gabrouchian, alias Zakar Gabrus, the historians Kristóf Lukácsy and Kristóf Szongott, the painter Simon Hollósy. As for the Armenian edition and press, their birth years were respectively 1834 and 1887, but exclusively in Hungarian until the annexation to Romania in 1918. The absence of the Armenian language is due to the same reasons as in Poland: the submission to Rome.

In summary, the Armenian community of present Romania is made of two very distinct components. East of the Carpathians, Moldavia and Walachia have an Apostolic Prelacy in Bucharest and a net of churches under the control of Holy Echmiadzin. The Armenian language and culture have a very rich past, and although they have recently been weakened by a wave of assimilation, a reawakening is going on. On the other side

51. *Alishan Gh.* Kamenits', p. 194; The forced union of the Armenians of Poland with the Church of Rome. Saint Petersburg, 1884, p. 224 (in Armenian).

52. Venice. Mekhitarist Congregation. MS 775/412.

53. *Auguste de Gérando.* La Transylvanie et ses habitants. T. II. Paris, 1850, p. 202–203.

54. *Roshka St.* Chronicle or Ecclesiastical yearbook, p. 197–198; *Bzhishkyan M.* A journey to Poland, p. 199.

55. *Mutafian Cl.* La saga des Arméniens de l'Ararat aux Carpates, p. 260–263.

56. *Ibid.*, p. 268–272.

57. *Ibid.*, p. 277–283.

of the Carpathians, the Transylvanian Armenians depend upon the catholic hierarchy submitted to Rome, independently of Bucharest. Although most of them feel themselves Armenians, the language has disappeared for a long time in favour of Hungarian, and Romanian has not succeeded in imposing itself in spite of more than a century of annexation. Still now, in the Armenian catholic Cathedral of Gherla, Mass is celebrated neither in Armenian nor in Romanian but in Hungarian, and the choir sings in Armenian, but through a Hungarian transliteration.

Conclusion

In Carpathian Europe Armenians have had quite various histories according to the regions, the three main ones chronologically being today's Western Ukraine, Eastern and Western Romania. The first one, formerly part of the Kingdom of Poland, has long been the stronghold, with its capital Lvov, modern Lviv. In the south of it lies the second important Armenian settlement, Rumanian Moldavia, with Suceava and Iași, and an extension towards Wallachia. Last but not least, in the west of the Carpathians lies Transylvania, with its two "Armenian cities" — modern Gherla and Dumbrăveni. Around these three kernels one may add part of today's Eastern Poland, with Zamość, and the former Bessarabia, with its northern part being the modern Republic of Moldavia and the south one, on the Black Sea shore, included in Ukraine (fig. 21).

Illustrations

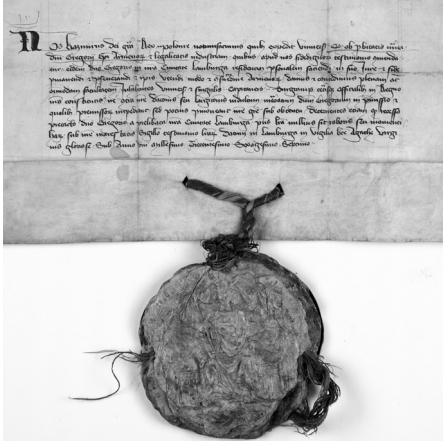

Fig. 1. Decree of King Casimir the Great, 1367

Fig. 2. Pages from "Psalms of David" in Armenian, published in Lvov, 1616

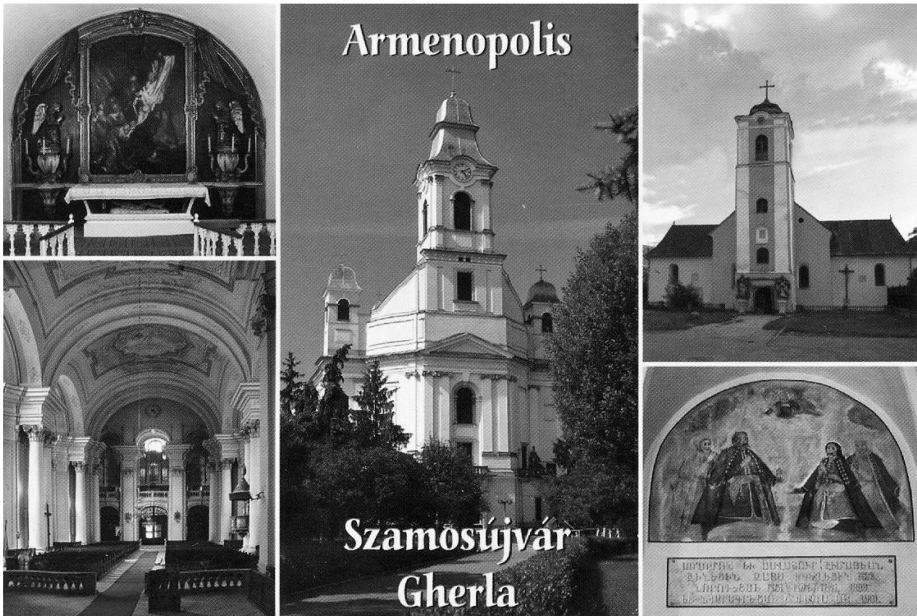

Fig. 3. Two Armenian churches in Armenopolis (present-day Gherla), Romania

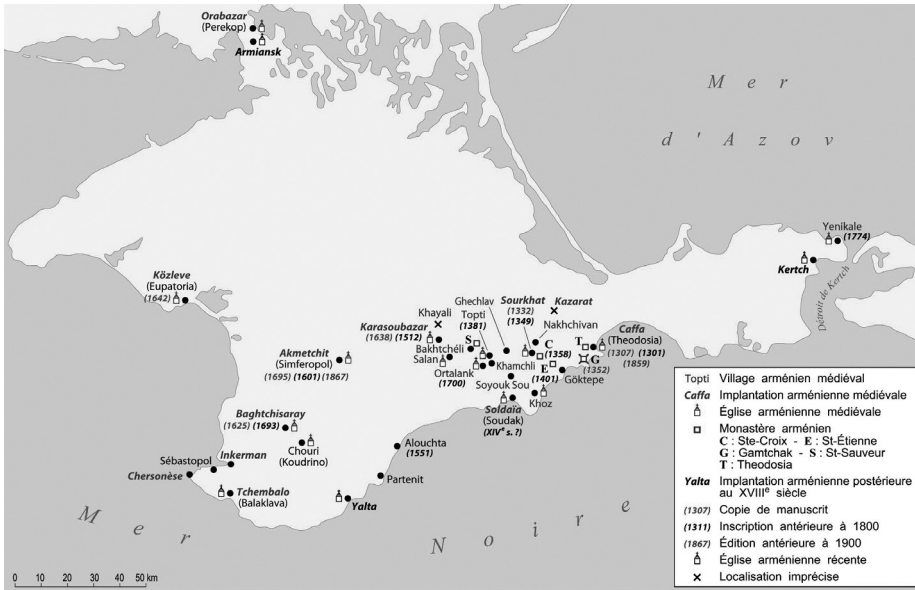

Fig. 4. Map of the Crimea showing the villages and cities inhabited by the Armenians

Fig. 5. Directions of Armenians' migration in the 7th — 14th centuries

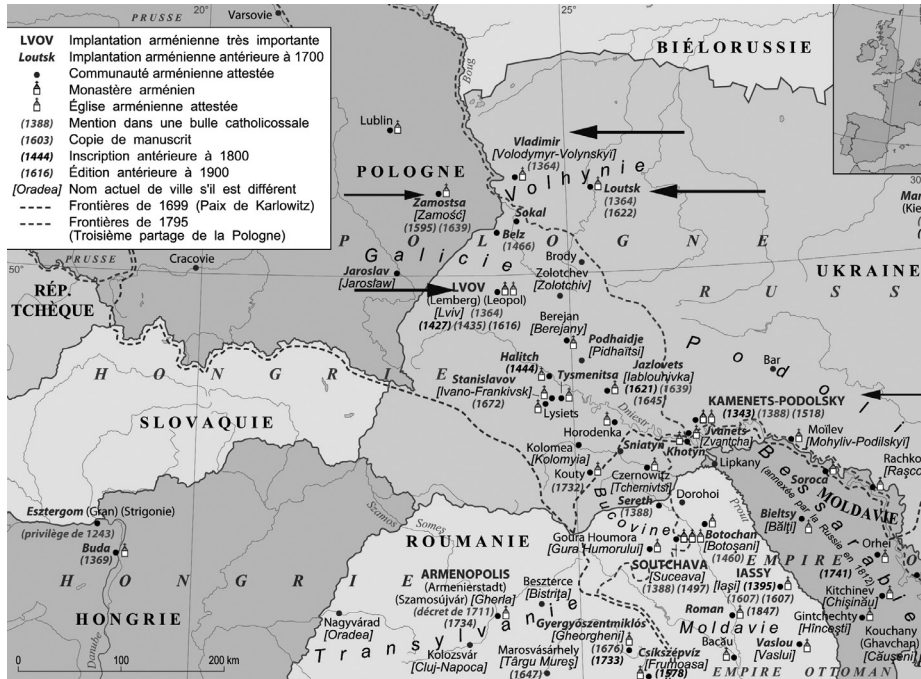

Fig. 6. Cities and villages of Eastern Europe inhabited by the Armenians

Fig. 7. Cathedral of the Holy Virgin in Lvov, 1363

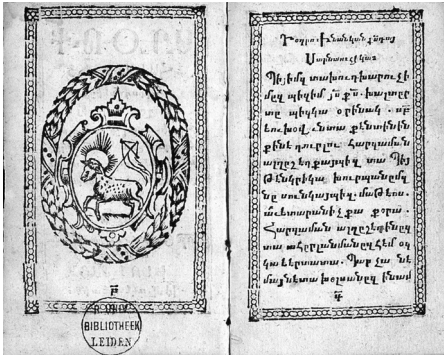

Fig. 8. Pages from the book in Armeno-Kipchak, published in Lvov, 1618

Fig. 9. Miniature from a manuscript made in Kamenets-Podolsk, 1606

Fig. 10. Zamość. Buildings on the main square, once erected by the Armenian merchants

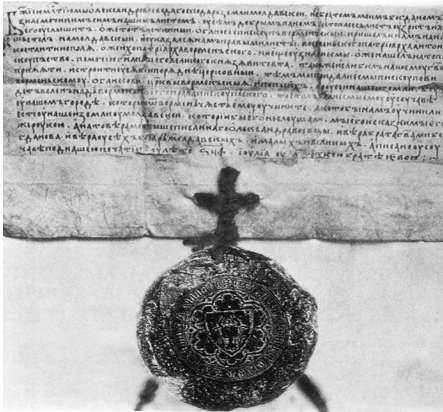

Fig. 11. Decree of the Voivod Alexander the Good, 1401

Fig. 13. Suceava. Monastery Hajadar

Fig. 12. Armenian settlements on the territory of modern Romania

Fig. 14. Iași. Armenian church of the Holy Virgin, 1395

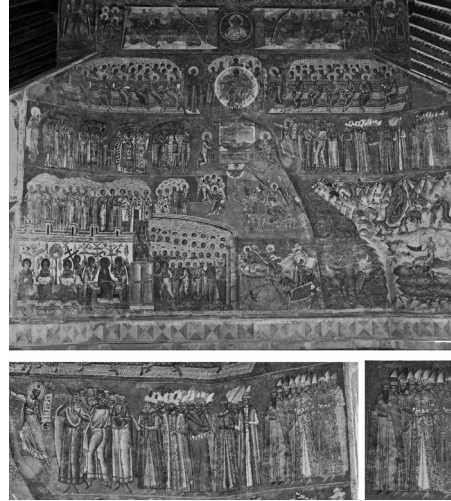

Fig. 15. Frescoes, depicting Armenians among the accursed peoples. Bukovina, first half of the 16th century

Fig. 17. Miniature by Ghazar Baberdatsi

Fig. 16. Iași. Monument to Ion Voda

Fig. 18. The inn "Manuc Han" in Bucharest.
View from the courtyard

Fig. 19. Armenian Cathedral
in Bucharest, 1913

Fig. 20. Armenian Cathedral in Dumbrăveni

Fig. 21. Map of the Carpathian Europe

Резюме

Клод Мутафян,

доктор истории, Парижский университет

От Арарата до Карпат

В зависимости от конкретного местонахождения армянские общины Карпатской Европы имели довольно разную историю. В современном геополитическом понимании тремя основными ареалами компактного проживания армян здесь были Западная Украина, Восточная Румыния и Западная Румыния. История первого ареала теснейшим образом связана с историей самой Западной Украины, а точнее Галиции и Волыни, в течение долгих веков входивших в состав Королевства Польского. Столицей был Львов — один из значимых городов Восточной Европы, известный своим армянским прошлым.

Второй по значимости ареал располагался южнее — в Восточной Румынии, или же Румынской Молдавии. Армянское население здесь было сконцентрировано в городах Сучава и Яссы, а также в других поселениях, расположенных в сторону Валахии.

И последним, но не менее важным ареалом армянского расселения была Трансильвания на западе Карпат, с двумя «армянскими городами» — Арменополисом (современная Герла) и Думбрэвени.

К этим трем главным областям можно добавить часть сегодняшней Восточной Польши с городом Замосць и бывшую Бессарабию, северная часть которой ныне представлена Республикой Молдова, а южная, на побережье Черного моря, входит в состав Украины.

Торговые маршруты армянских негоциантов в Европе

Карен Балаян,

президент Клуба морских исследований «Айас», капитан парусника «Киликия» (Ереван)

С древнейших времен народы стремились налаживать связи с ближними и дальними соседями, что способствовало повышению уровня жизни благодаря обмену опытом, торговле, взаимопроникновению культур и технологий, действиям по объединению усилий для обеспечения общей безопасности. Ярчайшим примером грандиозного по масштабам саморегулирующегося механизма международного сотрудничества являлся Великий шелковый путь, связывавший Китай со странами Европы и действовавший на протяжении немислимо долгого времени — как минимум пятнадцати столетий. Южное ответвление этого пути выходило к берегам Средиземного моря, а центральное и северное, огибая Каспийское море соответственно с юга и севера, достигали берегов Черного моря.

В те далекие времена купцы были одними из образованнейших людей, часто прошедшими обучение в специальных школах, со знанием наук и языков. Значимым составляющим этого сообщества являлись армяне. Они принимали участие в становлении Шелкового пути уже на самых ранних этапах его возникновения, что было обусловлено как географическим положением Армении, так и менталитетом армян. Удерживая в своих руках часть торговли на традиционных направлениях, последние не упускали возможности расширить границы своей деятельности. Перевозка грузов морским путем не осталась без внимания армянских купцов. Очень скоро они оказались в числе ведущих участников этого процесса и стали играть важную роль в морской торговле в Индийском океане и на западном побережье Тихого океана, при этом продолжая доминировать на традиционных сухопутных караванных путях, которые, как правило, активизировались с ухудшением обстановки на море. Это было подобно дельте реки: когда один из рукавов заиливается, то вода устремляется к морю по другим рукавам, а когда ухудшается проходимость и этих рукавов, то река прокладывает себе новое русло или пробивает старое. Одним из таких маршрутов было направление из Персии по Каспийскому морю и Волге через Нижний Новгород на север России — до Архангельска (этот тракт назывался Армянской дорогой), а далее морским путем к городам Северной Европы. Второе направление — от Черного моря до Польши и далее — в Германию и Фландрию.

Широкие международные связи, тесные контакты со своими соотечественниками по всему миру, а следовательно информированность, хорошее знание стран, языков, обычаев и быта народов, наличие своего собственного опыта успешной торговли и традиций в этой области — все это способствовало успеху армян в торговле. Высока была и степень торговой кооперации, свидетельством чего являются армянские торговые общества.

Черноморская торговля армян являлась звеном огромной системы Шелкового пути, простиравшейся от Китая и Индии до стран Западной Европы. На всех

направлениях этой торговой системы в течение многих веков неизменно присутствовали армянские купцы, обслуживаемые армянскими моряками и караванщиками. Члены армянского коммерческого сообщества обладали огромным влиянием, пользовались большим уважением в странах, где разворачивали свою деятельность, и доверием у народов, с которыми сотрудничали.

Присутствие армян на берегах Черного моря имеет давнюю историю. Однако резкое увеличение их числа произошло за счет переселенцев, нахлынувших сюда после падения армянского централизованного царства Багратидов и захвата византийцами его столицы Ани в 1045 году. Дальнейшее разграбление города сельджуками в 1064 году лишь умножило потоки беженцев.

В эпоху своего расцвета в X веке столица Ани была одним из самых больших и известных городов в мире, важным узлом на караванных путях. Многие ее жители были вовлечены в коммерческую деятельность и обладали огромным опытом ведения торговли в нескольких поколениях. С переселением на берега Черного моря они получили возможность применить свои знания и опыт на новом месте. Но это было непросто. Необходимо было преодолеть конкуренцию с уже состоявшимися и освоившими этот регион торговцами. На помощь пришли прочно вошедшие в природу армян предприимчивость, трудолюбие, настойчивость и целеустремленность вкупе с образованностью, знанием языков и умением вести переговоры. И со временем они заняли прочные позиции в системе черноморской торговли и удержали их на протяжении нескольких веков. Армяне селились в основном в Крыму, чаще всего в Кафе — сегодняшней Феодосии — и Солгате, который у средневековых армянских авторов известен как «Сурхат». В некоторых латинских источниках Крым именуется Морской Арменией (*Armenia Maritima*), что было обусловлено как солидной численностью армян на полуострове, так и их активной деятельностью в различных областях, особенно в торговой сфере. Истари армян было много также в Трапезунде, Самсуне (Симиссо, Амис), Синопе, Севастополисе (Сухуми) и Кесарии¹.

Сохранив имевшиеся на востоке торговые связи, армяне изменили направление потока товаров и стали перевозить их напрямую в черноморские порты и далее, уже по морю или наземному пути, до пункта назначения. Например, шелк-сырец из Персии в Крым доставлялся армянами, у которых имелась монополия на вывоз этого товара. Далее он в Европу переправлялся уже чаще всего генуэзцами. По свидетельству Ламберто ди Самбучето, нотариуса из Кафы, за один только год (с 1289-го по 1290-й) в Геную было вывезено шелка на сумму 33 тысячи аспров².

Историк Хачатур Дадаян приводит имена некоторых армянских купцов. В XIII веке некто Симон с Пиером Богданом Севанци, Василием Иваном Меликом, Берике Эвагой Аваряном на арендованном судне «Святой Андреас» в Трапезунд и Синоп перевозили товары, среди которых были серебро, ткани, рыба и так далее. А 23 апреля 1289 года Фароз и Костар на итальянском судне перевезли в Трапезунд 400 мод (около 112,5 тонны) проса и 300 мод зерна. Часть товара была отправлена далее в Киликию уже сухопутным путем³.

Выше упоминался торговый путь от Черного моря до Польши и далее — в Германию и Фландрию. Уточним, какими маршрутами он проходил. Товары на кораблях

1. Дадаян Х. Армяне и моря // Литературная Армения. Ереван, 2006, № 3, с. 156.

2. Аспра (*օսփրօ*, *օսփրա* *ուոյցճատ*) — серебряная монета, основная платежная единица в Трапезундской империи. Была распространена с 1204 по 1461 годы. Вес ее первоначально составлял от 2,8 до 2,9 грамма, но в конце XIV века значительно снизился.

3. Там же, с. 157.

доставлялись до Аккермана (ныне Белгород-Днестровский), затем в Яссы, Сучаву, Сирет, Черновцы, Снятын, Коломью, Галич и Львов. На этом пути, называвшемся Молдавской дорогой, важную роль играл Львов в качестве конечного (равно как и отправного) узла, связывая европейские и азиатские рынки. В городе имелись склады, где хранились всевозможные товары. С востока доставлялись шелк, специи, ароматические масла, ковры, золотые украшения, драгоценности, природные лекарственные средства и прочее. Из Львова восточные товары через Краков перевозились к западным границам Польши и на север, к балтийским портам, а далее — в Германию и Фландрию. С запада на восток везли сукно, оружие, инструменты, пушнину, шубы, а также свинец и ртуть. Во всех населенных пунктах, отмеченных выше, процветали армянские общины, история которых связывается с Ани⁴.

Дадаян также говорит о том, что в 1439 году господарь Валахии Влад III Дракул издает грамоту, которой купцам из Польского королевства и Молдавского княжества предоставляет право беспрепятственного проезда через свою страну. В 1455 году султан Махмуд II извещает Казимира IV Ягеллончика о том, что гарантирует его купцам свободную торговлю в своих владениях — как на суше, так и на море. В ответ на это польский король издает указ, согласно которому *«заморские турецкие купцы»* получают право торговать на землях Польского государства, и в частности во Львове⁵.

Историки, детально исследовавшие торгово-экономические отношения между Европой и Турцией, основываясь на документах XIV–XVII веков, упоминают имена многочисленных польских купцов того периода, которые на деле оказываются этническими армянами! Аналогичным образом обстоят дела и с турецкой стороны. По свидетельству историков, сами турки торговлей не занимались и передали это право армянам, грекам и евреям. Однако в исторических документах не упоминается ни одного имени грека или еврея. Последние, как известно, во Львове в основном занимались ростовщичеством⁶. Что касается армян, то *«в сфере торговли они имели давние традиции и богатый опыт, хорошо знали восточные страны, поддерживали тесные контакты со своими соотечественниками в генуэзских колониях, Молдавии и Турции. Широкие международные связи армянских купцов способствовали их успешной торговле»*⁷.

На восточно-европейском отрезке караванного пути использовался исключительно колесный транспорт, а не вьючный, как на востоке. В XVI–XVII веках в Польше существовало три типа грузовых телег: фурмановы (фуры), германские и армянские. Они отличались и внешним видом, и грузоподъемностью. К примеру, армянская телега, в которую впрягалось восемь лошадей, могла перевезти около 15 центнеров груза. Известно, что в прошлом центнер, в зависимости от времени и места, варьировался в довольно широких пределах — от 46 до 100 кг. И даже если принять величину центнера за 50 кг, то получится, что грузоподъемность армянской телеги составляла самое меньшее 750 кг.

Известны пользовавшиеся этим транспортом некоторые торговцы-армяне, имена которых звучат наподобие польских, галицких, молдавско-валашских имен: Ягуб Костевич, Гаврило Самчик, Юхно, Христофор Голубович, Николай Бернатович,

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же, с. 158.

7. Там же.

Григор Лисак, Николай Слепорад, Франтишек Михай, Ивашко Ликашович. Телеги объединялись в караваны, в которых их насчитывалось несколько десятков. Караванами руководили караванпеты, или караван-баши, которым все купцы подчинялись беспрекословно. Дадаян упоминает об одном караванпете-армянине, который говорил на 98 языках и диалектах!

Для перевозки дорогих тканей (атлас, парча, бархат) использовались деревянные ящики, обернутые просмоленным полотном. Пушнину, шерсть, шелк-сырец и хлопок помещали в мешки, сшитые из грубого холста, заворачивали в просмоленную ткань и укладывали в кожаные сумки. Пушнину на Балканы часто везли в специальных коробах, которые на обратном пути наполняли специями. Также использовались плетеные из волоса и изготовленные из кожи сумки: в волосяных перевозили специи, а в кожаных — одежду, шелковые ткани, обувь, пояса и другие мелкие товары. Все упакованные единицы нумеровали, вышивали на них герб владельца и ставили его личную печать. Герб и печать служили для груза защитой и имели юридическую силу как при торге, так и при судебных разбирательствах.

Для перевозки некоторых видов товаров приспособлялись бочки. К примеру, синьку перевозили в бочках, изнутри выстланных холстом, а снаружи покрытых войлоком. В бочках перевозили также икру и рыбу — соленую, копченую и вяленую. В специальных бочках-кюпах морем в Константинополь доставляли лимонный сок, уксус, различные вина, которые затем переправлялись в порты Дуная и далее сухопутным путем — во Львов.

По свидетельству Дадаяна, при таможенном досмотре груженные рыбой телеги не распаковывали и не задерживали, чтобы товар не испортился. Авторитет и благонадежность армянских купцов были настолько высоки, что достаточно было простого заверения, что в бочках нет никаких других товаров, кроме рыбы⁸.

Интересно следующее: при благоприятных погодных условиях товары морским путем из Константинополя до северного побережья Черного моря доставлялись за три дня, оттуда сухопутным путем в Каменец — за две недели. Итого: 20 дней. Сухопутный же путь из Константинополя в Каменец занимал 43 дня. Морской путь значительно снижал транспортные расходы. К примеру, цена перевозки тканей по морю составляла 2% от себестоимости товара, в то время как по суше этот процент возрастал до 15–20%. Перевозить грузы морским путем было гораздо выгоднее. Корабли могли брать на борт большее количество груза, путешествие по морю экономило время и деньги, а с дальнейшим развитием технологий в судостроении морские перевозки стали все более быстрыми, безопасными и надежными. Для сравнения: морской путь из Персидского залива в Китай в XIV–XV веках мог занять четыре-пять месяцев, в то время как сухопутный, от берегов Черного моря до Пекина, занимал 10–11 месяцев. Притом что груз, перевозимый на одном корабле, равнялся грузу большого каравана. Напомним, что существовала мера веса «химл», или «вьюк», который мог нести один верблюд. Химл составлял приблизительно 250 кг. Европейские торговые суда в XIV–XV веках могли взять на борт 150–600 тонн груза. Средние суда, а именно они обычно составляли ядро торгового флота, могли взять на борт 200–300 тонн груза, что эквивалентно каравану из 1000 верблюдов⁹.

8. Там же, с. 158, 160.

9. *Балаян К.* Армянские купцы на Шелковом пути // «НАИРИ»

(сборник материалов об Армении и армянской диаспоре). Вып. 6. Нижний Новгород, 2013, с. 131.

Еще одна немаловажная деталь: обычно купцы не проходили весь маршрут целиком. Они «вели» товар на своих отдельных отрезках пути, поочередно передавая его друг другу. Весь маршрут, или почти весь, проходили лишь единицы, имена которых вошли в историю. Среди них, например, китаец Гань Ин (97 г.), македонянин Май Тициан (100 г.), венецианец Марко Поло (1271–1295 гг.). В случае морских перевозок купцы получали больше возможностей сопровождать свой груз на всем протяжении пути. Это ускоряло процесс взаимопроникновения культур, традиций и, конечно же, знаний. Между тем как на начальном этапе становления Шелкового пути народы, проживавшие на его противоположных концах, практически ничего друг о друге не знали¹⁰.

Факты присутствия армян практически во всех значимых городах Великого шелкового пути и особенно в конечных его пунктах—Венеции, Генуе, Кадисе, Амстердаме, а также свидетельства об их контактах с представителями иных населенных пунктов этого тракта встречаются повсеместно и общеизвестны. Но есть и менее известные. Так, профессор Бьёрн Бандлиен из Юго-Восточного университета Норвегии в средневековых исландских дневниках (*Icelandic Diaries*) обнаружил информацию о визите короля Киликийской Армении Ошина Хетумяна (1308–1320 гг.) в Норвегию в 1314 году и о его встрече с норвежским королем Хаконом V (Святой Магнуссон, *Hákon V helgi Magnússon*)¹¹. Цель путешествия короля Ошина в Норвегию в источнике не указывается, но во время частного обсуждения этого вопроса профессор выдвинул две версии:

1. Армянский царь прибыл в Норвегию просить военную помощь для борьбы с соседями.

Напомним, что речь идет об Армянском королевстве Киликии: Девятый крестовый поход (1271–1272 гг.) закончился за 40 лет до описываемых событий, а за 23 года до этих же событий, в 1291 году, крестоносцы потеряли свои владения в Сирии. Однако идея возвращения Святой земли не была похоронена. В 1312 году, то есть за два года до визита короля Ошина в Норвегию, Папа Климент V (1305–1314 гг.) призвал европейских правителей к новому крестовому походу. Некоторые государи дали обещание идти на Святую землю, но обещания своего так и не сдержали. Возможно, армянский король, оказавшись один на один среди иноверцев, решил сам заняться (тем более после кончины Климента V в 1314 году, 20 апреля) организацией военной кампании на Ближний Восток, посетил Норвегию и встретился с королем Хаконом для обсуждения именно этого вопроса. Викинги слыли отличными воинами, и, к примеру, византийские императоры часто брали их на службу. Логично предположить, что армянский король также решил воспользоваться их услугами. В качестве аргумента против этого варианта можно заметить, что Киликийская Армения в то время лавировала между монголами и мамлюками, вела с ними переговоры и пока успешно решала свои вопросы политическим путем. В такой ситуации появление скандинавских воинов в регионе могло сыграть негативную роль в отношениях с соседями, сведя на нет достигнутые ранее договоренности.

2. Второй вариант, предложенный профессором Бандлиеном: армянский король хотел договориться о поставках охотничьих полярных птиц, которые очень высоко ценились на Востоке и были королевским подарком высоким особам.

10. Там же.

11. *Bjørn Bandlien*. The Armenian Embassy to King Hákon V of Norway // *Journal of the Society for Armenian Studies*. Vol. 23. Fresno (California State University), 2014, pp. 49–82.

Вскоре после беседы с профессором нам повстречалась чрезвычайно интересная информация, склонившая нас ко второй версии. Так, арабский писатель и полководец XII века Усама ибн Мункыз (1095–1188 гг.), сын Муршида—правителя Шейзара, в своей «Книге назиданий» пишет: «Между моим отцом и сыновьями Рубена—Торосом и Левонем, армянами, владыками Массисы, Антартуса, Аданы и ущелий, существовала большая дружба, и они обменивались письмами. Главной причиной этого было его увлечение ястребами. Армяне каждый год посылали ему партию ястребов—штук десять или около того, которых приносили на руке пешие армянские аустрингеры <...> Отец же посылал им лошадей, благовония и египетские материи. К нам попадали от армян красивые, редкостные ястребы <...>»¹².

Из текста следует, что армянские царевичи посылали Муршиду ястребов регулярно, каждый год. То есть это дело было поставлено на поток. Кроме того, в тексте говорится о «редкостных ястребах». Так как княжество Шейраз находилось в Сирии, то есть по соседству с Киликией, то ястребы у них должны были быть одного и того же местного типа. Между тем выражение «редкостные ястребы» подразумевает каких-то особенных птиц.

Недавно нам встретилась средневековая немецкая миниатюра, на которой изображена сцена соколиной охоты. На миниатюре две охотничьи птицы. И они белые (илл. 1)! О том, что белые арктические ястребы поставлялись в Европу, а еще в большем количестве—в Средиземноморье, где ценились очень высоко, говорит и норвежский ученый Рагнар Ортен Ли в статье: «Соколиная охота, ловля соколов и значение хищных птиц как товара и подношения союзникам в Норвегии (800–1800 гг.) на примере норвежских, а позднее и иностранных участников ловли соколов»¹³.

Белых полярных ястребов вылавливали в основном в Норвегии и Исландии. В то время они составляли единое государство. Армяне, зная потребности восточной элиты, вполне могли оценить возможности и выгоду от торговли арктическими ястребами. Конечно же, не исключена и возможность обсуждения королями Ошином и Хаконом V «пакета» вопросов, куда могли входить оба предложенных варианта. Армяне и прежде посещали северные страны, и это не было им в новинку.

Так, Ари Торгильссон Мудрый (1067–1148 гг.), первый исландский историк, в своей «Книге об исландцах» упоминает трех армянских епископов: Петроса, Абрахама и Степана, которые прибыли на остров примерно в 50–60-х годах XI века и развернули там миссионерскую деятельность¹⁴.

Однако армяне начали проповедовать христианство еще раньше—с IV века. После того как Армения приняла христианство в качестве государственной религии, армянские монахи распространились и в Азии, и в Европе. В числе первых миссионеров был Серватиус, кто до своей смерти в 384 году проповедовал Евангелие в Западной Европе и впоследствии был причислен к лику святых. Мощи Святого Серватиуса хранятся в старейшей в Нидерландах Базилике Святого Серватиуса в городе Маастрихте, покровителем которого он является.

12. *Usamah Ibn Munqidh. The Book of Contemplation: Islam and the Crusades /*

Translated by Paul M. Cobb. London—New York, 2008, p. 202.

13. *Ragnar Orten Lie. Falconry, falcon-catching and the role of birds of prey in trade and as alliance gifts in Norway (800–1800 AD) with an emphasis on Norwegian and later foreign participants in falcon-catching // Raptor and human—falconry and bird symbolism throughout the millennia on a global scale /* Edited by Karl-Heinz Gersmann and Oliver Grimm. Kiel–Hamburg, 2018, pp. 727–770.

14. *Ari Fróðhi Thorgrilsson. Íslendingabók. Cap. 8 (About the foreign bishops); Дашкевич Я. Р. Армяне в Исландии (XI в.) // Скандинавский сборник. Вып. 33. Таллин, 1989, с. 87–97. Маркрян С. Варяги-викинги на Кавказе (XI век). Ереван, 2015.*

Таким образом, визит армянского царя Ошина в Норвегию не являлся чем-то невероятным. Разве что отличался высоким представительским уровнем. Сам царь пожаловал!

В любом случае высказанные версии нуждаются в дополнительном подтверждении. Возвращаясь к армяно-скандинавским связям, необходимо отметить, что контакты были двухсторонними. Историк Самвел Маркарян в своей книге «Варяги-викинги на Кавказе (XI век)» исследовал грузинские и армянские источники на предмет упоминаний о походе Ингвара и его дружины викингов в Грузию и Армению в 1046–1049 годах и об их участии в битве против сельджуков в составе армяно-грузинского войска в 1048 году. В Швеции сохранились 26 менгиров с руническими текстами об этом походе. Это событие освещено и в «Саге об Ингваре»¹⁵.

В Германии, на острове Рюген, что в Балтийском море, в церкви Андреас-кирхе, хранится реликвия — ритуальный серебряный потир с надписью. Во время нашей экспедиции вокруг Европы на паруснике «Киликия» мы побывали на острове, и нам удалось разузнать подробности истории этого артефакта и заснять его. По рассказу хранителя церкви, до XIX века предполагалось, что на кубке неизвестные древнескандинавские письмены. В середине XIX века потир был отправлен на экспертизу во Францию, где выяснилось, что надписи сделаны на армянском языке. Каким образом и когда он попал на остров, неизвестно. Можно лишь строить предположения.

Высота потира около 30 см. Ножка его сделана в виде ангела, держащего саму чашу (илл. 2). Ангел, в свою очередь, стоит на постаменте, плавно переходящем в широкое основание подставки. Постамент, ангел и чаша делят сам кубок приблизительно на три равные части по 10 см каждая. На чаше по кругу нанесена надпись в две строки. Исходя из контекста надписи, потир имеет отношение к польским армянам.

Первая строка:

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ՍԿԻՀՍ Պ[Ա]Ր[ՈՆ] ԱԻԵՏԻՔԻ ՈՐԴԻՆ ԲԱՆ ԽԱԶՔՈՍ
ՏՈՍԱԺԻՐՍՔԵՆՑ ԵՒ Կ[Ո]Ղ[Ա]ԿՑ[Ի]Ն ՆՈՐԻՆ ԲԱՆԻ ՎԱՌՎԱՌԻՆ՝
Потир суть помин по сыну господина Аветька — пану Хачко из [рода] Томажирских и сунруге его пани Варваре —

Вторая строка:

ԴԱՏԻՐՆ Պ[Ա]Ր[ՈՆ] ՀՕԼՈՒՊԻՆ ԵԱՍՔՈՅԵՆՑ, ՈՐ ԵՏՈՒՆ Վ[Ա]Ս[Ե] Հ[Ո]
Գ[Ո]ՑՆ ԻԻՐՈՑ ԵՒ ԾՆ[Ո]ՂԱՑՆ ԹՎ[ԻՆ] ՌՂԷ ՅՈՒԼԻՍԻ Է:
дочери господина Олуна из [рода] Еаскоевых [= Яшко], которые отдали [потир] ради [спасения] душ своих и [своих] родителей лета 1097 [= 1648 год], июля 7¹⁶.

Армен Хечоян, много лет изучавший историю польских армян, определил упомянутых в надписи дарителей: «Возникает закономерный вопрос: можно ли идентифицировать дарителей потира? Важным ориентиром в этом послужат упомянутые в тексте имена и в особенности — фамилия «Томажирский», или «Домазерский». Это был влиятельный род армянских купцов из Львова. Некоторую информацию о них можно найти в книге Кишиштофа Стопки и Анджея Зембы

15. Маркарян С. Варяги-викинги на Кавказе (XI век). Ереван, 2015.

16. Прочтение надписи и перевод — Татевик Саргсян.

«Ormiańska Polska»¹⁷. Основатель рода—Ивашко Кичка, королевский постельничий, переводчик Казимира IV Ягеллончика, Яна I Ольбрахта и Александра Ягеллончика. В 1497 году за заслуги во время поездки в Молдавию он получил деревню Домажир под Львовом. Его потомки по женской линии пользовались фамилией Домажирские, или Домазерские. Известен крупный львовский купец Аветык Домазерский. И, возможно, именно он упомянут в надписи. История 30-х годов XVII века сохранила имена трех братьев Домазерских из Львова: Миколая (Миско), Кишиштофа (Хачко) и Гжегожа (Греско). Они также были купцами и, вероятнее всего, являлись сыновьями вышеупомянутого Аветыка.

Второй вопрос: как армянский потир из Львова оказался в Передней Померании? Можно предположить, что Хачко Домазерский и его супруга Варвара передали его на помин души в один из армянских культовых центров Львова. Затем, в ходе Северной войны, потир вошел в число ценностей, которые армянская община Львова передала шведскому королю Карлу XII в уплату контрибуции, наложенной на город в 1704 году. Оттуда потир мог попасть на остров Рюген, в то время входивший в состав Швеции».

Возможно, со временем удастся открыть новые обстоятельства этой истории.

17. Krzysztof Stopka, Andrzej A. Zięba. Ormiańska Polska. Warszawa, 2018.

Иллюстрации

Илл. 1. Средневековая немецкая миниатюра «Король Конрад Младший. Сцена охоты с белыми ястребами», 1320 год (Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse) — Zürich, ca. 1300 bis ca. 1340. Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 848. Page 7 r. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.11588/diglit.2222#0009>. Дата доступа: 04.03.2021)

Илл. 2. Кубок с армянскими надписями из церкви Андреас-кирхе на острове Рюген, Германия (фото — Клуба морских исследований «Айас»)

Summary

Karen Balayan,

President of “Ayas” Nautical Research Club, Captain of the “Cilicia” sailing ship (Yerevan)

Trade Routes of the Armenian Merchants in Europe

The Great Silk Road that linked China with Europe is the clearest example of a self-regulating mechanism of international cooperation on a grand scale and for an unthinkable long time—at least 15 centuries. Armenian merchants participated in the formation of the Silk Road already at the stage of its emergence. This was due to both the geographical position of Armenia and the mentality of the Armenians. Along with the land transportation, transit of goods by sea was common for the Armenian merchants. They were among the leading participants in this process and began to play an important role in the sea trade of the Indian Ocean and Western Pacific, while also kept the traditional land caravan routes, which became more lively with the deterioration of the situation at the sea (for example, because of piracy).

One of the routes leading to Europe and well known to Armenians ran from Persia along the Caspian Sea and the Volga river to the north of Russia and then by sea—to the cities of Northern Europe. The second way was from the Black Sea to Poland and further to Germany and Flanders.

The Black Sea trade of the Armenians was an important part of the Great Silk Road system, stretching from China and India to the countries of Western Europe. Evidences of presence of the Armenians in almost all significant cities throughout this system, and especially in final destinations of it (Venice, Genoa, Cadiz, Amsterdam, etc.) are well known. In those rare cases when we do not find a direct Armenian presence, at least we find contacts with the Armenians.

However, there are several less known facts.

One of the Icelandic sagas runs about the visit of the Cilician Armenian king Oshin to Norway in 1314 and his meeting with king Hákan V. Presumably, this meeting was aimed at both military cooperation and the acquisition of rare Arctic hawks by Oshin. This should not seem surprising, since Europe and in particular Western Europe was well known to the Armenians. Since the 4th century Armenian missionaries (for example Saint Servatius) have arrived in Europe. They, mentioned in the *Íslendingabók* by Ari Fróðhi Þorgilsson, are also found here in the 12th century. Next, a relic is kept in the Andreaskirche church in Germany, in the north of the Rügen island in the Baltic Sea—a ritual chalice with an Armenian inscription. Based on the context of inscription chalice is related to the Polish Armenians.

Armenian Diaspora in the Early Modern Kingdom of Poland: the attitudes of Polish noblemen, Catholic clergy and burghers

Alexandr Osipian,

PhD in History, Associate Professor, Research Fellow at the Free University of Berlin

One of the earliest Polish humanists, Maciej Miechowski (Maciej z Miechowa, Matheus Mechovius, 1457–1523), provost of the Krakow Academy and physician of King Sigismund I, in describing Rus in his famous “*Tractatus de duabus Sarmatiae*” (1517) has formulated the contemporary Polish perception of the Armenian trading diaspora in such a way: “*They are the best merchants who reached Caffa¹, Constantinople, Alexandria in Egypt, al-Kair, and Indies to bring goods*”². Most of the goods the Armenian merchants at that time supplied to Poland were expensive oriental commodities such as silk fabrics, carpets, pearls, pepper, ginger, rhubarb, cinnamon and other spices. However, Miechowski did not blame the Armenian merchants for flooding Poland with unreasonable and money-draining extravagancies, while in the late 16th century this rhetoric became a common place. He gave rather positive image of the Armenian traders defining them as “*the best merchants*”. His description of the Armenian faith is also benevolent: Miechowski mentions the apostles Thaddeus and Bartholomew as the illuminators of the Armenians and defines the Armenian liturgical vestments, vessels, and books as “*splendid church-ware of ancient Christians*”.

The dynamic of perceptions of the Armenian diaspora in the sixteenth-seventeenth-century Poland was rather influenced by such contemporary phenomena as Reformation and Counterreformation, price revolution and mercantilism, political competition between absolutism and aristocratic republicanism, spread of oriental fashion and “Sarmatian” culture, and discourses on the Ottoman threat. The attitude towards the Armenian diaspora also depended on the social affiliation of the author, since the nobility, Catholic clergy and burghers reacted differently on the aforementioned phenomena.

The suppliers of the oriental luxury goods

The oriental luxury goods were used by the nobility to emphasize their Sarmatian Polish identity as non-Western in order to maintain its “Golden Liberty” and to reject any attempts to establish Western absolutist monarchy, particularly after the extinction of the Jagiellonian dynasty. More oriental appearance was seen as more Sarmatian, and therefore as more republican and anti-Habsburg³. The Sarmatians, the belligerent nomads who frequently attacked the Roman Empire, were re-imagined in the sixteenth-century

1. Today's Feodosia, or Theodosia, in the Crimea.

2. *Mathias de Miechow*. *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*. Augusta Vindelicorum, 1518, p. 40.

3. *Jasieński A.* A Savage Magnificence: Ottomanizing Fashion and the Politics of Display in Early Modern East-Central Europe // “*Muqarnas*”: Middle East and Islamic Studies. Vol. 31. 2014, p. 173–205.

Poland as ancestors of the noblemen⁴. It was already known in the 16th century that the Sarmatians were relatives of other nomads — the Scythians⁵. Since the Turks were considered by the humanists as the peoples of Scythian stock, the Ottoman attire, arms, carpets, and horses were retrospectively attributed to the imaginary Sarmatian ancestors of Polish nobility. The myth of Sarmatian origin was spread thanks to Miechowski's "Tractatus" frequently published in 16th century. However, in Miechowski's times the Polish nobility had not adopted the oriental attire yet⁶. It became fashionable in 1550s—1560s. Therefore, the Armenian merchants who supplied mainly oriental commodities to Poland were absent in the public discourses of the first half of 16th century but were increasingly mentioned in the second half.

The noblemen ordinarily described the Armenian oriental trade as a positive phenomenon as the "Turkish goods" were considered to be necessary for social prestige, military service and affirming "Sarmatian" identity (Gorecki, 1578; Łos, 1656; Opaliński, 1650)⁷. Those noble authors who mentioned Armenian merchants in their writings when blaming the excessive consumption of their compatriots, made the main target of their criticism nobility and gentry, not the mediators (Zbylitowski, 1600; Chlebowski, 1625; Kochowski, 1683)⁸.

Polish Catholic clergy had different perception of the oriental luxury. In 16th century Europe witnessed simultaneously the explosive spread of Reformation and the Ottoman military expansion: the conquest of Hungary in 1526 and the siege of Vienna in 1529. Protestantism triumphed in neighboring Hungary and Transylvania, where in 1568 the Diet passed the Edict of Torda, which prohibited the persecution of people for religious reasons. In the age of religious wars Protestants and Muslims had common interests and Catholic polemicists accused their Protestant foes of "Calvino-Turkism"⁹. In the mid-sixteenth century one can witness dramatic changes in the dressing habits of the Hungarian and Polish nobles who increasingly followed the oriental/Ottoman fashion¹⁰. Some Polish renegades made successful career in the Ottoman Empire¹¹. Therefore, Polish Catholic clergy saw the change of attire/appearance as resulted from or leading to the religious conversion to "Lutheran/Arian heresy" or Islam. And spread of the oriental luxury was alarmed by the Catholic intellectuals as early as in the 1560s. In his poem "Censtochova" (1568) it was Grzegorz of Sambor (1523–1573), a Professor of Kraków

4. Cynarski St. The Shape of Sarmatian Ideology in Poland // "Acta Poloniae Historica". T. 19. 1968, p. 5–17.

5. Bisaha N. New Barbarian or Worthy Adversary? Humanist Constructs of the Ottoman Turks in Fifteenth-Century Italy // Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe: Perception of Other / Ed. by D. R. Blanks and M. Frassetto. New York, 1999, p. 194; Meserve M. Empires of Islam in Renaissance Historical Thought. Cambridge, 2008, p. 68.

6. Jasiński A. A Savage Magnificence, p. 177.

7. Leonhardi Gorecii. Descriptio belli Ivoniae, Voivodae Valachiae quod anno 1574 cum Selymo II Turcarum imperatore, gessit. Frankfurt, 1578, p. 19; Opaliński Ł. Obrona Polski / Ed. K. Tyszkowski. Lwów-Warsaw, 1921, s. 26 (originally published as: Opaliński Ł. Polonia defensa contra Joannem Barclaium (1648) // Pamiętniki Łosia, towarzysza Chorągwi Panczernej Władysława margrabi Myszkowskiego wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667. Krakow, 1858, s. 16).

8. Piotr Zbylitowski. Rozmowa szlachcica polskiego z cudzoziemcem. Krakow, 1600, s. 44; [Wawrzyniec Chlebowski]. Lament Żaloszny Na straszliwy pożar sławnego Miasta Iaroslawia: Pod czas Iarmarku Walnego, na Fest Naswiętszey Panny Mariey W Niebowzięcia, z nieoszacowaną szkodą ludzi Kupieckich rozmaitego stanu y wszystkich Obywatelow temecznych, Dnia 24. Sierpnia. Przez Wawrzynca Chlebowskiego smutnym Wierszem opisany. Krakow, 1625, s. 11, 17; [Wespazjan Kochowski]. Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV. Climacter primus. Scriptorum Vespasianio a Kochow Kochowski. Cracow, 1683, p. 371.

9. Goffman D. The Ottoman Empire and Early Modern Europe. Cambridge, 2004, p. 111; Kenneth M. Setton. Lutheranism and the Turkish Peril // "Balkan Studies". Vol. 3, № 1, 1962, p. 136–165.

10. Jasiński A. A Savage Magnificence.

11. Dziubiński A. Poturczyńcy polscy: przyczynek do historii nawróceń na islam w XVI–XVIII w. // "Kwartalnik Historyczny". 1995 (r. 102), № 1, s. 19–37.

University, who simultaneously attacked those Poles — actually the noblemen — who were following the “Lutheran heresy” and wearing oriental attire¹².

Szymon Starowolski (1588–1656), a Polish intellectual and Catholic priest, condemned the nobility for the excessive consumption of western and oriental commodities. He also noted the role played by the Armenian merchants in the oriental trade: “*This nation [the Armenians] gladly dwell in the Kingdom of Poland on account of their avarice, and they provide us with various commodities, partly from Persia, partly from the Turkish Kingdom, and also especially horses of good stock*”¹³.

As bishop Piotr Gembicki (1585–1657), chancellor of Poland, pointed out in his instruction to the Polish ambassador sent to the sultan in 1640: “*It is impractical for our Commonwealth to have our [permanent] representative [in Istanbul, as Western nations did]. Though there are several Armenian carts going to Turkey, they did more harm to the Commonwealth, than use*”¹⁴.

Outflow of money from Poland to the Ottoman Empire

The evident misbalance in the oriental trade and outflow of money from Poland to the Ottoman Empire was another dividing issue. In April 1598 Polish Sejm imposed special 2 % toll on the cash or bullion export from Poland to Moldavia¹⁵, which was a transit area for the merchants going to the markets of the Ottoman Empire. In the Polish–Ottoman treaty of August 4, 1598, the sultan’s *firman* was mentioned, that guaranteed on behalf of Murad III not to impose customs duties in cash (*kuruş gümrüğü*) on the goods, which Polish merchants would export from Poland to the Ottoman domains¹⁶. Because of the evident contradiction between those two acts, in 1601 the Sejm canceled the 2 % toll¹⁷. In 1618 the toll was imposed again. This time it had to be collected only from the Armenian merchants exporting the cash through the Polish–Moldavian border as it becomes clear from the Sejm calculations of 1631 with such an entry: “*From collecting the toll from the money transferred by Armenians from the Kingdom through the borders of Moldavia and Trans-Carpathian Walachia*”¹⁸. In the list of ordinary state revenues, mentioned in the memoirs of Polish nobleman Jakub Michałowski (1612–1663) in 1649, the toll is called “*Armenian toll from [exported] money*” (*Myto Ormiańskie od pieniędzy*)¹⁹. In 1633 Sejm granted remission of the toll to the merchants of Kamianiec-Podilski and Sniatyn — with Armenian communities in both cities. In accordance with the royal decree of 1634, the Armenian merchants of Lviv got the same privilege but it was not confirmed by the Sejm²⁰. Thus, the Armenians of Lviv were only payers of the toll.

Polish ambassadors did not consider the outflow of silver bullion from Poland to the Ottoman Empire to be harmful for the Polish economy. At the sultan’s court they

12. *Vigilantii Gregorii Samboritani Russi*. Censtochova. Cracow, 1568; *Grzegorz z Sambora*. Częstochowa. Poemat wydany w 1568 r. u Siebeneychera / Z języka łacińskiego na polski przełożył W. Stroka. Kraków, 1896. Quoted from: *Stopka Krz. Między Samborem a Częstochową. Oratorskie peregrynacje XVI—wiecznego akademika krakowskiego // “Alma Mater”* (Miesięcznik Uniwersytetu Jagiellońskiego). 2007, № 94, s. 28

13. *Starovolsci* S. Polonia, nunc denuo recognita et aucta. Accesserunt tabulae geographicae et index rerum locupletissimus. Wolfenbuttel, 1656, p. 41.

14. Quoted from: Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640 roku / Ed.: A. Przyboś. Kraków, 1985, s. 175.

15. *Dziubiński* A. Na szlakach Orientu. Handel między Polską a imperium Osmańskim w XVI–XVII wieku. Wrocław, 1998, p. 54.

16. *Kołodziejczyk* D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th—18th Century): An Annotated Edition of “Ahdnames and Other Documents”. Leiden, 2000, p. 323.

17. *Dziubiński* A. Na szlakach Orientu, s. 54.

18. *Świtalski* Z. Clo od pieniędzy wywożonych za granicę Rzeczypospolitej w latach 1598–1659 // “Przegląd Historyczny”. Vol. 51, № 1, 1960, s. 25–26.

19. *Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza*. Kraków, 1864, s. 484.

20. *Świtalski* Z. Clo od pieniędzy wywożonych za granicę Rzeczypospolitej w latach 1598–1659, s. 27.

insistently defended the Polish merchants' toll exemption from the cash. Quite the reverse, the Catholic clergymen argued for protective measures to reduce the import and to stop the outflow of the cash. They readily attacked the extravagant nobility and dexterous trading diasporas. The powerful magnates granted their partner merchants with the letters of free passage. As a rule, in such cases merchants argued that the commodity under question is not their property but property of a magnate, since the aristocracy was officially freed from fees and tolls. As Starowolski pointed out in 1656: "<...> *under this pretext they [the noblemen] help many merchants — locals, as well as foreigners, [including] Italians, Germans, Armenians, Scots, Jews — to evade tolls in exchange for a payoff*"²¹.

Jan-Dymitr Solikowski, the Catholic Archbishop of Lviv²² in 1583–1603, is considered the possible author of an anonymous pamphlet published in 1596 and signed with cryptonym J.S.S.K. Since the pamphlet was addressed to the nobility sitting in the Sejm, Archbishop Solikowski — a second member of the Senate — covered his authorship and entitled the pamphlet as "Vote of a Polish Nobleman". The pamphlet was devoted to the issues of how to boost the state treasury and to defend the Ruthenian lands from the Turkish-Tatar threat. Among other ways the author advised to collect the poll tax from the Jews and to raise the tolls from expensive goods imported by "*Armenians and all other merchants*" or to ban their import. The author blamed the unnecessary consumption "*unknown to our ancestors*" that caused outflow of money from Poland to Italy for silk fabrics, to Turkey for malmsey wine, carpets, horses and morocco leather, and to other countries. The ban on imports would stop the outflow of cash, therefore providing financial sources to pay the army, and finally, this measure "*will unable the enemy of God and ours to enrich himself at the expense of us*"²³.

Protection of the trading diasporas by the king and magnates not only raised the ire of Catholic clergymen but of those who competed with the non-Catholic merchants in the marketplace, particularly the Catholic burghers. Armenians and Jews, who settled in the cities of late medieval Poland, were not treated as citizens. Not all Polish towns permitted Jewish settlement within town walls while Armenian communities existed only in two royal cities — Lviv and Kamianec-Podilski. In the central intramural part of the city, there were special streets for the Armenians, the Orthodox Ruthenians, and the Jews. Economic opportunities of the "*heretics*" and Jews were also restricted. They were not admitted into the artisan guilds. The trade in many goods was prohibited or restricted for Armenian and Jewish merchants to the benefit of Catholic ones²⁴.

In the second half of 16th century there was an evident growth of tension in Lviv between the Catholic patricians, who gradually transformed magistrate offices into their hereditary domain, and the Armenian community, caused mainly by economic reasons. Using their capital, accumulated earlier in oriental trade, Armenian as well as Jewish merchants began to take more active part in the local trade of vine, beer, whiskey, as well as in the exporting of timber, potassium, crops, bulls and other agricultural production of the region to the Western Europe. In their complaints to the king the Catholic burghers lamented that Jews and Armenians had become too wealthy and too numerous to drive their Catholic competitors out of the market. The fears of Catholic burghers were summarized by Archbishop Solikowski in his report to the Roman Curia in 1595. He

21. Szymon Starowolski. Reformacja Obyczaiow Polskich. Kraków, 1656, s. 169.

22. Lviv (Ukrainian), Lwów (Polish), Lemberg (German).

23. Votum Szlachcica Polskiego Oyczyznę wiernie miłującego O założeniu skarbu Rzeczypospolitey y o obronie kraioiw Ruskich Napisane od Authora Roku 1589 A teraz między ludzie podane. Kraków, 1596, s. 32.

24. Charewiczowa Ł. Ograniczenia gospodarcze nacji schizmatyckich i Żydów we Lwowie XV i XVI wieku. Lwów, 1925.

pointed out that the Armenians of Lviv by virtue of their “*dexterity, wealth and power*” had partly occupied the city and seized almost all commerce from the Catholic burghers²⁵.

In 1578, a trial was held in Lviv in the presence of King Stefan Batory (1576–1586), who had recently ascended the throne. The Armenians stated that they were citizens of Lviv and their ancestors were not been restricted in their rights. In confirmation of their words, they showed the king old charters they had received from his predecessors. The representatives of the city magistrate stated that: “*Armenians are not equal [to them] because of the difference in languages and religions*”²⁶; that is, they were not citizens of Lviv but “*strangers*” and “*heretics*”. Thus, the ethno-cultural xenophobic arguments were employed by the magistrate.

The anti-Armenian rhetoric culminated in the works of Sebastian Petrycy/Petrici (1554–1626), a Professor of the Academy of Kraków, who spent ten years (1591–1601) in Lviv. In 1605, Petrycy published his Polish translation of Aristotle’s *Politics*. In his comments, a brief but very aggressive invective was dedicated to the Polish Armenians²⁷. An anti-Armenian pamphlet was also attached to some copies of the book²⁸. Petrycy accused Armenian merchants in destructing the Polish economy by importing expensive luxury goods and outsourcing money from Poland to the inimical Turkey. Commercial privileges granted to the Armenian merchants in the Ottoman Empire were interpreted by Petrycy as one more sign of their hidden cooperation with the Turks. He brought to light that the Armenians were secretly forging their separate Commonwealth in Poland while winding into aristocracy’s favor. According to Petrycy, the Armenians had arrived to Poland “*as needy resellers/profiteers, from distant lands, from Turkey*” but later they went beyond the social and spatial limits prescribed to them by the city magistrate.

Petrycy’s arguments were repeated by the nobleman Wojciech Gostkowski in his 1622 treatise “*An Inquiry into the Excise of his Royal Majesty and of the Commonwealth*”²⁹, dedicated to the reform of tax administration. Gostkowski added that the Armenians of Lviv had their particular religion, law-court and separate “*public treasury*”. He condemned Armenian, Jewish and Scottish merchants for economic decline of the Polish townspeople and for espionage. As a solution to the issue, Gostkowski proposed to confiscate their property and expel them from the Kingdom³⁰.

Jan Andrzej Próchnicki, Lviv Catholic Archbishop in 1614–1633, readily supported the burghers’ anti-Armenian claims. In his 1622 report addressed to the *Congregatio de Propaganda Fide* in Rome he clearly juxtaposed Catholic and Armenian merchants as doing, respectively, fair and unfair trade, however, giving no examples: “*Only our Catholic circumspection does not allow them [the Armenians] to trade by deception and fraud, to buy by falsity and to gain profit by destroying their soul. For our Catholics also doing their trade, but they keep safe their conscience, and don’t suffer of losses*”³¹.

The Archbishop Solikowski in his “Short History of Poland” dated to 1647 described the aforementioned litigation of 1578 between the Armenians of Lviv and the city magistrate. He revealed the frustration the Catholics experienced because of the royal decree

25. Relacja J. D. Solikowskiego z 1595 r. // Relacje arcybiskupów lwowskich 1595–1794 / Ed. X. Teofil Długosz. Lwów, 1937, s. 29.

26. Pryvilei natsionalnyh hromad mista Lvova (XIV–XVIII st.) / Ed. M. Kapral. Lviv, 2000, s. 298–299.

27. *Sebastian Petrici*. Polityki Aristotelesowej, to iest rządu Rzeczypospolitey z dokładem ksiąg osmiuro. Kraków, 1605, s. 14.

28. *Ibid.*, s. cxxix–cxxxiii (“Iesli Zydowie więcy podayzani y gorszy są Rzeczypospo: nizli Ormianie”).

29. *Wojciech Gostkowski*. Detectio accessy skarbu Króla J. Msci y Rzeczypospolitey. O czym radzie in publico. Rycerstwu koronnemu do uważania podana. 1602.

30. Bibliografia 1622 pisma Wojciecha Gostkowskiego // “Dzwon Duchowny. Literacki. Pismo zbiorowe”. Oddział II. Tom II. Warszawa, 1853, s. 204–207.

31. *Litterae Episcoporum historiam Ucrainae illustrantes (1600–1900)*, i (1600–1640). Roma, 1972, p. 87–89.

favorable for the Armenians: this time Fortuna smiled to the Armenians, because the king granted them equal rights with other citizens of Lviv. Many criticized the king for not being preoccupied with defending the rights of the city natives, linking this with the fact that he was a foreigner himself, with his own benefit, or with his favor to those who protected the interests of the Armenians³².

Undoubtedly, when mentioning the powerful protectors of the Armenians, Solikowski hinted at Jan Zamoyski, the Chancellor in 1578–1605, who was the main advisor of the king and who settled Armenians, as well as Jews, Greeks and Scots in his private town of Zamość in 1585 and granted them privilege³³.

Armenian merchants were protected by the aristocracy who employed them for commercial purposes as well as for diplomatic services. The noble authors — Otwinowski³⁴, Twardowski³⁵, Koniecpolski³⁶ and particularly Miaskowski³⁷ have mentioned numerous services provided by the Armenian merchants acting as interpreters (also responsible for arrangement of the ambassadors' meetings with the Grand Vizier), envoys, letter deliverers between the embassy and royal court, guides in the Ottoman domains and Moldavia, defenders of the embassy train from thieves. In contrast, the Polish Catholic clergy sometimes assumed that Armenian merchants and clerics might be the sultan's infiltrators.

The Ottoman infiltrators?

The rapidly growing anti-Ottoman sentiment in 1590s, enthusiastically fueled by the pro-Habsburg Catholic camp, was accompanied by spiraling irritation against the suspect domestic outsiders. Archbishop Solikowski wrote that all the restrictions imposed on the Armenians of Lviv by the previous kings were necessary to prevent the transformation of their economic power into social one. From Solikowski's point of view, the Armenians were too rich and too suspicious due to the close commercial ties they had in the Ottoman domains and their repeated trips there *"because of the exceeding wealth of the Armenians, frequently negotiating with the Turks with whom they spoke the same language, [the granting them] equal rights with the Catholic citizens would soon give them the opportunity to dominate and to rule over the entire city, transforming it from the Catholic into heretical one — and that would be very dangerous for the Kingdom"*³⁸.

The exaggerated danger of turning *"the Catholic city"* into *"heretical one"*, allegedly caused by the commercial trips of the local Armenian merchants to the Ottoman domains, also reflected more general context of the epoch when "others" living among "us" were frequently attached to the fears of approaching Turkish army.

32. *Ioannis Demetrii Solicovii*. Commentarius brevis rerum Polonicarum a morte Sigismundi Augusti. Dantisci, 1647, p. 108.

33. *Zakrzewska-Dubasowa M.* Ormianie Zamojscy i ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polską a Wschodem. Lublin, 1965, s. 266–272.

34. *Erasm Otwinowski*. Wypisanie drogi tureckiej, gdym tam z posłem wielkim wielmożnym panem Andrzejem Bzickim, kasztelanem chełmskim, od króla Zygmunta Augusta posłanym roku pańskiego 1557 jeździł // Podróże i poselstwa polskie do Turcyi a mianowicie; podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Taranowskiego komornika j.k.m. 1569, i poselstwo Piotra Zborowskiego 1568 / Ed. I. Kraszewski. Kraków, 1860, s. 29, 31–38.

35. *Samuel Twardowski*. Przeważna legacja, Jaśnie Oświeconego Książęcia Krzysztofa Zbaraskiego [...] do [...] Cesarza tureckiego Mustafy w roku 1621. Kraków, 1639, s. 58, 61.

36. *Korespondencja Stanisława Koniecpolskiego hetmana wielkiego koronnego 1632–1646* / Oprac. A. Biedrzycka. Kraków, 2005, s. 360, 374.

37. *Relacja tejże legacji tureckiej Wojciecha Miastkowskiego podkomorzego lwowskiego, posła wielkiego do Amurata i Ibraima cesarzów ottomańskich // Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640 r.* / Ed. A. Przyboś. Warsaw—Kraków, 1985, s. 87, 92, 97, 101.

38. *Ioannis Demetrii Solicovii*. Commentarius brevis rerum Polonicarum a morte Sigismundi Augusti, p. 108.

Józef Wereszczyński, a Catholic Bishop of Kiev, known for his appeals for a war against the Turks and Tatars (*Ekscytarz*, 1592; *Pobudka*, 1594; *Votum*, 1597), in his message (*Publika*, 1594) to the regional assemblies of Polish noblemen (*sejmiki*) proposed to establish in Ukraine a military academy and detachment based on the rules of the Order of Malta to defend this borderland from the Turks, Tatars and Muscovites. Among other sources of funding for these two units, he proposed to use poll tax levied on Jews, Armenians, and Gypsies: a gold coin per capita³⁹. To those noblemen who would try to save Jews from this tax, Wereszczyński reminded that the Jews were “*enemies of God and of us*”⁴⁰. The same author claimed that the Armenians, Jews and Gypsies “*are taking away the secrets and all deals of the Polish kingdom to the foreign nations*”⁴¹.

The economic and social advance of the trading diasporas caused anxiety among the Catholic patricians about the social disorder and they stood in line to discredit the Armenians in the eyes of the king and the noblemen by pointing to an imaginary cooperation between them and the Turks/Tatars.

These fabrications contrasted sharply with the nobility’s perception of the Armenians’ engagement in the dramatic events of mid-seventeenth century. Wespazjan Kochowski wrote on the Armenian merchant Romaszkiewicz who organized the escape of Mikołaj Potocki, son of the hetman Potocki, from Crimea but was himself detained by the Tatars and continued to remain in prison in 1654⁴². Stanisław Makowiecki in his first-hand poetic account of the Ottoman siege of Kamianec in 1672 several times noted the heroic deeds of local Armenians⁴³.

Conclusion

The Polish noblemen ordinarily described Armenian trade as a positive phenomenon since the Armenian merchants supplied them with oriental commodities, they needed to affirm their Sarmatian identity and thereby to reinforce the republican values.

Polish kings and nobility also benefited from the commercial and diplomatic services provided by the Armenian merchants. After the end of Jagiellonian dynasty in 1572 and decline of the king’s power, the Armenian merchants gradually established more close ties with the aristocrats as their new protectors and business partners. Polish aristocrats invited foreign merchants, including the Armenians, to their private towns and granted them many privileges. Thus, by the 1670s, a dozen of new Armenian communities had formed in their domains.

The 1590s can be defined as a dividing line in the Polish Catholic clergy’s perception of the Armenians. Before 1590s, Armenians were mostly attributed to the sphere of missionary activity. They were not attached to the criticism of the oriental luxury and warnings of the Ottoman threat. In the discourses on the Armenians, constructed in 1590s and later by Wereszczyński, Solikowski, Próchnicki, Gembicki and Starowolski, the main attention was given to the Armenian merchants, their commercial trips and outflow of silver to the Ottoman lands as well as to the expansion of oriental fashion allegedly causing the moral decline of Polish nobility and misbalancing Polish economy.

39. [Józef Wereszczyński]. *Publika* Księdza Jozepha Wereszczyńskiego [...] na Sejmiki przez list objaśniona tak z strony fundowania Szkoły Rycerskiej synom Koronnym na Ukrainie iako też Krzyżaków według Reguły Malteńskiej [...]. Kraków, 1594, s. 20, 22, 29.

40. *Ibid.*, s. 30–31.

41. *Ibid.*, s. 32.

42. *Wespazjan Kochowski*. *Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV Climacter primus*. Kraków, 1683, s. 443.

43. *Stanisław Makowiecki*. *Relacja Kamieńca wziętego przez Turków w roku 1672* / Oprac. P. Borek. Kraków, 2008, s. 70, 71, 98, 105.

These Catholic hierarchs did not mention the “*Armenian heresy*” because their writings were addressed to Polish nobility in order to influence its foreign policy, economic model and to denounce its partnership with trading diasporas.

In accordance with Catholic burghers’ logic, in the second half of 16th century the trading diasporas — Armenian, Jewish and Scottish — went beyond their economic niches and became competitors of the Catholic townspeople. The ‘Price revolution’ could be seen among the reasons of the xenophobia rise from the late 16th century. During the period from 1555 to 1575, the increase in prices constituted 265 %, and in 1590s — 627 %. Growing demand for food in the Western Europe caused an increase in export of the agriculture products from Poland, therefore provoking rise of prices in Polish market, particularly considerable in 1590s and 1600s. And the burghers were affected by the extortionate prices much more than any other social group. The industrious Armenian, Jewish and Scottish merchants were deeply involved in this trade and, therefore, blamed by the contemporaries for the growth of prices. Since the Armenians were employed and protected by the nobility, the Catholic patricians and intellectuals in their writings provided the rhetorically constructed “*Armenians*” with many negative features — realistic and imagined — in order to convince the decision-making of political elite.

Резюме

Александр Осипян,

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник.
Свободный университет Берлина

Армянская диаспора в Польском королевстве раннего Нового времени: отношение польской шляхты, католического духовенства и мещан

В статье рассматривается отношение трех сословий общества Польского королевства к армянам, а именно — шляхты (дворян), католического духовенства и мещан. На основании анализа политических памфлетов, произведений исторического жанра, дневников, деловой корреспонденции и прочих нарративных источников сделан вывод о том, что отношение к диаспоре армян определялось тремя публичными дискурсами, формировавшими политическую повестку в Польском королевстве в XVI–XVII веках:

1. «сарматизмом» и связанными с ним представлениями о политических свободах шляхтичей и ограничениях власти монарха;
2. меркантилизмом и опасениями по поводу дисбаланса во внешней торговле, роста цен на внутреннем рынке и оттока серебра в Османскую империю;
3. османской военной угрозой, усилившейся с конца XVI века.

Шляхтичи, считавшие себя потомками древних сарматов, предпочитали одежду, оружие и коней, доставленных из Османской империи и Персии. В силу этого шляхта весьма благосклонно относилась к армянскому купечеству, поставлявшему восточные товары на польский рынок. Католические иерархи, интеллектуалы и городская верхушка (патрициат) же, наоборот, критиковали шляхтичей за тягу к чрезмерной роскоши, равно как и армянских купцов, зарабатывавших состояния на поставках дорогих восточных тканей, ковров, оружия и породистых скакунов.

Духовенство и мещане были недовольны наплывом восточных товаров, приводившим не только к оттоку серебряных монет из Польши в Османскую империю, но и к «моральному упадку» шляхты и ослаблению Польши перед лицом возможной военной конфронтации с османами. Некоторые католические иерархи вообще рассматривали армянских купцов как османских лазутчиков, поскольку те в османских владениях пользовались привилегиями, дарованными султаном.

Все три сословия воспринимали армянскую диаспору прежде всего как профессиональную корпорацию, занятую торговлей с Востоком, а не как этническую или религиозную общину.

Драгоманы-армяне Речи Посполитой в Персии

Гагик Погосян (Хахбакян),

редактор научно-аналитического журнала «Регион и мир», Общественный институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона; глава гильдии ученых Клуба морских исследований «Айас» (Ереван)

Возникновение в малоазийском пространстве «затора» в лице турок-сельджуков, а затем расширение ими контролируемых территорий привели к разрушению устоявшегося между Западом и Востоком торгово-экономического сообщения. Последующее проникновение османов в Европу и активное продвижение в этом направлении подтолкнули европейские державы к поискам союзников. В начале XVII века благодаря успешным боевым действиям по изгнанию османов с берегов Каспия таким союзником стал правитель Персии — шах Аббас I. После его прихода к власти в Европе уже не осталось страны, которая не желала бы наладить контакт с Персией, и Речь Посполитая была в первых рядах таких стран. Примечателен факт привлечения в этих целях армян в качестве драгоманов со стороны европейской держав, в частности польской короны.

Согласно Юзефу Эпифани Минасовичу: «Дрохман или Дрогоман, или как называют другие *Terzutan*, (произошло, я думаю, от французского слова: *Truchement*) на польском языке означает Переводчик»¹. Похожее объяснение слова «драгоман» содержится и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, с той лишь разницей, что его происхождение выводится от арабского «*тарджуман*» — «переводчик»². Однако слово это, именно в предложенном значении, имеет гораздо более древние корни. В армянском языке, который значительно древнее арабского, слово «переводчик» звучит как «*таргманич*» (րարգմանիչ, *targmanich*). Его в форме «*таргумани*» и в аналогичном значении встречаем намного раньше — в клинописных текстах из Каниша, написанных на глиняных табличках и относящихся к XX–XIX векам до нашей эры³. Кроме того, слово поразительным образом созвучно с именем Торгома (Թորգոմ, *Torgom*) — одного из прародителей армян, являвшегося внуком Яфета и правнуком Ноя. Старший сын Торгома, родоначальник армян Гайк (Հայկ, *Haik*), во время строительства Вавилонской башни уводит свой «народ Торгомов» (читай «народ переводчиков». — Г. П.), что и приводит к смешению языков.

Чтобы у читателя не сложилось неверное представление о драгоманах, как исключительно о переводчиках, заметим, что должность эта предполагала не только знание языков, но и наличие в значительной степени посреднических качеств, обладание дипломатическими навыками и чутьем. Армяне, как никто лучше, подходили под эти критерии.

1. [Muratowicz Sefer]. Relacya Sefera Muratowicza obywatela warszawskiego od Zygmunta III, Krola Polskiego, dla sprawowania rzeczy wyslanego do Persji w roku 1602. Warszawa, 1777, s. 13.

2. Драгоман // Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Том XI (21). СПб., 1893, с. 91.

3. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть II: Передняя Азия. Египет / Под ред. чл.-кор. АН СССР Г. М. Бонгарда-Левина. Москва, 1988, с. 46.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько имен драгоманов армянского происхождения, которые на протяжении более ста лет, с 1630-х по 1740-е годы, представляли Речь Посполитую в Персии. При этом укажем время и цель их миссии, при возможности — маршрут движения, а в некоторых случаях даже любопытные факты и события, произошедшие при выполнении миссии.

1. Сефер Муратович (польск. Sefer Muratowicz) — купец-армянин, родился в Карахисаре⁴ во второй половине XVI века, умер после 1631 года (илл. 1). По предположению польского историка Сигизмунда Абрахамовича, которое пока не нашло подтверждения, Сефер родился в самом конце 1570-х годов, в период Турецко-персидской войны 1578–1590 годов⁵. В 1597 году он прибыл в Речь Посполитую по торговому пути из Кафы (ныне Феодосия в Крыму) во Львов и был зарегистрирован здесь как «*турецкий армянин*» (*Armenus turcicus*)⁶, что, безусловно, свидетельствует о его происхождении из Османской империи. Однако категоричная идентификация польскими исследователями населенного пункта Карахисар с нынешним городом Афьон-Карахисар, или Шапин Гарахисар⁷, необусловлена, поскольку в Западной Армении, находившейся под властью Османской империи, насчитывалось как минимум пять населенных пунктов с таким названием⁸.

В 1598 году Сефер Муратович по коммерческим делам возвращается в Турцию, но уже в качестве агента львовских армянских купцов Мурата Керимовича и Норбега Поповича. Он продолжает работать на этих выдающихся торговцев до смерти Керимовича в 1599 году, а спустя год, сопровождая посольскую миссию, он вновь приезжает в Речь Посполитую⁹.

В 1601 году Сефер Муратович в качестве главы торговой миссии короля Сигизмунда III Ваза отправляется в Персию ко двору шаха Аббаса I. Официальным поводом миссии было приобретение сабель, ковров, поясов и иных восточных украшений для королевского замка в Варшаве. Основной же целью делегации было склонить шаха к переговорам по созданию антиосманского союза.

Выехав из Варшавы во Львов, затем направившись по Дунаю к Черному морю, миссия в конце мая 1602 года перебралась на противоположный берег и прибыла в Трапезунд. Отсюда, проехав по маршруту Эрзерум—Карс—Ереван—Нахиджеван и у города Джуга (Джюльфа) переправившись через реку Аракс, она последовала по маршруту Тавриз—Казвин—Кашан и прибыла в новую столицу Персии—Исфахан (илл. 2). Путешествие длилось 158 дней. На обратный путь понадобилось 155 дней.

4. Карахисар (арм. Կարահիսար): 1) гавар (район) в области Себастья исторической Малой Армении, получивший название от одноименного города; позже как город, так и гавар были известны как Шапин Гарахисар (арм. Շափին Գարահիսար); 2) село в гаваре Шапин Гарахисар, в 8 км к юго-востоку от города Шапин Гарахисар; 3) село в Западной Армении, в гаваре Эрзерум одноименной области, на берегу Евфрата; 4) село в Западной Армении, в гаваре Дертсим области Харберд, на правом берегу реки Арацани; 5) село в Киликии в области Караман (см.: Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան: 4 հատորով / Հայգի . Ք. Խ. Նախըրյան, Ստ. Տ. Մելիք-Բախշյան, 2. Խ. Բարսեղյան. Չառ. 3. Երևան, 1991, էջ 13).

Некоторые польские историки категорично локализируют Карахисар в Персии, и их мнение нашло отражение в энциклопедическом интернет-ресурсе польских армян (см.: Sefer Muratowicz / Wiki.Ormanian—wolna encyklopedia Ormanian w Polsce [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wiki.ormianie.pl/index.php?title=Sefer_Muratowicz. Дата доступа: 02.05.2021).

5. Polski Słownik Biograficzny. T. XXII. Wrocław, 1977, s. 269–270.

6. *Mañkowski T.* Sztuka islamu w Polsce w XVII i XVIII wieku z 40 tablicami. Kraków, 1935, s. 23.

7. См.: Sefer Muratowicz / Wiki.Ormanian—wolna encyklopedia Ormanian w Polsce.

8. См.: Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան. Չառ. 3, էջ 13:

9. *Mañkowski T.* Wyprawa Po Kobicierze do Persji w Roku 1601. Kraków, 1951, s. 184–185.

По возвращении в Краков 12 августа 1602 года Сефер Муратович представил королевскому двору счет: за купленные предметы—876 талеров, дорожные расходы—324 талера: всего 1200 талеров¹⁰.

Отчет Сефера Муратовича о путешествии, до 1745 года хранившийся в рукописи, был издан Казимиром Несяловским в виде дневника под названием «*Relacya Sefera Muratowicza Ormianina, poslanego króla Jmci do Persyi, z którą wróciwszy się stamtąd podał na piśmie: w te słowa Annó 1588 circiter*»¹¹. В заглавии странным образом красовался 1588 год. Кроме того, дневник не был снабжен какими-либо примечаниями. Они появились позже, в отдельном издании 1777 года, вышедшем под редакцией известного варшавского армянина Юзефа Эпифани Минасовича¹² и названном «*Relacja Sefera Muratowicza, obywatela warszawskiego, od Zygmunta III, kryla polskiego, wyslanego dla kupna w Persji 1602 r.*» (илл. 3). Издание состояло из двух частей: самой реляции (описания) и сообщения о приезде московского посла к персидскому шаху¹³. Работа вызвала интерес и была переиздана там же, в Варшаве, в 1807 году, с той лишь разницей, что количество страниц увеличилось на пять¹⁴.

В 1842 году действительный статский советник А. И. Тургенев во втором томе сборника исторических актов, относящихся к России, поместил вторую часть издания 1777 года под заглавием «*О приезде Московского посла к Шаху Персидскому в 1600 г. Сказание Шафера Армянина, посланного Королем Польским в Персию, и слышавшего то от Тахмас Бега Визиря*»¹⁵.

В 1846 году историк, археолог и библиограф Фридрих (Федор Павлович) Аделунг во втором томе сборника «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений», вышедшего на немецком языке, под 44-м номером поместил сообщение о предыдущих изданиях реляции Сефера Муратовича¹⁶. В 1864 году этот материал вышел в том же сборнике, уже переведенном на русский язык¹⁷.

10. *Półczyński M.* The Relacya of Sefer Muratowicz: 1601–1602 private royal envoy of Sigismund III Vasa to Shah 'Abbas I / "Turkish Historical Review". Vol. 5. Issue 1 (30 April, 2014), p. 18–20.

11. [*Niesiolowski K. I.*]. Otia Domestica, per velocem Aquilam et celerem Equitem, dignissimorum nominum Triadi, idq; Celsissimo Principi Michaeli Radivillio, Supremo Exercituum Magni Ducatus Lithuaniae Ducis, Palatino Vilenensi, Czluchoviensi etc. etc. Capitaneo, Celsissimo Principi Michaeli in Klewan Czaratoryiski, Procancellario Magni Ducatus Lithuaniae, Homolensi, Iuborensi etc. etc. Capitaneo, Illustrissimo Excellentissimo Domino D. Georgio Dettlof Comiti Fleming, Thesaurario Magni Ducatus Lithuaniae, Szereszoviensi etc. etc. Capitaneo praesentata, atq; ab addictissimo nomini et honori Senatore dedicata. Annó Domini 1745. Pińsk, 1752, p. 272–291.

12. Минасович Юзеф Эпифани (арм. Մինասովիչ Զեֆեֆ Էպիֆանի, польск. Minasowicz Józef Epifani; 7.04.1718 г., Варшава—15.10.1796 г., Варшава)—поэт, литератор, переводчик. Окончил школу Иезуитов в Варшаве, университет в Кракове, получив степень доктора юриспруденции. Редактор журнала "Monitor" (1769–1773 гг., 1778–1781 гг.). На польский язык переводил с французского, латыни и греческого. Удостоен титула королевского секретаря. Киевским епископом Юзефом Залусским произведен в сан каноника Киевского кафедрального собора. Похоронен в склепе, на варшавском кладбище в Повонзках.

13. [*Muratowicz Sefer*]. Relacya Sefera Muratowicza obywatela warszawskiego od Zygmunta III, Krola Polskiego, dla sprawowania rzeczy wyslanego do Persji w roku 1602. 35 s.

14. [*Muratowicz Sefer*]. Relacya Sefera Muratowicza obywatela warszawskiego od Zygmunta III, Krola Polskiego, dla sprawowania rzeczy wyslanego do Persji w roku 1602. Warszawa, 1807. 40 s.

15. [*Тургенев А. И.*]. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек Д. Ст. Сов. (ныне Тайн. Сов.) А. И. Тургеневым. Том II. СПб., 1842, с. 50–52.

16. [*Adelung F.*]. Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, von Friedrich v. Adelung. Band II. St. Petersburg, 1846, s. 284–285.

17. [*Аделунг Ф. И.*]. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга, увенчанное большою Демидовскою наградою / Перев. с немецкого Александра Клесанова. Часть II. Москва, 1864, с. 170.

2. Августин Персидский (польск. Persa Augustyn, лат. Augustinus Pacensis) — священник-доминиканец, армянин. Дата рождения неизвестна. Вступил в орден доминиканцев в Кракове в 1613 году. Умер 16 апреля 1653 года¹⁸.

Опорой миссионерской деятельности Католической церкви на Востоке, в том числе и на территории Исторической Армении, сначала были францисканцы¹⁹, затем доминиканцы²⁰. В Восточной Армении, находившейся под властью Персии, центром францисканцев стал монастырь Святой Богородицы Цорцора (Մրժրժրի լիւթ) в гаваре Артаз. В распоряжении доминиканцев же был монастырь Крна (Բրնիւշի լիւթ)²² в гаваре Ернджак. Надо отметить, что несколько армянских населенных пунктов в Нахиджеванском крае приняли католичество. В гаваре Нахиджеван таковым был город Нахиджеван; в гаваре Ернджак — поселения Апаранер, Апракунис, Хошкашен, Салитах, Крна; в гаваре Гохтн — Гандзак; в гаваре Джаук — Джаук, Шахапоник, Гарагуш²³.

Означенная католическая епархия именовалась «Нахиджеванской». Глава епархии избирался паствой и утверждался в Риме. Надо отметить, что большинство глав-архиепископов были армяне, зачастую местные. Так, в 1620 году, после смерти семнадцатого главы Нахиджеванского архиепископства — отца Матевоса Эразмского (лат. Matthaеus Erasmus), армянская община избрала в качестве нового предстоятеля паствы отца Августина, который отправился в Рим для подтверждения, освящения и посвящения. Однако прибыв в Рим, он был уведомлен, что папа Павел V (1605–1621 гг.) главой Нахиджеванской епархии уже назначил архиепископа города Мира²⁴ — отца Поля Марию Четадини (лат. Paulus Maria Citadinus). Спустя некоторое время отец Августин был рукоположен в епископы

18. [Nowowiejski, Felicyan D.]. Phoenix decoris et ornamenti Provinciae Poloniae S. ord. Praedicatorum D. Hyacinthus Odrovansius redivivus. In Magnanimis Viris, Sanctitate Vitae, Scientia & Eruditione, Cultus Divini zolositima Promotione, Vestigiis ejus inhaerentibus, pro Decore ac Ornamento Provinciae, Postteris demum, ad imitandum, quam diutissime superstibus, in Viva. Posnaniae, 1752, p. 167; [Xiądz Sadok Barącz]. Żywoty sławnych Ormian w Polsce. Lwow, 1856, s. 257–258.

19. Монахи нищенствующего ордена, основанного Франциском Ассизским в Италии в 1207–1209 годах с целью проповеди в народе бедности, аскетизма, любви к ближнему и пр. Утвержден папой Гонорием III в 1223 году. Наряду с доминиканцами, францисканцы осуществляли функции инквизиции. В 1256 году папство предоставило им право преподавать в университетах.

20. Монахи нищенствующего ордена, основанного испанским монахом Домиником в 1215 году для борьбы с еретиками. Утвержден папой Гонорием III в 1216 году. С 1227 года доминиканцы получили право повсеместной проповеди и исповеди. В 1232 году папство в их руки передало инквизицию. В 1318 году по решению папы Иоанна XXII доминиканцы в удел получили весь Восток для расширения сферы влияния Римской церкви, став главной опорой папства в его претенциозных планах, часто приводивших к столкновениям с местной светской и церковной властями. С XIII века они развернули широкую миссионерскую деятельность, основав множество монастырей в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, на территории Армянского нагорья, в Персии, Китае и других местах. Со временем доминиканцы основали собственные учебные заведения, завладели богословскими кафедрами в университетах Парижа, Падуи, Праги и так далее.

21. Монастырь Цорцора, или Цорцорский монастырь Святой Богородицы, находился близ Маку, в гаваре Артаз. Основан в конце XIII века епископом Закарией. В первой половине XIV века стал видным центром письменности. В монастыре действовала высшая школа, создавались книги. В тот же период он стал известным центром униатского движения. Францисканцы Ованэс Ерынкаци, вардапет Исраэл, фра Понциус развернули здесь активную научно-переводческую деятельность.

22. Армяно-доминиканский монастырь Святой Богородицы в поселении Крна, в гаваре Ернджак, основан в 1330 году Ованэсом Крнеци — учеником Есаи Нчеци, известного ученого из Гладзорского университета. В монастыре Крна была организована школа высшего типа, явно в противовес Гладзору. Однако научная деятельность этого духовного центра после смерти Петра Арагонского в 1347 году и Ованэса Крнеци в 1348 году стала угасать.

23. *Погосян (Хахбакян) Г. Г.* Культурно-историческое наследие Армении: Нахиджеванский край. (Некоторые вопросы истории и архитектуры со времен Ванского царства до XVII в.) / Ред. Г. С. Асатрян, С. А. Маркрян. Ереван, 2013, с. 111–112.

24. Ныне на территории Беларуси.

папой Григорием XV (1621–1623 гг.) и послан на замену Полю Марии Четадини, став вторым и последним архиепископом Мирским. В 1631 году, лишь после смерти Четадини (1627 г.), папа Урбан VIII (1623–1644 гг.) отправил Августина на родину. Став девятнадцатым архиепископом Нахиджеванским, он скончался здесь 16 апреля 1653 года²⁵.

Согласно отцу Фелицану Нововойскому и Садоку Барончу, отец Августин в 1637 году исполнил миссию от короля Владислава IV Ваза к шаху Сефи I²⁶.

3. Петр Шиманский (польск. Piotr Szymański)—польский дипломат, армянин. «Армянин Петр Шиманский» был в составе возглавляемого Юрием Гичи польского посольства, прибывшего в Москву в 1647 году. Затем он сам возглавил это же посольство, направившееся в Персию.

За успешное выполнение миссии польский король Ян II Казимир Ваза пожизненно назначил Шиманского главным драгоманом Львова²⁷.

4. Богдан Гурдецкий (Гурдей; польск. Bogdan Gurdziecki)—польский дипломат, армянин, сын Аракела, брат Парсадана. Родился в Гори. Дата рождения неизвестна. На польской службе находился с 1650-х годов. Умер 12 апреля 1700 года в Москве²⁸. Учитывая, что Богдан Гурдецкий родился в Грузии, конкретно в городе Гори, многие исследователи ошибочно считают его грузином.

Из известных нам дипломатических посольств, возглавляемых Гурдецьким, первой была миссия короля Яна II Казимира к шаху Сулейману Сефи II в 1668 году. По некоторым причинам она продлилась до 1675 года. Затем последовало как минимум еще пять таких миссий.

На первом посольстве остановимся более подробно.

После подписания Андрусовского перемирия 20 января 1667 года, завершившего активную фазу Русско-польской войны 1654–1667 годов, польский король Ян II Казимир с согласия русского царя Алексея Михайловича в 1668 году снарядил посольство к персидскому шаху Сулейману Сефи II. Возглавляемое Богданом Гурдецьким посольство в составе 34 человек преследовало следующие цели:

- поздравить шаха Сулеймана Сефи II, взшедшего на трон (1666–1694 гг.);
- уведомить о польско-русском перемирии;
- получить разрешение на расширение привилегий католических миссий на территории Персии;
- ратифицировать коммерческий договор между Россией и «Армянской Ново-Джувльфинской» компанией, заключенный 31 мая 1667 года, при условии, что часть персидского экспорта будет направлена в Польшу;
- создать антитурецкий союз.

25. *Clementis Galani, Surrentini, Clerici Regularis Theologi, & S. Sedis Apostolicæ ad Armenos Missionarij, Historia Armena, Ecclesiastica & Politica, nunc primum in Germania excusa, & ad Exemplar Romanum diligenter expressa.* Anno 1686, p. 500; [*Foniana, Vincentio Maria*]. *Sacrum theatrum Dominicanum. Concinnatum à P. Mag. F. Vincentio Maria Fontana De Melide Nouocomen. Dioec. Ord. Praedicator. Romae, 1666, p. 58, 87; [Bencard, Johann Caspar]. Ephemerides Dominicano-Sacrae, das ist / Heiligkeit und Tugendvoller Geruch / Der auß allen Enden der Welt zusammen getragenen Ehren-Blumen deß Himmlisch-fruchtbaren Lust-Bartens Prediger Ordens. Im Jahr Christi 1691, s. 251 (в переиздании 1692 года (илл. 4).—с. 622).*

26. [*Nowowiejski, Felicjan D.*]. *Phoenix decoris et ornamenti Provinciae Poloniae, p. 167; [Xiadz Sadok Barcz]. Żywoty sławnych Ormian w Polsce, s. 257–258.*

27. Крбежян В. Г. Армяно-русские отношения в XV–XVII веках // «Наири»: сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Вып. 7. Нижний Новгород, 2017, с. 123.

28. Галустян Дж. О. Армяне на дипломатической службе в Речи Посполитой в XVII в. // «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». Ереван, 1971, № 2, с. 257.

Посольство прибыло в Исфахан в конце 1669 года. В результате переговоров шах отказал по части расширения привилегий католических миссий, хотя и разрешил строительство католической церкви в Ереване. Относительно торговли было достигнуто согласие: шах издал фирман, наделявший «Армянскую Ново-Джультфинскую» компанию соответствующими полномочиями. Что касается начала военных действий, шах колебался²⁹.

В июне 1670 года посольство получило разрешение на выезд. В августе оно достигло Шамахи, где вынуждено было задержаться на три года из-за восстания казаков Степана Разина. Увы, каких-либо отчетов посольства не сохранилось.

За это время произошли события, подробно описанные Яном Стрейсом³⁰. Кроме того, дополнительные перекрестные сведения имеются у Фабрициуса³¹, Куберо³² и других. Вследствие заговора нескольких членов делегации из числа знатных шляхтичей Богдан Гурдецкий был ранен, но, устранив основного конкурента, сумел восстановить порядок. Посольство, добравшись до Москвы в 1673 году, вернулось в Польшу в 1676 году³³.

В апреле 1676 года польским королем Яном III Собеским Богдан Гурдецкий вновь был назначен посланником ко двору Сефевидов³⁴. Вернулся он в Польшу в 1678 году, после чего еще неоднократно (1681 г., 1684 г., 1687 г. и т. д.) отправлялся в Персию³⁵.

Последние посещения Персии проходили на фоне Польско-турецкой войны, а точнее — Великой Турецкой войны 1683–1699 годов. Очевидно, что и австрийский император Леопольд I, и польский король Ян III Собеский старались склонить шаха к открытию, так сказать, второго фронта и к вступлению в войну против османов на стороне сформировавшейся в 1684 году «Священной лиги»³⁶. В этот период посольства, естественно, стали более частыми³⁷.

5. Парсадан Гурдецкий (польск. Parsadan Gurdziecki) — польский дипломат, армянин, сын Аракела, брат Богдана. Родился в Гори. Даты рождения и смерти неизвестны³⁸.

Парсадан, как и его брат Богдан, был на службе у польского короля Яна III Собеского и выполнял поручения посольского двора. Первой дипломатической миссией, в которой он участвовал, было посольство Яна II Казимира к шаху

29. *Matthee Rudi*. Gurdziecki Bogdan // Encyclopaedia Iranica / Ed. by Ehsan Yarshater. Vol. XI: GIŌNI–HAREM I. Fasc. 4. London—New York, 2003, p. 403–404.

30. *Стрейс Я. Я.* Три путешествия / Пер. Э. Бородиной, ред. А. Морозова // «Иностранные путешественники о России» / Серия под ред. С. А. Пионтковского. Москва, 1935, с. 247–249.

31. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. Ленинград, 1968, с. 66–67.

32. *[Cubero Sebastián, Pedro]*. Breve Relación, De La Peregrinación Que Ha Hecho De La Mayor Parte Del Mundo don Pedro Cubero Sebastian, Predicador Apostólico del Assia, natural del Reyno de Aragón. Madrid, 1680, p. 206.

33. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 1, д. 18, части 1 и 2.

34. РГАДА. Ф. 77, оп. 1, д. 21.

35. Там же; РГАДА. Ф. 79: Сношения России с Польшей. Оп. 1, д. 221 (илл. 5 и 6); *Matthee R. Gurdziecki Bogdan*, p. 403–404.

36. Священная лига — альянс европейских государств против Османской империи, сложившийся в ходе начавшейся в 1683 году Польско-турецкой войны. Оформлен австро-польским договором в апреле 1683 года. В апреле 1684 года под покровительством папы Иннокентия XI к союзу Священной Римской империи и Речи Посполитой присоединились Венецианская республика и Мальтийский орден. В 1686 году к лиге примкнуло Русское царство. Альянс распался после Карловицкого мира в 1699 году.

37. *Погосян (Хахбакян) Г. Г.* Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I (XV–XVII вв.) / Ред. Г. С. Асатрян, С. А. Маркарян. Ереван, 2013, с. 33–35.

38. *Галустян Дж. О.* Армяне на дипломатической службе в Речи Посполитой в XVII в., с. 257.

Сулейману Сефи II в 1668 году, возглавляемое Богданом Гурдецким, по всей вероятности, старшим братом Парсадана³⁹.

В дальнейшем Парсадан Гурдецкий самостоятельно выполнял посольские миссии. Об этом становится известно из составленного в 1680 году «Дела по челобитью Грузинца Патапа Максимова о дачь ему для свободнаго житія Указа»⁴⁰, в котором Потап, сын Максимов, дважды свидетельствует, что «Парсадан Гурдецкий в приезде был от королевского величества Полского в посланных к персическому шаху»⁴¹.

6. Сулейман Константин граф де Сири (Згурский; польск. Sulejman Konstanty Hrabia de Syri) — польский дипломат, армянин, предположительно, выходец из Португалии. Дата рождения неизвестна. Умер в 1690 году в Новой Джульфе (вблизи Исфахана)⁴².

В 1669 году, при Яне II Казимире и сменившем его Михаиле Вишневецком, Константин де Сири занимал ответственный пост польского резидента в Вене — был посредником между королем польским и австрийским императором Леопольдом. В 1677 году вместе с хельмским воеводой был отправлен в Константинополь с секретным поручением. В 1678 году был направлен в Москву к царю Федору Алексеевичу для подтверждения Андрусовского перемирия, заключенного между Россией и Речью Посполитой в 1667 году⁴³.

Дипломатическая деятельность Константина де Сири в польско-персидском направлении начинает проследиваться с конца 1670-х годов⁴⁴. Миссии с его участием чередуют друг друга практически непрерывно, и он на этом поприще проявляет себя как наиболее активный и выдающийся деятель. Так, возвращаясь из Ирана в 1680 году, де Сири заезжает в Москву⁴⁵ и добирается до «Светлейшей Речи Посполитой Польской» 21 февраля 1681 года. В 1682 году он вновь выезжает в Иран, в марте 1683 года уже находится в Исфахана, а 27 декабря 1683 года — в Кракове⁴⁶. В 1684 году в качестве чрезвычайного и полномочного легата граф де Сири вновь отправляется в Иран⁴⁷ и добирается до Исфахана в июле 1685 года⁴⁸. Во время этой поездки он принимает активное участие в создании иезуитской миссии в Шамахе⁴⁹, о чем, высказывая признательность, повествует Филипп Авриль⁵⁰, а более подробно рассказывает неизвестный иезуит⁵¹.

39. Matthee R. Gurdziecki Bogdan, p. 403.

40. РГАДА. Ф. 110: Сношения России с Грузией. Оп. 1, д. 4, лл. 1–7.

41. Несколько документов к истории русско-грузинских взаимоотношений во второй половине XVII века // «Исторический вестник». Тбилиси, 1973, № 27–28, с. 539–540 (документ № 4: Решение русского правительства о тяжбе между проживающими в Москве грузинским князем и его крепостным, 1680 г.).

42. Barącz S. Sobieski i Ormianie, List króla Polski Jana Sobieskiego z roku 1696 do katolikosza Nahapeta I z Edessy // «Dziennik Literacki». Lwów, 1854, № 21–22, s. 171; [Xiądz Sadok Barącz]. Żywy sławnych Ormian w Polsce, s. 290.

43. [Xiądz Sadok Barącz]. Żywy sławnych Ormian w Polsce, s. 291; Галустян Дж. О. Армяне на дипломатической службе в Речи Посполитой в XVII в., с. 257.

44. РГАДА. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 1, д. 20.

45. Там же. Ф. 79: Сношения России с Польшей. Оп. 1, д. 200.

46. Stopka Krz. Salomon Syri Zgórski — kupiec i poseł w XVII wieku / Wirtualny Świat Polskich Ormian ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://skarbica.ormianie.pl/?idw=155>. Дата доступа: 02.05.2021).

47. РГАДА. Ф. 79: Сношения России с Польшей. Оп. 1, д. 218.

48. Zygmunt M. Persica: A Brief History of Polish–Persian Relations through Documents from the National Library // «Polish Libraries Today», 2005, № 6, p. 97.

49. [Xiądz Sadok Barącz]. Żywy sławnych Ormian w Polsce, s. 292.

50. [Avril, Philippe]. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine: contenant plusieurs Remarques curieuses de physique, de géographie, d'hydrographie, et d'histoire. Paris, 1692, p. 84.

51. Mémoire de la Province du Sirvan // «Nouveaux memoires des Missions de la Compagnie de Jesus dans le Levant». T. III. Paris, 1723, p. 379–384.

В 1687 году, в последний раз выехав в Персию⁵², Константин де Сири в 1690 году, видимо, был задушен в Новой Джульфе (армянский пригород Исфахана) доверенным слугой-лютеранином из Гданьска. Ему устроили торжественные похороны в местной иезуитской церкви⁵³.

7. Теодор Миранович (польск. Teodor Miranowicz) — польский дипломат, армянин. Дата и место рождения неизвестны. Умер 26 декабря 1686 года в Исфахане. В 1684 году Теодор Миранович был участником посольства Яна III Собеского к шаху Сулейману I. В конце января 1686 года он привез письмо от шаха в замок Жолква (польск. Żółkiew) — в любимую резиденцию короля Яна III Собеского⁵⁴. Вернувшись в Персию в том же году, умер в Исфахане и был похоронен на армянском кладбище Новой Джуги (Новой Джульфы). В дальнейшем рядом с его захоронением сформировалась польская секция на армянском кладбище. Эпитафия-биллингва Теодора Мирановича, представленная семью строчками, написанными кириллицей, и восьмью строчками на польском языке (илл. 7), повествует, что под надгробием покоится посланник короля Его Величества Польского, умерший 26 декабря 1686 года⁵⁵. Надпись на польском гласит:

LEŻY TU GR/ZESZNIK TH/EODOR MI/RANOWICZ PO/SŁANNIK KRULA /
JE[GO] M[OŚCI] POLSKIEG[O] / DECEMBRA 26 / 1686⁵⁶.

8. Зурабек (фр. Zurabek) — польский дипломат, армянин родом из Шамахи, католик по вероисповеданию. Возглавил первое посольство Августа II к шаху Хуссейну с запоздавшим ответом на письмо его предшественника — шаха Сулеймана⁵⁷.

Описание маршрута из Варшавы до Шамахи отсутствует. Время пребывания посольства в Шамахе с июня по 6 октября 1698 года, а также маршрут дальнейшего следования до Исфахана указаны в «Журнале» отца де Ла-Маза⁵⁸, иезуита-миссионера, который сопровождал посольскую миссию от Шамахи до Исфахана⁵⁹.

Кроме того, в Париже королевским картографом Гийомом де Лилем⁶⁰ были изданы две карты. Первая из них с обозначением пути посольства Зурабека была озаглавлена: «Карта дороги господина Зурабека, посла Его Величества Короля Польши, к Шаху-Хуссейну Королю Персии, от Шамахи до Исфахана. Составил господин де Лиль, первый Географ Короля. 1722». Была ли эта карта издана отдельно,

52. РГАДА. Ф. 79: Сношения России с Польшей. Оп. 1, д. 231.

53. *Stópka Krz.* Salomon Syri Zgórski — kupiec i poseł w XVII wieku; *Погосян (Хакбалян) Г. Г.* Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I, с. 35–36.

54. *Stópka Krz.* Salomon Syri Zgórski — kupiec i poseł w XVII wieku.

55. *Chowaniec Cz.* Z dziejów polityki Jana III na Bliskim Wschodzie 1683–1686 // “Kwartalnik historyczny”. Rocznik XL / Red. Jan Ptasnik. Lwów, 1926, s. 154–156.

56. *Погосян (Хакбалян) Г. Г.* Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I, с. 36–37.

57. Там же, с. 38, 127–130, 181–185.

58. Жан Баптист де Ла-Маз (фр. Jean Baptiste de la Maze; 1622/25 г. ? — 1709 г., Шамаха) — французский монах из ордена Иезуитов, миссионер в Персии. Прибыл в Исфахан в начале лета 1664 года. В 1676 году, после смерти главы миссии в Исфахане Клода-Игнаса Мерсье (1674 г.), был назначен на его место.

В 1683 году де Ла-Маза сменил отец Ру. После убийства последнего в 1686 году де Ла-Маз вновь был назначен главой миссии в Исфахане. В 1689 году он назначен главой миссии в Шамахе (см.: *Погосян (Хакбалян) Г. Г.* Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I, с. 124).

59. *Journal de voyage du père de la Maze, de Chamaké à Hispaham, par la Province du Guilan* // “Nouveaux memoires des Missions de la Compagnie de Jesus dans le Levant”. T. III. Paris, 1723, p. 393–482.

60. Гийом де Лиль (фр. Guillaume de Lisle; 1675 г., Париж — 1726 г., Париж) — французский географ и картограф, член Королевской Академии наук (с 1702 г.), внештатный помощник астронома (с 1716 г.), партнер астронома (с 1718 г.). Преподавал географию молодому Людовику XV, получив звание Первого Королевского географа (с 1718 г.).

нам неизвестно, но она была опубликована в сборнике писем и отчетов миссионеров ордена Иезуитов в Париже в 1723 году⁶¹. Надпись на картуше гласит: «*Carte de la Route de M. Zurabek, Ambassadeur de S. M. Polonoise, à Cha-Ussein Roi du Perse, depuis Chamakié jus qu'à Hispahan. Dressée par G. De l'Isle premier Geographe du Roi. 1722*» (илл. 8).

Материал, послуживший основой для создания карты, нами не обнаружен. О том, что такой материал существовал и принадлежал он не авторству отца де Ла-Маза, а, по всей вероятности, кому-то другому из посольства, возглавляемого Зурабеком, говорит сравнительный анализ помещенного в «Журнале» де Ла-Маза описания первого дня путешествия по населенным армянами селам с обозначениями на карте⁶².

Вторая карта с упоминанием посольства, возглавляемого Зурабеком, составлена тем же картографом годом позже, в 1723 году. Она озаглавлена: «*Карта Стран, окружающих Каспийское Море, составленная для использования Королем. На основе карты этого моря, изготовленной по воле Царя (речь идет о Петре I.—Г. П.), на основе рукописей князя Грузии Сулхан-Сабы, а также послов гг. Крузиуса, Зурабека и Фабрициуса, составленных по пути в Персию, и заметках многих образованных путешественников. Основанная также на астрономических наблюдениях Гийома Делиля, Первого Королевского Географа, Королевской Академии Наук. 15 августа 1723*». Карта издана в альбоме «*Atlas de Géographie*»⁶³. Надпись на картуше: «*Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene, dressee pour l'usage du Roy. Sur la carte de cete Mer, faite par l'ordre du Czar, sur les Memoires manuscrits de Sofkam-Sabbas, Prince de Georgie, sur ceux de Mrs. Crusius, Zurabek, et Fabritius Ambassadeurs a la Cour de Perse, et sur les eclairssemens tirez d'un grand nombre de perones intelligentes du pais. Assujettie aux Observations Astronomiques. Par Guillaume Delisle, Premier Geographe du Roy, de l'Academie Royale des Sciences. 15 Aout 1723*» (илл. 9).

9. Якуб Нуркиевич (польск. Jakób Nurkiewicz)—польский дипломат, армянин, житель Варшавы. Возглавил следующее после Зурабека посольство короля Августа II Сильного к шаху Хуссейну в 1699 году⁶⁴, которое, как известно, было результативным⁶⁵. Известно также, что шах в дар королю отправил диковинные подарки: львов, леопардов, ягуара и какую-то птицу, описываемую как Феникс или «Азаран-блбул»^{66*} и именуемую на латыни «*Atesz-Chor*»⁶⁷.

10. Аведик (польск. Avedik)—польский дипломат, армянин, посол короля Августа II к шаху Хуссейну. Выехал из Шамахи в Исфахан 6 марта 1702 года.

61. Journal de voyage du père de la Maze, entre les pages 392–393.

62. Погосян (Хахбакян) Г. Г. Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I, с. 128–130.

63. Atlas nouveau, contenant toutes les parties du Monde. Ou sont exactement Remarquées les Empires, Monarchies, Royumes, Etats, Republiques, &c. Par Guillaume de l'Isle. Premier Géographe de sa Majesté. Amsterdam, 1730.

64. [Xiqdz Sadok Barqcz]. Żywoty sławnych Ormian w Polsce, s. 254–255; Рашиба Н. С., Авербух С. И. Армяне на польской дипломатической службе в XVI–XVII веках // «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». Ереван, 1974, № 2, с. 191.

65. Korwin L. Ormianskie rody szlacheckie. X Tablic Barwnych. Warszawa–Kraków, 1934, s. 137.

66. С армянского буквально—«тысячеголовый соловей». Жар-птица.

67. [Krusiński, Patris Judae Thadaei]. Prodrromus ad tragicam vertentis belli historiam seu relatio turcico-persicae legationis. Quam ad Persarum Regem Szah Sultān Hussein Durry Effendi solemniter administravit et redux è Perside Turcarum Imperatori Achmet III in scripto consignavit, ex turcico latine facta. Opera Patris Judae Thadaei Krusiński Societatis Jesu Missionarii persici Secunda impressio correctior. Leopoli, 1740, p. 153–154.

11. Гжегож Симон Никорович (польск. Grzegorz Szymon Nikorowicz) — дипломат, купец, шляхтич Галиции с 1781 года, государственный деятель Речи Посполитой, представитель знатного армянского рода Никоровичей из Львова. Родился в 1713 году во Львове. Умер 22 января 1789 года во Львове.

В 1746 году король Август III Саксонец снарядил посольскую миссию в Персию. Главой посольства был назначен личный секретарь короля Гжегож Никорович. Судя по грамоте на латыни, выданной Никоровичу 10 декабря того же года, он направлялся исключительно для приобретения различных товаров для королевского двора: «*Mittimus in Persidem Nobilem Gregorium Nikorowicz, Secretarium et commissarium Nostrum, specialibus mandatis Nostris munitum, pro coemendis et comparandis variis rebus speciosis pro usu curiae Nostrae necessariis, quem omnibus in universum commendatum esse volentes arnice desideramus, ut quocumque per Regna, Provincias, Dominiaque externa sese contulerit, iter suum in Persidem dirigendo, bberum, tutum ac securum cum suo comitatu, transitum tam illuc proficiscentem quam in reditu experiatur <...>. Varsaviae die X Mensis Decembris Anno Domini MDCCXLVI (10 декабря 1746 г.)*»⁶⁸.

Нужно заметить, что биография Гжегожа Никоровича, в отличие от предыдущих лиц, известна значительно лучше, чем его путешествие.

Торговый дом Никоровича был ведущим импортером контушевых, или кунтушевых, поясов, а также сабель с Востока и изящных атрибутов к ним. Владел поместьями под Львовом (Серегów) и Жолквом (Lipniki, Skwarzynę), а также магазинами эксклюзивных ковров и тканей, импортируемых в основном из Турции и Персии, и за редким исключением — из Китая. В наследство от матери Никорович получил «камяницу Бернатовичей» (польск. *Kamienica Bernatowiczowska*) — знаменитый дом № 8 на площади Рынок во Львове. Считался влиятельной личностью в Галицкой банковской среде. Из биографических данных следует, что Никорович был личным секретарем короля Августа III (с 1746 г.), председателем армянского суда во Львове (с 1760 г.). По просьбе князя Михаила Казимира Радзивилла в 1762 году через своих людей вывез семью Яна Маджарского (Ованэса Маджарянца) из Стамбула в Слуцк, где тот организовал мануфактуру по изготовлению контушевых (слуцких) поясов⁶⁹. В 1772 году Никорович отремонтировал армянскую школу во Львове и организовал в ней библиотеку. С 1775 года — директор Львовского хозяйственного суда (польск. *dyrektor lwowskiego Sądu Handlowego*). С 1781 года — председатель Суда векселей (польск. *prezes Trybunału Wekslowego*). 11 августа 1781 года возведен в рыцари императором Священной Римской империи Иосифом II. Жена — Анна Захаревич Копчик (польск. *Anna Zachariasiewicz Kopczyk*)⁷⁰.

68. Mańkowski T. Sztuka islamu w Polsce w XVII i XVIII wieku z 40 tablicami, s. 30.

69. Погосян (Хахбакян) Г. Г., Погосян (Хахбакян) Ш. Г. Армянские мануфактуры контушовых поясов в Речи Посполитой // «Еркрамас»: газета армян России. Краснодар, 2017 (от 27 июля).

70. [Xiądz Sadok Barącz]. Żywoty sławnych Ormian w Polsce, s. 246–249.

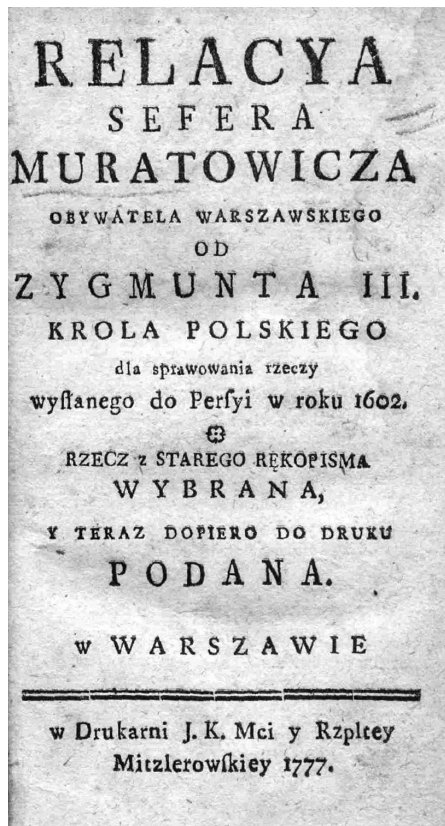
Иллюстрации

Илл. 1. Портрет Сефера Муратовича. Неизвестный художник. Начало XVII века. Холст, масло. Армянский архиепископский музей во Львове (Archidiecezjalne Muzeum Ormiańskie we Lwowie; ныне Львовская галерея искусств).

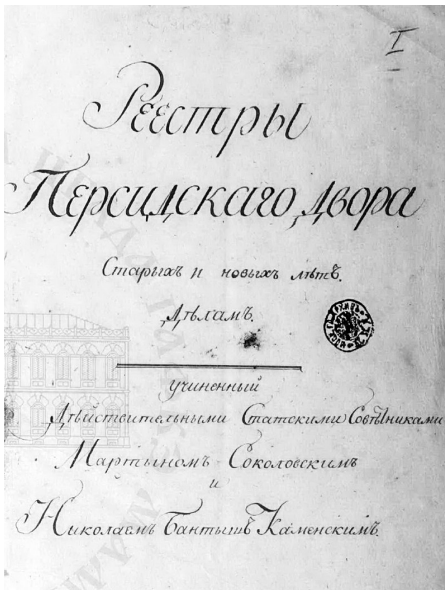

Илл. 2. Маршрут путешествия Сефера Муратовича.

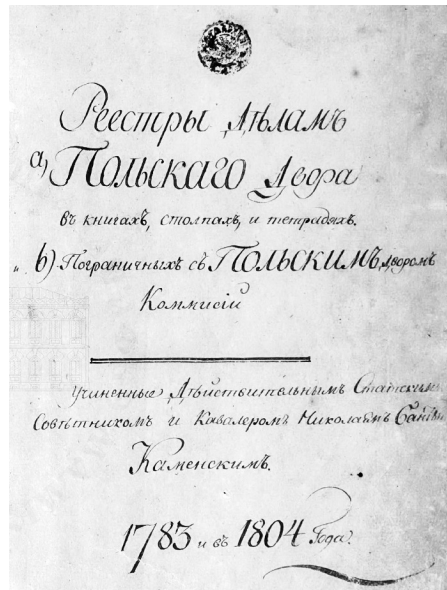

Илл. 3. Титульный лист издания «Relacja Sefera Muratowicza», 1777 г.

Илл. 4. Титульный лист издания «Ephemerides Dominicano-Sacrae», 1692 г.

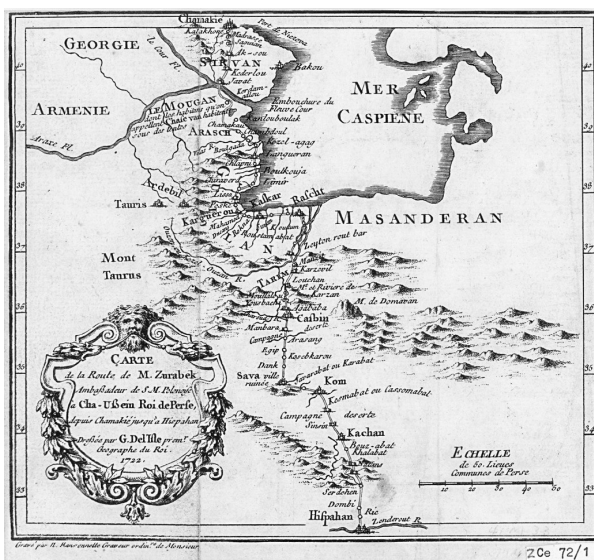
Илл. 5. Титульный лист «Реестров Персидскаго двора».

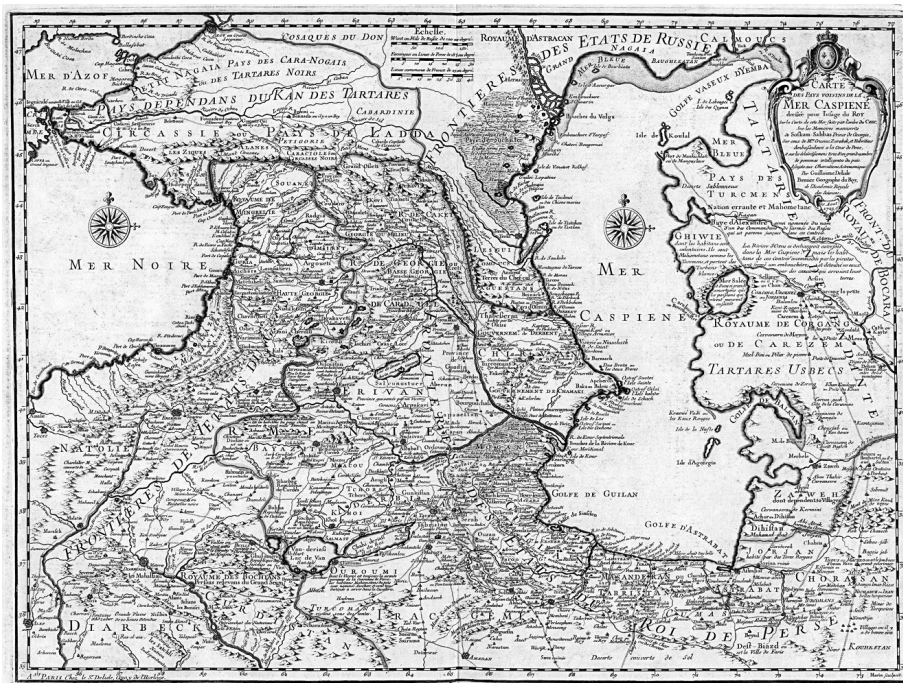
Илл. 6. Титульный лист «Реестров Польскаго двора».

Илл. 7. Надгробная плита Теодора Мирановича на армянском кладбище в Новой Джульфе (армянский пригород Исфахана).

Илл. 8. Carte de la Route de M. Zurabek, 1722.

Илл. 9. Carte des Pays voisins de la Mer Caspienne, 1723.

Summary

Gagik Poghosyan (Khaghbakyan),

the Editor of the Scientific and Analytical Journal “Region and the World”, Public Institute of Political and Social Research of Black Sea—Caspian Region; Head of the Scientists’ Guild of “Ayas” Nautical Research Club (Yerevan)

Dragomans Armenians of Rzeczpospolita in Persia

The invasion of the Seljuk Turks into Asia Minor led to the destruction of the existing trade and economic relations between the West and the East. The further advancement of the Ottomans into Europe forced the European States to seek allies, and Persia was considered to be such an ally. At the beginning of the 17th century, the ruler of Persia, Shah Abbas I, expelled the Ottomans from the shores of the Caspian Sea. By that time, all European States sought to cooperate with Persia, and Rzeczpospolita was in the forefront of such countries. It is noteworthy that the European States and especially the Polish Crown involved the Armenians in that venture as dragomans.

According to Józef Epifani Minasowicz: “*Drokhman or Drogoman, or as they say Terzymans (I think it comes from French: Truchement) means Translator in Polish*”. A similar idea about the meaning of the word “dragoman” is given in the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary, with the only difference it is deduced from Arabic “*tarjuman*”—“translator”. However, this word in the same sense of “translator” has more ancient roots. In Armenian, which is much older than Arabic, the word “translator” sounds as “*targmanich*”. Much earlier a word of the same meaning, “*targhumani*”, was used in the cuneiform texts on clay tiles from Kanish, belonging to the 20th–19th centuries BC. In addition, the pronunciation of this word is very similar to the name of one of the progenitors of the Armenians—*Torgom*, the grandson of Japheth and the great-grandson of Noah.

In order not to create a false idea about dragomans as exclusively about the translators, it must be emphasized that this position presupposed not only knowledge of languages, but also possession of diplomatic skills. Armenians, like no one else, were suitable for this position.

The list of some dragomans of Rzeczpospolita, Armenians by birth, clearly illustrates the above: Sefer Muratowicz, Augustin Persian, Peter Szymański, brothers Bogdan and Parsadan Gurdziecki, Sulejman Konstanty Hrabia de Syri, Zurabek, Teodor Miranowicz, Jakób Nurkiewicz, Avedik, Grzegorz Nikorowicz were sent to Persia from 1630 to 1740. The narratives for each of them indicate the time and goals of the mission, the route (if possible), and in some cases, curious facts and events that occurred during the missions.

Сведения об экспорте армянского текстиля и ковров на рынки Восточной Европы и России в XIII–XVIII веках

Лилия Аванесян,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Музея истории Армении (Ереван)

Сведения об армянских тканях и коврах

Оживленная торговля армянских купцов со странами Востока и Запада способствовала развитию производства ценных товаров, среди которых особое место занимали ковровые и текстильные изделия. Важные сведения об экспорте армянского текстиля и ковров в зарубежные страны имеются у арабских историков и географов IX–X веков, таких как аль-Якуби, аль-Истахри, Ибн Руста, Ибн Хаукаль, аль-Мукаддаси, Ас-Саалиби, аль-Масуди и других. Согласно их сообщениям, изготовленные в Армении дорогие ткани, покрывала, пояса, подушки, занавесы, попоны, ковры и другие изделия из шерсти и шелка, а также из льна и хлопка имели большой спрос на международном рынке¹. Основным заказчиком и покупателем дорогих тканей и ковров была аристократическая знать тех стран, куда она поставлялась. В Армении главными заказчиками были местная светская знать и Армянская апостольская церковь. Ковры и ткани были основными элементами, украшавшими интерьер светских и культовых построек средневековой Армении. Н. Я. Марр писал, что жители города Ани обрамляли ниши в своих домах декоративной резьбой, а гладкую поверхность стен покрывали коврами и узорчатыми тканями². Говоря о внутреннем убранстве армянских церквей, архиепископ Магакия Орманиян отмечал, что пол в них был покрыт коврами, на которых верующие молились сидя³. О дорогих покрывалах, расшитых жемчугом, и алтарных занавесах с ликами святых пишут историки XIII века Киракос Гандзакеци и Степанос Орбелян⁴.

Шелковые ткани XIII века, найденные при раскопках в Ани в 1908 году, свидетельствуют о развитой технике ткацкого ремесла в Армении и высоком качестве продукции (илл. 1). А. Жамкочян, описывая обнаруженные здесь текстильные изделия, а именно: вышитые золотыми нитями манжеты, ворот шелкового платья и вуаль, отмечает высокое мастерство и совершенство выделанных вышивок⁵. Редкие по своей сохранности фрагменты одежды и покрывал XIII—начала XV

1. *Տեր-Ղևոնդյան Ա.* Արար մատենագիրներ (Թ—Ժ դարեր) // Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին. 2 16. Երևան, 2005, էջ 521–522, 574, 630, 633, 653, 656:

2. *Марр Н. Я.* Ани. Ереван, 1946, с. 197.

3. *Սաղարիա արք. Օրմանյան.* Հայոց եկեղեցին. Երևան, 1993, էջ 194:

4. *Կիրակոս Գանձակեցի.* Հայոց պատմություն. Երևան, 1982, էջ 157; *Ստեփանոս Օրբելյան.* Սյունիքի պատմություն. Երևան, 1986, էջ 110:

5. *Ժամկոչյան Ա.* Ոսկերեկ գործվածքներ // Հին Հայաստանի ոսկին (մ.թ.ա. III հազարամյակ—մ. թ. XIV դար). Երևան, 2007, էջ 255–256:

веков, украшенные вышивкой, были найдены в Болгаре (город недалеко от места слияния Волги и ее притока Камы) на территории бывшей армянской церкви. Находки свидетельствуют о том, что ткани были произведены там же, по анийским образцам, а орнаменты и лики на них, имеющие параллели с памятниками резьбы и настенной живописи в Двине, Ани и Ахпате, демонстрируют близость к армянскому искусству⁶. Еще арабский путешественник X века Ибн Фадлан, описывая царский шатер в Болгаре, говорил, что он был устлан армянскими коврами⁷. Археологический материал указывает на то, что в XIII–XIV веках за стенами этого города существовал процветавший армянский торгово-ремесленный квартал, ставший одним из торговых поселений Золотой Орды⁸, в котором производили ткани и ковры. Высокую оценку армянским коврам, «самым тонким и красивым на свете», а также «оттенным и богатым материям красного и другого цвета» дает венецианский путешественник Марко Поло (1254–1324 гг.)⁹. О древней традиции ткачества в Армении свидетельствуют миниатюры армянских рукописных книг XI–XVII веков. В них можно встретить изображения покрывал, занавесов, наволочек, одежды, ковров и так далее¹⁰. Кроме того, интересные образцы самих средневековых тканей с узорами сохранились в подкладках и переплетах книг¹¹. Ценные сведения о текстильных изделиях, экспортируемых армянами из Персии и Османской империи в Европу, сохранились в архивных документах XVI–XVIII веков, в дневниках купцов и записях путешественников. Так, турецкий автор XVII века Эвлия Челеби в своей «Книге путешествия» пишет о знаменитой синей краске, красителях и ткачах из уезда Марзван в Малой Армении, о тонких хлопчатобумажных тканях, которые купцы ежегодно вывозили в Крым и обменивали на невольников¹². Челеби отмечает, что народ Крыма паранджу и одежду шил из марзванской тонкой ткани¹³. По данному вопросу важны также сведения о польских армянах, в частности об армянах Каменца-Подольского, присутствие которых здесь фиксируется как минимум с середины XIV века¹⁴. В инвентарном списке имущества жительницы Каменца пани Азизко, супруги армянина пана Григора, датированном 3 ноября 1574 года, упоминаются верхняя одежда из дорогой шерстяной ткани «зүфь», два шелковых покрывала и десять безворсовых ковров¹⁵. В книге Минаса Бжишкяна (Минай Медици) «Путешествие в Польшу» есть описания церквей и церковного имущества польских армян, в которых упоминаются также украшенные золотом и жемчугом рясы, передники, поручи, покрывала и другие атрибуты облачения священнослужителей, сшитые из дорогих тканей. По всей видимости, эти ткани были изготовлены армянскими мастерами-ткачами, которые проживали на территории Турции или Персии¹⁶.

6. Джанполадян Р. О двух тканях из Ани и Болгар // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 132. Москва, 1972, с. 47.

7. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Москва, 1939, с. 73.

8. Хачикян Л. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву. Ереван, 2014, с. 11–12.

9. Марко Поло. Книга. Москва, 1955, с. 56

10. Գևորգյան Ա. Արհեստներն ու կենցաղը հայկական սանրանկարներում. Երևան, 1973, էջ 18, տախ. XXV–XXVI:

11. Kyurkchyan A. Armenian blockprinted fabric. Yerevan, 2016.

12. Էվլիյա Չելեբի / Կազմեց Ա. Խ. Սաֆրաստյան // Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին. շ. 4.

Երևան, 1967, էջ 139; Հակոբյան Թ., Մելիք-Քախչյան Ստ., Բարսեղյան Շ. Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան. շ. 3. Երևան, 1991, էջ 730–731:

13. Էվլիյա Չելեբի, էջ 140:

14. Կաննեց-Պողոսկ քաղաքի հայկական դատարանի արձանագրությունները (XVI դ.) / Աշխատասիր.՝

Վ. Գրիգորյանի. Երևան, 1963, էջ 286:

15. Там же, с. 287.

16. Բժշկեան Մ. Ճանապարհորդորին ի Լենաստան և յայ կողմանս բնակեալս ի հայկազանց, սերերց ի նախնեաց Անի քաղաքին. Վենետիկ, 1830, էջ 150, 166:

В книге «История армян Евдокии» историк Аршак Алпопячян говорит о знаменитых армянских безворсовых коврах (капретах) с изображениями драконов (вишапов), которые начиная с XVII века производились в Зиле (поселение недалеко от города Евдокия, или Токат, на территории Турции)¹⁷. Декор (орнаменты и композиция) этих ковров аналогичен декору безворсовых ковров Арцаха, Сюника, Васпуракана, что естественно, поскольку в середине XVI века армяне именно этих областей Исторической Армении были насильственно переселены в Зиле и другие населенные пункты провинций Токат и Кесария. Автор пишет о высокохудожественных занавесах, головных платках с набойкой, безворсовых коврах с удивительно яркой и стойкой окраской, которые армяне производили в Токате с XVII по начало XX веков¹⁸. Изделия из Токата пользовались большим спросом в России и странах Восточной Европы. Примечательно, что французский путешественник Жан-Батист Тавернье (1605–1689 гг.), говоря о землях, лежащих между Токатом и Тебризом, сообщает, что эту обширную территорию занимала страна, которую древние называли Арменией; она населена почти только христианами, а в городах и селах на одного мусульманина приходится пятьдесят армян¹⁹. В торговых дневниках и отчетах купцов XVII–XVIII веков имеется перечень наименований и краткое описание изготовленных здешними армянскими мастерами дорогих тканей (илл. 2), текстильных изделий и ковров, которые вывозились в Россию и Европу. Вот некоторые наименования этих тканей, нитей и текстильных изделий, в XVII веке поставляемых армянскими купцами на рынки России: адамашк, или атамаск (название вида шелка), армяк (кипорная ткань из верблюжьей шерсти, кафтан), аспра (род шелковой ткани), атлас, бархат, волоочный (серебро, золото и другие металлы, превращенные в тонкие нитки-проволоки и используемые в ткачестве и вышивании), вошанка (пропитанная воском ткань, род клеенки), зельдень (шелковая материя), золото (парча, вытканная золотом или серебром), изарбаф, или зарбаф (шелковая ткань сатинового переплетения, затканная золотыми или серебряными нитями), зарбаф шамахинский, камка, или адамашка бурская (шелковая ткань с разводами или узорами того же цвета, что и фон), кармазин (тонкое, ярко-алое сукно), киндяк (набойка, бумажная ткань), кисея (тонкая, редкая ткань), куфтерь (один из сортов камки), кушак бурский (пояс, опояска — широкая тесьма или полотнище ткани), парча (дорогой материал, вытканый волоочным серебром или золотом), тафта (гладкая, тонкая шелковая ткань), чепрак (ковровая подстилка под конское седло), шарбаф шамахинский (дорогая шелковая материя), яренко (сукно)²⁰. Отметим, что в Шамахе, где, по описаниям венецианских путешественников XV века Иосафата Барбаро и Амброджио Контарини, армянское население составляло большинство, производили шелковую ткань таламан, или дейлемин, шелковые пояса, шерстяные ковры, которые купцы в большом количестве сбывали на российских рынках²¹. В документе за 1671 год говорится, как армянские купцы из Персии и Турции привезли в Москву изделия, шитые золотом и серебром: шелковые попоны-чепраки стоимостью 697 рублей,

17. *Արաբյանի Ա. Պատմություն Երվոկիոյ հայոց. Տեղագրական, պատմական եւ ազգագրական տեղեկութիւններով. Գ-ահիրէ, 1952, էջ 578, 580:*

18. Там же, с. 1340.

19. *Хачикян Л.* Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву, с. 124.

20. *Армяно-русские отношения в XVII веке: Сборник документов. Т. 1. / Под ред. В. А. Парсамяна. Ереван, 1953, с. 259–270; Շահեվերու որդի Սարհաղի հաշվենաստյանը / Աշխատասիրությունը՝ Շ. Խաչիկյանի. Երևան, 1994, էջ 34, 41, 88:*

21. *Погосян Г.* Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев (XV–XVII вв.). Ереван, 2013, с. 50–54.

1713 рублей, 1861 рубль, четыре отреза ткани «изорбаф» стоимостью 271 рубль, четыре больших ковра за 507 рублей, один шелковый ковер за 127 рублей и так далее²². Примечательно, что речь идет о текстильных изделиях, изготовленных армянами в Турции. Имеются документальные подтверждения того, что еще во времена султана Селима I (1467/68–1520 гг.) из центра текстильной промышленности Турции — Бурсы и его окрестностей, где работало много ткачей-персов, были сосланы все шииты, а их имущество — конфисковано²³. После этого право на производство дорогих тканей и шелковых изделий в Османской империи было передано армянам.

Особый интерес представляют памятные записи XIV–XV веков, в которых есть упоминания об армянских мастерах-ремесленниках, среди которых есть хазасы, обрабатывавшие шелк (մխարսի մշակող), керпасагорцы (կերպասագործ) — производители шелковых тканей²⁴, ктавагорцы (կտավագործ) — производители льняных и хлопковых полотняных тканей²⁵, красители²⁶, востайнанки (ստայնանկ) — ткачи, джухаки (ջուխակ) — ткачи и ковроделы²⁷, нагаши — художники.

Отметим, что еще в XIII веке в городах Армении, находившихся на торговых путях, формировались цеховые организации ремесленников, называемые братством. Одно из наиболее ранних таких братств, объединившее ткачей, было организовано в 1280 году в городе Ерзнке (ныне Эрзинджан в Турции).

Сведения об участии армянских купцов в торговле текстильными изделиями и коврами

По свидетельству автора XVII века Мартироса Кримеци (Մարտիրոս Դրիսնեցի, Мартирос из Крыма), после упадка столицы Ани оттуда в город Ак-Сарай (недалеко от устья Волги) переселилось большое число армян. Прожив некоторое время там, часть их в начале XIV века перебралась в Крым и обосновалась в восточной части полуострова²⁸. Крымские армяне веками настаивали на своей связи с Ани, не только чтобы украсить себя славным прошлым. Свои утверждения они основывали на определенных, вполне исторических доводах. Богатые анийские купцы (вместе с купцами Арцна, Карса и других городов), утвердив деловые связи с прибрежными городами Крыма, создали во многих из них опорные пункты, склады и постоянные стоянки, на основе которых в дальнейшем сформировались жизнеспособные общины, а затем и многолюдная колония²⁹.

Город Ани в X–XIII веках являлся крупным хозяйственно-производственным центром Армении, сыгравшим важную роль в организации расширенного и налаженного товарообмена через Трапезунд и Черное море. Здесь, как и в городах армянской Киликии, активно торговали купцы из разных стран, в том числе

22. Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. 1, с. 82, 83, 99–102.

23. Փափագյան Հ. Հայերի դերը Թուրքիայի մետաքսագործության մեջ և 1729 թ. Թավրիզում կնքված համաձայնագիրը // Բանբեր Ստանանդարտի. Երևան, 1969, № 9, էջ 242:

24. ԺԴ դարի հայերն ձնագրերի հիշատակարաններ / Կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան. Երևան, 1950, էջ 253 (№ 321), էջ 135 (№ 177):

25. ԺԵ դարի հայերն ձնագրերի հիշատակարաններ (1401–1450 թթ.). Մաս Ա / Կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան. Երևան, 1955, էջ 363, 365:

26. Там же, с. 167 (№ 214), с. 265 (№ 337).

27. Там же, с. 25 (№ 31).

28. Хачикян Л. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву, с. 32.

29. Там же, с. 35.

венецианцы и генуэзцы³⁰, со второй половины XIII века основавшие фактории в прибрежных городах Крыма.

Сведения о тесных и многовековых торговых связях армян с Генуей имеются в труде Алишана «Сисакан»³¹. В нем, в главе «О торговле армян», говорится, что в начале XIII века город-республика Генуя заключила договор с правителем города Карс (недалеко от Ани), а в 1257 году один из сановников Генуи приехал в Карс по торговым делам³². Говоря об экономической жизни в Крыму, А. Якубовский обратился к крупному коммерческому городу Судаку, где в XIII веке было смешанное купеческое население, состоящее из алан, армян, хазар, русских, половцев и византийцев. Академик Я. Манандян считал, что развитие городов коренной Армении, в частности Ани, совпадает со временем нового расцвета мировой торговли, идущей через Трапезунд и другие порты Черного моря³³. В этой связи он цитирует слова Н. Я. Марра, по мнению которого через Ани проходила живительная артерия, важная ветвь великих торговых путей. Фактически город Ани являлся средоточием торговли и товарообмена «*между Востоком и Западом, унаследовав, таким образом, значение древнего и более известного армянского города Двина...*»³⁴.

Однако в XIII–XIV веках, когда Армения и соседние с ней государства начали подвергаться натиску монголов, караванной торговле, имевшей международное значение, был нанесен ощутимый удар, а постоянные кровопролития привели к тому, что начались массовые переселения армян в страны Поволжья и Восточной Европы, где международная торговля набирала обороты. В поисках спокойного места и экономического преуспеяния армяне стали мигрировать к берегам Волги, на Северный Кавказ, в Крым и Восточную Европу³⁵.

По мнению Л. Хачикяна, связь богатых анийских купцов с городами Крыма—а это значит экспортирование в Крым анийских товаров, в том числе высококачественного анийского текстиля и ковров,—наблюдается уже в XIII веке. Он утверждает, что купцы из Ани (в их числе и представители известной семьи Оненц), Арсна, Карса и других городов Армении имели экономические связи с полуостровом. Их опорные пункты, как уже говорилось, вскоре стали ядром для формирования многолюдных колоний³⁶. Далее из этих крымских колоний начался постоянный отток армянского населения во Львов, Каменец-Подольский и другие города Восточной Европы³⁷.

Таким образом, широко известная перевозкой шелков и дорогих тканей Трапезундская дорога по сути своей представляла «шелковую дорогу», идущую из Армении в Крым. Шелк в крымские порты, а оттуда и в далекие страны поступал именно по этому пути, которым пользовались исключительно армяне. Роль последних в деле экспорта шелка стала еще более весомой в XVI веке, когда, как уже отмечалось, во времена султана Селима I Явуза начались жестокие преследования приверженцев шиизма, в том числе купцов из Тебриза, и массовые расправы

30. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 276.

31. Այիշիւմի Դ. Միւսական. Տեղագրութիւն Միւսեանց աշխարհի. Վենետիկ, 1893, էջ 437–438:

32. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении, с. 283.

33. Там же, с. 278.

34. Там же.

35. Джанполадян Р. О двух тканях из Ани и Болгар, с. 46.

36. Хачикян Л. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву, с. 35–36.

37. Там же, с. 31.

с ними³⁸. По некоторым данным, султан умертвил 40 тысяч сторонников шиизма, конфисковав их имущество³⁹.

Армяне развернули широкую деятельность по производству шелковых тканей в Бурсе. Заметим, что товары, в том числе и шелковые изделия, из Анатолии в Европу экспортировали купцы-армяне, которые очень часто, по причине своих турецких, персидских, арабских собственных имен, считались турецкими купцами. В торговых документах, «васиканах», имеются упоминания о купцах-армянах с турецкими именами Мурад, Будаг, Шах-Булаг, Султан и так далее, которые к тому же свободно владели турецким. С учетом сказанного, необоснованно и несостоятельно мнение Фахри Далсара, автора книги *Türksanayive Ticaret Tarihinde Bursada İrekçilik* (Стамбул, 1960), о том, что упоминаемые в «васиканах» XV–XVII веков армянские купцы с турецкими именами могли быть не армянами, а принявшими христианство турками⁴⁰.

Известно, что в XIV–XV веках, вслед за армянами Ани, в Крым, Валахию и Польшу переселялись армяне из Токата и Себастии⁴¹. Этот процесс еще более усилился в период движения «джеляли». Так, в начале XVI века в Токате под руководством шейха Джелали поднялось восстание мусульман против правящей верхушки Османской империи, которое затем перекинулось в районы Себастии (Севаст на территории Турции)⁴² и вскоре вызвало жестокие ответные действия султанских карателей. Армяне, которые после подавления движения джелалидов также подвергались гонениям, в начале XVII века массово переселились из Токата в Крым, Молдавию, Львов, Каменец⁴³. Среди этих переселенцев были как лучшие мастера ткачества, так и купцы. Многие из последних вели торговлю с Москвой. Основными статьями их коммерческой деятельности были шелковые ткани и медная посуда. К примеру, в документе за 1632 год есть сведения о купце Саркисе Аванесове, который из-за притеснений бежал из Турции в Крым и торговал в Москве сукном⁴⁴. В архивных документах сохранилось упоминание о том, что весной 1626 года в Москву прибыли армянские купцы с восточными товарами, в том числе и шелковыми тканями. К сожалению, все документы, касающиеся торговых сделок до 1626 года, были уничтожены во время большого пожара в Москве⁴⁵. Имеется также упоминание о купце Христафоре из Токата и его сыне Эмине, которые в 1649 году подарили Евангелие церкви Святой Троицы в Сучаве (в Румынии)⁴⁶. В документах 1652 года упоминается львовский купец Маркос Симонович из Евдокии, или Токата⁴⁷. Есть сведения и о богатом купце Ходжа Симоне из Токата, который в 1652 году из Константинополя переехал во Львов⁴⁸.

Развивавшееся в XVI–XVIII веках мануфактурное производство Европы способствовало расширению поставок шелка-сырца из Персии. До подписания в 1667 году договора с Россией эти поставки шли через Турцию. Так, при Шахе Тагмазе,

38. *Փափազյան Հ.* Հայերի դերը Թուրքիայի մետաքսագործության մեջ, էջ 242:

39. Селим I // Большая советская энциклопедия. Т. 38. Москва, 1955, с. 416.

40. *Փափազյան Հ.* Հայերի դերը Թուրքիայի մետաքսագործության մեջ, էջ 241:

41. *Ալլոյանյան Ա.* Պատմորին Երդկիոյ հայոց, էջ 1301–1302:

42. *Тверитинова А.* Джелали // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. Москва, 1964, с. 159.

43. *Խաչիկյան Լ.* Հայկական գաղթաբայրերը Ոսկրահայտում XVI–XVII դդ. // Աշխատություններ.

Հ. Բ. Երևան, 2017, էջ 330:

44. Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. 1, с. 4–8.

45. *Բալթրոդիան Վ.* Համաշխարհային առևտուրը և իրանահայությունը 17-րդ դարում. Թեհրան, 1996, էջ 148:

46. *Ալլոյանյան Ա.* Պատմորին Երդկիոյ հայոց, էջ 1300:

47. Там же.

48. *Ալիշան Ղ.* Կամենից. Տարեգիրք հայոց Լեհաստանի եւ Ռումնիոյ. Վենետիկ, 1896, էջ 125:

по договору 1555 года, ежегодно из Персии турецкому султану отправляли 30 000 кг шелковых тканей и необработанного шелка⁴⁹. С Венецией, Генуей, Амстердамом и другими развитыми коммерческими городами Европы Персия торговала транзитом через Турцию. Товары в Западную Европу вывозились из Измира⁵⁰. Положение изменилось во времена правления Шах-Аббаса I, когда на аукционе 1619 года армянским купцам из Новой Джуги было продано право на закупку и экспорт шелка-сырца и других товаров из Персии⁵¹.

Во второй половине XVII века Турция, и в первую очередь город Бурса, где армяне производили дорогие шелковые ткани, перестает быть для купцов доходным рынком. По торговому договору, заключенному 31 мая 1667 года между Армянской торговой компанией и российским правительством, шелк-сырец, ковры и дорогие ткани, производимые в том числе в Бурсе, в Европу начинают вывозиться через Астрахань и Волгу⁵². А уже в 1689 году Московское государство передает армянам монопольное право торговли шелком-сырцом. Из торгового дневника известного армянского купца Сархата, сына Шахвелия из рода Бандорян, в котором описывается торговая деятельность его семьи в 1711–1718 годах, узнаем о тканях и ковровых изделиях, экспортируемых из Персии и Закавказья в Россию и Европу⁵³. Так, на рынках Астрахани, Саратова и Москвы были проданы ковры, шерстяные и шелковые ткани: зуфь, шаль, мамиш-шаль (с сочетанием шелковых нитей), шамахинские изарбафы, сукно, парча (шамахинская, кашанская, тебризская), тафта и так далее. Сархат Бандорян пишет, что один из ковров был продан за 2000 дианов, или динаров⁵⁴, другой — за 3000⁵⁵. Большой интерес представляет сведения о сумме товарооборота. Высококачественный шелк, ввезенный представителями семьи Бандорян в Россию и вывезенный через Архангельск в Голландию, составил 14 887 кг стоимостью в 83 700 рублей. Платежный налог в царскую казну составил 4280 рублей, что в эквивалентном соотношении равно 122 кг серебра. Заметим, что в текстильной промышленности ткачи в год получали всего 30 рублей.

В Польше торговля дорогими коврами и тканями носила исключительно широкий характер. Так, во Львове в XVII веке ткани и ковры назывались *армянским товаром*⁵⁶. Искусствовед Арменак Сагызян (1872–1944 гг.) утверждал, что активная роль польских и литовских армян в области ковроткачества и шелкопрядения выявляется на примере деятельности Яна (Ованеса) Маджарского⁵⁷. По мнению автора, восточные мотивы с лотосом на знаменитых коврах «Полонез», а также техника ткачества этих ковров, использование армянской кошенили (*coccinulonicus*)⁵⁸ указывают на то, что изготовлялись они в Персии армянскими и персидскими ковроделами (илл. За, 36). По мнению А. Кюрдяна, производство ковров «Полонез» известно еще с 1578 года. Он отмечал, что рисунки этих ковров

49. *Փախագյան Հ.* Հայերի դերը Թուրքիայի մետաքսագործության մեջ, էջ 244:

50. Там же, с. 245:

51. *Բայրություն Վ.* Նոր Ջուղա. Երևան, 2007, էջ 54:

52. *Փախագյան Հ.* Հայերի դերը Թուրքիայի մետաքսագործության մեջ, էջ 246:

53. Շահվերու որդի Սարհատի հաշվմատյանը, էջ 33–34, 37, 38, 170, 173: Дневник Сархата, сына Шахвелия, хранится в Матенадаране им. Месропа Маштоца, под инвентарным номером 6241.

54. Диан, или динар, — денежная единица Персии. В середине XIX века 10 000 персидских динаров равнялись 1 туману (золотой монете).

55. Շահվերու որդի Սարհատի հաշվմատյանը, էջ 37–38:

56. *Քիրտևան Յ.* Գորգը հայոց մօտ. Վենետիկ, 1947, էջ 86:

57. *Սազրգեան Ա.* Հայկական գորգերը // «Աստիկո», Փարիզ, 1939, № 1–2, էջ 5–36:

58. Там же.

готовились по европейским образцам декоративного искусства⁵⁹. Известно, что торговля коврами в Восточной Европе также являлась прерогативой армян.

Сведения об организации производства тканей и ковров в Восточной Европе и России

Еще арабский географ X века Ибн Хаукаль писал об армянских прославленных шелковых поясах, стоивших от 1 до 10 золотых динаров⁶⁰. В 1758 году один из известных мастеров по производству шелковых поясов — армянин из Стамбула Ян Маджарский (Ованес Маджарянец) был приглашен в Несвиж, затем в Слуцк⁶¹ для организации предприятия по производству дорогих шелковых поясов. Известно, что наиболее богато украшенные пояса стоили 500 червонных золотых (8000 тысяч золотых)⁶².

Не менее славились армянские ковроделы в Восточной Европе и в России. В этой связи примечательно заключение А. Сагызяна относительно знаменитых армянских ковров с изображениями драконов (փշիցիզորդ, вишапагорг). Опираясь на труд известного австрийского искусствоведа Зденко Гофрихтера «Армянские ковры»⁶³, Сагызян пишет, что на производство ковров в Польше и Буковине большое влияние оказали существовавшие здесь армянские колонии⁶⁴. Следы армянского декоративно-прикладного искусства, например ковроткачества, можно найти также в Болгарии, во Фракии, Сербии, Румынии, Трансильвании и Бессарабии. По мнению А. Кюрдяна, армянские колонии на этих землях появились еще во времена существования Византийской империи: армяне переселялись в страны Восточной Европы и Балканского полуострова по причине нашествия сельджуков и татар, а также последующих кровопролитных войн между Турцией и Персией⁶⁵. Знаменитые «трансильванские» ковры XVII века из коллекции Музея прикладного искусства Будапешта, украшенные изображениями цветов и хоранов (арочных мотивов), несомненно, имеют отношение к армянскому искусству ковроткачества, хотя и экспонируются как оттоманские⁶⁶. Их орнаменты, колористическая гамма, сочетающая красный, синий и голубой цвета с медовым, стандартные размеры от 120 до 195 см, равно как и плотность узлов в 10 см² (30–39 узлов по горизонтали и 40–43 узла по вертикали) свидетельствуют о принадлежности этих изделий к армянскому искусству ковроткачества. Шерстяные ковры с аналогичными композициями, мотивами, цветовой гаммой, размерами и плотностью узлов веками создавались ковроделами армянских провинций Арцах и Гардман, городов Гандзак и Агулис. Более того, ковры с теми же параметрами продолжали выпускаться артелями и фабриками этих мест вплоть до 1920–1950-х годов⁶⁷.

В течение многих веков из армянских провинций Арцах, Васпуракан, Гардман, Нахиджеван на рынки Малой Азии и Восточной Европы поступали ковры, украшенные как изображениями хоранов и драконов, так и цветочными мотивами. Примечательно, что с XVI века такие же типы ковров начали производиться уже

59. Denny W. How to read Islamic carpets. New York, 2014, p. 88–89.

60. Мец А. Мусульманский ренессанс. Москва, 1973, с. 369.

61. Несвиж, Слуцк — города в составе Республики Беларусь.

62. Сворцова И. К вопросу о датировке слуцких поясов // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой. Минск, 2013, с. 191–197.

63. Hofrichter Z. Armenische Teppiche. Wien, 1937, p. 28.

64. Մազրկեան Ա. Հայկական գորգերը, էջ 5–36:

65. Քիրմեան Յ. Գորգը հայոց սուռ, էջ 80:

66. Batari F. Ottoman Turkish carpets. Budapest, 1994, p. 55–60, 135–154.

67. Армянские ковры. Москва, 1952, таб. 35.

в городах Малой Азии, поскольку в означенный период в этих областях появились новые колонии армян-переселенцев. Из архивных документов известно, что в 1548 и 1554 годах турки во главе с султаном Сулейманом Гануном из Араратской долины, Васпуракана, Еревана, Нахиджевана и Арцаха в Малую Азию и Константинополь насильно переселили несколько десятков тысяч армян⁶⁸. Именно после этого, в конце XVI и в XVII веках, в городах Малой Азии и начали создаваться ворсовые и безворсовые ковры, аналогичные тем, какие с давних времен производились в Арцахе, Нахиджеване, Васпуракане — с изображениями драконов, с растительными и животными мотивами.

Торговая деятельность армян способствовала также организации производства армянских изделий в России. В архивных документах 1668–1669 годов есть сведения о том, что из Персии в Москву прибыли армяне — мастера по ковроделию и производству шелка⁶⁹. Активная торговля в России шелком-сырцом и шелковыми изделиями завершилась тем, что по инициативе Петра I начали создаваться фабрики по производству шелка⁷⁰. В 1720 году Игнатий Францев Шериман (Шахриманян), армянин из Новой Джуги (в Персии), перевел часть своей шелкоткацкой фабрики из Москвы в Богородский уезд, в село Фряново. Впоследствии, в 1758 году, она была продана Захаром Шериманом Лазарю и Петру Назаровичам-Лазаревым⁷¹. Известно, что на шелковой фабрике Лазаревых производилось 22 образца декоративных тканей. Сюжеты и орнаменты их были разными: композиции из цветов и узоров, изображения животных, антропоморфные мотивы и так далее⁷².

Таким образом, торговая деятельность армянских купцов, ориентированная на страны Востока, в XIII–XIV веках достигла наивысшего уровня. Впоследствии, в условиях новых исторических реалий, восточное направление утратило прежнее значение, и армянские купцы устремили свой взор в сторону новых земель, поставляя на рынки Восточной Европы и России дорогие восточные товары, среди которых особой известностью пользовались армянские ковры и ткани. Вслед за купцами в страны Восточной Европы и в Россию направились армянские предприниматели и мастера-ткачи, которые в XVIII веке уже в местах новых поселений создали мануфактуры и фабрики по производству ценных шелковых тканей и ковров.

68. *Այլօրյանիս Ս. Պատմութիւնն իսկ Կեսարիոյ*. Չ. Ս. Գահիրէ, 1937, էջ 664–665:

69. Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. 1, с. 67–68.

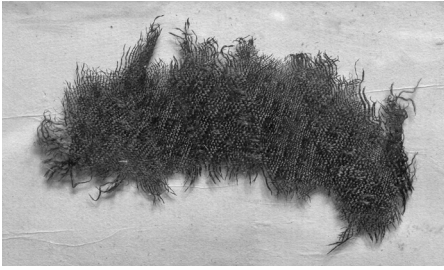
70. *Տանիվելու որդի Սարիաղի հաշվմանայանը*, էջ 18:

71. *Савицкая А.* О шелковых тканях фабрики Лазаревых в собрании Русского музея //

Сообщения Гос. Русского музея. Т. X. Москва, 1974, с. 74–75.

72. Там же, с. 76.

Иллюстрации

Илл. 1. Фрагмент шелковой ткани, XIII век, Ани (Музей истории Армении)

Илл. 2. Фрагмент армянской шелковой ткани, XVII век (Музей истории Армении)

Илл. 3б. Фрагмент ковра «Полонез»

Илл. 3а. Шелковый ковер «Полонез», XVII век, Исфахан (Метрополитен-музей)

Summary

Lilia Avanesyan,

PhD in History, Senior Researcher of the Department of Ethnography,
History Museum of Armenia (Yerevan)

Data on exporting Armenian textiles and carpets to the markets of Eastern Europe and Russia in the 13th—18th centuries

Information on medieval Armenian manufacturing of expensive fabrics, covers, pillows, curtains, chepraks (horsecloths) and carpets, known as “Armenian goods” or “asnaf al-armani”, is found in the works by Arab historians and geographers of the 9th—10th centuries. Italian traveler Marco Polo (1254–1324), 13th century historians Kirakos Gandzaketsi and Stepanos Orbelian write about expensive fabrics and famous carpets made in the cities of Armenia in the 13th—14th centuries. Materials of the archeological excavations in the city of Ani, also Armenian manuscript covers and miniatures of the 13th—14th centuries, indicate that carpets and fabrics were main interior elements in the dwellings and cultic structures of Medieval Armenia. Of particular interest is the information on samples of fabrics and carpets made by the Armenians in the cities of Armenia, Transcaucasia and Asia Minor, as well as data on their market value. In the trade diary of the well-known Armenian merchant Sarhat, son of Shahveli Bandoryan (his notes embrace the period from 1711 to 1718), the names of textile goods and their price in the currency of various European states are mentioned. It is known from the archival documents of the 17th—18th centuries that Armenian weavers and carpet-makers travelled to Russia and Poland right after the merchants. Thus, in 1720 Ignatius Frantsev Sheriman (Shahrimanyan), an Armenian from New Julfa (in Persia), transferred part of his silk-weaving factory from Moscow to the village of Fryanovo (Bogorodsky district), then in 1758 sold it to Lazarus and Pyotr Nazarovich-Lazarevs. The factory produced 22 samples of the best decorative fabric in Russia.

Summing up, let's say that the collected material on this topic testifies to the high level of development of Armenian weaving in the 13th—18th centuries, the active trade in Armenian fabrics and carpets in the markets of Eastern Europe and Russia, as well as the organization of production of fabrics and carpets at the points of sale of these goods.

Из истории самоуправления армян на Дону: полицейская служба в Нахичевани (конец XVIII–XIX вв.)¹

Левон Батиев,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий Лабораторией социологии и права
Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону)

Несмотря на стремление к централизации и унификации государственного механизма в Российской империи, долгие годы еще сохранялись своеобразные правила организации и деятельности административного управления, суда и полиции, обусловленные «разноплеменным» составом населения, разными темпами «административного освоения» присоединенных территорий, а также льготами и привилегиями, дарованными переселенческим группам. Среди таких групп выделялись, в частности, крымские армяне, переселенные на Дон в конце XVIII века. В числе «прав и преимуществ» им было разрешено «*учредить магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальниками*»².

С 1780-го по 1870-е годы в основанных переселенцами из Крыма городе Нахичевани³ и Армянском сельском округе существовала собственная система самоуправления на основе национальных обычаев, Армянского судебника, составленного в Астрахани во второй половине XVIII века частными лицами — судьями армянского суда⁴, и своеобразного устава общины, изложенного армянским архиепископом Иосифом Аргутинским (Овсэп Аргутян). Почти вековое функционирование этой системы самоуправления на сегодняшний день недостаточно изучено. Есть солидная монография В. Б. Бархударяна, в которой, однако, система органов управления получила минимальное освещение, а полицейская служба и вовсе обойдена вниманием⁵. В 1903 году в Тифлисе на армянском языке была опубликована книга Ерванда Шахазиза «Исторические зарисовки», которая дает весьма ценный материал, в том числе и по организации управления и суда в Нахичевани-на-Дону.

Конкретно-исторический подход к исследованию обозначенной проблемы позволит воссоздать подробную картину столь немаловажной для повседневной жизни общества отрасли управления, как полицейская служба, организованная

1. Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № 122020100350-2 «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты».

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее — ПСЗ-1). Т. 20 (1775–1780). СПб., 1830, № 14942; Т. 24 (с 6 ноября 1796–1798). СПб., 1830, № 18033; Т. 25 (1798–1799). СПб., 1830, № 18811.

3. Используются формы написания «Нахичевань» (жен. род), «Нахичеван» (муж. род). К армянской транскрипции близка форма «Нахиджеван», означающая «место первоначальной стоянки».

4. *Алексеев К.* Изложение законоположений в Армянском судебнике. Москва, 1870;

Хачатурян В. А. Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // Известия Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1963, № 12, с. 57–68.

5. *Бархударян В. Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван, 1996.

на своеобразных началах, не совпадающих с общероссийскими порядками. Исследование может быть также полезным для оценки эволюции национальной политики российского государства в XVIII–XIX веках, а также для уяснения специфики процессов самоорганизации и самосохранения достаточно крупной этнокультурной группы и ее адаптации к принимающему сообществу. Наряду с нахичеванскими армянами сходные, но несовпадающие процессы происходили у мариупольских греков, также переселенных из Крыма. Исследование этих процессов даст возможность определить общее и особенное в организации жизнедеятельности различных групп населения России в имперский период.

* * *

Полицейская служба в Нахичевани возникла вместе с образованием магистрата—14 января 1780 года⁶. В составе первого органа самоуправления числились председатель, четыре заседателя, секретарь, канцеляристы, подканцеляристы, рассыльные и два сторожа. Указом Азовской губернской канцелярии от 11 мая 1780 года за № 2969 всем им назначалось жалованье из казны. На строительство каменного здания магистрата деньги также выделились из казны. При магистрате было построено помещение для арестованных, казарма для нижних чинов стражи, сарай и конюшня для пожарного обоза⁷.

В магистрат входили административное управление, суд и полиция города, а также пяти окрестных армянских сел. Суд состоял из армянской и русской частей под председательством одного и того же первого, или главного, судьи. В армянской части рассматривались все дела (на армянском языке и на основании Армянского судебника), за исключением уголовных дел и дел с участием неармян: эти дела рассматривались в русской части суда (на русском языке, в соответствии с всеобщими законами империи)⁸. Председатель и заседатели магистрата избирались из всех сословий на три года. Председатель соединял в себе городничего Нахичевани и земского исправника Армянского сельского округа. Двое заседателей магистрата осуществляли обязанности полицейских исправников: один—в городе, а второй—в Армянском сельском округе, то есть «в пяти селах, 18 хуторах, раскинутых у поселка Полуденка и вдоль берегов рек Самбек и Чулек, а также на другом берегу Дона»⁹. Они также назывались судьями и участвовали в заседаниях суда в качестве второго судьи. «Как полицейский-судья города, так Армянского округа имели в своем распоряжении рядовых полицейских. Те, кои находились в подчинении полицейского-судьи округа, были на лошадях и поэтому назывались «Атлы-караул»¹⁰, а у городского полицейского-судьи они были пешие и назывались «Бешлы»¹¹, а значит [сам он был] начальником пяти. Бешлы кроме зарплат, которая им была определена, еще по десять копеек получали от тех, кого по чьему-либо частному иску отводили в суд. Их всего было шесть человек, знаком их должности была палка, окрашенная в красные и зеленые полоски: их они носили, когда ходили по городу во время несения своей службы»¹². Помимо этого,

6. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь. Дневник и воспоминания. Ростов-на-Дону, 2015, с. 299;

Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис, 1903, с. 1 (на арм. яз.).

7. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь, с. 249.

8. Шахазиз Е. Исторические зарисовки, с. 1–2; Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь, с. 295.

9. Шахазиз Е. Исторические зарисовки, с. 11.

10. От тюркского «ат»—конь. «Атлы-караул»—конная полиция.

11. От тюркского «беш»—пять.

12. Шахазиз Е. Исторические зарисовки, с.11–12.

в распоряжении магистрата были вспомогательные силы из служилых или отставных солдат, которых направляло правительство для несения полицейской, тюремной и пожарной службы¹³. Пожарная команда в первой четверти XIX века состояла из «4-х человек с 4-мя лошадьми, 6-ю бочками на дрогах и 3-мя заливными трубами»¹⁴. Полицейская команда, которая находилась в ведении магистрата, «состояла из двух унтер-офицеров и двадцати рядовых, пожарная—из двух унтер-офицеров, брандмейстеров и восемнадцати рядовых. Полицейские дела ведались магистратом на общих основаниях, установленных в пределах империи для полицейских дел»¹⁵. На низовом уровне «охрану порядка» в начале XIX века обеспечивал штат из 30 будочных сторожей¹⁶. К 1870 году число ночных сторожей, или хожалых, при квартирах города превышало 40 человек¹⁷. В армянских селениях полицейские функции выполнялись сельскими старшинами¹⁸.

Деятельность полицейских-судей в середине XIX века отличалась определенной патриархальностью. Вот как описывает нахичеванские порядки местный уроженец И. М. Келле-Шагинов: «С 1857 по 1860 годы отец нес выборную должность заседателя магистрата. <...> Обязанностью отца была чисто полицейская часть. <...> Прежние заседатели до него ходили по селениям пешком и начальнического духа не проявляли. Розги и палка были обычным делом. Заседатель был вправе за малейшееслушание послать хоть кого угодно на пожарный двор, дать ему количество розог по усмотрению. Вот, сидим дома на крыльчке, приводят провинившегося: узнав в чем дело и убедившись в его виновности, судья (т. е. отец мой) тут же рассудит и приказывает вести его в пожарный двор, дать 20 розог. Исполнение всегда оставлялось на другое утро, когда сам придет в присутствии. Это уже стража знала, и потому виновного пока держали в кордегардии. На другое утро отец, придя в присутствие, требует привести его, прочитает ему хорошую нотацию, доведет его до раскаяния, возьмет слово, что это более не повторится. А если причинил кому ущерб или обиду, заставляет помириться, возместить потерпевшему причиненный убыток или выпросить прощение и так его отпустит, не находя надобности в исполнении экзекуции»¹⁹. Необходимо также отметить, что такая упрощенная процедура не соответствовала статье 11 Армянского судебника, на основании которого производились суд и расправа. Суд должен был производиться только в помещении суда и коллегиально²⁰.

Нахичевань-на-Дону и пять армянских сел изначально находились в подчинении Азовской губернии, затем, в ходе нескольких общих административно-территориальных преобразований, оказались в составе Екатеринославского наместничества, Новороссийской губернии, Екатеринославской губернии, Таганрогского градоначальства, а в середине XIX века—вновь Екатеринославской губернии.

13. Келле-Шагинов С. История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://husisapail.wordpress.com/2012/05/01/сергей-келле-шагинов-история-семьи-из/> Дата доступа: 20.02.2021).

14. Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1989, с. 14.

15. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь, с. 297.

16. Богданян А. М. Из прошлого, с. 14.

17. Национальный архив Армении (далее—НАА). Ф.139, оп 1, д. 251, л. 11 об.

18. Богданян А. М. Из прошлого, с. 10.

19. Келле-Шагинов С. История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений.

20. См.: Алексеев К. Изложение законоположений в Армянском судебнике. М, 1870, с. 73.

И все это время Нахичевань сохраняла административно-судебную автономию и общую структуру органов самоуправления, созданную еще в конце XVIII века.

31 октября 1807 года именным указом императора Александра I было поддержано предложение Таганрогского градоначальника Б. Б. Кампенгаузена и предписано присоединить Нахичевань, Ростов и Мариуполь «к ведомству Таганрогского Градоначальства по части полиции, торговли и купеческой навигации. По всем сим предметам управление их должно состоять на тех же самых основаниях и обрашаться в тех же пределах власти, какие поставлены для управления Таганрогом»²¹. Однако внутреннее устройство полиции в Нахичевани осталось прежним.

В 50-х годах XIX века ситуация изменилась. Административным делением от 1 января 1859 года Нахичевань и Армянский округ вновь оказались в составе Екатеринославской губернии²². Но еще в 1858 году в Министерстве внутренних дел рассматривался вопрос «о преобразовании Городского Управления в некоторых городах Новороссийского края и Бессарабской области»²³. 28 сентября 1859 года императором был одобрен представленный Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором А. Г. Строгановым проект «преобразования управления городов Мариуполя и Нахичевана с их округами согласно с общими началами в государстве, не касаясь существа льгот и привилегий»²⁴. Но при этом предполагалось «судебную власть в сих городах отделить от власти полицейской <...> Городскую полицию в Мариуполе и Нахичеване и Земскую в их округах устроить на общем основании, с определением в городах особых полицеймейстеров или городничих от короны»²⁵.

За год до этого, на основании доклада министра внутренних дел, утвержденного указом 4 июля 1858 года, уже были намечены основные начала реформы полиции, суть которых заключалась в следующем: «1) назначение полицейских начальников от правительства; 2) соединение городской полиции с уездной; 3) отделение от полиции частей следственной, судебной и хозяйственной»²⁶. Городская и уездная полиция объединялись²⁷, изменялись принципы комплектования полиции: полицейские команды должны были формироваться не из отставных нижних чинов военных, а из вольнонаемных по контракту. Низовой аппарат полиции расширен: учреждены должности участковых урядников и полицейский резерв, в уездах — отряды сельской стражи, увеличена численность околоточных надзирателей в городах. Нахичеванский Армянский магистрат подпадал под эту реформу, поскольку «содержал в себе все управляющие учреждения и города и сел: он был и судом, и полицией, и городской думой для переселенцев»²⁸.

В качестве одного из аргументов в пользу преобразования полиции Нахичевани указывалась ее плохая работа. Между тем в первой половине и даже середине XIX века в Нахичевани сохранялись достаточно консервативные нравы и низкий уровень преступности. Хотя, как и во все времена, были и жалобы на «беспутную молодежь», и на то, что «общество наше непослушное, законопреступное и не боится бога, не внемлет назиданиям; магистрат наш отечески предписывает

21. ПСЗ-I. Т. 29 (1806–1807). СПб., 1830, № 22671.

22. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 г. Екатеринослав, 1864, с. 189.

23. Н.А.А. Ф. 139, оп. 1, д. 87, л. 4.

24. Н.А.А. Ф. 139, оп. 1, д. 131, л. 2.

25. Там же. См. также: Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь, с. 297.

26. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901, с. 132.

27. См.: «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее — ПСЗ-II). Т. 37 (1862). СПб., 1865, отд. 2, № 39087.

28. Шахазиз Е. Исторические зарисовки, с. 1.

и наставляет: «не делайте, соблюдайте законы», но не слушаются»²⁹. В отчете, представленном таганрогскому градоначальнику 23 июня 1823 года, читаем: «В течение последних 10 лет в округе Нахичевана никем из жителей ни одного убийства не учинено»³⁰.

Сравнение статистических данных середины XIX века показывает достаточно низкий уровень преступности в Нахичевани в сравнении с Ростовом и Таганрогом: «Нахичеванский магистрат 10 января 1860 года за № 45 представил Екатеринославскому гражданскому губернатору графу Александру Карловичу Сиверсу годовой отчет о состоянии нахичеванского округа за 1859 год. <...> В 1859 году было одно убийство: крестьянин из помещичьих в драке цыгана убил. Грабежей не было. Краж в городе было девять, в округе воровства не было. Виновыми в краже оказались: один выходец из-за границы, один помещичий крестьянин, трое турецких подданных и трое мещан из Ростова. Подкидышей было шесть, незаконнорожденных три. Высланных на поселение в Сибирь по приговору за развратное и дурное поведение не было, а равно в рекруты никого не выдано. Под арестом находилось 130 человек, из коих 93 препровождены в таганрогское градоначальство, как неместные. Раскольников в ведомстве магистрата не было»³¹. В 1866 году в Нахичевани и Армянском округе было всего 45 преступлений, в Таганроге—140, в Ростове—300 (вместе с уездом—413). Самые распространенные преступления: кражи в Нахичевани с округом—22, в Таганроге—41, в Ростове—104 (с округом—164); выпуск в обращение фальшивых денег, в чем обвиняли нахичеванцев, называя город притоном фальшивомонетчиков: в Нахичевани с округом—3, в Таганроге—6, в Ростове—20; подделка фальшивых денег—один случай в Таганроге. В общей сложности одно преступление приходилось в Ростове на 123 человека, Таганроге—на 148, Нахичевани—на 539. Население Таганрога составляло 20 807 человек, Ростова—36 992, Ростовского уезда—88 624, Нахичевани с округом—24 270³². Таким образом, уровень преступности в Нахичевани в 1866 году был в 4,4 раза меньше, чем в Ростове, и 3,6 раза меньше, чем в Таганроге.

Но было еще одно обстоятельство, которое роковым образом отразилось на судьбе нахичеванской полиции. Самостоятельность Нахичевани в вопросах местного управления, полиции и суда вызывала ревниво-негативную реакцию как соседей, так и вышестоящего областного начальства. Как писал Е. Шахазиз, власти соседних городов с самого начала взяли на вооружение жалобу и клевету на правительство Нахичевани. Им, во-первых, не нравилась ее автономия, а во-вторых, тем самым местные власти оправдывали свою неспособность справиться с преступностью. Более всего в этом направлении работал город Ростов, который был ближе всего к Нахичевани и считался ее конкурентом, завидовал славе Нахичевани, ее благоустройству, земельным владениям армян. «Не осталось лжи и сплетен, которых ростовчане не распространили бы о Нахичевани, не осталось козней и клеветы, коих они не направили бы в адрес нахичеванцев»³³. Об антинахичеванской кампании, развернутой в 1860-х годах в донесениях и в прессе, писал и В. Б. Бархударян³⁴.

29. Бозданян А. М. Из прошлого, с. 16.

30. Там же, с. 14.

31. См.: Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь, с. 296.

32. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. Часть II. Екатеринослав, 1867, с. 296.

33. Шахазиз Е. Исторические зарисовки, с. 39–40.

34. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917), с. 332.

Резко критические выпады как в отношении «национального характера» армян, так и традиционной системы самоуправления, полиции и суда находим и в официальном издании «Судебно-статистические сведения», вышедшем в связи с подготовкой судебной реформы, и в столичной прессе: «В Нахичеванском округе такое же смешение несоединимых властей, какое существует и в Мариупольском округе, с тем только различием, что греки во всех гражданских сделках между собой руководствуются одними русскими законами, а армяне имеют свой гражданский кодекс. Впрочем, по своей семейной жизни, сохранившей всю обстановку и характер азиатский, судебник составляет для них национальное законоположение. Армяне говорят по-русски хуже греков. В них больше исключительности и меньше готовности слиться с русским населением; людей, стоящих выше старинных обычаев, судебника и грамоты 1779 года, у армян меньше, чем у греков»³⁵. По мнению авторов издания, косностью армян, их излишней преданностью старинным порядкам и нежеланием слиться с русским населением «объясняется усиленное ходатайство о невведении в Округе полиции на общих правилах», упорство при введении судебного следователя, доходившее до беспорядков, и «косвенное стремление вытеснить русских уроженцев, приобретших собственность в Нахичевани»³⁶. По мнению инспекторов, это вело к крайней неэффективности полиции: Нахичевань, по оценке авторов, — это царство фальшивомонетчиков и делателей фальшивых ассигнаций. «Полиция покрывает много разных преступлений, не делает по ним дознаний или дознания эти удерживает у себя так долго, что следы преступлений совершенно скрываются. За членами магистрата числится неоконченных следствий прежних годов»³⁷. Вывод из критической оценки мог быть однозначным: «Ни по географическому положению своему, ни по тесным связям с населением и промышленными местностями, ни особенно потому, что в Нахичевани есть значительное число собственников и приписанных из русских, и много служит их по найму, — нельзя оставить этот порядок без коренных изменений»³⁸. Эта оценка была подхвачена и развита столичной прессой³⁹. Впрочем, Нахичевань не была исключением. Отношение к греческому Мариуполю было аналогичным. В «Судебно-статистических сведениях» утверждалось: «От безнаказанного произвола заседателей суда больше всего страдают лица русского происхождения, или поселившиеся в Мариуполе, или в значительном числе приходящие летом на заработки. Заседатели действуют пристрастно в пользу греческих уроженцев и в ущерб интересам не греков; это заметил Губернский прокурор, рассматривая дела по 23 запискам, поданным ему в продолжении двух дней его пребывания в Мариуполе. Такой порядок вещей положительно невозможен в настоящее время. Безобразие его сознается городскими греками и невыносимо для русских <...> Он поддерживается сельским населением, крайне невежественным, смотрящим на всякое преобразование, как на нарушение их привилегий»⁴⁰. Точно так же вызывало раздражение и греческое самоуправление в Таганроге. Уже первый градоначальник — генерал от инфантерии А. А. Дашков (1802–1805 гг.) безуспешно

35. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. СПб., 1866, отд. «По Екатеринославской губернии», с. 56.

36. Судебно-статистические сведения, отд. «По Екатеринославской губернии», с. 56.

37. Там же, с. 56–57.

38. Там же, с. 57–58.

39. «Вечерняя газета». СПб., 1872, № 51 (22 февраля).

40. Судебно-статистические сведения, отд. «По Екатеринославской губернии», с. 48–49.

ходатайствовал о соединении его с русским магистратом⁴¹. В 1866 году таганрогский градоначальник контр-адмирал И. А. Шестаков приходит к выводу, что «Таганрог остался иностранным городом, хотя огромное большинство его жителей — русские». Причиной этого он считал учрежденные в предоставленных иноземным выходцам Таганроге, Мариуполе и Нахичевани градоначальства, которые слишком долго опекали их. «Подобный порядок вещей, препятствующий торжеству правды и закона, как я пояснил в отчете о полиции, особенно вреден в смысле государственного единства»⁴².

Однако реформа в этот раз не состоялась, хотя процесс ее обсуждения начался годом ранее. Так, из архивного дела мы видим, что «1858 года июня 28 дня Нахичеванское на Дону армянское городское общество вместе с доверенными от поселян армянских селений, будучи в собрании под председательством членов Нахичеванского армянского магистрата и Градского головы»⁴³, выслушав предписание начальства, приговорило «предоставить Магистрату совместно с Градским головою ходатайствовать о оставлении навсегда установленного предками нашими порядка по управлению городским хозяйством»⁴⁴. Неизвестно, как решился бы вопрос, если бы не организационно-финансовые трудности, которые возникли независимо от позиции нахичеванцев. Вопрос о введении полиции в армянской Нахичевани и греческом Мариуполе по общему порядку развивался по бюрократической линии. В 1859 году гражданский губернатор граф А. К. Сиверс представил «проект штатов для сих полиций; расход в сумме 7300 рублей серебром предполагалось по силе 12-й статьи Устава о земской повинности отнести на Государственный сбор. Проекту был дан ход в законном порядке. Наконец, 6 февраля 1862 года Новороссийский генерал-губернатор дал знать губернатору, «что об устройстве полиции в Мариуполе и Нахичевани Министерство внутренних дел входило в сношение в Министерством финансов, которое отозвалось, что как Устав о земских повинностях пересматривается в Высочайше утвержденной при Министерстве финансов комиссии, после чего, вероятно, часть сия получит новое преобразование, то он полагал удобнейшим — вопрос об отнесении на Государственные земские сборы означенного расхода отложить до окончательного пересмотра упомянутого Устава». — На том дело и остановилось»⁴⁵.

Но это было не так. Государственная машина России, хоть и медленно, но двигалась по пути реформ. Нахичеванская элита всеми способами старалась сохранить права и привилегии, дарованные Екатериной II, и не допустить упразднения Армянского магистрата. В поддержку Нахичевани выступил даже католикос Маттеос I (1858–1865 гг.), обратившись к наместнику Кавказа. Последний заверил владыку, что речь идет лишь об отделении полицейской службы от суда⁴⁶. И действительно, первой под удар попала организация полицейской службы в Нахичевани-на-Дону. Ирония истории заключалась в том, что, отбившись от возможного реформирования судебно-полицейской власти в конце 1850-х годов, Нахичевань вскоре полностью потеряла право иметь собственное городское полицейское управление. Вопреки петициям армянской общины, решением генерал-губернатора Нахичевань

41. Филевский П. П. История города Таганрога. Таганрог, 1996, с. 186–187.

42. Там же, с. 200.

43. Н.А.А. Ф.139, оп.1, д. 87, л. 33.

44. Там же.

45. Судебно-статистические сведения и соображения, отд. «По Екатеринославской губернии», с. 49.

46. См.: Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917), с. 333.

в 1865 году была подчинена полицейскому управлению Ростова—поначалу как временная мера. Села, входившие в Армянский округ, к этому времени уже находились в подчинении земств Ростова⁴⁷. Но уже 27 февраля 1868 года мнение Государственного Совета о новых штатах Мариупольского уездного и Ростовских (на Дону) уездного и городского полицейских управлений получило Высочайшее утверждение: Нахичевань и сельский округ окончательно перешли в ведение Ростовского городского и уездного полицейских управлений⁴⁸.

Один из трех приставов Ростовского полицейского управления и три из девяти их помощников несли службу в Нахичевани. Армянский магистрат Нахичевани все еще сохранялся, но полностью утратил полномочия в сфере полицейской службы. Члены магистрата продолжали избираться обществом с последующим утверждением губернским начальством⁴⁹, но выполняли полицейские функции под руководством ростовских городского и уездного полицейских управлений. Назывались они полицейскими заседателями⁵⁰ (заседатели, выполнявшие полицейские функции в уезде, иногда назывались окружными⁵¹). Из материалов делопроизводства магистрата видно, что полицейские заседатели всячески старались (часто под предлогом болезни или торговой надобности⁵²) избежать службы. Из-за их отсутствия останавливалось производство дел⁵³.

Руководство города не оставляло попыток создать в Нахичевани собственное полицейское управление с подчинением ему округа с пятью армянскими селами. Так, 30 июня 1869 года Нахичеванский городской голова ходатайствовал об этом перед Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Однако получил формальный отказ, «ввиду состоявшегося лишь в прошлом году Высочайшего повеления о подчинении г. Нахичевани Ростовскому Городскому Полицейскому управлению, а округа пяти армянских селений—тамошнему Уездному Полицейскому Управлению»⁵⁴.

Однако нахичеванские городские власти не оставляли попыток сформировать самостоятельное полицейское управление. Решение об этом было принято Нахичеванским городским управлением 11 ноября 1870 года. Собрание городского общества решило обратиться с соответствующим прошением в правление Екатеринославской губернии. Представители города просили учредить в городе Нахичевани отдельное от Ростова городское полицейское управление. Штат управления с канцелярией полицмейстера и особым домом для полицейской части должен был включать одного полицмейстера, одного частного пристава и трех его помощников⁵⁵. Содержание полицейского управления в размере 10 380 рублей, кроме расходов на помещение пристава, отопление помещения, квартирные (полицмейстеру, трем помощникам пристава и секретарю в соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний...» от 25 декабря 1862 года⁵⁶), городские власти готовы были взять на

47. Там же, с. 336.

48. ПСЗ-И. Т. 43 (1868). СПб., 1873, отд. 1, № 45541.

49. НАА. Ф. 139, оп. 1, д. 191, л. 292–292 об.

50. Там же, л. 21, 24, 260, 301, 302.

51. Там же, л. 367–367 об.

52. Там же, л. 259–260, 268, 270, 320, 322, 335–335 об., 338, 342, 343, 357, 362–364, 367, 368, 382.

53. Там же, л. 267, 311–311 об.

54. Там же. Ф. 139, оп. 1, д. 249, л. 16 об.—17.

55. Там же. Ф. 139, оп. 1, д. 251, л. 7; Ф. 91, оп. 1, д. 15, л. 1.

56. ПСЗ-И. Т. 37 (1862), отд. 2., № 39087.

бюджет Нахичевани⁵⁷. В письме к Екатеринославскому генерал-губернатору они апеллировали уже не к дарованным Екатериной II привилегиям, а ссылались на то, что в связи развитием города, увеличился также «*весьма значительно торговый и рабочий класс народа*»⁵⁸. Городское собрание обращало внимание губернского руководства на то, что «*через г. Нахичевань проходит железная дорога, сам город, как по денежным оборотам, так и по обширности населения ни в чем не уступает г. Ростову, а один Частный Пристав не в состоянии следить с должною аккуратностью за благочинием в городе*»⁵⁹.

Однако эти аргументы не показались в Екатеринославе достаточными. В предписании Нахичеванскому городскому голове губернским правлением указывалось, что «*в приговоре том не обозначено ни суммы, которую Общество предполагает к расходу по содержанию, кроме исполнительных чинов канцелярии Городского Полицейского Управления, а также в крайне сжатом виде определен и состав Полиции. О полицейских же десятских, без которых немислим Полицейский надзор, Общество совершенно упустило из виду*»⁶⁰. Но не это, по-видимому, было главным. Приговор городского общества состоялся 11 ноября 1870 года, рапорт был представлен на рассмотрение губернского начальства 19 ноября того же года⁶¹. Из текста предписания губернского правления видно, что до его принятия в Екатеринославе побывал ростовский полицеймейстер Александр Тартанов, который, «*как близко знакомый с нуждами г. Нахичевана, заявил словесно и представил письменный проект штатов, по которым следовало открыть в г. Нахичеване Городское Полицейское Управление*»⁶². Надо полагать, что А. Тартанов оказался в Екатеринославе неслучайно и проект штатов Нахичеванской полиции⁶³ также не был его внезапной импровизацией. Позиция ростовского полицеймейстера — а с ним склонно было согласиться и губернское правление — довольно противоречива. Подчиненное положение Нахичевани и наличие там одного лишь частного пристава не вызывало никаких вопросов. Но как только нахичеванцы попросили создать собственное городское полицейское управление, немедленно возник проект достаточно большого учреждения: «*Из проекта этого видно, что предлагаемая к открытию Полиция должна состоять из Полицейстера с расходом на жалованье ему 1200 р., Канцелярии: Секретаря — на жалованье 500 руб., 2-х Столоначальников — 400 руб., Регистратора — 200 руб., 2-х Городовых Приставов с жалованьем обоим 1200 р., 4 помощников приставов — всем 1600 р., да 70 человек нижних полицейских чинов, на наем которых вместе с расходом по продовольствию и облундированию потребуются 12 600 руб.; кроме того, на канцелярские издержки Полицеймейстера и Городовых приставов, наем писарей и сторожа — 1800 р. По счету Ростовского Полицеймейстера всего содержанию в г. Нахичеване Городского Полицейского Управления потребуются расходу 19 300 р. в год, более суммы остатка на 4320 р. 93 ¼ коп.; затем для Полицейского Управления еще потребуются на первых порах мебель и постоянно наем помещения, отопления и освещения*»⁶⁴. Тем не менее, не отказывая окончательно, губернское правление запрсило

57. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 91, оп. 1, д. 15, л. 2.

58. Там же, л. 1.

59. НАА. Ф. 139, оп. 1, д. 251, л. 7.

60. Там же, л. 7 об.

61. Там же, л. 7.

62. Там же, л. 7 об.

63. Там же, л. 9–9 об., 15.

64. Там же, л. 7 об., 16.

дополнительного заключения городского общества в форме «приговора» о всех возникающих вопросах.

Любопытно, что расходы на штаты городской и уездной полиции Ростова-на-Дону (включая Нахичевань, армянские села и Азов), рассчитанные в МВД и утвержденные в Государственном совете, а затем и императором, по состоянию на 27 февраля 1868 года составляли всего 9700 рублей для городского управления и 10 500 рублей для всего уезда. На всю Нахичевань согласно штатам, утвержденным тогда же, предполагался один пристав с тремя помощниками⁶⁵.

Нахичеванцы попытались конкретизировать свои предложения и на новом собрании городского общества и совета опекунов доказать обоснованность запросов. Первый раз собрание было назначено на 24 мая в 3 часа пополудни⁶⁶. Однако городской голова Матвей Плотников тщетно приглашал ростовского полицеймейстера принять участие в собрании и в соответствии с предписанием губернского правления выразить свое мнение по конкретизированному проекту общества⁶⁷. Окончательный протокол собрания был составлен 28 мая 1871 года в отсутствие ростовского полицеймейстера. Не дал он ответа и на письменный запрос городского головы от 7 июня 1871 года⁶⁸.

Городское собрание в приговоре, или заключении, от 28 мая согласилось с предложенным полицеймейстером А. Тартановым проектом штата полицейского управления, но внесло некоторые изменения. Во-первых, отмечалось, что *«хотя город Нахичевань состоит в двух номинальных частях, но в действительности еще в недавнем прошедшем заведывал городом вообще один заседатель упраздненного Армянского магистрата, с одним письмоводителем и с одним писцом»*. Поэтому, заключали авторы приговора, в настоящее время не предвидится необходимости в двух приставах: *«Один пристав с тремя помощниками, из коих, находясь один постоянно или поочередно, как найдется это удобным полицейским управлением, на левом берегу реки Дона, где преимущественно в лето на короткое время бывает стечение народа, по случаю оживленной торговли там сельскими произведениями, весьма удобно и удовлетворительно смогут выполнить службу»*⁶⁹. Далее предлагалось: *«Вместо означенных в сказанном проекте 30-ти десятских для Полицейского Управления и частей <...> иметь 22 пеших и 6-ти конных, так как сии последние могут с лихвой заменить 9 пеших, как для рассылки в спешных случаях, так и для ночных объездов и дозора»*. В сорока городских горожане не увидели надобности: *«при существовании у нас ночных сторожей, или хожалых, при квартирах города по найму от домохозяев, число таковых хожалых в настоящее время простирается более 40 человек <...>; а двое из верховых, объезжая город днем, легко могут наблюдать за благоустройством города и чистотой улиц»*⁷⁰. Разместить полицейское управление предлагалось *«в городском здании упраздненного магистрата, а для части будет нанято удобное помещение в центре города, где мог бы помещаться и пристав»*⁷¹. С учетом изменений, которые нахичеванское общество предложило внести в проект штата Полицейского управления, сумма расходов должна была составить не заявленные полицеймейстером Ростова 19 300 рублей, а 10 380

65. ПСЗ-III. Т. 43 (1868), отд. 1, № 45541.

66. НАА. Ф.139, оп 1, д. 251, л. 18.

67. Там же, л. 17.

68. Там же, л. 18 об., 22, 28 об.

69. Там же, л. 10–11, 24–25.

70. Там же, л. 11 об.

71. Там же, л. 13 об.

рублей⁷², тогда как доходы города, остающиеся за вычетом расходов, составляли 14 911 рублей 89 $\frac{3}{4}$ копеек, а к ним еще следовало прибавить 7360 рублей, расходуемые на содержание уже существовавшей в Нахичевани полицейской части⁷³.

Руководство города соглашалось с тем, что, несмотря на приток людей «*торгово-промышленного, мастерового и рабочего классов*» после проведения железной дороги, тем не менее в Нахичевани эта группа «*не может идти в сравнение с соседним городом Ростовом, но много раз уступает оному численности народонаселения, как местных, так и приезжих*»⁷⁴. К месту отметить, что в Нахичевани в тот период числилось всего 13 178 жителей, а в Ростове—20 513. По доходам и расходам Ростов также уже опережал Нахичевань⁷⁵. Но чтобы обосновать необходимость создания собственного полицейского управления отмечалось, что как «*по исключительному своему положению, так и по значению Нахичевана в числе городов Екатеринославской Губернии, даже по купеческим капиталам и размером участия в государственном налоге Губернии, не говоря уже и о том, что население городов Ростова и Нахичевана, равенствуясь между собою во многих отношениях, справедливость требует, чтобы дано было Нахичевану, как самостоятельному городу, самостоятельное же учреждение*»⁷⁶.

Из-за саботажа полицеймейстера дело затянулось, и вот уже 3 июля 1871 года губернское правление потребовало у городского головы немедленно «*исполнить предписание сего Правления от 28 февраля за № 1168*»⁷⁷. После этого в Екатеринослав был отослан рапорт с общественным приговором. Аргументы города вновь не были приняты, но уже под другим благовидным предлогом. Губернское правление вернуло приговор и штаты, спроектированные ростовским полицмейстером. Имея в виду, что в скором времени в Нахичевани будет введено в действие «*Городовое Положение*», оно нашло «*наиболее соответственным настоящие дело передать на обсуждение имеемой образоваться в Нахичевани новой думы*»⁷⁸.

После образования в Нахичевани городской думы руководство города вновь выступило с аналогичной инициативой. На содержание полицейского управления было исчислено 10 380 рублей. Проект полицейского управления, составленный 15 ноября 1872 года по поручению Нахичеванской городской думы, включал в себя следующий штат: «*Полицеймейстер—1, оклад 1200 руб., квартирных 300 руб. Канцелярия: Письмоводитель—1, оклад 600 руб. На наем писцов и канц. издержки—1000 руб. На наем пеших десятских—20 человек, 180 руб., всего—3600 руб. Конных—5 человек, всего 1250 руб. Отопление и освещение полицейской управы—180 руб. Городской пристав—1, оклад 600 руб., квартирных 200 руб. Помощник пристава—2 человека, оклад 400 р., квартирных 300, всего 800 р. На канцелярские издержки приставу—200 руб. Городовых—20, оклад 180 р., всего 3600 руб. И того—13 830 руб.*»⁷⁹.

Затем дума внесла изменения в штат, сократив расход на 1940 рублей и весь расход был исчислен в сумме 11 890 рублей. Независимо от решения вопроса о создании отдельного полицейского управления, руководство города ходатайствовало перед губернатором о том, чтобы обязательно учредить 20 городовых:

72. Там же, л. 13; ГАРО. Ф. 91, оп. 1, д. 15, л. 1–2.

73. НАА. Ф.139, оп 1, д. 251, л. 13 об.

74. Там же, л. 11.

75. Городские поселения в Российской Империи. Т. 2. СПб., 1861, с. 205.

76. НАА. Ф.139, оп 1, д. 251, л. 11–11 об.

77. Там же, л. 19.

78. Там же, л. 24–24 об.; ГАРО. Ф. 91, оп. 1, д. 15, л. 12.

79. ГАРО. Ф. 91, оп. 1, д. 15, л. 4.

«Но т.к. настоятельная потребность в усилении полицейского надзора вообще чувствуется, то комиссия, предлагает независимо от учреждения предлагаемого полицейского управления <...> учредить 20 городских, которые, находясь днем на известных пунктах города, могли бы усилить полицейский надзор, столь необходимый для спокойствия горожан»⁸⁰. Затем дума внесла изменения в штат, сократив расход на 1940 рублей, и вся сумма составила 11 890 рублей. По справке вступающего в должность городского головы «в настоящее время содержание полиции обходится городу в 10 685 руб.», то есть разница составляла лишь 1205 рублей⁸¹.

Генерал-губернатор, не отказывая прямо в вопросе об учреждении полицейского управления, 4 октября 1873 года предложил городскому голове срочно внести на рассмотрение городской думы вопрос о том, «в каком именно размере по соображению со средствами города она признает возможным отпустить сумму из городских доходов на содержание Нахичеванского Городского Полицейского Управления в счет исчисленных по проектированию думой штату 11 890 руб.», поскольку создание полицейского управления возможно «только при условии денежного пособия со стороны города Нахичевани»⁸². И вновь вопрос о полном обеспечении полицейского управления на средства города был поставлен перед городской думой, теперь уже — перед вступающим в должность городского головы Каракашем, поскольку только при этом условии возможно было возобновить ходатайство об осуществлении желания общества⁸³. «Благодаря» бюрократическим проволочкам, решение об учреждении в Нахичевани отдельного от Ростова городского полицейского управления так и не было принято. Истинная причина отказа крылась не в финансовых вопросах. Губернские власти опасались даже намека на восстановление автономии Нахичевани и хотели иметь полицейскую власть, совершенно не связанную с армянским городским обществом. А само объединение полиции в это время рассматривалось, по крайней мере, руководством Ростова, как основание для последующего «объединения и их хозяйств»⁸⁴ — поглощения Нахичевани Ростовом-на-Дону.

80. Там же, л. 1–5.

81. Там же, л. 20 об.

82. Там же, л. 11.

83. Там же, л. 20 об.

84. Чалхушьян Г.Х. История города Ростова-на-Дону // Донской временник. Ростов-на-Дону, 2002 ([Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=819)
Дата доступа: 20.02.2021).

Summary

Levon Batiev,

PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Legal Research Laboratory of the Institute of Socio-Economic and Humanitarian Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don)

From the history of the Armenian self-government in Don: Police Service in Nakhichevan (late 18th—19th centuries)

Crimean Armenians resettled to the banks of the river Don founded here the city of New Nakhichevan (now part of Rostov-on-Don city) and six villages forming the Armenian District. From the very beginning of taking up their residence here and until the reforms of the second half of the 19th century, they enjoyed internal self-government on the basis of privileges granted by Empress Catherine II in 1779, November 14. Besides administrative autonomy, self-government also included the implementation of police and judicial activities based on the Armenian Code of Laws.

This article, based on unpublished archival sources, statistical and reference publications, as well as scientific literature and memoirs, examines the Police Service in Nakhichevan in the late 18th and the first half of the 19th centuries—its history, structure and order of activity. Special attention is paid to the repeated attempts of the Central government to deprive Nakhichevan of its own Police Service and to the unsuccessful struggle of Nakhchivan residents to defend it.

Салханы донских армян

Саркис Казаров

доктор исторических наук, профессор кафедры Археологии и истории Древнего мира
Института истории и международных отношений Южного федерального университета
(Ростов-на-Дону)

Армяне, которые в конце XVIII века переселились из Крыма на Дон, сохранили промыслы, получившие у них развитие на земле Тавриды. Одним из таких традиционных занятий было производство бараньего жира, или, другими словами, салотопный промысел. Популярность этого промысла среди здешних армян была обусловлена тем, что они долгое время жили среди кочевых мусульман Крыма, которые сами активно занимались овцеводством и широко употребляли в быту его продукцию, в том числе и овечий жир.

Суть салотопного промысла заключалась в том, что ежегодно в заранее отведенных местах забивали тысячи овец, затем в огромных котлах отдельно растапливали курдючное сало животных, которое использовалось в пищу. Сало же из внутренностей и других частей бараньих туш, считавшееся техническим, шло на изготовление свечей и мыла. Бараний жир, просоленное в бочках мясо (солонина), шкуры и шерсть в большом количестве вывозились в Константинополь и города Европы. Обезжиренное мясо, тоже в большом количестве, скупалось местными горожанами и сельчанами для изготовления различных мясопродуктов, не требующих тепловой обработки. Производство было практически безотходным: употреблялись даже кишки забитых овец, из которых делали струны для различных музыкальных инструментов.

Уже через несколько лет после того, как некогда крымские армяне основали город Нахичевань-на-Дону и обосновались в нем, на восточной окраине города, от самого Дона и вдоль Кизитириновской балки, возникло до двадцати скотобоев с салотопным и бондарным производством. Армяне называли их «салханы». Несмотря на весьма примитивное устройство салханов, или салганов, они считались «заводами». Вот описание одного из них: «Салотопный завод Эммануила Гавриловича Попова, при нем дом, три сушильни, крытый черепицею дом, а остальные постройки — тесом и камышом»¹. При составлении оценочной стоимости аналогичным образом были описаны и салотопные заводы, принадлежавшие Михаилу и Сергею Черчоповым, Сергею Сариеву, Мануку Попову, Мартыну Когбетлиеву, Михаилу Чернову. Салханы начинали действовать с 1 октября, после торжественного выполнения традиционных обрядов, сопровождаемых музыкой дхол-зурны.

В дальнейшем нахичеванские купцы распространили салханное производство, а также изготовление мясопродуктов без тепловой обработки в Ставрополье, Кубани и других местах. Уникальное салотопное производство нахичеванцев позднее переняли жители тех стран, где в широких масштабах занимаются овцеводством, в первую очередь Австралии и Новой Зеландии². Ежегодно из

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91, оп. 1, д. 175, л. 2.

2. Малхасян А. Г. Салханы. Из прошлого города Нахичевани-на-Дону // «Нор дар» [Новый век], 2001, № 1.

Нахичевани за границу вывозилось около 50 тыс. пудов сала общей стоимостью в 400 тыс. рублей, что составляло основную часть российского экспорта этого товара через южные порты³.

Салотопный промысел в Нахичевани-на-Дону регулировался особыми обязательными правилами, разработанными городской думой. Владельцы боен и салотопных производств обязаны были соблюдать чистоту как в самих цехах, так и на прилегающей территории. Все нечистоты и отбросы предписывалось зарывать в ямы и, обсыпав и облив их дезинфекционными средствами, засыпать свежей землей. Дезинфекционными средствами для этих целей служили негашеная известь и раствор железного купороса. Строго воспрещалось оставлять кровь и биоотходы забытых животных на поверхности земли или спускать в прилегающие к заводам балки, откуда они потоками воды могли быть унесены в реку и испортить воду в ней. Владельцам означенных заводов вменялось в обязанности предотвращать всякое зловоние, которое могло возникнуть вследствие разложения органических веществ на открытом воздухе. Им предписывалось еще в сентябре подготавливать и приспособлять ямы для спуска в них крови и других нечистот и отгораживать их. По окончании работ обработанные дезинфекционными средствами ямы следовало засыпать землей толщиной не меньше двух аршин. Строго воспрещалось вскрывать эти ямы. Владельцы салотопного производства обязаны были каждый раз по окончании убоя скота промывать раствором железного купороса пол, стены и прочие деревянные части своих заводов и обмазывать их раствором негашеной извести. Убой скота на мясо следовало производить на бойнях, устроенных за городом⁴.

Многие годы нахичеванские салханы пользовались широкой известностью, поскольку сюда с Юго-Восточной России и всего Северного Кавказа стогнали огромные стада овец для забоя. Ежегодно на салганах забивалось свыше одного миллиона овец. Однако с начала XX века салотопный промысел начал приходить в упадок. Так, в 1911 году было забито всего около 200 тыс. овец. При таком незначительном убое некоторые салотопные заводы начали закрываться. Владельцы еще функционировавших производств обратились в городскую управу с просьбой снизить арендную плату на участки, занимаемые для нужд салганов. Это ходатайство было внесено на рассмотрение думы⁵.

Упадок салганного промысла четко обозначился к началу Первой мировой войны. К этому времени в городе осталось всего четыре завода. Владельцы их снова подали в управу заявление, в котором, указывая на бездоходность предприятий, снова просили снизить арендную плату на земли под заводы до 10 копеек за квадратный сажень⁶.

Несмотря на общий упадок салотопного промысла, в начале XX века мы наблюдаем попытки местных властей в лице градоначальства установить над ним жесткий контроль. Так, в январе 1913 года градоначальник предписывает приставу 7-го полицейского участка выяснить у владельцев существовавших в Нахичевани салганов, кем эти салганы разрешаются к ежегодному действию и взыскиваются ли с них какие-либо налоги в пользу города⁷. В июле 1913 года

3. Казаров С. С. Нахичеванское купечество. Конец XVIII—начало XX веков. Ростов-на-Дону, 2012, с. 27.

4. Сборник обязательных для жителей г. Нахичевани-на-Дону постановлений Нахичеванской-на-Дону городской думы с приложением некоторых правил. Изд. 3-е. Нахичевань-на-Дону, 1905, с. 42–44.

5. «Приазовский край» за 30 января 1912 года.

6. «Приазовский край» за 11 декабря 1915 года.

7. «Приазовский край» за 21 января 1913 года.

в город с проверкой прибывает особая комиссия, которая приходит к выводу, что салганы в Нахичевани устроены согласно требованиям Временных правил о ветеринарно-полицейском надзоре за гуртовым и другим скотом. Единственное замечание комиссии касалось ненадлежащего состояния полов и оград вокруг ям для спуска крови и нечистот, и эту неисправность было предписано устранить⁸. Уже в ходе Первой мировой войны, в августе 1916 года, в Нахичевань прибывает помощник уполномоченного особого совещания по продовольственному делу Дувакин, который с временно исполняющим обязанности местного городского головы И. М. Келле-Шагиновым, ветеринарным врачом Соцевичем и хозяевами салотопных заводов М. М. Поповым и Е. Х. Алахановым производит обследование салганного производства в городе. Обследование было вызвано необходимостью согласовать условия салганной торговли с требованиями закона о так называемых мясопустных днях⁹. Из опроса сведущих лиц выясняется, что салганная промышленность существовала в Нахичевани более ста лет и на тот момент не представлялась возможности ее изменить. Убой овец в салганах производился непрерывно с 20 сентября по 10 ноября. За этот промежуток времени забивалось 200 тыс. голов овец. По словам промышленников, убой овец на салганах ввиду исключительной особенности этого промысла не мог быть прерываем. В случае установления убойных дней на общем основании салганному производству был бы нанесен чувствительный удар, и владельцы салганов вынуждены были бы ликвидировать дело, закрыв свои заводы. Господин Дувакин пообещал оказать содействие в том, чтобы салганное производство не прерывалось и чтобы торговля бараниной была разрешена в течение всего периода убоя овец¹⁰. Сразу же после отъезда комиссии член городской управы И. Я. Алексанов внес в особое совещание по продовольственному вопросу доклад об убое на салганах овец во время мясопустных дней. По его мнению, вопрос этот должен был быть решен положительно и согласно ходатайствам владельцев салганов: убой и продажа баранины должны были быть произведены во время действия салганов без всяких переговоров¹¹. Надо отдать должное местным властям, которые в условиях наступавшего продовольственного кризиса, вызванного Первой мировой войной, старались учитывать пожелания местных предпринимателей. Так, градоначальник сообщал городскому голове, что ходатайство города о ежедневном убое овец на салганах по цене 27 копеек за фунт без зачета полученного овечьего мяса в нормы установленного убоя скота он считает противоречащим закону от 30 июля 1916 года о сокращении потребления мяса. Принимая, однако, во внимание, что большая часть овечьего мяса должна будет поступать для нужд армии, а остальная — для употребления местным населением, убой овец мог быть произведен в порядке 5-й статьи упомянутого закона, причем убой мог быть произведен и в мясопустные дни с учетом зачета полученного при резке мяса в нормы убоя в разрешенные дни. Наблюдение за убоем овец было возложено на ветеринарного инспектора. Владельцев салганов обязали представить ему списки владельцев отар и сведения о количестве закупленных овец. Общий надзор же за санитарным состоянием салганов был возложен на городских ветеринаров¹².

8. «Приазовский край» за 6 июля, 1913 года.

9. *Мясопуст — период загovenья на мясные продукты перед постом.

10. «Приазовский край» за 10 августа 1916 года.

11. «Приазовский край» за 1 сентября 1916 года.

12. «Приазовский край» за 16 сентября 1916 года.

Однако в годы Гражданской войны наметился дальнейший упадок салотопного промысла. Из отчета ветеринарных врачей следовало, что во время салганов в 1918 году было забито 99 425 голов овец, что составило почти $\frac{1}{3}$ от прошлогоднего убоя¹³. В этих условиях диссонансом прозвучало предложение заведующего городскими скотобойнями об открытии в Нахичевани-на-Дону кооперативного салотопного завода¹⁴.

После установления советской власти на Дону в 1920 году салотопный промысел, к сожалению, был утрачен навсегда.

Summary

Sarkis Kazarov,

Doctor of Sciences (in History), Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Salkhans of Don Armenians

The article is devoted to the production of sheep farming products, in particular sheep fat, among the Don Armenians. Melting of sheep fat became widespread among them long before the resettlement from the Crimea in 1778–1779, as a result of long-time communication with the nomadic Muslims of the peninsula, who widely used sheep farming products in everyday life.

The article discusses the arrangement, historical development and decline of «Salkhans» or «Salgans»—small private factories of Don Armenians for slaughtering the animals, processing their meat and fat. The Salkhan season began on October 1, accompanied by national rituals and national music, and lasted until mid-November. The activities of Salkhans were regulated by mandatory sanitary conditions prescribed by law. There should have been specially designated places for them outside the city, and after the end of the season, the premises and their surroundings were to be treated with disinfectants—quicklime and ferrous sulfate solution.

13. «Приазовский край» за 18 января 1919 года.

14. «Приазовский край» за 4 января 1919 года.

О совместных предприятиях членов семей Манук-бея и Лазаревых

Валерий Тунян,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван)

Историографии известно о родственных отношениях семей Манук-бея и Лазаревых, но совместные достижения представителей этих двух именитых армянских фамилий на служебном и общественном поприщах нуждаются в отдельном исследовании¹. На фоне масштабных предприятий Манук-бея на территории Османской империи, в том числе на Балканах, а также в Российской империи, хорошо освещенных в научной литературе, деятельность непосредственных его потомков недостаточно изучена. Некоторые же суждения по поводу наследников Манук-бея, высказанные, в частности, Георгием Безвикони, нуждаются в сверке с реалиями и фактами.

Суждения	Реалии и факты
1. «Потомки Манук-бея должны служить армянам».	1. Дети Манук-бея воспитывались в национальных традициях.
2. «Доблестные бессарабьяне» — результат богатства.	2. Высокое положение в российском обществе ² .
3. Деятельность потомков Манук-бея не задалась.	3. Сын Манук-бея, Мурат-бей, на службе Российской империи.
4. Попечительство Х. Лазарева над семьей Манук-бея.	4. Преимущественно в виде связей и заступничества.
5. Запутанность наследства и статусных прав.	5. Потомственные дворяне Российской империи.
6. Знаковость заслуг Мурат-бея и Екатерины Мануковны.	6. Продолжение деятельности отца — Манук-бея.

В соответствии со стремлением Манук-бея воспитать своих потомков в национальных традициях педагогами для них были выбраны Мсер Мсерян и Арутюн Аламдарян — известные литераторы и общественные деятели из числа образованного армянского духовенства, у которых на тот момент уже имелись труды на богословские и светские темы³.

1. Фаньян Дж. С. Мирза-бей, брат Манук-бея // «Вечерний Кишинев» за 8 апреля 1997 года;

Тунян В. Г., Х. Е. Лазарев. Ереван, 2016, с. 74–76.

2. Безвикони Г. Н. Манук-бей. Ереван, 2009, с. 35–37.

3. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран). Архив Мсерянов. П. 205, ед. хр. 969, л. 1–1об.; ед. хр. 982, л. 1 об.; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГБСЦ). Ф. Полторацкие, п. 55, ед. хр. 2, л. 25.

Что касается суждения Г. Безвикони о незначимости роли потомков Манук-бея в историческом контексте, то оно нуждается в пересмотре⁴. Мнение это верно в том плане, что времена изменились и происходило закрепление результатов, достигнутых Манук-беем. В остальном же оно не соответствует действительности, о чем ясно свидетельствует более обстоятельное изучение судеб и деятельности членов его семьи.

В этой связи отметим, что супруга Манук-бея, Мариам (Ханума), скончалась в 1828 году, спустя 11 лет после кончины мужа, в возрасте 45 лет и похоронена в Хынчештах в Молдавии. Далее, под сводами портика Армяно-апостольской церкви Святой Богородицы в Кишиневе, рядом с Манук-беем, покоятся две его дочери — Мариам и Гаяне, ушедшие из жизни, в 1822 и 1824 годах соответственно⁵. Другая дочь его, Пемба (Тембе), вышла замуж за жившего в Баварии и Петербурге Якоба Меликурабяна (Акопа Аветисяна), в одно время являвшегося управляющим делами семьи Манук-бея⁶.

Определенно удачно сложилась судьба другой дочери Манук-бея — Екатерины Манук-бей. 13 октября 1819 года в местечке Хынчешты она вступила в брак с Хачатуром (Христофором) Лазаревым. Обряд венчания совершил архиепископ Григорий Захарян⁷. Жених был знатный: директор Лазаревского училища (с 1818-го до 1848 года), надворный советник, который к тому же 31 мая 1819 года из Департамента азиатских дел Коллегии иностранных дел был переведен на службу в недавно созданный Азиатский департамент⁸. Предметом занятий Хачатура Лазарева являлись «армянские дела», относящиеся к компетенции Первого отделения, ведавшего турецкими, грузинскими и персидскими материалами⁹.

Младший сын Манук-бея, Григорий (Григор), родившийся в 1815-м или 1816 году, служил офицером в Императорской гвардии во Франции и скончался в Париже в 1890 году.

Возглавить семью после кончины Манук-бея довелось старшему сыну — Мурату (Мурату, Ивану) Манук-бею (1810–1893 гг.), который получил в наследство четыре села, девять деревень, 44 тыс. гектаров земли в Бессарабии, Молдавии и Валахии¹⁰.

Завещание Манук-бея было составлено по принципу майората, и все имение его перешло в распоряжение старшего сына — Мурат-бея: «По нем же один старший его сын вступит во владение подобно ему»¹¹. Определено было также условие владения завещанного для всех наследников — сохранение национальной идентичности: «Постановляю еще правилом Мурату и оставшимся по нем наследникам, кои под именем Манука, владеть будут всеми вотчинами и делами. Если отречутся от своей религии армянской, принимая другую веру, и когда, отрицаясь от звания

4. Безвикони Г. Манук-бей, с. 37.

5. Захоронения у Армянской апостольской церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oldchisinau.com/kladbishha-cerkvi-sinagogi/kladbishha-kishinyova/zakhoroneniya-pri-starykh-cerkvyakh-kishin/zakhoroneniya-u-armyanskoj-apostolskoj/>. Дата доступа: 29.05.2021.

6. Фаньян Дж. С. А. С. Пушкин и А. М. Худобашев // «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». Ереван, 1978, № 3, с. 198.

7. Матенадаран. Архив Мсерянов. П. 197, ед. хр. 362, л. 32 об.

8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252, оп. 1, д. 7, л. 7 об.—8.

9. Бурков В. Г. Азиатский департамент. К истории Министерства иностранных дел России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukarus.com/aziatskiy-departament-k-istorii-ministerstva-inostrannyh-del-rossii/>. Дата доступа: 29.05.2021.

10. Безвикони Г. Манук-Бей, с. 34–38.

11. Завещание Манук-бея см.: Архивные документы и материалы печати. Документ 3 // Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений. Ереван, 2012, с. 181–182 (основание: Национальный архив Республики Молдова. Ф. 37, оп. 2, д. 354, л. 1–11).

армянского, совокупятся браком с иноверною девицею, тогда они лишаются всего наследства, и да не несут более имя Манука»¹².

Весь оставляемый Манук-беем капитал был оценен в 678 573 лева, были указаны суммы приданого дочерям: в день бракосочетания каждой из них полагалось 150 тыс. левов¹³.

Деятельности Мурат-бея содействовал его зять Хачатур Иоакимович (Екимович) Лазарев, который в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 годов являлся особым дипломатическим представителем внешнеполитического ведомства при шефе корпуса жандармов графе А. Х. Бенкендорфе, имел свободный проезд в Бессарабию, Молдавию и Валахию¹⁴, обладал правом представлять особые проекты. Х. Лазарев состоял при Главной императорской квартире Дунайской армии в Измаиле, со специальными поручениями посещал города Яссы, Пырлу, Фокшаны, Бухарест и другие места¹⁵. Им была задействована информационная сеть, поставлявшая сведения о состоянии турецких сил в задунайских крепостях, о положении дел в Молдавии, о настроениях угнетенных болгар и армян¹⁶.

В случае необходимости Лазарев напрямую обращался к управлению диванов в Молдавии и Валахии о «*несправедливостях*» по отношению к местным армянам, требуя обеспечить их безопасность. Полномочный председатель диванов граф Ф. П. Пален, заменивший отстраненных господарей И. Стурдза (в Молдавии) и Г. Гика (в Валахии), 5 сентября 1828 года отвечал Х. Лазареву: «*Я немедленно дал приказание обоим диванам, дабы с их стороны было сделано распоряжение к охранению сего народа от всяких притеснений, нарушающих права, коими они должны пользоваться наравне с другими жителями княжеств*»¹⁷. Также, по представлению Х. Лазарева, местные армянские церкви были освобождены от воинского постоя и были обеспечены интересы армянских священнослужителей¹⁸.

В этом контексте интересна также составленная Х. Лазаревым в 1830 году «Историческая записка о первоначальном и последующих отношениях армян с Россиею». В ней отмечалось, что на основе Адрианопольского мирного договора, заключенного между Россией и Турцией в 1829 году, из Болгарии, Молдавии и Валахии в Бессарабию и Новороссийский край было переселено до 300 семей армян (1500 душ). Содействие этому предприятию оказывал глава недавно созданной Нахичевано-Бессарабской епархии Нерсес Аштаракеци¹⁹. Переселенцы были размещены в Хынчештах, в поместье помещика Мурата Манук-бея²⁰. Мирный трактат санкционировал также переселение в Бессарабию болгар, молдаван и валахов²¹.

Во взаимоотношениях членов семейств Манук-бея и Лазаревых определенную роль играла Екатерина Мануковна, заботившаяся об интересах своих родных. Неслучайно Х. Лазарев во время своего пребывания на Дунайском фронте намеревался вывезти супругу Екатерину Мануковну в Бессарабию. Это его намерение приветствовал князь Константин Аргутинский-Долгоруков — родственник известного церковного деятеля Иосифа Аргутинского-Долгорукова (Овсеп

12. Там же, с. 187, 188.

13. Там же, с. 185–187.

14. Матенадаран. Архив Мсерянов. П. 197, ед. хр. 362, л. 32 об. Тунян В. Г., Х. Е. Лазарев, с. 103.

15. Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 1932 (1801–1844), л. 13.

16. Государственный исторический архив Российской Федерации (ГИА РФ). Ф. 1717, оп. 1, д. 7, л. 2 об., 8, 9.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880, оп. 5, д. 353, л. 64.

18. Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ). Ф. 2050, оп. 1, д. 56, л. 5, 9 об.

19. РГИА. Ф. 880, оп. 5, д. 389, л. 19 об—20 об.

20. ГИА РФ. Ф. 1717, оп. 1, д. 11, л. 75.

21. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. I. Ереван, 2014 (репринт), с. 57.

Аргутян-Еркайнабазук). В своем письме, составленном в Одессе 26 марта 1828 года, он пишет: «Что же касается до предприятия вашего приехать в нашу сторону с генералом вашим [А. Бенкендорфом], я был рад тем более, что Вы решитесь с любезной сестрой и детьми. Свидание сие мне и сестре моей принесет величайшее удовольствие, а обещание ваше оставить сестру Катерину Мануиловну²² у нас в случае отъезда вашего, всех нас порадовало и уже мы готовы Вас принять, лишь сдержите свое слово и не заставьте Вас считать неисправным. Вы должны быть уверены, сколь привязанность наша к Вам искренна. Вы единственные родственники жены и сестры её, которых расположены к Вам и не требует дальнейших объяснений»²³.

Совместная служебная деятельность с Х. Лазаревым пошла на пользу Мурату Манук-бею, который занимался переводами текстов на русский язык и поддерживал связь с румынскими армянами²⁴. В июне 1829 года А. Х. Бенкендорф составил наградной список, предусматривавший награждение статского советника Х. Лазарева чином действительного статского советника. Поощрения удостоились и помощники Лазарева: «При статском советнике Лазареве в Главной квартире, а потом в Молдавии, Валахии и Бессарабии употреблены были, как по внешним сношениям, занимаясь переводами и перепискою, так и по разным поручениям без всякого пособия и издержек от казны: драгоман бея действ. ст. сов. [действительного статского советника] Манук-бея сын Мурат Манук-бей, знающий европейские и восточные языки и занимающийся переводом с оных на российский»²⁵, чиновник 14-го класса Давид Одобашев, который вел корреспонденцию внешних сношений на армянском и «*турецко-армянском*» языках, и секретарь Лазаревского института восточных языков Александр Шардин, заведовавший всей перепиской.

Каждый из перечисленных лиц был повышен в чине: Мурат Манук-бей был удостоен чина восьмого класса — коллежского асессора, Давид Одобашев — 12-го класса, а Александр Шардин — 14-го класса. Чин коллежского асессора давал Мурату Манук-бею потомственное дворянство, грузинский дворянин и студент Лазаревской гимназии Д. Одобашев становился губернским секретарем, а А. Шардин — коллежским регистратором²⁶.

Из-за формальной невыслуги лет предшествовавшего чина статского советника чин действительного статского советника²⁷ Хачатур Лазарев получил лишь 19 января 1834 года²⁸. Реальная же причина заключалась в несогласии, возникшем между тремя группировками влиятельных сановников в окружении императора Николая I — начальника главного штаба И. И. Дибича, командовавшего отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевича и шефа III корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфа — относительно использования возможностей армян и реализации плана Х. Лазарева «Предположения касательно Армении»²⁹.

В контексте рассматриваемой темы интересна биография Карапета (Герасима) Мирзаяна — двоюродного брата Екатерины Мануковны, который с 1827 года

22. Катерина Мануковна.

23. Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России 1826–1828 гг. / Сост. В. С. Эволян, Э. Ш. Казарян, С. С. Мирзоян, Дж. А. Оганесян // «Вестник архивов Армении». Ереван, 1978, № 2, док. № 159, с. 220.

24. Там же, док. № 176, с. 240.

25. ГИА РФ. Ф. 109. Г эксп., д. 51 (1826), л. 56.

26. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. Ленинград, 1991, с. 116.

27. Гражданский чин 4-го класса, равный званию генерал-майора в армии.

28. АВПР. Ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 1932, л. 13 об., 14.

29. Тунян В. Г., Х. Е. Лазарев, с. 119–123.

имел свидетельство о дворянском происхождении от предводителя дворянства Бессарабской губернии. В июне 1828 года, окончив обучение на Отделении нравственно-политических наук Московского университета с «*хорошими успехами*» и «*похвальным поведением*», К. Мирзаян получил степень действительного студента Отделения, означавшее освоение полного курса наук, наличие аттестата и владение иностранными языками. В 1828 году, при содействии Х. Лазарева, главнокомандующим Дунайской армии И. И. Дибичем он был принят на службу в ставку, занимался разведывательной деятельностью, как и двоюродный брат Мурат Манук-бей по ведомству А. Х. Бенкендорфа. В течение восьми месяцев К. Мирзаян лично изучал дислокацию частей противника от Прута до Шумлы, Силистрии, Адрианополя и Константинополя³⁰. В 1829 году он привез рекомендательные письма от Нерсеса Аштаракци и Артема Худобашева для обучения в Отделении восточных языков Азиатского департамента. Но этот замысел не был осуществлен, поскольку учащимся Отделения было предоставлено шесть мест и группа уже была укомплектована. Очередной прием намечался через четыре года³¹.

Содействие оказывалось и другим родственникам. Так, младший сын Манук-бей, князь Григорий, юный пансионер из Лазаревского института, 3 ноября 1829 года на турецком языке приветствовал персидского принца Хосрова Мирзу, принесшего извинения императору Николаю I по поводу убийства в Персии русского посла Александра Грибоедова³². В январе 1830 года тот же князь Григорий на турецком языке приветствовал уполномоченных посланников Оттоманской Порты — трехбунчужного Галил-пашу и Неджи-эфенди. В приветственной речи говорилось об успешном продвижении армян в «*благотворной*» России, о создании институтов и их благих целях. Речь удостоилась похвалы, причем выяснилось, что уполномоченные лично знали драгомана Манук-бей, служившего во времена правления «*известного рейс-эфенди Байрактара-паши, предприимчивого преобразователя Турции*». С гостями беседу на турецком языке вела и Екатерина Манук-бей³³.

У Мурат-бей действительно имелись трудности по полноценному вступлению в наследство отца³⁴ и получению княжеского титула. Об этом Александр Худобашев 27 марта 1829 года сообщал Х. Лазареву из Санкт-Петербурга: «*По документам покойного Манук-бей, толкуют невыгодно, полагают, что в тех краях одни господа пользовались титулом княжества, впрочем, можно будет приготовить просьбу на высочайшее имя, тогда и старание приложено быть может*»³⁵.

По просьбе Х. Лазарева брат Александра Худобашева, Артем Худобашев, содействовал решению семейно-имущественных неурядиц Мурат-бей. По этому поводу 30 декабря 1830 года последний писал из Кишинева: «*Касательно Мурат-бей я опять скажу, что он от скупости своей, ей-богу, много теряет, дела его совершенно нигде порядочного ходу не имеют*»³⁶.

В решение вопроса были вовлечены также майор П. Делянов и Г. Саатов³⁷. Оба длительное время занимались проблемой наследования землями вотчины

30. Фаньян Дж. С. Мирза-бей, брат Манук-бей.

31. РГАДА. Ф. 1252, оп. 1, д. 341, л. 78.

32. Там же, л. 78, 101.

33. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. Москва, 1838, с. 131.

34. РГИА. Ф. 1263, оп. 1, д. 568, л. 689, 690.

35. Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России 1826–1828 гг., док. № 188, с. 251.

36. РГАДА. Ф. 1252, оп. 1, д. 342, л. 85.

37. Там же, д. 4390, л. 222.

Манук-бей—Столничане³⁸, а также узакониванием границ имений Логанеш и Хынчешты, ставших предметом рассмотрения Бессарабского областного правления и Правительствующего Сената³⁹.

Мурат в свою очередь помогал Х. Лазареву в освещении событий в Турции и Персии. В донесении «Из Молдавии и Валахии» от 11 марта 1832 года за № 18 им представлено послевоенное состояние Дунайских княжеств, после того как командующий российскими войсками и председатель местных диванов граф П. Д. Киселев (1829–1834 гг.) ввел «Органические регламенты» (Конституции) в Молдавии и Валахии, положив основу формирования румынской государственности. «Органические регламенты» были приняты диваном Валахии в апреле, а Молдавии— в октябре 1831 года⁴⁰.

По этому поводу отмечалось: «Оба княжества, Молдавия и Валахия, пользуются ныне возможностью устройства после волнений и тяжестей бывшей войны [1828–1829 гг.]. Усовершенствования и улучшения вдруг не могут произойти; но распоряжения общие правильны и справедливы в сравнении с управлением отдельных Государей, действовавших без пользы для земли, обогатившихся и плативших непомерную дань ежегодно в Царьград»⁴¹.

Критике подвергались ряд сановников: «Некоторые только беспокойные Бояре, имея целью присвоить власть для выгод своих, желают перемены более вредной, нежели пользы для своей страны». В этой ситуации представлена позитивная роль России: «Нет сомнения, что благотворное влияние России на оба княжества, спасает оные владения от внутренних неустойств и от насилия Порты многократно»⁴². Сделано суждение: «Единственное жаль, что молдаване и валахи не имеют общей точки благосостояния, но разделены на партии раздоров, повлекших вред»⁴³.

Х. Лазарев использовал также информацию, которую получал от Карапета (Герасима) Мирзаяна, племянника Манук-бея, служившего в аппарате управляющего Дунайскими княжествами князя П. Д. Киселева. Следовательно, его, обладавшего сведениями из двух надежных источников и знавшего ситуацию досконально, можно считать одним из авторов «Органических регламентов» по управлению означенных княжеств (Молдавии и Валахии), находившихся под протекторатом России⁴⁴.

В упомянутом донесении «Из Молдавии и Валахии» уделялось также внимание положению дел в Греции: гибели ее первого «доблестного» президента Иоанна Каподистрии, «мудро сохранявшего единство во власти и устройении» и убитого 9 октября (27 сентября) 1831 года на почве личной мести⁴⁵; возможности избрания президентом его брата Августиноса Каподистрии; противоборстве внутри временного правительства (А. Каподистрия, Т. Колокотронис, И. Коллетис—представители пророссийской партии); позиции Османской Турции в последующем развитии. В итоге предсказывалось обострение внутривосточной обстановки:

38. РГИА. Ф. 880, оп. 5, д. 512, л. 3–8, 20 об.

39. Там же, д. 517, л. 1–7.

40. *Полievтков М. Николай I*. Москва, 1918, с. 163 [Электронный ресурс].

Режим доступа: http://dugward.ru/library/polievktov/polievktov_nikolay1.html. Дата доступа: 29.05.2021.

41. ГИА РФ. Ф. 109, оп. 4, д. 23, л. 3–3 об.

42. Там же, л. 3 об.

43. Там же, л. 3 об.—4.

44. *Фаньян Дж. С. Мирза-бей, брат Манук-бея*.

45. 185 лет спустя... об убийстве Иоанниса Каподистрии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rua.gr/help/izvestnye-lyudi-gretsii/27891-187-let-spustya-ob-ubijstve-ioannisa-kapodistrii.html>. Дата доступа: 08.06.2021.

«Греки разделены на партии, более или менее сильные, и кажется, рано или поздно вспыхнет общий мятеж, разрушающий связи правительства нового и еще без прочных основ. Весьма трудно обуздать волнующие страсти и взаимно непримиримую ненависть перерожденных Геленов, ибо в себе самих заключают они общественных врагов, но когда присовокупятся внешние неприятели, ближайшие по соседству непримиримые турки, тогда Греция сделается жертвою»⁴⁶. В мае 1832 года ведущие страны Европы установили протекторат над Грецией, признав её суверенитет и поставив в качестве короля молодого баварского принца Отто Виттельсбаха⁴⁷.

В том же донесении от 11 марта 1832 года представлялось положение дел в Османской Турции⁴⁸, где в 1826 году султан Махмуд II расправился с янычарами, уничтожил военно-ленную систему, стал европеизировать быт: менять покрой мужских и женских платьев, использовать характерные для европейцев предметы обихода (стулья, часы). Хотя реформы носили косметический характер, тем не менее они обостряли отношения с традиционалистами⁴⁹. Об этом сообщалось: «Султан продолжает действовать зависящими средствами и с помощью служащих у него европейцев в образовании народа и в формировании регулярного войска. Перемены, хотя медленно, с трудностью идут постоянно, но перемене вообще новизны сей с изменениями азиатских обычаев крайне не нравятся мусульманам». Суждение: «Неизвестна развязка»⁵⁰.

Реформы не предотвратили ослабления империи. Слабость власти султана Махмуда II наглядно проявилась в конфликте с вассальным правителем Египта Мухаммедом Али, который взял курс на преобразование Египта в новую империю Ближнего Востока⁵¹, что и стало причиной войны 1831–1833 годов. Подъем Египта представлялся султану крайне опасным для собственной империи. По этому поводу Лазаревым отмечалось: «Заметно, что Египет, преимущественно отважностью и духом восстания, предприимчивого и утверждающего независимость паши Магомета Али, крайне тревожит Махмуда»⁵².

В донесении проведена аналогия между деятельностью «независимого» египетского паши Мухаммеда Али и лидера кружка «Руцукские друзья» Мустафы Байрактара, память о котором жила в семействе Мурата Манук-бея: «По примеру бывшего Байрактар-паши, также и в перемене повелителя [султана Махмуда II], египетский паши стремится дать такой вид, чтобы фанатизм мусульман возречет и число приверженных единокорцев усилить, отделить и завоевать Сирию». Подчеркивалась незаинтересованность египетского паши в мирном урегулировании конфликта. В свою очередь, собственные виды преследовали западные державы: «По различным причинам внешние сношения Англии и Франции продолжают с Турцией и судя по приязненности противу прежнего оные усиливаются»⁵³.

46. ГИА РФ. Ф. 109, оп. 4, д. 23, л. 3.

47. Православная Греция [Электронный ресурс].

Режим доступа: <https://tdpk.com.ua/a168686-pravoslavnaya-greitsiya.html>. Дата доступа: 08.06.2021.

48. ГИА РФ. Ф. 109, оп. 4, д. 23 (Донесение № 17).

49. Махмуд II — турецкий Петр I [Электронный ресурс].

Режим доступа: <https://ladyjournal.com/84574.html>. Дата доступа: 08.06.2021.

50. ГИА РФ. Ф. 109, оп. 4, д. 23, л. 5.

51. Мухаммед Али: великий реформатор [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.cairo-city.info/islamiccairo/muhammad-ali-political-reformer.php>.

Дата доступа: 22.04.2019.

52. ГИА РФ. Ф. 109, оп. 4, д. 23, л. 5–5 об.

53. Там же, л. 5 об.

Успехи Мухаммеда Али привлекли внимание европейских стран возможностью создать у границ Российской империи новой «неприятной» ей державы. В итоге Россия выступила гарантом Османской империи, что обусловило войну между ними (1831–1833 гг.). В ноябре 1832 года на берегу Босфора высадился русский корпус генерала Н. Н. Муравьева, обеспечивший союзно-оборонительный Ункяр-Искелесийский договор от 8 июля 1833 года⁵⁴. Мухаммеду Али пришлось довольствоваться статусом наместника Сирии и Аданы⁵⁵, хотя, по сути, он заложил базу современного Египта⁵⁶.

Прослеживалось положение западных армян в Османской Турции. 10 июня 1832 года конфидент сообщил из Кишинева: «Пишут, что султаном повелено начать уже регулярный набор из армян, обитающих в Анатолии». Критически представлено создание из этих армян дружин и регулярного войска: «Армяне первые идут под сие новое ярмо». Уделено внимание состоянию образования и роли духовенства: «Константинопольские армяне очень живо занимаются образованием национального юношества, сооружают обширнейшие учебные заведения, ограничивают власть патриархов Иерусалимского и Константинопольского»⁵⁷.

С учетом опыта Манук-бея Мирзаяна уделялось внимание привлечению знатных и состоятельных армян в русские пределы. В 1830 году торговец И. Амархан из города Самаранга на острове Ява (Индонезия), владевший кораблями и ведущий торговлю с Голландией и Индией, запросил разрешения переехать в Россию с капиталом в четыре-пять млн рупий (около 500 тыс. рублей)⁵⁸. При этом он проявлял интерес к управленческой деятельности на исторической родине — в Карабахе.

Лазарев обратился к переезду И. Амархана 18 ноября 1830 года, рассмотрев его как серьезный фактор для развития азиатской торговли России, равно как и экономики Армянской области⁵⁹. 3 декабря через генерала А. Х. Бенкендорфа последовало высочайшее согласие на переезд И. Амархана⁶⁰. В середине 1832 года он выехал из Самаранга, но в пути, в Индии, скончался. Два его сына сочли правильным вернуться на остров Яву⁶¹.

В 1841 году в правительственных кругах рассматривался вопрос о переезде купца Никиты Саркисова Говсуняна и его семьи из Константинополя в Бессарабию. Рекомендательное письмо по этому поводу предоставил армянский патриарх Константинополя Степан. В письме перечислялись пожертвования Говсуняна в пользу церкви и национального образования, отмечалось о связях с представителями администрации. Говсунян намеревался поселиться вблизи Кишинева, приобрести замки, поместья и деревни в Бессарабской области. Переезд свой он аргументировал желанием оказаться в христианской России.

29 мая 1841 года самодержец Николай I подписал санкцию, удовлетворив просьбу Говсуняна. Организацией переезда его семьи занялся вице-канцлер Нессельроде,

54. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX в. /

Отв. ред. Киняпина Н. С. Москва, 1978, с. 99–101.

55. Мухаммед Али и консервативная модернизация Египта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socialcompas.com/2015/10/22/muhammed-ali-i-konservativnaya-modernizatsiya-egipta/>. Дата доступа: 08.06.2021.

56. Добрецова Н. Мухаммед Али: возрождение империи [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.cairo-city.info/islamic-cairo/muhammad-ali.php>. Дата доступа: 08.06.2021.

57. РГАДА. Ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л. 206.

58. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. I, с. 297, 301.

59. ГИА РФ. Ф. 109, I эксп., д. 51 (1826), л. 118.

60. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. I, с. 297–302.

61. Тунян В. Г. Административно-экономическая политика самодержавия России в Закавказье I пол. XIX в. Ереван, 2003, с. 175–176.

затребовавший от Константинопольского посольства принятия «осторожных мер»⁶². Намечалась выдача заграничного паспорта⁶³. Однако переезд не состоялся из-за несогласия турецких властей, которые приняли меры противодействия⁶⁴. В разработке этой операции принимал участие и Карапет Мирзаян, с середины 30-х годов XIX века служивший в Одессе под патронажем генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии князя М. С. Воронцова. Он дослужился до чина статского советника⁶⁵ и скончался в 1861 году⁶⁶.

Семейства Манук-бея и Лазаревых сохраняли интерес к вопросам национальной жизни. 1 мая 1842 года Х. Лазарев сообщил Мурату Манук-бею о кончине главы Армянской церкви Католикоса всех армян Ованеса VIII Карбеци. После избрания на этот пост Нерсеса Аштаракеци в 1843 году Мурат Манук-бей подготовил проект о национальной системе образования и развития общества. В нем, представленном на французском языке, Х. Лазарев сделал следующую надпись: «Предложения сии составлены Иваном Мануковичем Манук-беем для Его Святейшества патриарха Нерсеса. Перевод в русском особо прилагается»⁶⁷.

Намечалось улучшение материального положения Первопрестольного Святого Эчмиадзина, создание комитетов в каждой из шести армянских епархий в Российской империи, состоящих из одного духовного представителя и двух светских лиц, которые должны были заботиться об увеличении церковных доходов. Поступавшие суммы предполагалось тратить на организацию в епархиях реальных училищ, выделяя на это 200 тыс. рублей без процентов. Для организации деятельности духовной академии предусматривалось 600 тыс. рублей. Причем училищам полагалось 50 тыс., а академии — 150 тыс. рублей. Оставшиеся суммы должны были быть вложены под проценты для содержания означенных учебных заведений.

Такие же комитеты, призванные способствовать открытию школ и благотворительных учреждений, равно как и побуждению всенародной благотворительности через содействие церковной системе, предполагалось создать в Османской Турции, Персии и Индии. Численность армян в мире, по подсчетам Мурата Манук-бея, составляла 6 млн человек, что позволяло надеяться на быстрое формирование образовательного капитала в два млн рублей и роста этого капитала в 20 млн рублей за двадцать лет. Предполагалось за первые десять лет открыть 100 школ — по одной в каждой из епархий, имевшей не менее 60 тыс. прихожан.

Намеченные меры позволили бы повысить уровень образованности армянского духовенства, создать систему армянского просвещения, с помощью самофинансирования укрепить экономические устои Армянской церкви. Соответственно, католикос обязывался восстановить деятельность типографии Первопрестольного Святого Эчмиадзина, публиковать хранившиеся в Эчмиадзинской библиотеке «лучшие рукописи» тиражом в 500 экземпляров и распространять их по епархиям.

Предлагалось также католикосу Нерсесу Аштаракеци подать всеподданнейшее прошение в интересах предпринимателей и торговцев; закрепить принцип майората, то есть не допускать дробления их состояния; содействовать переезду состоятельных армян из зарубежья в Россию, в частности в Бессарабию и Закавказский край, для поддержания экономического развития этих регионов. С той

62. ГИА РФ. Ф. 109, оп. 221, д. 82, л. 23, 24.

63. Там же, оп. 223, д. 6, л. 132.

64. НАА. Ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 441,441 об.

65. Гражданский чин 5-го класса, равный должности вице-губернатора

66. Фаньян Дж. С. Мирза-бей, брат Манук-бея.

67. Матенадаран. Ф. Архив Лазаревых, папка 109, ед. хр. 471, л. 6.

же целью намечалось продолжить переселение армян из Османской Турции и Персии в Восточную Армению, что укрепило бы здесь положение армянской светской знати и духовенства⁶⁸.

Ряд идей из проекта Мурата Манук-бея, относящихся к просвещению, католикос Нерсес Аштаракецци взял на вооружение. В частности, это касалось создания комитетов при епархиях по сбору финансовых средств и организации автономной системы национального образования внутри Российской империи. Реализация идей Мурата Манук-бея позволила к началу 1850-х годов собрать около 1 млн рублей и использовать их для открытия духовной семинарии в Эчмиадзине в 1874 году, а также около 275 церковно-приходских школ, в которых обучалось 18 тыс. детей-армян. От подачи же прошения царю глава Армянской церкви отказался, хотя было составлено несколько вариантов этого документа⁶⁹.

В течение всей своей жизни Х. Лазарев сохранял уважение к памяти и семье Манук-бея: *«Кто славу предков своих возвышать желает, тот обязательно уважения во всем пространстве слова заслуживает»*⁷⁰. 24 ноября 1850 года по поводу составления «Исторического описания о фамилии Лазаревых» Х. Лазарев отдает следующее указание магистру Мсеру Мсеряну: *«Где о фамилии князя Манук-бея говорится и о его дочери, там же изложить о заслугах, о подвигах Манук-бея в пользу России и армии Русской, оказанных во время многих турецких войн и еще во время присоединения Бессарабии к России. В Актах Армении⁷¹ есть сведения о Высочайших Рескриптах и указы о князе Манук-бее»*⁷². Показателем уважения к памяти Манук-бея явилось открытие в Лазаревском институте восточных языков приемного зала имени Манук-бея и учреждение здесь именной стипендии⁷³.

Потомки Манук-бея продолжали оставаться представителями одной из наиболее состоятельных фамилий в России. Так, в 1868 году капитал Екатерины Мануковны составлял: Бессарабское имение — 260 213 рублей, по заемным письмам — 277 000 рублей, в банковских билетах — 87 300 рублей. Всего — 624 513 рублей. Ежегодные проценты с этого капитала составляли 34 985 рублей.⁷⁴

Таким образом, можно заключить, что во второй четверти XIX века семейства Мурата Манук-бея и Хачатура (Христофора) Лазарева составляли костяк армянских патриотов в Российской империи, которые имели доверительные отношения с державной властью и стремились облегчить решение ряда национальных задач, в первую очередь по повышению образовательного уровня армян. Из непосредственных потомков Манук-бея Мурат Манук-бей и Екатерина Мануковна имеют заметный вклад в дело возрождения национальных идей армянского народа.

68. Тунян В. Г. Восточная Армения в составе России. Ереван, 1989, с. 90–93, 102.

69. Тунян В. Г. Католикос всех армян Нерсес Аштаракецци // Защитник Отечества. Ереван, 2012, с. 342, 351, 357.

70. РГАДА. Ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л. 174 об.

71. Х. Лазарев имел в виду «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа».

72. Матенадаран. Архив Мсерянов, п. 206, ед. хр. 1545, л. 5.

73. Безвикони Г. Манук-бей, с. 37.

74. Тунян В. Г., Х. Е. Лазарев: жизнь и деятельность. Ереван, 2016, с. 385.

Summary

Valery Tunyan,

Doctor of historical sciences, Senior Researcher at the Institute of History,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan)

On joint ventures of the Manuk-Bey and Lazarev families' members

Representatives of well-known Armenian families Murat (Murad, Ivan) Manuk-bey and his son-in-law Khachatur (Christopher) Lazarev had a special relationship with the Russian authorities. In the difficult period of Russian-Turkish relations in the second quarter of the 19th century they provided the latter with information and analytical reports on the military-political situation in the regions that were part of the Ottoman Empire and on the state of the oppressed inhabitants there. Being the core of the Armenian patriots' group, they tried to use their influence to solve national problems.

Дворяне армянского происхождения в Бессарабии (XIX—начало XX века)

Эдуард Алхазов,

кандидат исторических наук, независимый исследователь, Кишинев

В научной литературе тема дворянства Бессарабии представлена несколькими статьями Маргариты Башли и Лилии Цыганенко¹, а также вышедшей недавно двухтомной монографией Владимира Морозана². Разработка же темы бессарабских дворян армянского происхождения была начата научными статьями Сержиу Бакалова, Лидии Присак, Артака Магальяна и Алины Феля, охватившими генеалогию Лебедевых, Муратовых, Дилоглан-Мерзьяновых³.

Особое место занимают публикации о Манук-бее Мирзаяне (Эммануил Мирзаян)—известном государственном деятеле Османской и Российской империй (илл. 1),— среди которых выделяются работы Георгия Безвикони, Акиопа Сируни и Джорджа Фаньяна⁴. Немало газетных статей о нем⁵, часто близких по содержанию. Монография Стефана Ионеску, посвященная дипломатической деятельности этой выдающейся личности, создана на основе уже опубликованных материалов⁶. Книга Гоар Рштуни «Армянский принц Манук-бей» интересна читателям, однако является скорее литературным произведением⁷. Таким образом, роль Манук-бее в истории Бессарабии и бессарабских армян, равно как и его дипломатическая деятельность на Балканах в начале XIX века, изучена далеко не полностью. Лучшей научной работой, вышедшей за последние десятилетия, является монография

1. Башли М. Дворянство Бессарабії за матеріалами першого загальноросійського перепису населення (1897 р.) // «Краєзнавство». Ізмаїл, 2013, № 1, с. 37–40; Башли М. І. Російське дворянство в історії Бессарабії (70-ті рр. XIX ст.—початок XX ст.) // Матеріали десятої Міжнародної науково-практичної інтернетконференції «Україна наукова» (24–26 грудня 2013 р.). Київ, 2013, с. 1–3 ([Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://int-konf.org/uk/2013/ukrajina-naukova-24-26-12-2013-r/654-bashli-m-i-rosijske-dvoryanstvo-v-istoriji-bessarabiji-70-ti-ri-khikh-st-pochatok-khkhst>). Дата доступу: 02.09.2021); Цыганенко Л. Ф. Дворянство Бессарабской губернии: территориальные, историко-правовые и социальные особенности становления (первая половина XIX в.) // «Analele Universității «Dunărea de Jos» din Galați». Galați, 2006, fasc. 19, t. V, p. 111–120; Цыганенко Л. Ф. Структура та функції бессарабського дворянства (друга половина XIX—початок XX ст.) // «Історична панорама» (Збірник наукових статей; Черн івецький національний університет імені Юрія Федьковича). Чернівці, 2007, вип. 5, с. 35–59.
2. Морозан В. Бессарабия и ее дворянство в XIX—начале XX в.: в двух томах. СПб, 2018.
3. Бакалов С., Присак Л., Магальян А. Представители армян в среде молдавского боярства и бессарабского дворянства (документы, касающиеся генеалогии рода Лебедевых) // «Историко-филологический журнал» (далее—ИФЖ) НАН РА. Ереван, 2015, № 3 (200), с. 251–274; Prisac L., Bacalov S. Contribuții la istoria neamului de origine armeană Muraciov (Muratov) // «Studii de arhondologie și genealogie». Vol. I. Chișinău, 2013, p. 220–227; Prisac L., Bacalov S. Aspecte istorico-genealogice referitoare la nobilii basarabeni origine armeană Diloglan-Merzianov (sec. XIX–începutul sec. XX) // «Studii de arhondologie și genealogie». Vol. IV. Chișinău, 2017, p. 60–73; Феля А. Некоторые данные о потомках Манук-Бее // Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений. Сборник статей и материалов. Ереван, 2012, с. 148–161.
4. Безвикони Г. Н. Манук-Бей. Ереван, 2009; Միրնոնի Շ. Էջեր Մանուկ Բեյի կյանքին. Երևան, 2018 (на арм. яз.: Сируни А. Страницы из жизни Манук-бее. Ереван, 2018); Фаньян Дж. Манук-бей и его дипломатическая деятельность // ИФЖ АН Арм ССР, 1977, № 4, с. 149–165; Фаньян Дж. Новые документы о Манук-бее // «Вестник архивов Армении». Ереван, 1983, № 3, с. 75–88.
5. К примеру: Фаньян Дж. Мирза-Бей—брат Манук-Бее // «Вечерний Кишинев» от 08.04.1997.
6. Ionescu St. Manuc Bei zaraf și diplomat la începutul secolului al XIX-lea. Cluj-Napoca, 1976.
7. Рштуни Г. Армянский принц Манук-бей. Документально-историческое повествование. Ереван, 2010.

профессора В. Туняна «Манук-бей: грани созидания», выполненная на основе солидного объема архивных документов⁸. Мало исследованы и биографии ряда лиц армянского происхождения, получивших дворянское звание в Бессарабии и представлявших фамилии Деляновых, Демяновичей, Охановых, Ануш, Захарьянов, Янушевичей.

Целью настоящей статьи является анализ архивных свидетельств, касающихся дворян армянского происхождения в Бессарабии, генеалогии некоторых семей. Основным источником для исследования темы стали материалы Национального архива Республики Молдова (далее НАРМ).

* * *

По мнению большинства исследователей, армяне появились в междуречье Прута и Днестра не позднее X–XII веков⁹. К началу XIV века армянские купцы уже возглавляли почти всю внешнюю торговлю здесь и всячески способствовали росту городов, становлению княжеств Молдавии и Валахии¹⁰. Уже в 1401 году молдавский господарь Александр I Добрый (Александрю чел Бун; 1400–1432 гг.) разрешил местным армянам учредить собственный епископат во главе с епископом Ованэсом и утвердить престол в Сучаве, непосредственно на территории крепости столицы Молдавского княжества, с целью «помочь и поднять армянские обряды»¹¹.

В конце XVIII—начале XIX веков победившая в русско-турецких войнах Россия присоединила к своим владениям зависимые от Османской Порты территории в бассейне Прута и Днестра. Так, в 1791 году по Ясскому мирному договору к России отошли земли между Южным Бугом и Днестром, а в 1812 году, за 26 дней до вторжения Наполеона в Россию, по Бухарестскому договору—часть Молдавского княжества между Прутом и Днестром вместе с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Измаил и Килия, получившая название «Бессарабия».

Переход большей части Молдавии из-под турецкого господства под контроль России открыл новые возможности для экономического и социально-политического развития этих мест. Проживавшие здесь молдаване, украинцы, армяне, греки, болгары и другие народы вздохнули свободно.

При этом, естественно, Российская империя руководствовалась собственными интересами и стремилась унифицировать управленческую систему Бессарабии с аналогичными системами других областей, создать опору власти в лице дворянства. Был использован опыт управленческого механизма, действовавшего на ранее присоединенных к России территориях, в частности в Грузии. Высшие словесные титулы княжеского двора Молдовы получили право быть признанными в составе дворянства Российской империи. За основу была принята грамота господаря Молдовы Константина Маврокордата от 1734 года с перечнем 24 боярских должностей от первого до третьего логофета. Занимающим эти должности, как

8. Тунян В. Г. Манук-бей: грани созидания. Ереван, 2019.

9. *Vezișoni Gh. Armenii în Basarabia* // "Din trecutul nostru". Chișinău, 1934, № 3–4, p. 51–62; *Бэзициану В.*

Армянские колонии по данным румынской топонимии // ИФЖ АН Арм. ССР, 1962, № 1, с. 171;

Давтян Д., Красножон А. Армянские надписи из средневекового Белгорода на Днестре //

«Вопросы армяноведения». Ереван, 2015, № 2 (5), с. 78–79.

10. *Iorga N. Choses d'art armeniennes en Roumaie. Conference donnee au college Morat en Mars 1934.* Bucarest, 1935, p. 7.

11. Публикацию грамоты от 30 июля 1401 года, согласно которой Александр Добрый предоставил армянам

Молдавского княжества право создать собственный епископат с центром в Сучаве, см.: Архивные документы // Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений, с. 178 (документ № 1);

Sergiu S. Schiță istorică a comunității armenie din România. București, 1999 (ediția a II-a), p. 65–66.

правящей элите, предоставлялись все те преимущества, которыми пользовалось российское дворянство.

Процесс юридической унификации бессарабского дворянства, поддерживаемый сначала бессарабским наместником А. Н. Бахметьевым, а затем его преемником И. Н. Инзовым, активизировался после принятия в 1818 году «Устава образования Бессарабской области», согласно которому местные бояре приравнивались в правах к русским дворянам. В августе 1822 года состоялось открытие Бессарабского дворянского депутатского собрания — органа дворянского самоуправления, появившегося после присоединения Бессарабии к Российской империи. К тому времени уже в Дворянскую родословную книгу были внесены 102 местные фамилии. Бессарабское дворянство было полиэтническим. Больше половины его составляли фамилии с польскими корнями, меньше — с молдавскими и греческими¹². В числе греческих княжеских родов были Кантакузины и Морузи, армянских — Манук-бей и Деляновы, русских — Волконские и Святополк-Мирские.

Среди видных представителей бессарабского дворянства армянского происхождения выделялась фигура Манук-бея Мирзаяна (1769–1817 гг.). Поселившись в 1816 году в Бессарабии, он купил здесь ряд имений и сразу же стал крупнейшим местным землевладельцем. По утверждению Г. Безвикони только в Бессарабии Манук-бей владел 11 тыс. фэлч земли (около 16 тыс. гектаров)¹³. В его завещании, составленном в 1815 году в Кронштадте (Брашове), перечисляются многочисленные земельные владения в Бессарабии, Молдове и Валахии¹⁴, которые, по примерным подсчетам, составляли более 40 тыс. десятин¹⁵, а также дома и драгоценности.

К лету 1817 года состоянию Манук-бея увеличилось. Он получил российский гражданство и указом Александра I был награжден крестом Святого Владимира 3-й степени. Кроме этого, ему был пожалован чин действительного статского советника — гражданский чин четвертого класса в Табели о рангах, который приравнивался к воинскому званию генерал-майора. Как орден, так и чин обеспечивали Манук-бею и его роду потомственное дворянство и давали все права, которыми пользовалось российское дворянство.

Манук-бей Мирзаян был дважды принят императором всероссийским. В первый раз — в Вене в начале 1815 года, в период проведения общеевропейской конференции (конгресса). Во второй раз его приняла императорская семья в Петербурге в июне 1816 года. На первой встрече в числе прочих вопросов Манук-бей представил императору свой план создания нового города на месте слияния Прута и Дуная — Александрополя. Город-порт, проект которого представил Манук-бей, должен был сыграть ключевую роль в развитии международной торговли в регионе, стать крупнейшим торговым центром и приютом для сотен тысяч переселенцев. Примечательно, что автор и предьявитель проекта обязывался сам финансировать значительную часть расходов по строительству и содержанию города, но его неожиданная смерть в 1817 году не позволила реализовать этот план (илл. 2).

Немалую роль в истории Бессарабии сыграли потомки Манук-бея, прежде всего его сын Иван (Мурат), который после смерти матери, то есть жены Манук-бея Мариам, нес основную тяжесть по управлению отцовским наследием (илл. 3).

12. Румянцев Е. А. О дворянстве вообще и о бессарабском в частности ([Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.bessarabia.ru/dvor.htm>. Дата доступа: 02.09.2021).

13. Безвикони Г. Манук-Бей, с. 24

14. Публикацию завещания Манук-бея см.: Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений, с. 180–189.

15. Десятина равна 1,09 гектара.

Именно Иваном построены дворец, церковь и охотничий дом в Хынчештах. Несколько лет назад дворец этот был восстановлен (илл. 4), а церковь не сохранилась, как не сохранилось и кладбище в Хынчештах. Иван также построил дом в центре Одессы, сохранившийся до наших дней (ул. Гоголя, 15). Ему удалось значительно расширить площадь отцовских имений в Бессарабии и грамотно управлять ими. По существу, до начала XX века потомки Ивана — а он был женат на Елене Деляновой, представительнице российской ветви Деляновых, — являлись крупнейшими землевладельцами в Бессарабии.

Налаженный Иваном Манук-беем механизм управления действовал исправно. В конце столетия даже были приобретены новые земли: в 1892 году, к примеру, на имя его сына Григория у Марии Гики (урожденной Кешко) была куплена часть вотчины Костешты в 645 десятин за 45 тыс. рублей¹⁶.

После смерти Ивана Манук-беем руководство огромным наследством перешло к его сыну Григорию Ивановичу Манук-бею, а после смерти последнего в 1902 году — к его сестрам Марии Ивановне Манук-бей, маркизе Екатерине Ивановне де Скидони (жила в городе Модена в Италии) и Ольге Ивановне фон Трахенберг. В банковских документах, хранящихся в Кишиневском архиве, содержится информация о сестрах-вкладчицах, на счетах которых в 1911–1913 годах в разных банках хранились огромные по тем временам суммы во много сотен тысяч рублей¹⁷.

Вместе с Манук-беем в Бессарабию переехали Арутюн Делянов, Охановы и другие. Он привлек к сотрудничеству Лебедева, Ануш, Меремкулова. Под влиянием Манук-бее из Молдовы переехали бояре Балиоз, Гоилав, Багдасаровы, Муратовы, Назаровы, Зозуковы, Мерзисяновы и другие. Эта когорта существенно повлияла на развитие армянской общины в Бессарабии, значительно укрепив позиции армян по всей России.

Возведение в дворянство было сложной процедурой, предусматривавшей сбор более десятка документов в оригинале, составление заверенных переводов документов с иностранных языков, подачу на рассмотрение Бессарабского дворянского депутатского собрания и, наконец, утверждение решения последнего Департаментом герольдии Правительствующего сената. Следует добавить также, что правила герольдии несколько раз менялись. Так, например, 3 июня 1840 года вышел указ сената «О дополнительных правилах при рассмотрении документов на дворянство»¹⁸, и просители вынуждены были дополнить пакет документов новыми.

Показателен пример Аритона (Арутюн, Артемий) Делянова, подавшего прошение и пакет документов в Дворянское собрание 6 сентября 1826 года. Положительное решение по его делу собранием было принято 20 августа 1827 года, но Департамент герольдии только 25 октября 1853 года, уже после смерти подавателя, утвердил в дворянском звании его детей: Христофора, Ивана, Марию и Екатерину, внеся их имена в 1-ю часть Дворянской родословной книги Бессарабии¹⁹. Таким образом, процедура заняла 27 лет.

Одним из документов, приложенных Аритоном Деляновым к прошению, был перевод фирмана турецкого султана, которым Манук-бею присваивалось звание драгомана — переводчика с полномочиями представителя. Далее: Манук-бей и сопровождавшие его восемь переводчиков, а также 12 лиц другого звания не

16. НАРМ. Ф. 36, оп. 3, д. 1255, л. 5–5 об.

17. Там же. Ф. 142, оп. 2, д. 1185, л. 106–17; д. 1294, л. 106–87.

18. Там же. Ф. 88, оп. 1, д. 1057, л. 1–106.

19. Там же. Ф. 88, оп. 1, д. 228, л. 1–2, 50–52.

только освобождались от налогов, но и вольны были носить одежду по выбору (одежда строго регламентировалась). В этом фирмане в числе первых был отмечен переводчик Аритон²⁰.

Особый интерес среди документов, поданных в Бессарабское дворянское депутатское собрание, представляет свидетельство от 10 марта 1819 года, данное командующим 2-й драгунской дивизии генералом-майором Давидом Деляновым сыновьям Христофора Делянова: Артемию, Христофору и Григорию в том, что они действительно происходили от одной с ним дворянской фамилии (илл. 5). Их отцы, Христофор и Арутюн (Аритон, Артемий), на самом деле были родными братьями, выходцами из Нор Джуги (Новой Джульфы), известного ремесленно-торгового города в Персии, основанного армянскими переселенцами в 1606 году (ныне предместье Исфахана). Христофор поселился в Бессарабии, а Арутюн — в России (илл. 6 и 7). Это свидетельство было заверено генерал-майором А. Ефимовичем, генерал-майором Заузе, генерал-майором Никитиным, надворными советниками Христофором Лазаревым, Асвадуром Аветовым, епископом Бессарабских армян Григорием Захаряном и засвидетельствовано в Бессарабском областном гражданском суде²¹.

Российская ветвь Деляновых более известна. Сам генерал-майор Давид Делянов был участником ряда сражений Отечественной войны 1812 года и нескольких военных походов (илл. 8). Он был женат на Марии Екимовне Лазаревой, дочери Екима (Иоакима) Лазарева — известного предпринимателя и мецената, одного из основателей армянского училища в Москве, ставшего ядром для формирования Лазаревского института восточных языков²². Их дочь, Елена Давидовна Делянова, вышла замуж за сына Манук-бея — Ивана (Мурата). А сын Елены и Ивана, Григорий Манук-бей, стал последним прямым потомком знаменитого Манук-бея Мирзяна по мужской линии.

Один из сыновей генерал-майора Давида Делянова, Николай, был тайным советником (гражданский чин третьего класса в Табели о рангах, равен воинскому званию генерал-лейтенанта) и в 1856–1861 годах являлся директором Лазаревского института. Второй сын, Иван, еще более известен в истории России: директор Публичной библиотеки, действительный тайный советник (гражданский чин второго класса, после канцлера), граф, министр просвещения России в 1882–1897 годах.

Департамент герольдии Правительствующего сената в своем указе, подтверждавшем решение Бессарабского дворянского депутатского собрания 1827 года, учел и тот факт, что Христофор Делянов по удостоверению Дивана Молдавского княжества имел боярский чин вел шатраля. Этот чин, обладатель которого обеспечивал господаря жилищем при переездах, был пожалован Делянову еще в 1775 году²³ и входил в перечень боярских должностей, предполагавших право на российское дворянство. В комплекте документов содержатся также метрические данные от Нахиджевано-Бессарабской армяно-григорианской консистории, свидетельства от Сорокско-Ясского уездного предводителя дворянства и Бессарабской казенной палаты.

С теми же трудностями сталкивались и другие соискатели дворянства, например Охановы. Первое прошение братьев Аведиса (Аветиса) и Ивана (Охана)

20. Там же, л. 7–8.

21. Там же, л. 137, 137 а, 137 об.

22. Тунян В. Г. Х. Е. Лазарев: жизнь и деяния 1789–1871. Ереван, 2016.

23. НАРМ. Ф. 88, оп. 1, д. 228, л. 50–51 об.

Охановых о причислении к дворянству было представлено Дворянскому собранию в декабре 1840 года, затем вновь — в 1843, 1845, 1850, 1859, 1861 годах²⁴. К прошением были приложены документы, из которых становится ясно, что отец братьев, сардар Исая Оханов, в 1792–1806 годах служил у Александра Морузи-Водэ то в левобережной, то в правобережной Молдове. Затем он был дилогланом (пажом) у Манук-бея Мирзяяна и в числе 20 приближенных ему лиц получил от турецкого султана привилегии: освобождение от налогов и право носить одежду по выбору. Была приложена также купчая крепость о приобретении у логофета и кавалера Александра К. Гики имения Тигеч в Кагульском уезде за 10 тыс. голландских и австрийских червонцев. Имение приносило доход в 1000 рублей серебром в год²⁵.

Охановы просили зачислить себя дворянами по Кишиневскому уезду, так как постоянно жили в Хынчештах, владели жилыми домами, лавками, фруктовыми и виноградными садами, другим хозяйством, ежегодно получая ассигнациями: Аведис — 2300, а его брат Охан — 2100 рублей²⁶. Известно также, что в 1853 году Аведис Оханов владел землями в Криково, Мерешенах, Тигече — в целом более 10 тыс. десятинами²⁷.

Позднее братья приложили к комплекту документов полученное от Правительственного совета Молдавского княжества переведенное на русский язык и заверенное свидетельство о том, что их отец, Исая Оханов, получил от молдавского господаря князя Морузи титул вел сардара²⁸, относящий его к третьей категории бояр. Факт бытности Исая Оханова в числе приближенных князя Морузи и присвоение ему титула сардара подтвердили молдавские бояре: логофет Александр Гика, Константин Маврокордат, Александр Маврокордат (зять Александра Морузи), постельники Григорий Кодрян и Григорий Балдовин, ага Михалакий Паску и ага Янакий Стамати, а также пагарник Янакий Адам²⁹.

Хранящиеся в архиве 13 метрических свидетельств о рождении детей Ивана и Аведиса Охановых выданы консисторией армяно-григорианской (армяно-апостольской) епархии, простиравшейся от Нор Нахиджевана (Новая Нахичевань, ныне в составе города Ростова-на-Дону) до Бессарабии. В них указано, что дети родились от законных родителей и получили крещение по армянскому обряду (илл. 9). В пяти случаях из 13 указано, что воспреемным (посаженым) отцом был князь Иван Эммануилович Манук-Бей³⁰. Все представители этого рода, за одним лишь исключением, крестились или венчались в армянских церквях Кишинева, Хынчешта и Бельца (Григорий Исаевич в 1914 году). Венчание же Исая Аведисовича с Валерией (Вартеник) фон Прункул было совершено в 1873 году в армянской церкви Сучавы рукой настоятеля Гевонда Поповича. Посаженым отцом был коллежский асессор Степан Лебедев³¹. Фон Прункул и Лебедев также были из числа бессарабских дворян.

В семье Охановых стремились дать детям достойное образование. Большинство их окончило кишиневские училища, то есть получило среднее образование, достаточное, чтобы занять должности среднего звена. Николай Аведисович же учился

24. Там же. Ф. 88, оп. 1, д. 1018, лл. 1–2, 13, 19, 70, 144, 147.

25. Там же, л. 9–11.

26. Там же, л. 2 об.

27. Там же. Ф. 24, оп. 1, д. 9, л. 26, 27, 64 об.

28. Там же. Ф. 88, оп. 1, д. 1018, л. 19–20.

29. Там же, л. 28 об.—29.

30. Там же, л. 30–33.

31. Там же. Ф. 88, оп. 1, д. 2206, л. 33 об.

в Императорской Академии художеств и иконописи. Иван Аведисович окончил Петербургский университет и служил мировым судьей (илл. 10). Михаил Аведисович был участковым мировым судьей, Исай Аведисович — членом Кагульского земского комитета, Николай Аведисович — нотариусом в Леово.

Несмотря на положительное решение Бессарабского дворянского депутатского собрания в 1851 году, имена Охановых только в 1896 году были внесены в 1-ю часть Дворянской родословной книги Бессарабской губернии — не менее 20 представителей этого рода³². Было подтверждено дворянство детей Исаяи Оханова: Аведиса и Ивана; детей Аведиса Исаевича — Исаяи, Ивана, Елены, Елизаветы, Михаила, Григория, Николая, Марии и Анастасии (Ульяны); дочери Николая Аведисовича Марии; Ивана Ивановича Оханова, то есть сына Ивана Исаевича, вместе с детьми: Дмитрием, Анастасией и Константином³³.

В 1839 году российское подданство принял бывший турецкоподданный Карabet (Герасим) Ануш. В следующем году он приобрел вотчины Бумботы, Зозулены, Костинешты и, претендуя оказаться в числе российских дворян, представил документы в Бессарабское дворянское депутатское собрание. Последнее, в свою очередь, отправило их в герольдию, однако утверждения не последовало. В 1845 году Карabet Ануш вместе с надворным советником Аведисом Охановым у некоего молдавского боярина скупили четыре вотчины: Садык, Еникиой, Баймаклию и Гарачинь³⁴. Бессарабский гражданский суд утвердил купчие крепости, но от бессарабского областного прокурора поступил протест, основанный на обобщенном собрании старых законов, изложенных в книге Донича, согласно которым армянам не разрешалось приобретать «недвижимые имения».

Бессарабский губернатор решил предоставить возможность обсудить вопрос о праве армян приобрести «недвижимые имения» в присутственных местах Бессарабии и, собрав отзывы, подготовил донесение сенату со своим заключением. В нем, в частности, говорилось: «...В Бессарабии же, по образованию для ней в 1818 году Высочайше утвержденному и на основании 989 ст. т. IX, не только дворяне, но даже купцы, мещане и царане³⁵ могут приобретать на вечность незаселенные и заселенные земли; одним евреям по упомянутому образованию было дано право покупать участки пустопорожных земель единственно из казенного ведомства для хлебопашества и для заведения фабрик; но в последствии времени, с назначением евреям для постоянного их жительства черты, в которую в числе прочих губерний была включена и Бессарабская Область, 7 пунктом приложения к 1319 ст. т. IX, дозволено и им приобретать в собственность свою. Из этого следует, что как в позднейших законах, определивших с точностью права Бессарабских жителей на недвижимые имения, не только не сделано никакого в этом отношении ограничения для Армян, напротив, пустопорожные земли дозволено даже приобретать евреям, то за сим, постановление, содержащееся в книге Донича, которым покупка земель Евреями и Армянами вовсе воспрещается, должно в настоящее время считать не действующим. Оставаться при той мысли, что помянутое постановление Донича должно быть законом обязательным и на будущее время, нет никакого убеждения потому еще, что понимая этот закон

32. См: Алфавитный список дворянских родов Бессарабской губернии, внесённых в дворянскую родословную книгу (1821–1916) ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bessarabia.ru/dvor1.htm>. Дата доступа: 02.09.2021).

33. НАРМ. Ф. 88, оп. 1, д. 2206, л. 15, 24–24 об., 28, 41, 44, 62.

34. Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 5155, л. 6 об.—7.

35. Зависимые от землевладельцев, но лично свободные крестьяне Молдовы.

в буквальном смысле, следовало бы покупку земель в Бессарабии воспретить всем Армянам, тогда как из них многие облечены в права потомственных дворян и по общим законам они, как исповедующие веру христианскую, вправе приобретать земли даже с крепостными людьми во всех пределах России»³⁶.

Таким образом, инцидент был разрешен в пользу Карабета Ануша и Аведиса Оханова. Правительствующий сенат подтвердил вывод губернатора: «...вступившие в подданство России иностранцы, с тем вместе вступают в полное обладание всеми правами того состояния, к которому они будут причислены, без всякого различия от коренных подданных»³⁷. Сам Карабет Ануш больше не предпринимал попыток получить дворянство. За это взялся его сын. В марте 1895 года в Бессарабское дворянское депутатское собрание поступило заявление от помещика Христофора Ануша, в котором он просил возвести его в дворянское достоинство. К заявлению было приложено свидетельство, выданное Правительствующим Советом Княжества Молдавии, в котором говорилось о предке заявителя, деде, также по имени Христофор (Христя) Ануш. Из означенного свидетельства узнаем, что «Христя Ануш», будучи жителем молдавским, «всегда был узнаваем как Бояр отечества» и что князем Александром Мурузи воеводой в 1803 году за свои услуги был «почтен чином Каминаря». Свидетельство заверено министром внутренних дел Молдовы С. Катаржи, статским секретарем князем И. Гикой и министром финансов П. Маврогени в Яссах 15 мая 1856 года³⁸. В деле содержится также метрическое свидетельство о рождении отца заявителя, Герасима (Карабета) Христофоровича, и о его крещении протоиреем Нерсесом в Яссах в 1810 году, заверенное Российским консульством и Бессарабским областным гражданским судом³⁹. Из справки городской полиции Бендер видно, что Христя (Христофор) Ануш, переехав в Бессарабию, до 1821 или 1822 года жил в Бендерах. Им были куплены имения в Бендерском и Бельцком уездах.

Родившийся в 1841 году Христофор Ануш был сыном комиса Герасима (Карабета) Ануша и внуком вышеупомянутого Христофора Ануша (илл. 11). У него были родной брат Егор (Геворг) и сестра Екатерина. Метрические свидетельства показывают, что все трое были крещены в церкви Святой Богородицы в Кишиневе. Восприемным отцом Христофора Ануша был Асвацатур Мкртчан Анушянц (Асвацатур Мкртычевич Анушянц; по-видимому, родственник), а Егора и Екатерины — коллежский секретарь Акоп Мардиросян Хачатуриянц⁴⁰ (Акоп Мардиросович Хачатуриянц). В данном случае документы были правильно и своевременно поданы. Уже 21 июня 1895 года Департамент герольдии Правительствующего сената утвердил решение Дворянского собрания Бессарабии о признании Христофора Ануша в дворянском достоинстве с внесением его имени в 1-ю часть Дворянской родословной книги. Брат и сестра Христофора, Егор и Екатерина, были сопричислены к дворянству 18 марта 1896 года⁴¹.

Известной в Бессарабии личностью был Антон Демянович, купец и землевладелец армянского происхождения, католического вероисповедания, сын купца второй гильдии Каэтана Демяновича (илл. 12). Молодость Антона Каэтановича Демяновича прошла в Австро-Венгрии. В 1875 году он окончил реальное училище

36. НАРМ. Ф. 2, оп. 1, д. 5155, л. 10–10 об.

37. Там же, л. 13; там же. Ф. 6, оп. 9, д. 293, л. 1–13.

38. Там же. Ф. 88, оп. 1, д. 2196, л. 1–2.

39. Там же, л. 3–4 об.

40. Там же, л. 8, 44, 45.

41. Там же, л. 14–14 об., 37.

в Черновцах, а в 1880 году—Венский политехнический институт. В метрических книгах, зафиксировавших факт рождения первых двух детей Демяновича, указано греческое подданство его и его жены. А в записи о рождении дочери Регины в 1886 году уже присутствует формулировка «*бывшего греческого подданного, а ныне принявшего русское подданство...*»⁴².

Карьера Антона Демяновича начиналась в Сорокском уезде. В 1887 году он был избран почетным мировым судьей на три года и утвержден Правительствующим сенатом. Впоследствии, в 1890–1911 годах, ему еще восемь раз приходилось занять эту должность⁴³, на которую в большинстве случаев избирались потомственные дворяне. Почетный мировой судья разбирал дела на тех же основаниях, что и участковый, но зарплату не получал.

Демянович положительно порекомендовал себя также в сфере образования: с 1902 года он был избран попечителем Шурского земского одноклассного училища, а с 1904 года—почетным блюстителем Кайнарь-Векского одноклассного училища. В его обязанности входили забота о финансово-материальном благополучии училищ и контроль над учебно-воспитательным процессом. Конечно, эти должности не только не оплачивались, но и подразумевали личные финансовые вложения. В январе 1906 года Демянович был пожалован золотой медалью «За усердие» по линии Министерства народного просвещения⁴⁴.

На волне Первой русской революции 1905–1907 годов был учрежден законосовещательный орган при монархе—Государственная Дума. В работе четырех составов Думы, сменивших друг друга с 1906 по 1917 годы, принимали участие и депутаты из Бессарабии—девять человек от губернии. Всего в Думе побывало 26 представителей Бессарабии. Среди них были известные личности: Владимир Пуришкевич, Пантелеймон Синадино, Павел и Николай Крупенские, Павел Крушеван. Они избирались в один, два или три состава Думы. Единственный представитель из Бессарабии, который избирался во все четыре состава Думы, был Антон Каэтанович Демянович. Он активно участвовал в работе думских комиссий: в Думе 3-го созыва был членом пяти комиссий, в Думе 4-го созыва—шести: по торговле и промышленности, по рабочему вопросу, по местному самоуправлению, по вероисповеданию, по путям сообщения, по городским делам⁴⁵. Демянович не был активен при рассмотрении политических вопросов. Его интересовали экономика, образование, транспорт. В 4-м составе Думы он состоял в Прогрессивном блоке Николая Крупенского (последний был секретарем думской части блока).

Антон Демянович уверенно поднимался по карьерной лестнице: коллежский ассессор, затем надворный советник, коллежский советник, в 1908 году он был произведен в статские советники, а в 1912 году—в действительные статские советники⁴⁶.

По сведениям окладных книг Сорокской земской управы, земельные владения Демяновича состояли из имений Валя-Цариградулуй (Корбу) в 1500 десятин, Дрокья-Шуры в 1614 десятин и Сербешты в 319 десятин. Всего 3443 десятины⁴⁷, что превышало средний уровень зажиточного дворянина в Бессарабии. По другим

42. Там же. Ф. 88, оп. 2, д. 529, л. 1–3 об.

43. Там же, л. 13 об.—17 об.

44. Там же, л. 16 об.

45. См.: Герб рода дворян Демяновичей ([Электронный ресурс].

Режим доступа: <https://gerbovnik.ru/arms/3279.html>. Дата доступа: 02.09.2021).

46. НАРМ. Ф. 88, оп. 2, д. 529, л. 16 об.

47. Там же, л. 19–19 об.

источникам, земельные владения Антона Демяновича составляли 5300 гектаров⁴⁸. Ему принадлежал также кукурузно-паточный завод в Одессе.

После смерти жены Демянович сам воспитывал детей: Виктора, Богдана и Регину. Дал им образование, женил и выдал замуж (илл. 13). Виктор окончил Ягеллонский университет по сельскохозяйственному профилю. Богдан был статским советником, о чем сказано в метрике, зафиксировавшей рождение у него двойни в 1911 году⁴⁹.

28 августа 1912 года Бессарабское дворянское депутатское собрание, учитывая многолетнюю государственную службу, признало Антона Демяновича во дворянстве и внесло его имя в 3-ю часть Родословной книги, опубликовав об этом в № 132 «Правительственного Вестника». В октябре 1913 года такое же решение было принято в отношении его детей: Богдана, его жены и двух детей; Виктора, его жены и Регины. Решения были утверждены Департаментом герольдии Правительствующего сената: 27 декабря 1912 года и 27 марта 1914 года⁵⁰.

Антон Демянович скончался в Одессе в октябре 1916 года. Он болел и лечился на юге. Впечатляющий по архитектуре и размерам дворец, построенный им до Первой мировой войны, был полностью разрушен во время революции и окончательно разобран на стройматериал в начале 1920-х годов⁵¹.

Заслуживает рассмотрения и род Янушевичей (илл. 14). Бронислав Янушевич вышел в отставку в звании подполковника. В 1886 году он подал прошение в Дворянское собрание и в 1887 году был утвержден в дворянском достоинстве с внесением своего имени во 2-ю часть Дворянской родословной книги Бессарабии (за военные заслуги). Янушевичи имели армянское происхождение. Исповедовали католичество. В 1876 году Бронислав окончил Кишиневскую прогимназию, а в 1885 году — юридический факультет Киевского университета. На государственной службе состоял с 1886 года. Первый классный чин получил в 1891 году. В мае 1886 был избран мировым судьей Оргеевского уезда, а чуть позже — почетным мировым судьей Кишиневского и Бендерского округов. Пиком карьеры Бронислава Янушевича в Бессарабии стало его избрание предводителем Оргеевского уездного дворянства (илл. 15). Эту должность он занимал в 1892–1905 годах, пользуясь большим авторитетом. С 1 января 1905 года — действительный статский советник⁵².

У Бронислава Янушевича был каменный дом в Кишиневе, расположенный по адресу: ул. Немецкая, 9⁵³ (ныне ул. С. Лазо). Земельные владения его включали вотчины Бургеля-Сочи и Редю-Маре в Бельцком уезде — 2212 десятин и вотчину Гетлова в Оргеевском уезде — 1108 десятин. Частично приобретены были также вотчины Тершицей и Печешты в Оргеевском уезде. Жена Бронислава Янушевича, Мария, в вотчине Тершицей приобрела еще 466 десятин земли⁵⁴.

В самом начале 1906 года Указом императора Николая II, по представлению князя С. Д. Урусова, Бронислав Мечиславович Янушевич был назначен главой Тамбовской губернии. По этому случаю газета «Тамбовские губернские ведомости» писала, что Янушевич состоял «почти двадцать лет деятельным гласным

48. *Ber J. Ormianie polscy w Besarabii // Lehahayer. Czasopismo poswiecone dziejom Ormian polskich.*

Vol. 4. Krakow, 2017, s. 113–114, 116.

49. НАРМ. Ф. 88, оп. 2, д. 529, л. 6–7 об.

50. Там же, л. 20–21, 24, 47.

51. *Ber J. Ormianie polscy w Besarabii*, s. 142.

52. НАРМ. Ф. 88, оп. 2, д. 25, л. 69–69 об.

53. Там же. Ф. 134, оп. 3, д. 788, л. 88 об.

54. Там же. Ф. 39, оп. 13, д. 1106, л. 1 об.

уездного и губернского земских собраний, в течение нескольких лет гласным кишиневской городской думы. Несколько раз настойчиво выдвигалась многочисленными приверженцами Б. М. его кандидатура в председатели губернской управы, но он уклонялся от платных должностей по земству. Он — один из крупнейших землевладельцев в Бессарабии, он же домовладелец в Кишиневе. По человеколюбию, искренне поздравляем тамбовцев с таким губернатором. Бессарбцы вам завидуют»⁵⁵.

Но Янушевичу недолго пришлось служить в должности тамбовского губернатора. Власти посчитали, что его энергия и умения более нужны в Ставрополе, губернатором которого он был назначен в сентябре того же года. Успешно проработав на этой должности до 1916 года, Янушевич вышел в отставку по болезни. Будучи еще в Бессарабии, был награжден орденом Святого Святослава 2-й степени (1898 год), орденом Святой Анны 2-й степени (1901 год), орденом Святого Владимира 4-й степени (1902 год), медалью за труды при проведении Всеобщей переписи 1897 года, Греческим Золотым Крестом Спасителя 4-й степени (1906 год)⁵⁶. 6 апреля 1916 года, по ходатайству местного общественного управления, было решено присвоить бывшему Оргеевскому уездному предводителю дворянства, действительному статскому советнику Брониславу Янушевичу звание Почетного гражданина города Оргеева. Решение было утверждено императором⁵⁷.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что немногочисленные армяне — дворяне Бессарабии, среди которых были Манук-бей и его потомки, представители семей Деляновых, Ануш, Захарьяновых, Охановых, Лебедевых, Янушевичей, Демяновичей, владели значительными по местным меркам имениями. Это позволяло небольшой группе армян производить и перерабатывать сельхозпродукцию, торговать, стать обладателями солидного банковского капитала, участвовать в государственных проектах, строить поместья, заниматься благотворительностью, обучать детей в гимназиях и институтах. Дворян армянского происхождения, являвшихся выходцами из Бессарабии, можно было встретить как в государственных структурах России, так и в армии. Получив дворянство в Бессарабии после ее вхождения в состав Российской империи, они сумели адаптироваться, слиться в правящий класс. Вместе с тем на протяжении многих десятилетий эти армяне сохраняли национальную самобытность, браком сочетались в большинстве случаев с соплеменниками, детей крестили в армянских церквях, поддерживали свою церковь материально и не теряли связи с исторической родиной.

55. «Тамбовские губернские ведомости». 1906, № 14 (от 18 января), с. 4.

56. НАРМ. Ф. 88, оп. 2, д. 25, л. 63–71 об.; Список гражданским чинам 4-го класса.

Исправлен по 1-е марта и 1-е сентября 1906 года. СПб, 1906, с. 1465.

57. НАРМ. Ф. 9, оп. 1, д. 5215, л. 3.

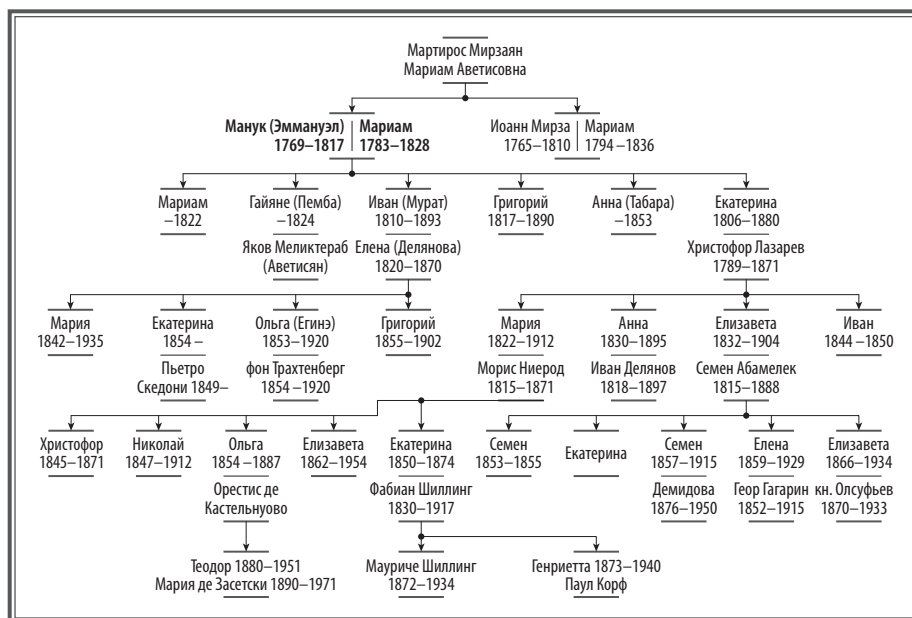
Иллюстрации

Илл. 1. Портрет Манук-бей Мирзяна

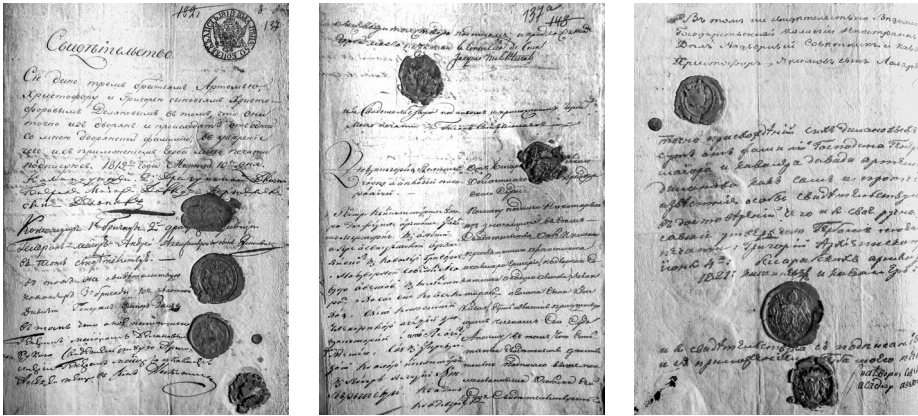
Илл. 2. Могила Манук-бей и дочерей у церкви Святой Богородицы в Кишиневе

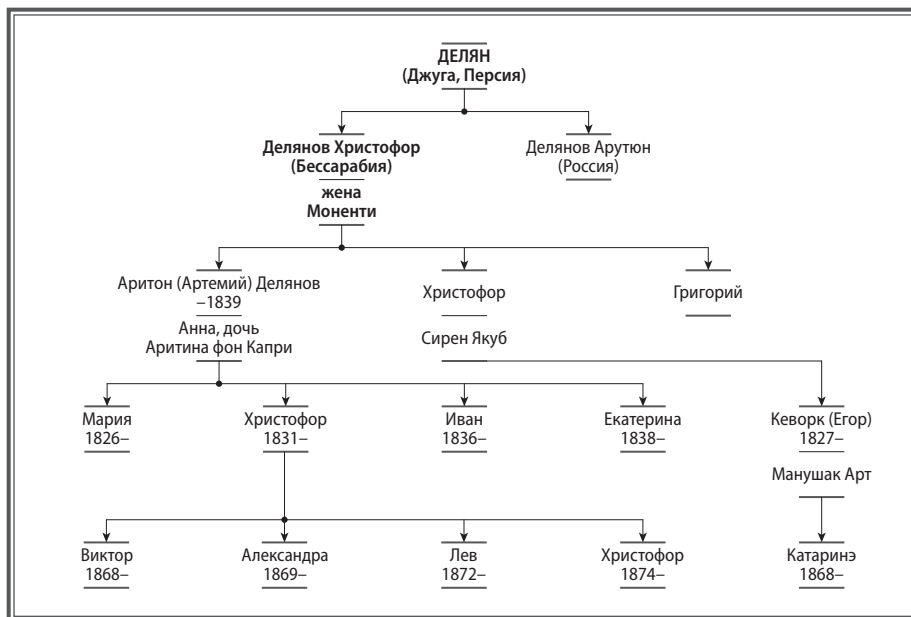
Илл. 3. Генеалогическое древо рода Манук-бей

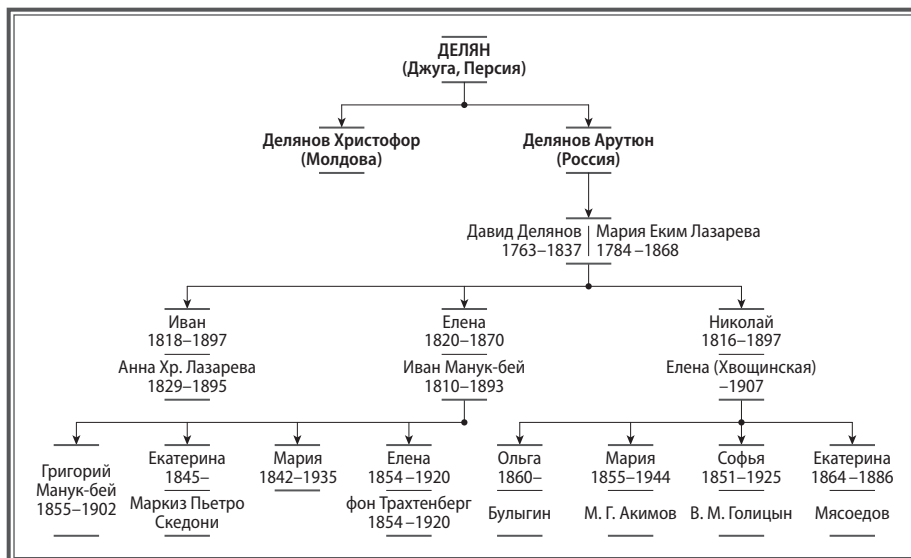
Илл. 4. Дворец Манук-бей в Хынчештах после реставрации, 2015 год

Илл. 5. Свидетельство от 10 марта 1819 года, данное командующим 2-й драгунской дивизии генерал-майором Давидом Деляновым сыновьям Христофора Делянова в том, что они происходили от одной с ним дворянской фамилии (НАРМ. Ф. 88, оп. 1, д. 228, л. 137, 137а, 137б.)

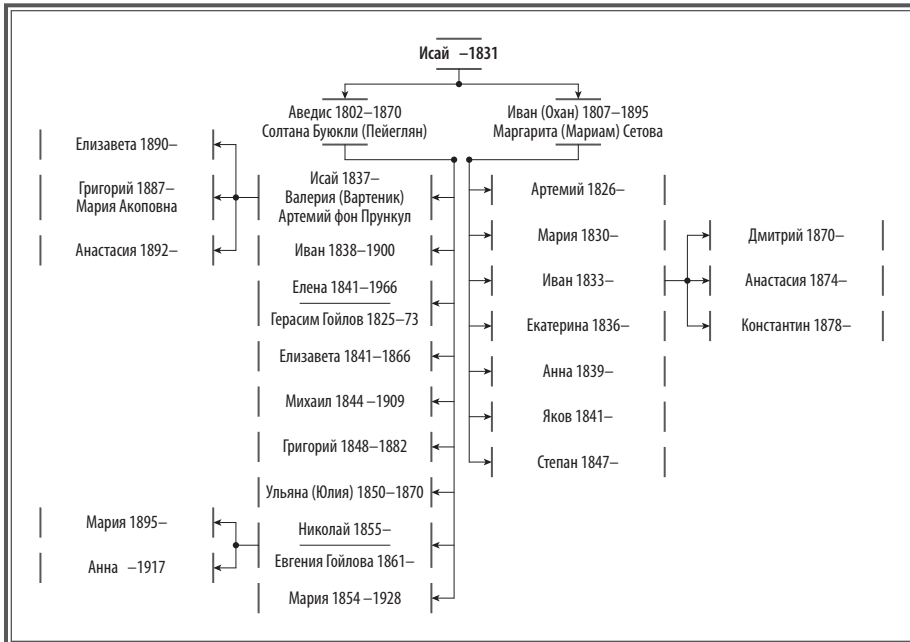
Илл. 6. Генеалогическое древо семейства Христофора Делянова.
 Источник: НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 228, лл. 1-154

Илл. 7. Генеалогическое древо семейства Арутюна Делянова.
 Источник: НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 228, лл. 1-154

Илл. 8. Ф. Бодьо.
Портрет Д. А. Делянова. 1810 г.
(Калужский музей изобразительных искусств)

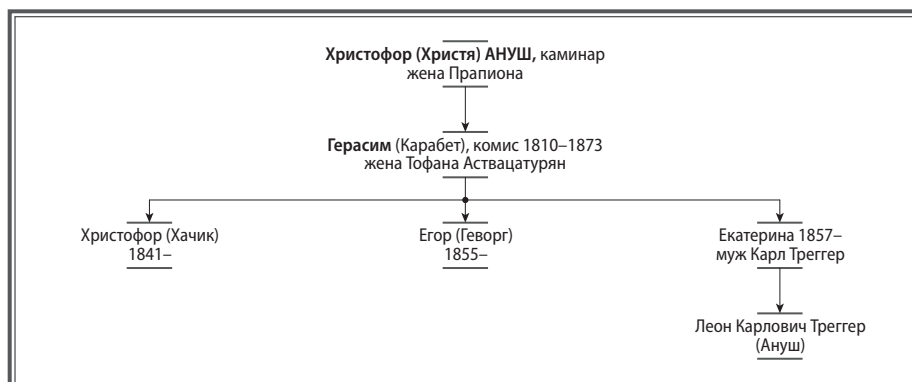
Илл. 9. Генеалогическое древо рода Охановых.
Источник: НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 1018, л. 1-146, ф. 88, оп. 1, д. 2206, л. 1-76

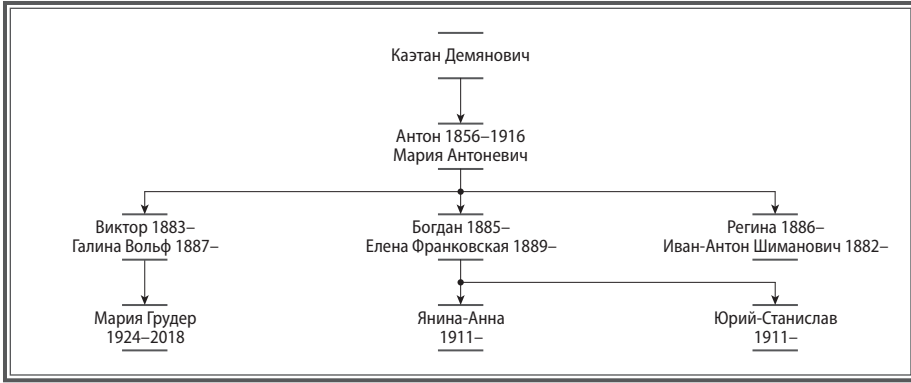
Илл. 10. Иван Аведисович Оханов

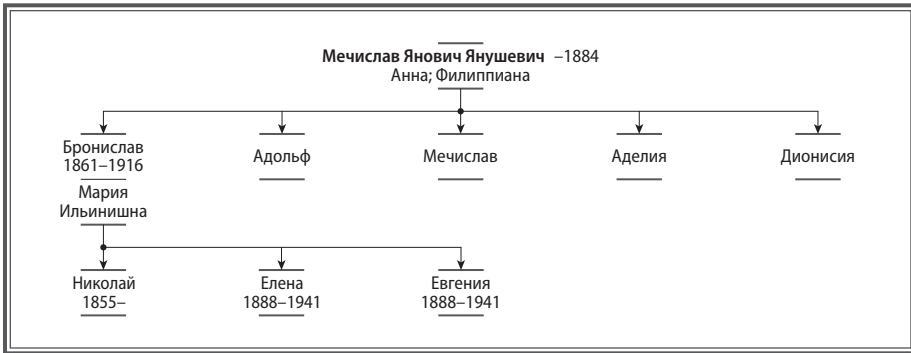
Илл. 12. Антон Казтанович Демянович

Илл. 11. Генеалогическое древо семейства Ануш.
Источник: НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 2196, л. 1–62

Илл. 13. Генеалогическое древо семейства Демянович.
Источник: НАРМ, ф. 88, оп. 2, д. 529, л. 1–9 об.

Илл. 14. Генеалогическое древо семейства Янушевич

Илл. 15. Янушевич
Бронислав Мечиславович

Summary

Eduard Alhazov,

PhD in History, independent researcher (Chişinău)

Noblemen of Armenian origin in Bessarabia (XIX—early XX centuries)

Armenians settled on the territories of Moldova, Wallachia and Transylvania no later than the 10th—12th centuries. In the 19th and early 20th centuries, the local noblemen and landowners of Armenian origin were among the elite of Bessarabia, actively participating in economic and social life. In this article, based on documents from the National Archives of the Republic of Moldova, a study of the genealogy of several Armenian houses of Bessarabia is carried out—the families of Mirzayan (Manuk-Bey), Delyanov, Oganov, Anush, Demyanovich and Yanushevich.

Armenians in Novi Sad (Serbia)— vanished community

Ljiljana Lazić

art historian, City Museum of Novi Sad

Due to the fact that the Armenians were geographically scattered across the Asian and European continents for centuries, they took on the role of economic intermediaries between the Western and Eastern civilizations, the Catholic, Orthodox and Muslim worlds. No matter where the Armenians lived, they always solved their existential problems or even prospered. They kept their own customs and traditions within their numerous colonies in Europe and Asia. Confessional, and in rare cases, religious fluctuations within this nation allowed its members to be present across a wide geographical domain, from the Indian Ocean to the Western Europe, and especially in the Levant and the Balkans.

The presence of Armenians in the regions populated by Serbs has been recorded since the 12th century and is largely associated with Bogomilism. The Bogomilism, formed under the strong ideological influence of the Pavlician and Tondrakian religious movements, which swept the Armenian Highlands and Byzantine Empire in the 6th–10th centuries and the followers of which were exiled to the Balkans, had a solid foundation in the lands of modern Bulgaria, Northern Greece and Bosnia. Here, the experienced Armenian builders erected temples the foundation of which later supported new Orthodox Churches in the decades to come¹. It is believed that the earliest direct contact of the Armenian and Serbian cultures is associated with the visit of the first Serbian archbishop Sava (1169 (?)–1236) to the Asia Minor region, what is noted in his biography by Domentijan and Teodosije². Evidence of the Armenian presence among the Serbs in the Middle Ages has been found by a few researchers in several material remains. Among them are the early 13th century Serbian–Armenian inscriptions in the Vitovnica Monastery³ and in the Holy Archangels' Monastery near Sokobanja (also known as Jermenčić Monastery), which is believed to have been built by the Armenians who deserted from the Turkish army in the late 14th century. The image of the most significant Armenian saint, Gregory the Illuminator, is present in the frescos of several medieval Serbian Churches, which indicates that his hagiography was familiar to the Serbs and they held him in deep respect, as did other Christian peoples⁴.

Belgrade was one of the cities, favorable geographical position of which attracted Armenian merchants and artisans. Their colony started to grow here in the 16th century, and first written documents about specific persons stem from that period. Somewhat more information on the Armenians in Belgrade can be found in the texts written by foreign travelers of the 17th century: Maximilian Prandstätter, Evliya Çelebi, Edward

1. *Mijović P.* Armenische Kunst im jugoslawischen Landern im Mittelalter. Yerevan, 1978.

2. *Доментијан.* Живот Светога Саве и Живот Светога Симеона. Београд, 1988, с. 218; *Теодосије.* Житија. Београд, 1988, с. 244; *Марковић М.* Прво путовање Светог Саве у Палестину. Београд, 2009, с. 80.

3. *Симоњан Б.* Армяне в Србии в XIII–XX веках // «Анив», № 3. Москва, 2006, с. 15.

4. *Тодић Бр.* Грачаница—Сликаство. Приштина, 1999, сс. 81, 94.

Brown and a Frenchman G. Ciclet⁵. It is certain that the Armenians easily blended into the life of Belgrade and were an important part of its society as they were in the other European cities. As a link between the East and the West, they founded here a base for their merchant and artisan activities.

From the documents published by Miroslav Premrou in 1926, it turns out that the Catholic propaganda, especially the local body of the Holy See in charge of missionary work, was doing its best to impose Catholicism on the Armenians and to bring them to a Union with the Roman Catholic Church⁶. This task was entrusted to the Jesuits who had a solid base in Belgrade, as well as a firm intention to convert the Orthodox population to Catholicism as much as they could.

In 1717 the city was conquered by the Austrians, and the Armenians came under strong pressure not only from the Jesuits, but also from the fathers of the Armenian-Catholic Congregation of Mekhitarists (founded in 1717 in Venice), sent here with the same task. The fall of Belgrade under the Turkish power in 1739 put an end to the Armenian colony there. Mekhitarist leader managed to organize the evacuation of the Armenian inhabitants, whom with he boarded the ships that set off for Zemun, Petrovaradin and Budim on August 10, 1739⁷.

The history of the Armenian colony in Novi Sad begins where the chapter on its life in Belgrade ends. Short, but striking description of the Armenians' departure from Belgrade is preserved in the transcript of a note from the lost protocol of the Armenian Church in Novi Sad. The exact number of those who decided to remain in Petrovaradin and Petrovaradinski Šanac (Petrovaradin Trench) after leaving Belgrade has not precisely been determined. Researchers of the Armenians' history in Novi Sad usually state that their number was about 150, according to the letters that inhabitants sent to the Propaganda. Novi Sad historian Vasa Stajić thought that the number of those who arrived to Petrovaradinski Šanac was smaller⁸. His claim was supported by the stated number of the Armenians in Novi Sad from the second half of the 18th century until the second half of the 19th century. Érdújhelyi Menyéhért, the author of "History of Novi Sad", had copied this data from the report of the Armenian Church, regarding the records on canonical visitations of the Archbishop delegation from Kalocsa in the same period. Namely, these reports state that in 1763 only 36 members of this nation lived in the city, in 1767 their number increased to 45, and not until 1798 the Armenian community did reach the three-digit number —102.

Among the newly arrived inhabitants, the Armenians were set apart due to their wealth status. Most of them were merchants and artisans who already had had developed businesses, contacts and markets in both Turkish and Hungarian territories. Among the Catholic merchants, who as members of the Union had a priority in the trade with Turks, half were Armenians. In the second half of the 18th century their activities helped Novi Sad to become a strong commercial and handicraft center in the Southern Hungary, where Eastern and Western goods were being sold together, as well as those from Bačka and Srem. In Historical Archives of Novi Sad there are many documents about the Armenian families Csenazy, Avedik, Minas, Phiry, Markar, Issekutz the members of

5. *Čelebi Evlija*. Putopis. Sarajevo, 1967, с. 84; *Шкаламера Ж., Поповић М.* Нови подаци са плана Београда из 1683 // «Годишњак града Београда». Књ. XXII. Београд, 1976, с. 50; *Марковић М.* Један француски путописац у нашој земљи 1658 // «Гласник Историскога друштва у Новом Саду». Књ. VII. Св. 1–3. Сремски Карловци, 1934, с. 314.

6. *Премроу М.* «Јерменска колонија у Београду: историска скица с документима» // «Споменик». LXVI. Београд, 1926, с. 213–224.

7. *Ерђуђељи М.* Историја Новог Сада. Нови Сад, 1894, с. 230.

8. *Стајић В.* Грађа за културну историју. Нови Сад, 1947, с. 224.

which were merchants, artisans, innkeepers, city officials, senators and servicemen. The most relevant information on their life is found in the famous “Novi Sad Biographies” and in the books on cultural and economic life in the city, written by diligent Vasa Stajić in 40s and 50s of the 20th century⁹.

The Armenian community of Novi Sad reached its peak at the turn of the 18th and 19th centuries. Never before it had been such numerous and influential, counting more than one hundred members. Armenians enjoyed economic stability as a result of their trading and artisan pursuits, which they engaged in with great success. They were used to travel large distances, so they did not base their trade solely on local assets, but created a wider business network and established partnerships. Their income was significant, and even in some cases they loaned money to local authorities at their request. Biographies of the Armenians of Novi Sad show that they opened taverns and bakeries, bought real estate and engaged in various lucrative professions such as jewelry craft¹⁰.

Quite often, they were in position to secure steady jobs for their children in local administration and for this reason, since the mid 18th century, we find Armenians working as local senators, treasurers, interpreters, police and postal officers.

In the 19th century the Armenian community diminished slowly, but steadily. According to data carried out by Érdújhelyi in the “History of Novi Sad” about 70–75 Armenians were recorded between 1806 and 1813. The next census was made no sooner than 1849 and it shows that their number decreased to 30. This large drop was a result of great suffering of the city that year, when, following the bombing, more than half of the townspeople died or fled, and almost the entire city was destroyed. This was when the Armenian Church was ruined, and most of its believers moved to Budim, Vienna and Transylvania. Only a small number of Armenians returned, so in 1857 there were only 15 families or 36 souls in the census carried out by the Mekhitarist priest of that time Simon Antonyan.

Between the mid 18th and the late 19th centuries, the Armenians were buried at their church cemetery. In their last will, they usually left part of their property to the church, so that each of them would be considered its benefactor. From 2008 to 2010, archaeological research was carried out on the site of the former Armenian cemetery. The result was a series of valuable pieces of evidence and data related to this community. The only surviving memorial is a tomb built in the late 18th century by Simeon Melik Csenazy. It represents the most peculiar ancient tomb that preserved in the contemporary architectural environment and in 1997 was declared a cultural heritage site.

The sad epilogue to the history of the Armenians in Novi Sad was written in the 20th century. The church with no believers left was guarded by a few lonely Mekhitarist priests that found their final resting place at Novi Sad Roman Catholic cemetery. Old residents of Novi Sad sometimes remember the last Armenian family, offspring of which died in 1963 along with the fall of the walls of St. Gregory the Illuminator Church.

The Church of St. Gregory the Illuminator—Armenian Church in Novi Sad

After arriving in Petrovaradinski Šanac in 1739, the Armenians settled in the civilian residential part of the town where the Catholic population lived. In their letters to Roman Propaganda, they pled for help to build a church. After receiving the building license from Archbishop of Kalocsa, Armenians began to realize the plan. In two years, they

9. *Стајић В.* Новосадске биографије. Нови Сад, 1956.

10. *Вујаковић Љ.* Прилог проучавању културног наслеђа у Новом Саду // «Вести Музеја града Новог Сада». Бр. 10. Нови Сад, 1975, с. 2.

managed to buy a plot with a house for 400 forints to make a parish house and a garden. In May 1743 they started the church construction with modest means and completed it by November 1746. According to the parish register the first rituals were performed at the end of the same year¹¹. Further evidence of the church's founding date was written on the facade panel next to the main entrance. Having survived after the destruction of the church, now it is kept in the City Museum of Novi Sad as one of the few preserved public signs from the 18th century (fig. 1).

<p>ԵԿԵՂԵՑԻՍ ՓՈՔՐԱԿԱՌՈՅՑ ԼՈՒՍԱԻՈՐՉԻՆ ՆՈԳԻՈՅ ՄԵՐՈՅ ՅԻՇԱՏԱԿ Է՛ ԱԶԳԻՍ ՆԱՅՈՑ՝ ՅԻԻՐԵԱՆՅ ԱՐԴԵԱՆՅ ՍՍԱՅՈՒԱԾՈՅ ՊԷԼՐՂԱՏԻ [sic] ՆԱՏՈՒԱԾԱԿԱՆ Ի ՆԱՅԻՍՕՅ ՊԱՆԴԽՏԵԼՈՅ: 1746 ԱԻԵՐԵԱԼ 1849, ՆՈՐՈԳԵԱԼ 1872:</p>	<p>A small church of the Enlightener is a memory for our souls — the Armenian parishioners [who built it] at the expense of their own — part of the Armenian wanderers from Belgrade. 1746 [late inscription] Destroyed in 1849, rebuilt in 1872.</p>
---	--

The Armenians of Novi Sad dedicated their church to St. Gregory the Illuminator, the most significant national saint. It was quoted under this name in the official schematics of the Kalocsa-Bacs Archdiocese from 1913 to 1942. Choosing this saint as a patron of the church, the Catholic Armenians kept themselves in contact with spiritual tradition of their nation and, at the same time, adapted him to the Saint Calendar of the Roman Catholic Church.

The greatest contribution to the construction of St. Gregory the Illuminator Church was made by one of the first Armenians to receive the citizenship of Novi Sad—Hovanes Janessissian (1684–1751). His patronage provided him with a special burial place in the center of the church and his grave panel presumably survived the bombing of the church in 1849. So, a quarter of a century later, it was built into the floor of the renewed church, where it remained until its final demolition in 1963.

There is no detailed description of the first Armenian Church in Novi Sad, but a definite idea of its structure can be made on the basis of archival documents from the 18th century, that mention the problems with its maintenance. In 1770s and 1780s there was an intensive correspondence between the Armenian Church municipality, Novi Sad Magistracy, The Council of Governors in Pozsony (Bratislav) and The Court Chamber in Vienna. The main complaints from the priests and believers concerned the size and dilapidation of the church, the condition of its roof and tower, as well as the overall location. From the archival documents it can be concluded that St. Gregory Church was of pretty modest dimensions, insufficient even for such a small community as the Armenian was. The wooden timbers used in the constructions of the roof and tower were depleted and, of course, threatened the strength of it. Exterior decoration was probably not a priority during construction, so baroque elements were less pronounced than in other churches in Novi Sad dating to the first half of the 18th century. The need to acquire church supplies was repeatedly emphasized, and this could indicate to their shortage

11. Овакимјан А. Арменске колоније у српским земљама // «Зборник Матице српске за историју». Бр. 55. Нови Сад, 1997, с. 67.

in the first decades of the church's existence. The Armenian priests most certainly used the church utensils, which the refugees took with them when leaving Belgrade. The internal arrangement of the Armenian Church is also genuinely unknown, but it can be assumed that it corresponded to the rules of the Mekhitarist Church order, and thus to the Roman Catholic dogma.

The date that will live in infamy, June 12, 1849, completely changed the silhouette of Novi Sad. Mindless and unnecessary bombing from the Petrovaradin Fortress was a fierce response to the military action of general Josip Jelačić who tried to force the Hungarian army garrison on the Fortress to surrender. The cannonballs began to fall at three o'clock in the morning, and due to strong wind, the fire spread throughout the city, especially raging in its center. Like most of the buildings in Novi Sad, the Church of St. Gregory the Illuminator was gravely ruined. Only the stone panels on the facade and inside survived the fire and destruction. The church was open for the further marauding of the city, for during the Rebellion of 1848–1849 there were no clergymen in it. The new priest came from Vienna no sooner than 1857.

After more than two decades of failed attempts to renovate the church, the funding was secured from an unsuspected source. The new Armenian Church would be funded by a woman, a Novi Sad citizen and orthodox Marija Trandafil (1816–1883). The supervisor of Marija Trandafil's estate Luka Jocić wrote in his memoirs a detailed note about her decision to finance the renovation of the devastated Armenian Church¹². According to his testimony, Marija Trandafil called an architect, Georg Molnar, and asked him to design a plan for the church renovation. Jocić's text states that the project for the Armenian Church was made very quickly, just in one day, because of Molnar's fear that the benefactor would change her mind and withdraw from financing. The valuable material evidence that confirms the narration above is kept in the City Museum of Novi Sad: the original plan by Georg Molnar for the Armenian Church and parish house renovation. The document shows that the architect originally designed the church in a typical provincial Baroque style with simplified forms and subtle decor. However, before the construction began, Molnar changed the plan for unknown reasons. Today, another plan by him remains in the Archive of Viennese Mekhitarist Congregation.

The new constructed Church of St. Gregory the Illuminator, located on the site of the previous one, was a single-nave rectangular building oriented from northwest to southeast. It was erected of bricks and then plastered, and wood was used in the roof and dome tower constructions (fig. 2). The total width of the church was 9 meters, and the total length (with the sacristy) was 26.75 meters on the southwest side and 27.72 meters on the northeast side. The altar was situated in the semicircular apse beside which a small sacristy was situated: 5.45 meters in width and 7.65 meters in length. The nave of the church was barrel-vaulted and had a gabled and tiled roof. Much attention was paid to the front facade, as it carried most of the exterior decoration.

The completed Armenian Church had stylistic elements that made it a unique religious building in the city. Elements of Romanesque and Baroque art were used in the design of the facade, which followed the contours of other buildings on the street. This eclectic combination of elements from different eras reflected the architectural "rambling" characteristic of the historicism period in the final decades of 19th century. Their utilization wouldn't be so successful if it weren't for harmony in proportion of the belfry and the lower part of the facade, and the width and height of the building. Besides, all

12. Јоцић, Л. Тридесетгодишње угодне и неугодне успомене (1854–1884). Нови Сад, 1904, с. 103–107.

the architectural details that defined the Armenian Church were meticulously executed and deliberately positioned.

At the end of the construction, the bells were mounted. The smallest bell was probably taken from the old church, while the other three, of different sizes and weights, were made and commissioned in 1872. The inscriptions on the bells show that Maria Trandafil, without saving on costs, commissioned one of the most significant bell makers of the second half of the 19th century, the firm "Hilzer & Sohn" in Wiener Neustadt. The fact that this firm was on the list of the Austrian court suppliers says a lot about its favorable reputation¹³. Of the four original church bells, only two are left today, and they are kept in the City Museum of Novi Sad.

The construction part of the renovation of the church was completed in 1876, and the arrangement of its interior was about to begin. However, the temple was equipped only fifteen years later, when it finally became active. Since the Armenian Church had always been open to all members of the Catholic Church in Novi Sad, the Roman Catholic Church community accepted the obligation to equip it with the needed objects and insure the regular practice of worship. One of the most perplexity questions regarding the internal organization of the Armenian Church is the determination of the time when it was painted, marbled and decorated with stained glass. Data on affairs of this kind, and on the potential funders, have not been found neither in the public nor in the church archives. This is why the uncertainty arises: whether the church has had temporary windows for over a decade before it got the new stained glass in the last decade of 19th century?

The church vault was painted in the spirit of historicism. All other wall surfaces (walls of the nave, a semicircle of the apse, narthex, galleries and pillars below the gallery) have been decorated using the marbling technique. The dedication of the church to St. Gregory the Illuminator determined the content of the main altar painting (fig. 3). It was composed in the spirit of the late Nazarene realism, which was quite common in the Viennese art of the first half of 19th century, and, therefore, was anachronistic at the time of its creation. The barely visible signature indicates that the author of painting was Viennese artist Hugo Jäckel. In the absence of preserved records on the acquisition and manufacture of individual objects, one can only assume that their origin is linked with Austria, Hungary and the Novi Sad-based businesses, craft workshops and artists. The first detailed inventories were made only in 1960 and in 1963. In addition to these valuable documents, important insight is provided by photos from 1959, taken by the photographers of the Provincial Institute for Protection of Cultural Heritage, showing the numerous details of the church interior.

Prior to its demolition, the Armenian Church possessed about 100 items of various church textiles. There are inventories of clerical clothing and different liturgical objects made of fabric. Their shape and purpose correspond to the Roman Catholic Church ceremony, which was in line with the religious orientation of Novi Sad Armenians and their priests from Mekhitarist Order. The largest part of the stored items was produced in a professional manufactory, specialized in making of the church paraphernalia. The labels that were sewn on some parts of clerical clothing indicated the time and place of production. Among the survived textiles, stored in the City Museum of Novi Sad, there are also handmade pieces that were gifted to the Armenian Church by the believers. These were mostly antependiums (altar covers), pulpit and altar coverings, towels, curtains and clothing for the ministrants.

13. Handbuch des allerhohen Hofes des Hofstaates seiner K. und K. apostolischen Majestat fur 1899. Wien 1899, s. 358.

Another important group of items from the Armenian Church, which is also kept in the City Museum of Novi Sad, consists of books and various printed publications. Their number and a variety of content reflect the erudition and interests of the Mekhitarist priests who served in the Novi Sad church. In accordance with the tradition and the education of this church order, future missionaries gained exceptional knowledge in many areas. The emphasis was on the study of European and Asian cultures, and it was not unusual for a Mekhitarist to speak ten different languages. The priests of the Armenian church belonged to the group of educated citizens, and their polyglot skills were well known among the citizens of Novi Sad. The largest number of books from the Armenian Church was printed in the printing house of the Congregation in Vienna, which increases the importance of the preserved fund. The priests of the Novi Sad church used to receive editions written in German and Armenian languages directly from their parent organization in Vienna and these were writings on theology, linguistics, history and law from the period between the first half of 19th century and the mid of 20th century. The richness of the Armenian Church library in Novi Sad is also reflected in the presence of editions in the fields of medicine, astronomy, economics, geography, gardening and wine, followed by a variety of novels, travel books, biographies, dictionaries and many language-learning books.

The church demolition

The most important historical source in the study of ownership and property of St. Gregory the Illuminator Church is the land registry. The earliest surviving cadastral data can be found in the land registry from 1878 when a complete survey of urban land and drawing of a detailed map was conducted. The Armenian Church community was listed as the owner of the church, parish house and the garden. An unusual edit was made in the books ten years later, when the Mekhitarist Congregation in Vienna was registered as a new owner. The circumstances that provoked this change are unknown, and the consequences of this act will make themselves felt in the second half of the 20th century.

Despite the fact that in the late 19th century the number of the Armenians in Novi Sad was almost negligible, the assets of the Congregation were increasing. During the period between 1860 and 1886, large portions of land behind the church were purchased together with the parish house, a single house in the former Hungary street and two arable pieces of land in Čenej. After the restoration of the church building in 1872, the parish house was expanded with more priests' rooms, business premises and apartments for rent. Over the next few decades, this building was the main source of income for the Armenian Church, until it was demolished in 1949. The next increase in the ownership of the Mekhitarist Order's property was in 1910 when the Armenian Church community building was constructed on the right side of the church. However, in the first half of the 20th century most of the property here was sold, and before the Second World War the Congregation in Novi Sad possessed only two land plots with the church and the old parish house.

On the basis of the "Law on Cultural Heritage Protection" from 1948, there was a possibility to place the Armenian Church under the government protection. In 1951, the Provincial Institute for the Protection of Cultural Monuments enrolled the church into the Register of Cultural Heritage.

The obligation to maintain the church and to economize on real estate proved to be a very demanding task for the Armenian priest because, for decades, the church had not had enough believers who would have helped with contributions. Therefore, the Mekhitarist Congregation decided to sell everything and to withdraw the priest back to

Vienna. Religious District of Bačka, which had the administrative jurisdiction over the Armenian Church, did not concede to the plans of the Congregation. The stumbling block between the two religious institutions was the unsolved question of ownership over the church, parish house and the land. In 1957, Franciscans appeared as a potential buyer—a Roman Catholic religious order that had already had their monasteries in Novi Sad and Petrovaradin for more than two centuries. The final sale agreement was to be made in Rome between the chief abbots of the Franciscans and the Mekhitarists. At the same time, blessing of the Religious District of Bačka was also needed, but the representatives of it were not benevolent about this possibility and definitely rejected it the following year.

The first news about the possible demolition of the Armenian Church was brought to light in April 1957. Faced with such development in Novi Sad, in 1959 the Mekhitarist Congregation decided to cede the church management to the Religious District of Bačka and to keep the cadastral ownership only. Then, Johan Samuel Polycarp, who was aging and ailing at the time, was told to perform the handover of the building and the entire mobile inventory to the new priest and to travel to Vienna. The bishop at the time was Matiša Zvekanović who, in January 1960, appointed a new rector of the Armenian Church and on March 10 the handover of the inventory was executed in the presence of two witnesses.

In parallel, there was an onslaught of urban planners, whose intentions were opposed by the Provincial Institute for the Protection of Cultural Monuments, numerous intellectuals and professionals from Novi Sad. However, the voice of the professionals was not heard: in October 1959, the Institute received the request from the National Committee, demanding the rescript which cancels the protection of the Armenian Church. The main reason for the demolition of the church was the construction of a new boulevard through the city center. The decision was made in 1957, followed by the project plan for the road system. The law on the nationalization of urban construction land in 1958 enabled the expropriation of all plots along the route of the future boulevard and its rapid progression from 1961. The final confirmation of this project was given in 1962 by the new General Plan of the city, which was written about and discussed in detail in the press and at public meetings, until its adoption in May of the following year. Simultaneously with the development plan, the general public was being prepared to the “painful cuts” that the planners would have to make.

The physical removal of the Church of St. Gregory the Illuminator was preceded by a legal procedure transferring the ownership of the land and facilities from the Mekhitarist Congregation to the government. In May 1963, the Municipal Assembly of Novi Sad adopted a resolution designating the church as a public property. The removal of the inventory and its transfer to the premises of the Novi Sad Fortress commenced on October 14, and a week after, trucks and workers arrived and within 15 days brought down the Armenian Church (fig. 4). Beside the church, they pulled down the fence at the former site of the Armenian cemetery, and the only material residue that was not removed was the Tomanović-Csenazy family tomb. The city authorities have set an indemnified amount for the demolished church, which amounted to 3,669,503 dinars.

Many intellectuals, journalists and photographers from Novi Sad were direct witnesses of the demolition of the Church of St. Gregory the Illuminator. It is evident that some of the articles and photographs published at the time carried a strong sentiment against the demolition of a unique object. The fact of the demolition of the Armenian Church would have long since faded out in the memory of the residents of Novi Sad, if not for the photographs of the best cameramen of Novi Sad. From the heights of the newly built

main post office building, they made precious visual testimonies of the demolition of the important architectural objects, including the Armenian Church.

In the years after the demolition there was a period when no one spoke about the event. Only the occasional museum worker, writer or journalist used to remind of the fact that not so long ago there had been a unique church in the city center. There was one isolated initiative in 1971, when the City Museum of Novi Sad proposed relocation and a reconstruction of the remaining Armenian graves, but it has never been realized. The final location of Marshal Tito Boulevard, today's Boulevard of Mihajlo Pupin, showed that the destruction of the church was a fabricated urban venture that could have been avoided with a careful planning.

In 1989, a discussion on the destruction of the Armenian Church was opened. Many cultural preservers, writers and journalists assessed that its removal was unnecessary and irreversible urban failure, which deleted a part of Novi Sad's cultural heritage. In April 1989, reacting to public criticism, the experts of the City Institute for Protection of Cultural Heritage developed a project to mark the memory of the former Armenian Church, which envisioned the floor arrangement of the site using a material of different kind than the one on the pavement. The same year, the foundations were paved with red marble and along the pavement, at the place where apse used to be, a parallelepiped stone was placed inscribing the following words: "*On this sight the Armenian Church stood from 1746 to 1963*".

Adding up to the ambience of the site where the Armenian Church was, a monumental khachkar (Armenian ornamented cross-stone) was placed as a gift to Novi Sad from the Serbian-Armenian Friendship Society. Its location in the immediate vicinity of the old tomb and the marked foundations of the lost church shows the gratitude to the city for offering shelter to the Armenian refugees in 1739. At the same time, it pays tribute to the Yugoslavian pilots who died in a plane crash near Yerevan when transporting food and medicine to Armenia after the earthquake in 1988. Ceremoniously unveiled on January 15, 1993, it was one out of two khachkars made by the Armenian artists and brought to Yugoslavia. This work of art and a distinctive symbol of the Armenian people, which is unique in Vojvodina, was declared a protected cultural monument. Unfortunately, nowadays, very few passersby are aware of its true meaning and the reason for its placement.

The recent events, related to the estate where the Armenian Church used to stand, unfolded in 2017 when the construction of a multi storey building was commenced on the site of the Armenian cemetery and the charted church floor plan. The final archeological researches were conducted, while the Tomanović-Csenazy family tomb was taken to restoration. In November 2019 the local government returned it to the close proximity of the Armenian khachkar.

The hope that the Church of St. Gregory the Illuminator will be restored is thus lost forever.

Illustrations

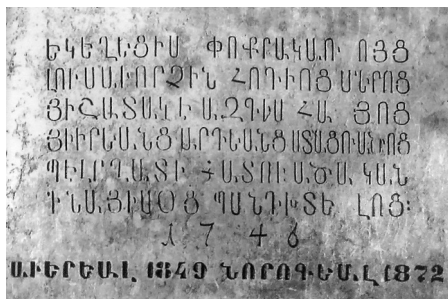

Fig. 1. Panel from the facade of the Armenian Church in Novi Sad (City museum of Novi Sad, JC 115).

Fig. 2. The exterior of the Armenian Church in Novi Sad, 1953 (The Provincial Institute for the Protection of Cultural Monuments, Petrovaradin).

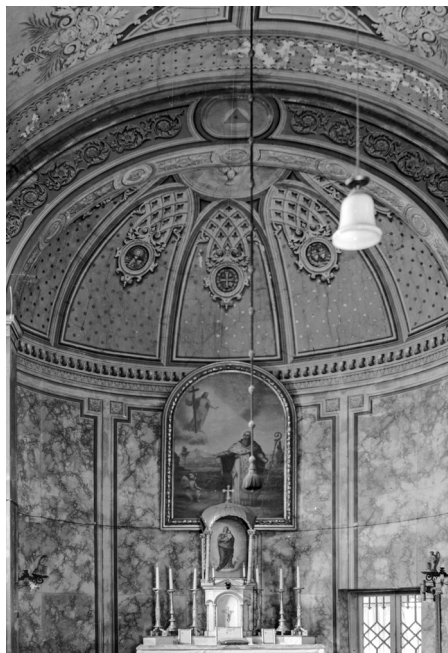

Fig. 3. The interior of the Armenian Church in Novi Sad, 1960 (The Provincial Institute for the Protection of Cultural Monuments, Petrovaradin).

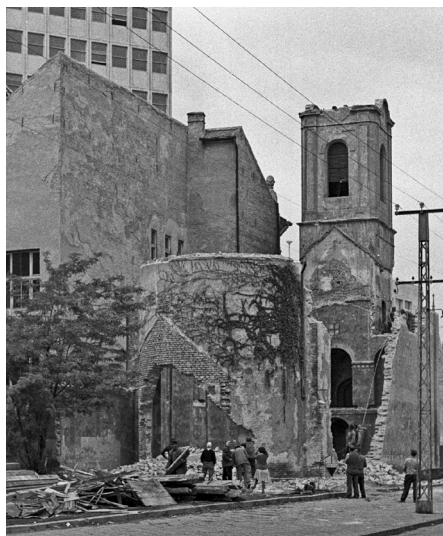

Fig. 4. Demolition of the Armenian Church in Novi Sad, 1963 (The Provincial Institute for the Protection of Cultural Monuments, Petrovaradin).

Резюме

Лиλιана Лазич,

искусствовед, Музей города Нови-Сад

Армяне в городе Нови-Сад (Сербия) — исчезнувшая община

В 1963 году в городе Нови-Сад был снесен единственный армянский храм на территории бывшей Югославии. История его, возведенного в честь Григория Просветителя, начиналась с 1746 года. Основание церкви последовало переселению в Нови-Сад части армян из Белграда, спасавшихся от турецкого вторжения в 1739 году.

Армянская община города Нови-Сад исповедовала католицизм. Духовные дела курировали монахи Конгрегации мхитаристов — сначала венецианские, затем венские.

В течение XIX века численность армян в городе Нови-Сад постепенно сократилась до минимума, и церковь практически осталась без прихожан. После бомбардировки города венгерскими силами в 1849 году она была разрушена. Здание церкви восстановила не имевшая к армянам никакого отношения жительница города — Мария Трандафил, на свои личные средства, в 1872 году.

Церковь была демонтирована в 1963 году. Официально это обосновывалось градостроительной необходимостью. Сегодня о ней напоминает только одна армянская гробница и отмеченное контуром место с надписью: «*На этом месте с 1746 по 1963 год стояла армянская церковь*».

Численность армян, проживавших в границах современной Беларуси, по данным переписи населения Российской империи 1897 года

Евгений Гуринов,

кандидат исторических наук, координатор проектов Фонда развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ» (Минск)

Данные статистики играют важную роль в рассмотрении исторического прошлого. В распоряжении исследователей, интересующихся численностью населения Беларуси и ее динамикой, имеются результаты ряда всеобщих переписей: Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, Первой всесоюзной переписи 1926 года, советских переписей 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 годов, а также переписей, проведенных уже в независимой Беларуси в 1999, 2009 и 2019 годах.

При сопоставлении результатов разных переписей исследователь неизбежно сталкивается с целым рядом проблем, к наиболее частым из которых относятся:

1. несоответствие административно-территориального деления в разные периоды¹;
2. неизбежные различия в методологии проведения переписи и обработки полученных данных, вызванные как объективными, так и субъективными факторами.

Данная статья основана на результатах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В ней предпринята попытка определить численность армян, проживавших в границах современной Беларуси в конце XIX века. Такая постановка вопроса обусловлена нашим желанием иметь относительно точные данные, которые могли бы быть полезны для изучения динамики численности армян в Беларуси в период с конца XIX до начала XXI веков.

Перепись 1897 года проводилась путем непосредственного опроса всего населения Российской империи на одну и ту же дату — 28 января (9 февраля) 1897 года. Материалы переписи направлялись в Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел, где они обрабатывались (с применением электрических счетных машин Х. Холлерита) и затем издавались в виде погубернских сводов.

К 1901 году стало ясно, что денежных средств, выделенных на реализацию поставленных задач по обработке результатов переписи и их изданию, недостаточно. В связи с этим было созвано «Особое совещание» под председательством П. Н. Дурново, которое пересмотрело ход переписи. Прежняя программа была признана слишком обширной, в связи с чем была выработана новая структура публикации

1. Так, к примеру, всеобщие переписи 1926, 1937 и 1939 годов не проводились на территории Западной Беларуси, на тот момент входившей в состав Польши. Несоответствие административно-территориального деления современной Беларуси и территорий Беларуси, входивших в состав Российской империи во время проведения переписи 1897 года, подробно рассмотрено ниже.

материалов переписи, включавшая 25 статистических таблиц. Результаты обработки переписи по губерниям были заново изданы в 1902–1905 годах в 89 томах (в 119 отдельных книгах), а также в двух томах «Общего свода по империи»².

Несмотря на значительные огрехи, допущенные в процессе сбора и обработки статистических данных, а также ошибки и неточности в изданных томах, перепись 1897 года сегодня остается важным источником статистических данных по Российской империи конца XIX века.

При определении численности армян, проживавших в границах нынешней Беларуси в 1897 году, необходимо учитывать два важных момента. Во-первых, в опросе населения, проведенном в рамках сбора данных переписи, отсутствовал вопрос о национальной или этнической принадлежности респондентов. Установить численность армян можно только по косвенным данным, выраженным в пунктах о вероисповедании и языке. При издании материалов переписи эти данные помещались в таблицы:

XII. «Распределение населения по вероисповеданиям»;

XIII. «Распределение населения по родному языку»;

XIV. «Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку».

Отметим также, что в переписном листе вопрос о родном языке был сформулирован следующим образом: «Здесь вписывается название того языка, который каждый считает для себя родным». Как в свое время отмечал А. Н. Котельников, это привело к тому, что лица одной и той же национальности указывали своим родным языком разные языки (например, язык национальности и язык, на котором велось общение в семье)³.

Для получения максимально достоверной картины принципиальное значение имеет сопоставление информации из таблиц XIII и XIV, поскольку армянский язык не указан в таблице XIV по причине малочисленности его носителей среди армян традиционного григорианского и католического вероисповеданий. Носители армянского языка, указавшие его в качестве родного, в таблице XIV отнесены к категории носителей «остальных индоевропейских языков». Иногда число носителей армянского языка в отдельной административно-территориальной единице не совпадает с числом проживавших в ней армян григорианского вероисповедания и армян-католиков. Так, например, по данным переписи, на территории Свенцянского уезда Виленской губернии не было ни одного армянина григорианского толка и ни одного армянина-католика, но в то же время проживало 44 носителя армянского языка. Это заставляет работать с тремя категориями числовых данных:

1. численность армян григорианского толка, или прихожан

Армянской апостольской церкви;

2. численность армян-католиков;

3. численность носителей армянского языка.

Для нашего исследования принципиально важно, что не все респонденты, указавшие армянский язык, были прихожанами Армянской апостольской или католической церковью, и далеко не все армяне-григориане или армяне-католики считали армянский язык своим родным языком.

Второй важный момент: в конце XIX века белорусские земли входили в состав шести губерний Российской империи (Могилевской, Минской, Гродненской,

2. Подробнее см.: Котельников А. Н. История производства и разработки Всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.

3. Там же, с. 33.

Витебской, Виленской и Ковенской), но границы, охватывавшие эти шесть губернии, не совпадают с границами современной Беларуси.

Чтобы понять, какие данные следует учитывать при подсчете армян, проживавших в границах современной Беларуси в конце XIX века, следует сопоставить административно-территориальное деление (на уезды) каждой из северо-западных губерний империи с нынешними границами Республики Беларусь. При этом мы будем руководствоваться следующими принципами:

- мы не будем учитывать статистику по тому или иному уезду, входившему в состав северо-западных губерний, если более половины его территорий ныне лежит вне границ Республики Беларусь;
- при обратной картине (более половины территорий уезда входит в границы нынешней Республики Беларусь) мы будем учитывать статистику по уезду;
- равным образом мы не будем учитывать статистику по тому или иному городу, если он в наши дни находится вне территории Республики Беларусь.

Таким образом, в Могилевской губернии мы не будем учитывать данные по Мстиславскому уезду: большая его часть ныне входит в состав Российской Федерации, тогда как в уездном городе Мстиславле, который ныне является белорусским городом, по данным переписи вовсе не было армян.

При анализе данных переписи по Витебской губернии мы будем учитывать только статистику, собранную в Дриссенском, Полоцком, Городокском, Витебском и Лепельском уездах.

При анализе данных переписи по Виленской губернии мы будем учитывать только статистику, собранную в Дисненском, Светянском (но не в уездном городе Светяны!), Вилейском, Ошмянском и Лидском уездах.

При анализе данных переписи по Гродненской губернии мы будем учитывать только статистику, собранную в Гродненском, Волковысском, Слонимском, Пружанском, Кобринском и Брест-Литовском уездах.

Отметим также, что в границы Республики Беларусь входят части Августовского уезда Сувалковской губернии и Новоалександровского уезда Ковенской губернии (с городами Видзы и Браслав). Что касается Августовского уезда, то мы можем его опустить: в издании материалов Переписи по Сувалкской губернии⁴ лица армяно-григорианского или армяно-католического вероисповеданий специально не выделяются, носителей же армянского языка в уезде не было.

В Новоалександровском уезде Ковенской губернии проживал один армянин григорианского толка и 39 армян-католиков⁵, однако выделить из них тех, кто проживал на территории, впоследствии вошедшей в состав Республики Беларусь, не представляется возможным. Соответственно, поскольку большая часть уезда не лежит в границах нынешней Беларуси, мы не будем использовать эти данные при подсчетах.

Еще одной проблемой является расхождение в данных на разных уровнях их обобщения. Например, как указано в таблице XIV «*Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку*» по Гродненской губернии, в Брест-Литовске проживало пять армян григорианского толка, в том числе одна женщина. Ниже

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. LIX. Сувалкская губерния. СПб., 1904.

5. Там же. Т. XLII. Ковенская губерния. СПб., 1904. Табл. XII. Распределение населения по вероисповеданиям, с. 78–79.

дается их распределение по языкам, однако здесь указаны только два человека: мужчина и женщина, владевшие русским языком⁶.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении армян григорианского толка женского пола, проживавших в Кобринском уезде: обобщенные данные (три женщины) не соответствуют данным по языкам (только две носительницы «*остальных индоевропейских языков*»)⁷.

В таблице XIV по Витебской губернии указано, что в Двинске проживал один грамотный армянин-католик (мужчина). В то же время, если суммировать данные о распределении по языкам армян-католиков, проживавших в Двинске, грамотных получится три человека⁸.

В связи с этим при подсчетах мы использовали только первичные данные (распределение по языкам), суммируя их самостоятельно. Итоговые результаты представлены в таблице 1. Чтобы установить численность армян, по данным переписи 1897 года проживавших в пяти северо-западных губерниях империи, следует сложить между собой число армян григорианского толка (стб. 2), армян-католиков (стб. 6) и носителей армянского языка (стб. 10), а затем отнять от полученной суммы число носителей «*прочих индоевропейских языков*» армяно-григорианского (стб. 3) и армяно-католического исповеданий (стб. 7). Аналогичным образом можно рассчитать и численность армян, по данным переписи 1897 года проживавших в границах современной Беларуси.

Следует помнить, что полученные цифры хотя и близки к действительному положению вещей, все же являются оценочными, поскольку у нас нет полной уверенности, что все армяне-григориане и армяне-католики, указавшие в качестве родного языка один из «*прочих индоевропейских языков*», были носителями именно армянского языка (хотя именно такое положение дел представляется наиболее вероятным).

Таким образом, по нашим подсчетам, в конце XIX века численность армян, проживавших в пяти северо-западных губерниях, составляла 342 человека. В границах нынешней Беларуси проживало 236 армян⁹. Внутри этой группы можно выделить следующие категории:

1. Армяне-католики, указавшие в качестве родного языка иной, нежели армянский (112 человек, или 47,45 %). Скорее всего, перед нами потомки армян, ранее переселившихся в Речь Посполитую. В качестве родного языка эти люди, как

6. Там же. Т. XI. Гродненская губерния. СПб., 1904. Табл. XIV. Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку, с. 114.

7. Там же, с. 130.

8. Там же. Т. V. Витебская губерния. Тетрадь 3 (последняя). СПб., 1903. Табл. XIV. Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку, с. 97.

9. Аналогичное нашему исследованию ранее было выполнено А. В. Тихомировым. См.: *Tichomirow A. Armenians in Belarus Today and in the Past // Armenians in Post-Socialist Europe / ed. K. Siekierski, S. Troebst. Wien; Köln; Weimar, 2016, pp. 110–111.* Опираясь на данные переписи 1897 г., Тихомиров оценивает общее число армян, проживавших в конце XIX века в пяти северо-западных губерниях в 258 человек, а в границах современной Беларуси — в 182 человека. Он также приводит численность армян в каждой из пяти губерний (во всех уездах): Минская — 75 человек, Виленская — 59 человек, Гродненская — 43 человека, Витебская — 22 человека. Как видим, полученные нами результаты отличаются от результатов Тихомирова как по сводным цифрам (342 человек в пяти губерниях и 236 человек в границах Беларуси), так и по отдельным губерниям. Различие особенно заметно на примере Виленской (у нас — 102 человека) и Гродненской (у нас — 96 человек) губерний. Это вызвано следующими причинами. Во-первых, при подсчете численности армян в Витебской и Виленской губерниях Тихомиров использовал соответствующие тома переписи, изданные в 1901 году, тогда как в данном случае следует пользоваться исправленным изданием 1903 (Витебская губерния) и 1904 (Виленская губерния) годов, о чем мы писали выше. Во-вторых, насколько можно судить (в статье не приводятся методологии подсчета), при подсчете данных по губерниям Тихомиров не учел, что далеко не все лица, указавшие армянский язык в качестве родного, принадлежали к армяно-католикам или армяно-григорианам.

правило, указывали белорусский, польский или русский, изредка — украинский или литовский языки.

2. Носители армянского языка, не являвшиеся прихожанами ни Армянской апостольской, ни католической церквей (71 человек, или 30,08 %). Эти люди могли быть российскими чиновниками, полицейскими, военными, служившими в северо-западных губерниях. Скорее всего, они были прихожанами Русской православной церкви.
3. Прихожане Армянской апостольской церкви, указавшие в качестве родного языка один из «остальных индоевропейских языков» (31 человек, или 13,13 %). Вероятнее всего, их родным языком был армянский.
4. Прихожане Армянской апостольской церкви, указавшие в качестве родного языка иной, нежели армянский (21 человек, или 8,89 %).
5. Армяне-католики, указавшие в качестве родного языка один из «остальных индоевропейских языков». Учитывая, что единственный человек, входящий в эту категорию, проживал в Минской губернии, где число носителей армянского языка и число носителей «остальных индоевропейских языков» полностью сходится, вероятнее всего, его родным языком был именно армянский.

Было бы интересно детально изучить идентичность представителей каждой из этих групп и их самосознание. Однако это уже другая задача, и для ее решения нужны другие источники и другие методы исследования.

Summary

Evgeniy Gurinov (Jaïhien Hurynai),

PhD in History, Project manager, “ANIV” Foundation for development and support of Armenian Studies (Minsk)

The number of the Armenians living within borders of present-day Belarus, according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897

This article, based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire (1897), is aimed at determining the size of the Armenian population on that moment in the territory lying within the current borders of Belarus. Three types of data are used to calculate the number of the Armenians: (1) the number of inhabitants by religion, (2) the number of inhabitants by native language, and (3) the number of inhabitants by religion and native language. The author of the article shows that in addition to the Armenians of traditional Apostolic confession and the Catholic Armenians living in five northwestern provinces (gubernias) of the Russian Empire (Vilnius, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev), there were also Armenians of a different confession. Apparently, they belonged to the bosom of the Russian Orthodox Church and are not shown separately in the published results of Census 1897. However, their number can be determined by comparing the total number of the Armenians of Apostolic confession and the Catholic Armenians, whose native language was one of the “other Indo-European languages”, with the number of those who spoke Armenian. Taking this into account author calculated the number of the Armenians living in five northwestern provinces, and the number of the Armenians living in present borders of Belarus at the end of the 19th century: 342 and 236 people, respectively.

Таблица 1
**Численность армян в пяти северо-западных губерниях Российской империи
и в границах нынешней Беларуси**

Губерния	Армяне-григориане				Армяне-католики				Носители армянского языка		ИТОГО	
	Всего	в том числе носители «остальных индоевропейских языков»	В Беларуси	в том числе носителей «остальных индоевропейских языков»	Всего	в том числе носителей «остальных индоевропейских языков»	В Беларуси	в том числе носителей «остальных индоевропейских языков»	Всего	В Беларуси	ИТОГО	
											В губернии	В Беларуси
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Могилевская	6	0	5	0	16	0	16	0	2	2	24	23
Минская	14	9	14	9	61	1	61	1	10	10	75	75
Гродненская	26	16	21	12	33	1	4	0	54	46	96	59
Витебская	19	14	12	10	24	0	9	0	16	1	45	12
Виленская	12	11	0	0	47	3	23	0	57	44	102	67
ИТОГО	77	50	52	31	181	5	113	1	139	103	342	236

Составлено по данным:

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого.

Т. XXIII. Могилевская губерния. СПб., 1903;

Т. XXII. Минская губерния. СПб., 1904;

Т. XI. Гродненская губерния. СПб., 1904;

Т. V. Витебская губерния. Тетрадь 3 (последняя). СПб., 1903;

Т. IV. Виленская губерния. Тетрадь 3 (последняя). СПб., 1904.

Դոլուխանովների (Դոլուխանյաններ) ազնվական գերդաստանի նպաստը ռուսական բանակի հաղթանակներում Առաջին Աշխարհամարտի տարիներին

Կարեն Փահլևանյան,

Պատմական գիտությունների թեկնածու, Խ. Աբովյանի անվ. Հայկական Պետական Մանկավարժական Համալսարանի Համաշխարհային պատմության և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ (Երևան)

Ռուսական կայսրության վարած բոլոր պատերազմներում հայազգի զինվորականությունը հանդես է եկել որպես կազմակերպված ուժ և բազմիցս աչքի ընկել մարտավարելու գործը կարողությամբ: Հայազգի զորականների բարձր հատկանիշները ընդգծված կերպով դրսևորվել են նաև Առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին: Սակայն, մի քանի հանգամանքներով պայմանավորված, նրանց ռազմական տաղանդի դրսևորումները պատմագրության մեջ գրեթե չեն լուսաբանվել: Այդ հանգամանքներից թերևս ամենակարևորը 1917 թ. Հոկտեմբերյան հեղաշրջումից հետո ցարական բանակի նկատմամբ իրականացված «հատուկ» միջոցառումներն էին, որոնցով հիմնականում վերջ տրվեց նախկին սպայական կազմի գոյությանը: Եվ եթե տասնամյակներ շարունակ չէին հիշատակվում հին բանակի ռուս զինվորականները, ապա ոչ ռուսներին անդրադառնալն առավել ևս անընդունելի էր:

Խորհրդային տարիներին մոռացության մատնված հայ ռազմական գործիչներից էին նաև Դոլուխանովների (Դոլուխանյան) գերդաստանի անդամները, որոնք մեծ ներդրում են ունեցել Առաջին Աշխարհամարտի ընթացքում ռուսական զինված ուժերի տոնած հաղթանակներում: Արխիվային նյութերի և այլ աղբյուրների ուսումնասիրության արդյունքում ի հայտ են եկել Դոլուխանովների ազնվական ընտանիքի ավելի քան 100 անդամ, որոնք իրենց փառապանծ նպաստն են բերել Առաջին համաշխարհայինում ռուսական բանակի նվաճումներին: Երանցից հատկապես հիշարժան են Արսենիյ և Աբրահամ Սերգեյի, Կոնստանտին Բեգլարի, Գրիգորի Մաղաքիայի, Կոնստանտին Միխայիլի, Աբրահամ Միրզաբեկի, Վլադիմիր Խոսրովի, Կոնստանտին Ալեքսանդրի, Միխայիլ Միխայիլի Դոլուխանովները:

Նշված զինվորականներից Արսենիյ Սերգեյի Դոլուխանովը ծնվել է 1863 թ. հունվարի 21-ին Ելիզավետպոլի նահանգում, ազնվականի ընտանիքում: Կրթություն է ստացել Սանկտ Պետերբուրգի զինվորական գիմնազիայում, Նիկոլաևյան ինժեներական ուսումնարանում, Նիկոլաևյան ինժեներական ակադեմիայում: Վերջինս ավարտել է ստանալով առաջին կարգ: Ջինվորական ծառայության է անցել 1880 թ. սեպտեմբերի 1-ին¹: Ռուսաստանի զինված ուժերում ծառայելով ավելի քան 35 տարի, զբաղեցրել է տարբեր հրամանատարական պաշտոններ, արժանացել բազմաթիվ շքանշանների և պարգևների, իսկ 1916 թվի ապրիլի 10-ին ստացել է գեներալ-մայորի կոչում²:

1. Список полковникам по старшинству: части I, II и III (сост. по 1 марта 1913 г.). СПб, 1913, с. 241.

2. Список генералам по старшинству (исправлен по 10 июля 1916 г.). СПб, 1916, с. 178.

20-րդ դարի սկզբին Ա. Ս. Դոլյուխանովը մեծ ներդրում է ունեցել ռուսական ռազմական մտքի զարգացման գործում: Նրա հեղինակած «Плотничное мастерство: Руководство для плотничных команд саперных и понтонных батальонов» (СПб, 1910) և «Сборник бесед с нижними чинами» (Екатеринодар, 1912) աշխատությունները երկար ժամանակ ինժեներական գործերի սպաների համար ուղեցույց են հանդիսացել³:

Առաջին համաշխարհային պատերազմի ազդարարումից ի վեր, իր ենթակայության տակ գտնվող Գեներալ-ադյուտանտ կոմս Է. Ի. Տոլեբեևի անվան սակրավոր 4-րդ գումարտակի հետ միասին Դոլյուխանովը ակտիվորեն մասնակցել է Ռուսական (կամ Արևելաեվրոպական) ռազմաճակատում ծավալված մարտական գործողություններին: Պատերազմի ընթացքում բազմիցս աչքի ընկած հայազգի բարձրաստիճան սպան երկու անգամ արժանացել է Սուրբ Վլադիմիրի շքանշանի՝ 4-րդ աստիճանի⁴ և 3-րդ աստիճանի՝ խաչվող սուսերներով և ժապավենով⁵:

Արսենիյ Դոլյուխանովի ավանդը հատկապես նշանակալից է 1916թ. ամռանը Բարիշ գետի (Դնեստրի վտակ) ափին ծավալված ռազմական գործողություններում: Հուլիսի 14-ից 22-ը՝ գտնվելով հակառակորդի անընդմեջ հրաձգային և հրետանային կրակի տակ, սեփական կյանքը քանիցս վտանգելով, նա ղեկավարել է ռուսական 2-րդ բանակային կորպուսի մարտագծի ամրացման աշխատանքները: Ավստրիական դիրքերում անձամբ հետախուզություն իրականացնելով, բացահայտել է թշնամական գործի դասավորության ամենաթույլ հանգույցները: Մասնավորապես, Դոլյուխանովը նկատել է, որ Չեմերովո և Բարիշ բնակավայրերի ուղղությամբ առաջացել են նկատելի ելուստներ: Նրա տված հանձնարարությունների շնորհիվ ռուսական զորամիավորումները ճակատային գծի թևերից հակառակորդին տևական ժամանակ պահել են կրակի տակ, իսկ մյուս կողմից՝ հարձակվել Չեմերովոյի ուղղությամբ, ինչի արդյունքում էլ հնարավոր է դարձել ամուր պահել ռուսական հիմնական դիրքերը: Հարկ է նշել, որ ավստրիական զորամիավորումների և Դոլյուխանովի ենթակայության ներքո գտնվող ռուսական 4-րդ սակրավոր գումարտակի միջև ընկած տարածությունը եղել է ընդամենը 500-600 քայլ: Այդ տարածության վրա և անընդմեջ կրակահերթերի տակ Դոլյուխանովի զորամիավորումը կարողացել է նաև ինժեներական առումով ամուր պահել ռազմաճակատի նշված հատվածի ռուսական զորամիավորումների դիրքերը: Արդյունքում, ռուսական և՛ պահեստային, և՛ առաջնային զորամիավորումների տեղաշարժն իրականացվել է անկորուստ⁶: Մրանից գատ, Դոլյուխանովի որոշմամբ հարթեցվել է բավականին երկար ձգվածության հողային տարածք, ինչի շնորհիվ ռազմաճակատային գծին են մոտեցվել ռազմամթերքով և առաջին անհրաժեշտության իրերով բեռնված գումակներ: Նրա նախաձեռնությամբ կառուցվել է նաև ամրացված պահեստարան՝ 400 հրանոթային արկերի համար⁷ և այլն: Վերը նշվածի և անտարակույս, հրամանատարական բարձր ձիրքով կազմակերպված գրագետ մարտերի համար, ռուսական 7-րդ բանակի 1916թ. սեպտեմբերի 12-ի թիվ 1169 հրամանի համաձայն, հայազգի գեներալը արժանացել է Գեորգիևյան զենքի՝ «Խիզախության համար» մակագրությամբ⁸, որը ստացել է 1917թ. ապրիլի 10-ին⁹:

3. Ռուսաստանի պետական ռազմա-պատմական արխիվ (այսուհետև՝ Ռ-ՊՌ-ՊԱ). Ֆ. 409, ծախյողական ցուցակ 5271/1907:

4. «Разведчик» (еженедельный библиографический и научно-литературный журнал). СПб, 1915, № 1275 (от 14 апреля), с. 273.

5. Ռ-ՊՌ-ՊԱ. Ֆ. 400, ց. 12, գ. 27377, մաս 2, ք. 555 շրջ.:

6. Ռ-ՊՌ-ՊԱ. Ֆ. 400, ց. 12, գ. 27377, մաս 2, ք. 557:

7. Նույն տեղում, ք. 557 շրջ.:

8. Նույն տեղում, ք. 533:

9. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Москва, 2004, с. 498.

1917թ. Նոկտեմբերյան հեղաշրջումից հետո Ա. Ս. Դոլոխանովը մասնակցել է հայկական ազգային զորամասերի ստեղծմանը¹⁰, իսկ ավելի ուշ՝ ծառայել է նաև Հայաստանի Առաջին Հանրապետության զինված ուժերում¹¹: Թիֆլիսի Հայոց Ազգային Խորհրդի զինվորական գրասենյակի պետի պաշտոնում նա ակտիվ մասնակցություն է ունեցել 1918թ. Հարավային Կովկաս ներխուժած թուրքական զորքերի դեմ հայկական կորպուսի զորամասերի սղաժ հերոսական կոիվներին, աչքի է ընկել հատկապես 1918թ. մայիսի 24–28-ը տեղի ունեցած Ղարաքիլիսայի հերոսամարտում: Նույն թվականի հոկտեմբերի 27-ին, Հայաստանի Առաջին Հանրապետության զինվորական նախարար գեներալ-լեյտենանտ Հախվերդյանի հրամանով Դոլոխանովը նշանակվել է Հայաստանի Հանրապետության զինվորական նախարարության Գլխավոր զինվորական շտաբի պետ: 1919թ. ապրիլին Գլխավոր զինվորական շտաբի պետի պաշտոնը թողնելուց հետո, զորացրվել է և մեկնել Ռուսաստան¹²:

Ցարական Ռուսաստանի զինված ուժերում ծառայության մեջ էին գտնվում նաև գեներալ Ա. Ս. Դոլոխանովի եղբայրները՝ Անդրեյը և Աբրահամը:

Աբրահամ Սերգեյի Դոլոխանովը ծնվել է 1872թ. մայիսի 10-ին: Կրթությունը ստացել է Թիֆլիսի կադետական կորպուսում և Պավլովյան ռազմական ուսումնարանում, որն ավարտել է առաջին կարգով: Ջինվորական ծառայության է անցել 1889թ. սեպտեմբերի 1-ին: 1902թ. օգոստոսի 10-ին ստացել է կապիտանի կոչում: Մասնակցել է 1904–1905 թթ. Ռուս-ճապոնական պատերազմին և ռազմական գործողություններից մեկի ժամանակ վիրավորվել¹³: Սամուրսկյան 83-րդ հետևակային գնդում ծառայելու ընթացքում արժանացել է բազմաթիվ շքանշանների և պարգևների:

Առաջին աշխարհամարտի ժամանակ կապիտան Աբրահամ Դոլոխանովը Կովկասյան 3-րդ բանակային կորպուսի կազմում մասնակցել է Կովկասյան ռազմաճակատում ծավալվող գործողություններին և, աչքի ընկնելով, արժանացել փոխգնդապետի կոչման, ինչպես նաև՝ բազմաթիվ պարգևների և շքանշանների: Վերջիններիս թվում՝ Սուրբ Գեորգիի 4-րդ աստիճանի¹⁴ և Սուրբ Վլադիմիրի 4-րդ աստիճանի շքանշանների: 1917թ. Նոկտեմբերյան հեղաշրջումից հետո գնդապետի կոչումով մասնակցել է Ռուսաստանի հարավում սկիզբ առած «Սպիտակ շարժմանը»: Հանդիսացել է Ռուսաստանի Հարավի զինված ուժերի 6-րդ հրաձգային գնդի հրամանատարը: Այնուհետև, 1918–1919թթ. ծառայել է Հայաստանի Առաջին Հանրապետության զինված ուժերում: 1918թ. հուլիսի 14-ի դրությամբ, դարձյալ գնդապետի կոչումով, հանդիսացել է Հայկական առանձին կորպուսի 6-րդ հրաձգային գնդի հրամանատարը: Նույն թվականի դեկտեմբերի 11-ից ստանձնել է Հայկական 3-րդ հրաձգային գնդի հրամանատարությունը՝ հանդիսանալով նաև Հայաստանի Առաջին Հանրապետության ռազմական նախարարության հաշվիչ հանձնաժողովի անդամ: 1919թ. ապրիլի 8-ի № 47 հրամանագրի համաձայն, Աբրահամ Դոլոխանովը զորացրվել է չչ զինված ուժերից¹⁵ և 1920 թ. արտագաղթել: Ավելի ուշ վերադարձել է հայրենիք, սակայն 1937 թ. զնդակահարվել է¹⁶:

Դոլոխանով գերդաստանի հաջորդ փառապանձ ներկայացուցիչը՝ փոխգնդապետ Կոնստանտին Բեզլարի Դոլոխանովը, ծնվել է 1871 թ. հոկտեմբերի 24-ին:

10. Հայաստանի ազգային արևիվ (այսուհետև՝ ՀԱԱ). Ֆ. 199, ց. 1, գ. 38, ք. 239:

11. Նույն տեղում. Ֆ. 204, ց. 1, գ. 41, ք. 55:

12. *Կարապետյան Մ.* Հայազգի զինվորականները ռուսական բանակում (XIX դարի վերջ— XX դարի սկիզբ). Երևան, 2008, էջ 27–29:

13. Список капитанам армейской пехоты по старшинству (сост. по 1 ноября 1912 г.). СПб, 1913, с. 415;

Список капитанам армейской пехоты по старшинству (сост. на 1 ноября 1913 г.). СПб, 1914, с. 186.

14. «Армянский вестник» (еженедельный журнал). Москва, 1916, № 20 (от 12 июня), с. 17.

15. ՀԱԱ. Ֆ. 204, ց. 1, գրք 131, ք. 16:

16. Асадов Ю. 3000 армянских офицеров царской России. Историко-биографическая книга памяти (1701–1921): в 2 томах. Том 1. Москва, 2018, с. 311; «Армянский вестник» (еженедельный журнал), № 20, с. 17.

Կրթությունը ստացել է Թիֆլիսի կաղեսական կորպուսում, 2-րդ Կոնստանտինյան ռազմական ուսումնարանում: Ջինվորական ծառայության է անցել 1890 թ. օգոստոսի 29-ից: 1912թ. հունվարի 19-ին նրան շնորհվել է փոխգնդապետի կոչում: Մինչև Առաջին աշխարհամարտի սկիզբը զբաղեցրել է տարբեր զինվորական պաշտոններ, արժանացել բազմաթիվ շքանշանների և պարգևների¹⁷: Կ. Բ. Դոլոխանովն Առաջին համաշխարհային պատերազմը դիմավորել է ռուսական բանակի 19-րդ հրետանային բրիգադի 6-րդ մարտկոցի հրամանատարի պաշտոնում: Պատերազմի ընթացքում բազմիցս աչքի է ընկել իր նպատակային և արդյունավետ գործողություններով, ինչի արդյունքում, շքանշաններից և պարգևներից զատ, 1915 թ. հունվարի 14-ին արժանացել է գնդապետի¹⁸, իսկ ավելի ուշ՝ գեներալ-մայորի կոչման:

Պատերազմի ընթացքում Ռուսական ռազմաճակատի հարավ-արևմտյան հատվածում գտնվող Լիպիցա-Գորնա, Չերոտվ, Պուկով բնակավայրերի¹⁹, Գրոմիսկ, Վրոցով և Յասնեկո կոչվող բարձունքների, Մշանա, Ռոտենգան և Մալչիցե գյուղերի շրջանում ծավալված մարտերում Կ. Բ. Դոլոխանովի ենթակայության տակ գտնվող մարտկոցը աչքի է ընկել արդյունավետ գործողություններով²⁰: Վճռորոշ էին նաև նրա ղեկավարած մարտկոցի գործողությունները Պերեմիշլի մատույցներում՝ 1914 թ. աշնանը: Բոյնվիցի, Պիչնիցե, Բրոժև-Գորնի, Տովարնյա, Պոպովիցե, Գերմանովիցե, Կնյաժիցե բնակավայրերի, Նա-Բլոնյա անտառային տարածքի շրջաններում Դոլոխանովի մարտկոցը մեծ կորուստներ է պատճառել հակառակորդին²¹: Ռուսական զորքերի ակտիվ և արդյունավետ գործողությունների շնորհիվ Պերեմիշլից հարավ ընկած շրջանում գերի է վերցվել 500 ավստրիացի՝ 9 գնդացրով, իսկ Ստրիում գերի վերցվածների թիվը հասել է 1000-ի²²:

Ռուսական ճակատի Յասլիկ-Վալիգրոդ հատվածում բռնկված մարտերում առանձնակի քաջություն և կամք դրսևորելու համար Կ. Բ. Դոլոխանովը պարգևատրվել է Սուրբ Գեորգիի 4-րդ աստիճանի շքանշանով²³: Այս շրջանում երկօրյա թե՛ մարտերում ռուսական զորքերը կարողացել են գերի վերցնել հակառակորդի 35 սպա և 2500 զինվոր, ինչպես նաև տիրանալ մեկ հրանոթի և երկու գնդացրի²⁴: 1916 թ. դեկտեմբերի 11-ի հրամանի համաձայն Կոնստանտին Բեգլարի Դոլոխանովը արժանացել է նաև Գեորգիևյան գեներալի²⁵:

1917 թ. Հոկտեմբերյան հեղաշրջումից հետո Դոլոխանովը տեղափոխվել է արտասահման, ապրել Բալկաններում՝ ՄԽՍ թագավորության²⁶ Ճաբալ գյուղում: 1921թ. նա գյուղում բնակություն հաստատած թվով 52 Թերեքի կազակների առաջնորդն էր՝ գեներալ-մայորի կոչումով:

Առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին ռազմաճակատի տարբեր հատվածներում բազմիցս աչքի են ընկել նաև փոխգնդապետներ Վլադիմիր Խոսրովի և Կոնստանտին Միխայիլի Դոլոխանովները՝ դրսևորելով գորավարական բարձր

17. Список подполковникам по старшинству (сост. по 1 мая 1912 г.). СПб, 1912, с. 1661.

18. «Русские Ведомости» (общественно-политическая газета). Москва, 1915, № 14 (от 19 января), с. 1.

19. ՌՊՌՊՍ. Ֆ. 3695, գ. 1, գ. 18, ք. 69–70:

20. Կոչվում, ք. 137:

21. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4 томах. Том 4. Москва, 1948, с. 222.

22. «Кавказское слово» (ежедневная газета). Тифлис, 1914, № 24 (от 14 октября), с. 2.

23. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, с. 498.

24. «Кавказское Слово», 1915, № 15 (от 20 января), с. 3.

25. ՌՊՌՊՍ. Ֆ. 400, գ. 12, գ. 26679, մաս 1, ք. 214–220:

26. 1918 թվի աշնանը Ավստրոհունգարիան կազմալուծվեց, որից հետո հարավլավական հողերի միավորման արդյունքում 1918 թվի դեկտեմբերի 1-ին ստեղծվեց «Ս (սերբերի) և (խորվաթների) Ս (սլովենների)

Թագավորություն» անվանումով պետությունը: Վերջինիս հիման վրա 1929 թվին ստեղծվեց Հարավլավիան:

հատկանիշներ: Բացի շքանշաններից և պարգևներից նրանց երկուսին էլ շնորհվել է գնդապետի կոչում²⁷:

Վլադիմիր Խոսրովի Դոլուխանովը ծնվել է 1880 թ. հունիսի 25-ին՝ ազնվականական դասին պատկանող ցարական գեներալի ընտանիքում: Առաջին կարգով (по первому разряду) ավարտել է Նորին կայսերական մեծության Պաժերի կորպուսը: Ջինվորական ծառայության է անցել 1897 թ. սեպտեմբերի 1-ին: Մոտ 20 տարի ծառայելով Ռուսաստանի զինված ուժերում, 1916 թ. ստացել է գնդապետի կոչում: Գերագանց և օրինակելի ծառայության համար արժանացել է նաև մի շարք շքանշանների և պարգևների²⁸:

Կոնստանտին Միխայիլի Դոլուխանովը ծնվել է 1871 թ. ապրիլի 28-ին՝ Թիֆլիսի նահանգի տոնիկ ազնվականի ընտանիքում: Նրա հայրը՝ Միխայիլ Դոլուխանովը ևս ծառայել է ցարական բանակում: Կ. Մ. Դոլուխանովը կրթությունը ստացել է 4-րդ Մոսկովյան կադետական կորպուսում, Կոնստանտինովյան 2-րդ ռազմական ուսումնարանում (ավարտել է առաջին կարգով): Ուսանել է նաև Ռազմաէլեկտրատեխնիկական դպրոցում (դարձյալ ավարտել է առաջին կարգով): Ջինվորական ծառայության է հաշվառվել 1890 թ. օգոստոսի 30-ին: Արժանացել է բազմաթիվ շքանշանների և պարգևների²⁹:

Առաջին համաշխարհային պատերազմի ընթացքում Գվարդիական հրետանու կազմում աչքի է ընկել նաև գնդապետ Միխայիլ Միխայիլի Դոլուխանովը: Ազնվականական ծագում ունեցող Միխայիլ Դոլուխանովի ծննդյան տարեթիվը դեռևս հստակեցված չի: Հայտնի է, որ նա կրթություն է ստացել նախ Միխայլովյան հրետանային ուսումնարանում, ապա Միխայլովյան հրետանային ակադեմիայում: Առաջին աշխարհամարտի տարիներին՝ բազմիցս աչքի ընկնելով ռազմաճակատի տարբեր հատվածներում, արժանացել է մի շարք շքանշանների և պարգևների: Պատերազմի ավարտից հետո Միխայիլ Դոլուխանովն, ամենայն հավանականությամբ, մասնակցել է նաև Ռուսաստանում սկիզբ առած քաղաքացիական կռիվներին, իսկ այնուհետև՝ արտագաղթել Ֆրանսիա, որտեղ և մահացել է 1927 թվականին³⁰:

Դոլուխանյան ընտանիքի հաջորդ ներկայացուցիչը՝ Աբրահամ Միրզաբեկի Դոլուխանովը Առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին մասնակցել է Կովկասյան ռազմաճակատում ծավալված մարտերին: Ա. Մ. Դոլուխանովը արցախյան արմատներ ունեցող հայտնի հայկական գերդաստանի ներկայացուցիչ է: Նա 1855թ. պորուչիկի կոչումով ծառայել է Կովկասյան 21-րդ դաշտային հրետանային բրիգադում՝ որպես բրիգադի հրամանատարի համհարգ: 1856–1859 թթ. շտաբակապիտանի կոչումով հանդիսացել է Կովկասյան հատուկ բանակային կորպուսի հրետանային վարչության հրամանատարի ավագ համհարգը³¹: Որպես բանինաց և բարդ իրավիճակներում ճիշտ կողմնորոշվող սպա, Ա. Մ. Դոլուխանովը արժանացել է հրամանատարության ուշադրությանը, ներկայացվել պարգևների և շնորհակալագրերի, ունեցել ծառայողական առաջխաղացում: Պատերազմի ավարտից հետո ծառայել է Հայաստանի Առաջին Հանրապետության զինված ուժերում՝ գնդապետի կոչումով³²:

Հետաքրքիր է դասավորվել նաև Դոլուխանյան գերդաստանի հաջորդ ներկայացուցիչ՝ Կոնստանտին Ալեքսանդրի Դոլուխանովի ճակատագիրը: Նա ևս հայտնի ազնվական

27. Վլադիմիր Խոսրովի Դոլուխանովին գնդապետի կոչում շնորհվել 1916 թվի ապրիլի 10-ին, իսկ Կոնստանտին Միխայիլի Դոլուխանովին՝ 1915 թվի մայիսի 6-ին տե՛ս Список полковникам по старшинству (исправлен по 1 августа 1916 г.). Петроград, 1916, с. 333, 432.

28. Асадов Ю. 3000 армянских офицеров царской России. Том 1, с. 311–312.

29. Список подполковникам по старшинству (сост. на 15 марта 1913), с. 1137.

30. Асадов Ю. 3000 армянских офицеров царской России. Том 1, с. 312.

31. ՀԱՍ. Ֆ. 204, գ. 1, գ. 131, ր. 16; Асадов Ю. 1000 офицерских имен в Армянской истории.

Историко-биографические очерки. Пятигорск, 2004, с. 214–215.

32. ՀԱՍ. Ֆ. 204, գ. 1, գ. 131, ր. 16; Асадов Ю. 1000 офицерских имен в Армянской истории, с. 214–215.

ընտանիքից էր: Կրթությունը ստացել է Միխայլովյան հրետանային ուսումնարանում: Մասնակցել է 1877–1878 թթ. Ռուս-թուրքական պատերազմին: 1898 թ. հունվարի 1-ից փոխգնդապետ էր³³ հաստատված Թիֆլիսում³⁴: Խաղաղ և պատերազմական ժամանակներում օրինակելի ծառայության համար արժանացել է մի շարք շքանշանների և պարգևների: 1909 թվականից գորացրված հայորդին պատերազմի ազդարարումից անմիջապես հետո իր անձնական նախաձեռնությամբ վերականգնվել է ծառայության հրետանային գործերում և մասնակցել Ռուսական ռազմաճակատում ծավալված մարտական գործողություններին: Արժանացել է մի շարք շքանշանների և պարգևների՝ այդ թվում Սուրբ Աննայի 2-րդ աստիճանի շքանշանի՝ խաչվող սրերով³⁵:

Գրիգորի Մաղաքիայի Դ-ոլովխանովը ծնվել է 1873թ. հոկտեմբերի 1-ին՝ Ելիզավետպոլի նահանգում, գինվորականի ընտանիքում: Կրթություն է ստացել Թիֆլիսի կադետական կորպուսում, 2-րդ Կոնստանտինովյան ռազմական ուսումնարանում (ավարտել է առաջին կարգով): Ցարական Ռուսաստանի զինված ուժերում ծառայության է անցել 1892 թ. օգոստոսի 28-ին, 1913 թ. հոկտեմբերի 4-ին ստացել է փոխգնդապետի կոչում: Մասնակցել է 1904–1905 թթ. Ռուս-ճապոնական պատերազմին: Երկարամյա ծառայության տարիներին արժանացել է բազմաթիվ շքանշանների և պարգևների³⁶:

Հոկտեմբերյան հեղաշրջմամբ ավարտվեց ռուսական կայսերական զինված ուժերի պատմությունը: Ցարական բանակի բարձրաստիճան մի շարք սպաներ, գեներալներ ներքաշվեցին Ռուսաստանում օրեցօր թեժացող քաղաքացիական պատերազմի հորձանուտները, սակայն Դ-ոլովխանով ընտանիքի անդամները հիմնականում չմասնակցեցին քաղաքացիական կռիվներին: Ընդհակառակը, այդ ընտանիքի անդամները, ինչպես և զինվորական ավանդույթներ ունեցող Հախվերդովների, Քալանթարովների, Արդության-Երկայնաբազուկների, Պոզոնների և այլ հայկական գերդաստանների ներկայացուցիչներ, իրենց ռազմական գիտելիքներն ու փորձը ներդրեցին Հայաստանի Առաջին Հանրապետության զինված ուժերի կազմավորման և կայացման գործում:

33. Список подполковникам по старшинству (сост. по 1 января 1905 г.). СПб, 1905, с. 284.

34. Асадов Ю. 3000 армянских офицеров царской России. Том 1, с. 455.

35. Նոյն տեղում:

36. Список капитанам инженерных войск по старшинству (сост. по 1 октября 1913 г.). СПб, 1913, с. 8.

Summary

Karen Pahlevanyan,

PhD in History, Associate Professor of the Chair of General History and its Teaching Methods, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan (Yerevan)

The contribution of the Dolukhanov (Dolukhanyan) noble family to the victories of the Russian army during the First World War

The military of Armenian origin, who served in the armed forces of the Russian Empire, have always been distinguished by courage and high tactical skill. Moreover, representatives of the Armenian nobility have selflessly served in the high officer ranks of Russian army for generations. Their bravery and devotion manifested themselves during the First World War.

Among the famous Armenian families, whose offspring made a great contribution to the victory of Russia, the noble family of the Dolukhanovs stands out: more than 100 members of this family took part in hostilities and with personal courage contributed to the defeat of rivals and the victory of Russian weapons. Unfortunately, the manifestations of the military talent of the Dolukhanov family members have not yet been covered properly. The reason is that after the October Revolution of 1917, the officers of the tsarist army largely fell into disgrace.

Among the officers who participated in the First World War and were forgotten in Soviet times, we find Arseny Sergeevich, Abraham Sergeevich, Konstantin Beglarovich, Grigory Maghakievich, Konstantin Mikhailovich, Abraham Mirzabekovich, Vladimir Khosrovovich, Konstantin Alexandrovich, Mikhail Mikhailovich Dolukhanovs, whose life and work this article is devoted to.

Армяне в Беларуси: краткий исторический обзор

Армен Хечоян,

генеральный директор Фонда развития и поддержки арменоведческих исследований
«АНИВ» (Москва/Ереван)

Появление армян на белорусских землях (до конца XVIII в.)

Республика Беларусь — одна из немногих стран Восточной Европы, на территории которой исторически не существовало армянских общин. Но это не означает, что в прошлом здесь не было армян. Они были, в том числе и личности, оставившие заметный след в белорусской истории. Однако по сравнению с соседними странами, такими как Польша, Украина, Россия и Литва, их собирательное присутствие здесь было менее значительным. Армяне, некогда проживавшие в границах современной Беларуси, были немногочисленны и, насколько позволяют судить факты, не были прямыми выходцами с территорий Исторической Армении, а являлись представителями армянских переселенческих очагов стран Восточной Европы. Бывали здесь и купцы-армяне из далеких стран, проезжавшие по своим делам. Таким образом, армяне на белорусских землях, не имевшие численного наполнения и национальной среды для создания собственных общин, быстро растворялись в местном населении.

Следует отметить, что до сегодняшнего дня история присутствия армян в Беларуси практически не интересовала исследователей, за исключением личности Яна Маджарского, создателя так называемых слущких поясов, хотя и данный вопрос изучался в основном искусствоведами¹. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, малое количество самих армян. Во-вторых, белорусские исследователи, не знакомые с историей польских армян, как правило, не могли идентифицировать их и воспринимали как поляков или представителей других национальностей. Это замечание верно и в отношении армян, переселявшихся на территорию современной Беларуси из Российской империи в период поэтапного раздела Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.). В качестве примера вспомним двух представителей рода Бернатовичей — Томаша и Якуба. Томаш Бернатович был агентом князя Адама Казимира Чарторыйского (1734–1823 гг.) и стольником Витебским, Якуб Бернатович (1713–1789 гг.) же — секретарем князей Радзивиллов, а затем полковником Барской конфедерации (1768–1772 гг.). Бернатовичи были армянского происхождения, однако белорусские историки рассматривают их как представителей польского шляхетского рода.

Еще более яркий пример — аристократический род графов Тышкевичей из Великого княжества Литовского. Тышкевичи, чьим удельным центром с XVI века был Логойск (ныне город в Минской области), играли видную роль в истории Беларуси как в эпоху Речи Посполитой, так и Российской империи. Как было недавно

1. Например, см.: *Скварцова І. М.* Да пытання пра гісторыю дзейнасці мануфактуры кунтушовых паясоў у Слуцку // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 18. Мінск, 2015, с. 359–367.

установлено, предком Тышкевичей был львовский армянин Каленик Мишкович, живший в первой трети XV века².

Можно привести еще один похожий пример. На этот раз речь идет о российском дворянине и дипломате армянского происхождения Сергее Лазаревиче Лашкареве (1739–1814 гг.), который поселился на белорусских землях в начале XIX века. Внесший значительный вклад в реализацию восточной политики Российской империи, С. Л. Лашкарев белорусской и русской историографией рассматривается как грузин, поскольку род Лашкаревых происходил из грузинского селения Шулаверы, а отец его как переводчик входил в свиту грузинского царя Вахтанга VI (1675–1737 гг.) в ходе визита последнего ко двору Петра I (1672–1725 гг.)³.

Распространение на польских и литовских землях армянских общин, игравших важную роль в товарообмене между Западом и Востоком, шло вдоль оживленных торговых магистралей. Сами армяне, как правило, селились в крупных торгово-ремесленных городах. Белорусские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского, лежали в стороне от этих маршрутов и, следовательно, были мало привлекательны для армянских переселенцев. Тем не менее до нас дошли свидетельства посещения этого региона армянами. Так, в Литовской метрике под 1510 годом упомянуты два армянских купца—Беат из Кафы (ныне г. Феодосия в Крыму) и Демьян из Киева, вместе ехавшие из Киева в Вильно через современные белорусские земли и на обратном пути остановившиеся в Слуцке (ныне город в Минской области Беларуси)⁴. Согласно грамоте короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа (1548–1572 гг.), в 1561 году «*купец Захария Армянин*» сопровождал из Полоцка в Турцию и обратно караван, посланный полоцким воеводой Станиславом Довойно⁵. В актах Могилевского магистрата сохранилась запись от 2 декабря 1579 года, в которой упоминается «*Тртат Якубович, урмянин*» из Каменца-Подольского, приехавший в Могилев и продавший здесь коня одному мещанину⁶. Можно предположить, что купцом был и некто «*Стефан Армянин нации персидской*», чья смерть отмечена в метрической книге Быховского костела за 1758 год⁷. Нет сомнения в том, что Стефан был выходцем из Восточной Армении, находившейся под властью Персии.

Имеются также косвенные данные, указывающие на более ранние контакты между жителями белорусских земель и Армении. Так, еще белорусский искусствовед Николай Щекотихин (1896–1940 гг.) обратил внимание на наличие в архитектуре полоцких и витебских церквей общих черт с храмами армянских городов Вагаршапата (Эчмиадзина) и Ани⁸. Белорусский архитектор Армен Сардаров также указывает на схожесть элементов декора Борисоглебской (Коложской) церкви в Гродно с крестовыми орнаментами пещерного храма и керамическими узорами крепости в Ани—бывшей столице царства Багратидов. Если принять во

2. Zięba A. A. O ormiańskich korzeniach rodu Tyszkiewiczów // Lehahayer. T. V. Kraków, 2018, ss. 107–119.

3. Кессельбрэннер Г. Л. Хроника одной дипломатической карьеры (дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев и его время). М., 1987; Калмасоба, или Хождение по сбору Иоанна Хелашвили, иподиакона, родом из деревни Вакира в Кизике, принявшего монашество в Квабтаховском монастыре при настоятеле Досифее Пичцелаури / Пер. с груз., введение и коммент. В. Дондуа. Тбилиси, 1945, с. 68.

4. Грицкевич А. П. Армянская мануфактура в Белоруссии в конце XVIII века // «Вестник общественных наук», № 4. Ереван, 1967, с. 45.

5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 389 (Литовская метрика), д. 37, л. 517 об.

6. Акты Виленской археографической комиссии. Т. 39 / Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580 гг.). Вильна, 1915, с. 451 (№ 566).

7. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1781, оп. 26, д. 1226, л. 333 об.

8. Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Мінск, 1993, с. 110, 127.

внимание эти факты, первые армяно-белорусские контакты следует отнести уже к X–XII векам. Вместе с тем мы не можем утверждать наверняка, что эти связи были прямыми, а не опосредованными.

В XVI–XVIII веках на белорусских землях активно развивалась региональная торговля, устраивались крупные ярмарки в Бресте, Витебске, Гродно, Зельве, Новогрудке, Слуцке. До нас дошел примечательный эпизод, свидетельствующий о связях князя Михаила Казимира Радзивилла (1702–1762 гг.) с армянскими торговцами. Известно, что Радзивилл получал пояса восточной работы через известного львовского купца Григория Никоровича — армянина по происхождению. В частности, известно также, что на ярмарке в Зельве Никорович передал «*китайский пояс*» офицеру, прибывшему от князя. Именно Никорович в 1762 году через своих людей вывез из Стамбула семью Яна Маджарского, которая переезжала в Слуцк⁹.

Первое известное нам упоминание об армянине, постоянно проживавшем на территории современной Беларуси, относится к 1630 году. Под этой датой в одном документе, ныне хранящемся в библиотеке Академии наук Литвы, сказано, что «*жидове... шли до господы п(а)на Богдана Орменчика Сутоцкого в месте Мстиславском*»¹⁰. К сожалению, больше ничего об этом человеке не известно.

В 1757 году по приглашению князя Михаила Казимира Радзивилла (1702–1762 гг.) в его владениях поселился мастер-ткач Ян Маджарский. Он организовал производство кунтушовых поясов в Несвиже, а затем в Слуцке. В Национальном историческом архиве Беларуси (г. Минск) хранится целый ряд документов, посвященных деятельности Слуцкой мануфактуры. На некоторых из них имеются пометы на армянском языке. Наиболее важный документ — договор между князем Радзивиллом и Яном Маджарским. Он составлен на польском языке, однако Маджарский подписал его на армянском¹¹. Ян, а затем его сын Левон (Лео) руководили производством кунтушовых поясов в Слуцке, вначале как управляющие мануфактурой, а затем как ее арендаторы — до 1807 года¹². В рассматриваемый период кунтушовый пояс был одним из основных элементов шляхетского мужского костюма. Он стоил очень дорого, подчеркивая знатность и высокий статус носившего его. По сложности исполнения и богатству отделки слуцкие пояса можно сравнить с произведениями искусства. Сегодня на территории Беларуси их осталось немного, однако они входят в золотой фонд историко-культурного наследия страны и считаются ее национальным символом¹³.

Надо отметить, что в дальнейшем внучка Лео Маджарского, Елизавета (Эльжбета), вышла замуж за минского помещика Чеслава Монюшко и родила от него сына Станислава (1819–1872 гг.), ставшего впоследствии великим композитором и дирижером.

Еще одной знаковой фигурой армянского происхождения, имеющей отношение к Беларуси, является родившийся в Константинополе известный польско-литовский живописец Ян Рустем (около 1762–1835 гг.), который в конце 1780-х — начале

9. Грицкевич А. П. Армянская мануфактура в Белоруссии в конце XVIII века, с. 48–49.

10. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. Ф. 16. д. 106. л. 38.

11. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 1–2 об.

12. Грицкевич А. П. Армянская мануфактура в Белоруссии в конце XVIII века; Скварцова И. М. Да пытання пра гісторыю дзейнасці мануфактуры кунтушовых паясоў у Слуцку; Stopka K., Zięba A. A. Ormiańska Polska. Kraków, 2018, s. 173.

13. Подробнее см.: Слуцкі пояс: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2016.

1790-х годов некоторое время работал в театре Михаила Клеофаса Огинского (1765–1833 гг.) в Слониме¹⁴.

Армяне на белорусских землях в период их вхождения в состав Российской империи (конец XVIII—начало XX вв.)

Белорусские земли, войдя в состав Российской империи, стали частью так называемого Северо-Западного края. Территория современной Беларуси входила в состав пяти губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской. В этот период армяне оказывались в этих краях, главным образом, в качестве государственных служащих или военных. Некоторые из них после службы оставались здесь. Выше мы уже упомянули российского дипломата Сергея Лазаревича Лашкарева. Помимо прочего, он получил во владение имение Дымово в Витебской губернии. В дальнейшем один из его сыновей, генерал-лейтенант Григорий Сергеевич Лашкарев (1788–1849 гг.), стал служить в «белорусских губерниях» на высоких постах Могилевского вице-губернатора и Гродненского губернатора. В свою очередь, его сын, генерал-лейтенант Александр Григорьевич (1823–1898 гг.), занимал ответственные должности в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, а внук Григорий Александрович (1862–1931 гг.) известен как помещик Бобруйского уезда Минской губернии, член Государственной Думы 2-го, 3-го и 4-го созывов от землевладельцев Минской губернии — с 1907 по 1917 годы. К сожалению, это редкий случай, когда можно проследить историю рода армянского происхождения на белорусских землях.

В исторических документах можно найти много имен тех армян, которые во время Отечественной войны 1812 года принимали участие в боевых действиях на территории Беларуси и занимали командные должности в Российской императорской армии. Так, первая победа, одержанная русскими войсками над неприятелем в 1812 году (так называемое «Кобринское дело»), связана с именем легендарного подполковника Валериана (Ростома) Григорьевича Мадатова (1782–1829 гг.)¹⁵. В боях также отличились генерал-майор Давид Артемьевич Делянов (1763–1837 гг.), генерал-майор Павел Сергеевич Лашкарев (1776–1857 гг.), генерал-майор Павел Моисеевич Меликов (1777–1848 гг.).

В рассматриваемый период в белорусских губерниях в разное время служили армяне, представлявшие российский генералитет: генерал от инфантерии Петр Иванович Огановский (1851 г. — после 1917 г.), комендант Брест-Литовской крепости инженер-генерал Николай Евсеевич Туманов (1844 г. — после 1917 г.), генерал от инфантерии Михаил Исаевич Эбелов (1855–1919 гг.), генерал от кавалерии Александр Александрович Агаси-Бек-Авшаров (1833–1907 гг.), генерал-лейтенант Николай Исаевич Акимов (1844 г. — после 1918 г.), генерал-лейтенант Николай Межлумович Мелик-Шахназаров (1851 г. — после 1918 г.), генерал-лейтенант Илья Иванович Мушруб-Шавердов (1853 г. — после 1909 г.), генерал-лейтенант Николай Иванович Туманов (1868–1938 гг.), генерал-лейтенант Никита (Мкртыч-бек) Григорьевич Шахназаров (1837 г. — 1906/1910 г.), генерал-лейтенант Иван Яковлевич

14. См.: *Stopka K., Zięba A. A. Ormiańska Polska*, ss. 173, 279.

15. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. I. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года / Сост. Н. П. Поликарпов / Под ред. В. П. Никольского. М., 1913, с. 170–172; *Коцебу М. Е., Хомяков А. С., Бакунин И. М. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова*. 3-е изд. СПб., 1874. с. 9; Донесение А. П. Тормасова от 2 (14) августа 1812 г. // *Известия о военных действиях 1812–1814 гг. По материалам периодической печати* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.museum.ru/museum/1812/War/News_rus/izv027.html. Дата доступа: 01.08.2018.

Шелковников (1836 г.—после 1899 г.), генерал-майор Соломон Иосифович Абамеликов (1853 г.—после 1911 г.), генерал-майор Александр Романович Аргутинский-Долгоруков (1831–1886 гг.), генерал-майор Соломон Иванович Бектабеков (1803–1860 гг.), генерал-майор Николай Николаевич Ахвердов (1840–1908 гг.), генерал-майор Леонид Фадеевич Тигранов (1871–1935 гг.)¹⁶.

Общее же число армян, проживавших в белорусских губерниях в XIX веке, было крайне незначительно. Представление о нем дают результаты Первой всеобщей переписи населения, проведенной в Российской империи в 1897 году. Поскольку вопрос о национальности респондентов не входил в анкету переписи, мы можем лишь косвенно оценить численность армян, опираясь на данные о языке и вероисповедании. По состоянию на 1897 год в границах территории современной Беларуси проживало более 200 армян, из которых примерно половина (112 человек) были католики. Часть армян уже не владела армянским языком и в качестве родного языка рассматривала белорусский, польский, русский и другие языки¹⁷.

За исключением армян, находившихся на военной службе, данные о занятых в других сферах армянах, проживавших на белорусских землях в XIX—начале XX веков, отрывочные. Мы располагаем документальными свидетельствами об армянских студентах, обучавшихся в Гори-Горецкой земледельческой академии¹⁸; о помощнике пристава, губернском секретаре Александре Тер-Оганесове, служившем в Гродно и Бресте¹⁹; о купце Тер-Акопове, державшем в Гомеле керосиновый склад, годовой оборот которого составлял 60 тыс. рублей (1910 г.)²⁰.

В годы Первой мировой войны армяне храбро сражались на «Русском фронте», проходившем по территории современной Беларуси. О них в источниках имеется гораздо больше информации, однако, ограниченные рамками статьи, мы упомянем здесь имена лишь некоторых из них: командир 3-й гренадерской артиллерийской бригады генерал-майор Георгий Аветикович Позоев (1858 г.—после 1918 г.) и его брат, командир 6-й артиллерийской бригады, генерал-майор Рубен Аветикович Позоев (1856 г.—после 1921 г.); командир 14-го армейского корпуса генерал-лейтенант Артемий Соломонович Вартанов (1855–1937 г.); генерал от кавалерии Георгий Александрович Туманов (1856–1918 гг.); витебский комендант и начальник гарнизона города Витебска генерал-лейтенант Степан Герасимович Калантаров (1855–1926 гг.); братья Аргутинские-Долгоруковы: генерал-майор Георгий Давидович (1873–1949 гг.) и генерал-майор Павел Давидович (1872–1943 гг.)²¹.

В восстановлении мостов и наведении переправ участвовал будущий выдающийся советский инженер и строитель Кириак Самсонович Завриев (1891–1978 гг.).

16. См.: Асадов Ю. Армянский генеральский корпус в России: Историко-биографические очерки. М., 2016.

17. Подробнее см. в настоящем сборнике: Гуринов Е. А. Численность армян, проживавших на территории Беларуси по данным переписи населения Российской империи 1897 г.

18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268, оп.10, д. 206. О дозволении студентам-стипендиатам Горыгорецкого земледельческого института из кавказских воспитанников Геевскому и Вартанову отправиться в Санкт-Петербург для осмотра учреждаемой Вольным экономическим обществом сельскохозяйственной выставки (1860 г.).

19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102, оп. 26, д. 665.

20. Жудро Ф. А., Сербов И. А., Довгялло Д. И. Город Гомель (Могилевской губ.). Вильна, 1911, с. 47.

21. Например, см.: Пахлеваян К. Р. Участие воинов-армян в Нарочанской операции Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сборник материалов Междунар. науч. конф. (г. Вилейка, 18 октября 2014 г.) / Под ред. В. А. Богуша (пред.) [и др.]. Минск, 2014, с. 122–126; *Փսիլիսկյան Շ. Ռ. Պոզոյ (Պոզոյան) հայկական ազնվական ընտանիքի ավանդյուն Առաջին համաշխարհային պատերազմում* // «Լ.րաբեր շատարակական Գիտություններ». Երևան, 2004, № 1, էջ 196–202.

За отличную службу при строительстве моста через реку Днепр у города Рогачева он был награжден орденом Святого Станислава III степени²².

Армяне в Беларуси в советский период и на современном этапе

Значителен вклад армян в создание и становление Белорусской Советской Социалистической Республики. Некоторые из них были солдатами Первой мировой, которых революция 1917 года застала здесь, другие были направлены сюда позже большевистским правительством. В частности, первым главой белорусского советского правительства был Александр Федорович Мясников (Мясникян, 1886–1925 гг.)²³, а первым наркомом обороны — Иван Яковлевич Алибегов (Ованес Акопович Алибемян, 1887–1941 гг.)²⁴. В Гражданской и Советско-польской войнах отличились советские военачальники армянского происхождения: Гай (Гайк Бжишкян, 1887–1937 гг.) — командующий 3-м кавалерийским корпусом на Западном фронте, а затем начальник гарнизона г. Минска; Григорий Давидович Хананьян (Тер-Хаханян, 1896–1939 гг.) — командующий 79-й бригады 27-й Омской стрелковой дивизии, позже начальник дивизии; командир 16-го стрелкового корпуса комдив Андрей (Андраник) Павлович Мелик-Шахназаров (1887–1937 гг.)²⁵; начальник и комиссар Революционного полевого штаба Михаил Карпович (Мкртич Карапетович) Тер-Арутюнянц (1894–1961 гг.). В 1930-е годы пост заместителя председателя Совета народных комиссаров Белорусской ССР Николая Матвеевича Голодеда (1894–1937 гг.) занимал некто Саакян, который вместе с Голодедом был обвинен во вредительстве и репрессирован в 1937 году.

Вместе с тем ассимиляция, военные потрясения, которые жители белорусских земель испытали в первой четверти XX века, а также передача Польше Западной Беларуси (современные Гродненская и Брестская области, части Минской и Витебской областей, а также Белостокское воеводство Второй Польской Республики) по итогам Рижского мирного договора 1921 года привели к сокращению численности армян в республике. Так, по данным переписи 1926 года, в БССР проживало 99 армян²⁶. В межвоенный период численность армян в БССР увеличилась и к 1939 году составила 1814 человек (без учета западно-белорусских областей)²⁷. Численный рост армянского населения произошел в основном за счет прибытия в республику армян, служивших в частях Белорусского военного округа, и членов их семей.

Накануне Второй мировой войны территория Белорусской ССР входила в состав Западного особого военного округа, где был сконцентрирован большой объем вооружения и значительное число воинских частей. В составе последних были и армяне, которые с первых же минут начала войны приняли участие в боевых действиях. Историография до сих пор не выработала общепризнанной оценки численности советских граждан, принявших участие в боевых действиях в ходе Второй мировой войны, а также о количестве потерь. Однако можно с уверенностью утверждать, что потери были колоссальные как для советского народа в целом, так и для армянского народа, пережившего геноцид всего четверть века назад.

22. * Удостоверение о награждении К. С. Завриева орденом Святого Станислава III степени от 10 января 1916 года хранится в личном архиве С. К. Завриева.

23. См.: Хачатрян С. Б. Александр Мясникян в Белоруссии, 1917–1919 гг. Ереван, 1957.

24. Сведения об Алибегове И. Я. и отдельные его работы, касающиеся Беларуси, см.: Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 60 п, оп. 2, д. 284; оп. 3, д. 849; оп. 4, д. 113.

25. См.: Мелик-Шахназаров А. Владетели Варанды на службе Империи. Москва, 2011, с. 171–225.

26. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Москва, 1928, с. 10.

27. Хрестоматия по истории Беларуси. Ч. 2. Кн. 1: 1917–1945 гг. / Сост. Я. И. Трещенок [и др]. Минск, 2012, с. 252.

С 2010 года Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «Анив» занимается целенаправленным изучением этого вопроса. По состоянию на конец 2018 года нами собрана информация примерно о 6 тыс. армянах, принявших участие в боевых действиях на территории Белорусской ССР в 1941–1944 годах. В оборонительных боях 1941 года особо отличились: заместитель начальника штаба 69-го стрелкового корпуса 20-й армии Западного фронта по тылу полковник А. Б. Меграбян (погиб в 1942 г.); глава штаба военно-воздушных сил Западного фронта полковник (впоследствии — маршал авиации) С. А. Худяков (А. А. Ханферянц, 1902–1950 гг.); начальник штаба 55-й стрелковой дивизии 28-го стрелкового корпуса Западного фронта подполковник Г. А. Тер-Гаспарян (1903–1949 гг.); заместитель начальника войск по охране тыла 20-й армии подполковник Н. П. Балоян (род. в 1901 г.); начальник разведки 61-го стрелкового корпуса 13-й армии Западного фронта полковник Н. Г. Туманян (1901–1971 гг.); командир 113-й стрелковой дивизии генерал-майор Х. Н. Алавердян (1897–1942 гг.).

В ходе освободительных боев 1943–1944 годов наиболее значимый вклад в победу внесли: командир 217-й стрелковой дивизии генерал-майор Г. А. Григорян (1899–1970 гг.); командир 290-й стрелковой дивизии 49-й армии генерал-майор И. Г. Гаспарян (1902–1962 гг.); командир 74-й стрелковой дивизии генерал-майор А. А. Казарян (1904–1992 гг.); генерал-лейтенант И. Д. Векилов (1894–1953 гг.) — член группы командующего артиллерией Красной армии, представителя Ставки Верховного Главнокомандующего Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова на 1-м Белорусском фронте; генерал-майор С. Ф. Галаджев (1902–1954 гг.) — начальник политуправления 1-го Белорусского фронта; генерал-майор С. Б. Казбинцев (1903–1971 гг.) — начальник политуправления 3-го Белорусского фронта; генерал-майор медицинской службы А. И. Бурназян (1906–1981 гг.)²⁸ — начальник военно-санитарного управления 1-го Прибалтийского фронта; начальник штаба 49-й армии 2-го Белорусского фронта генерал-майор С. И. Киносян (1900–1965 гг.); генерал-майор Б. И. Арушанян (1903–1994 гг.) — заместитель командующего 4-й ударной армией 1-го Прибалтийского фронта; гвардии генерал-майор Т. В. Дедеоглу (Дедеоглян, 1898–1989 гг.) — заместитель по строевой части командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса 61-й армии 1-го Белорусского фронта; И. Х. Баграмян (1897–1982 гг.) — генерал армии, командующий 1-м Прибалтийским фронтом, впоследствии маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза²⁹.

В общей сложности нами выявлено более 3400 армян, погибших или пропавших без вести на территории Беларуси. Свыше 2200 армян получили боевые ордена и медали за подвиги, совершенные здесь в годы войны, в общем количестве более 2600 наград. Причем 15 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Свыше 650 армян участвовали в белорусском партизанском и подпольном движении. Некоторые из них после войны остались в Беларуси, создали здесь семьи и реализовали себя на поприще мирного строительства. В качестве примера можно упомянуть Сумбата Хачатуровича Арзуманяна (1917–2003 гг.) — командира партизанской бригады имени И. В. Сталина, после войны руководившего швейной фабрикой «Индпошиводежда» в Бресте, а также Хачика Агаджановича

28. А. И. Бурназян обобщил опыт работы возглавляемого им военно-санитарного управления в специальном исследовании, которое вышло в свет после его смерти, см.: *Бурназян А. И. Борьба за жизнь раненных и больных на Калининском — 1-м Прибалтийском фронте (1941–1945)*. Москва, 1982.

29. См.: *Баграмян И. Х. Мои воспоминания*. Ереван, 1979.

Матевосяна — командира партизанской бригады им. В. И. Чапаева, впоследствии ставшего директором пивзавода «Аливария».

После Великой Отечественной войны количество проживавших на территории БССР армян увеличилось. Этому способствовали два основных фактора. Во-первых, как уже говорилось, ряд бывших партизан и военных осели в Беларуси. Во-вторых, с целью восстановления разрушенного войной народного хозяйства сюда из других союзных республик направлялись специалисты, в числе которых были и армяне. В итоге уже к 1959 году численность армян, проживавших в БССР, практически сравнялась с довоенным показателем и составила 1751 человек³⁰. К концу советского периода в Беларуси проживало уже 4933 армянина³¹.

В послевоенные годы армяне проявили себя во многих отраслях белорусской экономики, а также в науке, культуре, строительно-инженерной сфере, медицине и образовании. Так, Минским автомобильным заводом руководил Григорий Борисович Мартиросов (1901–1962 гг.), который и превратил сборочное производство в полноценный завод и наладил выпуск собственных автомобилей семейства МАЗ. Мартиросов также курировал работу по строительству Минского тракторного завода. В 1980-е годы фактическим основателем и первым директором одного из крупнейших белорусских производств — Белорусского металлургического завода в Жлобине — был Держант Леонович Акопов (1940–1993 гг.).

В высших учебных заведениях трудились заведующий кафедрой геоботаники Белорусского государственного педагогического института³² доктор географических наук, профессор Окмир Егишевич Агаханянц (1927–2002 гг.), а также создатель и заведующий кафедрой физической географии зарубежных стран³³ Белорусского государственного университета доктор географических наук, профессор Виктор Григорьевич Завриев (Завриян, 1908–1976 гг.)³⁴. С 1986 по 2000 годы пост ректора Гомельского политехнического института (с 1998 г. — Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого) занимал доктор технических наук, профессор Альберт Семенович Шагинян (1934–2000 гг.).

В сфере архитектуры и строительства заняты были заслуженный архитектор Беларуси, главный архитектор института «Белгоспроект», начальник Управления по делам строительства и архитектуры Минского облисполкома Георгий Артемович Парсаданов (1911–1989 гг.) и первый директор Института строительства и архитектуры Госстроя БССР доктор технических наук, профессор Сергей Сергеевич Атаев (1916–2006 гг.). Большой вклад в становление и дальнейшее развитие белорусской науки в области технологии бетона и железобетона внес заведующий кафедрой строительных материалов Белорусского политехнического института³⁵ член-корреспондент НАН Беларуси Иосиф Николаевич Ахвердов (1916–2007 гг.).

На театральной сцене ярко проявился талант актрисы Русского драматического театра БССР (ныне Национальный академический драматический театр имени М. Горького) Олимпиады Ивановны Шах-Парон (1922–2009 гг.) и главного

30. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР. Москва, 1963, с. 124.

31. Демоскоп Weekly / Институт демографии НИИ ВШЭ [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/>. Дата доступа: 15.06.2018.

32. С 1993 года имеет статус университета.

33. Позднее — кафедра физической географии материков и океанов.

34. См.: *Еловичева Я. К., Лопух П. С.* В. Г. Завриев — ученый, педагог, создатель и заведующий кафедрой физической географии материков и океанов и методики преподавания географии Белгосуниверситета // Региональная физическая география. Вып. 2 / К 100-летию со дня рождения Виктора Григорьевича Завриева (1908–1976). Минск, 2007, с. 5–15.

35. Ныне — Белорусский национальный технический университет.

художника Театра имени Янки Купалы (ныне Национальный академический театр имени Янки Купалы) Армена Багратовича Григорьянца (1918–1976 гг.). Свой вклад в развитие белорусской музыкальной культуры внес Мартин Саакевич Нерсисян (1926–1996 гг.) — главный дирижер Государственного симфонического оркестра Белорусской ССР в первой половине 1960-х годов, преподававший также оперно-симфоническое дирижирование в Белорусской государственной консерватории.

С распадом Советского Союза численность армян в Беларуси значительно увеличилась. Причиной тому были этнические конфликты в Азербайджане, напряженная обстановка в Грузии и Средней Азии, а также экономические трудности в самой Армении, вызванные землетрясением 1988 года, войной и последующей экономической блокадой. Многие эмигранты использовали Беларусь как промежуточный пункт для дальнейшего отъезда в Западную Европу и США, но другие оставались здесь на постоянное жительство. В 1993 году между Республикой Арменией и Республикой Беларусь были установлены дипломатические отношения и открыто армянское посольство в Минске.

Отправной точкой институализации армянского сообщества Беларуси является 1988 год, когда проживавшие в Минске армяне объединились с целью оказания помощи Армении, пострадавшей от землетрясения. В 1990 году они официально зарегистрировали первую армянскую организацию в Беларуси — Минское городское армянское культурно-просветительское общество «Айастан». В том же году на Военном кладбище в Минске был установлен хачкар, посвященный жертвам землетрясения. С 1991 года в Минске функционирует воскресная школа.

В дальнейшем были зарегистрированы еще три армянских общественных объединения: в Могилеве («Масис», 1998 г.), Гродно («Мусалер», 2004 г.) и Бобруйске («Урарту», 1999 г.). К 1999 году численность армян в Беларуси превысила 10 тыс. человек³⁶. В 2003 году была зарегистрирована религиозная община Армянской апостольской церкви «Святой Григорий Просветитель». Однако до сегодняшнего дня в стране нет армянского храма; примерно раз в год из Москвы в Минск приезжает армянский священник для проведения таинства крещения. В период с 2008 по 2011 год в Минске издавалась газета «Миасин», которая распространялась бесплатно³⁷.

В 2015 году, к 100-летию геноцида армян в Османской империи, были установлены хачкары в Бресте и Могилеве. В 2018 году в Городке Витебской области установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза маршала И. Х. Баграмяна. В ряде белорусских городов есть улицы, названные в честь общественных и государственных деятелей, военных, хозяйственников, деятелей культуры и искусства армянского происхождения.

По данным национальной переписи населения, в 2009 году в Республике Беларусь проживало 8512 армян, 84,9 % которых составляли мигранты³⁸. С учетом чистого миграционного прироста армянской общины в 880 человек за период с 2010 по 2016 год и естественной убыли населения в Республике Беларусь (в среднем 14,7

36. Национальный состав населения Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/natsionalnyi-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/>. Дата доступа: 15.06.2018.

37. Газета доступна в электронной версии: Миасин: интернет-газета армян Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://miasin.by/>. Дата доступа: 15.06.2018.

38. Перепись населения 2009. Т. VII: Миграция населения Республики Беларусь / Под ред. В. И. Зиновского [и др.]. Минск, 2011, с. 76.

человек на 1000 человек населения в год) в рассматриваемый период численность армян, проживающих в стране, практически не изменилась.

В советский период контакты и связи между Арменией и Беларусью стремительно развивались практически во всех сферах: экономике, науке и образовании, культуре. Сегодня уровень активности этих связей нельзя назвать удовлетворительным. Товарооборот между двумя странами незначителен и составляет всего 42,7 млн долл. США (2017 г.). В его структуре преобладает экспорт товаров в Армению (81%). К основным экспортным позициям относятся продукты пищевой промышленности, нефтепродукты и продукты нефтепереработки, лекарственные средства, продукты деревообрабатывающей промышленности, автомобили и тракторы, а также комплектующие к ним. Импорт из Армении (19%) главным образом представлен следующими позициями: продукты пищевой промышленности, алкогольные напитки, лекарственные препараты и вакцины³⁹. Вместе с тем после вхождения Армении в ЕАЭС и открытия границ для свободного перемещения людей и товаров, сотрудничество между двумя странами интенсифицировалось.

Армянская община в Республике Беларусь сегодня обладает признаками двух основных типов диаспор: «старой» и «новой». С одной стороны, она исторически возводит свое преемство к временам Речи Посполитой и Российской империи или как минимум к советскому периоду. С другой стороны, нельзя отрицать, что значительное число армян, сегодня проживающих в Беларуси, прибыли в страну либо в послевоенный период, либо в 90-е годы прошлого века. Можно говорить о феномене наложения «позитивной» исторической памяти об армянах (случае вклада в освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) на современную общину армян Беларуси. За период, прошедший с распада Советского Союза, эта община в Беларуси смогла институализироваться и интегрироваться в белорусское общество. В XXI веке живущие в Беларуси армяне не испытывают на себе никакой дискриминации и активно участвуют в развитии белорусского общества, реализовывая себя в самых разных сферах. Как и во многих других странах, имеют место и негативные процессы, связанные с ассимиляцией армян. Их эффективное преодоление сегодня возможно при активной поддержке из Армении, что позволит стимулировать жизнь армянской общины в Беларуси и активизировать деятельность ее членов.

39. См.: Внешняя торговля Республики Беларусь: статистический сборник / Под ред. И. В. Медведова [и др.]. Минск, 2017, с. 49, 52, 56, 58, 130–131, 259–260.

Summary

Armen Khechoyan,

General Director, “ANIV” Foundation for Development and Support
of Armenian Studies (Moscow/Yerevan)

Armenians in Belarus: a short historical essay

This is the first article of its kind that briefly covers the issues of the stay of the Armenians in the Belarusian lands from the times of Rzeczpospolita to the present day. Using various published and unpublished, primary and secondary sources, the author shows that the first mentions of the Armenians in this local region can be found in written records of the early 16th century. Then he tracks the development of the Armenian community in the Great Duchy of Lithuania, in the North-Western Gubernians (provinces) of the Russian Empire, in Soviet Belorussia, and in the Republic of Belarus since independence.

The article describes the role of Armenians in the liberation of Belarus from the Nazis during the Second World War, as well as their contribution to the political development of Belarus, to the growth of its economy, science, education, national culture and art. The study also examines the change in the size of the Armenian community since the late 19th century and the role it plays in the Belarusian society. The author concludes that in the 21st century the Armenians living in Belarus are fully integrated into the host society and can realize themselves in any sphere of activities.

Армяне в США в контексте армяно-российских военно-политических отношений в годы Первой и Второй мировых войн и после

Кнарик Авакян,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван)

Армяне США, численность которых стремительно возросла вследствие совершенных в Османской империи в отношении армян периодических погромов (1894–1896 гг., 1909 г.) и геноцида (1915–1923 гг.), вызвавших массовый исход выживших из родных мест проживания, поддерживали армяно-российские дружественные отношения. Это нашло отражение как в содействии Кавказскому добровольческому движению в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.), так и во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.), равно как и в позиции отдельных политических деятелей.

Участие и помощь армян США в Кавказском добровольческом движении (1914–1916 гг.)

С началом Первой мировой войны в деле защиты неприкосновенности жизни и имущества турецких армян (в том числе и имущества армянских торговцев и купцов) сложилась неблагоприятная и со дня на день ухудшавшаяся ситуация. Это послужило причиной формирования добровольческих отрядов армян-патриотов, целью которых было оказание содействия российским войскам, сражавшимся на Кавказе против турок-османов. «Автономия шести вилайетов и Киликии¹ как неделимого целого под могущественным протекторатом России»² — таков был девиз добровольческого движения.

Процесс записи в ряды добровольцев вызвал беспрецедентное оживление в жизни армянских колоний. Вскоре возникли центры добровольческого движения в США, а также в городах Бухаресте и Тифлисе. Работу Национального бюро, Восточного (кавказского) и частично Западного (европейского, американского), координировала Армянская революционная партия Дашнакцутюн, а бюро США и Балкан в основном были подконтрольны Социал-демократической партии Гнчакян³.

В период Первой мировой войны и в последующие годы американские армяне, особенно первое поколение беженцев из Турции, приложили огромные усилия по

1. Подразумевается Родина-колыбель западных армян — Западная Армения (шесть вилайетов Турции: Эрзерум — Карин, Ван, Битлис — Багеш, Диарбекир — Амид, Харберд, Себастья) и Киликия (у северо-восточного побережья Средиземного моря, также в Турции), армянское население которых вследствие геноцида (1,5 млн жертв) и насильственной депортации в период Первой мировой войны либо погибло, либо оказалось в разных странах мира.

2. *Киракосян Дж.* Первая мировая война и западные армяне (1914–1916 гг.). Ереван, 1965, с. 187 (на арм. яз.); *Лазян Г.* Армения и армянский вопрос согласно договорам. Каир, 1942, с. 81 (на арм. яз.).

3. История С.-д. партии Гнчакян. 1887–1962 / ред. Китур А. Том 1. Бейрут, 1962, с. 469 (на арм. яз.).

оказанию поддержки родному народу, что носило политико-дипломатический, а также общественный, экономический и военный характер. Военная помощь выражалась как в поставке боеприпасов, предоставлении денежных средств, так и человеческих ресурсов — в отправке добровольцев в основном различными армянскими политическими партиями и организациями.

В результате совместных действий четырех армянских национальных партий (Социал-демократической партии Гнчакян — СДПГ, Армянской революционной федерации Дашнакцутюн — АРФД, Реорганизованной партии Гнчакян — РПГ, Армянской конституционной партии Рамкавар — АКПР) на созванной в ноябре 1914 года в Бостоне Межпартийной конференции, при содействии Конгресса США, удалось через российский посла в Вашингтоне добиться согласия и одобрения царского правительства в вопросе принятия молодых армянских добровольцев из США в состав российской армии на Кавказе, а также в ряде других вопросов⁴, связанных с передачей осязаемых материальных средств *«лишь для отправляющихся либо отправившихся армян-добровольцев»* на Кавказ⁵.

Уже осенью 1914 года был задействован процесс организации добровольческого движения. Воодушевленные воззваниями Национального бюро, за короткий промежуток времени не только с Кавказа и других районов России, но также из стран Европы и Азии (Болгарии, Румынии, Египта, Кипра, Франции, Персии) и в особенности из далеких Соединенных Штатов Америки для комплектации рядов формирующихся полков с большим энтузиазмом на Кавказ устремились отряды молодых армянских добровольцев, исполненных чувства мести и ненависти, но в то же время проникнутых духом свободы и готовых пожертвовать собственной жизнью⁶. *«С восхищением говорим мы о несказанной энергии всех тех, кто, оставив дом, работу, колледж либо университет, спешили оказаться на фронтах Армении»*⁷, — отмечал очевидец этих событий.

Прибывшие из США добровольцы-дашнаки находились в Тифлисе под контролем Армянского национального бюро и были вовлечены в ряды пяти действовавших войсковых частей (командиры — Андраник, Дро, Амазасп, Керы, Вардан). Под командованием Американского бюро Социал-демократической партии Гнчакян действовал Шестой кавказский добровольческий полк (командиры — Джанполадян, Григор Авшарян [Авшаров], Гайк Бжшкян [Гай], Пандухт [Микаел Серян]), в который в дальнейшем частично вошли также малочисленные группы представителей Реорганизованной партии Гнчакян и Армянской конституционной партии Рамкавар, а также беспартийные, не вовлеченные в отряды вследствие партийного характера деятельности Национального бюро⁸.

12 марта 1915 года на фронт отправилась первая группа добровольцев из американских армян, которая прибыла на Кавказ через Архангельск. Ими руководил Пандухт — уроженец Муша. Вторая группа под командованием Александра Мнацаканяна прибыла тем же путем 10 марта, а третья, возглавляемая С. Шагеном, — 21

4. Чизмечян М. Г. История армянских политических партий США (1890–1925). Фрезно, 1930, с. 198–199 (на арм. яз.); Мирные переговоры (1914–1915). Бостон, 1916, с. 5 (на арм. яз.).

5. Чизмечян М. Г. История армянских политических партий США (1890–1925), с. 202.

6. Карпетян М. Армянские добровольческие дружины и национальные батальоны на Кавказском фронте (1914–1917 гг.). Ереван, 1999, с. 38 (на арм., рус. яз.); Лазян Г. Армения и армянский вопрос согласно договорам, с. 81.

7. Киракосян Дж. Первая мировая война и западные армяне (1914–1916 гг.), с. 187.

8. История С.-д. партии Гнчакян, с. 469; Чизмечян М. Г. История армянских политических партий США (1890–1925), с. 208; Симонян Гр. Время Андраника. Книга I. Ереван, 1996, с. 387 (на арм. яз.); Джереджян Ег. Пандухт. Бейрут, 1999, с. 19 (на арм. яз.).

ноября⁹. Группа добровольцев под руководством Анушавана Тер-Мкртычяна была набрана из представителей партии Рамкавар, которые 5 августа 1915 года на российском корабле отправились в Архангельск, оттуда — в Петербург, а далее — в Тифлис¹⁰. В 1917 году в притворе армянской церкви в Нью-Йорке был организован седьмой по счету набор группы добровольцев из американских армян (илл. 1).

В общей сложности, по официальным данным, число солдат, сражавшихся в добровольческих полках, составляло 6000–7000 человек, по другим сведениям — 10 000 человек. При этом в ходе Первой мировой войны, конкретно в 1914–1916 годах, с целью участия в добровольческом движении на Кавказе и в освобождении Армении под командованием военных чинов царской России, из США, разных точек Российской империи, Болгарии, Румынии, Египта, Персии и других стран разными путями на Кавказ прибыло около 3000 рассеянных по всему миру армян¹¹.

Помимо привлечения добровольцев, американскими армянами Кавказскому фронту была предоставлена материальная помощь в целях содействия вышеназванному движению — в общей сложности около 342 тыс. долларов¹². Американские армяне оказали также содействие в вопросе спасения беженцев. Так, армяне — рабочие США за один-два года в виде пожертвований собрали около двух миллионов долларов в помощь добровольческому движению и беженцам¹³.

Политическая позиция председателя первой армянской лоббистской организации в США в отношении России

Из армянских политических деятелей США следует упомянуть Миграна Свазляна (Свазля), являвшегося основателем первой армянской лоббистской организации здесь — Армянского национального союза Америки (АНСА), действовавшего в 1917–1922 годах в Бостоне¹⁴. Взгляды Свазляна — известного западника, юриста-дипломата, получившего западное образование и тесно сотрудничавшего с британскими и американскими политическими кругами, — резко изменились после Лозаннской конференции (1922–1923 гг.), когда канули в Лету надежды армян, связанные с Западом. Будучи воспитанным в западном обществе и, следовательно, являвшимся носителем западных идей, прагматик М. Свазлян тем не менее обратил свой взор к России, с которой судьба Восточной Армении была связана еще с 1828 года. Российскую ориентацию издавна поддерживало большинство как восточноармянских, так и западноармянских реалистов-просветителей, писателей-публицистов, арменоведов-педагогов, интеллигентов-демократов, а также деятелей общественно-политических и национально-освободительных движений. Израел Ори (1659–1711 гг.), Овсэп Эмин (1726–1809 гг.), Хачатур Абовян (1809–1848 гг.), Микаел Налбандян (1829–1866 гг.), Григор Арцруни (1845–1892 гг.), Тигран Еркрат (1870–1899 гг.) и другие армянские национальные деятели вопросы физического существования и национальной безопасности армян связывали с Россией и приложили немало практических усилий в этом направлении (илл. 2).

9. *Карпетян М.* Армянские добровольческие дружины и национальные батальоны на Кавказском фронте (1914–1917 гг.), с. 40.

10. Там же, с. 209, 210.

11. *Киракосян Дж.* Первая мировая война и западные армяне (1914–1916 гг.), с. 187.

12. Краткий справочник деятельности А. Ц. Национального бюро. 1915–1917 гг. Тифлис, с. 7 (на арм. яз.).

13. *Чопурян Ед.* Великая война и армянский народ (Андраник, Мурат и Погос Нубар). Т. 1. Константинополь, 1920, с. 79 (на арм. яз.).

14. Подробнее о нем см.: *Авакян К.* Основатель первых армянских лоббистских организаций в Великобритании и США западник Мигран Свазлян о России // «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Вып. 1. Москва, 2009, с. 84–89.

Вот что писал Мигран Связлян в своей статье «Наше направление», объективно оценивая опыт прошлого и исторические реалии: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы придумать», — часто говорил известный философ XIX века [Ралф Уолдо Эмерсон. — К. А.]¹⁵. Мы же, армяне, можем применить другое изречение: «Если бы России не существовало, следовало бы ее создать», ибо этого требуют высшие интересы армянства... К счастью, нам не нужно было создавать ее, так как Россия была рядом, по соседству; она по своей сути так же необходима нам, как вода, которую мы пьем, и воздух, которым мы дышим.

Критиковать легко... Те, кто критикует пророссийскую направленность, или ориентацию <...> из Либерал-демократической [Рамкавар] партии, должны сказать — чем они заменяют ее. Народ Армении и его нынешние лидеры усвоили это и довольны. Народ спокоен, защищен, наслаждается самостоятельной жизнью. Может развивать свой язык, свою культуру, его национальная церковь относительно независима, и прогресс повсеместный. Повторять это нет нужды, ибо это всем нам известно.

Но в конце концов это направление и не ново, оно довольно-таки старо. Вот только нет необходимого стимула для его реализации, чтобы извлечь из него пользу, благодаря [проведению. — К. А.] серьезной и дальновидной политики. Девизом великих людей от Исаи до Григора Арируни было [следующее. — К. А.]: «Судьбу Армении связать с Россией». У обоих был опыт в международных вопросах, оба, а вместе с ними и другие, следили за всеми этапами прогресса России и усвоили, какую выгоду можно обеспечить для гарантированного существования и будущего развития армянского народа»¹⁶.

Далее М. Связлян, обращаясь к возникновению армянского вопроса и постоянным противоречиям в выборе политической ориентации армян, анализируя религиозно-психологические особенности исторического прошлого русских, указывая на освободительную миссию России на Балканах и на Ближнем Востоке, а также на необходимость ее политического господства в означенных регионах, пишет: «<...> Христианские народы Востока могут спастись лишь тогда, когда Россия утвердится на Ближнем Востоке и продолжит свое традиционное дело.

Не преувеличивая, можно сказать, что освобождение балканских народов состоялось благодаря вмешательству России. Даже Греция, обретшая частичную свободу решением подписанной между Англией и Россией Лондонской конвенции 1827 года, не вырвалась бы из когтей Турции, если бы в 1828 году войска России не дошли бы до Адрианополя и не вынудили бы султана повиноваться требованиям государств. Историю нельзя повернуть вспять, и стоит всегда возвращаться к этой полезной теме»¹⁷.

Анализируя новую политическую ситуацию, в которой оказались армяне после Лозаннской конференции, М. Связлян призывает армян как Армении, так и диаспоры восполнить пробелы прошлого и настоящего, чтобы противостоять новым вызовам истории: «С 1890-го года до Лозаннской конференции, на которой «великими державами» были попораны права цивилизации, армянам не доставало национальной политики. <...> Неточность, недальновидность, внутренние трения и паника охватили нас, и наше национальное судно, лишенное штурвала,

15. Как известно, это высказывание изначально принадлежит мыслителю XVIII века Вольтеру.

16. В память о Мигране Связляне. Заметки и впечатления, политические и национальные теории.

Бостон, 1944, с. 5–6 (на арм. яз.).

17. Там же, с. 7–8.

бушующей морской стихией бросало в разные стороны. Но в конце концов оно, как Ноев ковчег, закинуло якорь в определенном месте, и две трети народа были спасены.

Надо оценить эту новую ситуацию. Необходимо связать наши отношения с российским фактором. <...> Лозанна [конференция.—К. А.] была бомбой, брошенной в нас, но полемика продолжается и будет продолжаться в тех широких масштабах, которые были начертаны нашим правительством, пока рассеянные по всему миру армяне не сплотятся вокруг нынешней свободной Армении, найдя приют под ветвями древа свободы»¹⁸.

Современные геополитические процессы явствуют, что мысли и дела юриста-дипломата Миграна Свазяна, равно как и его надежды и разочарования, мечты и чаяния, актуальны по сей день в силу того, что они исходят из исторической судьбы армянского народа, осознания национальной цели, из его принципиальных позиций и патриотизма.

Помощь армян США своим соотечественникам в СССР во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.)

В годы Второй мировой войны, когда над СССР, а стало быть и над Советской Арменией нависла угроза фашизма, прогрессивные силы зарубежных армянских общин сплотились воедино вокруг национальных антифашистских фронтов, объединились в союзы и общества друзей Советской Армении, а также в армянские национальные советы, выступая не только против фашизма, но и со справедливым требованием возврата Армянской ССР захваченных Турцией армянских исторических территорий, что создало бы реальные возможности для сплочения на Родине армян, рассеянных по всему миру¹⁹.

В судьбоносные годы борьбы против фашизма представители разных партий американских армян активно участвовали в оказании материальной и моральной поддержки своей далекой Родине. Объединенный фронт прогрессивных сил армянской диаспоры, в том числе и армян США, сплотил коммунистов, членов СДПГ, ЛДПР, молодежных союзов, а также беспартийных (лояльных)²⁰, выступавших с призывом о моральном и финансовом содействии СССР. В августе 1941 года, во время массового митинга в Нью-Йорке, армяне США выступили с заявлением, обращенным к правительству СССР, дав следующее обоснование вышеизложенному: «Мы, армяне США, Родину которых защищает Красная армия, осознаем, что обязаны помочь Советскому Союзу в борьбе против фашизма, чтобы стереть его с лица земли»²¹.

Победа советской страны в Сталинградской битве в августе 1943 года сыграла решающую роль в формировании четкой позиции большинства зарубежных армян в отношении СССР. Уже 19 марта 1944 года сформированным в Нью-Йорке Американско-армянским национальным советом, являвшим собой единый фронт различных организаций армян США, были проведены мероприятия по сбору пожертвований для Советской армии. Единый фронт включал в себя представителей ЛДПР, СДПГ, Американско-армянского прогрессивного союза, Всеобщего армянского благотворительного союза (ВАБС), деноминационных церквей, различных земляческих и иных союзов. Благодаря патриотическим усилиям Американско-армянского

18. Там же, с. 8–9.

19. Меликсетян О. Взаимосвязи Родина–диаспора и репатриация (1920–1980 гг.). Ереван, 1985, с. 172 (на арм. яз.).

20. Там же, с. 322.

21. За что воюем мы—армяне. Нью-Йорк, 1942, с. 74 (на арм. яз.).

национального совета весной 1944 года населению освобожденных Советской армией территорий СССР было отправлено 25 тыс. посылок стоимостью в 75 тыс. долларов, а населению Армении — целый корабль, груженный одеждой. Помимо этого, через Комитет помощи России для Советской армии были посланы 50 тыс. долларов и медикаменты стоимостью в 87 тыс. долларов. Американско-армянским комитетом, содействовавшим героической борьбе Советского Союза против фашизма, до 1943 года для Советской армии было собрано около 56 тыс. долларов, для обездоленных и нуждавшихся — 29 тыс. долларов, для Армении — 11 тыс. долларов, а также шерстяных изделий (2700 предметов) на девять тыс. долларов и тому подобное²².

Армяне США, помогая Советскому Союзу и своей далекой Родине, внесли весомый вклад в формирование прогрессивными силами армянской диаспоры танковой колонны «Давид Сасунский». Благодаря организованным усилиям армянской диаспоры, направленным на оказание помощи СССР, с марта 1943 года по март 1944 года армянами США в виде пожертвований было собрано 115 тыс. долларов и вложено в создание первой танковой колонны «Давид Сасунский», еще 173 тыс. долларов было собрано для фонда Красного Креста, а также 40 тыс. долларов — для создания второй танковой колонны.

Танковая колонна «Давид Сасунский» (илл. 3), укомплектованная 21 новейшим для своего времени танком Т-34-85, 20 марта 1944 года поступила в 119-й отдельный танковый полк и участвовала на разных фронтах боевых действий. Сбор средств для создания второй танковой колонны «Генерал Баграмян» был приостановлен в связи с окончанием войны²³. Епархиальным главой армян США архиепископом Гарегином Овсэпяном была сформирована Армянская комиссия по сбору пожертвований для Советской армии и Армении. Сумма, собранная комиссией, составила 120 тыс. долларов, из которых 85 тыс. долларов было выделено для формирования танковой колонны «Давид Сасунский»²⁴.

Политическая поддержка армянами США послевоенных усилий СССР в решении армянского вопроса

После разгрома фашистской Германии и ее союзников, в число которых входила и Турция, у армян всего мира появилась надежда, что в ответ на совместное заявление армянских организаций диаспоры, а также на отдельное заявление АРФД²⁵ по поводу пересмотра и урегулирования границ между Турцией и Советской Арменией вопрос о возврате захваченных Турцией армянских территорий, в прошлом входивших в состав Российской империи, в частности Карса, Ардагана, Ардвина, будет вынесен советской стороной на обсуждение между правительствами Турции и СССР. Вопрос был заслушан в 1945 году в Анкаре, далее — в Москве, затем он вошел в повестку дня Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 года), став предметом обсуждения между руководителями трех великих держав-союзниц: СССР, США и Великобритании. Также требование о возврате

22. История армянского народа. Т. VIII. Ереван, 1970, с. 154 (на арм. яз.); *Абрамян А. Г.* Краткий обзор истории армянских колоний. Т. II. Ереван, 1967, с. 402 (на арм. яз.); Дружба Америки и Советского Союза. Нью-Йорк, 1943, с. 48 (на арм. яз.).

23. История армянского народа, с. 158; *Абрамян А. Г.* Краткий обзор истории армянских колоний, с. 403.

24. *Иерей А. Ашчян.* Статистический регистр и история Армянской епархии Америки: 1948. Нью-Йорк, 1949, с. 45 (на арм. яз.).

25. Подробнее см.: *Виравян А.* Роль армян диаспоры в деле возрождения армянского вопроса в 1945–1947 гг. // «Вопросы истории и историографии геноцида армян». Вып. 1. Ереван, 2002, с. 103 (на арм. яз.).

захваченных Турцией армянских земель, а значит, и вопрос о необходимости организации репатриации армян были представлены диаспорой на рассмотрение советского правительства летом 1945 года посредством светских и духовных лиц из всех зарубежных армянских общин, прибывших в Первопрестольный Святой Эчмиадзин для участия в выборах Католикоса всех армян²⁶.

И тем не менее на Потсдамской конференции западные державы, в том числе США, отклонили требования, выдвинутые руководством СССР по поводу возврата армянских территорий, составлявших часть царской России.

Вопрос восстановления прав армян был поднят диаспорой и в апреле 1947 года на открывшемся в Нью-Йорке Всемирном армянском конгрессе (Нью-Йорк, 30 апреля—4 мая 1947 года), в котором принимали участие представители армянских общественно-политических течений и различных организаций. Обсудив вопрос репатриации армян и восстановления Армении, а также объединения и сотрудничества армянских общин, конгресс принял решение об укреплении духовно-культурных связей между армянскими общинами зарубежья и Арменией, о формировании на международной арене общественного мнения по вопросу о справедливости территориальных требований армян, оставив при этом политическое решение проблемы на усмотрение ООН. По завершении Всемирного армянского конгресса, на массовом митинге с участием трех тыс. человек, была принята резолюция, в которой были представлены практические задачи армян диаспоры, а именно: посредством ООН добиться удовлетворения требований по возврату армянских территорий и организовать репатриацию армян²⁷.

12 мая 1947 года от имени Всемирного армянского конгресса, в котором участвовали представители диаспоры из 22 стран, заместителю госсекретаря США Дину Ачесону был представлен меморандум о включении в повестку дня ООН вопроса о территориальных требованиях армян²⁸, который был отклонен властями США с той мотивировкой, что это было бы равносильно расширению и усилению влияния СССР как противника США и Великобритании.

И хотя справедливые требования армян были проигнорированы странами Запада, в 1946–1949 годах с согласия правительства СССР была организована и осуществлена массовая репатриация в Советскую Армению более 90 тыс. армян из 12 стран мира, направленная на сохранение национального генофонда армян и имеющая для Армении историко-стратегическое, социально-экономическое, морально-культурное и эпохальное значение. При этом меньше всего армян репатриировалось из США. Так, в 1947 году число армян—репатриантов из США составило всего 51 человек²⁹.

Таким образом, в силу объективных историко-политических, социально-экономических процессов, а также событий на международной арене Советская Армения, составлявшая часть Восточной Армении и являвшаяся одной из республик СССР, фактически стала реальным пристанищем для западных армян, лишившихся своих исконных земель и исполненных надежды на их возвращение, пристанищем, где должны были консолидироваться рассеянные по всему миру

26. Меликсетян О. Репатриация // Армянская советская энциклопедия. Т. VI. Ереван, 1980, с. 208 (на арм. яз.);

Меликсетян О. Взаимосвязи Родина–диаспора и репатриация, с. 173, 174.

27. Меликсетян О. Взаимосвязи Родина–диаспора и репатриация, с. 174.

28. Подробнее см.: *Вирабян А.* Роль армян диаспоры в деле возрождения армянского вопроса в 1945–1947 гг., с. 98–108.

29. Меликсетян О. Взаимосвязи Родина–диаспора и репатриация, с. 228–229.

армяне, в сердцах которых не угасала надежда когда-нибудь увидеть Родину воссоединенной и единой.

Двойственная позиция армян США в отношении СССР и России (с 1920 г. по настоящее время)

Если в прошлом позитивные армяно-российские отношения были прямо пропорциональны позитивным отношениям между Армянской диаспорой (Спюрком) и Арменией, то имевшие место в XX веке на мировой арене, в том числе в России и Армении, радикальные политические и социально-экономические процессы (Октябрьская революция 1917 г., советизация Армении (29 ноября 1920 г.), Вторая мировая война (1939–1945 гг.), репатриация (1921–1936 гг., 1946–1949 гг., 1962–1982 гг.), холодная война (с 1946 г.), распад СССР и провозглашение независимости Армении (1991 г.), постсоветский кризис, эмиграция, глобализация и так далее) создали политический барьер в отношениях между отдельными структурами Армянской диаспоры, в частности Армянской диаспоры США, и Армении, а следовательно, и России. Таким образом, если в прошлом сотрудничество Армянской диаспоры (Спюрка) с Арменией и Россией было основано на объективных реалиях, диктуемых политической ситуацией, то в настоящее время по большому счету оно обусловлено международной политикой, что наносит определенный ущерб стратегическим интересам Армении.

В геополитических условиях, создавшихся после Первой мировой войны, национально-общественная жизнь рассеянных по всему миру армян проходила на фоне бурной борьбы двух идеологических фронтов, которая усугубилась после Второй мировой войны. На протяжении прошлого столетия в силу политической позиции западных стран в отношении СССР, главным образом задающих тон на международной арене Соединенных Штатов, политика Армянской диаспоры, в частности диаспоры США, по отношению к СССР, а значит, и к Советской Армении носила двойственный характер.

Одно идеологическое крыло сформировали члены Либерально-демократической партии Рамкавар (ЛДПР), Социал-демократической партии Гнчакян (СДПГ), Всеобщего армянского благотворительного союза (ВАБС), беспартийные (лояльные), а также другие проармянски (то есть симпатизировавшие Советской Армении) и патриотически настроенные лица, известные как прогрессивные («Айастанджи»³⁰). Другое крыло представляла Армянская революционная партия Дашнакцутюн (АРФД), являвшаяся сторонником идеи создания в Армянской диаспоре «государства без родины» в противовес Советской Армении.

Представители первого направления, реально оценивая создавшуюся ситуацию, рассматривали Советскую Армению как «государство всех армян», а гарантом физического существования армянского народа на этом историческом отрезке считали бытность Советской Армении в составе СССР и «русскую ориентацию как наиболее благоприятную и логичную»³¹. В свете сказанного весьма характерна точка зрения американского общественного деятеля, публициста и редактора, армянина по происхождению Грачья Ерванда: «Мы против коммунистического учения, но вместе с тем мы видим, что своей политической безопасностью и [возможностью.—К. А.] мирно трудиться армянский народ обязан

30. «Айастанджи» — так в народе называли лиц, проармянски настроенных и симпатизировавших Советской Армении. См: Связлян Г. За мою Родину. Ереван, 1965, с. 106 (на арм. яз.).

31. Топузян О. История армянской колонии в Египте (1805–1952). Ереван, 1978, с. 243 (на арм. яз.).

лишь утвержденному в Армении строю. Поэтому в отношении политического уклада Армении мы придерживаемся мирной позиции, поскольку мир и благополучие страны превыше всего»³². Сторонники этого направления развитие и укрепление Советской Армении считали также залогом решения армянского вопроса, единственным рычагом, который «если позволят условия, без новых кровопролитий восстановит исторически неоспоримые права армянского народа»³³. Посему они призывали армян диаспоры «не бороться с советской властью, а всеми возможными способами содействовать» Советской Армении и репатриации армян³⁴.

Представители противоположного направления, ряд партийных и государственных деятелей которого после падения Первой Республики Армении (1918–1920 гг.) обособились за рубежом, в том числе в США, рассматривали установленную в результате исторических процессов в Армении советскую власть как «русскую имперскую», «превосходящую царский гнет деспотию», под подчинением которой армянский народ обречен на медленную смерть в «советском аду», в «злополучной Армении»³⁵. Поэтому начиная уже с 1920-х годов они всячески препятствовали репатриации армян и содействию в восстановлении и укреплении Родины, противопоставляя этому идею создания общенациональной организации — созыва Всеобщинного съезда³⁶, который должен был охватить все политические силы диаспоры, став своеобразной политической единицей армянских общин зарубежья в противовес Советской Армении. Эту политическую структуру они сами характеризовали как «духовную родину», как «тип нравственного государства, государства без родины, с государственными структурами, с национальным и международным порядком»³⁷. Согласно идеологам этой теории, «не родина должна стать основанием для консолидации некой общности, ее сохранения и правового существования», а «роль родины может быть заменена нацией, объединяющей вокруг себя тех, кто ощущает свою принадлежность к этой нации»³⁸. Посему их «главным образом должен волновать вопрос консолидации всех зарубежных армян в качестве общины, как своеобразной национальной единицы, которой, согласно современному государственному праву, следует предоставить необходимые права для организации внутренней национально-культурной жизни»³⁹. В силу сказанного каждый член армянской общины свои обязанности в отношении приютившей армян страны должен выполнять таким образом, «чтобы предпринимаемые ими те или иные действия не носили национального (армянского) характера, и свою борьбу они не должны связывать с судьбой родины (Армении)»⁴⁰. Административная организация армянских общин должна была иметь свои ответвления: областные, районные органы, объединенные конституцией центрального совета⁴¹.

Католикосату всех армян также не удалось остаться в стороне от идеолого-политических интриг по созданию в Армянской диаспоре «государства без родины».

32. Там же.

33. Там же.

34. Там же.

35. Там же, с. 243–244, 266.

36. Там же, с. 246.

37. О взглядах государственного деятеля Первой Республики Армении (1918–1920 гг.) Никола Агбаляна, впоследствии директора армянской национальной гимназии Погосян в Александрии см.: Тонузян О. История армянской колонии в Египте (1805–1952), с. 249–250.

38. О взглядах редактора издающейся в Каире газеты «Усабер», дашнакского деятеля Ваана Навасардяна см.: Навасардян В. Политический путь Дашнакцутюна. Каир, 1925, с. 86–87 (на арм. яз.).

39. Там же, с. 83.

40. Там же, с. 82.

41. Тонузян О. История армянской колонии в Египте (1805–1952), с. 249–250.

Встал вопрос о том, чтобы «*временно перевести*» католикосат всех армян из Первопрестольного Святого Эчмиадзина в Иерусалим и, руководствуясь так называемой Национальной конституцией, захватить также зарубежные епархии и создать «*верховный орган*»⁴². И поскольку для достижения этой «*великой цели*» все средства были оправданы, 24 декабря 1933 года, во время Рождественской литургии, идеологами этого направления было организовано убийство главы Армянской епархии в США архиепископа Гевонда Туряна в армянской церкви Сурб Хач (Святого Креста) в Нью-Йорке, по соседству с Манхеттеном. Архиепископ не скрывал своей симпатии к Советской Армении и не разделял взглядов дашнаков⁴³. Тем самым последние внесли фактический раскол в ряды зарубежных армян, равно как и положили начало конфронтации в отношениях диаспора — Армения. После убийства архиепископа часть армянской общины США образовала независимую прелатуру, которая в 1957 году присоединилась к Киликийскому католикосату (престол утвержден в Ливане, в городе Антилиасе). Это также способствовало административному и правовому расколу Армянской церкви, ибо в диаспоре были созданы отдельные армянские епархии, подчиняющиеся не Первопрестольному Святому Эчмиадзину, а зарубежному католикосату.

Действия идеологов концепции «*государство без родины*», стремившихся отделить от Советской Армении (составлявшей $\frac{1}{10}$ территории исторической родины) армян, лишенных родины вследствие геноцида и нашедших пристанище в разных странах мира, активизировались в конце Второй мировой войны и в период последовавшей за ней холодной войны на фоне усугубления идеолого-стратегической и историко-политической конфронтации между СССР и Западом.

В условиях возросшего в результате победы в Великой Отечественной войне авторитета СССР среди армян диаспоры антисоветские (антирусские) и антиармянские силы, сотрудничавшие с определенными западными структурами, вместо того, чтобы всесторонне содействовать (морально-идеологически, материально и в плане человеческих ресурсов) организованной в 1946–1949 годах массовой репатриации в возрождающуюся и развивавшуюся Советскую Армению, равно как и дальнейшей репатриации, целенаправленно препятствовали (что в целом продолжается и поныне) увеличению автохтонного христианского населения, в данном случае армянского, в Закавказском регионе (на юге России), представляющем для Запада значительный геополитический интерес. Мало того, они всячески содействовали эмиграции и исходу армян оттуда.

Таким образом, отдельные армянские структуры США поддержали политические действия западных стран, направленные на развязывание против Советского Союза холодной войны, в частности, после того как 12 марта 1947 года в США вышла в свет «Доктрина Трумэна», призывавшая страны Запада, главным образом США, «обуздать» СССР и оказать содействие Турции. Было намечено в 1947–1948

42. Там же, с. 255, 257.

43. Leon Tourian [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Leon_Tourian. Дата доступа: 20.02.2021.

годах предоставить Греции и Турции помощь в размере 400 млн (соответственно 300 и 100 млн) долларов⁴⁴.

Холодная война, последовавшая вслед за Второй мировой войной, создала благоприятные условия для активизации практических действий со стороны ряда структур Армянской диаспоры по созданию «государства без родины». Так, в 1947 году при содействии американского правительства был создан ANCHA (American National Committee to Aid Homeless Armenians)—Американский национальный комитет помощи лишенным родины армянам, председателем которого был Джордж Мартикян, руководивший снабжением американских войск продовольствием в годы Второй мировой войны. А заместителем председателя был адвокат Сурен Сароян. Комитет был призван, вопреки направленным на осуществление репатриации усилиям советских властей, в США и другие страны отправить находившихся на территории Европы армян-беженцев («перемещенных лиц» [Displaced Person—DP]), бывших советских армян-военнопленных, а также иным путем обосновавшихся там армян. До 1952 года организацией ANCHA посредством материальных средств, предоставленных находившимися в различных штатах США филиалами комитета, Союзом помощи армян и иными национальными структурами, в общей сложности было организовано переселение более чем 4,5 тыс. армян из Германии, Австрии, Италии, оказавшихся там в годы войны⁴⁵.

«Американский национальный комитет помощи лишенным родины армянам» и его покровители были озабочены «будущей судьбой» переселяемых в СССР бывших военнопленных-армян и в последующие годы—вплоть до инцидента в Суэце в 1956 году, гражданской войны в Ливане в 1975–1976 годах и в активный период арабо-израильского конфликта. В разных центрах этой организации—в Бейруте, Милане, Афинах, Брюсселе, Женеве⁴⁶ армянам, в том числе и армянам из Советской Армении, целенаправленно продолжали оказывать содействие (особенно после подписания 1 августа 1975 года Хельсинкского соглашения) в их дальнейших перемещениях в разные уголки мира. И это в том случае, когда начиная уже с 1950-х годов гораздо целесообразнее было бы отдельным национальным структурам армян США оказывать моральное и материальное содействие репатриации рассеянных по всему миру армян в Советскую Армению, имевшую более благоприятное экономическое и политическое положение, нежели совместно с мировыми структурами содействовать переселению своих соотечественников в те или иные страны (даже в Венесуэлу, Чили, Австралию, Южно-Африканскую Республику, Кению, Джибути, Гану, Либерию и так далее⁴⁷), тем самым способствуя не консолидации нации, а ее распылению по всей планете.

44. Начало холодной войне было положено обращением президента США Гарри Трумэна к Конгрессу США в феврале 1946 года о «спасении Европы от советской экспансии», а также воззванием премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, озвученным 5 марта в Фултоне (штат Миссури), согласно которому с целью защиты от коммунистической угрозы предполагалось заключить военно-политический союз между Великобританией и США, направленный против СССР и стран соцлагеря. С этой целью в 1949 году было создано НАТО ([Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Доктрина_Трумэна. Дата доступа: 20.02.2021).

45. Авакян К. Идея сохранения Родины и армянства «без родины» в армянской общине США // «Вестник общественных наук Национальной академии наук Республики Армения». Ереван, 2014, № 2. с. 53 (на арм. яз.).

46. Пирумян Р, Авакян К. Соединенные Штаты Америки // Армянская диаспора: Энциклопедия. Ереван, 2003, с. 37 (на арм. яз.).

47. Ганалаян Т. Внутренние передвижения Армянской диаспоры в 1945–1988 годах / Диссерт. на соискание уч. степени канд. ист. наук по специальности 07.00.01 «История Армении». Ереван, 2016, с. 53–54, 56, 68, 76–77 (на арм. яз.).

Таким образом, посредством сотрудничества с отдельными международными структурами (ООН, Всемирный совет церквей, Ватикан, Евангелистская церковь, секретные спецслужбы США, Великобритании, Израиля, АНЧНА и так далее⁴⁸) страны, развязавшие холодную войну, при поддержке подчиненных им американо-армянских структур подключились к окончательному решению армянского вопроса— к глобальной программе по рассеиванию и распылению в США, Канаде, Австралии, Латинской Америке, частично также в Западной и Восточной Европе, даже в Африке оставшихся в живых свидетелей— очевидцев геноцида армян и их потомков, нашедших убежище в армянских общинах стран Ближнего и Среднего Востока (Ливан, Сирия, Египет, Иран, Ирак, Кипр, Греция и так далее).

Причем правительство США и ряд других стран (опять-таки при поддержке и посредничестве представителей Армянской диаспоры, в частности американских армян, а также отдельных структур и лиц) после распада СССР продолжают содействовать организации эмиграции граждан из освободившейся от советского «тоталитаризма» Армении в разные страны мира (США, Канаду, Швецию и так далее), в том числе сирийских армян через год после начала войны в Сирии, а также армян из Сирии, эмигрировавших в Армению. Так, 11 ноября 2012 года правительство США, откликнувшись на заявление четырех видных армянских юристов США, пересмотрело предыдущее решение Службы гражданства и иммиграции Соединенных Штатов (US Citizenship and Immigration Services—USCIS) и его отделения «Безопасность Родины» (Homeland Security) о предоставлении сирийским армянам всего лишь «Статуса временной защиты» (Temporary Protected Status—TPS) и «Визы праволищенных»— безвизовый режим (Visa Waivers). Вскоре после этого их бесчисленные друзья и родственники из США и других стран выразили правительству США свое желание оказать содействие по облегчению въезда сирийских армян в США⁴⁹. Между тем Армянской диаспоре следовало бы проявить сплоченность и поддержать действия властей Республики Армении и Республики Арцах (НКР), готовых материально содействовать переезду сирийских армян в Армению и предоставить им жилище и работу там.

Вышеизложенное дает основание рассматривать периодически организуемую миграцию армян на Запад в контексте повторяющихся историко-политических процессов, а также выявить их общность и далеко идущие политические тенденции, а именно— изгнать местное население, в том числе христианское, из регионов, имеющих стратегически важное значение для России (Закавказье, Ближний и Средний Восток и так далее), как это имело место в начале прошлого столетия в результате геноцида армян в Османской империи, когда армяне и русские были изгнаны из армянских территорий, являвшихся форпостом для Юга России (Карс, Ардаган, Эрзерум и так далее). Тем более что начиная еще с XIX века некоторые отдельные внутриармянские структуры (местные или диаспоральные) совместно с международными политическими структурами (к примеру, такими как Американский общемиссионерский совет внешних миссий (American Board of Commissioners for Foreign Missions—ABC FM (1810–1914 гг.), Ближневосточный комитет помощи (Near East Relief—NER (1915–1930 гг.)), Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development—USAID

48. Там же, с. 59, 65, 73, 79, 87.

49. U.S. Government responds to Prominent Armenian–American Lawyers call upon U.S. Government to issue visa waivers for Syrian–Armenians. Center for Armenian Remembrance. Press Release, 2012, November 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centerarnews.com>.

(с 1961 г.) и так далее) в силу различных играющих им на руку обстоятельств (идеологических, религиозных, культурных, языковых, экономических, политических и других) уже на протяжении целого столетия предпринимают всяческие меры для периодического распыления армянского генофонда в разных странах мира, в то же время пытаясь добиться целенаправленной изоляции и отчуждения диаспоры от Родины—Армении. И это при условии, когда в связи с особенностями региона, на фоне непреодолимого международно-политического давления перед Родиной (некогда Армянской Советской Социалистической Республикой (Арм. ССР), а ныне Республикой Арменией и некогда Нагорно-Карабахской Республикой (НКР), а ныне Республикой Арцах (РА)) встала стратегическая задача увеличения населения за счет притока зарубежных армян, что постоянно должно быть в центре внимания национальных структур диаспоры.

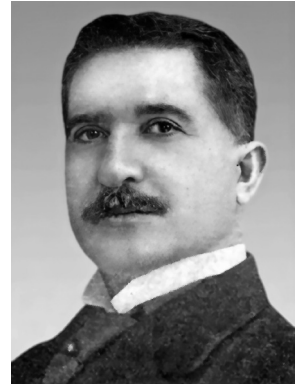
Заключение

Успехи России в международно-политической и военной сферах, рост ее авторитета как защитника цивилизационных ценностей и мира, развивающееся и углубляющееся армяно-российское торгово-экономическое, военно-политическое сотрудничество могут также оказать благотворное влияние на Армянскую диаспору, в частности на армян США, в вопросе пересмотра сформировавшихся у них стереотипов, восстановления и укрепления доверия к Армении, равно как и к ее стратегическому союзнику—России, а также помогут Армянской диаспоре в пересмотре и переоценке ее политических взглядов в целом в интересах безопасности Армении и Кавказа, следовательно, России и региона.

Иллюстрации

Илл. 1. Армяне-добровольцы США в Нью-Йорке перед отъездом на Кавказ (из кн.: Назарян А. Формирование армянских воинских частей на Кавказском фронте (1914–1918 гг.). Ереван, 1999 (на арм. яз.))

Илл. 2. Мигран Свазлян (Свазли) (из кн.: Месияян Ер. Под знаменем. Нью-Йорк, 1918 (на арм. яз.))

Илл. 3. Танковая колонна «Давид Сасунский» (Филиал кинофотофонодокументов Национального архива Армении)

Summary

Knarik Avagyan,

PhD in History, Leading Researcher at the Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan)

Armenians in the USA in the context of Armenian-Russian military-political relations in the years of the First and Second World Wars and after

The number of the Armenians in the USA increased due to refugees from the Ottoman Turkey, who miraculously escaped during the period of massacres and pogroms organized against them in 1894–1896 and 1909, as well as the Genocide of 1915–1923. In the first half of the 20th century, the USA Armenians generally supported and continued Armenian-Russian good-neighborly relations. This was expressed both in their assistance to the Caucasian volunteer movement during the First (1914–1918) and Second (1939–1945) World Wars, and in the activities of individual politicians.

The sweeping political and social-economic processes in Russia and Armenia in the second half of the 20th century created a political barrier between the relations of Armenia (consequently of Russia) and some diasporal, particularly Armenian-American organizations. As a result, once friendly and effective cooperation between the Diaspora and Armenia (and consequently Russia) came under heavy dependence on international politics. Meanwhile, Russia's political and military successes in the international arena, its constantly growing prestige as a supporter of civilization and peace, the development and deepening of the Armenian-Russian trade, economic, military-political cooperation can have a beneficial effect on the Armenian Diaspora, especially in the circles of the American Armenians. It can become the basis for the revision of their current tough views regarding their homeland Armenia and its strategic ally—Russia, restoration and strengthening of confidence, revision and reassessment of political views in the interests of Armenia, Russia, the Caucasus and other countries, for the sake of security of the entire region.

Армяне в статусных профессиональных сообществах юга России начала XXI века¹

Сергей Суцкий,

доктор философских наук, культуролог, социолог культуры, главный научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону)

Одними из старожилов южного макрорегиона Российской Федерации являются армяне, первые общины которых появились на этих территориях задолго до их включения в состав Российского государства. Со второй половины XVIII и до середины XIX веков, со становлением южнороссийских региональных сообществ армян, их численность здесь значительно выросла. К середине XX века именно южный макрорегион оставался основным ареалом расселения армянского населения в пределах России. В настоящее же время в его пределах сконцентрирована половина армян всей Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1
Армянское население крупнейших регионов юга России, 2010 год

Регионы	Армянское население (тыс. чел.)	Доля армян в населении региона, %	Доля армян региона в армянском населении РФ, %
Ростовская область	110,7	2,59	9,4
Краснодарский край	281,7	5,40	23,8
Астраханская область	5,8	0,58	0,5
Волгоградская область	27,8	1,06	2,35
Ставропольский край	161,3	5,79	13,65
Всего по пяти регионам	587,3	3,7	49,7

С учетом сказанного очевидно, что трудовые предпочтения южнороссийских армян и сферы их профессиональной самореализации в значительной степени определяют социально-профессиональную структуру всей российской армянской диаспоры. К настоящему времени армяне не только занимают важное место в различных сегментах реальной экономики юга России (производство, строительство, транспорт, сфера услуг и так далее), но и широко представлены во всех основных профессиональных сообществах и статусных иерархиях своих регионов. Вместе с тем уровень предпочтительности последних для южнороссийских армян существенно различается. Исследование данных предпочтений заметно осложняется закрытым характером информации о национальном составе сотрудников

1. Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, № государственной регистрации проекта АААА-А19-119011190184-2.

профессиональных групп. Для преодоления этого препятствия была разработана методика сопряженного анализа именных параметров (имени, отчества, фамилии) кадрового персонала.

С помощью данной методики было проанализировано более 75 тысяч представителей различных статусных профессиональных сообществ ведущих регионов юга России. Установлено количественное присутствие армян в данных статусных группах (всего около трех тысяч человек), а также рассчитан уровень их представленности (УрП) в каждой из этих групп. УрП рассчитывался как отношение удельного веса представителей общины в анализируемом профессиональном сообществе к доле армян в составе всего населения данного центра (региона). Этот показатель позволил выявить не только социопрофессиональные ориентации южнороссийских армян, но и наиболее приоритетные (и потому зачастую весьма успешные) для них сферы реализации своего человеческого потенциала, а следовательно, и основные направления концентрации статусного потенциала южнороссийских армянских общин в своих регионах.

Как показало исследование, из всех проанализированных статусных профессиональных сообществ юга России наиболее высоким УрП армян был в сфере здравоохранения, что отчетливо обнаружилось у медицинского персонала областных и краевых столиц (табл. 2).

Таблица 2
**Представители армянских южнороссийских общин
в профессиональных сообществах врачей региональных столиц**

Города	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	армяне	остальные	в данной группе	в населении	
Астрахань	18	887	1,8	0,8	2,28
Волгоград	25	1295	1,8	1,49	1,2
Краснодар	153	2427	5,6	3,64	1,53
Ростов-на-Дону	233	3017	7,2	3,83	1,89
Ставрополь	90	1393	6,1	4,51	1,34

Но привлекательность отдельных врачебных специализаций для представителей южнороссийских армянских общин колебалась в широком диапазоне. Наиболее распространенными среди них являлись профессии стоматолога, хирурга, онколога и гинеколога. Хотя и в большинстве других специализаций присутствие армян в профессиональных сообществах было выше, чем в структуре всего населения (табл. 3).

Определенная градация интереса армян, а следовательно, и уровня представленности, обнаружилась и внутри самих крупных специализаций. Так, в пределах стоматологии самой востребованной у южнороссийских армян была профессия стоматолога-ортопеда. В группе данных специалистов УрП представителей южнороссийских армянских общин достигал своего максимального значения: в Краснодаре — до 4,3; в Ростове и Ставрополе — 3,9.

Таблица 3

Количество и уровень представленности армян среди врачей ведущих медицинских специализаций региональных столиц юга России

Специальности	Астрахань		Волгоград		Краснодар		Ростов-на-Дону		Ставрополь	
	Ч*	УрП**	Ч	УрП	Ч	УрП	Ч	УрП	Ч	УрП
Гастроэнтеролог	1	9,75	1	1,53	1	0,36	5	1,28	—	—
Гинеколог	2	2,53	10	2,4	40	1,8	50	2,14	21	1,93
Дерматолог	—	—	—	—	13	1,5	8	1,31	4	1,64
Кардиолог	—	—	—	—	11	2,7	12	1,36	3	1,13
Невролог	1	2,15	—	—	4	0,77	23	2,18	8	1,36
Онколог	—	—	—	—	3	0,96	17	2,14	8	3,55
Педиатр	2	1,14	2	0,73	6	0,55	25	1,38	4	0,51
Стоматолог	7	5,32	5	2,2	46	2,65	61	3,32	12	1,69
Терапевт	3	1,39	1	0,33	10	0,71	14	1,06	18	1,43
Эндокринолог	—	—	2	1,8	4	0,82	15	2,82	1	0,52
Хирург	2	3,04	4	1,73	15	1,99	36	3,84	5	1,46

*—армяне среди представителей данной медицинской специальности (чел.)

**—уровень представленности армян в данной специализации

Преподавательская деятельность и сфера научных разработок привлекала представителей южнороссийских армянских общин в меньшей степени. Однако являясь старожилками в своих регионах, они уже не одно поколение были весомо представлены в основных областях высокой культуры юга России (литература, художественное искусство, музыка, театр, архитектура и градостроение), а также в науке и местных вузовских сообществах.

Социальный статус ученого, как и университетского преподавателя, в современном российском обществе остается достаточно высоким. И потому уровень присутствия представителей армянских общин в профессорско-преподавательских коллективах южнороссийских вузов, в том числе ведущих учебных заведений южного макрорегиона, продолжает расти. В настоящее время в значительном числе учебных заведений он превышает представительство остального населения (табл. 4).

Традиционно представителей региональных армянских общин несколько меньше привлекают естественно-научные и технические учебно-образовательные специализации, и в большей степени предпочтение отдается общественно-гуманитарному знанию. Причем интерес не ограничивается коммерчески востребованными направлениями (экономика, менеджмент, право). Не менее, если не более, привлекательными для южнороссийских армян являются и другие сегменты общественно-гуманитарной сферы, в том числе филология, журналистика, история (табл. 5).

Таблица 4
Армяне среди сотрудников ведущих региональных вузов

Вузы	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)*
	армяне	остальные	в данном вузе	в населении региона	
Южный федеральный университет	108	3865	2,7	2,55	1,05
Донской гос. технологический университет (Ростов-на-Дону)	48	1178	3,9	2,55	1,52
Ростовская гос. экономическая академия (РИНХ)	17	482	3,5	2,55	1,37
Кубанский гос. университет (Краснодар)	25	1179	2,1	5,34	0,39
Астраханский гос. медицинский университет	12	623	1,9	0,58	3,28
Волгоградский гос. университет	5	472	1,0	1,06	1,0
Волгоградский гос. медицинский университет	10	1036	1,0	1,06	0,91
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)	69	1826	3,64	5,79	0,63

* Учитывая, что студенческий контингент этих ведущих южнороссийских вузов формируется молодежью не только столиц, но и регионов в целом, уровень представленности рассчитывался исходя из региональных долевых показателей армянского населения.

Таблица 5
Армяне среди сотрудников подразделений разной специализации трех крупнейших университетов юга России

Учебные подразделения	Южный федеральный университет		Северо-Кавказский федеральный университет		Кубанский государственный университет	
	чел.	УрП	чел.	УрП	чел.	УрП
Естественно-научные и точные	40	0,84	21	0,7	4	0,2
Экономика, менеджмент, право	14	1,25	25	0,93	8	0,4
Остальные общественные и гуманитарные	54	1,35	23	0,38	13	0,47

Значительно представительство в южнороссийских армянских общинах лиц с ученой степенью. Наличие последней в настоящее время не является точным указанием на профессиональную принадлежность ее носителя к науке или высшей

школе, однако большинство «остепененных» сосредоточено именно в данных сферах. Важно то, что само наличие ученой степени, как правило, является свидетельством принадлежности человека к одной из статусных профессиональных иерархий (табл. 6). В настоящее время в трех ведущих южнороссийских регионах (Ростовской области, Кубани и Ставрополье) армяне по числу представителей с ученой степенью уступают только русским, что свидетельствует о значительном комплексном социокультурном потенциале южнороссийских армянских общин, не ограниченном лишь весомым представительством в науке или вузовской системе.

Таблица 6
Представительство армянских южнороссийских общин в группе «остепененного» населения своих регионов

Регионы	Общее число (тыс. чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	армяне	остальные	в данной группе	в населении региона	
<i>Лица с ученой степенью доктора наук, 2010 год</i>					
Ростовская область	78	2270	3,32	2,55	1,3
Краснодарский край	97	2410	3,87	5,40	0,72
Астраханская область	0	434	—	0,58	—
Волгоградская область	11	1247	0,88	1,06	0,83
<i>Лица с ученой степенью кандидата наук, 2010 год</i>					
Ростовская область	427	14088	2,94	2,55	1,15
Краснодарский край	457	12010	3,67	5,4	0,68
Астраханская область	38	2439	1,56	0,58	2,69
Волгоградская область	65	6023	1,08	1,06	1,02

Весьма представительным было присутствие армян и в различных сегментах судебно-правоохранительной сферы (адвокатские и нотариальные организации, суды, прокуратора, юридические отделы фирм и тому подобное). В области судебной и правоохранительной деятельности их более всего привлекала адвокатская практика. По сути, во всех южнороссийских регионах УрП представителей армянских общин в адвокатуре заметно выше единицы. Наибольший интерес адвокатская деятельность вызывала у армянского населения Ростовской области (табл. 7).

Таблица 7
Армяне в адвокатских сообществах южнороссийских регионов

Регионы	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	армяне	остальные	в данной группе	в населении региона	
Астраханская область	6	525	1,1	0,58	1,9
Волгоградская область	20	1274	1,5	1,06	1,42
Краснодарский край	271	4738	5,4	5,40	1,0
Ростовская область	177	2693	6,2	2,55	2,43
Ставропольский край	202	2781	6,77	5,79	1,17

Высоким уровнем материального обеспечения сотрудников и широкими служебными возможностями представителей региональных армянских общин привлекает система МВД. Если в советский период при приеме на работу в структуры МВД могли действовать определенные негласные установки, отдававшие предпочтение лицам славянской национальности, то к началу XXI века таковые были отменены либо перестали выполняться. В связи с этим число полицейских-армян во многих южнороссийских центрах выросло быстрыми темпами (табл. 8).

Таблица 8
Армяне среди участковых уполномоченных полиции ведущих городов юга России

Города	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	армяне	остальные	в данной группе	в населении города	
Ростов-на-Дону	25	176	12,4	3,83	3,26
Волгоград	6	237	2,5	1,8	1,7
Краснодар	9	151	5,6	3,64	1,53
Астрахань	2	75	2,6	0,8	3,3
Сочи	26	127	17,0	13,6	0,88
Новороссийск	5	64	7,2	3,4	1,76
Волгодонск	—	32	—	0,6	—
Новочеркасск	1	55	1,8	1,58	1,7
Таганрог	—	61	—	1,2	—

Существенно и то, что анализ штатного состава участковых по званиям, в некоторых крупных центрах юга России обнаружил повышенный процент армян среди младших и «средних» офицеров (лейтенантов, старших лейтенантов и капитанов), что указывает на постепенно растущее кадровое пополнение данного сообщества (табл. 9).

Заметно меньше было представителей южнороссийских армянских общин среди работников прокуратуры и в региональных судебных профессиональных сообществах (табл. 10), хотя и в данных сегментах судебно-правоохранительной сферы их присутствие постепенно росло.

Таблица 9
Армяне среди участковых-полицейских разного звания в ряде крупных городов юга России

Показатели	Лейтенанты, ст. лейтенанты	Капитаны	Майоры	Подполковники
<i>Ростов-на-Дону</i>				
Число (чел.)	10	8	6	1
Удельный вес, %	10,6	16,3	12,0	12,5
<i>Волгоград</i>				
Число (чел.)	5		1	—
Удельный вес, %	4,9		1,5	—

Показатели	Лейтенанты, ст. лейтенанты	Капитаны	Майоры	Подполковники
<i>Краснодар</i>				
Число (чел.)	5	2	2	—
Удельный вес, %	5,4	4,4	10,0	—
<i>Сочи</i>				
Число (чел.)	15	9	2	—
Удельный вес, %	18,1	23,7	7,1	—

Таблица 10

Армяне в составе высшего звена прокурорских работников Ростовской и Волгоградской областей

Регионы	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	—	—	—	—	
Ростовская область	5	189	2,58	2,55	1,01
Ставропольский край	—	41	—	1,06	—

Социально-политическая стабилизация российского общества начала XXI века была связана с укреплением административно-управленческой вертикали — не только с количественным ростом бюрократической прослойки, но и с повышением статусных позиций российских чиновников и депутатского корпуса с опережающим подъемом уровня их материального обеспечения. Обладание административным ресурсом зачастую превращалось в центральный фактор успешности экономической и любой другой деятельности.

В такой ситуации работа (соответственно, и карьера) в системе управления становилась привлекательной для представителей всех национальностей российского общества, и армяне не были исключением. В последние 15–20 лет их присутствие в органах законодательной и исполнительной власти южнороссийских регионов постепенно росло.

Хотя по отдельным территориям и центрам данный процесс был разнонаправленным, показательным в этом плане является сравнение уровня присутствия представителей армянской общины в законодательных собраниях двух крупнейших регионов юга России — Краснодарского края и Ростовской области. Если в краевой думе Кубани представители региональной армянской общины появились только в третьем созыве и максимального представительства достигли в период работы депутатского корпуса четвертого созыва с последующим сокращением своего присутствия, то в думе Ростовской области представительство армян шло по восходящей траектории и в настоящий момент в корпусе пятого созыва они составляют десятую часть всех депутатов (табл. 11).

Заметно различался уровень присутствия представителей армянских общин и в законодательных собраниях других регионов юга России, равно как и в городских думах крупных центров. В связи с этим важно отметить, что зачастую существовала прямая корреляция между уровнем представленности армян в депутатском корпусе и давностью их исторического пребывания в том или ином центре, а также общим социально-экономическим и демографическим потенциалом.

Максимальным представительство армян было в городских думах Ростова, Армавира, Сочи, Астрахани (табл. 12).

Таблица 11

**Представители армянских региональных общин
в депутатском корпусе законодательных собраний Краснодарского края
и Ростовской области разных созывов**

Созывы	Краснодарский край			Ростовская область		
	число, чел.	доля, %	УрП	число, чел.	доля, %	УрП
Первый	—	—	—	—	—	—
Второй	—	—	—	1	2,2	0,86
Третий	1	1,4	0,26	1	2,2	0,86
Четвертый	3	4,3	0,8	2	4,0	1,57
Пятый	2	2,0	0,37	5	10,0	3,9
Шестой	1	1,0	0,18	—		

Таблица 12

**Армяне в депутатском корпусе южнороссийских региональных
(городских) законодательных собраний текущих созывов**

Регионы, города	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	армяне	остальные	в данной группе	в населении региона	
<i>Депутаты законодательных собраний регионов</i>					
Ростовская область	5	45	10,0	2,55	3,9
Астраханская область	1	63	1,6	0,58	2,76
Волгоградская область	—	38	—	—	—
Краснодарский край	1	98	1,0	5,4	0,18
Ставропольский край	1	49	2,0	5,79	0,35
<i>Депутаты законодательных собраний крупных городов</i>					
Ростов-на-Дону	3	37	7,5	3,83	1,97
Новочеркасск	—	25	—	—	—
Таганрог	—	25	—	—	—
Волгодонск	—	25	—	—	—
Краснодар	2	43	4,4	3,64	1,2
Сочи	11	19	22,0	13,6	1,13
Армавир	5	23	21,7	8,47	2,57
Новоросийск	2	29	6,5	3,4	1,9
Ставрополь	—	30	—	—	—
Пятигорск	2	20	9,1	13,4	0,68
Волгоград	—	48	—	1,8	—
Волжский	1	33	3,0	0,81	3,74
Астрахань	1	44	2,2	0,8	2,78

Присутствие армян в высшем звене исполнительной власти южнороссийских регионов до настоящего времени остается весьма незначительным (табл. 13). Но можно предположить, что данное положение является временным и будет сохраняться лишь до того момента, когда на высшие этажи региональных структур исполнительной вертикали начнут выходить многочисленные представители региональных общин, начавшие свою профессиональную карьеру в последние 10–15 лет и в настоящее время пока еще занимающие нижние и средние уровни в данных управленческих иерархиях.

Таблица 13

Региональные правительства (заместители губернатора, министры, заместители министров, руководители департаментов)

Регионы	Общее число (чел.)		Доля армян, %		Уровень представленности армян (УрП)
	армяне	остальные	в данной группе	в населении региона	
Ростовская область	1	56	1,75	2,55	0,68
Краснодарский край	—	39	—	—	—
Волгоградская область	—	66	—	—	—
Астраханская область	1	42	2,32	0,58	4,0
Ставропольский край	0	56	—	—	—

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что южнороссийские общины армян в постсоветский период существенным образом расширили свое представительство в большинстве статусных профессиональных групп своих регионов и тем самым нарастили свой интегральный социокультурный потенциал, что не только свидетельствует о комплексном характере интеграции армянских общин в жизнедеятельные социально-экономические циклы своих регионов, но и позволяет им оказывать на эти циклы все более ощутимое воздействие.

Summary

Sergey Sushiy,

Doctor of Philosophy, culturologist, sociologist of culture, chief researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don)

Armenians in the status professional communities of the South of Russia in the early 21st century

In the post-Soviet period, the South Russian communities of the Armenians have significantly expanded their representation in most of the status professional communities of their regions (healthcare, science and higher education, the legal profession and law enforcement agencies, executive and legislative authorities). The noticeable growth of the general status and socio-cultural potential of the Armenian communities in recent decades testifies to their successful and comprehensive integration into the vital socio-economic cycles of the regions of the South of Russia.

Cultural Strategies of Hungarian Armenians: Armenism and Neo-Armenism¹

Kali Kinga

Writer, anthropologist, independent scholar, PhD studies
at ELTE European Ethnology (Budapest)

This study focuses on the recent cultural strategies within the first strata of the Armenian diaspora in Hungary aiming at the identity preservation—the cultural tendency that is the main driving force behind the re-Armenianization of our time and that I term “*neo-Armenism*”, alluding back to the movement of Armenism, which at the turn of 19th and 20th centuries promoted the redemption of Armenian identity, due to the fact that the two movements show many significant similarities². I call these processes cultural strategies as both target—in one way or another—the preservation of cultural identity of a diaspora group, but this will be discussed later on. In order, however, to understand the emergence of these cultural strategies and movements for the redemption of Armenian identity, as well as the necessity of their operation, we must briefly describe the Armenian minority in Hungary and its two main historical strata.

The first diaspora was constituted by the families and offspring of those erstwhile Armenian merchants and major animal breeders who massively immigrated from the Armenian centres in Transylvania³ for economic purposes, in order to exploit the potential in the Great Hungarian Plain. Due to assimilation, they have now fully merged into the Hungarian nation. They do not speak Armenian but are still conscious of their Armenian origin: they refer to themselves as “*Hungarian Armenians*”, just as the descendants of the Armenian settlers who decided to stay in Transylvania⁴.

The formation of the second strata was caused primarily by the 1915 Genocide in Turkey, as well as the historical events running up to and culminating in that Genocide in the Ottoman Empire. This wave of forced migration was launched by the violent anti-Armenian decrees of Abdul Hamid II, the Red Sultan, between 1894 and 1896, resulting massacres of the Armenians in Anatolia; just a few years later, the coming into power of the ultra-nationalist Young Turks led to ever more brutal measures, permitting the Turkish population to plunder, pillage, and kill without any limitation, which, as a rule, ended in mass lynching among the Armenian population. Initially, emigration was but sporadic, but after a time those who had survived the pogroms, deportations and the Genocide as such, fled the homeland in masses, scattering all over the world. The

1. Translation: Boldizsár Fejérvári, supported by Leibniz-Institut für Geschichte und Kultur des östlichen Europa (GWZO), Leipzig.

2. This process has been termed “*neo-Armenism*” by historian Judit Pál as well, and we came to the same conclusion independently of one another, as it turned out in April 2006 at the conference “*Armenian Diaspora in the Carpathian Basin II*” hosted by the Pázmány Catholic University. This coincidence, in my opinion, vindicates and justifies our thesis.

3. The four Transylvanian towns that have an Armenian church are Gheorgheni (Gyergyószentmiklós), Gherla (Szamosújvár/Armenopolis), Dumbrăveni (Erzsébetváros/Elisabethopolis), and Frumoasa (Csíkszépvíz).

4. The findings of my own field research (cf. interviews: *Kali K. Magyarörmény // “Látó”*. 2002, № 7, o. 49–81; *Kali K. Persián, Dávid, Agopian—egy örmény asszony visszaemlékezései // “Új Forrás”*. 2003, № 2; *Kali K. Egy örmény: hét zsidó // Világok (Bizánc és ortodoxia, ÁlomLátó, ÖrményLátó) / Ed. V. Gábor. Csíkszereda, 2012, o. 245–252).*

survivors of “*Mets Yeghern*”⁵ logically chose such countries as their new dwelling place where the Armenians already had a past, so a number of refugees settled in Hungary (and in Transylvania), joining the local diaspora that had fully integrated into and, apparently, assimilated to the Hungarian nation. Later on, these emigrant groups were joined by those Armenian families who sought refuge in Hungary in the wake of the events that took place in Armenia and in the Caucasus between 1988 and 1991: namely, the earthquake in Armenia, the Nagorno-Karabakh conflict and war, the civil wars in the Caucasian region, the disintegration of the Soviet Union and the general decline of economy.

It must be noted that though we are faced here with a migration wave spread over two distinct time intervals, even these latter immigrants must be considered to belong to the second diaspora strata. Despite the fact that almost a century had passed between the two waves of migration, their group characteristics are roughly identical and their level of assimilation is evidently far more modest than that of the first diaspora group, which identifies itself as “*Hungarian-Armenian*”. This (more or less homogeneous) group is called “*Eastern-Armenian*” by those of the first diaspora stratum. Its members, even in the second and third generations, still speak the Armenian language, which they are trying to teach to later descendants as well. Furthermore, they belong mostly to the Armenian Apostolic Church and follow predominantly Armenian customs in their domestic life as well⁶.

For the sake of comprehensiveness, we must add that here in Hungary there is a third emergent group whose characteristics resemble those of the merchant diasporas⁷: this circle is constituted by some dozen guest labourers and the families of a few of them, coming from Armenia and resettling in Hungary after the changes that have taken place in the Eastern European region. Interestingly, although they left Armenia at about the same time as a certain segment of the previous emigrant group of the 1980s and 1990s, this latter group cannot be called a “diaspora” proper. As it is marked by transitory features and fluctuates heavily—they are the “*Armenians of Kőbánya Market*”, for the field research has demonstrated that the members of this loose group have no intention to settle in Hungary in the longer run⁸. The newcomers do not have tight contacts either with the group of Eastern Armenians or the Hungarian Armenians; they only communicate with each other and, of course, those back home in Armenia, forming a more or less transnational community. For these reasons they cannot be deemed a diaspora, only a commercial interest group. At the same time, it is necessary to highlight the presence of this third group as indirectly it exerts an evidently powerful influence on the identity of the two diaspora groups, making them reproduce their Armenian identity, their own Armenian reality, through reminding and remembering⁹.

5. This is the Armenian name of the Genocide in Turkey, which translates as the “Great Calamity”, or “Massacre”.

6. Findings of my own field research (cf. *Kali K. Soul Food. Monographs on two Armenian cemeteries* // “Acta Ethnographica Hungarica”. Vol. 2 / Ed. by D. Dukai & G. Barna. Budapest, 2011).

7. This term was used by Michel Bruneau in his typology of diasporas, in order to trace the character and origin of the diasporas in their description (cf. *Bruneau M. Espaces et territoires de diasporas* // *Diasporas* / Ed. M. Bruneau. Montpellier, 1995, p. 5–23; *Kali K. Diaszpóra-terek* // “Látó”. 2001, № 3, o. 98–103).

8. Own field research at the market of Kőbánya/Budapest as well as in the homes of the “market Armenians” show: these guest labourers have not applied for Hungarian citizenship or established a relatively permanent home, while they decorate their homes with Armenian national symbols such as the Armenian flag, the compulsory painting or photograph of Mount Ararat on the wall; no less indicative is the fact that they invariably offer their guests Armenian brandy.

9. It is commonly known, for instance, that one can obtain nearly everything available at a Yerevan market “mano a mano” on the Kőbánya marketplace: lavash, sudjuk, basturma, Caucasian spices, fruit lavash, Armenian brandy, and even ready-made gata (cookies stuffed with flour, butter and sugar). This not only means a certain level of group accommodation but also the fact that the “market Armenians” occasionally serve other “Armenian demands” as well, but one must first know about them, of course. And with news obviously spreading by word-of-mouth within the community, sales are not official. This also supports the terminology of commercial interest group in this case.

But according to the minority law of Hungary, the two highly distinct historic diasporas discussed above are considered officially to belong to the same united Armenian minority. Act LXXVII on the Rights of National and Ethnic Minorities, passed by the National Assembly on July 7, 1993, states: “*For the purposes of the present Act a national or ethnic minority [...] is any ethnic group with a history of at least one century of living in the Republic of Hungary, which represents a numerical minority among the citizens of the state, the members of which are Hungarian citizens and are distinguished from the rest of the citizens by their own language, culture, and traditions, and at the same time demonstrate a sense of belonging together aimed at the preservation of all these, and the expression and protection of the interests of their communities, which have been formed in the course of history*” (Article 1, paragraph 2)¹⁰.

The emerging nominal group, however, can never be homogeneous, which means we must account for the superficiality and challenges of the law. Substantial differences, such as the command of the Armenian language, the affiliation with either the Armenian Apostolic or the Armenian Catholic Church, and the involvement in the Genocide, delineate the two strata, often resulting in conflicting interests between the respective groups. So, when one intends generally to speak about the Armenians in Hungary, must acknowledge that there is not one continuous group but the interaction of several historic diaspora strata which, though settled within a single country, are not devoid of conflict. Hence when we describe the identity preservation procedures they employ, greater circumspection is required in terms of applying appropriate group markers¹¹.

Nevertheless, in order to grasp the causes of that conflict of interest within the Armenian diaspora strata in Hungary, one needs to take a closer look at the group reproduction strategies of the different diaspora layers.

For a century after their 1672 settlement in Transylvania by Prince Michael I Apafi, Armenians were treated by Hungarian legislation as foreigners with special legal status; as time passed by, however, the distinction between the merchant elements and the estates became increasingly blurred. Though initially they were not permitted to acquire land or hold state office, their legal integration came about in 1776, from which date they were entitled to hold public office, that is, share the rights and duties of majority Hungarians. This they conceived of as victory, aspiring to become ever better Hungarians, adopting new trades, undermining family traditions. In the early 19th century, modernization accelerated the loss of the Armenian language. The younger generations sprayed out into the larger cities of Hungary and Transylvania. Armenians obtained nobility and landed estates and, by the 1840s, became proud Hungarians, even adopting Hungarian surnames. They wanted to become Hungarian, so the preservation of their traditions was pushed back in their set of social value preferences¹².

During their assimilation the Armenians abandoned their language and relegated their own traditions, so today the Hungarian Armenians in Hungary, as well as in Transylvania, identify themselves primarily as Hungarians¹³. It must be added that the emphasis on this Hungarianness is especially relevant among the Hungarian Armenians

10. Act CLXXIX of 2011 (On the Rights of Nationalities), however, has finally recognized the Armenians in Hungary as a bilingual (Hungarian and Armenian) nationality.

11. Cf. Kinga K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról // Örmény diaszpóra a Kárpát-medencében. II: Művelődéstörténeti Műhely—Felekezet és identitás sorozat / Ed. S. Óze, B. Kovács. Piliscsaba, 2007, o. 145–155.

12. The chronological overview relies largely on the work of historian Pál Nagy (cf. Nagy P. Az „örmény kérdés” és a magyarországi örmények a XIX. század végén és a XX. század elején / MA thesis. Szeged, JATE BTK. Supervisor: Dr. Sajti E. 1990; Nagy P. Armenizmus: örmény identitás és kulturális ideológia a XIX. század végén Erdélyben // “Baranya. Történelmi közlemények”. VII–VIII / Ed. I. Ódor. 1994–1995, o. 221–230).

13. Káli K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról, o. 151.

in Transylvania, where the minority status of Hungarians has a significant bearing on the Hungarian-Armenian identity¹⁴. Namely, the descendants of the Armenians living in Transylvania uniformly declare that they must identify themselves primarily as Hungarians as opposed to the Romanians, while their Armenian identity is secondary¹⁵, a “dash of colour in the Hungarian landscape”, so to speak¹⁶. The “Armenianness” of the Hungarian Armenians both in Hungary and in Transylvania is situational, only emerging in certain contexts; their identity is relative, based on the environment. While they had a plural identity at the turn of the 19th century, the intellectual elite, at least, defining itself culturally Armenian and politically Hungarian, along the lines of Armenism, today their identity is rather positional¹⁷. What I mean by “positional identity” is the fact that the Armenian character comes to the foreground in connection with reminding¹⁸ through, for example, religious festivals¹⁹ and commemorations focused on the Armenian (trans)nation (lately also in Hungarian-Armenian book or album presentations, scientific and art lectures, musical performances, gastronomy events, Armenian festivities or club meetings)—and thus identity is situation-governed²⁰.

Thus, the Armenian or Hungarian character of Hungarian Armenians surfaces according to the reminders, where reminders denote the set of those influences which daily

-
14. Cf. Kali K. A gyergyószentmiklósi magyar-örmények etnikus szimbóluma: a Vörös Köpenyegesek ünnepe // *Tanulmányok a magyarországi bolgár, görög, lengyel, örmény, ruszin nemzetiség néprajzából* / Ed. E. Eperjessy. Budapest, 1996, o. 145–167; Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról.
15. The findings of my own field research: in Romania, the negative discrimination against Hungarians and the power structures prior to 1989, forcing assimilation, led to the fact that Hungarian Armenians should declare themselves first and foremost as Hungarians, in opposition, as it were, to the aggressive assimilation. And in this respect, it is indifferent whether that discrimination is real or only presumed on the basis of real examples, present as an inner continuity. In 1995, Zsolt Magyarai Sáska, my interviewee in Gheorgheni, who was only 21 at that time, expressed this as follows: “There’re few of us, Hungarians. I believe today our Hungarianness is more important than our Armenianness” (cf. Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról, o. 151).
16. The findings of my own field research in Transylvania. Interviewee Zsolt Magyarai Sáska from Gheorgheni stated the same back in 1995 (Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról, o. 155): “For me being Armenian is a dash of colour in the Hungarian landscape. So, when you have to choose, say, that well, what am I, then, it depends on where you’re asked. In a fully outer environment, whatever, in another city, for example, then you’re Hungarian. Or at least I say so. Especially in a Romanian environment you should be Hungarian. Because Armenians as a national fragment exist as an origin and a tradition. That only applies to Gheorgheni, now! But in the eyes of the Romanians, I’m politically Hungarian. And then why would you confuse them? But when I’m asked here within the town—our classmates had known it all along, of course—then I’m Armenian. There’s something inside that tells me I’m Armenian too: when I read something about them, I’m shaken. You should be Hungarian, but if you can allow, in a certain environment, to be Armenian, that’s a valuable, a nice thing. When I get to know someone more closely, it always comes to the surface that I’m Armenian—I spread that myself!—but I don’t tell it straight away”.
17. It was Clifford Geertz who first described cultural identity as a situational identity, in terms of the Bali religious system (cf. Geertz Cl. *Religion as a cultural system* // *The interpretation of cultures: selected essays* by Cl. Geertz. London, 1993, p. 87–125; Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról, o. 151).
18. In cultures of small entropy—that is, cultures where there are scarce markers promoting the reproduction of the identity—the existing symbols must be overemphasized. The rarer the markers promoting information preservation, the greater information value they carry. Due to the lack of ethnic specificities, a community must create its own symbols that serve as reminders and ensure the continuity of the identity. If there are but few such symbols, the community must make reminding more frequent (cf. Andor C. Jel—kultúra—kommunikáció. *Interdiszciplináris szempontok a kultúrakutatásban*. Budapest, 1980, o. 191–195). Certain markers of gastronomy or even the simplest objects may develop into symbols if, embedded in a context, they are capable to revive the communal past among the members of the community. In Communist Hungary, for instance, at a time that did not allow free travel, the Greeks fleeing the civil war in Greece and establishing their community in Beloiannis, lined up empty bottles of Metaxa as similar reminders. These symbols became devalued after the fall of the regime (findings of my own field research.)
19. New Year’s Day, Easter, Corpus Christi Day, Day of St. Gregory the Illuminator, Mary’s Feast, St. Nicholas’ Procession, Christmas.
20. “On weekdays we are Hungarian, at the weekend, in church, Armenian”, as Zsolt Magyarai Sáska fittingly put it in terms of positional identity, back in 1995 (cf. Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról, o. 151).

affect the individual and shape their identity consciousness. Temporarily, the proportion of identity components may change, but no identity component is ever suspended²¹.

Under these circumstances the members of the second diaspora, the Eastern Armenians, defensively refuse the example of assimilation, which seems rather negative to them, and identify the Hungarian-Armenian group as a host community instead of an Armenian diaspora linked to them in any way. After all, their experience of the homeland is also different. Since the Hungarian Armenians have no “clear Armenian world” of their own, or that world is not distinctly separated from that of the Hungarians, the so-called Eastern Armenians do not accept them as a part of the Armenian diaspora, despite the nominal community arising from the minority legislation. They assume hardly any community or interaction with them²². Hence the difficulty of establishing the figures of the Armenian minority in Hungary (as well): both groups have their own different estimates for the Armenians living in the country²³.

While the group of Eastern Armenians is reproduced externally through immigration from Armenia and Karabakh, the group of Hungarian Armenians in Hungary and Transylvania cannot expect such external reproduction, so they attempt to cater for that within the group, through enhancing the Armenian identity consciousness of potential group members even across national borders. As a rule, the Hungarian Armenians in Hungary maintain more intense connections with the Hungarian Armenians in Transylvania than with the post-genocide immigrant Armenians from Turkey, Armenia, or even Karabakh, Syria or Lebanon, who still speak the Armenian language, even if the latter might be living in the same city (the findings of my own field research).

It must therefore be stressed that among Hungarian Armenians, a peculiar “transnationality” can be observed: in addition to the consciousness of common origins, it is self-justification and mutual recognition that links the Hungarian and Transylvanian communities, a certain mythical and sentimental connection with the minor homeland, Transylvania²⁴; their connection with Armenia is, in contrast, rather referential. This geographically extensive, transnational community is far more homogeneous than the

21. The findings of my own field research: in Gheorgheni, for example, members of the Hungarian-Armenian community sing the numbers of the Armenian Catholic liturgy as much as the Hungarian anthem at the end of the mass; or in the same churchyard, little girls dressed in Szekler attire scatter roses before the Armenians in their traditional red capes at the Corpus Christi procession. Or the reverse: the Hungarian Armenians in Budapest sometimes make “angadjabour” soup on the otherwise “Hungarian” weekdays as well (cf. *Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról*).

22. They dub them “*coffeehouse Armenians*”, a term confirming their positional identity. In recent years, as conflicts sharpen, they refer to the Hungarian-Armenian diaspora group more and more as “roots”, half joking, half mocking, with a reference to the Transylvanian Armenian Roots Cultural Association established in 1997 and its Hungarian-Armenian fellowship; they thus express their doubt concerning the roots of this group defined by Hungarian Armenians as Armenian. On the other hand, one cannot overlook the fact that in Hungarian slang, “root” (“gyökér”) also denotes “uneducated”, “uncouth”, “rude” people, which sense results in a patronizing attitude on the one side and sufficiently justified sulkiness on the other (the findings of my own field research).

23. The report on the minorities compiled by Parliament in 1996 estimated the figure of Armenians in Hungary between 3,500 and 10,000 referring to the data provided by the People of Armenia Cultural Association (Arménia Népe Kulturális Egyesület) established in 1992 (1,000 to 1,500 families, i. e. approx. 3,500 people) and by the National Armenian Self-Government (Országos Örmény Önkormányzat) founded in 1995 (approx. 10,000 people). This in spite of the fact that only 37 people declared Armenian as their mother tongue at the 1990 census, with 48 stating they spoke the Armenian language, and 207 saying the same in 2001.

24. Nowadays the Hungarian Armenians in Hungary aid the Hungarian-Armenian community in Transylvania, the minor homeland, just as the major agricultural players and wealthy merchants on the Great Plains helped financially the communities that stayed in Transylvania after the scattering of many Armenians in the late 18th and early 19th centuries—today the same can be observed in the connection of transnational Hungarian-Armenian communities. This assistance, however, I believe to be a two-way traffic; in grosser terms, it is not “disinterested”, as it never was so—each gesture of aid serves periodically to reaffirm the Armenian identity, to strengthen the roots, and to reproduce the belonging together with those that “stayed at home”. This fact also supports my assumption that Hungarian Armenians belong to one and the same transnational community, both in Hungary and in Transylvania.

“group” described (by law) as the Armenian minority in Hungary, a collective of a very loose cohesion.

The fall of the Communist regimes on the Central European scene by default turned the attention of the nations and ethnic minorities living here towards their own identities—and of course the cultural escapism resulting from the relative and long-term isolation of the region is not the sole reason for this²⁵. In Hungary, a reformulation of Hungarian-Armenian identity was fostered by the arrival of the new waves of Armenian immigrants at around the turn of the 1980s and 1990s, whether intending to settle here or merely to work as guest labourers. Their migration served the function of a type of reminding which also required the redefinition of the Armenian identity of the first diaspora, the Hungarian Armenians. Upon this urgent need the minority law of 1993 and the criteria/provisions for ethnic self-government were superimposed, entailing their complex and intriguing consequences, which require separate research as they created a discrepancy between the two diaspora strata. This indirectly gave a renewed impetus to the identity reproduction strivings of the Hungarian Armenians. Since this group could not rejuvenate itself with the help of new settlers coming from the outside, as apparently it had already fully assimilated into the Hungarian body in its language and habit, a new cultural strategy was needed, which would allow a renewal from within, activating its own potential members, especially in the years following the passing of the Act on the Rights of Minorities. This cultural strategy is what I conceive of as a continuation of the Armenism that took place at around the turn of the 19th and 20th centuries, and hence I propose the term “*neo-Armenism*” to denote it.

In our time, therefore, the Hungarian Armenians in Hungary (and Transylvania) somehow continue the same cultural ideology that Armenism launched from Transylvania and expanding over Hungary represented in the late 19th century. This began in Armenopolis in the 1880s and 1890s, a period that is traditionally seen as a period of “national awakenings” in history.

What social and historical conditions necessitated and fostered the emergence of the movement of Armenism²⁶? Fluctuation and the streaming out of the economic elite led to a loosening up of Armenian communities in Transylvania; this accelerated the process of assimilation. Although the Hungarian law treated Armenians as aliens of special status, but the distinction between the merchant elements and the estates became increasingly blurred. Initially they were not permitted to acquire land or hold state offices, as I have already mentioned above. But after their legal integration in 1776, they were permitted to hold public offices, and to share the rights as well as duties of Hungarians. This they evidently conceived of as victory, aspiring to become ever better Hungarians. Legal integration entailed the acquisition of land, leading to a higher degree of territorial mobility and, indirectly, intensifying animal breeding on the Great Plains. Parallel the

25. The lasting seclusion of these regions leading to an escapism necessitates an examination of the phenomenon of honorary Armenianness; it is especially among more isolated communities in Transylvania that non-Armenians are invested with this prestigious status. In Gheorgheni, for instance, this rather isolated part of the Gheorgheni Basin, which has a unified Szekler community of radical Hungarian national sentiment, even Armenianness by marriage and honorary Armenianness are distinguished; this fact suggests that being Armenian represents a social status within the group of Hungarians in Transylvania—which can, perhaps, be attributed to escapism or long-term seclusion. Further research, however, must probe into how far this phenomenon is established exclusively by exotic multiculturalism in a region where travelling and an outlook on the wider world were hindered by the power structures of a political regime, but where the presence of Armenians has been emphatic for several centuries (cf. *Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról*, o. 145–146).

26. In surveying the historical causes, I rely on the aforementioned work of historian Pál Nagy (cf. *Nagy P. Az „örmény kérdés” és a magyarországi örmények a XIX. század végén és a XX. század elején; Nagy P. Armenizmus: örmény identitás és kulturális ideológia a XIX. század végén Erdélyben*).

economically motivated geographical migration of the Armenian families, social mobility was also on the uptake. In Transylvania, the traditional Armenian occupations—cattle and leather trade—lost their significance, giving way to new trades, resulting in a shattering of family traditions and cultural discontinuity. The younger generations moved to the larger cities of Hungary and Transylvania. In the early 19th century, modernization accelerated the loss of the Armenian language: in the Armenian settlements, the minutes and records of various societies and guilds were no longer kept in Armenian but in Hungarian, and the same went for journals and even ecclesiastic documents and protocols. And the secondary communities merged into the majority society at an even greater speed, not having either an Armenian Catholic parish or any autonomous body of administration that might help them preserve their identity²⁷. The strategy of elite merchant and tanner families soon grew exemplary: they obtained nobility and land, and by the 1840s proudly professed their Hungarianness, even adopting Hungarian surnames. This rise in social standing meant that they would scorn poorer Armenians not speaking Hungarian so well, trying to isolate themselves from that group: they *wanted* to become Hungarian, while the preservation of their traditions was relegated from their set of social value preferences²⁸.

This was the first cleft in the national identity of the Armenians. The reshaped social circumstances changed the meaning of being Armenian. The Armenians were faced with a choice: whether to keep their ethnic characteristics and stand socially separate on the basis of their privileges or to rise in society through integration and a repression of typical Armenian features²⁹.

But history decided this question in favour of forceful assimilation; the administrative reorganization promoting modernization after 1848 and even more so after 1867, all served this purpose. In the Bach Era the autonomy of Armenian societies was annulled in 1850s, while former free royal cities Armenopolis and Elisabethopolis lost their privileges in 1870. In 1873 the Mercantile Forum was permanently dissolved, the guild structure evaporated. The boys' school in Armenopolis was dismantled in 1850, following the disbanding of the girls' school. Armenian language teaching was relegated to the curriculum of the Hungarian school. The Austrian authorities banned the Armenian school in Gheorgheni in 1849. From 1860 onwards, the Armenian children learned to read and write Armenian, but then they would carry on education in the Hungarian

27. Such sporadic communities emerged, for instance, in Petele (present-day Petelea), Bonyha (Bahnea), Felfalu (Felfaläu), Csíksomlyó (Șumuleu Ciuc), Gyulafehérvár (Alba Iulia), Görgényszentimre (Gurghiu), Szárhegy (Lázarea), Ditró (Ditrău), Alfalu (Alfaläu/Joseni), Gyergyóremete (Remetea), Maroshévíz (Toplița), Tölgyes (Tulghes), etc.

These were raised mainly by those merchants and craftsmen of more modest finances who were forced to move out of the settlements having their own churches due to the saturation of the market (cf. Nagy P. Armenizmus: örmény identitás és kulturális ideológia a XIX. század végén Erdélyben).

28. This social metamorphosis, which the Armenian community was undergoing, can be traced in the Hungarian-Armenian literary works of the period. The descriptions, anecdotes, and feuilletons about the contemporary society are of high value for sociological research, even though composed with a fictional intent. The writings of Tivadar Törös, native of Armenopolis, are reliable period documents in this respect: his protagonist, Vártán Áfgánisztán (occasionally Áfgánisztán or Áfganisztán), has a brilliant rhetoric ability, very picturesquely parodying this transmutation, for which Törös was actually excommunicated by the Armenian community. Elemér Bányai (signed Zuboly after his newspaper articles), another Hungarian-Armenian author from Armenopolis, also hints at the same social phenomenon in his more moderate stories (cf. Törös T. Áfgánisztán Vártán ürmény-magyar kalendáriuma válogatott trifás iszmagásakkal. Szamosújvár, 1882; Törös T. Áfgánisztán Vártán humorisztikus kalendariuma 1883-ra. Kolozsvár, 1883; Bányai E. Az örmény metropolis // "Az Országos Örmény Önkormányzat és a Budapest": kerületi Örmény Önkormányzat kiadványa. XVI. Budapest, 2001, o. 16). Even the cycles of stories written by non-Armenian Gyula Pálffy trace the same novelties, from the opposite perspective of Hungarian observers, presented with a critical edge (cf. Pálffy G. Szenkovits Marci mókái. Maros-Vásárhely, 1909).

29. Cf. Nagy P. Armenizmus: örmény identitás és kulturális ideológia a XIX. század végén Erdélyben.

language. From 1881, even this system was ceased, and the Armenian “school” was fully merged into the Hungarian one³⁰.

Thus, the Armenian language, formerly used in households, became gradually “archived,” gaining an increasingly exotic touch to it, while the language loss sped up. Assimilation was also assisted by mixed marriages and religious reversals. By the end of the 19th century, the professional metamorphosis had come full circle; many Armenians would now study medicine or law, or work in the banking sector. Among the ranks of these “new men,” the macrostructural bearing of Hungarian identity surpassed the microstructural alignment with the Armenian nation, while identity disturbances occurred due to the assimilation process. At the turn of the century, Armenian identity could be described as dual or even plural: culturally Armenian, but politically Hungarian³¹.

Amidst such historical and social circumstances, the first movement to redeem Armenian identity was launched. “Armenia,” the monthly review of Hungarian Armenians was founded by Kristóf Szongott and published between 1887 and 1907³². It created an intellectual circle that from the 1880s onwards strove to solidify (and promote) the cultural ideology of Armenism³³. The movement of Armenism was not the only cultural identity constructed by intellectuals in the historical period of national awakenings; it is very similar, for instance, to the Occitan identity redemption efforts in France at roughly the same time, initiated by Provençal authors issuing almanacs written in the Occitan language, thus enabling the encouragement of the broadest possible layers of society to help save traditional values³⁴.

What intensified the Armenian consciousness of national culture was an urge among Armenian intellectuals to understand and explain both to themselves and outwards to the Hungarians—which position the Armenians occupied in Hungarian society³⁵. All assimilation processes reach this phase: Armenians tried to come to terms with Hungarianization. Their peculiar apology continues, so to speak, down to the present day³⁶. On the one hand, they wanted to vindicate the exceptional nature of the Armenian nation in world history; an emphasis on being elect always serves a defensive purpose within a given culture. On the other hand, they strove to underpin the view that Armenians are indispensable in Hungarian history³⁷.

Under such circumstances was the movement emerging about the “Armenia” periodical launched by the Armenian intellectual elite to redeem Armenian identity; its spreading was further urged by the worrying news in the Hungarian and Transylvanian press about the Armenians massacred in the Ottoman Empire between 1894 and 1896³⁸. In my opinion such coverage shook up the community of Hungarian Armenians, fostering the reformulation of being Armenian. The necessity and cultural ideology of the Armenism movement were first laid out by Gyula Merza in the 1895 issues of *Armenia*. The manifesto centred upon the need simultaneously to be a Hungarian patriot and live

30. *Ibid.*

31. *Ibid.*

32. Issues of “Armenia magyar-örmény havi szemle” (1887–1907).

33. Cf. Kali K. A gyergyószentmiklósi magyar-örmények etnikus szimbóluma: a Vörös Köpenyegesek ünnepe; Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról.

34. That movement, however, links to local identity, while its purpose is to perpetuate a Southern French dialect ousted from everyday usage by the official version of the French language (cf. Blanc D. Lecture, écriture et identité locale. Les almanachs patois en pays doc (1870–1940) // “Terrain”, 5 (October 1985), p. 16–28).

35. Cf. Nagy P. Armenizmus: örmény identitás és kulturális ideológia a XIX. század végén Erdélyben.

36. Kali K. Vasárnapi örmények—valami a pozicionális identitásról, o. 153.

37. *Ibid.*, p. 149–150.

38. Cf. Poósz L. Az örmény népiartásról és erdélyi visszhangjáról // “Látó”, 2008, № 4.

an Armenian life. But it was not until the 1890s that the movement got going, advocating the preservation of Armenian characteristics and the cultivation of Armenian traditions: that is, promoting how to be a good Hungarian besides preserving one's Armenianness.

In our time, roughly the same procedure is taking place among Hungarian Armenians as about a century ago, at the *fin de siècle*. We can witness a unique process of re-Armenization. Due to external influences, the Hungarian-Armenian elite has once again embarked on a mission of identity redemption, or, rather, construction, gradually involving the Hungarian-Armenian intellectual elite in Transylvania as well. This, as it were, continues the erstwhile ideology of Armenism. In the long run, this not only has a bearing on the identity of Hungarian Armenians in Transylvania, reinforcing it, but also sharpens the conflicts between the diaspora groups in Hungary as well (the findings of my own field research).

After passing the Act on the Rights of Minorities, the first, Hungarian-Armenian diaspora group felt a burning need to reformulate being Armenian. Just like the former Armenists, they wanted to explain the unique place of the Armenian people in Hungarian history; they rationalized the loss of the language in the same way; they vindicated the same heroic position for Hungarian Armenians in Hungarian history. The new ideology, henceforth justly termed as neo-Armenism, continued in the operations of the Transylvanian Armenian Roots Cultural Association (Erdélyi Örmény Gyökerek Kulturális Egyesület) founded in Budapest in 1997, as well as through its monthly periodical, the "Transylvanian Armenian Roots Booklets" (Erdélyi Örmény Gyökerek Füzetek), published in Hungarian³⁹. Primary among the strivings for the redemption of Armenian identity are the cultural evenings of the Metropolitan Armenian Club (Fővárosi Örmény Klub), focusing foremost upon the culture of the Armenians of the minor homeland, Transylvania, as well as hosting temporary events and Armenian cultural programmes in connection with historical events, reminding ever again the Hungarian Armenians of their roots. Every such act of commemoration thus also emphatically reminds the Hungarian Armenians of the long embeddedness of the Armenians in Hungarian history. Among the Hungarian Armenians today, an equally central place is occupied by self-justification as a factor of identity reproduction; suffice it to refer to the annual commemoration of the heroes of Armenian origin of the Revolution of 1848.

The divergent trends of identity reproduction are also conspicuous within the periodical and book publications of the two major historical strata of the Armenian diaspora in Hungary. The Eastern Armenian group turns primarily towards the themes of Armenian mythology and history, paying special attention to the Armenocide of 1915 and its literary representations⁴⁰; their periodical(s), now "Armenia" and "Ararat" before, give a coverage of Armenia-related news from all around the world as well as politics in the fatherland. Conversely, the group of Hungarian Armenians understandably focus more on the Armenian aspects of the Transylvanian Armenian homeland, discussed in the publications of the Transylvanian Armenian Roots Cultural Association and the district minority self-governments controlled by the Hungarian Armenians. Just to mention a few of the eligible topics: Transylvanian Armenian gastronomy, the coats-of-arms of former

39. Issues of "Erdélyi Örmény Gyökerek Füzetek" (1997–2021). At approximately the same time, Armenia was relaunched in Kolozsvár (Cluj) as well, though it would never regain its one-time cultic role among Hungarian Armenians that its precursor from Armenopolis had.

40. See, for instance, *Hájk és Bél harca. A régi örmény irodalom kincsestára. I. Ókor–középkor* [The Struggle of Hayk and Bel. Treasury of Early Armenian Literature. Vol. I: Antiquity and Middle Ages] / Sel. and ed. by Schütz Ö // *Bibliotheca Caucasicca. Series Armenica. Vol. I. Szombathely, 1995; Tanulmányok az örmény népi társasági témaköréből* [Studies on the Armenian Genocide] / Sel. and ed. by P. Krajesir, G. Dzsotján / Published by Ararat Kulturális Egyesület. Dorog, 2008.

Hungarian-Armenian families, genealogies of Hungarian Armenians, literary works about the Hungarian-Armenian past, as well as searchable DVD publications of public interest, including all issues of the “Armenia” (Hungarian-Armenian Monthly Review) or the *Örmény és Magyar A, B, C Könyvetske* (Szamosújvár, 1834), or the *Gyakorlati örmény nyelvtan* (Venice, 1876)⁴¹.

While we shall not enumerate in detail the manifestations and achievements of neo-Armenist tendencies here, it is important to highlight the events of the MusicAgape (spiritual music, sacred music) that attracts the Armenian Christians to church; after the Sunday mass celebrated in the Armenian Catholic church, once per month, Armenian musicians and singers proffer a small concert to the parish, as part of the feast of love.

As one of the largest-scale efforts at identity reproduction, however, one must mention the publication of monographs giving a detailed account of Armenian cemeteries in Transylvania. Two such books have been printed so far, Attila Balázs-Bécsi's “A szamosújvári magyar-örmény katolikus temető monográfiája” (Monograph of the Hungarian-Armenian Catholic Cemetery of Armenopolis) and Sarolta Issekutz's (editor) collection of essays “Örmény halottkultusz és temetkezés: Erzsébetváros és örmény katolikus temetője” (Armenian Cult of the Dead and Burial. Elisabethopolis and its Armenian Catholic Cemetery)⁴². The publication of these cemetery monographs can almost be interpreted as an act of activism on the part of the neo-Armenist movement, as well as a collective recollection of Armenian descent; its purpose is to mobilize, to turn the attention towards the Armenian past through remembering the ancestors, and to call to action in terms of preserving and safeguarding the objective reminiscences of Armenian shrines. This goal has probably been achieved too, as the sheer preparation of the monograph launched an avalanche of cemetery preservation actions, both in Armenopolis and in Elisabethopolis, involving school pupils as well⁴³. Both volumes thus focus on the problems of territoriality or, rather, extraterritoriality. Insofar as we accept that diaspora is the utopia of extraterritoriality⁴⁴, these two cemetery monographs can be taken as a symbolic materialization of the myth of return within the Hungarian-Armenian community, which of course cannot ever coincide with actual territorial revisions; in more poetic terms, it is rather like a “collective swan song”. The cemetery redemption movement emerging in the wake of the publication work is a cultural gesture through which a group that has apparently completed its course of assimilation attempts to sustain its continuity on the level of collective memory, evoking and thus resuscitating the ancient past.

To conclude, let us take a look at some objective facts. According to the 2001 census of Hungary, 1165 people declared themselves to be Armenian, of whom 294 spoke Armenian as a mother tongue; 213 thereof were born abroad, the rest, 81 people, born in

41. See, for instance: Erdélyi örmény konyha, fűszerezve [Transylvanian Armenian Cuisine, Spiced]. Vol. 11 / Ed. S. Issekutz / Published by Erdélyi Örmény Gyökerek Kulturális Egyesület. Erdélyi Örmény Múzeum. Budapest, 2008; *Örmény—Magyar A, B, C Könyvetske* [Armenian and Hungarian ABC Booklet]. Szamosújvár, 1834; *Gyakorlati Örmény nyelvtan* [Practical Armenian Grammar]. Velence, 1876. Searchable DVD publication. Published by Erdélyi Örmény Gyökerek Kulturális Egyesület. Erdélyi Örmény Múzeum. Vol. 12. Budapest, 2009. Equally remarkable is the commemoration of the Genocide and the tribute to its victims, as exemplified by such publications as *Hovhanniszjan N. Az Örmény Genocídium* [The Armenian Genocide]. Published by Erdélyi Örmény Gyökerek Kulturális Egyesület. Erdélyi Örmény Múzeum. Vol. 10. Budapest, 2007.

42. Balázs-Bécsi A. A szamosújvári magyar-örmény katolikus temető monográfiája / Kiadja a Budapest Főváros XI. Kerületi Örmény Kisebbségi Önkormányzata. Budapest, 2002; *Örmény halottkultusz és temetkezés. Erzsébetváros és örmény katolikus temetője* / Szerk. S. Issekutz / Kiadja az Erdélyi Örmény Gyökerek Kulturális Egyesület. Erdélyi Örmény Múzeum. Kötet 13. Budapest, 2009; *Kali K. Soul Food. Monographs on two Armenian cemeteries.*

43. In the case of Armenopolis, special attention must be paid to the youth of the Téka Foundation and their leading instructor, who spared no time and energy to save the cemetery; the activities of burial research and cemetery mapping are rather unusual among schoolchildren (cf. *Kali K. Soul Food. Monographs on two Armenian cemeteries.*)

44. To quote the *bon mot* of demographer Stéphane de Tapia.

Hungary but speaking Armenian as their native language. Of all those professing to be of Armenian ethnicity, a mere 366 were born abroad, with 141 born in Armenia. According to the 2011, in turn, 3571 people declared in one way or another to belong to the Armenian ethnicity and culture, of whom 3293 professed to be actually of Armenian nationality; 444 people declared Armenian as their mother tongue and 496 said the Armenian language was used domestically—in the family and among friends⁴⁵. The 2011 census data still await closer examination on my part in the context of neo-Armenism, but I dare to formulate my prospective thesis that, in comparison with the data of 2001, the Armenian presence in Hungary has statistically tripled, which can be attributed to the success of neo-Armenist initiatives and is a consequence of those.

Резюме

Кали Кинга,

писатель, антрополог — независимый исследователь, докторантура
по Европейской этнологии в Университете имени Этвёша Лоранда (Будапешт)

Культурные стратегии венгерских армян: арменизм и неоарменизм

Статья нацелена на сравнительный анализ двух основных слоев армянской диаспоры в Венгрии, сформировавшихся в разные исторические периоды. Представителями раннего армянского сообщества являются потомки тех семей армянских купцов и скотоводов, которые в XVIII веке переселились из Трансильвании, в основном из населенных армянами городов и поселений: Герлы (Арменополис, Самошуйвар), Георгении (Гергиосентмиклош), Думбрэвени (Элизабетштадт), Фрумоасы (Чиксепвиз). Второе сообщество (так называемые восточные армяне) возникло вследствие гонений армян в Османской империи в период правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909 гг.), переросших вскоре в геноцид (1915–1923 гг.). Сотни тысяч беженцев-армян разбрелись по миру. Часть их оказалась в Венгрии. В 1988–1991 годах к ним присоединились новые семьи армян-переселенцев. Одни искали убежище после Спитакского землетрясения в Армении, другие мигрировали из-за межнациональных конфликтов и экономического упадка, последовавших после распада СССР.

Законом 1993 года о национальных меньшинствах в Венгрии эти две группы, исторически разные, были объединены в армянское национальное сообщество, которое, разумеется, таким образом не стало однородным. Существенные отличия, выражающиеся в уровне владения армянским языком, принадлежности к лону Армянской апостольской церкви или Армянской католической церкви, память о геноциде, проводят границу между двумя сообществами и даже выявляют конфликт интересов между ними.

Основное внимание в статье уделено нынешней культурной стратегии внутри первого сообщества, направленной на сохранение идентичности и являющейся основной движущей силой реарменизации его членов. Ориентируясь на движение арменизма, которое на рубеже XIX–XX веков способствовало сохранению

45. Referring to the census results published by the Hungarian Government in 2001 and 2011, respectively.

армянской идентичности, автор эту стратегию называет «неоарменизм», поскольку эти движения имеют много общего.

Утрата языка и традиций привела к тому, что представители первой группы в основном считают себя венграми. В начале XX века их идентичность еще могла быть описана как множественная (культурно—армянская, политически—венгерская). Теперь же она проявляется лишь в определенных ситуациях, зависит от среды и может быть охарактеризована скорее как позиционная.

Члены второй группы воспринимают венгерских (трансильванских) армян как принимающее сообщество и все более открыто отвергают их как часть армянской диаспоры. В то время как группа восточных армян воспроизводится извне за счет новых переселенцев-армян, второе сообщество, не имея такой возможности, повышает осведомленность о потенциальных членах-армянах даже выходя за пределы национальных границ. После принятия Закона о меньшинствах для представителей этой группы стало насущной необходимостью переформулировать свою армянскую идентичность. И они последовали той же культурной идеологии, что и приверженцы движения арменизма, которое возникло в Герле в 1880–1890 годах вокруг журнала «Армения» (основан Кристофом Сонготтом). Сегодня идеологию неоарменизма продвигает в основном Культурная ассоциация потомков трансильванских армян, созданная в Будапеште в феврале 1997 года.

Armenian Diaspora and Motherland: convergences and divergences in dynamic and complex bonds. A look from Argentina

Nélida Elena Boulgourdjian-Toufeksian,

PhD in History and Civilization, Professor of the Chair of Armenian Studies,
Faculty of Philosophy and Literature, University of Buenos Aires; Senior Researcher,
National University of Tres de Febrero (Buenos Aires)

Introduction

The term “diaspora” (διασπορά) was originally used to explain communities of ancient Greek city-states’ residents who migrated and settled in new territories. Later, it was used almost exclusively to refer to the forced dispersion of the Jewish people and, starting from that paradigmatic case, it was extended to other similar phenomena, as the Armenian Diaspora. At the same time, the concepts of “resettlement center” and “diaspora” (*Spyurq*) are clearly distinguished in the Armenian historiography. The first refers to the Armenian communities, which members found themselves in a foreign land in search of a better life, and the second brings together those who escaped physical destruction during the pogroms and Genocide in the Ottoman Empire in the first two decades of 20th century. So, cohesive and stable groups of the Armenians in the host country, anterior to those tragic events, first of all the Genocide of 1915, are identified as communities (or even populous colonies) of traders, artisans, militaries and intellectuals, resettled due to the unfavorable situation at home, posterior to them—integration of survivors.

This article focuses its analysis on the post-Genocide Diaspora, and it proposes to identify, from a historical perspective, the paradigms and the institutions, which functioned as organizing means of the Armenian collective in Argentina. However, the central aim of this work is that of characterizing the nature and modalities of the bonds, which were established between Motherland and Diaspora, as well as their historical vicissitudes. Our main purpose is to develop a work hypothesis in which we conjecture that during the period under study, three moments of a contrasting nature were verified: in the first historical moment, which, for convenience, we can call “centripetal”, it is the Motherland that primordially emits signals to Diaspora. In the second moment, which we will call “centrifugal”, it is when bonds are established, predominantly in an inverse direction. Finally, in the third moment, now in course, the interaction between Motherland and Diaspora is not promoted in one direction, that is to say, the communication flows, the initiative, the proposals and the information interchange start not only from one of them but also from the other. That is why, conceptually, we characterize this moment as “emergency of symmetric ties”.

To generate evidence on our work hypothesis we are based on community sources (institutional minutes, Armenian press), secondary sources and documentation coming from the Republic of Armenia.

1. A revision of the notion of “diaspora” applied to the Armenian case and the distinction of two historical stages

To attain the objective of these notes we will briefly revise the notion of “diaspora” itself.

Resettlement and formation of communities or colonies were not alien to the Armenians. Since the Middle Ages, settlements of Armenian merchants and artisans have spread along the entire length of the Great Silk Road. In the 13–15th centuries, Armenian colonies with a population of many thousands were formed on the Volga River, in the Crimea, in the Kingdom of Poland, in the Moldavian Principality and Wallachia. All of them were given internal self-government. Later on, small colonies were established in different European countries—in England (Manchester, Liverpool), in France (Marseilles), Austria (Vienne), Bulgaria, Rumania and Hungary. Armenians settled also in the Middle East and in India where they founded the first Armenian language newspaper “*Azdarar*”, in the city of Madras, in 1794. These emigrants were mostly traders, military, intellectuals who traveled in search of better economic opportunities, promoting the creation of new communities. Some of those communities disappeared, whereas others survived preserving their religious and linguistic identity¹.

The dispersal of a human group from the centre to the periphery is defined under the generic name of “diaspora”, and it is interpreted in diverse ways. The French geographer Michel Bruneau, for example, maintains that “diaspora” has three prominent characteristics: 1) conscience of an ethnic or national identity; 2) existence of a political, religious or cultural organization of the diasporic group (richness of associative life); 3) real or imaginary contacts with the country of origin. According to this author, the individual is a part of Diaspora by election, by a voluntary and conscious decision².

In another analytic register, Rogers Brubaker objects the use of the notion of “diaspora” as a category of analysis, which includes all persons living outside their country of origin (in the Armenian case to the person of that origin that lives outside Armenia). That is why this author maintains that it is more precise to speak of “diasporic project” of diasporic practice and how this project holds out (instead of speaking of “a diaspora” or “the diaspora”) as an entity, a limited group or as an ethno-cultural fact. According to this definition, then, those who consider themselves part of a diasporic project integrate the Diaspora³.

Martine Hovanesian, instead, from an anthropological perspective proposes that Diasporas are distinguished for their contribution to the cultural generational transmission and, particularly in the Armenian case, for their capacity to develop a “culture of duration” or an “ideology of non dilution of the identity”⁴.

To synthesize this section, we observe that the notion of “diaspora”, in the Armenian community, far from being static and univocal, was acquiring different values in the course of history. That is to say that they presented differential registers depending on the prevalence of different causes of the migratory process.

2. The Armenian community in Buenos Aires: the associative life, the Armenian Apostolic Church and the “sense of community”

The Armenian presence in Argentina is over a hundred years old. The first Armenians arrived sporadically at the end of the 19th century but increased after 1909 due to

1. Ter Minassian A. La diaspora arménienne // *Diasporas* / M. Bruneau (coord.). Montpellier, 1995, pp. 24–25.

2. Bruneau M. Espaces et territoires de diasporas // *Diasporas*. Montpellier, 1995, p. 8.

3. Brubaker R. The ‘diaspora’ diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. 2005, pp. 1–19.

4. Hovanesian M. La notion de diaspora: les figures du territoire perdu // *Les défis migratoires* / P. Centlives e I. Girod (dir.). Colloque CLUSE. Neuchâtel, 1998, p. 308.

the Cilicia (in Turkey) massacres followed by a decrease during the First World War as with other immigrants⁵. According to our research in the Passenger List of the *Dirección General de Migraciones*⁶, arrival of the Armenians intensified after 1923 coinciding with the signing of the Treaty of Lausanne⁷, which did not cover Armenian claims⁸.

The Armenian communities of the Diaspora, including Argentine one, were made up particularly of natives of the regions of Anatolia (Western Armenia) and Cilicia who had escaped the massacres. After the Second World War, the Armenians coming from the Ottoman Empire during the twenties were joined by the wave of those coming from Greece and Eastern European countries: Romania, Bulgaria and Hungary. In the fifties the Armenians from Turkey and in the seventies those from Syria, Lebanon and few from Iran joined the group⁹.

When compared with the other migratory communities, the Armenian immigration followed the general tendency: aiming at cities rather than the country, the city of Buenos Aires attracting the highest number of Armenians.

There are no precise data or statistics on the size of the Armenian community in Buenos Aires; it is difficult to confirm their number. However, we know that in the twenties they represented just one percent of foreigners¹⁰. Furthermore, Argentine sources do not distinguish Armenians from other migratory groups coming from the Ottoman Empire such as Syrians and Lebanese. Until 1920, in the Memories of the National Migration Office (*Memorias de la Dirección Nacional de Migraciones*) there is no distinction made between ethnic Turks and other residents of the Ottoman Empire; in the Municipal Census of 1914 Armenians are not registered as such but as Turkish. On the contrary, the Municipal Census of 1936 registers 3054 Armenians in the City of Buenos Aires with a total population of 2.388.645.

Taking into account the confusion in the assignment of the nationality of the peoples coming from the Ottoman Empire, we have carried out a survey of the Passenger Lists of the National Migration Office to inquire about the Armenian case. In these lists does not appear the variable “nationality” but “country of birth”; it is observed that the majority of the Armenians indicated as place of birth Turkey (57.5%) and the rest indicated Greece, Armenia, Syria, Lebanon among other countries¹¹.

5. Binayan Carmona N. La colectividad Armenia en la Argentina. Buenos Aires, 1974; Binayan Carmona N. Los armenios en la Argentina. Entre el pasado y el futuro. Buenos Aires, 1996; Boulgourdjian-Toufeksian N. Les armenios en Buenos Aires. La reconstrucción de la identidad, 1900–1950. Buenos Aires, 1997; Boulgourdjian N. Armenian Immigration to Buenos Aires, 1900–1925 // «Journal of the Society for Armenian Studies». Vol. 6. 1992–1993, pp. 169–183; Boulgourdjian-Toufeksian N. La profil démographique et professionnel des Arméniens de Buenos Aires (1900–1940) // «Revue du monde arménienne moderne et contemporain». Vol. 4. 1998, pp. 67–93.

6. Boulgourdjian-Toufeksian N., Toufeksian J. C. Inmigración Armenia en la Argentina. Perfiles de una historia centenaria a partir de las Listas de Pasajeros (1879–1979). Buenos Aires, 2012.

7. The Treaty of Lausanne was signed in July 24, 1923 in the context of the victory of Mustafa Kemal over the allies. The nationalist leader succeeded the Young Turks and his power was strengthened by the changes since the advent of the Soviets to the region. This treaty harmed the Armenians as it ignored their claims in view of creating a “national home” on the lands inhabited by them for thousands of years (and later incorporated into the Ottoman Empire) that would house the survivors of the 1915 Genocide.

8. Binayan Carmona N. La colectividad armenia en la Argentina. Buenos Aires, 1974; Binayan Carmona N. Los armenios en la Argentina. Entre el pasado y el futuro. Buenos Aires, 1996; Boulgourdjian-Toufeksian N. Les armenios en Buenos Aires. La reconstrucción de la identidad, 1900–1950; Boulgourdjian N. Armenian Immigration to Buenos Aires, 1900–1925, pp. 169–183; Boulgourdjian-Toufeksian N. La profil démographique et professionnel des Arméniens de Buenos Aires (1900–1940), pp. 67–93.

9. Boulgourdjian-Toufeksian N., Toufeksian J. C. Inmigración Armenia en la Argentina. Perfiles de una historia centenaria a partir de las Listas de Pasajeros (1879–1979), pp. 7–50.

10. Resumen Estadístico. Memorias de la Dirección General de Migraciones, 1923–1926.

11. Boulgourdjian-Toufeksian N., Toufeksian J. C. Inmigración Armenia en la Argentina. Perfiles de una historia centenaria a partir de las Listas de Pasajeros (1879–1979), p. 31.

Armenian community sources confirm two hundred Armenians residing in Buenos Aires in 1909 and one thousand in 1916. In 1943, there were 19.000¹². According to the Administrative Institution of the Armenian Church (*Institución Administrativa de la Iglesia Armenia*—IAIA) census, in 1934 there were 9400 Armenians in Buenos Aires¹³.

Current estimates of the number of Armenians in Argentina (already third, fourth and even fifth generation) are varied; some state 50.000 while community leaders talk of 100.000 to 150.000. The sources available are seen to be heterogeneous and therefore difficult to compare and of poor consistency. Nevertheless, this data is indicative of the relative size of the Armenian community in Buenos Aires.

The associative life in Buenos Aires was very active mainly after the signing of the Lausanne Treaty, when the Armenians were made to understand that return was impossible. The project to build a church in Buenos Aires dates back to the early 1930s and it was completed and consecrated in 1938 in the name of St. Gregory the Illuminator¹⁴. That year Karekin Jachadurian, appointed Archbishop, arrived in Buenos Aires with the mission of founding the Diocese of the Armenian Church in South America, based in Buenos Aires.

The Armenian Apostolic Church was not only the centre of community life but also the external representative of the Armenian collective. The Church was held to be better prepared for it, for endogenous reasons—it substituted the State during long periods of its absence¹⁵, and exogenous—it was not supposed to be “affected by political changes” in the receiving country¹⁶.

Until the sixties associative life in Buenos Aires was linked to an associative pre-migratory structure, encouraged by the freedom enjoyed by the immigrant in the Argentine context. From that time other Armenian institutions arose which, without annulling the existing ones, covered the needs of community life, for example, associations of Armenian university graduates or youth religious associations. It is clear that the associations complied and held double functions which at first and paradoxically seemed contradictory but were in fact, complementary. They were the facilitators of integration, with functions of mediation (building social capital) and at the same time, reservoirs of a cultural capital due to their effort to avoid assimilation and to preserve the cultural identity of the Armenian collective.

3. The Armenian Apostolic Church: a common institution to

Armenia and Diaspora It is relevant to examine in this section the important role of the Armenian Apostolic Church in the diasporic process. The Supreme Spiritual leader of the Armenian Church—Patriarch and Catholicos of All Armenians—is the worldwide spiritual leader of the Armenians in Armenia and in Diaspora¹⁷. The Apostolic church was recognized as natural and legitimate bridge between Armenia and its

12. Arzruni A. Yearbook of the Armenian Community of South America. Buenos Aires, 1943 (in Armenian).

13. Administrative Institution of the Armenian Church (*Institución Administrativa de la Iglesia Armenia*—IAIA). Memoria del Ejercicio 1934–1935.

14. Our Church // “Hai Guetron”. № 20. June 1934 (in Armenian); Mosgofian H. The pre-history of the Armenian community in Buenos Aires // “Hai Guetron”. № 3. November 1933, p. 5 (in Armenian).

15. “Hai Guetron”. № 20. June 1934 (in Armenian).

16. Arslan I. How was born the Administrative Institution of the Armenian Church // “Hai Guetron”. № 116. August 1942 (in Armenian).

17. In 1441, the spiritual and administrative see of the Armenian Apostolic Church was returned to Echmiadzin (formerly Vagharshapat), where it was originally located in 303–484, after, at the turn of 3–4th centuries, king Drtad and St. Gregory the Illuminator proclaimed Christianity as an official religion in Armenia (*Hornus J.P. Église arménienne et culture dans l’Arménie d’aujourd’hui. L’Église arménienne en URSS et le Catholicosssat d’Echmiadzin // Histoire des Arméniens / G. Dédéyan (dir.). Paris, 1982, p. 567).*

Diaspora, likewise, it was the only institution common to both spaces, being perceived as legitimating authority of the continuity in a diasporic situation. However, during the Soviet stage this centrality was threatened by an explicit weakening policy. The difficult moments started from the sovietization in the 1920s were followed by others, even more complex, by the stalinist purges of the next decades; whereas, after the end of the Second World War, the central government approached the Armenian Church¹⁸. Despite these contradictions, the collective representations of the Armenians of the world recognized the Armenian Church as a link between the center (Armenia) and the periphery (“communities” of Diaspora).

Armenians, including the Armenians of Diaspora, associate epoch-making events in their history with the activities of the Armenian Church, such as the final establishment of Christianity in Armenia, the invention of the alphabet (405–406) and the translation of the Bible into Armenian in the 5th century. They are all facts that show the convergence of “the religious” and “the national” in the history of the Armenian people and which is expressed in the fidelity to an auto-cephalous and national church.

The religious buildings and the seats of the associations with architectonic elements¹⁹ near to the Armenian canons, reflect the interest to keep the proximity with the traditions of their ancestors. Those are places that express the collective memory of Diaspora, either because of the images exposed or for the community commemorations and patriotic holidays. So, the existence of a community around a cult place is proper of a great number of Diasporas (among the oldest, as the Greek, organized around the pagan temples, and Jewish—around the synagogues), as in the case of the Armenian, linked to the Apostolic church²⁰. Finally, in spite of the difficulties that the Armenian Apostolic Church had to pass over during the Soviet stage, in action it had a privileged place, as much for the Soviet government which, leaning on its legitimacy, aspired to build power in Diaspora, as for the disperse Armenians who sensed it as a guarantee of their permanence.

4. Historical development of Diaspora and the bond with the Republic of Armenia

In this section we propose to identify and characterize each one of the moments in which the link Motherland and Diaspora registers substantive changes. To that effect, we will distinguish three moments that followed historically and which in a conventional way we will call “centripetal”, “centrifugal” and “symmetric” bonds.

4.1. First moment: centripetal links

The death of the First Armenian Republic and the Sovietization of the remaining part of it in 1920–1921, changed the relation from and to her, mainly after the Laussane Treaty in which the Armenian claims were ignored and Soviet Armenia was legitimized as the only possible one. For the survivors of the Genocide coming from Turkey, Soviet Armenia became a Motherland.

The Soviet Government was interested in Armenian Diaspora, mostly because an important part of its members established itself in geographic environments attractive

18. *Hornus J. P.* Église arménienne et culture dans l'Arménie d'aujourd'hui. L'Église arménienne en URSS et le Catholicosnat d'Echmiadzin, p. 572.

19. *Toufeksian J. C.* Esquema de la arquitectura armenia / Secretaría de Extensión Universitaria, Facultad de Arquitectura y Urbanismo, UBA. Buenos Aires, 1991.

20. *Boulgourdjian-Toufeksian N.* Los armenios en Buenos Aires. La reconstrucción de la identidad (1900–1950), pp. 146–152.

to the Bolshevik, as Europe, the Middle East and the United States; but also because Armenia had to build a space of power which would allow her to confront and disarticulate her detractors so as to canalize the help of those who considered her as the only possible option in front of disappearance. Among these there was a sector of wealthy traders who supported Armenia economically although did not share its politics.

The scheme of relations that Armenia established with those who were outside its borders was evolving according to the political changes of the USSR in the receptor countries. In general terms the relations were conflictive after the First World War with the establishment of Bolshevism and the consequent defensive attitude of the countries that received the refugees. After the Second World War, at least in the case of the question, there was a wave to and from the USSR, caused by the flexibility of the politics of Joseph Stalin, which even opened the doors to those who would want to establish in Armenia in a process known as “*nerkaght*” (repatriation)²¹.

One of the ways to approach the refugees of Diaspora was the creation of the “Committee to help Armenia” or “*Hayastani Oknoutian Komité*” (HOK) with numerous followers in France and in a smaller scale in Argentina. Branches of HOK were created in different cities to inform on the success reached by Soviet Armenia and thus attract followers that might help, especially economically.

To launch this program, the Soviet government took advantage of the famine that swept over Russia through a request for help to the world proletarians. At the same time, in Yerevan, capital of Armenia, a similar movement, which ended in the creation of HOK, was promoted, whose object was to call Armenian communities of Diaspora to fight against hunger in Motherland, to bring out the Armenian refugees scattered around the world and to strengthen the bonds between both. Besides, a publication also called HOK, in its first issue aimed at divulging the life of the peasants and the workers of Motherland among the workers of the Armenian colonies so that they could differentiate both realities²².

During the years of its existence, the money collected through HOK was invested in the construction of public buildings (canals, train stations, hotels) in Armenia, houses for the repatriate, and, above all, in the foundation of new settlements for the repatriate. The latter were given the names of the villages of their origin, with the addition of the adjective “*nor*” (new) as Nor Malatya, Nor Arapkir and others²³. For the foundation of these new settlements of specific associations, the “Armenian compatriotic unions” intervened, which were also another channel to win supporters for the reconstruction (*verlek*) of Armenia. In their origin, these associations had been created in the new places of settlements to unite the people coming from the same village, same local place. They were also concerned in guiding the search for scattered relations and in help for the orphans surviving from the Genocide of 1915.

Coming back to the Committee, HOK was the only institution created in Armenia in this first moment, with branches in Diaspora to centralize, interchange and propitiate the contacts between both. However, the opposed position among the Armenians of Diaspora towards Motherland gave place to confrontations, in some cases.

The *Ramgavar-Azadagan Party* (Ramkavar Liberal, created by the Armenian liberal bourgeoisie with the support of rich merchants of liberal orientation), for instance, in its Congress of 1922 decided to give support to the socialist government of Armenia to

21. Mouradian C. L'immigration des Arméniens de la diaspora vers la RSS d'Arménie, 1946–1962 //

“Cahiers du monde russe et soviétique”. Vol. 20. N° 1. 1979, pp. 79–110.

22. HOK. N° 1. February 1933, p. 2.

23. Mouradian C. L'Arménie. Paris, 2013, p. 310.

contribute to its reconstruction and thus secure the physical survival of the Armenian people²⁴.

In contrast to this, the *Party of Dashnaktsutyun* (Armenian Revolutionary Federation, ARF, founded in Tiflis in 1890) of socialist root was extremely anti-communist and contrary to the sovietization of Armenia, considering it the cause of the dilutions of the national hopes. The ARF had occupied the main government functions in the First Republic of Armenia (1918–1920), displaced since then, confronted Soviet Armenia boldly, and, over all, its plan of occupying an important space in Diaspora.

As regards the *Hentchakian* Party, founded in Geneva in 1887, even though it approaches the previous one in an ideological plane, in practice, they were confronted, since the latter considered Soviet Armenia as the only viable option.

The fact that not only Armenia but also Diaspora aspired to construct a space of power was added to their ideological differences. The institutions associated to the press as a channel of diffusion of ideas, constituted themselves, sometimes, as spaces of joint action, and sometimes, as an extend of fight. Likewise, patriotic commemorations also gave place to disputes between opposed political groups, headed by the ARF and by HOK. At the same time, they were an opportunity for the respective States (Argentina in our case) to know the activities of their foreigners. Every November 29, the Sovietization of Armenia (and this was a cause of exaltation of its cultural life) was remembered worrying those community leaders who where not in syntony with communist ideas, for fear of disturbing or annoying the Argentine authorities. The ARF, confronted to this group, also had its celebrations, on February 18, 1921, in which the momentary recovery of power from the hands of Bolsheviks, was remembered, and May 28, the Day of the First Republic of Armenia. These acts promoted the patriotic spirit and at the same time they were the cause of confrontation among sectors.

Even though the activity of *HOK* in Buenos Aires, capital of Argentina, lacked the visibility it had in Paris, it is known that in South America (Brazil, Uruguay and Argentina), there were nine branches. In Buenos Aires the *HOK* Ladies Committee was active and the group of workers, craft-men and small merchants added to them. The branch in Buenos Aires had been able to increase the number of associates in spite of the opposition of the ARF and the Board of Directors of the Administrative Institution of the Armenian Church²⁵.

From 1924 *HOK*, turned into the first important organization in the bond between Armenia and Diaspora. It created 200 sections linked to the Central Committee that was in Yerevan and it declared at the start of 1930 around 100.000 members distributed in Soviet Russia, Trans-Caucasia, Iran, Egypt, and in the Armenian communities of Europe (Greece, Bulgaria, Rumania, Great Britain, Germany, France) and the United States.

In short, during the Soviet stage, *HOK* was the first organisation created to articulate the bond with Diaspora. Even though its duration was short, this committee was the first expression of the interchange between the center and the communities.

In a second moment, the Armenian politics modified itself, at least in appearance, instead of trying to control the institutions of Diaspora in a direct way, it looked for an approach with the fellow countrymen. Likewise, Stalin's death in 1953 promoted changes in the difficult bond between Armenia and Diaspora. One of the first measures was promotion of tourism towards Motherland. The contact with the Armenian tourists of

24. *Boulgourdjian N.* Le réseau associatif arménien à Buenos Aires et à Paris: entre tradition et intégration 1900–1950 / Doctoral thesis, Ecole des Hautes Études en Sciences Sociales (EHESS). Paris, 2008.

25. Report from A. Keradjian // *HOK*. № 1. February 1933, p. 56.

Diaspora reinforced the sense of belonging when the signs of assimilation were already evident.

To institutionalize and facilitate the bond of Armenia with Diaspora in 1964 the *Committee of Cultural Relations with Diaspora* was created, which proposed the promotion of the Armenian culture and language, and, above all, the idea of preserving the Armenian identity (*haybahbanum*). Intellectuals, artists, university students, scientists, music groups, traveled from a country to another to promote closer ties. The contacts and cultural interchange came closer through the provision of textbooks and the invitation of intellectuals to Armenia. In this stage of Soviet dominion, Armenia was presented as the provider of the cultural supplies (food) Diaspora needed to contribute to the preservation of the Armenian feeling.

On the following year, the remembrance of the 50th anniversary of the Genocide brought Armenia nearer to Diaspora, above all because, till then, there was a sensation that the commemoration of the martyrs had only interested the communities of Diaspora. While the Soviet regime was in force, and until the Independence of Armenia, the bond with her was fluid and intense for some sectors, whereas for the others, it was necessary and impossible to ignore.

Finally, the characterization of this moment as a historical cycle where “centripetal” ties prevailed, tries to display that in spite of all the vicissitudes, the bonds between Motherland and Diaspora, had the first one as their main promoter.

4.2. Second moment: “Centrifugal” bonds

Some analysts have pointed out the change in the bonds between Armenia and Diaspora from the 1988 earthquake, when the Armenian communities of the whole world were mobilized to bring their help. If Armenia had presented herself as provider of cultural goods before, now the reality had changed, since she needed more than ever, the economical help of Diaspora.

This help movement was made concrete through individuals who sent money to their relations (for example, in 1995 it was a little less than half its budget) and from the humanitarian help institutionally organized, which, in turn, was canalized by different levels and expressions of personalities that preside such foundations (*Aznavour pour l’Armenie, the Lincy Foundation* of Kirk Kerkorian)²⁶.

The Fund for Armenian Relief was created after the earthquake, to promote mainly medical, agricultural assistance, reconstruction and education, as well as to assist the victims of the earthquake directly. Nowadays it goes on with its help to the regions with Armenian population, placed on the frontier with Georgia.

Few months after the creation of Republic of Armenia, the Armenia (*Hayastan*) Fund was founded, to support not only the rising republic but also Artsakh, or Karabagh. This institution turned out to be the most important one to raise funds, in virtue of the integration of its directive council (from the President of the Republic of Armenia to the Supreme Head of the Armenian Church and representatives of three Armenian political parties of Diaspora as well as their main associations) and by the characteristics of the work it promoted, such as the construction of the road that joins Armenia with Karabagh, territory still in dispute with Azerbaijan, the building of housing particularly in shortage after the 1988 earthquake, the construction of hospitals and educational buildings. Since then, and particularly from the Independence of Armenia in 1991, Diaspora

26. Gevorkyan A. V., Grigorian D. A. Armenia and its Diaspora.

[Electronic resource] <http://www.gomidias.org/forum/af10c1.pdf>. Access date: 01.04.2021.

offered a massive humanitarian help that was strengthened thanks to the active presence of more organized communities of Diaspora such as the ones in the United States, Canada, France and Russia who favored the mobilization of funds to help Armenia²⁷.

The projects were implemented through a global net of twenty-one affiliated countries with a center in the United States (Los Angeles and New York), Canada (Toronto and Montreal), France, Great Britain, Germany, Austria, Holland, Switzerland, Australia, Brazil, Lebanon, Argentina (cities of Buenos Aires and Cordoba), Greece, Cyprus, Syria, Uruguay and Rumania. The last six branches were opened between 2009 and 2010. In what refers to the *Armenian Fund* in Argentina, it collaborated actively with this institution from its foundation participating in several projects as the construction or re-construction of hospitals, laboratories, schools, housing, fresh water systems, roads, among others²⁸.

To summarize, this moment presented a historical cycle where “centrifugal” ties prevailed; this denomination tries to highlight that the ties between Motherland and Diaspora had the second one as their main promoter in this instance. This time, the institutions, the living forces, and the personalities with a strong community leadership were the ones who mobilized those ties.

4.3. Third moment: Symmetrical bonds

In this point, we only intend to delineate the broader profiles of the present situation. In it, the bonds we are trying to characterize are more fluid, inter-dependent and they are related to a historical surrounding of intense and accelerated social, political and economic changes. Even though the helping organisms created in the previous stage continue, in the last decade the Armenian government, aware of the potential of the scattered communities, organized conferences inviting delegates of Diaspora to discuss perspectives of cooperation between both. In October 2008, the government of Armenia created the Ministry of Diaspora to plan, implement and improve State politics with reference to the development of the economical and cultural cooperation between the center and the peripheries. Its aim is to improve the cooperation between the Republic of Armenia and its Diaspora and to strengthen its state system and preserve the Armenian identity. To that purpose, and as a part of seduction policy of Diaspora, the Ministry organizes Pan-Armenian meetings to discuss educational projects of protection and preservation of Armenian identity and economic projects of inversion in Armenia. Among the concrete cooperation projects of the last decade, the one called “*Ari Tun*” (“Come Home”) proposes to make the young Armenians of Diaspora familiar with Motherland, through the modality of living with families sharing their customs and traditions. Another of the projects in course and with a strong adhesion, are the Pan-Armenian forums of professionals (architects, people from justice) to strengthen the bond between Armenia and Diaspora.

In short, this moment we are living in reveals itself as extremely dynamic, in which the bonds established show, in contrast with the moments examined before, certain symmetry as regards the social actor that promotes them. That is to say, a State with a clear strategic and political vocation with respect to Diaspora is observed in such a way that those interchanges are fluid and institutionalized. On the other hand, in Diaspora the Armenian communities have also been able to institutionalize their interests and their demands and it can be said that they are mediations impossible to ignore to define those bonds.

27. In the same place.

28. I am thankful to the Armenian Found of Argentina for this information.

Final reflections

The main purpose of this article is to put a work hypothesis to the test, namely, about the bonds between Motherland and Diaspora, pointing out that they were complex, dynamic and changing. To attain this goal we have given special attention to detect the social actor/s who took the initiative to establish the origin of those bonds. This exercise allowed us to define three moments: the first moment that was centered in the cultural and humanitarian activities; the second one, in which humanitarian help was complemented with investment and business arrangements, and the third moment, now in course, in which there is an intention to revert this equation.

A few final reflections remain to be proposed: we have held that the notion of “diaspora” took different values according to historical moments; we have pointed and highlighted the role of the Armenian Apostolic Church in building the bond between Armenia and Diaspora, in the measure that the bond was broadly perceived as guarantee of its permanence.

The analysis, finally, let us detect two great processes in the social construction of the bonds examined here: a convergence process, in which strategy and the interests of Motherland and Diaspora came to be mutually functional and coincident and another process of divergence, where such strategy and interests presented themselves in diverse expressions of tension.

Резюме

Нелида Елена Булгурджян-Туфексян,

кандидат исторических наук, профессор кафедры арменоведения факультета философии и литературы Университета Буэнос-Айреса; старший научный сотрудник Национального университета Трес-де-Фебреро (Буэнос-Айрес)

Армянская диаспора и Родина: сближения и расхождения в динамичных и сложных связях. Взгляд из Аргентины

Основная цель работы — охарактеризовать природу и механизмы связей, которые установились между Родиной (Арменией) и диаспорой, образовавшейся после геноцида 1915 года, равно как и их историческую переменчивость. В этом контексте мы разработали рабочую гипотезу, в которой предполагаем три исторических этапа исследуемого периода, противоположных по характеру. Первый этап отличали сигналы, которые Родина-центр первоначально посылая в диаспору. Для второго этапа были свойственны связи с сигналами преимущественно в обратном направлении — из диаспоры на Родину-центр. Наконец, третий этап, ныне текущий, характеризуется разной направленности связями между Родиной и диаспорой. То есть коммуникационные потоки, инициатива, предложения и обмен информацией исходят не только из Родины, но и из диаспоры, и распространяются они не только в сторону диаспоры, но и в обратном направлении. Таким образом, для последнего этапа характерно возникновение «симметричных связей».

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПОДХОДЫ

«Таврские армяне» у Прокопия Кесарийского и мифологические параллели сюжета

Андрей Прохоров,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, исторический факультет, Белорусский государственный университет (Минск)

В монументальном труде византийского автора VI века Прокопия Кесарийского «История войн», в книге «Война с персами», есть указание *εν Ταυροις Ἀρμενίων*, которое в русском переводе А. А. Чекаловой представлено как «таврские армяне»¹. Можно предположить, что данное словосочетание связано с неким географическим названием «Тавр/Таврос». Указания в том же контексте «*область тавров*», «*местность тавров*», «*земля тавров*», «*страна тавров*»² (в греческом тексте — *Ταυροις*, отличный от *Ταυρος*), использованные в означенном повествовании несколько выше, дают основание определять «тавров» как часть армянского населения, регионально отделенную Прокопием от остального массива. Автор локализует «тавров», или «таврских армян», в долине Евфрата, близ Келесины, или Келесенской области. Речь идет об области Екегеац (Эжеленсене, Келсене) в Высокой Армении, известной впоследствии как Ерзнка³. Протяженный горный массив Тавр/Таврос (греч. *Ταυρος*, лат. *Taurus*) находится значительно южнее и, на первый взгляд, не может иметь прямой взаимосвязи с названием народа.

Однако надо понимать, что классическая греческая география в своих концепциях о земной поверхности придавала совершенно особое значение малоазийской горной системе Тавр. Эратосфен считал, что горы Тавра тянутся до Индии и делят всю Азию на две части вплоть до Восточного моря, к чему, собственно, присоединился и Страбон⁴. Он описывал их как высочайшие в Малой Азии и подчеркивал, что греки локализируют здешние страны «*по эту сторону*» или «*по ту сторону*» Тавра⁵. Соседние горные системы, связанные с Тавром, получали у греков схожие названия: Тавр Киликийский⁶, Тавр Писидийский⁷, а для одного из отрогов, который стал известен грекам позднее, было придумано название «Антитавр»⁸ — «напротив Тавра».

Таким образом, привычное для современной географии название Тавра имело для древнегреческой культуры гораздо более широкое значение. Страбон, описывая Месопотамию, утверждал, что «*эта область расположена между Евфратом*

1. Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами.

Тайная история (сборник) / Пер., вступ. ст. и ком. А. А. Чекаловой. СПб., 1998, книга I, глава XVII, 21.

2. Там же, книга I, глава XVII, 12, 13, 16, 17.

3. Ныне — Эрзинджан в Турции.

4. Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратановского / Под ред. С. Л. Утченко и О. О. Крюгера. Москва, 1994, книга II, глава I, 1; книга II, глава I, 79; книга II, глава V, 31.

5. Там же, книга II, глава V, 3; книга XI, глава I, 1.

6. Там же, книга XII, глава I, 1.

7. Там же, книга XII, глава IV, 10.

8. Там же, книга XI, глава XII, 4.

и Тигром; Тигр омывает только восточную ее сторону, тогда как Евфрат — западную и южную; на севере возвышается Тавр, отделяющий от Месопотамии Армению»⁹. Для понимания локализации Тавра характерно описание Мидии у Страбона: «Обширная и некогда могущественная страна, расположенная в середине Тавра, который там разделится на много отрогов и охватывает большие долины, подобно тому, как это имеет место и в Армении»¹⁰, и далее «Я помещаю по эту сторону Тавра Мидию (к которой относятся Каспийские Ворота) и Армению»¹¹. Наконец: «Самой южной частью является Тавр, который отделяет Армению от Месопотамии. Оттуда текут обе реки — Евфрат и Тигр, — окружающие Месопотамию».¹² А ведь именно истоки великих рек Евфрата и Тигра описывает Прокопий Кесарийский, ведя рассказ о древней области Келесины. Поэтому жители ее им вполне могли быть отождествлены с жителями Тавров.

Прокопий Кесарийский не дает детальной информации о «таврских армянах», не пытается найти их отличительные черты, хотя пишет, что был в их стране. Зато у автора виден интерес к некой религиозной традиции, связанной с греческой мифологией, в данном случае — с культом Артемиды, что, собственно, и занимает его: византиец проводит прежде всего четкую религиозно-мифологическую параллель, а этнонимическая параллель, возможно, призвана просто усилить первую. Ведь обращала на себя внимание именно мифологическая составляющая, и рассказы о деятельности греческих богов и героев в других странах активно использовались для включения этих стран в известную грекам картину мира.

Итак, византиец упоминает о таврах Малой Азии в связи с тем, что якобы в областях Келесины находился тот храм Артемиды, где Ифигения служила жрицей и откуда она и ее брат Орест похитили идол богини: «Оттуда река [Евфрат. — А. П.] течет дальше в область, называемую Келесиной, где находился храм Артемиды Таврической. Говорят, что Ифигения, дочь Агамемнона, убегая отсюда с Орестом и Пиладом, унесла с собой кумир Артемиды»¹³. При этом храма в Келесенской области, по свидетельству византийца, уже нет, зато «есть и другой храм, существующий и в мое время в городе Комане, а не в области тавров»¹⁴. Таким образом, Прокопий рассказывает местное предание, которое входит в полное противоречие с его знанием греческого мифа об Ифигении в Тавриде/Крыму.

Фактически Прокопий Кесарийский в рассказе о странствованиях Ореста и Ифигении в Малой Азии повторяет Страбона с его описанием города Команы в Каппадокии: «Эти священные обряды — обряды Артемиды Таврополос, по-видимому, перенесли сюда из таврической Скифии Орест и его сестра Ифигения; здесь они положили свои волосы, отрезанные в знак печали; отсюда и имя города»¹⁵. При этом Страбон демонстрирует хорошее знание о функционировании самого храма в Комане Каппадокийской, о политическом могуществе его жречества, которое он считает практически крупнейшей жреческой корпорацией в Малой Азии.

Выдвинутый греками вариант происхождения названия города Команы Каппадокийской прекрасно показывает, как мифология включает новые территории в греческую культурную традицию, в данном случае используя механизмы

9. Там же, книга XVI, глава I, 21; книга XI, глава XII, 2.

10. Там же, книга XI, глава XII, 1.

11. Там же, книга XI, глава XII, 4.

12. Там же, книга XI, глава XII, 2–3.

13. Прокопий Кесарийский. Война с персами, книга I, глава XVII, 11.

14. Там же, книга I, глава XVII, 12.

15. Страбон, книга XII, глава II, 3.

«народной этимологии». Название города Команы греки выводили от греческого слова *κόμη* «волосы», хотя оно относится к значительно более раннему периоду его истории. Так, с середины II тыс. до н. э. город был столицей государства Киццуватна: сначала с хурритским, а затем с лувийским индоевропейским населением. В то время он носил название Куммани от первоначальной еще хурритской формы названия Куменни — «Святылище»¹⁶. С глубокой древности город был важнейшим культовым центром региона и славился своим храмом, в котором жертвы приносили еще хеттские и ассирийские цари.

У Страбона мифологическая информация подана достаточно скупо, зато Прокопий подробно рассказывает об Оресте в Малой Азии и приводит немало деталей мифа. Он говорит о двух храмах Артемиды, построенных Орестом, и довольно подробно. Так, согласно Прокопию, Орест и его сестра Ифигения, убегая «из области тавров» в Малой Азии, захватили с собой «кумир Артемиды». Но по пути Орест заболел, в чем можно видеть месть богини, и, чтобы вылечиться, оракул велел ему построить посвященный Артемиде храм — в местности, похожей «на местность тавров». Первый храм он построил в Понте, восточнее Келесины, ближе к южному побережью Черного моря, где «увидел отвесную гору, нависшую над дорогой, а внизу у подножия горы протекающую реку Ирис». Он также основал город вокруг храма, как велел оракул, и положил туда свои кудри в знак печали, почему город и получил название «Комана» — от греческого «волосы». Но, так как болезнь не отступила, Орест посчитал, что неверно выбрал место и продолжил поиск местности для строительства храма. Излечился он только после того, как построил еще один храм и город Команы вокруг него, на этот раз — в Каппадокии, в месте, очень похожем на «страну тавров», где «гора совершенно похожа на ту гору, поскольку и здесь Тавр, а река Сар по виду похожа на тамошний Евфрат»¹⁷. В этой местности пересекаются отроги Киликийского Тавра и Антитавра. Отсюда на северо-восток, а далее в сторону юго-западного побережья озера Ван простирается Восточный, или Армянский, Тавр, с которым уже история связывает и топонимы, и определяемое ими армянское население.

Название племени «таврских армян» и распространение культа богини Артемиды Тавропопы в религиозных центрах Малой Азии могли стать важными аргументами для того сопоставления, которое приводит Прокопий Кесарийский в своих трудах. Он проводит четкую параллель между проживавшими в долине Евфрата «таврами», или «таврскими армянами», и племенем тавров в Крыму: «За ними (кутригурами-гуннами. — А. П.) всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой; там, говорят, был храм Артемиды, главной жрицей которого некогда была Ифигения, дочь Агамемнона. Говорят, однако, что и армяне в своей так называемой Келесенской области имели такой храм, а скифами в то время назывались все тамошние народы»¹⁸.

Можно полагать, что здесь проявляется характерное для византийцев стремление к унификации этнонимов по греческому образцу, введение названий народов в известную грекам систему этноназваний.

16. Astour M. C. Semites and Hurrians in Northern Transjordan² in Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians. Vol. 2 / Ed. by D. I. Owen and M. A. Morrison // General Studies and Excavations at Nuzi. 9/1. Winona Lake, 1987, pp. 3–68, 5–6, 50–51; Novák M., Rutishauser S. Kizzuwatna: Archaeology // Hittite Landscape and Geography / Ed. by M. Weeden and Lee Z. Ullmann. Leiden–Boston, 2017, pp. 134–145.

17. Прокопий Кесарийский. Война с персами, книга I, глава XVII, 11–20.

18. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. Т. 1–2. Москва, 1996, книга IV, глава V, 25–26.

Когда впоследствии Прокопий повествует об истории войн с готами и описывает Таврику/Крым, то он вполне естественно воспроизводит основную греческую версию мифа об Ифигении и четко локализует храм поблизости Херсонеса, в котором она служила жрицей. Но при этом, вспоминая свое описание странствований Ореста и Ифигении в Малой Азии, он фактически утверждает, что пользовался там местными преданиями: *«Говорят, однако, что и армяне в своей так называемой Келесенской области имели такой храм <...> Но пусть относительно этого каждый придерживается своего собственного мнения; ведь многое, что случилось в другом месте, а иногда и вовсе нигде не случилось, люди любят присваивать себе, выдавая за исконные родные обычаи, негодуя, если не все следуют их точке зрения»*¹⁹. Исследователи также не отрицают возможности существования местных малоазийских преданий на указанную выше тему и их отражения в рассказе Прокопия²⁰.

Чтобы подчеркнуть отличия мифа от исторической реальности в данном случае, необходимо указать на некоторые важные детали. Команы Каппадокийские, как и храмовые комплексы этого города, ко времени Страбона, и тем более Прокопия, уже имели тысячелетнюю историю. Поэтому они никак не могли быть основаны Орестом. Название города, как уже указывалось, никак не было связано с греками. Команы Понтийские же были фактически выведенным из Команы Каппадокийской поселением. Здесь в храмах почитались те же боги, а жреческие корпорации двух городов были связаны теснейшим образом. Поэтому миф не отражал последовательность основания, именованя и политических отношений этих городов.

Но не должно удивлять такое нагромождение мифологических рассказов о путешествии Ореста и Ифигении или о храмах в честь Артемиды Таврополы, привязанных к разным регионам Малой Азии. Через мифологию жители многих городов и областей здесь, на которых, кстати, в то время появлялось все больше греческого населения, стремились оказаться причастными к общегреческому культурному пространству. Даже в рамках рассматриваемого сюжета можно найти другие примеры. Так, Страбон рассказывает про еще один город в Каппадокии — Тиану, в котором культ Ореста и Таврополы был популярен: *«Здесь некоторые часто повторяют все тот же рассказ об Оресте и Артемиде Таврополос»*²¹.

Таким образом, можно утверждать, что существовал малоазийский вариант мифа об Оресте и Ифигении, который зафиксировал уже Страбон. У Прокопия Кесарийского появилось много деталей при описании этого мифа. У него это уже развернутое повествование. При этом византиец разводит две мифологические традиции: он не противоречит хорошо знакомому грекам мифу об Ифигении и Оресте в Тавриде/Крыму, а с Малой Азией связывает мифологический рассказ о странствиях брата и сестры и принесении сюда религиозных обрядов из Крыма. Основные мотивы этого мифа известны только в Малой Азии: это болезнь героев или только Ореста, требование построить храм в наказание, отрезание волос и посвящение их, основание храмов и городов. На первое место в малоазийском мифе выдвигается Орест, а образ Ифигении как бы поддерживает связь с основным корпусом греческой мифологии. Миф связан с почитанием женского божества, которое в греческом варианте представлено как Артемида Тавропола. Таким образом, перед нами совершенно самостоятельный малоазийский миф об

19. Там же.

20. Прокопий Кесарийский. Война с персами, комментарий А. А. Чекаловой на с. 392.

21. Страбон, книга XII, глава II, 7.

Оресте и Ифигении, который популярен был только в этом ареале. В нем можно разглядеть местные сюжеты, что требует отдельного исследования. Однако для греков он вызывал неподдельный интерес в связи с действием знакомых и популярных героев, то есть это повествование мифологически «осваивало» земли, находившиеся в зоне постепенного греческого расселения. Это важнейшая причина такого интереса греческих авторов.

Упоминание же Келесенской области и земли *армянских тавров* в связи с этим мифом имеет важность для армянской истории еще с одной точки зрения. В области Келесине (Ереза, Ерызнка) находилось одно из самых известных языческих святилищ армян — главный храм богини Анаит (Анахита, Анаитида), — матери-богини армянского пантеона эллинистического периода, отождествлявшейся с Артемидой. Вся область часто называлась именем Анаит, а гигантская золотая статуя ее, стоявшая здесь, на берегу Евфрата, в 34 году до н. э. была распилена на куски и вывезена в Рим войсками Марка Антония²². Это важный аргумент в обосновании переплетения многих религиозных традиций на данной территории начиная с эллинистического периода.

Но, разумеется, для Прокопия Кесарийского главными являлись греческие параллели сюжета, связанного с Орестом и Ифигенией. Именно здесь выявляется важнейшая связь с Крымом, где, по мнению греков, Ифигения была жрицей в храме богини Артемиды Таврополы. Храм этот находился в земле крымских тавров, которые пользовались у греков известностью свирепого и кровожадного народа, совершавшего жестокие обряды жертвоприношения с умерщвлением людей, в том числе и потерпевших кораблекрушение. Эти обряды связывались с богиней крымских тавров, которую греки называли Девой (*Παρθένη*). Так ее именует уже Геродот²³. Как правило, богиня Дева отождествлялась с Артемидой, но крымские тавры, согласно Геродоту, отождествляли ее с самой Ифигенией, дочерью Агамемнона. Судя по имени, Деву отличал образ девственницы. Отметим, что оба названия — и племени, и богини — известны исключительно в греческой интерпретации²⁴.

Со временем Деву стали ревностно почитать и греки Херсонеса Таврического²⁵. Ее святилище здесь упоминает Страбон: *«Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс, который составляет часть целого Херсонеса. На этом месте расположен город гераклейцев, который также называется Херсонесом <...> В городе есть святилище Девы. В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом три гавани. Затем следуют Древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством»*²⁶. Итак, святилище Девы располагалось на прикрывавшем гавань Херсонеса мысе, который в честь богини именовался Парфений-Партенион (*Παρθέσιον*)²⁷ — «Девин».

22. История армянского народа. Т. I: Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя / Ред. С. Т. Еремян (отв. ред.), А. А. Мартиросян, Г. Х. Саркисян, Г. А. Тирациян. Ереван, 1971, с. 623 (на арм. яз.).

23. Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. Москва, 1993, книга IV, 103.

24. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка.

Этимологический словарь. Москва, 1999, глава 7: Таврские и синдимеотские этимологии, с. 83.

25. На западном побережье Таврического (Крымского) полуострова, вблизи нынешнего Севастополя.

26. Страбон, книга VII, глава IV, 2.

27. Помпоний Мела. Хорография / Под ред. А. В. Подосинова. Москва, 2017, книга II, глава I, 3.

Надо полагать, первоначальное древнее святилище тавров было связано с пещерой в скале над морем, откуда они, согласно Геродоту, и бросали обезглавленные тела принесенных Деве жертв. Видимо, считалось, что место было непосредственно связано с подземным миром²⁸. Сейчас чаще всего с мрачной пещерой — святилищем тавров соотносят грот у мыса Фиолент. Единственное описание оставил Овидий²⁹, однако оно составлено с чужих слов и не является надежным источником.

Особый интерес вызывает ассоциация богини Девы с образом быка. Возможно, наиболее ярким выражением такой ассоциации является найденная в Херсонесе Таврическом терракотовая пластинка с изображением змееногого женского божества с бычьей головой, которое отождествляют с Девой³⁰. Этот симбиоз быка и крылатой змееногой богини скифов воплощает многие схожие идеи образов Великих Матерей хтонической природы. Не исключено, что в древнем представлении мужским паредром, или спутником, богини Девы было божество в образе быка (или сам бык). Так, на херсонесских монетах часто на аверсе изображена Дева, а на реверсе бодающийся бык³¹, что, безусловно, указывает на тесную взаимосвязь этих образов.

Культ богини Девы прижился не только в Херсонесе. Это божество стало популярно и в самой Греции через отождествление с Артемидой. И хотя в Херсонесе культ Артемиды не засвидетельствован³², надо полагать, именно сопоставив эти образы, греки дали данной ипостаси богини прозвище Тавропола (*Ταυροπόλος*, *Ταυροπόλα*, *Ταυρώ*, *Ταυρινή*). Важнейшим местом почитания Артемиды Таврополы был знаменитый Браврон недалеко от Афин, где, по преданию, храм был основан Орестом и Ифигенией после их возвращения из Таврики/Крыма.

Связанный с Орестом и Ифигенией сюжет об Артемиде Таврополе был удивительно популярен в Элладе. Он хорошо известен по трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (V век до н. э.), в которой описываются события, произошедшие с детьми царя Агамемнона, Ифигенией и Орестом, в самом начале похода на Троию. Позднее брат Ифигении, Орест, по велению Аполлона и Афины отправляется в далекую Таврику/Крым, чтобы доставить оттуда деревянную статую богини Артемиды Таврополы. Он прибывает на полуостров, где попадает в руки тавров, готовых принести его в жертву богине. Но выясняется, что сестра Ореста, Ифигения, которая в свое время должна была быть принесена в жертву Артемиде, осталась жива и ею же была перенесена в Таврику, где стала жрицей в храме богини и руководила ритуалом жертвоприношения чужеземцев, оказавшихся в стране тавров. Она не только спасает Ореста и его сопровождавших, но и полагает вывезти идола.

Прозвище богини «Тавропола» трактуют по-разному: «укротительница быков», «читимая жертвами, состоящими из быков», «читимая племенем тавров», «почитаемая во время (праздника) Таурис (*Ταυρίς*)», «охотящаяся на быков», «ведомая бычьим ярмом (*drawn by a yoke of bulls*)»³³. В орфических гимнах аналогичный эпитет «Тавропола» используется и по отношению к Гекате — известной

28. Жебелев С. А. Херсонесская присяга // «Известия Академии наук СССР. Серия 7: Отделение общественных наук», 1935, № 10, с. 932.

29. [Овидий] Назон Публий. Элегии и малые поэмы. Москва, 1973: Скорбные элегии, книга III, 2; книга II, 45–58.

30. Пятыхшева Н. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1947, № 3, с. 213.

31. Там же, с. 217.

32. Жебелев С. А. Херсонесская присяга, с. 937.

33. Greek-English Lexicon / By H. G. Lidell, R. Scott, H. S. Jones, R. A. McKenzie. Oxford, 1996, p. 1761.

своей хтонической природой древнегреческой богине лунного света, преисподней и всего таинственного, которую отождествляли с Ифигенией: «Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой»³⁴. И тем не менее смысл прозвища остается не до конца выясненным. Ясно одно: перед нами вполне определенный факт связи богини Артемиды/Девы с мифологическими представлениями о быке. Впоследствии на Ближнем Востоке Артемиды Таврической была соотнесена с богиней Анахитой, которой посвящался бык³⁵.

И вот дальше сюжет об Оресте и Ифигении развивается уже в армянских горах. Страбон пишет о святилище в городе Команы Каппадокийские, в узких долинах Киликийского Тавра, и перенесении сюда обрядов Артемиды Таврополос из «таврической Скифии»³⁶. Таким образом, Страбон актуализирует именно религиозно-мифологическую параллель. Зато Страбон, который сам путешествовал здесь, не употребляет этноним тавры, а местных жителей он именует «катаонцы» по названию большой области Катаония³⁷, история которой берет свое начало еще в хеттский период. Безусловно, для греков это было именно соотнесение культа Артемиды Таврополы с культом женского божества на востоке Малой Азии и имело значение для собственно греческой традиции. Есть также хорошие работы для выявления возможных архаичных мифологических параллелей культа Артемиды в этом регионе³⁸.

Прокопий Кесарийский усиливает сравнение Страбона с Крымом через отдельные детали, и у него появляются «армянские тавры». В этом случае можно было бы подозревать некоторую долю этнонимической натяжки со стороны византийского автора. Однако подобное название местного племени знают и другие античные авторы. Вскоре после Страбона римлянин Тацит в своих *Анналах* обращается к периоду римско-армянских войн «in regionem Taurauunitium»³⁹, что традиционно переводится, как «область/страна таураунитов/тавраунитов».

Безусловно, обсуждая вопрос об «армянских таврах» у Прокопия Кесарийского, необходимо отметить, что использованная автором лингвистическая форма позволяет видеть или название народа, или название территории этого народа, что собственно и отражено в ряде переводов. Так, согласно повествованию византийца, «от области таврских армян и Келесины река Евфрат поворачивает вправо» и, вобрав в себя множество притоков, течет по землям Малой Армении, столица которой — Мелитина⁴⁰. В греческом тексте этот пассаж начинается так: «*Ἐκ τε γὰρ τῶν ἐν Ταύροις Ἀρμενίων καὶ χάρας τῆς Ἐκελεσηνῆς ποταμὸς Ευφράτης ἐν δεξιὰ δέων γῆν τε πολλὴν περὶ <...>*»⁴¹. Латинский перевод его близок к русскому⁴², но есть и другие варианты. Так, известный византистич Рачья Бартикян приведенный перевод на армянский язык переводит следующим образом: «По правую

34. Павсаний. Описание Эллады/Пер. С. П. Кондратьева, под ред. Е. В. Никитюк, ответ. ред. Э. Д. Фролов. СПб., 1996, книга I, глава XLIII, 1.

35. Кюмон Ф. Мистерии Митры. СПб., 2000, с. 35.

36. Страбон, книга XII, глава II, 3.

37. Там же, книга XII, глава I, 2, 4; глава II, 2, 3, 4, 5.

38. См.: Petrosyan A. Y. The Cities of Kumme, Kummanna and Their God Teššub/Teišeba // Archaeology and Language. Indo-European Studies Presented to James P. Mallory (The Journal of Indo-European Studies Monograph Series). Monograph series № 60. Washington DC, 2012, pp. 141–156.

39. Тацит Корнелий. Сочинения: в 2-х томах/Пер. и комм. А. С. Бобовича (ред. переводов — Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко). Общая ред. издания — С. Л. Утченко. Москва, 1993. Том I: *Анналы*, XIV, 24.

40. Прокопий Кесарийский. Война с персами, книга I, глава XVII, 21.

41. Procopius/Greek ed. by K. W. Dindorf, Latin trans. by Cl. Maltret // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pars II. Vol. 1. Bonn, 1833, p. 84.

42. См.: там же.

сторону от Тавросской Армении и страны Келесине течет река Евфрат, огибая много мест <...>⁴³. Итак, у Бартикяна вместо «таврских армян» — «Тавросская Армения». Близкое толкование в виде «Таврическая Армения» находим в тексте Прокопия, переведенном на английский язык: «From Tauric Armenia and the land of Celesene <...>»⁴⁴. Иначе обстоит дело со словосочетаниями «область тавров», «земля тавров», «страна тавров»: если в английском тексте вместо них стоит просто слово *Taurians*, подразумевающее жителей, то у Бартикяна они также определены на географической плоскости: «Тавросский храм», «Тавросская местность», «Тавросская земля». Собственно, такое двойственное понимание названий то ли племена, то ли занимаемой этим племенем страны — нередкое языковое явление в древности. «Область Таравнон» в Персоармении (западное побережье озера Урмия), к югу от озера Ван, знает и сам Прокопий Кесарийский, который мельком упоминает ее в связи с небольшой приграничной стычкой⁴⁵. Еще Никогаос Адонц рассматривал эту область в свете сведений Тацита и выводил название от названия горного массива Тавр⁴⁶.

Глава 43 книги Константина Багрянородного «Об управлении империей» озаглавлена «О стране Тарон»⁴⁷. Собственно, это сообщение подводит итог сведениям античных и византийских авторов и дает возможность обоснованно связывать развитие античной и византийской традиций уже со средневековыми армянскими названиями областей на северо-западе озера Ван.

Область Армении, Турубера, упоминается в «Ашхарацуйце» (Армянской географии, Землеописании) как одна из крупнейших⁴⁸. С Турубераном связан и древний армянский владетельный род Тарберуни. Еще К. П. Патканов вывел название Турубера из *beran Tawrosi/rḗruiš Šurruḥ* и перевел как «устье Тавра»⁴⁹, так как вторая корневая основа — *beran/rḗruiš*, «рот», «уста». Встречаются разные формы этого названия: Таруберан, Тарберум, Тарберуни, Таруберам и Таврубера, но первоначальным названием области считается Таврубера/Таврубера/Šurruḥrḗruiš⁵⁰. Эта форма от *tavr-* особенно показательна, так как связывает средневековый армянский топоним «Турубера» с различными образованиями, зафиксированными у античных и византийских авторов.

Выдающийся армянский лингвист Г. Капанцян относил название области Турубера, хотя и с осторожностью, к доармянским⁵¹ (до недавнего времени формирование армянского народа датировалось V веком до н. э.). Он постулировал его возникновение еще с VI века до н. э., когда эта область выступала в союзе

43. Прокопий Кесарийский/Пер. с оригинала, предисл. и ком. Р. М. Бартикяна // Иностранцы источники об Армении и армянах. Византийские источники. Т. I. Ереван, 1967, с. 45 (на арм. яз.).

44. *Procopius. History of the Wars. Vol. 1 Books 1-2: The Persian War.* Harvard University Press, 1914, book 1, XVII, 24–30.

45. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами, книга II, глава XXV, 35.

46. Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971 (2-е издание), с. 308, прим. 2.

47. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей/Пер., комм. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. Москва, 1991, с. 43.

48. Азия // Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)/Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов. СПб., 1877, с. 45 ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vehi.net/istoriya/armenia/geographiya/index.html>. Дата доступа: 10.01.2020).

49. Там же, прим. 153.

50. Арутюнян Б. Область Таврубера (Турубера) Великой Армении по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии») // ИФЖ НАН РА. Ереван, 1999, № 2–3, с. 147–165 (на арм. яз.).

51. Капанцян Г. А. К происхождению грузинского национального имени *Kharthveli* // Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Т. 2. Ереван, 1975, с. 51–52.

с мидийцами⁵². Капанцян выводил название области от *tauru-* и *ber-* (род) и переводил как «роды, чтущие быка» (по аналогии с *Ariberan*—роды, чтущие бога Ари)⁵³. Тем самым он предполагал в ранней армянской истории существование племени, название которого было связано с образом быка. Важнейшей частью и центром Турубераана являлась провинция Тарон (*Tarôn, Taron(i)*) к западу от озера Ван. Н. Г. Адонц связывал название страны тавров/тавравнитов/таронитов именно с областью Тарон и соответственно с горной грядой Армянского Тавра⁵⁴.

Итак, армянский пласт дает нам достаточно многочисленный исторический и религиозно-мифологический материал о существовании определенного семантического набора названий, связанных с корнем *tavr-/taur-*. Правда, значительная часть этих названий дошла до нас в документах иноязычных авторов и вполне возможно подвергалась трансформации под воздействием греческой мифологии. Но отметим и то, что греческий язык имеет близкородственную связь с армянским даже внутри индоевропейских языков, а этот фактор мог многое нивелировать.

Семантический комплекс состоит из нескольких компонентов:

1. название племени или рода—тавры/тавравниты/тарониты;
2. название области—Тавравнон/Тарон/Таврубераан/Турубераан;
3. женское божество—Артемиды Тавропола (в греческой форме);
4. название горной гряды—Тавр/Таврос.

Говоря о значении для классической греческой географии горной системы Тавр на юге Малой Азии, которая считалась греками самой высокой и протяженной из всех гор, остается еще один вопрос этимологии, возможно, также переходящий в мифологическое восприятие. Почему такое название, прозрачно связанное с обозначением быка, закрепилось за горной системой в Малой Азии и почему в целом весь средиземноморский ареал, как собственно и индоевропейский, наполнены подобными названиями для отдельных гор и менее крупных горных систем?

Формирование названия горной гряды могло быть связано со сходством гор с мощными быками, прежде всего с дикой породой *Bos primigenius*—туром, который был широко распространен в Евразии. Например, образ этого быка широко представлен в искусстве и религиозных представлениях крито-микенского периода греческой цивилизации. Укажем на интересное замечание Страбона при описании Аравии, которое приоткрывает семантику подобных названий для греков: «Дальше идут Тавры (*Taûroi*)—две горы, издали имеющие очертания, похожие на этих животных»⁵⁵.

Лингвисты нечасто подробно рассматривают название малоазийского горного хребта Тавр, так как форма кажется более чем прозрачной: греческая—*Tauros*, латинская—*Taurus*. Перед нами, очевидно, греческая форма названия, поскольку именно греческие авторы широко распространили и закрепили его в литературе. Латинская форма, по сути, повторяла ее, поэтому была принята аутентично. При этом долгое время лингвисты традиционно считали, а в значительной мере продолжают считать и сейчас, названия для быка в греческом *taûros*—«вол», «бык» и латинском *taurus*—«вол», «бык» очень ранним заимствованием из семитских языков. Еще А. Фронзароли предложил происхождение индоевропейского *t[h]auro, *taur, *(s)teuros из прасемитского *bauru(m), общесемитского *tawr- c

52. Капанцян Гр. Хайаса—колыбель армян // Капанцян Гр. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Т. 1. Ереван, 1956, с. 203.

53. Там же, с. 40, 70, 135, 180–181, 187.

54. Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана, с. 308–309.

55. Там же, книга XVI, глава IV, 7.

аналогичным значением «бык». Древность семитских названий обосновывают их фиксацией начиная с периода ранних цивилизаций: общесемитское **tawr*— «бык», «вол», аккадское *šūru*, арамейское *tur*, *tura*, ассирийское *šawr*, угар. *Tṛ*-, финикийское *tōr*, древнееврейское *šōr*, *tōr*, сирийское *tawrā*, арабское *tawr*, южно-аравийское *tawr*— все с аналогичным значением «бык»⁵⁶. Отсюда и постулируется семитское происхождение названия самого горного хребта Тавр.

Действительно, близость индоевропейской и семитской традиций на лингвистическом и мифологическом уровнях велика. Однако представляется, что решение проблемы гораздо более сложное. Ведь откровенным противоречием выведению этих корректных лингвистических форм является полное признание учеными ареала обитания дикого быка-тура вида *Bos primigenius* в регионе формирования индоевропейской языковой общности и отсюда— общеиндоевропейское распространение этого термина⁵⁷. Отсюда— общеиндоевропейское поле названий быка, не менее широкое. При этом невозможно заподозрить большинство языков в тесном взаимодействии с семитским миром. Греческий *ταῦρος*— «вол, бык», латинский *taurus*— «вол, бык» и производные из латыни в романских языках: в итальянском и испанском *toro*, румынском *taur*, древнефранцузском *tor*, французском *taureau* продолжают средиземноморскими оск. *tavrom*— «бык», умбрийским *turuf*, *toru*— «бык», алб. *tarok*— «бык». Но эти примеры дополняются активной формой для обозначения дикого быка в балто-славянских языках: старославянский *turŭ*— «бык», древнерусский *турь*, древнепрусский *tauris*— «дикий бык, тур», литовский *tauras*— «дикий бык, тур»⁵⁸. Как видим, практически во всех индоевропейских языках в данной основе сохраняется *-au-*, зато у славян, повсеместно произошло упрощение в *-ŭ-*, что является одной из заметных особенностей развития славянских языков⁵⁹. Славянское слово «*турь*» встречается в древнейших письменных славянских текстах и до сих пор сохранилось практически во всех славянских языках.

Указывают на близость к этой группе также галлское *tarvos*— «бык», среднеирландское *tarb*— «бык», североирландское *tarbh*— «бык», валлийское *tarw*— «бык», бретонское *taro*— «бык». Несколько особняком, но близко располагается скандинавская группа: древнеисландское *þjórr*— «бык», датское *tyr*— «бык», шведское *tjur*— «бык» под влиянием древнескандинавского *stjōrr*⁶⁰.

Если существует такая лингвистическая ситуация широкого распространения основы *taur-/tur-*, характерная для ареала расселения индоевропейских народов, то, безусловно, следует оценить возможность распространения (подобно армянскому семантическому комплексу использования) данной лингвистической основы одновременно для обозначения народа/племени, области, географического объекта и религиозно-мифологических представлений в других индоевропейских традициях.

Античный Крым дает не менее интересный пример. Здесь мы встречаем название племени тавров, которое связывают с возникновением названия для всего

56. Супераньска О. В. Імовірісна ономастика // «Мовознавство», 1971, № 4, с. 37; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2-х томах. Т 2. Тбилиси, 1984, с. 872; Cherpilood A. Dictionnaire Etymologique des Noms Géographiques. Paris—New-York, 1986, p. 451.

57. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т 2, с. 519—520;

Сафронов В. А. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983, с. 51.

58. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т 2, с. 519—520, 574.

59. Мейе А. Общеславянский язык. Москва, 2000, с. 47—48.

60. Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949, p. 154.

региона—Таврика/Таврида. Здесь же распространено почитание богини, которая связана с атрибутами быка: Девы, иногда представлявшейся с бычьей головой, и Артемиды Таврополы. Для раннего античного Крыма греческое название гор в Крыму *Tauriká ôρη*⁶¹ произошло от названия полуострова. Это дало возможность А. Н. Анфертьеву возвести название гор для греков к этнониму «тавры»⁶². Значительно позднее появилось название «Тавр» для обозначения крымских гор, которое, судя по всему, первым применил Дионисий Периегет в первой половине II века⁶³. Причем один из комментаторов Дионисия, средневековый митрополит Евстафий, может считаться и родоначальником теории о происхождении названия племени от гор: «Живущие здесь скифы называются тавроскифами от тамошней горы Тавра»⁶⁴. Название же «Скифский Тавр» (*Scythicum Taurum*), которое охватывает всю Меотику, встречается еще позднее— у Иордана в VI веке⁶⁵.

Давно замечено, что названия с основой *taur-* охватывают все Средиземноморье с востока на запад. Причем очень часто это именно названия возвышенностей⁶⁶. Иногда можно заметить другие примеры, но часто семантические взаимодействия названий с основой *taur-* не столь полные.

Земли лигурийского племени тавринов располагались в стратегическом месте на северо-западе Апеннинского полуострова. Район расселения тавринов был насыщен топонимами, коррелирующими с названием самого племени. Горы в районе проживания лигурийских тавринов носили название Таврских⁶⁷. В этих горах располагалось важное в стратегическом отношении Тавринское ущелье⁶⁸, по которому галлы Бренна прошли в Италию. Впоследствии император Август основал на месте столицы племени тавринов город Августа Тавринов— *Augusta Taurinorum*⁶⁹. Потом этот город стал крупным центром под названием *Taurini*, *Turin* (латинское), *Torino* (итальянское)⁷⁰.

Схожий этноним-топонимический комплекс, связанный с названием племени, находим на другой, восточной, оконечности Альп— в Норее, где проживало племя таврисков. Страбон относит племя таврисков (*Taurískoi*) к иллирийскому племени нориков⁷¹. Судя по всему, именно смешение нориков с кельтами и привело к созданию нового племени— таврисков.

Типологические параллели дополняют кельтские примеры. В III—середине I веков до н. э. в Восточно-Карпатском регионе, с западной стороны гор, проживало кельтское племя таурисков (*Taurisci*)⁷². Происхождение названия племени таурисков связывают с названием быка *tauro*⁷³. Тауриски доминировали на востоке Среднедунайской низменности вплоть до их разгрома даками Бересты.

61. Геродот. История, книга IV, 3.

62. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.)/Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Москва, 1994 (2-е издание), с. 161–169.

63. Дионисий Периегет. Описание населенной земли/Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1, с. 238 (142–168).

64. Евстафий. Комментарий к «Землеописанию» Дионисия/Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1, с. 245 (163).

65. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)/Вступ. ст., пер. с лат., комм. Е. Ч. Скрижинской. СПб., 1997, 30

66. Супераньска О. В. Імовірна ономастика, с. 37.

67. Соломоник Е. І. Таври і Тавріка (про походження етноніма і топоніма) // «Археологія». Вып. 20. Київ, 1976, с. 47.

68. Ливий Тит. История Рима от основания города/Пер. В. М. Смирин, комм. Н. Е. Боданской, ред. переводов

М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе, ред. комм. В. М. Смирин, отв. ред. Е. С. Голубцова. Т. I. Москва, 1989, книга V, пр. 31, 9.

69. Тацит Корнелий. Сочинения: в 2-х томах. Том II: История, книга II, 66.

70. Moreau J. Dictionnaire de Géographie Historique de la Gaule et de la France. Paris, 1972, p. 311.

71. Страбон, книга IV, глава VI, 9, 12.

72. Там же, книга V, глава I, 6; книга VII, глава II, 2; книга VII, глава III, 2, 11; книга VII, глава V, 2.

73. Szabó M. The Celtic Heritage in Hungary. Budapest, 1971, p. 30.

В среднем течении реки Лигер (современная Луара) армия Гая Юлия Цезаря встретила и вела войну с племенем туронов (латинское *turoni, turones*)⁷⁴. Впоследствии на их землях было основано римское поселение Цезародунум — «крепость Цезаря»⁷⁵. Община же сохранила наименование *civitas Turonorum*, или *civitas Turonitum*. Но уже в период поздней Римской империи мы знаем этот город, столицу племени туронов, под новым названием в честь племени, которое возможно издавна было неофициальным, — Турон (*Turones*), а потом Тур (*Tours*). Вся область в позднеримское время носит имя *Turonicus*, после падения римского влияния — *Turonia*, а в средневековой Франции — *Touraine*, которое традиционно употребляется до сих пор⁷⁶.

Для меня особенно интересно наличие примера в белорусской традиции, который, собственно, и послужил толчком для сравнения на фоне армянской ситуации в общеиндоевропейском контексте.

В «Повести временных лет» под 980 годом читаем: «*Бе бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася*»⁷⁷. Эта лаконичная фраза фактически является началом белорусской истории. Несмотря на краткость, она дает начало семантическому полю однокоренных слов: князь-эпоним Тур — город Туров — «туровцы» как племенное объединение.

Свидетельство летописца о князе Туре давно предложили рассматривать как предание⁷⁸. Д. С. Лихачев указывал, что даже сам фразеологический оборот, употребленный летописцем, очень характерен для стиля, когда пересказываются исторические предания о первых легендарных князьях⁷⁹.

В XIX–XX веках в Полесье было записано много легенд, которые составили целый цикл преданий о князе Туре⁸⁰. Записанные народные предания значительно дополнили деталями комплекс семантического поля: важное место занял образ дикого быка-тура, на которого охотится князь; сам князь предстает языческим жрецом; важнейшим действием князя является насыпание Тур-горы, на которой впоследствии строится укрепление, являющееся необычным возвышенным объектом для совершенно равнинного и болотистого Полесья. «*В народе об основании Турова существует следующее сказание: когда князь <...> прибыл с многочисленным своим войском в дремучие леса, где теперь расположен Туров, то велел своей дружине насыпать гору (гора эта и теперь существует), и когда заснул на этой*

74. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: в 2-х томах. Москва, 1991. Т. II, с. 35.

75. *Cherpilloud A. Dictionnaire Etymologique des Noms Géographiques*, p. 465.

76. *Moreau J. Dictionnaire de Géographie Historique de la Gaule et de la France*, p. 271, 276, 375, 388.

77. *Повесть временных лет/Подготовка текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева*. СПб., 1999, с. 36.

78. *Грушевский А. Очерк истории Турово-Пинского княжества (XI–XIII вв.)*. Киев, 1901. с. 22–24.

79. *Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк в кн.: Повесть временных лет/Подготовка текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева*. СПб., 1999. с. 392–393, 404.

80. *Калайдович К. Введение к кн.: Памятники российской словесности XII в.* Москва, 1821, с. XI–XIII, XXI–XXII; *Шпилевский П. Мозырщина // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России*. Книга 3. СПб., 1859, с. 42–43; *Гаусман М. Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы удельного туровского княжества*. Минск, 1873, с. 19–21; *Описание церквей и приходов Минской епархии*. Вып. V: Мозырский уезд. Минск, 1879 с. 172–179; [*Епископ Минский и Туровский Евгений (Шарашилов)*]. *Очерк истории Турова. Творения Святаго отца нашего Кирилла епископа Туровскаго*. Киев, 1880, с. 1; *Киркор А. К. Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье*. Минск, 1993 (репринт СПб., 1882. Т. 3, ч. 2.), с. 379; *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich/Под ред. В. Chlebowskiego*. Т. XII. Warszawa, 1892, s. 629, 650; *Грушевский А. Очерк истории Турово-Пинского княжества (XI–XIII вв.)*, с. 17; *Крукоўскі А. Старадаўні Тураў і яго ваколліцы // «Наш край»*, 1928, №8–9 (11–12), с. 51–55; *Легенды і паданні / Пад рэд. А. С. Фядосіка*, склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Минск, 1983, с. 232–233, 280–282, 348; *Бяздоннае багацце. Легенды, паданні, сказы/Склад. А. І. Гурскі*. Мінск, 1990, с. 227–232.

горе, то увидел во сне высокоподнятым себя, а вокруг горы большой город. Приняв такой сон за хорошее предзнаменование, неотлагательно велел строить дома и созывать жителей, для населения новаго города»⁸¹.

В туровских легендах о строительстве города мы сталкиваемся с ярко выраженными космологическими мотивами, которые свидетельствуют об их архаичности. Прибывший в дикий лесной край князь Тур выступает как настоящий творец космического, то есть сакрально-упорядоченного пространства. Дикость преодолевается актами культурной деятельности: насыпанием горы, устройством колодца, строительством городского поселения. В случае разрушения князем построенного мир ожидает гибель. Причем хорошо видно, что миф привязан к конкретным условиям проживания в болотистом Полесье. Князь Тур в преданиях наделен чертами сакрального правителя, когда видит и самостоятельно толкует пророческие сны.

Все важнейшие элементы туровских преданий типологически очень близки к последующим легендам об основании князем Гедедином Вильни, столицы Великого княжества Литовского, и о зарождении Молдавского княжества при господаре Драгоше.

Подводя итоги, таким образом, можно говорить о том, что армянский материал через тексты античных и византийских авторов дает нам комплекс названий, семантическое поле которых связано с основой *taur-*, в которое входят названия гор, племени, страны, женского божества.

Такие семантические поля не редкость в индоевропейском ареале. Дополнительно они могут включать предка-эпонима или сакрализованного правителя. В основе развития подобных семантических полей выступает образ могучего быка, который может быть закреплен мифологией. Для славянской мифологии это образ дикого тура, но подобное соотнесение можно сделать и в ряде других примеров. Представление о мощи и силе распространялось на всю семантику, что, возможно, и являлось основой возникновения мифологических представлений. Это хорошо показывает белорусский пример.

В таком случае, может быть, не стоит искать в названии малоазийской горной гряды Тавр именно семитскую основу, как делают это многие исследователи. Данные религиозно-мифологических параллелей говорят о том, что это вполне могла быть индоевропейская традиция, даже при наложении на более раннюю. Ее можно увидеть в греческой форме Тавр—тавры—Артемида Тавропола. Но сохранение армянских форм Тарон и Турубера/Таврубера могут свидетельствовать и о собственно армянской традиции, которая в полном объеме не попала на страницы собственных исторических сочинений, а оказалась отражена в греческой или латинской передаче.

81. Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V: Мозырский уезд, с. 173.

Summary

Andrei Prokhorov,

PhD in History, Head of the Chair of Ancient and Medieval History, Faculty of History,
Belarusian State University (Minsk)

“Taurus Armenians” by Procopius of Caesarea and mythological parallels of the plot

Ancient Greek, Latin and Byzantine authors, and among the latter the 6th century historian Procopius of Caesarea, in their testimonies about Armenia have preserved the toponyms and names of the local inhabitants associated with “Taurus”. For example, along with the traditional Greek myth localizing the temple of Artemis, where Iphigenia had served as a priestess, in Tavrica (Taurica)/Crimea, Procopius cites another one. In it, based on local narratives, he “moves” the said temple to the land of “Taurus Armenians” in the region of Kelesina (province of Ekegheats in Higher Armenia). Greek, Latin, Byzantine and Armenian sources place much more toponyms and designations of the local Armenian population, semantically related to the root *tavr-/taur-*, in the region of Lake Van in the Armenian Highlands. This root is associated with the idea of powerful bull, possibly with wild breed *Bos primigenius*, aurochs, widespread in Eurasia. The image of Anahit-Artemis, the mother-goddess of the Armenian pagan pantheon of the Hellenistic period, is also associated with a bull. Her sanctuary was in the province of Ekegheats.

The close situation is typical for Crimea: its ancient name was Tavrika/Tavrida and the Tauri tribes were among the ancient inhabitants of it. It is necessary to add the spread on peninsula the cult of Deva (Virgin) goddess connected with the goddess Artemis Tauropolos, whose image was associated with the Taurus/Bull.

The analysis of the Armenian and Crimean material forms a semantic complex, consisted of several components: Tavri/Tauraunitii tribe—region Taravnon/Taron/Tavruberan/Turuberan—female deity Artemis Tauropolos (in Greek)—Taurus Mountains. Such semantic fields, connected with the image of a wild *aurochs/tur*, are common in the Indo-European area and in Slavic mythology as well. The Belarusian tradition has a similar old semantic field: the eponymous prince Tur—the town of Turov—Turovci as a tribal group. Mythological legends about the construction of the town of Turov present clear archaic cosmological motives. Prince Tur has the features of a sacred ruler in these legends. Similar semantic examples can be found in the Mediterranean region as well as in the Celtic world.

Therefore, this article argues with the historiographical tradition focused on the Semitic origins of the Taurus Mountains’ name in Asia Minor. The religious and mythological analogies indicate that such examples are well-known in Indo-European tradition. The Armenian forms Taron and Turuberan/Tavruberan, the earliest mentions of which are preserved in the Ancient Greek and Latin materials, can also have an Armenian origin and testify to the Armenian tradition itself, which did not fully appear on the pages of the own Armenian historical writings.

Следы распространения армянских медицинских знаний в Западной и Восточной Европе в Средние века

Максим Евадян,

доктор философии, заведующий кафедрой арменоведения факультета теологии
Лионского католического университета

В своем докладе я хотел бы рассмотреть один малоизвестный, но, несомненно, важный вопрос. Речь пойдет о распространении армянских медицинских знаний за пределы Армении — на Европейском континенте. Основными источниками для моего исследования стали два текста: первый — это глоссарий из Отёна (хранится во Франции), второй — Киево-Печерский патерик.

Медицина — одна из тех областей, где латиняне раньше всего осознали свое отставание от восточных народов, иудеев, а также мусульман и даже сирийских христиан. По этой причине они стремились сохранять всякое новое знание, принесенное иноземцами.

Ценность восточной медицинской науки осознавалась латинянами с древних времен, что проявлялось в самых разных формах. С одной стороны, некоторые латинские лекари путешествовали на Восток, в частности в Константинополь, с целью обучиться там искусству врачевания. Такова история Реовала (ок. 590 г.), врача-евнуха из Пуатье, который лечил одного из слуг королевы Хродехильды¹. Еще во времена Карла Великого восточные медицинские знания — греческое наследие — считались эталонными, им следовали как при диагностике, так и в плане используемой терминологии. Например, в сочинении «Жизнь Карла Великого» Эйнхард, описывая смерть императора, упоминает лихорадку и уточняет: «Но к лихорадке добавилась боль в боку, которую греки называют плевритом»². Можно полагать, что знание греческих названий болезней — наследие Античности, а не результат прямых контактов с византийскими врачами. Подтверждения подобных контактов нет³, за исключением Южной Италии, где в библиотеке в Монте-Кассино сохранилась рукопись 69. В ней содержится перечень лекарственных растений с их медицинскими свойствами, авторство приписывают Бертрарию (†883), аббату Монте-Кассино⁴. В интересующий нас исторический период (VII–XI вв.) представления о болезни еще не оформились в отдельное понятие. Словом *infirmus* могли называть не только больных: «Само понятие *infirmitas* казалось недифференцированным. На основании ряда текстов мы можем заключить, что

1. *Gregorii Episcopi Turonensis Libri historiarum X* / Ed. B. Krusch // MHG SS rer. Merov. T. 1. Pars 1, X:15, pp. 504–505;

Григорий Турский. История франков / Пер. В. Д. Савуковой. Москва, 1987, сс. 298–299.

2. *Einhardi Vita Karoli Magni* / Ed. G. Pertz, G. Waitz // MGH SS rer. Germ. T. 25, p. 35; Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. Москва, 1999, с. 30.

3. *Histoire de la pensée médicale en Occident* / dir. M. D. Grmek. Paris, 1995, pp. 177–179.

4. *Russo A. Di un poco noto 'Glossario' botanico-farmaceutico del IX secolo (Cod. Cassinese 69) // Atti dell'Accademia. 1990. T. 7, pp. 213–217.*

не существовало четкого различия между бедными, больными и паломниками, равно как не уделялось особого внимания ни конкретным болезням, ни описанию картины отдельных патологий»⁵. В ситуации, когда само понятие болезни для латинян представлялось таким размытым, неудивительно, что и возможности лечения были весьма ограничены. Поэтому латиняне приветствовали иноземцев, обладающих познаниями в искусстве врачевания.

Принято считать, что наибольший вклад в развитие врачебного искусства в то время вносили еврейские общины. Среди евреев, которые, как предполагается, сохранили связь с Востоком, уже в то время врачевание оформилось в отдельную профессию. Тем не менее в своем замечательном труде «Евреи и христиане в Западном мире» Бернхард Блюменкранц указывает, что «число врачей-евреев было не так велико, как в этом нас часто убеждают»⁶. На самом деле занятие медициной, похоже, стало предпочитаемой профессией среди евреев только в позднем Средневековье, т. е. значительно позже исследуемого нами исторического отрезка⁷. В раннесредневековых источниках врачи-евреи упоминаются редко. Например, согласно Григорию Турскому, примерно в 560 г. буржский архидиакон Леонаст обратился к некоему еврейскому врачу, чтобы тот избавил его от катаракты⁸. Этот врач-еврей, применявший медицинские банки, по-видимому, действительно в совершенстве владел своим ремеслом, несмотря на то что Григорий Турский высмеивает его. В начале IX в. архиепископ Зальцбургский, вероятно Арнон (+821), попросил прислать к нему врача-еврея или врача-раба (*Sclavianiscum*)⁹. Единственный известный по имени врач этого периода — Седекия. Именно он лечил Карла Лысого (843–877). Однако Гинкмар Реймский, рассказывая о его действиях в 877 г. и называя его по имени, ничего не говорит о его мастерстве¹⁰. Можно также привести упоминание о некоем анонимном еврее, о котором сообщалось¹¹ не как о враче при дворе Конрада II, а как об оппоненте Вазо, будущего епископа Льежского, в иудейско-христианском споре. Согласно Блюменкранцу, подобные упоминания «весьма немногочисленны»¹².

Лишь на юге Италии, где еврейское присутствие не вызывает никаких сомнений, контакты с еврейскими общинами Северной Африки и Испании могли поспособствовать развитию медицинских знаний и практик. Так, раввин и врач Саббатай Донноло (913—после 982), автор самого первого в Европе еврейского медицинского трактата, указывает, что он решил написать свой труд потому, что у евреев не было подобных текстов. На самом деле Саббатай Донноло — единственный, кого удалось идентифицировать с полной уверенностью, хотя, несомненно, он был не единственным еврейским врачом того времени¹³.

Ко всему вышесказанному можно добавить скептические рассуждения некоторых евреев о целительной силе реликвий, зафиксированные в ряде источников. Однако к подобным высказываниям следует относиться с осторожностью, поскольку

5. Histoire de la pensée médicale en Occident... p. 153.

6. Blumenkranz B. Juifs et chrétiens dans le monde occidental, 430–1096. Paris; La Haye, 1960, p. 21.

7. Blumenkranz B. Juifs et chrétiens... p. 21.

8. Gregorii Episcopi Turonensis Libri historiarum X... V:6, p. 203; Григорий Турский. История франков... с. 121.

9. Formulae Merovingici et Karolini aevi / Ed. C. Zeumer. Hannover, 1886, No. 38, p. 448.

10. Hincmar. Annales Bertiniani / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. 1, p. 504.

11. Gesta episcoporum Leodiensium / Ed. G. Waitz // MGH SS. T. 7, p. 216.

12. Blumenkranz B. Juifs et chrétiens... p. 22.

13. В данном вопросе мы опираемся на результаты, приводимые в монографии Патриции Скиннер (Skinner P. Health and Medicine in Early Medieval Southern Italy. Leiden, 1997, esp. pp. 81–82), и используем только те данные, которые кажутся нам достоверными.

контекст их как минимум неясен, следовательно, нельзя автоматически считать их авторов врачами. Наконец, Блюменкранц подчеркивает, что «исправления», сделанные во многих средневековых текстах с целью доказать существование еврейских врачей, на самом деле являются интерполяциями¹⁴. Похоже, в историографии существует тенденция относить появление врачей-евреев хронологически как можно дальше, в раннее Средневековье, особенно в Провансе и Каталонии, где врачеванием занимались преимущественно евреи. Корпус источников, касающихся еврейской медицины в исследуемый нами период, необычайно мал и сводится к трем или четырем текстам, из которых лишь один позволяет нам поближе взглянуть на медицинскую практику VI века. Нет причин оспаривать сам факт того, что евреи занимались медициной, но нет и прямых свидетельств того, что эта профессия была более популярна среди евреев, чем среди остального населения. К тому же нет никаких сведений и о характере этой медицинской практики.

Жан-Мари Санстер предлагает посмотреть под другим углом на интерес латинян к восточным врачам, обращая внимание на следующий отрывок из «Жития св. Григория Великого», написанного Иоанном Диаконом: «Тотчас прибыл врач Захария, который за год до этого вернулся к своему [народу], то есть к сарацинам, чтобы отречься от веры, и, коснувшись его висков, стал клясться, что пресвитер вовсе не умрет от этой же болезни. Когда больной услышал его, он с великой злостью оттолкнул [врача], говоря при этом: “Братья, уже все тело мое мертво, я держу глубоко в горле покидающий меня дух, и я сейчас же умру”... Он весь начал дрожать, бледнеть... и скончался»¹⁵. Данный эпизод, вероятно, относится к середине IX века и позволяет заключить, что среди сарацин, взятых в плен христианами после их неудачного нападения на Рим в 849 году, был некий врач, ставший на время христианином. Его ученость, очевидно, спасла его от обращения в рабство, тогда как его единоверцы были заняты на строительстве Леонинского города. Однако врачом он оказался довольно посредственным, учеников, похоже, у него тоже не было.

Другим важным эпизодом, заслуживающим внимания, является история знаменитого мусульманина, принявшего христианство и ставшего монахом в Монте-Кассино под именем Константин Африканский (1015–1095). Он перевел с арабского на латынь ряд медицинских текстов и внес большой вклад в возрождение медицинского знания в Южной Италии¹⁶. За исключением приведенных выше фактов, нам не удалось выявить других свидетельств о контактах между мусульманским и латинским миром в интересующий нас период, который, напомним, хронологически соответствует периоду становления медицины в мусульманской культуре, происходящего, в частности, благодаря деятельности сирийских врачей-христиан¹⁷.

Недавние научные исследования выявили решающую роль восточных христиан в сохранении и распространении древних медицинских знаний. В настоящее время достоверно известно, что мусульманская медицина в значительной степени обязана своим развитием восточным христианам, преимущественно сирийцам. Действительно, если мусульманская медицина и смогла развиваться в XII–XIV вв., то во многом благодаря переводам на арабский язык греческих научных трудов. Однако «важно понимать, что никто из исламских ученых никогда не имел прямого

14. Blumenkranz B. Juifs et chrétiens... p. 22, n. 126.

15. Цит. по: Sansterre J.-M. Un médecin musulman à Rome au milieu du IXe siècle // Byzantion. 1978. T. 48, pp. 282–283.

16. Histoire de la pensée médicale en Occident... pp. 165, 179–182.

17. Histoire de la pensée médicale en Occident... pp. 128–129.

доступа к античным оригиналам, все их труды опирались на переводные тексты»¹⁸. Вся эта огромная работа, включающая перевод, комментирование и осмысление античных текстов, была выполнена христианами учеными. Раймон Ле Коз, осознавая значимость данной работы, посвятил ей книгу, где обобщил результаты всех своих исследований по данной проблематике. Автор приводит списки имен христианских ученых, подробные биографии самых значимых персоналий, таких как Исхак ибн Хунайн (809–873), а также список их трудов¹⁹. Этой же проблематикой, только в более полемическом ключе, занимается Сильвен Гутенхейм²⁰.

Осознание роли христианских ученых на Востоке можно проиллюстрировать относящимся к исследуемому нами временному отрезку диалогом между визирем Абу-л-Касимом ал-Магриби и митрополитом Нисибиса Илией (1008–1046): «Визирь спрашивает меня: “Есть ли у вас наука, как у мусульман?” Я говорю: “Да, и многое другое”. Он спрашивает: “И каковы доказательства?” Я говорю: “Доказательством является то, что у мусульман есть много полезных наук, которые пришли от сирийцев, в то время как среди сирийцев нет ни одной науки, которая бы пришла от арабов”». Илия Нисибский является автором двуязычной хроники, сирийской грамматики, а также арабско-сирийского словаря под названием «Книга переводчика». Он сыграл неоценимую роль в развитии лагинской медицины. Впоследствии трактат, известный на Западе как *Isagoge (Liber Isagogum)*, и история его автора, имя которого было латинизировано и закрепилось в форме *Johannitius*, изучались во всех средневековых университетах латинского мира.

Заслуги сирийских христиан в развитии врачебной практики в мусульманском мире хорошо изучены, однако не должны заслонять собой заслуги других христианских общин в этой области. Главный врач (բժշկապետ) сасанидского царя Хосрова II (590–628) находился, согласно армянскому историку Степаносу Асогику, «в общении с верой армян» (միասնէիմ ընդ շայնց հաւատոյն) ²¹. Данное утверждение можно понимать двояко: либо этот анонимный врач был сирийцем, имевшим религиозные контакты с Армянской церковью, либо он сам был армянином или имел армянские корни. Последнее наиболее вероятно, поскольку он упоминается в тексте в одном ряду с именами еще двух армян.

Накопленные сирийцами знания были унаследованы киликийской армянской культурой в XII–XIII веках. В киликийский период почти половина переводов с сирийского на армянский язык была связана с медицинской литературой и естественными науками. Согласно Левону Тер-Петросяну, подобная преемственность — «одно из проявлений упадка сирийской культуры, [которое] отражается в стремлении сирийцев передать свои духовные ценности другой, более жизнеспособной культуре, чтобы спасти их от исчезновения»²².

Глоссарий из Отёна. В 1882 году в журнале *Bibliothèque de l'École des Chartes* появилась публикация Анри Омона *Manuel de conversation arméno-latin du Xe siècle*. Так Омон назвал документ, включающий 90 латинских слов и их армянские

18. *Le Coz R. Les médecins nestoriens au Moyen Age: Les maîtres des arabes.* Paris, 2004, p. 90.

19. *Le Coz R. Les médecins nestoriens...* pp. 85–191.

20. См.: *Gouguenheim S. Aristote au Mont-Saint-Michel, les racines grecques de l'Europe chrétienne.* Paris, 2008; сравн.: *Büttgen P., De Libera A., Rashed M. Les Grecs, les Arabes et nous, enquête sur l'islamophobie savante.* Paris, 2010.

21. Ստեփանոսի Տարօնցոյ Ասորիական Պատմութիւն տիեզերական / Աշխ. Ս. Մալխասեանցի. Սանկտ Պետերբուրգ, 1885, էջ 98; Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Пер Н. О. Эмина. Москва, 1864, с. 70.

22. *Տէր-Պետրոսեան Լ. Յ. Ասորիների դերը հայկական Կիլիկիոյ մշակութային կենանրում ԺԲ-ԺԳ դերերում.* Վենետիկ, 1989, էջ 86.

эквиваленты, записанные латинскими буквами²³. Данный список был обнаружен на последних страницах манускрипта, написанного каролинским минускулом и содержащего преимущественно письма св. Иеронима, а также трактат Никиты Ремесианского (IV в., Дакия). Вполне возможно, что рассматриваемая рукопись (наряду с рукописью S. 26) является частью собрания *duos epistolarum hieronimi*, подаренного епископом Вальтерием (976–1024) кафедральному собору города Отёна²⁴. Этот ценнейший манускрипт сначала хранился в библиотеке соборного капитула, затем в главной семинарии города Отёна (супрефектура Соны и Луары (71) в Бургундии), после чего был передан в городскую муниципальную библиотеку, где и хранится по сей день (рукопись S. 17 (17 A), лл. 156–156об)²⁵.

В данной работе мы будем ссылаться на нашу собственную редакцию этого списка (см. приложение 1). Все те немногие сведения, которые у нас есть на сегодня об анонимном армянском авторе, участвовавшем в создании данного списка, были получены покойным Йосом Вейтенбергом в результате диалектологического анализа языка документа. Исследователь пришел к выводу, что состояние армянского языка, зафиксированное в отёнской глоссарии, является промежуточным между 2-й и 3-й стадиями развития диалектной группы 4, распространенной в регионе Хой-Урмия-Ван²⁶: «Происхождение этого диалекта следует искать где-то к югу или западу от озера Ван»²⁷. Открытие Вейтенберга весьма ценно, поскольку дополнительные свидетельства о прибытии в Европу в IX–XI веках других паломников или путешественников из упомянутого региона отсутствуют.

Так как изучаемый манускрипт представляет собой копию с более древней рукописи, приходится с осторожностью рассуждать о возможной его датировке. Клер Мэтр каталогизировала отёнские рукописи удивительно точно. Исследовательница отнесла данный манускрипт ко второй трети IX века, при этом входящий в него глоссарий она датирует X веком, оставляя открытым вопрос о том, был ли глоссарий скопирован одним из нескольких переписчиков, что работали над остальным текстом рукописи²⁸. Ввиду некоторой палеографической неопределенности нет точного ответа и на вопрос о времени создания самого оригинала, с которого впоследствии была сделана изучаемая нами копия. Анна Элизабет Редгейт предполагает, что в составлении глоссария участвовал некий армянин, сопровождавший свиту Анны Константинопольской, дочери императора Льва VI (886–912), которая около 900 года должна была выйти замуж за каролинга Людовика III Слепого (890–928), короля Прованса и будущего императора Запада²⁹. Данная гипотеза, безусловно, обладает полнотой и аргументированностью, но не имеет под собой твердых оснований. Однако она не становится от этого менее привлекательной. Но даже если мы принимаем предложенную датировку, в этой схеме остается одно слабое место: нам придется допустить, что сопровождавший Анну Константинопольскую и участвовавший в составлении глоссария армянин лишь

23. Omond H. Manuel de conversation arméno-latin du Xe siècle // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1882. T. 43, pp. 563-564.

24. Maître C. Catalogue des manuscrits d'Autun. Turnhout, 2004, p. 82.

25. Описание рукописи см.: Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements. Paris, 1849. T. 1, p. 13.

26. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects and the Latin-Armenian Glossary // Medieval Armenian Culture. Chico, 1983, pp. 20–21.

27. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects, p. 21.

28. Maître C. Catalogue des manuscrits d'Autun, p. 80.

29. Redgate A. E. An Armenian physician at the early tenth-century court of Louis iii of Provence? The case of the Autun glossary // Al-Masaq. 2007. Vol. 19, No. 2, pp. 92-93.

недавно переселился в имперскую столицу, ведь на момент создания глоссария он в полной мере сохранял в речи все диалектные нюансы своего родного языка.

Анализ вошедших в глоссарий терминов показывает, что лексика, используемая для описания тела, занимает в нем более значимое место, чем религиозные термины. Из чего следует предположение, что латиноязычный монах задавал вопросы армянину не столько ради богословской беседы, сколько для обмена мнениями по вопросам лечебной практики. Более того, отёнский глоссарий включает такой перечень названий органов человеческого тела, без знания которых была бы невозможна всякая дискуссия по анатомии и анатомической медицине. Последнее обстоятельство представляется нам очень важным, поскольку подчеркивает тот факт, что во времена, когда составлялся этот глоссарий, армяне воспринимались не только как дружественные латинскому миру христиане, но прежде всего как носители важнейшего знания — медицинского. Действительно, изучаемый документ вносит весомый вклад в изучение истории медицины и заслуживает анализа.

Глоссарий содержит 90 слов, 37 из которых относятся к анатомической терминологии и только 12 — к религиозной тематике. Приведем здесь группу анатомических терминов:

41. Homo	Andzen	60. Venter	Puerche
42. Capillus	Mazen	61. Humerus	Tigunc
43. Oculus	Hahc	62. Brachium	Striunch
44. Supercilium	Hunc	63. Manus	Hab
45. Cilium	Ardvanunc	64. Digitus	Matun
46. Nasus	Chit	65. Pugnus	Prunch
47. Os	Peran	66. Spina	Hualn
48. Labra	Scirtun	67. Dorsum	Cuelc
49. Dens	Atmunc	68. Latus	Scrit
50. Gengiva	Lind	69. Renes	Handam
51. Lingua	Lizu	70. Renes	Gernac
52. Barba	Muruc	71. Coxa	Andam
53. Facies	Eriesc	72. Genu	Scunch
54. Auris	Aganch	73. Crus	Ulucc
55. Collum	Vise	74. Pes	Uaden
56. Gula	Puelc	75. Cabilia	Cuech
57. Guttur	Kcerchac	76. Veretrum	Cliu
58. Pectus	Scirt	77. Testiculi	Scuc
59. Mamilla	Cize	78. Mulier	Kenik

Если проанализировать весь раздел имен нарицательных глоссария, то становится очевидна его медицинская направленность: имена нарицательные:

- продукты питания,
- физические объекты,
- видимые части верхней части тела,
- внутренние органы,
- видимые части нижней части тела,
- гениталии.

Примечательно, что интерес латинского монаха выходил далеко за рамки общеупотребительной лексики, подтверждением чему служат следующие узкоспециальные (особенно в контексте той эпохи) медицинские термины:

59.	Mamilla	Cize
60.	Venter	Puerche
61.	Humerus	Tigunc
71.	Coxa	Andam
76.	Veretrum	Cliu
77.	Testiculi	Scuc

Армянин, в свою очередь, когда вопрос монаха понят им верно, дает очень точный перевод на армянский язык, используя такие же узконаправленные термины: *scuc*, *cize* или *tigunc*, демонстрируя прекрасное владение анатомической терминологией. Армянская терминология восходит корнями к ранней Античности, при этом сложно понять, какие именно предметные области она на самом деле в то время охватывала. Из текстов до нас дошли только названия растений, животных и минералов, которые относятся ко временам похода Саргона Аккадского (2633–2579 гг. до н. э.) в земли Нур-Дагана (юго-запад Армянского нагорья). Так, царь-победитель Саргон сообщает, что привез в Вавилонию деревья, преимущественно плодовые, и бобовые растения. Их названия сохранились в классическом и даже современном армянском языке³⁰. Все же имеющиеся источники слишком фрагментарны для того, чтобы можно было объективно оценить уровень развития армянской терминологии на момент создания первых переводов греческих медицинских трактатов на армянский язык. Датировка этих переводов также весьма проблематична³¹. Рассмотрим случай греческого врача Галена: переводы его трудов на армянский язык изучены лучше других. Из 38 рукописей, хранящихся в ереванском Матенадаране, самая древняя датируется XIV веком, большая же часть относится к XVII и XVIII векам, но ни в одной из них не указана дата перевода³². Так, например, Гарабед Енезян утверждает, что трактат Галена был переведен на армянский язык в V веке, но никаких доказательств этому не приводит³³.

Гарабед Енезян также придерживается мнения о том, что одновременно с сочинениями Галена на армянский язык были переведены и некоторые труды Гиппократов, Диоскорида, Асклепия, Орибасия, Немесия Эмесского, Руфа Эфесского и Павла Эгинского, хотя и здесь его утверждения лишены доказательств³⁴. Тем не менее принято считать, что во время своего пребывания в Константинополе около 720 г. будущий епископ Сюника Степанос перевел на армянский язык трактаты Немесия Эмесского «О природе человека» и Григория Нисского «Об устройении

30. Речь идет про яблоко (*hashuru* / խաշուր), инжир (*tittu* / բլիթ), сливу (*salluru* / սալլուր), тополь (*susu* / սոսի), горюх (*halluru* / լիլի) и абрикос (*tzirdou* / ժիրժու). См.: *Adontz N. Histoire d'Arménie. Les origines du Xe siècle au VIe siècle.* Paris, 1946, pp. 21–20, 395–405 = Ադոնց Ն. Երկվիթ. 2. Դ. Երկվիթ, 2009, էջ 51; сравн.: *Enézián G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques de l'Antiquité et du Moyen-Age à travers les manuscrits arméniens.* Rheinfelden, 1982, p. 27.

31. Точных сведений не находим в: *Ter-Petrosian L. La Littérature Armenienne Ancienne de Traduction.* Erevan, 1984; *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie: de l'Antiquité à nos jours.* Paris, 1999.

32. *Greppin J. Preliminary Comments on the Greek-Armenian Lexicon to Galen // Revue des études arméniennes. Nouvelle série.* 1982. T. 16, p. 71. Джон Греггин не упоминает рук. 7717, которую Гарабед Енезян считает лучшей копией текста (*Enézián G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques*, p. 62).

33. *Enézián G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques*, p. 62.

34. *Enézián G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques*, p. 62. Обращение к работе Роберта Томсона не дает никакой дополнительной информации, так как в ней нет упоминаний об этих авторах, за исключением Галена и Немесия. См.: *Thomson R. W. A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD.* Turnhout, 1995, pp. 55, 70.

человека»³⁵. Эти переводы свидетельствуют об актуальности для Армении начала VIII века знаний по анатомии, чем интересовались также монахи-лекари, имена которых не дошли до наших дней.

Существует лишь один опубликованный источник, относящийся к изучаемому нами периоду (VII–XI века), с которым мы могли бы сравнить содержащуюся в отёнском глоссарии армянскую медицинскую терминологию. Джон Греппин в 1985 году опубликовал «Словарь Галена» (Բառք Գալիսիանի)³⁶. «Словарь Галена» представляет собой глоссарий на 575 слов, из которых по крайней мере 400 терминов встречаются в трактате Галена. Первое издание словаря со временем пополнилось еще сорока пятью терминами из медицинских трактатов, написанных на арабском языке³⁷. Так как армянские термины являются кальками с греческого, логично было предположить, что данные переводы относятся к «эллинофильскому» периоду, т. е. к VI веку, а если быть точным — к хронологическому отрезку с 570 по 620 год. Примечательно, что одно греческое слово могло иметь несколько (до десятка) переводных соответствий, а это значит, что корпус терминов с течением времени продолжал пополняться³⁸. Первый вывод, который можно сделать на основании этого глоссария: армянская медицинская терминология не была заимствована из арабского или даже греческого языков, так как в подавляющем большинстве случаев переводчики смогли подобрать общеупотребительные собственно армянские эквиваленты. Мы провели системное сравнение армянских слов из отёнского глоссария со списком терминов «Словаря Галена» Дж. Греппина и с удивлением обнаружили, что только три лексические единицы из отёнского списка (№ 30, 31 и 33) соотносятся со «Словарем Галена». При этом они не имеют прямого отношения к медицинской практике. Это доказывает существование своей собственной терминологии в армянском языке, а отёнский глоссарий на сегодняшний день является самым древним датированным и опубликованным документальным подтверждением этого³⁹.

Входящая в глоссарий из Отёна лексика косвенным образом и неполно отражает содержание беседы между латинянином и армянином, поэтому сложно проанализировать и понять ее реальный предмет. Мы уже подчеркивали точность содержащихся в глоссарии слов; можно также отметить полноту данного списка: в глоссарии присутствует достаточный набор терминов, необходимых для описания клинической картины заболевания. Ценность изучаемого документа возрастает еще и потому, что он датируется второй третью IX века или, самое

35. Գրիգոր Երևանցի. Տետրիին ի մարդն լիսվորին Յաղագս լիսվորեան մարդոյ / արաբար. և ծանոթագր.՝ Ս. Վարդանյան. Էջմիածին, 2008, էջ 44–45; The Armenian Version of the Works Attributed to Dionysius the Areopagite / Ed. and trans. by R. W. Thomson. Louvain, 1987, p. xiii.

36. Barik' Galiansi: An Armenian-Greek Dictionary to Galen / Ed. and trans. by R. W. Thomson. Delmar, 1985.

37. Период пополнения терминами из арабского языка, по-видимому, приходится на конец IX и первую половину XI веков. См.: Barik' Galiansi, p. 11.

38. Barik' Galiansi, p. 11.

39. Мы слишком поздно (лишь в конце февраля 2015 года) получили исследование Стеллы А. Варданян «Армянская медицинская терминология в XII веке» (Վարդանյան Ս. Շայ բժշկական տերմինաբանությունը XII դարում // Բանբեր Մասննախարանի. 1979. № 10, էջ 185–212), чтобы иметь возможность изучить его в полной мере. Однако ознакомившись с терминами в приложении к этому исследованию (Վարդանյան Ս. Շայ բժշկական տերմինաբանությունը, էջ 198–210), мы отметили, что в нем встречается примерно полтора десятка слов, повторяющихся и в глоссарии из Отёна. Нам удалось обнаружить 16 терминов (№ 42–48, 49, 51–54, 58, 60, 64, 68, 71, 72 и 74) согласно нумерации в нашем издании. Даже такое предварительное сравнение показывает, что армянская анатомическая терминология сформировалась на два столетия раньше, чем полагала Варданян.

позднее, X веком⁴⁰. Оригинал же, вероятно, появился в VIII–IX веках (не позднее IX в.), т. е. задолго до начала возрождения медицинского образования на Западе, связанного с прибытием Константина Африканского в Салерно в 1077 году⁴¹. Таким образом, кажется, будто этот армянин, соавтор отёнского глоссария, пытался вновь внедрить на Западе (точное место его встречи с латинянином неизвестно) практику описания клинической картины заболеваний. Очевидно, у него имелись последователи, поскольку какая-то часть его учения была собрана в глоссарий и таким образом сохранилась.

Киево-Печерский патерик. Киево-Печерский патерик — текст нарративного характера, в котором можно найти сведения о распространении армянской медицины. Ярослав Дашкевич, ученый-арменовед из Львова, открыл для западной науки документ, имеющий первостепенное значение и для темы нашего исследования. Речь идет о «Послании к Акиндину», написанном в 1220-х гг. Это длинное послание, включающее жития святых деятелей Киево-Печерского монастыря. О его авторе, Поликарпе, известно лишь то, что он был современником Симона, епископа Владимирского и Суздальского (1214–1226). Симон адресовал ему свое послание, в текст которого вошел целый ряд сказаний, в частности сказание «О святом и блаженном Агапите, безмездном враче» или «Слово о блаженном Агапите лечце», записанное, согласно Я. Дашкевичу (и мы разделяем его точку зрения), во второй половине XI века. Я. Дашкевич изучил и перевел текст Симона:

«Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и не было случая, чтобы не исполнилось слово его, — и такого уже он не лечил. Один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед Агапитом, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть.

[...]

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодич Мономах⁴², и усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь молить игумена Печерского Иоанна⁴³, чтобы он понудил Агапита прийти к нему, — он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит ему идти в Чернигов⁴⁴. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы выйти за монастырские

40. Если предполагать, что глоссарий датируется тем же периодом, что и сама рукопись. Он также может относиться ко второй половине X века, если является в действительности более поздней вставкой. См. *Maitre C. Catalogue des manuscrits d'Autun*, p. 82.

41. *Histoire de la pensée médicale en Occident*, pp. 179–182.

42. Владимир Мономах (1053–1125), князь Черниговский в 1078–1094 гг., затем великий князь Киевский в 1113–1125 гг. Он был назван Мономахом, так как его мать, вероятно, была дочерью византийского императора Константина IX Мономаха.

43. Игумен с 1088 по 1095 год.

44. Чернигов расположен на северо-востоке современной Украины.

ворота и нарушителем стать обета, который я дал перед богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вздоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда”. Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему для больного зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И только что князь принял это зелье, как тотчас выздоровел.

[...]

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится? И отвечал блаженный: “Каким господь подаст здоровье”. Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: “Ничего он не знает”. Потом взял его руку и сказал, что через три дня он умрет. “И это истинно, — прибавил врач, — и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом”.

Блаженный же с негодованием сказал ему: “Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, — за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня господь известил, что я через три месяца умру”. И сказал ему армянин: “Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня”, а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: “Вот целебное зелье, смотри и разумей”. Лекарь посмотрел и сказал иноку: “Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят”. Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: “Сын мой, поешь и ты, но не погнавайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя”. Армянин же сказал ему: “Теперь, отче, четыре дня этого месяца мы постимся”. Блаженный же спросил его: “Кто же ты и какой веры?” Лекарь же ответил ему: “Разве ты не слышал, что я армянин?” И сказал ему блаженный: “Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!” Армянин, посрамленный, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: “С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в господу Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: “Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душой погубишь”. И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то бог не взял бы его к себе из этого мира, но, принявши его, господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая небесного царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней, — он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца, — он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив”⁴⁵.

45. *Dachkévitch Ya. Les Arméniens à Kiev (jusqu'à 1240) // Revue des études arméniennes. 1973–1974. T. 10, pp. 305–358; 1975–1976. T. 11, pp. 327–375.* В настоящей статье перевод сказания о блаженном Агапите на современный русский язык приводится по: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. Москва, 1999, сс. 39–42, 143–145.

Как отметил Ярослав Дашкевич, приведенный текст имеет «плохо скрываемый тенденциозный характер» и датируется не XI веком, а временем жизни инока Поликарпа, т. е. XIII веком. Цель автора, переработавшего текст, — показать «превосходство православной религии над армянской»⁴⁶. Наш дальнейший анализ мы будем строить, опираясь на следующее заключение львовского арменоведа: «Один из видных представителей [армянской] колонии был высокообразованным врачом, который имел доступ к великокняжескому двору и лечил не только бояр, но и князей»⁴⁷.

Несмотря на полемический тон анализируемого текста, из него можно извлечь три важных положения. Во-первых, армянский врач не был служителем церкви, поскольку он принял монашеский сан во время своего обращения в православие. По крайней мере, именно такой вывод можно сделать из прочтения текста в существующей редакции. Данное наблюдение доказывает, что высокий уровень медицинских знаний могли приобрести люди, не являющиеся служителями церкви. Это важно, так как в Средневековье⁴⁸ большинство врачей или интересовавшихся медициной ученых преимущественно были монахами. Во-вторых, анонимный врач XI века, очевидно, имел богатый опыт и был хорошим диагностом, поскольку к нему обращались за лечением бояре и даже сам князь. Более того, диагноз устанавливался путем измерения пульса, что тоже весьма примечательно для того времени, ведь к разного рода манипуляциям и измерениям для постановки диагноза на Западе вернулись только в период салернского медицинского ренессанса, в XII–XIII веках⁴⁹. Наконец, в лечебной практике оба — и Агапит, и армянин — использовали лекарственные растения. Блаженный исцелял одним единственным «зельем» (травой). К тому же Агапит, по словам его апологета, не был сведущ в искусстве врачевания, что видно из этого отрывка: «И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится? И отвечал блаженный: “Каким господь подаст здоровье”. Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: “Ничего он не знает”».

Светский врач, напротив, должен был знать больше растений, даже если текст нам сообщает, что он использовал одно лишь «зелье». Оттого и лекарь Агапит показывает армянину траву, которую он сам применяет, с уверенностью, что тот сможет ее узнать: «... Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: “Вот целебное зелье, смотри и разумеи”. Лекарь посмотрел и сказал иноку: “Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят”».

Любопытно, что загадочное происхождение этого растения армянский врач связывает с Александрией. В данном контексте нужно упомянуть, что именно ὑράτσασιν Ἀλεξανδρινοῖς (александрийскими буквами)⁵⁰ была написана апокрифическая рукопись, подтверждающая аршакидское происхождение Василия I, которую Фотий передал на хранение в императорскую библиотеку, чтобы вернуть себе милость императора. Александрия действительно являлась одним из главных культурных центров христианской Античности как со светской, так и религиозной

46. *Dachkévitich Ya. R. Les Arméniens à Kiev (jusqu'à 1240), II // Revue des Études Arméniennes, Nouvelle Série. 1975–1976. T. 11, p. 329.*

47. *Dachkévitich Ya. R. Les Arméniens à Kiev (jusqu'à 1240), II, p. 330.*

48. См. список в: *Enézian G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques, pp. 90–91.*

49. *Histoire de la pensée médicale en Occident, pp. 193–196.*

50. *Patrologia Graeca, t. 105, col. 568; сравн.: Settipani C. Continuité des élites à Byzance durant les siècles obscurs, les princes caucasiens et l'Empire du VIe au IXe siècle. Paris, 2006, pp. 177–182.*

точки зрения. Спустя столетия александрийские знания по-прежнему вызвали восхищение. Так или иначе, армянский лекарь, хоть и не сумел установить происхождение целебной травы Агапита, кажется не менее сведущим в искусстве врачевания травами, чем блаженный Агапит.

Рассмотренный текст доказывает, что в середине XI века армянские врачи не прекращали лечебную практику, основанную на клинических наблюдениях и применении лекарственных растений. Таким образом, мы приходим к вопросу о существовании армянской медицинской традиции.

Армянская медицинская традиция. Медицинское знание в армянской культуре стало формироваться еще до того, как она ощутила влияние эллинистического наследия. Армяне и даже их урартские предки сформировали собственную медицинскую традицию гораздо раньше, чем получили доступ — прямой или через переводы — к своду знаний, называемому учением Гиппократов. В надписях урартского царя Менуа I (810–785 гг. до н. э.) говорится о существовании медицинских учреждений и терм. Также в урартских надписях засвидетельствована фармакопея, основанная на целебных свойствах растений⁵¹. Богатство армянской флоры и фауны отражено в составе некоторых целебных сборов, которые упоминаются и греко-латинскими авторами, такими как Ксенофонт, Теофраст, Страбон, Тацит, Плиний Старший, Плутарх, и, конечно же, греческими врачами Дискоридом и Галеном⁵².

Важное свидетельство существования догиппократовской медицинской практики в Армении находим у Ксенофонта в его «Киропедии», идеализированный характер которой уже вряд ли вызывает сомнения. О пребывании Кира в Армении греческий автор пишет следующее: «В это время к Киру привели пленников, израненных и в оковах. Заметив раненых, Кир приказал тотчас же освободить их от оков, вызвал к ним врачей и приказал их лечить»⁵³.

Данный фрагмент приобретает особую значимость, если принимать во внимание тот факт, что в произведении нет других упоминаний о врачах и медицине, хотя основную его часть составляет описание многочисленных битв и различных военных событий. Все это доказывает, что армянская медицина не просто существовала, но и ценилась как среди греков, так и среди иранцев. Следовательно, можно предположить, что армяне унаследовали урартские знания о врачевании или, что более вероятно, сами носители этих знаний перешли от одного правителя к другому.

Во многих армянских источниках указывается на необходимость сажать и поддерживать леса и сады для развития сельского хозяйства, охотничьих угодий и медицины. Тацит также отмечает, что царицу Зенобию (ок. 55 г.), получившую ранение, когда она вместе со своим мужем, ибером Радамистом, поспешно отступала из Армении, армянские крестьяне лечили «деревенскими средствами» (*agrestia medicamina adhibent*)⁵⁴. Рассуждения о медицинских вопросах некоторых

51. Enézian G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques, p. 29.

52. Enézian G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques, pp. 33–38 ; Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie, pp. 22–26.

53. «Ἐν δὲ τούτῳ προσάγουσι τῷ Κίρῳ τοὺς αἰχμαλώτους δεδεμένους, τοὺς δὲ τινας καὶ τετραμένους. Ὡς δὲ εἶδεν, εὐθὺς λύειν μὲν ἐκέλευσε τοὺς δεδεμένους, τοὺς δὲ τετραμένους ἰατροῦς καλέσας θεραπεύειν ἐκέλευσεν» (Xénophon).

Суропédie / texte établi et traduit par Marcel Bizos, t. 2. Paris, 1973, p. 16; русский перевод: Ксенофонт. Киропедия / издание подготовили В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов; отв. редактор С. Л. Утченко. Москва, 1976, с. 68).

54. Tacite. Annales / texte établi et traduit par P. Willeumier. T. 3. Paris, 1994, p. 86.

армянских авторов отличаются такой глубиной, которая позволяет предположить, что медицинские знания в Армении были очень востребованы⁵⁵. Описывая в своей «Истории Армении» плодородную и процветающую Араратскую долину, армянский историк V века Лазар Парпеци добавляет: «Живое благоухание душистых цветов дарует здоровье искусным лучникам, любителям охоты и пастухам, живущим под небосводом, придает силу духу и обновляет его. Там находят корни различных растений, которые почитаются эффективным средством и употребляются врачами, согласно их искусству и глубоким познаниям в науках. Есть там и особые лекарства, изгоняющие недуги, настойки, восстанавливающие здоровье людей, измученных долгими болезнями»⁵⁶.

О деятельности царя Арташеса II сообщает армянский историк Товма Арцруни (X век): «Он разбил вокруг крепости Артамет [Ван] сады, полные разнообразных благовонных цветов, что были не только приятны взору и благоухали, но служили для приготовления лекарств, изобретенных искусными врачами той местности согласно учению Асклепия»⁵⁷.

Говоря об истории армянской медицины в христианской Античности, нельзя не упомянуть об инициативе католикоса Нерсеса I, в 360-х гг. приказавшего открывать по всей Армении учреждения для больных⁵⁸. Нина Гарсоян подчеркивает влияние Евстафия Севастийского на инициативу Нерсеса, а также деятельность Василия Кесарийского, который немногим позже (372–373) построил на выезде из города Кесария Василиаду⁵⁹ — величественное сооружение, комплекс, в котором осуществлялась благотворительная деятельность и оказывалась медицинская помощь. Она пережило своего создателя лишь частично, но с тех пор и на протяжении всего Средневековья эта церковь стала проявлять особую заботу о больных и немощных, что также объясняет склонность армянских монахов заниматься лечебной практикой.

Описывая провинцию Арминия в своем главном труде «Лик земли» (ок. 988 г.), мусульманский географ Ибн Хаукаль отмечает: «Там мне довелось встретить выдающихся врачей, прославленных практиков, обладающих богатейшим опытом в своей области»⁶⁰.

Это свидетельство выдающегося мусульманского путешественника становится еще весомее, если учесть, что в целом он мало касается медицинских вопросов и лишь изредка упоминает врачей. Изучение истории армянской медицины развивалось на протяжении всего XX века, начало же было положено в работах

55. Так, в книге Египше о Вардане мы читаем следующее: «И если даже ложе, на которое укладывают больного, будет литого золота и украшено камнями, до всего этого ему [врачу] нет дела. Он прикажет откинуть златотканое покрывало, просунет руку и исследует все тело — горячо ли оно, и спокойно ли бьется сердце на своем месте, не тверда ли печень, не беспорядочно ли биение [крови] в жилах, согласно этому применит целебное средство, даровав [больному] выздоровление». Русский перевод: Юзбашян К. Н. Армянская эпопея V века. От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Москва, 2001, с. 307–308. Ряд других цитат смотрите также: *Torkomian V. La connaissance de Anatomie chez les anciens arméniens // Bulletin de la Société française d'Histoire de la Médecine. 1923. № 17, p. 278–282.*

56. Ղազար Փարպեցի. Պատմութիւն Հայոց. Երևան, 1982, էջ 20; цит. по: *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie*, p. 28. Перевод дополнен.

57. Քնդվնա Արծրունի. Պատմութիւն տան Արծրունեաց / քնական բնագիրը. աստիճանը և ծանոթագրութիւնները Մ. Հ. Գարրինյան-Մելիքյանի. Երևան, 2006, էջ 62; цит. по: *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie*, p. 25.

58. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с др.-арм. и коммент. М. А. Геворгияна; под ред. С. Т. Еремяна. Ереван, 1953, IV:4, V:31, сс. 62–63, 176–177.

59. *Garsoïan N. G. Nerses le Grand, Basile de Césarée et Eustache de Sébaste // Revue des Études Arméniennes, Nouvelle Série. 1983. T. XVII, pp. 158–166.*

60. *Ibn Hawkal. Kitāb Sūrat al-ard / trad. française par J. H. Kramers, G. Wiet. Paris; Beyrouth, 1964, p. 342–343.*

доктора Ваагна Торкомяна⁶¹. Излишним будет повторять здесь долгий перечень лекарственных растений, произрастающих в Армении, или исследования рецептуры армянских лекарственных средств. Так, например, уже Гален упоминает армянскую глину (болус)⁶², а в конце XV века ее все еще рекомендует к использованию Леонардо да Винчи⁶³. Очевиден также интерес самих армян к медицинским традициям других народов. Примечательно, что в ходе недавней описи греческих манускриптов и фрагментов в Матенадаране в Ереване был обнаружен лишь один средневековый фрагмент, и содержит он не религиозный, а медицинский текст. Речь идет о титульном листе рукописи 141⁶⁴, датируемом VII–VIII веком и содержащем фрагмент из *De re medica* Диоскорида⁶⁵. Данный текст, во-первых, является ранним и важным свидетельством существования этого значимого средневекового трактата, во-вторых, он доказывает, что армянам были хорошо известны древнегреческие медицинские труды. При этом следует отметить, что переводов работ Диоскорида в армянских фондах обнаружено не было.

Часть рассматриваемого нами временного периода, X–XI век, Стелла Вардания называет «ренессансом»⁶⁶. Исследовательница указывает, что в это время составлялись учебники и глоссарии по медицине и фармакологии в Анийской медицинской школе. Они остались неизданными, имена их авторов нам также неизвестны⁶⁷. Однако до наших времен все же дошли имена авторов некоторых медицинских работ: Степанос Сюнеци (†735, переводы), Акоп (VIII век), царь Гагик (908–1037), Григор Магистрос (990–1059), Симеон Сет (ок. 1038) и Ованес Саркаваг (1045–1129). Эти ученые были в основном священнослужителями и, конечно же, прекрасно знали Священное Писание и патристику. Но они также изучали медицинские труды (число их переводов с греческого языка постепенно росло). Наконец, все они придавали большое значение личному опыту и наблюдениям, что подтверждают слова Ованеса Саркавага: «Исследователю надлежит быть всесторонне образованным и знающим, он должен усвоить не только Священное Писание, но и внешние [светские] науки. И даже если он овладел ими в совершенстве, без опыта его познания не могут быть полными. Лишь опыт незыблем и неоспорим»⁶⁸.

Данный фрагмент так ясно говорит о примате наблюдения и опыта как основной характеристике армянской медицинской традиции, что нет необходимости еще больше углубляться в этот вопрос⁶⁹.

Распространение «армянского» медицинского знания в Венгрии. В случае с Венгрией существуют документальные подтверждения того, что среди первых армян, прибывших в Центральную Европу, были врачи. В частности, в статье

61. Из недавних исследований на французском языке упомянем два основных: *Enézian G. M. Les connaissances médico-pharmaceutiques...*; *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie...*

62. *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie*, p. 29.

63. *Les carnets de Léonard de Vinci / introduction, classement et notes par E. Maccurdy, traduction de l'italien par S. Louise*. T. 2. Paris, 2009, p. 382.

64. *Chétanian V. Catalogue des fragments et manuscrits grecs du Matenadaran d'Erevan*. Turnhout, 2008, pp. 69–70, 229 (цветная иллюстрация).

65. Արքիմանդիտ Ստրն. Դիոսկորիդեսի ւաստաիկը // Էջմիածին. 1951. 2. 8, № 7–8, էջ 44–54.

66. *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie*, p. 77.

67. Нам не удалось обнаружить эти работы во время рабочей поездки в августе 2011 года.

68. *Vardanian S. A. Histoire de la médecine en Arménie*, p. 77.

69. Находясь в Армении в 2011 году, мы задались целью обнаружить упомянутые учебники по медицине, чтобы глубже изучить этот аспект. Однако всестороннее изучение деятельности Анийской медицинской школы, которое следовало бы начинать с публикации ее медицинских текстов (подобных научных изданий не существует), хоть и представлялось несомненно важной задачей, выходило далеко за рамки нашего исследования. В связи с этим нам пришлось отказаться от этой задачи.

венгерского исследователя Эдэна Шюца говорится о существовании армянской общины в его стране уже с середины XI в., хотя нам так и не удалось установить источники, на которые опирается автор статьи⁷⁰. Венгерский ученый утверждает, что среди этих армян были врачи, а некоторые названия болезней в венгерском языке заимствованы из армянского, в частности:

1. Pszok	Պիսուկ	проказа
2. Kosz	Բոս	чесотка
3. Csécs	Չեչ	оспа (?)
4. Keh	Շեղ	язва ⁷¹ .

Опираясь на вышеизложенные факты, то есть доказанное Шюцем наличие армянских медицинских заимствований в древневенгерском языке, мы склонны согласиться, что эти термины суть результат проникновения в венгерскую медицинскую традицию армянских медицинских знаний. Подобные знания, вероятнее всего, предполагали не только владение медицинской терминологией, но и навыки диагностики, а также элементы лечебной практики. К сожалению, ни один из доступных нам первоисточников не позволяет узнать, что еще из этого учения, помимо упомянутых терминов, сохранили венгры⁷².

Заключение. Все вышеизложенные примеры, хоть они и немногочисленны, представляются нам значимыми. Благодаря этим данным можно заключить, что армянские врачи были признаны за пределами своего культурного пространства как опытные практики, обладавшие ценными знаниями. В текстах мы находим подтверждения наличия в армянском языке собственной устоявшейся терминологии, которая частично перешла в медицинскую терминологию средневековой Венгрии. В противостоянии неизвестного армянского врача и блаженного Агапита обосновывается важность наблюдения при установлении диагноза. Еще раз подтверждается роль лекарственных растений в армянском искусстве врачевания. Таким образом, все рассмотренные источники позволяют нам пролить свет на этот малоизученный и слабо обеспеченный документальными свидетельствами период в истории армянской медицины. Есть основания полагать, что если передача медицинских знаний армянскими врачами не имела большего влияния в латинском мире, то лишь потому, что последний еще не был готов усваивать и применять их так успешно, как это произошло во второй половине XI века в Салерно, где сложились гораздо более благоприятные условия.

Наконец, в свете проведенного анализа, утверждение Мхитара Гераци (†1200), неоднократно цитируемое Стеллой Варданян и понимаемое в историографии буквально, должно быть если не опровергнуто, то как минимум серьезно пересмотрено: «Я, Мхитар Гераци, ничтожнейший из врачей, с детства обучался философии и врачебному искусству. Изучив науки [букв. письмена] мусульман, персов и греков, из их книг понял, что они овладели в совершенстве врачебным искусством, согласно учению первых мудрецов-философов, то есть они овладели

70. Schütz Ö. Néhány örmény eredetű betegségnevünkről. Az árpád-kori magyarországi örmények történetéhez // Magyar Nyelv. 1958. T. 54. P. 450–460.

71. Schütz Ö. Néhány örmény eredetű betegségnevünkről... P. 451.

72. Наши заочные консультации на этот счет, в частности с исследователями из Центральной Европы, не принесли значимых результатов.

прогнозом, что и является сутью медицины. У армян, напротив, я не нашел ничего подобного⁷³, кроме знаний о лечении»⁷⁴.

Бесспорно, Мхитар Гераци остается для нас искусным практиком и важнейшим для своего времени автором, оставившим после себя теоретически обоснованное и структурированное учение. Тем не менее он разрабатывает концепцию врачебного искусства, основанную на светской (а не храмовой) практике, и должен рассматриваться, скорее, как врач-новатор, который документирует и развивает эту область научного знания, а не как ее начинатель в Армении.

Приложение 1.

Армяно-латинский глоссарий из Отёна. Дипломатическое издание и исторический комментарий

В 1882 году в журнале *Bibliothèque de l'École des Chartes* появилась публикация Анри Омона *Manuel de conversation arméno-latin du Xe siècle*. Так Омон назвал документ, включающий 90 латинских слов и их армянские эквиваленты, записанные латинскими буквами⁷⁵. Данный список был обнаружен на последних страницах манускрипта, написанного каролинским минускулом и содержащего преимущественно письма св. Иеронима, а также трактат Никиты Ремесианского (IV в., Дакция). Вполне возможно, что рассматриваемая рукопись (наряду с рукописью S. 26) является частью собрания *duos epistolarum hieronimi*, подаренного епископом Вальтерием (976–1024) кафедральному собору города Отёна⁷⁶. Этот ценнейший манускрипт сначала хранился в библиотеке соборного капитула, затем в главной семинарии города Отёна (супрефектура Соны и Луары (71) в Бургундии), после чего был передан в городскую муниципальную библиотеку, где и хранится по сей день (рукопись S. 17 (17 A), лл. 156–156об)⁷⁷.

Через четыре года после первой публикации глоссария Огюст Карьер подготовил переиздание, сопроводив его анализом переводов армянских слов⁷⁸. После обнаружения надписи Григориса в Пассау Бернхард Бишоф в 1984 году переиздал глоссарий, поместив его уже в определенный исторический контекст — момент прибытия армян на Запад⁷⁹. Йос Вайтенберг провел диалектологический анализ и установил регион, откуда прибыл армянский соавтор рассматриваемого

73. Когда Мхитар пишет «я не нашел ничего подобного», это должно означать, что он не читал никаких теоретически обоснованных и упорядоченных медицинских трактатов на армянском языке, а не то, что он констатирует отсутствие всякой медицинской практики, так как это, судя по всему, не соответствовало действительности.

74. *Illuminations d'Arménie, arts du livre et de la pierre dans l'Arménie ancienne et médiévale, catalogue de l'exposition de la Fondation Martin Bodmer, 15 septembre—30 décembre 2007 / dir. V. Calzolari. Coligny; Genève, 2007, pp. 242–243.*

75. *Omond H. Manuel de conversation arméno-latin du Xe siècle // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1882. T. 43, pp. 563–564.*

76. *Maitre C. Catalogue des manuscrits d'Autun. Turnhout, 2004, p. 82.*

77. Описание рукописи см.: *Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements. Paris, 1849. T. 1, p. 13.*

78. *Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien. Paris, 1886.* Поль де Лагард в *Göttingische gelehrte Anzeigen* (1887. Bd. 8. S. 292–294) приводит интересный обзор. Антуан Мейе также упоминает эту работу в статье: *Auguste Carrière // Annuaire de l'École Pratique des Hautes Etudes. Section des Sciences Historiques et Philologiques. 1903, pp. 26–27.*

79. *Bischoff B. Armenisch-lateinisches Glossar // Anecdota Novissima: Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters. Bd. 7. Stuttgart, 1984, SS. 250–255.*

лексикона⁸⁰. Анна Элизабет Редгейт, изучив контекст составления отёнского глоссария, выдвинула гипотезу о том, что армянин прибыл на Запад в свите византийской принцессы Анны, которая около 900 года вышла замуж за каролинга Людовика III Слепого, короля Прованса (890–928)⁸¹.

О значимости этого документа кратко писал К. Костянянц в своем исследовании, посвященном развитию арменоведения в Западной Европе⁸², а также К. Каспарян в работе по истории армянской лексикографии⁸³.

Отёнский глоссарий многократно цитировался в ряде публикаций⁸⁴ и выставлялся на многочисленных экспозициях⁸⁵.

Рассматриваемый нами манускрипт является копией. Оригинальный документ утрачен, но, учитывая его в первую очередь филологическую ценность, мы решили подготовить издание, приближенное к дипломатическому, которое детально повторяло бы текст манускрипта. На одной строке напротив термина на латинском языке приводится соответствующее ему армянское слово, а в некоторых разделах глоссария дополнительно дается также перевод латинских слов. Далее предлагается филологический анализ каждого термина. В конце издания размещен общий исторический анализ документа⁸⁶. Рядом с латинской транскрипцией армянских соответствий в квадратных скобках указаны те же термины, но уже на армянском языке там, где их удалось установить.

Мы хотели бы поблагодарить светлой памяти Йоса Вайтенберга, который всего за несколько дней до своей кончины согласился прочесть черновик этой главы и внес ряд важных предложений.

Verba seu Dictiones Armenorum |

Nomina Dierum⁸⁷ |

1. Dies dominicus (masc vg)	Kyrache ⁸⁸	[կիրակէ, կիրակէ]
2. Feria II. I	Ergout xapte ⁸⁹	[երկու(ք)շաբթի]
3. Feria III	Eriec xapte	[երեքշաբթի]
4. Feria IIII	Khurec xapte	[չորեքշաբթի]
5. Feria V	Hunc x pate ⁹⁰	[հինգշաբթի]
6. Feria VI	Urpard	[ուրբաթ]
7. Feria VII	Sabpat ⁹¹	[շաբաթ]

80. Weitenberg J. J. *S. Armenian Dialects and the Latin-Armenian Glossary // Medieval Armenian Culture*. Chico, University of Pennsylvania, 1983.

81. Redgate A. E. *An Armenian Physician at the Early Tenth-Century Court of Louis III of Provence...*

82. *Կոստանյանց Կ. Հայագիտությունն Արևմտյան Եվրոպայում. Համառոտությունն և զբաղումը. Թիֆլիս, 1910.*

83. Գ. Հայ բարբառագրության պատմություն. Երևան, 1968, էջ 46–47.

84. Riché P. *Les grandeurs de l'an mille*. Paris, 1999, p. 194.

85. Kévorkian R. H., Mahé J.-P. *Arménie: 3000 ans d'histoire, publié à l'occasion de l'exposition organisée à Marseille du 12 octobre au 19 novembre 1988*. Marseille, 1988, pp. 47–49; *Arménie entre Orient et Occident, trois mille ans de civilisation / dir. R. H. Kévorkian*. Paris, 1996, p. 69; *Arménie, la magie de l'écrit* (Marseille, Centre de la vieille charité, 27 avril–22 juillet 2007) / dir. C. Mutafian. Paris, 2007, p. 320.

86. Переиздание этого документа выполнено на основе оригинального текста, а не существующих публикаций.

87. Мы сохранили нумерацию, предложенную в: *Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien...*

88. Армянское слово представляет собой заимствование из греческого Κυριακή (*Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien*, p. 11).

89. Читается *ergouk xapti*, форма употребляется до сих пор.

90. Читается *xapti* вместо *xpate*, форма употребляется до сих пор.

91. Зафиксированная форма показывает, что *բ* имела двойное произношение в IX в. в Армении, как и ее соответствия в сирийском, греческом или иврите.

Nomina Numeri

8. I	Meche ⁹²	[մէլ].
9. II	Ergout	[ըրկուք]
10. III	Eriec	[երեք]
11. IV	Khuert ⁹³	[չորք]
12. V	Hinc	[հինք]
13. VI	Viit	[վեգ]
14. VII	Hioct	[եօք диалектный вар. о սփ]
15. VIII	Ut ⁹⁴	[ութ].
16. VIIIИ	In	[ինն].
17. X	Taz	[տասն]
18. XX	Xan	[քսան]
19. XXX	Erchun	[երեսուն]
20. XXXX	Karraschun	[քասասուն]
21. L	Ischun	[իսուն]
22. LX	Vatschun	[վաքսուն]
23. LXX	Hioctanatschun	[եօքանասուն]
24. LXXX	Utanatschun ⁹⁵	[ութանասուն]
25. LXXXX	Ininta ⁹⁶	
26. C	Hariur ⁹⁷	[հարիր]
27. M	Hazar	[հազար]

Nomina Ceterarum rerum |

28. Panis ⁹⁸	Haz	[хлеб]	[հաց]
29. Caro	Misc	[мясо]	[միս мн.ч. միսք]
30. Vinum	Chini	[вино]	[գինի]
31. Caseus	Paner	[сыр]	[պանիր]
32. Ovum	Chu	[яйцо]	[ձու]
33. Piscis	Chugen	[рыба]	[ձուկն]
34. Sal	Ahl	[соль]	[աղ]
35. Aqua	Chure	[вода]	[ջուր]
36. Celum	Erginc	[небо]	[երկինք]
37. Sol	Arechac	[солнце]	[արեգակ простонар. արեկակն]
38. Luna	Lucenga ⁹⁹	[луна]	[լուսնկայ простонар. լուսին]
39. Stellæ	Astil	[звезды]	[աստղ]
40. Terra	Kcedinc ¹⁰⁰	[земля, земной шар]	[գետինք]

92. Зафиксированная форма показывает, что конечное -e уже произносилось в IX в. в Южной Армении.
 93. Буква e написана поверх буквы г. Интересная форма записи для չորք. Переписчик мог воспроизвести здесь неточность из оригинала или просто неправильно его прочитал.
 94. Зафиксированная форма показывает, что латинское -u произносилось как -ou в IX в.
 95. Разговорная форма, используемая в некоторых диалектах для քարք.
 96. Предполагаемая форма ինտնի. Зафиксированная здесь форма не имеет соответствий в армянском языке. Огюст Карьер предлагает свой вариант соответствия, образованный от «девять раз по десять» «ինն(անգամ) ւսիւն», подчеркивая при этом: «Я должен заявить, что никогда не встречал следов использования подобной формы» (*Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien*, p. 13).
 97. Предполагаемая форма: *Hariur*.
 98. Поскольку некоторые латинские названия в этом разделе являются редкими, мы даем здесь перевод всех латинских терминов.
 99. Простонародная форма слова լուսին.
 100. Армянское գետինք 'почва', 'суша' больше соответствует латинскому *solum*, а не *terra*. Значительная понятийная разница между этими двумя терминами сама по себе демонстрирует сложности, с которыми могли столкнуться два человека в общении между собой.

41. Homo	Andzen ¹⁰¹	[человек, человеческий род]	[անձն]
42. Capillus	Mazen ¹⁰²	[волос]	[մազ]
43. Oculus	Hahc	[глаз]	[աչք]
44. Supercilium	Hunc	[бровь]	[յունքք, յօնք : бровь, лоб]
45. Cilium	Ardvanunc	[ресницы]	[արտաանունք]
46. Nasus	Chit	[нос]	[քիթ]
47. Os	Peran	[рот]	[քերան]
48. Labra	Scirtun	[губы]	[շրթունք]
49. Dens	Atmunc	[зуб]	[ատաանունք]
50. Gengiva	Lind	[десна]	[լինս простонар. ին]
51. Lingua	Lizu	[язык]	[լիզու простонар. լեզու]
52. Barba	Muruc	[борода]	[մուրուք]
53. Facies	Eriesc	[лицо]	[երեսք]
54. Auris	Aganch	[ухо]	[ականջ]
55. Collum	Vise	[шея]	[վիզ]
56. Gula	Puelc	[горло]	[փողք]
57. Guttur	Kcerchac	[горло, глотка]	[քշակ простонар. քշփող]
58. Pectus	Scirt ¹⁰³	[грудь]	[սիրտ]
59. Mamilla	Cize	[молочная железа, грудь]	[միմ простонар. սսին]
60. Venter	Puerche ¹⁰⁴	[живот]	[փորքք]
61. Humerus	Tigunc	[плечевая кость]	[թիկունք]
62. Brachiu	Striunch ¹⁰⁵	[рука]	[ձեռք]
63. Manus	Hab ¹⁰⁶	[кисть]	[ափ]
64. Digitus	Matun	[палец]	[մատն, մատունք]
65. Pugnus	Prunhc	[кулак]	[քունք]
66. Spina	Hualn	[ость, шип]	[ոզն]
67. Dorsum	Cuelc ¹⁰⁷	[спина]	[կողք]
68. Latus	Scrit ¹⁰⁸	[сторона, туловище]	[սիրտ]
69. Renes	Handam ¹⁰⁹	[почка]	[անդամ]
70. Renes	Gernac ¹¹⁰	[почка]	[կրնակ редкая форма от կրտն]
71. Coxa	Andam ¹¹¹	[бедренная кость, бедро]	[անդամ]
72. Genu	Scunch	[колено]	[ձունկ простонар. ձունգք]
73. Crus	Uluec	[нога]	[նիք : малоберцовая кость]
74. Pes	Uaden	[нога, стопа]	[ոտն]
75. Cabilia	Cuech	[щиколотка]	[կոճ: косточка, лодыжка, щиколотка]
76. Veretru	Cliu	[половой член]	[վիր]

101. Армянское անձն имеет значение 'физическое лицо', 'душа' или даже 'тело', но не 'человек' в общем смысле, как латинское *homo*.

102. Конечное -i в армянском выражает категорию определенности. В данном случае перевод неверный.

103. Армянское սիրտ дословно значит 'сердце'.

104. Зафиксированная в глоссарии форма далека от ожидаемого *por*. Здесь также, вероятно, плохо сохранился оригинал или же это ошибка переписчика.

105. Армянский перевод Ժիր означает 'кисть руки', а не 'рука'.

106. Армянский перевод скорее означает փ 'ладонь', 'горсть', а не 'кисть' (*manus*).

107. Армянское слово կողք означает скорее 'ребро', 'сторона' или даже 'бок', нежели 'спина'.

108. То же слово սիրտ со значением 'сердце' использовано (№ 58) как эквивалент *pectus*.

109. Зафиксированная форма անդամ 'конечность' далека от латинского *renes*.

110. Форма կրնակ 'спина' очень далека от латинского *renes*. Это повторение, очевидно, попытка уточнить значение названия одного и того же органа, приводимого на латинском языке, путем подбора двух эквивалентов на армянском языке.

111. Армянское անդամ уже использовалось (№ 69) в форме *handam* для обозначения латинского *renes*. Точным переводом здесь было бы սղք.

77. Testiculi	Scuc	[яичко]	[ձուր]
78. Mulier	Kenik	[женщина]	[կնիք диминутив от կին]

Nomina Sanctarum Rerum

79. Ecclesia	Vanc ¹¹²	[վանք]	
80. Deus	Ter ¹¹³	[Տէր]	
81. Altare	Patarac ¹¹⁴	[պատարագ]	
82. Crux	Chahc	[խաչ]	
83. Angelus	Arrachil	tevavoet ¹¹⁵	[արարեալ թառք]
84. Sanctus	Supr ¹¹⁶	[սուրբ]	
85. Bonus	Aihich ¹¹⁷	[աղեակ, աղէկ]	
86. Episcopus	Episcopus	[եպիսկոպոս]	
87. Monachus	Apiiuhalts ¹¹⁸	[աբեղայ, աբեղայացու]	
88. Presbiter	Eresc	[երէց]	
89. Levita	Aottroets ¹¹⁹		
90. Xpianus	Xpuener	[Քրիստոնէ ?]	

Филологический анализ (окончание)

1. *Дни и числа* [№ 1–27] переписаны правильно и представляют интерес для понимания специфики документа. Особых замечаний по поводу данного раздела нет.

Имена существительные [№ 28–78] находятся в середине списка глоссария и составляют наиболее важную его часть (50 терминов из 90). Именно в этой части собраны наиболее информативно значимые элементы, позволяющие понять композицию глоссария.

2. *Слова с правильным толкованием.* Большинство слов было переведено точно, сюда входят слова, называющие:

- *продукты питания:*

- 28. Panis Haz
- 29. Caro Misc
- 30. Vinum Chini
- 31. Caseus Paner (...)

- *животных:*

- 32. Ovum Chu
- 33. Piscis Chugen

- *элементы:*

- 34. Sal Ahl
- 35. Aqua Chure

112. Армянское վանք означает ‘монастырь’, ‘обитель’. Точным переводом здесь было бы եկեղեցի.

113. Армянское Տէր ‘Господин’ больше соответствует *Dominus*. Эквивалентом для латинского *Deus* является Աստուծո.

114. Зафиксированная форма պատարագ имеет значение ‘жертва’, ‘пожертвование’, затем его значение расширяется до ‘литургия’, ‘служба’. Точным переводом здесь было бы սեղան.

115. Зафиксированная форма արարեալ թառք имеет значение ‘крылатый апостол’. Похоже, армянин неправильно распознал увиденную миниатюру или барельеф. Точным переводом здесь будет հրեշտակ.

116. Предполагаемая форма *Supr*.

117. Армянское աղէկ является простонародной формой արի.

118. Зафиксированная форма *apiiuhalts* не имеет смысла, это ошибка переписчика. Наиболее близкими терминами являются արեւիշ (простонародное արեւիշցու) ‘монах’. Под армянским текстом есть более поздняя запись *tonacis*.

119. Зафиксированная форма *aottroets* не имеет смысла, это ошибка переписчика. Латинское *levita* значит ‘диакон’, чему соответствует армянское սարկիսի.

- *физические объекты:*
 - 36. Celum [небо] Erginc
 - 37. Sol [солнце] Arechac
 - 38. Luna [луна] Lucenga
 - 39. Stella [звезда] Astil
- *видимые части тела:*
 - 42. Capillus Mazen
 - 43. Oculus Nahc
 - 46. Nasus Chit
 - 47. Os Peran
 - 48. Labra Scirtun
 - 49. Dens Atmunc
 - 51. Lingua Lizu
 - 52. Barba Muruc
 - 53. Facies Eriesc
 - 54. Auris Aganch
 - 55. Collum Vise
 - 56. Gula Puelc
 - 57. Guttur Kcerchac
 - 59. Mamilla Cize

Когда латинянин может показать армянину объект, название которого он хочет перевести, то перевод в этом случае оказывается верным.

3. *Контаминации.* Несмотря на то что у составителей была возможность прямо указать на объект, название которого нужно было перевести, иногда происходит смешение понятий, связанное с уровнем абстракции в заданном вопросе:

- 40. Terra Kcedinc
- 41. Homo Andzen
- 79. Ecclesia Vank
- 81. Altare Patarac
- 83. Angelus Arrachil tevavoet

Эти контаминации можно объяснить отсутствием взаимопонимания между соавторами глоссария [№ 40, 41 и 79] или трудностями в понимании смысла того, на что указывалось [№ 83 и 81]. Все приводимые здесь трудности понимания обусловлены сложностью восприятия более абстрактных понятий.

4. *Ошибки.* Ряд терминов, преимущественно названия внутренних органов, были записаны ошибочно:

- 58. Pectus Scirt
- 69. Renes Handam
- 70. Renes Gernac
- 71. Coxa Andam

Последнее свидетельствует о том, что, когда латинянин не мог показать объект, название которого необходимо было перевести, армянин произвольно, зачастую ошибочно, интерпретировал для себя то, о чем спрашивал его собеседник. Так можно объяснить факт, почему два разных латинских термина были переведены на армянский одним и тем же словом (*sirt* и *handam*).

5. *Метод составления глоссария.* Вышеизложенные замечания заставляют нас согласиться с выводами Огюста Карьера: «Не зная армянского языка, автор нашего глоссария, должно быть, записывал слова под диктовку армянина? Чтобы помочь иноземцу понять суть вопроса, латинянин, вероятно, просто указывал на конкретные объекты и так выяснял их названия. Отсюда происходят ошибки понимания, которые мы только что отметили. Вот несколько примеров: латинянин указывает ногой на 'землю', армянин понимает это как 'почву' (40); или латинянин указывает на самого себя, приводя себя качестве примера 'человека', что дает на армянском номинацию (№ 41). Когда один указывает на свою грудь, другой думает, что речь о 'сердце' (58); 'церковь' и близлежащий 'монастырь' называются словом (7). Западный житель показывает восточному гостю некое изображение ангела, желая узнать, как сказать по-армянски 'ангел'. А восточный человек, возможно, не слишком сведущ в церковных вопросах и называет на своем языке ангела 'крылатым апостолом' (83)! Нам кажется излишним продолжать этот список»¹²⁰.

6. *Анализ диалекта.* Анри Омон и Бернхард Бишоф в своих работах не касались вопроса диалектной принадлежности отёнского глоссария. Огюст Карьер лишь вскользь затронул эту тему, высказав надежду, что данный аспект в последующем будет глубоко исследован, так как, по его мнению, «несомненно даст пищу для интересных и плодотворных наблюдений»¹²¹. Целенаправленно анализом диалекта армянского языка, зафиксированного в глоссарии из Отёна, занимался Йос Вайтенберг. Следует отметить, однако, что сделанные им выводы относительно датировки и локализации диалекта были частично оспорены Овиком Мурадяном, аргументы которого не всегда нам кажутся приемлемыми¹²², поэтому здесь мы склонны разделять взгляды Вайтенберга.

Вайтенберг отмечает, что, помимо некоторых существующих надписей, отёнский глоссарий является одним из старейших памятников армянского языка¹²³, а «ценность этого глоссария становится еще больше, когда мы понимаем, что он хранит в себе множество отклонений от классического армянского языка»¹²⁴.

Действительно, поскольку автор глоссария записывал слова на слух, т. е. транскрибировал их, его работа представляет собой уникальный материал для анализа армянской фонетики. Изучая отдельные фонемы, например фрикативные, и в целом всю систему консонантизма, зафиксированную в данном тексте, Йос Вайтенберг определяет языковую область, из которой происходил армянский соавтор глоссария. В результате проведенного анализа исследователь приходит к выводу, что зафиксированное здесь состояние армянского языка является промежуточным между 2-й и 3-й стадиями развития диалектной группы 4, охватывающей регион Хой-Урмия-Ван: «Происхождение этого диалекта следует искать где-то к югу или западу от озера Ван»¹²⁵.

Это открытие важно еще и потому, что на сегодняшний день отсутствуют сведения о каких-либо других паломниках — выходцах из этого региона.

120. Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien, pp. 9–10.

121. Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien, pp. 17–18.

122. Մոմոնիայի շ. Գ. [Գրախոսություն] J. J. S. Weitenberg, Les dialectes arméniens et le Glossaire arméno-latins Autun // Պատմա-բանասիրական հանդես. 1985. շ. 3, էջ 223–225.

123. Самая древняя полная рукопись в Матенадаране в Ереване датируется 887 годом (рук. 6200).

Следует отметить, однако, что существует довольно много фрагментов, датированных V–VIII веком.

124. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects, p. 14: *The value of this glossary is yet greater when we realize that it shows many deviations from the classical usage.*

125. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects, p. 21: *The origin of this dialect must be sought somewhere south or west of lake Van.*

Исторический анализ

1. *Руководство по ведению беседы или глоссарий?* Авторы двух первых изданий изучаемого нами текста высказывали противоположные мнения по поводу его названия. Анри Омон издал его под названием «Армяно-латинский разговорник X века» (*Manuel de conversation arméno-latin du Xe century*)¹²⁶, а Огюст Карьер называл его латинско-армянским глоссарием¹²⁷.

Отёнский текст вряд ли можно назвать *разговорником*, поскольку он не является кратким пособием по армянскому языку. С помощью этого документа невозможно заговорить на армянском языке, так как, например, в нем отсутствуют глаголы. Термин *глоссарий* оказывается более подходящим, так как он соответствует природе нашего документа.

2. *Датировка копии глоссария.* Согласно выделенным палеографическим характеристикам текста, Анри Омон в своем издании называет только одну дату создания копии манускрипта—конец IX или начало X века¹²⁸. Огюст Карьер соглашается с датировкой, предложенной А. Омоном, «чья компетентность в палеографических вопросах хорошо известна»¹²⁹. Йос Вайтенберг проводит диалектологический анализ глоссария, работая при этом с фотографиями, и заключает, что «более вероятной кажется более поздняя дата»¹³⁰. Его идею разделяет специалист по средневековой палеографии Бернхард Бишоф, утверждая, что копия была выполнена около 1000 года¹³¹; ту же дату предлагает и Анна Элизабет Редгейт¹³².

Мы работали не с фотографиями, а с оригиналом исследуемого документа, анализ которого изначально заставил нас склоняться к другой датировке. Изучив всю рукопись целиком, мы предположили, что лицевая (*recto*) и оборотная (*verso*) сторона листа 156 написаны рукой четвертого из пяти переписчиков писем Святого Иеронима¹³³. Такой подход показывает относительность выводов предыдущих исследований, основанных на анализе только фотографий данного манускрипта.

Однако такие выдающиеся палеографы, как профессор Гумберт, Йос Вайтенберг¹³⁴ и Бернхард Бишоф¹³⁵, сходятся во мнении, что рассматриваемая копия датируется началом X в. Мы принимаем эту датировку, хоть и с некоторой долей сомнения. Подобная осторожность в подходе к датировке исследуемой рукописи связана еще и с тем, что Клер Мэтр в своем исключительно выверенном каталоге датирует сам глоссарий X веком, но при этом всю рукопись относит ко второй трети IX века¹³⁶.

3. *Оригинал или копия?* Глоссарий—единственный текст, скопированный на листе пергамента, где записи занимают только половину листа. Таким образом, можно с полной уверенностью заключить, что весь этот раздел принадлежит перу одного и того же переписчика.

126. Omond H. Manuel de conversation arméno-latin, pp. 563–564.

127. Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien, p. 1886.

128. Omond H. Manuel de conversation arméno-latin, p. 563.

129. Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien, p. 7.

130. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects, p. 13: *The later date seems more probable.*

131. Bischoff B. Armenisch-lateinisches Glossar, S. 251.

132. Redgate A. E. An Armenian Physician at the Early Tenth-Century Court of Louis III of Provence, p. 86.

133. Человек, который переписал тетради 16 и 17, листы 141–151об.; личные наблюдения подтверждены в:

Maitre C. Catalogue des manuscrits d'Autun, p. 81.

134. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects, p. 22, n. 6.

135. Bischoff B. Armenisch-lateinisches Glossar, S. 251.

136. Maitre C. Catalogue des manuscrits d'Autun, p. 80.

Но скопировал ли он этот глоссарий или составил его сам? Огюст Карьер предполагал, что текст из Отёна представляет собой копию¹³⁷. Йос Вайтенберг, опираясь на анализ манеры записи некоторых слов, подтвердил данный вывод¹³⁸.

Анализ шести лексем с 68 по 73 пункты глоссария также говорит в пользу этого заключения. Рассматриваемые слова переписаны непоследовательно. После пункта 69 *renes / handam* переписчик произвольно вставил пункт 70 *renes / gernac*, аналогично в пунктах 72 *genu / scunch* и 73 *urus / ulec*. Более того, такие орфографические отклонения, как *handam* (69) и *andam* (71) или *xapti* вместо *xapte* (5), скорее всего, являются результатом ошибки переписчика. Неполное понимание оригинала очевидно в случае с *ininta* (25) и *aottroets* (89). Приведенные примеры убеждают нас, что отёнский глоссарий является копией с некоего более древнего документа.

4. *Дата составления документа.* Большинство специалистов, изучавших этот документ, не задаются вопросом о дате его составления. Следует отметить, что Мурадян, излагая полученные Йосом Вайтенбергом результаты, включая его диалектологический анализ, относит сам глоссарий к VIII веку и предполагает, что составлен он был примерно в то же время¹³⁹.

Свою гипотезу на этот счет выдвинула Анна Элизабет Редгейт, опираясь на данные из списка прибывших на Запад жителей Востока, составленного Майклом Маккормиком¹⁴⁰. Согласно ее гипотезе, глоссарий был создан при участии некоего армянина, входившего в свиту Анны Константинопольской, дочери императора Льва VI (886–912), которая ок. 900 г. стала женой представителя каролингской династии Людовика III Слепого (890–928)¹⁴¹.

С учетом всех наших сомнений относительно датировки данной копии (если допускать, что она совпадает по времени с копией других тетрадей, то речь должна была бы идти о второй половине X века) изложенная гипотеза, безусловно обладающая завершенностью, все же не имеет под собой твердых оснований. Однако она не становится от этого менее привлекательной. Но, даже если мы принимаем предложенную датировку, в этом конструкте остается одно слабое место: нам придется допустить, что сопровождавший Анну Константинопольскую и участвовавший в составлении глоссария армянин, должно быть, лишь недавно переселился в имперскую столицу, ведь на момент создания глоссария он в полной мере сохранял в речи все диалектные нюансы своего родного языка.

5. *Композиция и назначение глоссария.* Этот документ чрезвычайно интересен, поскольку демонстрирует процесс составления списка терминов, важных с точки зрения латинского монаха. В список вошли следующие тематические группы слов:

- названия дней;
- числительные;
- имена нарицательные:
 - продукты питания,
 - животные, — элементы,
 - физические объекты,
 - видимые части верхней части тела,

137. Carrière A. Un ancien glossaire latin-arménien, p. 17, n. 2 et 3.

138. Weitenberg J. J. S. Armenian Dialects, p. 14.

139. Մուրադյան Հ. Գ. [Գրախոսություն] J. J. S. Weitenberg, Les dialectes arméniens et le Glossaire arméno-latins Autun, էջ 223.

140. McCormick M. Origins of the European Economy, Communications and Commerce, A. D. 300–900. Cambridge, 2001, pp. 852–972, esp. p. 963, n. 738 (735).

141. Redgate A. E. An Armenian Physician at the Early Tenth-Century Court of Louis III of Provence, pp. 92–93.

- внутренние органы,
- видимые части нижней части тела,
- гениталии.
- религиозные термины.

Анализ зафиксированных в глоссарии терминов показывает, что описание организма оказалось гораздо важнее религиозной тематики. Мы также обнаруживаем такие анатомические термины, как «яичко» или «половой член», что вызывает удивление, ведь составитель глоссария — монах. Очевидно, своей целью он видит не богословскую дискуссию, а обмен мнениями, связанный с медицинской практикой. Действительно, подобный глоссарий, включающий названия конкретных органов человеческого тела, составит обязательный терминологический минимум, необходимый для любой дискуссии по анатомии и медицине. Все это крайне важно, поскольку мы можем заключить, что в тот временной период, к которому относится отёнский глоссарий, армяне воспринимались не только как дружественные христиане, но и как хранители ценнейших знаний — врачебного искусства. Заметим, что Бернхард Бишоф пришел к аналогичному выводу и рассматривает отёнский глоссарий как текст, составленный сугубо для медицинских целей¹⁴².

6. *Первый западный словарь?* Отёнский глоссарий был составлен в IX или X веке и скопирован вскоре после этого. Он представляется одним из старейших глоссариев, созданных в Средневековье на Западе, и, вероятно, самым древним из сохранившихся глоссариев на армянском языке. Действительно, все латинско-греческие аналоги составлены в лучшем случае в то же время, что и глоссарий из Отёна¹⁴³.

Мишель Циммерман изучал распространенность знания греческого языка в Каталонии и констатировал определенный филэллизм, прослеживавшийся в документах, относящихся к периоду между 970 и 1030 годами¹⁴⁴. Исследователь показал, что глоссарии содержат более тысячи греческих слов¹⁴⁵, однако все эти тексты, по-видимому, восходят к христианской Античности (Исидор Севильский, Беда и др.) и не имеют прямой связи с Византийской империей. Так, Мишель Циммерман подчеркивает, что «священнослужители не устанавливают никакой связи между этими отголосками классической культуры и Византией»¹⁴⁶.

Этот поистине исключительный документ можно сравнить лишь с греческим разговорником из Осера. В муниципальной библиотеке Осера хранится рукопись XII века из библиотеки монастыря Сен-Пьер-ле-Виф в Сансе (рук. 212 (179), л. 133v–134), которая содержит греческие предложения, записанные латинскими алфавитами. Эти предложения, безусловно, гораздо лучше проработаны, нежели отдельные слова (как в отёнском глоссарии), поскольку в них сохраняются цельные смысловые единицы¹⁴⁷. Крейне Н. Сихаар правомерно связала этот документ с крестовыми походами, которые привели в движение несравненно большее число людей, чем в предыдущие века¹⁴⁸.

142. *Bischoff B.* Armenisch-lateinisches Glossar, S. 255.

143. *Riché P.* Les grandeurs de l'an mille. Paris, 1999, p. 193.

144. *Zimmermann M.* La connaissance du grec en Catalogne du IXe au Xe siècle // Haut Moyen Age: culture, éducation et société. Études offertes à Pierre Riche. Nanterre et la Garenne-Colombes, 1990, p. 500.

145. *Zimmermann M.* La connaissance du grec en Catalogne du IXe au Xe siècle, pp. 507–508.

146. *Zimmermann M.* La connaissance du grec en Catalogne du IXe au Xe siècle, p. 514.

147. *Bischoff B.* Armenisch-lateinisches Glossar...

148. *Ciggaar K. N.* Western Travellers to Constantinople. The West and Byzantium, 962–1204: Cultural and Political Relations. Leiden; New York; Cologne, 1996, p. 177.

На сегодняшний день не зафиксировано ни одного греческого глоссария, что был бы составлен при участии живого грекоязычного автора. В этом контексте логично предположить, что первым иностранным языком, на котором латиноязычные монахи Средневековья искали возможность обмена знаниями, был не греческий или арабский, а армянский язык.

Приложение 2.

Распространение армянских медицинских знаний через Южную Италию?

Присутствие «восточных людей» в Южной Италии могло стать вектором распространения медицинских знаний. Один из самых первых врачей в Салерно известен нам под именем *Iosep medicus*. В 849 г. он купил виноградник в Мальано-Ветере (Малиану), что недалеко от его владений в Лукании, у реки Калоре (в документах она называется Лириной)¹⁴⁹. Позже, в 855 г., он приобрел второй виноградник,¹⁵⁰ а в 856 г. — третий¹⁵¹. В 865 г. на той же реке он построил мельницу¹⁵². К концу жизни он сделал пожертвование монастырю Святого Максимиана.

Других сведений о *Iosep medicus* не сохранилось. Некоторые авторы считали его иудеем на основании одного только имени *Iosep*, а сделанное им пожертвование монастырю Святого Максимиана интерпретировалось как сугубо политический жест¹⁵³. Однако, с одной стороны, нам известно, что культура виноделия не играет такой значительной роли в жизни еврейской общины в отличие от армянской. С другой стороны, имя Иосиф (в текстах зафиксировано в форме *Iosep*) встречается среди имен, которые могли бы носить армяне¹⁵⁴. Наконец, мы считаем, что его пожертвование монастырю нужно рассматривать как христианский акт, а не политический жест. Три этих факта убеждают нас в том, что этот *Iosep* вполне мог быть армянином. Кроме того, если евреи чаще проживали в городах на побережье, то армяне, как известно, выбирали поселения в центральной части региона, где они могли культивировать виноградную лозу.

Еще один интересный случай, который стоит упомянуть в данном контексте, связан с Неаполем. Представитель неаполитанской элиты, Христофос, фигурирует в договоре от 936 г. между одним из членов семьи Исабри, представители которой гордились своим восточным происхождением, и игуменом монастыря святых Сергия и Вакха города Неаполя¹⁵⁵. Речь идет о греко-православном монастыре, как следует из его названия. Поскольку этого человека называли *Христофосом, сыном Мауро Медикуса*, его отец, вполне вероятно, имел итало-греческое происхождение, следовательно, у него мог быть доступ к медицинским трактатам, написанным на греческом языке. То же, но с еще большей уверенностью, можно

149. Codex diplomaticus Cavensis / ed. M. Morcaldi, M. Schiani, S. de Stephano S. Milan, Naples, Pise, 1873–1893, t. 1, doc. 29.

150. Codex diplomaticus Cavensis, t. 1, doc. 40.

151. Codex diplomaticus Cavensis, t. 1, doc. 47.

152. Codex diplomaticus Cavensis, t. 1, doc. 61.

153. *Kreutz B. M.* Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries, Philadelphia, 1991, p. 206, n. 43. Также см.: *Skinner P.* Health and Medicine, p. 81–82.

154. В документах из Бари нам удалось обнаружить подпись священника по имени Иосиф, имя записано как *Hosep*, причем непосредственно на армянском языке; а также подпись Григория, чье имя было записано в форме *Cricori*, что является транскрипцией с армянского языка.

155. *Skinner P.* Health and Medicine, p. 85.

сказать и о некоем Иоанне Медикусе, который упоминается несколькими годами позже в уставе того же монастыря¹⁵⁶. Нам также удалось обнаружить акт 941 г. в пользу монастыря Святого Григория Армянского, подписанный все тем же Иоанном Медикусом на греческом языке¹⁵⁷. Этот документ демонстрирует связь между армяно-византийскими врачами и Южной Италией.

Выявление связей между врачами этого региона и греко-православными религиозными учреждениями, которые, как правило, имели библиотеки, кажется нам актуальным направлением исследований. Неаполь с древних времен известен как центр обучения литературным дисциплинам, и здесь же монахи обучали искусству врачевания. В этом отношении весьма показателен список медицинских рукописей, приводимый Патрисией Скиннер. В нем перечислены несколько десятков переписанных медицинских манускриптов, среди которых есть переводы с греческого на латынь, выполненные в период между VIII и XI вв.¹⁵⁸ Так, некий монах Григорий, будучи врачом и служителем¹⁵⁹ церкви Святого Евфимия, имел «книгу о врачебном искусстве»¹⁶⁰. Не исключено, что именно его сын упоминается как Иоанн «*laudibilis medicus*», сын Григория; они оба были «*clarissimi medici*», согласно акту 1037 г. из церкви Святого Евфимия¹⁶¹. Под 1070 г. этот же человек упоминается в договоре о дарении небольшого дома монастырю Святого Григория Армянского в Неаполе. В том же документе упоминается еще один Иоанн Медикус, дядя Григория Медикуса, а также Иоанн и Мария Маренда, сын и дочь Григория. Таким образом, термин «*medicus*» стал для них родовым именем. Наконец, Патрисия Скиннер подчеркивает, что у этого рода была особая связь с неаполитанским монастырем Святого Григория Армянского¹⁶². Монастырь, как известно, был основан «восточными» монахами, бежавшими из Византии в период иконоборчества примерно в VIII в. Нам кажется возможным признать связь этого рода с Востоком и даже поставить вопрос о его вероятном армяно-византийском происхождении, о чем свидетельствует как антропонимика, так и почитание в этом роду святого Григория Просветителя¹⁶³. Однако отсутствие каких-либо источников, рассказывающих о жизни первых поколений этой монашеской общины, лишает наш вывод обоснований, вынуждая оставить данный вопрос открытым. Но все же отметим, что именно монахини этого храма основали лечебницу с банями (термами), чему есть документальные подтверждения¹⁶⁴. Данный факт отсылает нас к традиции создания благотворительных учреждений в Великой Армении.

Состояние источников не позволяет еще больше углубиться в прошлое, но мы уже можем представить себе существование некоего армяно-византийского окружения, которое формировалось в городах и во внутренних районах данной

156. Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia / ed. B. Capasso. Salerno, 2008, doc. 278;

Skinner P. Health and Medicine, p. 85-86.

157. Mazzoleni J. Le Pergamene del Monastero di S. Gregorio armeno di Napoli, Napoli, 1973, acte V, p. 34.

158. Skinner P. Health and Medicine, Annex 5, p. 158-161.

159. Monumenta ad Neapolitani... doc. 162.

160. Monumenta ad Neapolitani... doc. 461.

161. Monumenta ad Neapolitani... doc. 505.

162. Mazzoleni J. Le Pergamene del Monastero di S. Gregorio, acte V, p. 34; Skinner P. Health and Medicine, Annex 5, p. 87.

163. Патрисия Скиннер предполагает, что в этих кругах греческие тексты могли переводиться на латынь.

Это представляется вполне вероятным, хотя, насколько нам известно, для периода VIII-XI вв. не сохранилось ни одной такой работы (Skinner P. Health and Medicine, p. 87-88).

164. Mazzoleni J. Le Pergamene del Monastero di S. Gregorio, p. 20; Skinner P. Health and Medicine, pp. 35, 100;

Arthur P. Naples: a case of urban survival in the early Middle Ages? // Mélanges de l'École française de Rome.

Moyen-Age. 1991, t. 103, no. 2, pp. 759-784.

области, сохраняло связь с восточными религиозными институтами как для своих духовных практик, так и для получения образования.

В заключение отметим высказанное Майклом Долсом, хоть и не подтвержденное текстами предположение: во времена крестовых походов «восстановление общественных бань в Европе шло по исламскому (горячие бани, такие как хаммамы), а не по римскому типу»¹⁶⁵. Важно подчеркнуть, что в Южной Италии, например в монастыре Святого Григория Армянского, применение лечебных ванн засвидетельствовано самое позднее с X в. Термы упоминаются Иоанном Диаконом ок. 920 г. в сочинении о перенесении реликвий святого Соссия¹⁶⁶. Как уже было сказано, в 958 г. монахини из монастыря Святого Григория Армянского построили баню в Неаполе¹⁶⁷, а в 983 г. то же сделали монахини храма Святых Марцеллина и Петра¹⁶⁸. Вопрос о восстановлении на Западе бань, как и вопрос об участии в данном процессе «восточных народов», в первую очередь армян, детально не исследован¹⁶⁹. Последнее вызывает сожаление, ведь это один из тех случаев, когда «восточные» монастыри могли сыграть гораздо более значимую посредническую роль, чем враги-мусульмане.

165. Dols M. The leper in medieval Islamic society // *Speculum*. 1983. Vol. 58, p. 905, n. 83.

166. *Translatio Sancti Sosi Auctore Ioanne Diacono* / ed. G. Waitz // *MGH. SS rer. Lang. Hannoverae*, 1878, p. 462: *Affluebant enim plurimi non tantum ex adiacentibus, sed etiam ex illis qui pro fouendis corporibus ad ipsas venerant thermas.*

167. Mazzoleni J. Le Pergamene del Monastero di S. Gregorio, acte V, VI, p. 36–38.

168. *Monumenta ad Neapolitani...* doc. 241.

169. За исключением нескольких замечаний в: Skinner P. *Health and Medicine*, p. 34–35.

Summary

Maxime K. Yevadian,

PhD, Chairman of the Chair of Armenology, Catholic University of Lyon

Traces of circulation of Armenian medical knowledge during the Middle Ages in Western and Eastern Europe

In 1882, the French scholar Henri Omont published a Latin-Armenian glossary, a short text containing 90 entries based on the last pages of a manuscript in the Library of Autun in France, in the Library of École des Chartes, under the title “Manuel de conversation arméno-latin du X e siècle”. This document is copied at the end of a manuscript written in Caroline minuscule, which contains mainly letters from Jerome as well as a treaty by Nicetas of Remesiana. We have produced a diplomatic edition of this very valuable glossary, both for the history of lexicology as well as in the service of Armenian linguistics; I refer to my edition of this document in the appendix.

This copy of an earlier original dates from the second third of the ninth century, and at the latest from the tenth century, while the original probably dates back to the eighth century, and at the latest the ninth century.

An analysis of the terms used in the preparation of this glossary reveals that the vocabulary describing the body occupies a much more important place in it than religious terms. It can be concluded that the Latin monk's project, which directs questions to an Armenian, is not so much a theological discussion as an exchange about the practice of medicine. Indeed, this glossary of the main organs of the human body is presented as a preliminary to any discussion on anatomy and anatomical medicine. This point underscores that, at the date of the composition of the glossary, Armenians were perceived not only as friendly Christians, but as this particular case shows, as repositories of an enviable field of knowledge: medicine. Indeed, the contribution of this document to the history of medicine is far from negligible and deserves an analysis. Thus, of the 90 words in the glossary, 37 concern anatomy, and only 12 are religious terms.

*Перевод с французского
Марины Савко*

Павликиане на Руси (XI–XVI вв.)

Рима Мирумян,

доктор философских наук, профессор кафедры политологии Российско-армянского университета (Ереван); ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Ереван)

История христианства включает в себя также историю различных сектантских движений, историю ожесточенной борьбы православия и ереси, зачастую выходящей за рамки религиозно-идеологического противостояния и принимающей формы социально-экономического и военно-политического противоборства, характер которого, в свою очередь, определяется своеобразием национального духа и спецификой национального бытия как породившей эту ересь нации, так и подвергшейся ее влиянию нации/наций. Эта тенденция выявляет следующую историческую закономерность: мотивом политических движений, как правило, выступает культурный фактор, и наоборот: подтекст культурных (идеологических) движений — всегда политический. В силу этого религиозная ересь органически вписывается в проблему государство — церковь (политика — религия), представляющую определенную плоскость универсального философско-исторического вопроса государство — общество. Поэтому проблема генезиса ереси и распространения еретического движения постоянно находится в центре внимания исследователей истории христианства и истории христианских церквей, а также истории национальных культур и политической истории наций. Вместе с тем она является одной из стержневых вопросов политики государства и церкви, вследствие чего периодически становится предметом академического интереса и сохраняет свою актуальность как для государственной, так и для церковной политики¹.

Одним из самых мощных еретических движений Средневековья было павликианское движение. Сформировавшись в Западной (ромейской, или византийской) части Армении, павликианство получило широкое распространение на территории всего Армянского нагорья, в малоазийской части Византийской империи, в Кавказской Албании, затем — на Балканах, в Древней Руси и в странах Западной Европы. Религиозное учение павликиан стало идеологической основой богомилов (Болгарское царство, XII–XIII вв.), катаров и альбигойцев (Лангедок, XII–XIII вв.). Павликианскую ересь называют также прародительницей протестантизма². Но самое серьезное влияние она оказала на историческую судьбу Византийской

1. См.: Միրումյան Ռ. Ազգային լուսավորությունը որպես ազգային գաղափարախոսության գերխնդիր Միջրարեանների հայացքներում (մերոլորացիական տեսանկյուններ) // «Բազմալեզու». Վեներաիկ, 2001, էջ 227 (Мирумян Р. Национальное просвещение как главный вопрос национальной идеологии во взглядах мхитаристов (методологические точки зрения) // «Базмавэп». Венеция, 2001, с. 227); Միրումյան Ռ. «Ազգային» հարաբերակցությունը Գարրիել Այվազովսկու փաստափրկիտության հայեցակարգի մեջ // «Вестник Российско-армянского университета». Серия: гуманитарные и общественные науки. Ереван, 2018, № 2, с. 39–40 (Мирумян Р. Соотношение «Нация — религия» в историко-философской концепции Габриела Айвазовского // Вестник Российско-армянского университета (серия: гуманитарные и общественные науки). Ереван, 2018, № 2, с. 39–40).

2. См.: Այվազովսկի Ա. Պատմություն շայ Կեսարիոյ. շում. Ա. Գահիրէ, 1937, էջ 378 (Алпояджян А. История армян Кесарии. Том I. Каир, 1937, с. 378).

империи. Первоначальные сведения о павликианах находятся, соответственно, в греческих, арабских и армянских источниках.

Согласно бытующей в арменистике точке зрения павликианство зародилось в конце VI века в Западной Армении как реакция армянства на антиармянскую политику ромейских императоров, направленную на уничтожение армянского нахарарского сословия, армянского наследственного права и насаждения халкидонизма—решений Халкидонского собора 451 года. Такая политика угрожала национальной самобытности армянского народа, лишая его духовной опоры—религиозно-идеологического и языкового единства. К середине VII века, в условиях военно-политического и социально-экономического упадка Византийской империи, павликианское движение трансформировалось в мощное социальное движение с еретической идеологией. Со временем к павликианскому движению стали примыкать представители других наций, в первую очередь греки и сирийцы, но армяне всегда играли в нем видную роль, а посему и сама ересь, как минимум в русской религиозной традиции, называлась «армянской ересью».

С VII по XII века павликианство представляло собой мощную религиозно-идеологическую и военно-политическую силу, которую зачастую в своих политических целях использовали как византийские императоры, так и арабские халифы. И если последние обращались к павликианам для защиты граничащих с империей районов, то византийские императоры, в частности Лев III Исаврийский, использовали павликиан не только для защиты границ империи, но и для решения внутривнутриполитических задач.

Особую роль павликиане сыграли в охватившем Византию религиозно-политическом движении, получившем название «иконоборчество» (VIII—середина IX вв.). Оно возникло в период правления Льва III Исаврийского (717–741 гг.) и было окончательно запрещено в 843 году. До возвышения иконоборства в статус государственной политики Лев III издал свою знаменитую «Эклогу» (762 г.) и «Земледельческий закон» в защиту свободы земледельцев. Инициирование самим императором иконоборческого движения исследователями объясняется двояко:

Византийская церковь не только стремилась к независимости от светской власти, но и пыталась обеспечить свое главенство над ней. Преодоление этой ситуации требовало сплочения всего полиэтнического населения империи на основе некоей объединяющей идеи, каковой явилась идея иконоборчества.

В иконоборческой политике императора проявилось политическое противоборство Запада и Востока.

В контексте данной статьи считаю важным сам факт привлечения императором Византии павликиан—носителей идеологии, имеющей ярко выраженный иконоборческий характер—для решения назревших в империи задач, в том числе и нейтрализации опасности для этой империи, исходящей от самих павликиан. С этой целью и был подписан договор между Львом III Исаврийским и предводителями павликианского движения в 731 году.

В IX веке императоры вновь стали преследовать павликиан, на что они ответили открытым военным противостоянием, что, в частности, проявилось в их активном участии в вооруженном восстании Фомы Славянского (821–823 гг.). В 843 году предводителем павликиан стал Карбеас. Он основал государство павликиан, столицей которого стала крепость Тефрика. Она располагалась на берегу Евфрата в Западной Армении (ныне г. Дивриги в Турции). Павликиане создали сильное государство, независимое и от Византийской империи, и от Арабского халифата.

В это государство переселялись угнетенные и бедные крестьяне, городская беднота, воодушевленные реализуемыми в нем идеями равенства и справедливости.

Продлившееся около полувека противостояние павликиан с империей завершилось их полным разгромом. Имперским войскам удалось наконец захватить столицу Тефрику и уничтожить государство противника. Остатки павликиан переместились в Восточную часть Армении, где возродили свое учение (по мнению некоторых исследователей, — влившись в ряды уже существовавшего религиозно-еретического движения) под руководством Смбата из села Тондрак. Начиная с середины X века «новые павликиане», или тондракийцы, начали действовать в Армении, Малой Азии, на Балканском полуострове, вновь привлекая к себе внимание христианского мира.

История павликианского движения свидетельствует, что павликиане оставались главными и наиболее опасными врагами Византийского государства и Греческой церкви. Активная борьба против павликиан велась и Армянской церковью. Католикос Ованес Одзнецци на созванном в 719 году Всеармянском Двинском соборе объявил павликиан врагами Армянской церкви и еретиками. В своей речи «Против павликиан» католикос рекомендовал мирянам следующее: *«В местностях злоеретиков мессалиан, называющихся павликианами, не нужно проживать, или примыкать и ходить к ним, беседовать с ними. А (наоборот) нужно совершенно удалиться от них, гнушаться их, ненавидеть их, ибо они — сыны сатаны и топливо вечного огня, отчужденные от доброй воли творца»*³. Более того, армянская светская и духовная элита, так же как и византийская элита, стали искоренять павликиан силой оружия.

Основателем идеологии павликиан считается Константин Силван, учивший во второй половине VII века (657–684 гг.). Силван создает собственное учение, основанное на «авторском» прочтении Евангелия от Луки и Соборных посланий апостола Павла. *«Благодаря самозабвенным и энергичным усилиям Константина постепенно увеличиваются ряды его единомышленников и последователей. Ему даже удается перетянуть на свою сторону православных священников <...> с успехом проповедует не только в Армении, но и в соседних странах Малой Азии, в том числе Понте, Каппадокии и в других местах»*⁴. Силваном была основана церковь, в которой проповедовались далеко опережавшие его время идеи.

На протяжении веков идеология павликиан претерпела существенные изменения, касающиеся главным образом их социально-этических взглядов, но неизменным пунктом в программе оставалась борьба против «православной» церкви и ее официальной доктрины. Павликиане называли себя *«подлинными христианами»* и членами Всеобщей апостольской церкви, а представителей православной церкви — ромеями⁵. Они не признавали Ветхий Завет, называя его произведением сатаны. Что касается Соборных посланий апостола Петра, то они считались павликианами вредными для истинного христианства и истинного христианина. На основе Евангелия павликиане составили «святую» книгу, известную под названием «Сила». Святыми павликиане считали также Послания своего крупнейшего ересиарха Сергия-Тихика⁶. В Эчмиадзинском музее хранится Книга веры

3. Бартикян Р.М. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, с. 113.

4. Վերլիկեան Արսէն Ա. Պատկիկեան թնորակցիներու շարժումը Հայք. Աւարկական եկեղեցոյ մէջ Է-րդ դարէն մինչև ԺԲ դարը. Պէրոնը, 1970, էջ 39 (Георкизян Арсен А. Движение павликиан-тондракийцев в Армянской апостольской церкви с VII по XII века. Бейрут, 1970, с. 39):

5. См.: *Sonybeare F. Key of Truths. London, 1898, pp. 1, 7, 12, 19.*

6. В начале IX века Сергей (Тихик) реформировал секту, фактически став ее вторым основателем.

павликиан — «Ключ истины». Датированная 1782 годом, она была привезена в Восточную Армению после Русско-турецкой войны 1828–1829 годов одним из почитателей павликианского учения. По сути, эта книга представляет собой проекцию Христологии павликиан.

Краеугольным камнем учения павликиан, основанного на идеях гностицизма и манихейства, является тезис об изначальном существовании независимых и противостоящих друг другу равносильных божественных начал или субстанций: бога добра (владыки неба) и бога зла (создателя мира). Утверждаемый павликианами тезис о наличии двух божественных (онтологических) начал противоречил утвержденному православной церковью принципу монизма («*ромеи одного и того же бога считают и отцом небесным, и Творцом всего мира*»). Отвергая в Христе человеческое начало и считая его ангелом небесного бога, павликиане не признавали в деве Марии Богородицу. Они утверждали, что, поскольку Христос «принес» свое тело с неба, то Мария сыграла лишь роль «канала», через который Христос вошел в этот мир.

Павликиане полагали, что истинный Бог относится лишь к миру духовному, между тем как творцом видимого мира является демиург. Они утверждали, что верят в того, о ком Иисус говорил: «*А вы ни голоса Его никогда не слышали, ни лица его не видели*». В представлении павликиан в человеке присутствуют две сущности: сотворенная демиургом телесная и имеющая божественное происхождение духовная.

Семя божественной жизни находится в каждом человеке, что позволяет ему постичь правду Бога. «Сотворив» человека через соединение духовной и телесной сущностей, демиург пытался удержать его от осознания своей высшей — духовной — природы. Павликиане принимали имманентную связь человеческой души со всевышним Богом, которую не способен разрушить демиург. Однако человеку изначально дана свобода воли — свобода выбора греховного или божественного пути. Но даже падший человек в силу своей природы имеет извечную причастность к Богу. Для павликиан Спаситель являлся посланцем Высшего мира. Поэтому «акт» распятия Христа имел для них лишь символическое значение.

Павликиане активно боролись (не только словом, но и мечом) против «царства сатаны», а именно: господствующих социальных порядков и их легитимирующей церкви. Они выступали за отмену церковных ритуалов и против духовной деградации церковнослужителей, ратуя за восстановление присущего апостолам простого быта. На этом основана их критика нравственной деградации духовенства и установленной церковной иерархии. Павликиане осуждали «освященное» церковью почитание святых и икон. Кульминационным пунктом их требований было восстановление равенства по образцу раннехристианских общин, понимаемого ими не только как равенство людей в Боге, но и как социальное равенство. Соответственно этому, социально-этическая программа павликиан была построена на идее отрицания права духовенства играть роль посредника между Богом и человеком. Проекцией этой идеи я полагаю следующее:

Утверждение права учительства за каждым, кто ведет высоконравственный образ жизни и обладает глубоким познанием в области христианской «книжности».

Отказ от догматики и обрядности официальной церкви.

Общины павликиан создавались по идеологическому и территориальному принципам. Национальная принадлежность для них не имела принципиального значения. Власть в общине подразделялась на идейную и военную. В контексте сказанного считаю необходимым отметить весьма справедливое замечание К. Мирумяна о том, что в условиях отсутствия армянской национальной государственности

и политической независимости, ослабления нахарарского сословия «появление каждой секты, центробежной силы объективно означало противодействие не только Армянской церкви и нахарарскому сословию, но и остаткам самостоятельности, духовно-идеологической независимости (армянской нации. — Р. М.), носителем которых являлась Армянская церковь»⁷. В дополнение к сказанному считаю необходимым подчеркнуть следующее: «Принятие христианства, создание армянского алфавита и основанной на нем богатейшей духовной культуры, Аварайская битва за Веру и Nation — тот триединый национальный фундамент, на котором еще в V в. было выстроено здание Армянской апостольской церкви. Именно этот фундамент предопределил неразрывную связь Армянской апостольской церкви и исторической судьбы Армении, а также границы культурного космоса армянской нации, специфику и вектор ее культурного развития. Благодаря усилиям своей церкви армянской нации удалось пронести знамя христианской веры через многовековой период отсутствия национальной государственности (арабского владычества, турецкого ига, геноцида 1915 г.) и сохраниться как нация, в отличие от десятков народов Ближнего Востока»⁸.

«Знакомство» русской церкви с учением павликиан относится к периоду Киевской Руси. Об этом свидетельствует памятник древнерусской письменности «Устав князя Владимира», в котором определен правовой статус Русской православной церкви, в юрисдикцию которой вошла также борьба с «еретичеством» и «еретиками»⁹. Известно, что преследуемые в Византии павликиане бежали за ее пределы, и некоторая их часть добралась до Руси. Общая же география распространения павликиан была гораздо шире. Н. Марр склонен был думать, что покидавшие родину армяне-халкидониты и армяне-павликиане, двигаясь по нескольким направлениям, оказались в Киликии, Болгарии, России, на Азове и Волге, дойдя вплоть до Китая¹⁰.

Сведения о павликианах содержатся также в одном из ранних памятников русской письменности — в «Кормчей XIV титулов» (Syntagma XIV titulorum), которая представляет собой перевод канонов на славянский язык, датируемый XII–XIII веками¹¹. Основой для данного памятника послужили византийские источники, связанные с деятельностью патриарха Тарасия (784–804 гг.), активного борца против иконоборцев и главным образом — павликиан. Императорские указы, постановления церковных соборов, послания константинопольских патриархов были направлены на искоренение ереси павликиан всеми возможными способами — от увещаний до физического уничтожения. Указанные тексты, относящиеся к внутрицерковному праву, стали основой для всех сфер ее деятельности — административной, правовой, проповеднической. Все это и составило содержание византийских канонических сборников XIV титулов. Один из таких

7. Միրումյան Կ, Պապիկյան շարժման զանափարայնությունն ու աշխարհայացքային հիմքերը // Ս. Ս. Արևշատյան, Կ. Ա. Միրումյան. Հայ միջնադարյան փիլիսոփայություն: Ուսումնական օժանդակ հոգևոր րարձարկայն կրթական հաստատությունների համար. Մաս Ա. Հին շրջան և վաղ Միջնադար. Ս. Էջմիածին, 2014, էջ 582–583 (Мирумян К. Идеология и мировоззренческие основы движения павликиан // С. С. Аршатян, К. А. Мирумян. Армянская средневековая философия. Учебное пособие для высших духовных учебных заведений. Часть 1. Древний период и раннее Средневековье. Св. Эчмиадзин, 2014, с. 582–583):

8. Мирумян Р. А. Армянская апостольская церковь как фактор сохранения идентичности армянской нации // «Сотис» (научно-практический журнал). Москва, 2017, № 1, с. 88–89.

9. См.: Памятники русского права Киевского государства (X–XII вв.) / Сост. А. А. Зимин. Москва, 1951, с. 241, 245.

10. См.: Марр Н. Аркауи — монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. СПб., 1905, с. 47–48.

11. См.: Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905, с. 8.

сборников был перенесен в Болгарию для использования в борьбе с религиозной ересью X–XI веков¹². Наиболее грозную силу в этом мощном еретическом движении представляли павликиане. Известно, что начиная с VIII века византийскими властями было организовано массовое выселение павликиан за пределы Западной Армении и прежде всего — на Балканы. Обосновавшись на Балканах, павликиане стали распространять свое учение в разных странах. В результате их переселения во Фракию, в район города Филиппополя (ныне Пловдив), последний становится и на протяжении трех веков остается центром религиозной ереси. Павликиане принимали активное участие в восстании болгар против Византии в 1040 году. Под предводительством пловдивского павликиана Леки и при непосредственном участии армян-павликиан были организованы восстания болгар 1072, 1074 и 1079 годов. В контексте сказанного кажется неправомерной бытующая в литературе точка зрения о том, что павликиане являются болгарскими богомилами. Думаю, что следует выражаться точнее: богомилы — это болгарские павликиане.

В XI веке упомянутый церковно-юридический сборник в древнеболгарском переводе оказывается на Руси. Рассматривая вопрос о проникновении павликиан и их вероучения на Русь, К. Айвазян полагает, что для павликиан, оказавшихся на Руси задолго до ее Крещения, лишь после официального принятия здесь христианства сложилась благоприятная почва для проповеди их еретического учения, поскольку *«у новообращенных в христианство русских господствовал языческий образ мыслей, носящий дуалистический характер и близкий к учению павликиан, а также более широкий, чем до того, обмен людьми между Русью и Византией»*¹³. В XI–XII веках наблюдается массовое поселение армян в основные центры Юго-Западной и Северо-Восточной Руси, а также Поволжья. Примечателен в этом отношении древний памятник «Соборное деяние на еретика Армянина, на мниха Мартина». В 1157 году Киевский митрополит Константин созвал собор для допроса Мартина. По утверждению осуждаемого на этом соборе Мартина, настоящая христианская вера была передана на Русь не во всей ее чистоте, поэтому он написал книгу, озаглавленную «Правда», и стал распространять ее. В арменистике принято считать, что в 1157 году в Киеве действительно был созван собор Русской церкви, на котором обсуждался вопрос о борьбе с ересью. В «Собрании актов, относящихся к истории армянского народа» — сборнике документов, составленном по архивным материалам первопрестольного Эчмиадзинского монастыря, упоминаются проживавшие в Киеве и других русских городах армяне, знакомые с искусствами и ремеслами, а также представители армянского духовенства, прибывшие в Киев для участия в соборе 1157 года, созванном с целью *«ограждения церкви (Русской. — Р. М.) от введения новизны, от распространения сект, противных богословию»*¹⁴. По мнению К. Айвазяна, приезд в Киев армянских духовных лиц был связан с судом над Мартином: *«Очевидно, что в борьбе за искоренение антицерковной ереси в лице Мартина русская и греческая православные церкви объединились с армянской. Собор 1157 г. явился первым официальным контактом между русской и армянской церквями, положив начало их взаимоотношениям, вопреки имевшим место внутрицерковным спорам»*¹⁵. Что касается собственно учения Мартина, то оно называется одной из версий павликианской ереси.

12. См.: Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. Москва, 1978, с. 49, 99.

13. Айвазян К. Армения и Русь. XI–XVII вв. Ереван, 2003, с. 117.

14. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. II. Москва, 1838, с. 283–284.

15. Айвазян К. В. История отношений русской и армянской церквей в Средние века. Ереван, 1959, с. 94.

В свете рассматриваемой проблемы интересен вопрос об отношении Русской церкви, главным образом Новгородской (XII–XV вв.), к армянскому вероисповеданию и крестителю Армении Григорию Просветителю.

Еще в Византии с целью борьбы против павликианской идеологии утверждается культ первосвященника Армянской церкви Григория Просветителя (при принципиальном неприятии Греческой церковью армянского вероисповедания). В VIII веке празднование в честь Григория Просветителя включается в византийский церковный календарь. В период правления императора Василия I (867–886 гг.) и Константинопольского патриарха Фотия (858–867 гг., 877–886 гг.) почитание Григория Просветителя в Византии и в странах византийского культурного ареала активизируется как мощное идеологическое оружие в борьбе против павликианского движения в период наивысшего его подъема в империи. Образ Просветителя находим на мозаике в седьмой нише южного тимпана храма Святой Софии в Константинополе (сохранилась копия, сделанная в середине XX в.), относящейся как раз ко времени правления Василия I Македонянина, или Армянина.

В течение IX–XIV веков такая политика проводится и другими христианскими церквями. В самой Армянской церкви Григорий Просветитель был причислен к лику святых лишь спустя полвека после смерти в 326 году. В период, последовавший за разделом Армении между Персией и Византией (387 г.), культ первосвященника Армении стал орудием борьбы против ассимиляторской политики персов и греков, а с середины VII века — против павликиан.

Распространение в Новгороде в XII–XVI веках культа Григория Просветителя необходимо рассматривать в контексте борьбы Русской церкви с *«армянской ересью»* — ересью павликиан. Об этом свидетельствует «Сборник слов, поучений и апокрифов» (конец XII — начало XIII вв.). О борьбе Русской церкви с *«армянской ересью»* свидетельствуют и Poleмические сборники. К числу мер, предпринятых Русской церковью против армян-павликиан и распространяемой ими *«армянской ереси»*, надо отнести также культ Григория Просветителя и дев Рипсимеанских. В новгородской литературе впервые на Руси широко представлено житие Григория Просветителя, коррелирующее с византийской редакцией (Мегафраст, IX в.), соотносимой, в свою очередь, с армянским вариантом, приведенным в «Истории Армении» Агатангелоса. В первой половине XVI века архиепископ Макарий внес житие Григория Армянского в составленную им в Новгороде первую редакцию (Содгийскую) Великих Миней-Четьих, что стало причиной его широкого распространения на Руси. Один из наиболее ранних памятников новгородской письменности — «Книга Паломник» Антония Новгородского (первая половина XIII в.) также содержит информацию о Григории Просветителе. Самое раннее изображение армянского святого встречается в Новгородском храме Спаса Нередицы (конец XII — начало XIII вв.). В Новгороде же были изготовлены и распространены иконы Григория Просветителя. Более того, в расположенном на правом берегу Волхова Хутинском монастыре в 1445 и 1536 годах были построены две армянские церкви во имя Григория Просветителя.

Именно в Новгороде получают широкое распространение направленные против павликиан отмеченные сочинения. Так, в уже упомянутой работе «Кормчая XIV титулов без толкований» (в составе Ефремовской кормчей XII–XIII вв.) павликианская ересь рассматривается в специальном параграфе. В нем отмечается следующее: *«Павликиане от Павла Самосатского. Этот Павел решительно утверждает, что Христос является несуществующим, (а) есть здесь (в мире чувственных вещей. — Р. М.) (как) Слово произнесенное, получив форму от*

Марии: сказано же о нем пророчески (предвещено) в божественных писаниях, что (Христос) не подлинно суций, но имеет существование от Марии и здесь (в этом мире) от плотского»¹⁶.

Культ Григория Просветителя по времени совпадает с мощным антицерковным и социальным движением на Руси—ересь стригольников. Можно признать наличие внутренней (сущностной) связи между идеологией павликиан и стригольников, хотя в литературе встречаются различные версии относительно влияния на стригольников идеологических установок других христианских ересей.

В Новгороде—одном из крупнейших торгово-ремесленных центров Восточной Европы—в XII веке действовали два иноземных торговых двора, которые сами определяли правила взаимоотношений с иноземными купцами. В этом, по сути, проявлялась откровенная терпимость духовных владык в отношении к иноверцам, а также защита последних со стороны светских властей¹⁷. Известно, что одна из наиболее оживленных торговых дорог, связывавших Ближний Восток с Восточной Европой, пролегла через Армению и Малую Азию, затем выходила к побережью Черного моря, оттуда брала направление на Крым, затем вела к устью Днепра. Дальше тракт разделялся на три направления: одно вело на запад, второе—на восток, третье—в сторону Смоленска, Новгорода и далее—к берегам Балтийского моря. В осуществлении торговых связей между Востоком и Западом в эпоху арабского владычества (вторая четверть VII—конец XI вв.) и монголо-татарского ига (XIII—конец XV вв.) активную роль играли армяне¹⁸. И поскольку Новгород Великий вкупе с другими городами Северо-Восточной и Юго-Западной Руси являлся центром посреднической торговли на линии восток—запад, то его, естественно, не могли обойти стороной армянские купцы, в числе которых могли быть и занимавшиеся торговлей павликиане. Стоит упомянуть и о втором пути, проходившем через Персию, Каспийское море, Волгу, Нижний Новгород, Кострому к Белому морю. В древнерусских летописях этот путь упоминается как «великий армянский торговый путь» или «армянская дорога», возможно, из-за предпочтения его армянами.

Этими обстоятельствами можно объяснить и распространение в Новгороде направленных против павликиан уже упомянутых памятников древнерусской письменности. В епитимийнике «Сборник слов, поучений и апокрифов», к примеру, сказано: «...игоумен да не выгонит из монастыря никоож, т (ъ) кмо не боудетъ павликиан»¹⁹.

Как и в случае с павликианами, основополагающие принципы, а также философские и богословские основы учения стригольников, сведения о специфике организационной структуры их общин, равно как и критическая и позитивная части программы деятельности, содержатся в работах их оппонентов. Наиболее известными источниками по истории павликианского учения являются дошедшая до наших дней в одной рукописи X века «Полезная история Петра Сицилийского—осуждение и опровержение ереси манихеев, называемых также павликианами, начертанная для архиепископа Болгарии»²⁰ и основанное на ней «Повествование о вторичном произрастании манихеев» уже упомянутого Константинопольского

16. Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г., с. 73.

17. Примечательно, что новгородцам не запрещалось крестить своих детей у римско-католического духовенства (см.: Никитский А. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, с. 11, 13.

18. См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. Москва, 1959, с. 439.

19. Цит. по: Айвазян К. В. История отношений русской и армянской церковей в Средние века, с. 81.

20. Бартиян Р. М. Источники для изучения истории павликианского движения, с. 73–85.

патриарха Фотия²¹. Первой работой по истории движения стригольников считается сочинение Андрея Иоаннова (Журавлева) «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, об их учении, делах и разногласиях» (СПб., 1795 г.). Из более ранних источников следует отметить «Поучение епископа Стефана Пермского против стригольников» (1386 г.)²² и «Послание митрополита Фотия во Псков против стригольников» (1416 г.)²³. Изложенные идейными оппонентами павликиан и стригольников, эти работы направлены на опровержение их учений и на обоснование и защиту позиций двух православных (Греческой и Русской), а в случае с армянскими первоисточниками — и Армянской апостольской церковью. Здесь, однако, нужно сделать две оговорки:

Ересь стригольников была «внутренней» для русских княжеств и Русской православной церкви ситуацией. Между тем павликианское движение в силу большего ареала распространения и более длительного существования (на протяжении нескольких веков: с VI по XII) оставалась «головной болью» Византийской империи и Арабского халифата, а также четырех христианских церквей — Армянской апостольской, Греческой православной, Русской православной и Римской католической.

Ересь стригольников носила ярко выраженный социальный характер, острие которой было направлено на Русскую церковь, ее догматику и духовенство. Павликианская же ересь на этапе своего зарождения и развития, кроме социального и антицерковного характера, в силу особенностей национального бытия армянства, имела и ярко выраженную национальную специфику.

В контексте сказанного считаю возможным проведение некоторых параллелей между павликианами и стригольниками, относящихся к их религиозному мировоззрению, социально-этическим взглядам и организационной структуре общин.

Как и павликиане, стригольники были ориентированы на «земной» мир, что объясняет не только социально-политическую ориентацию их учения, но и непосредственное их участие в социально-политической жизни. Если в отношении стригольников данное положение справедливо в границах Пскова и Новгорода, то в отношении павликиан оно оправдано в огромном ареале их функционирования и прежде всего в Византийской империи. Полагаю, что и как христианская ересь, и как антицерковная организация стригольничество имеет тесное родство именно с павликианами. Для подтверждения моей мысли приведу два положения известных советских исследователей. Так, определяя суть учения павликиан, Е. Лишиц утверждал, что для последних было характерно желание *«перенести центр тяжести с обрядовой стороны христианства, ставившей человека в зависимость от официальной церкви и государства, на его личное совершенствование, стремление освободиться от власти церкви, связанной с правительством, от его иерархии»*²⁴. Н. Казакова, в свою очередь, отмечает, что русской феодальной церкви *«с ее порядками, с традиционным культом и пышной, но мертвой обрядностью, с духовенством, играющим роль посредника между богом и людьми, стригольники противопоставляли свое представление о церкви как совокупности не обладающих*

21. Там же, с. 168–196.

22. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, с. 234–243.

23. Там же, с. 243–247.

24. Лишиц Е. Э. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. // «Византийский временник». Т. 5, 1952, с. 65.

собственностью общин, возглавляемых учителями, с чьим авторитетом считались верующие, располагая в то же время правом непосредственного общения с богом во время молитвы, исповеди и других религиозных деяний»²⁵.

Общину павликиан возглавлял человек, в «ведении» которого находились как вопросы богословского характера, так и вопросы защиты общины от посягательств светской и духовной элит. Видными деятелями павликианского движения были главным образом люди светские. От рядовых членов общин павликиан-проповедников отличал лишь круг их обязанностей, поскольку все члены общины пользовались равными правами и обязанностями. В рядах павликиан были представители различных социальных прослоек: крестьяне, ремесленники, находившиеся на службе у императора чиновники и воины, занятые в международной торговле купцы, караван-вожатые.

Стригольники жили в имеющих между собой связи общинах, организационная структура которых была схожа с устройством павликианских общин. Стригольничество представляло собой ересь городского посада, большую часть которого и в Новгороде, и в Пскове составляли объединенные в цеха и игравшие активную роль в жизни этих городов ремесленники-щитники, кожевники, серебряники, ткачи и другие. Стригольники имели «учителей» — «книжников». Они отрицали важнейшие церковные догматы и организационные принципы Русской православной церкви, а также подвергали жесточайшей критике образ жизни русского духовенства. Неслучайным поэтому кажется тот факт, что в рядах стригольников не было священников. Они выдвигали требование о праве мирян на проповедь и духовное пастырство. Вместе с тем стригольники, требуя от духовенства соблюдения строгих жизненных правил, сами обладали высокой нравственностью. В числе главных требований стригольников были: «восстановление в правах» первоначальных христианских заповедей, строгое исполнение всех постов, обеспечение социального и экономического равенства. Критикуя институт церкви за стяжательство, они распространяли принцип нестяжательства на каждого истинного христианина.

Близость стригольников к павликианам проявляется и в их критике установлений официальной церкви, а именно: основанной на мзде церковной иерархии; духовенства как особого сословия; церковных догматов и таинств (причащения, крещения, исповеди духовенству, церковных служб, литургий, обряда панихиды и последней тризны). Осуществляемая павликианами и стригольниками критика догматики, принципов организации и обычаев официальной христианской церкви отличается от подобной критики других христианских сект своей системностью и всеохватностью.

На более глубинном уровне общность этих ересей проявляется в сущности их учений. Из книг Священного писания наиболее почитаемым ими было Евангелие. Один из главных постулатов учения стригольников — право проповеди непосвященными в духовный сан, но обладающими соответствующим уровнем образованности людей — стригольники заимствовали у апостола Павла. На этот момент обращает внимание Стефан Пермский: *«Вы же, стригольники, глаголете, оже Павел и простому человеку повеле учити: тогда бо вси неверни быша, а не вам то речено бысть: како вы ныне правоверных христьян смущате, и святители и церковь божию приобидети?»*²⁶. На основании вышеизложенного можно сделать

25. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М. — Л., 1955, с. 55.

26. Цит. по: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века, с. 270.

вывод о том, что наиболее почитаемым в среде стригольников были Соборные послания апостола Павла, и в этом также проявляется их близость к павликианам. Подчеркивание данного положения я считаю принципиальным в силу как минимум двух причин:

Идеологическим основанием ереси богомилов было, и это мной уже было подчеркнuto, учение павликиан. В среде богомилов было много павликиан. Более того, организаторами и руководителями нескольких крупных восстаний богомилов были павликиане армянского происхождения.

В учении богомилов, в отличие от учений павликиан и стригольников, присутствует сотериологический элемент, в силу чего из книг Нового Завета наиболее почитаемым ими было Откровение Святого Иоанна (Апокалипсис).

В 70-х годах XV века в Новгороде вновь вспыхивает еретическое движение, охватившее также столицу государства Российского — Москву. По своему характеру новгородско-московская ересь была весьма похожа на ересь стригольников. В этом также наблюдается некая параллель между павликианами и стригольниками. Если в силу известных причин павликианство трансформируется в ересь тондракийцев, то в новгородско-московском еретическом движении «открывается второе дыхание» стригольников.

Для решения периодически назревавших в Византийской империи внутривнутриполитических и внешнеполитических задач императоры использовали влияние и мощь павликиан. Однако по реализации этих задач павликиане вновь подвергались жестоким гонениям и физическому уничтожению. Тем не менее павликианская ересь периодически возрождалась и набирала силу. Ересь стригольников, возникшая в XIV веке в Пскове и затем распространившаяся на Новгород (в период правления архиепископа Василия Калики, 1330–1352 гг.), по сути, стала необходимым идеологическим оружием в руках светских властей в проводимой ими политике конфискации церковных земель. После успешного завершения этой программы Великий князь всея Руси Иван III санкционировал расправу над еретиками. Собор 1504 года вынес смертный приговор наиболее видным деятелям первого в истории Русской православной церкви еретического движения.

Summary

Rima Mirumyan,

Doctor of Philosophical Science, Professor of the Chair of Political Science, Russian-Armenian University (Yerevan); Leading Researcher of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Armenian National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan)

Pavlicians in Russia (11th—16th centuries)

The article postulates and substantiates the thesis according to which the formation of the ideology of a powerful anti-church and social movement in Russia in the 14th—15th centuries—the heresy of Strigolniks—was seriously influenced by another, much more powerful religious heretical movement—the Pavlicianism.

Having emerged in the end of the 6th century in the Western (Byzantine) part of Armenia as a response to the anti-Armenian policy of the Byzantine emperors, the Pavlicianism in a fairly short period of time turned into a powerful religious, ideological and military-political force that threatened the stable functioning of the Byzantine statehood. At the same time, this fearsome (in fact, militarized) force was alternately used for geopolitical purposes by both the Arab caliphs (in whose possession the Eastern part of Armenia was) and the Byzantine emperors. The latter used Paulicians to solve the internal political issues as well, in particular, in their iconoclastic politics.

The Pavlician heresy was widespread throughout the entire Armenian Highlands, in the Asia Minor part of the Byzantine Empire, in Caucasian Albania, then in the Balkans, in Ancient Rus and in the countries of Western Europe. The teachings of Paulicians formed an ideological basis of a number of other religious heresies (in Christianity)—the Bogomils, the Cathars, the Albigensians, the Strigolniks, becoming a “headache” for four Christian Churches—the Armenian Apostolic, Greek Orthodox, Russian Orthodox and Roman Catholic.

Despite the “local” nature of Strigolniks’ heresy, in contrast to the global (within the Christian world) nature of Paulician heresy, the ideologies of both anti-Church movements reveal an internal (essential) commonality.

This is manifested in the criticism of the official teaching of the Church, in the acceptance of the teaching of the Apostle Paul, in the denial of the human nature of Christ, in the principles of organization, activity and management of communities, as well as in the principles of preaching work.

Armenians of the Ottoman Balkans: the sources

Beatrice Tolidjian

Independent scholar (Washington D.C.)

Acknowledgements: *I owe a debt of gratitude to Prof. Machiel Kiel for my discovery of the Kumanovo area churches and for his continued collegial support and encouragement. He first raised the issues in the literature, leaving a lot of questions wide open for further in-depth exploration. I also wish to thank Slavica Krstik and Gabriela Mitovska for taking me to see the Kumanovo area churches (fig. 1).*

The effervescence of architectural activity marking the reign of Süleyman I the Magnificent (1520–1566) must have been felt in the Ottoman-occupied Balkans as well. Indeed, some of the building campaigns in the Balkans in the 16th, possibly early 17th centuries appear to be symptomatic of Süleyman's and his weak successors' relative tolerance toward the subjugated population. In north-eastern Macedonia, historic south-western Bulgaria, it may in fact be that this less severe attitude towards the cultural and social needs and aspirations of the non-Muslim population, found expression in the erection of a small group of churches, insufficiently studied to date, with some very eclectic solutions for their exterior wall decoration. It is their kinship to Armenian medieval architecture that is the focus of the larger study. This particular report will focus on establishing the Armenian presence via the literary and epigraphic sources.

The territories under consideration in this report are in the present-day northeastern Republic of North Macedonia, historic south-western Bulgaria.

Early historiography. The earliest Armenian presence in Macedonia is attested by the 11th century Armenian historiographer Step'anos Taronec'i, also called Asołik¹. He tells of the forcible migration of large numbers of Armenians into Macedonia by the Byzantine Emperor Basil II sometime between 976 and 987². The purpose was to mount an offensive against the Bulgarians who were not co-religionists. We learn of further military engagements on the part of Armenians in Macedonia again from Asołik³. In a second military campaign by Basil II against the Bulgarians from March 991—March 992, he laid siege on the Macedonian city of Veria/Veroia, and Grigor Magistros of the princely Pahlavuni family with his troupes was left there to keep the Bulgarians in check.

1. [Étienne Asoł'ik de Tarôn]. Histoire Universelle par Étienne Asoł'ik de Tarôn / Traduite de l'arménien et annotée par Frédéric Macler. Vol. 2. Paris, 1917.

2. Ibid, pp. 74–75.

3. Ibid, pp. 145–146.

Epigraphy. There is a stone inscription from Prilep (North Macedonia) from 1002 that is partly in Armenian⁴. There is another stone inscription partly in Armenian from 1218 (fig. 2) at the Serbian Monastery of Vitovnica⁵.

Epistolography. Yet more testimony about the Armenian presence in Macedonia comes from one of the most notable Byzantine scholars of the Bible, the blessed Theophylactus of Ohrid⁶ (1050/60–1108), who was also the Greek Archbishop of Ohrid (Ochrid, Ochrida), then Byzantine-occupied Bulgaria. He was also an ardent letter writer with a large corpus of correspondence, dating from 1080 to 1108. In one letter is preoccupied with the subject of the “turning” of the Armenians from monophysitism⁷ to orthodoxy. While he expresses his delight at that prospect to one of his colleagues, he signals a warning that the Armenians have to be kept an eye on. He is laying out instructions on how to proceed with the Armenians who have decided to “turn”, instructions on how to draw them into the family of the Orthodox Church, how to convert the monophysite Armenians who have decided to join the Byzantine church: “*And if their priests wish to convert—enroll them in as lay members of the congregation, but if they insist on remaining clergy, so then let them but their liturgy has to be studied beforehand, and if follows that of the “Golden-mouthed” (John Chrysostom), then by all means and without a doubt it should be followed/adhered to. However, if it is corrupted, it has to be changed*”⁸.

In a second letter from 1114–1115, written to an unknown Armenian named Tivanii⁹, Theophylact gives a long, drawn-out fervent dissertation on the nature of Christ, where he clearly rejects the tenet that there is a dual nature of Christ combined in one, but upholds the Chalcedonian doctrine that there are two natures, a human and a divine and that they exist separately in Christ. The letter is a powerful polemical sermon from an archbishop of the Byzantine Church and directed to the Armenian monophysite community, the latter being considered heretical by the Byzantine Church, which falls in the time period when Alexios I Comnenos was involved in a contentious rhetoric with the Armenian monophysite priests. Theophylact of Ohrid was also a severe critic of the Paulicians.

It seems Theophylact is related to Armenians by marriage, as a third letter mentions Theophylact’s niece’s husband, a man by the name of Tornik, clearly of Armenian origin¹⁰.

Hagiography. More testimony for the existence of an early Armenian presence in Meglen can be found in the Life of St. Hilarion of Meglen, a Bulgarian saint, born in Ohrid and appointed Bishop or Metropolitan of the then Bulgarian city of Meglen in

4. Private correspondence from the late Ara Margos, noted 20th century Bulgarian Armenian archeologist.

5. *Khalpakhtchian G. Kh.* Sur le problème des relations culturelles arméno-serbes // “Revue des Études Arméniennes”. Vol. VIII. 1971, pp. 283–287.

6. Proizvedeniã na Teofilakt Okhridski, arkhiepiskop búlgarski otnasiãhti se do búlgarskata istoriã [in Bulgarian: The essays of the Bulgarian Archbishop Theophylact of Ohrid, referring to the Bulgarian history] / Ed. Iliev I. // “Grútski izvori za búlgarskata istoriã” (GIBI). Vol. 9. Ch. 2. Sofia, 1994, pp. 80–230 (in archaic Bulgarian). Viewed on Internet resource: http://macedonia.kroraina.com/gibi/9_2/gal/9_2_080.html.

7. [From the editor]. The Armenian Orthodox Church, as well as other Oriental Orthodox Churches, argues that the identification as “monophysitism” is an incorrect description of its position. It considers monophysitism, as taught by Eutyches and condemned at Chalcedon (451), a heresy. Instead, the Armenian Church adheres to the doctrine defined by Cyril of Alexandria, who was considered as a saint by the Chalcedonian Churches and who described Christ as being of one incarnate nature, where both divine and human nature are united (miaphysis). The teaching confesses not a single nature but one incarnate united divine-human nature of Christ. This position is called “miaphysitism”, where the prefix “mia” means “one” and allows for a compound nature.

8. Proizvedeniã na Teofilakt Okhridski, arkhiepiskop búlgarski otnasiãhti se do búlgarskata istoriã. Letter 15, pp. 95–96.

9. Ibid. Letter 135, pp. 228–229.

10. Ibid. Letter 109, p. 210.

the 2nd quarter of the 12th century¹¹. Hilarion led a passionate life-long campaign against religious heretical sects such as the Manichaeans, Bulgarian Bogomils and Armenian Paulicians. He preached that the “right” road to salvation is through worship in the Orthodox faith and encouraged return to the Orthodox house of prayer. In heated dialogues with the Armenian heretics, he admonishes and reproaches them for keeping a pagan fast. He challenges them to come up with satisfactory explanation of why they are practicing this pagan fast. The Armenians are unable to give a satisfactory answer and Hilarion then pointed to the fact that none of the saints or apostles or even St. Gregory the Illuminator, himself on the eve of the Christianization of the Armenians, had ever ordered such a fast. He further attacks the Armenian heretics for daring to consecrate the cross through baptism and with nails and blood and asks—indeed how is it possible that the holy cross which sanctifies the baptism and the communion can be blessed by the actions of those that are blessed by it? And again, Hilarion brings in the example of the exalted Gregory, the Bishop of Greater Armenia as he calls him, who set up wooden crosses and ordered that people worship them and accept their blessing powers, but never tried through his priests to have them sanctified through baptism nor with nails, nor with blood.

Another hagiographic source places Armenians in the city of Kratovo, in the very heart of the region where these village churches under discussion in the present study are located. The life of St. Gabriel of Lesnovo (Gavrail Lesnovski)¹² mentions a wealthy Armenian man from the city of Kratovo who has a daughter with a paralyzed arm. After visiting Lesnovo Monastery, he humbly bowed before the relics of St. Gabriel of Lesnovo, the founder of the monastery. At that moment the young girl’s arm was miraculously healed.

Legal document. In the Code of the Serbian King Stefan Dušan of 1349, under Article 11 “*Of heretics*”, there is a clause that presumably refers to the Paulicians of Bosnia¹³.

Evidence of a viable Armenian community in the Macedonian lands during the Ottoman period constitutes a colorful and eclectic body of data.

Ottoman tax registers. The Ottoman authorities recorded the collection of the *cizye* tax from all non-believers, that is non-Muslims¹⁴. Proper names in the Turkish census registers for the various *sancaks*, allow us to locate Individual Armenians and to glean the social lives of some of them. Thus, from the village of Smilevo, *kaza* of Melnik (present day southwestern Bulgaria), in the *cizye* lists for 1638–1639, we are introduced to Armen, son of Dokhte. From the village of Debuni (most likely Debrene, Sofia region),

11. Prostranno zhitie na Ilarion Müglenski [in Bulgarian: Extensive life of Hilarion of Meglen] / Trans. by M. Spasova and K. Ivanova according to the Zograf Collection from the end of the 14th century // “Stara bŭlgarska literature”. Vol. 4: Zhitiepisni tvorbi. Sofia, 1986.

Viewed on Internet resource: <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=421&WorkID=14859&Level=1>.

12. *Ivanov Ī. Bŭlgarski starini iz Makedoniĭa* [in Bulg: Bulgarian antiquities in Macedonia]. Sofia, 1931, p. 398 (Facsimile, 1970).

13. The Code of Stephan Dusan: tsar and autocrat of the Serbs and Greeks / Trans. from Old Serbian with notes by M. Burr // “The Slavonic Review”. Vol. 28, 1950, p. 200.

14. Turski dokumenti za istorijata na makedonskiot narod. Opširni popisni defteri od XVI vek za Āustendilskiot sandžak [in Macedonian: Turkish documents for the history of the Macedonian people. Large census registers for the 16th century for the Āustendil sancak] / Ed. by M. Sokoloski. Vol. 5. Book 1. Skopje, 1980; The same. Vol. 5. Book 2. Skopje, 1983; Turski dokumenti za istorijata na makedonskiot narod. Opširen popisen defter za Kazite Kostur, Serfidže i Veles od 1568/9 godina [in Macedonian: Turkish documents for the history of the Macedonian people. Large census register for the kazas Kostur (Kastoria), Serfidže (Servia) and Veles from 1568/9] / Ed. by A. Stojanovski and D. Āorĳiev. Vol. 7. Book 2. Skopje, 1999; Turski izvori za bŭlgarskata istoriĭa [in Bulgarian: Turkish sources for Bulgarian history]. Vol. VIII / Ed. by E. Grozdanova and others. Sofia, 2001.

we meet Armen, son of Troshan and More, son of Azar (presumably Ghazar or Ghazaros). We further learn that all three are heads of household. In the census registers from June 8th, 1642, from the village of Cherkoviŭsa, *kaza* Oriakhovo, we encounter Obreten Khacho (Cyrillicized Khachig or Khachadur). In the village of Gürbine (Gürbino, Sofia region), there is a Tatul, head of household. From the village of Shipochano (Sofia region), there is a Mikhail Manas (Minas). In the census registers for the *nahiye* of Kratovo in the Kyustendil *sancak* for the 16th century, we encounter Jovan Ermen, who lived in the *Mahalle* (neighborhood) of the Goldsmiths and was head of household. In the *nahiye* of Štip, Kyustendil *sancak*, we encounter several Armenians in different villages. Thus, in the village of Topolnica we encounter Pejo Ermen, who was single. In the census registers for the Western and Central Macedonian *kazas* of Kastoria/Kostur, Serfiĝe (Serbia) and Veles from 1568–1569, we come across Jovan Sarko (Cyrillicized Sarkis) and Petri Sarko, both from the village of Kolišta, *nahiye* Kostur, and both heads of household. A name that appears with relative frequency in the census registers for the Kyustendil *sancak* in the 16th century is Tornik, clearly of Armenian origin. Examples are: Janko Tornik, Tornik Nedan, both heads of household from the *Mahalle* (neighborhood) of Pop Staniša, or Tornik Bratan and Bojan Tornik, both single men from the village of Gošinci in the *nahiye* of Nagoričino, also known as Kumanovo.

Another set of Ottoman documents, the *sicils* (or court registries) from the 17th and 18th centuries for central Ottoman *Rumeli* (present-day Bulgaria) are treasure troves of information on the lives and activities of Armenians operating within the Empire as well as inventories of Armenian names¹⁵. In them we come across the Armenian Filipoz (Pilibos), who repays a debt of 30 *guruş* to a *waqf* (foundation). We learn of a legal matter involving inheritance where the heirs of a certain Bagdassar, son of Vartan are seeking a daily allowance from the estate of their late father. A certain Ovas (probably Hovhannes) was arrested for stealing goods and passing the money from their sale to the Armenian Sükias. We hear of *Açem* Krikor, one of the merchant residents of the Çokaciler Han (presumably name of caravanserai—“*khan*”) in connection to his disappearance from there.

Besides by personal names, the Ottoman archives for the Balkan provinces also mention Armenians by their ethnic identification or identify the Armenian geographic regions they come from. To give examples—we just met *Açem* Krikor. To clarify here: a phrase often encountered in the sources is *Açem tüccar* (merchant from Persia), where the term *Açem* invariably referenced Armenians, since the sources use the ethnic designation *Ermeni* or *Emeniyan* in association with *Açem*¹⁶. It can be inferred that these were Perse-Armenians, or Armenians from Eastern (Persian) Armenia engaged in trade. Other associated phrases encountered are *Açem Ermeni*, and *tayfa* of the *Açem*.

In a copy of a *ferman* from May 15th, 1657, there is a section in it entitled: “*Cizye from Armenians and other non-Muslims temporarily residing in the sancaks of Nikopol and Silistra*¹⁷”, which is directed to Armenian temporary laborers or migrant workers passing through in search of trade or other means of livelihood¹⁸. The *ferman* calls on the local Ottoman tax collector “to collect taxes from scattered Armenians, who are passing from one region to another in pursuit of livelihood and earning a living, [coming from]

15. Ivanova S. The Empire's 'own' foreigners: Armenians and *açem tüccar* in Rumeli in the seventeenth and eighteenth centuries // “Oriente Moderno. Nuova serie”. Anno 22 (83). № 3: The Ottoman Capitulations: text and context. 2003, pp. 681–703.

16. Ibid, p. 687 and throughout the paper.

17. Nicopolis (Nicopolis ad Istrum) and Silistra are located in present-day northern Bulgaria.

18. Turski izvori za bülğarskata istoriia. Vol. VIII, pp. 269–270 (*ferman* translation by Svetlana Ivanova).

*Kayseri, people from the regions of Van, Marash, Arapgir, Ganjak, Serbia, Adana, Erciş and Sivas*¹⁹. With the exception of the 46 Armenians from Kayseri, all others are subject to 360 *akçe cizye tax*²⁰. On a somewhat anecdotal note, the *ferman* goes on to state: “The sons of Armenians, owing Sharia cizye, who are 10 years old, pursuant to the Sharia court protocol, will be levied half a cizye; those young men, who are older than 10 years, with a just now prickling mustache, should be levied a full cizye”²¹.

In the tax registers from June 8th, 1642, for the village of Cherkoviŭsa, *kaza* Orŭakhovo, there is a record of an un-named Armenian mentioned as simply “Armenian *khaimane*” which means not owning a house²². *Perakende* Armenians is also a reference used in the sources²³. In the village of Ulanci, *nahiye* of Štip in the Kyustendil *sancak*, in the 16th century there lived Petko Armenče (Ermenče), which means, Petko the Armenian in the diminutive, or Petko, the young Armenian, head of household²⁴. Thus, there is an abundance of reference material to the ethnicity of Armenians in the Ottoman archives that further reinforces the paradigm of an Armenian presence in the Ottoman Balkans.

Besides personal names, there are also place names. The *Toponymy* of the region reveals some fascinating facts. In the village of Gradec in the *nahiye* of Kočani, there is *Mahalle* Armen (or Ermen)²⁵. In the *nahiye* of Nagoričino or Kumanovo there is the village of Stepanci, near Kyustendil region²⁶. There is also the village of Armelino in the *nahiye* Dupniŭsa²⁷. In the *nahiye* Ilidža, Kyustendil *sancak*, there are the following villages: Gorna Ermina, Dolna Ermina, Gorno Armino, Dolno Armino, and Dolno Ermino²⁸. We are allowed a glimpse into the economics of these Armenian villages as for example, the total income of Gorna Ermina was 4,400 silver coins or *akçe* and that of Dolna Ermina was 5,200 (silver coins). Other toponyms with Armenian names are: Armenohor, *nahiye* of Kostur (Kastoria, Western Macedonia, Greece)²⁹, village Armenko in the plains of Florina/Slavic Lerin (Western Macedonia, Greece), village and municipality of Armen, southwestern Albania. There were Armenian communities in Durrës (source from 1220’s)³⁰, in Serres (source from 1383)³¹, in Skopje as early as 1467³², in Thessaloniki even before Ottoman times³³. There are Armenian communities also in Devol (Albania), Bitolja, Ohrid and Meglen³⁴. Meglen in Central Macedonia (Greece, formerly Bulgaria) was occupied by the Byzantine forces in 1015 and a forcible migration of Armenians, among others, took place.

19. Ganjak—on the territory of today’s Azerbaijan; *Erciş*—in Van province; *Sivas*—Sebastea in the past.

20. Turski izvori za bŭlgarskata istoriŭa. Vol. VIII, pp. 269–270.

21. *Ibid.*, p. 270.

22. *Ibid.*, p. 105.

23. *Ivanova* S. The Empire’s ‘own’ foreigners, p. 687.

24. Turski dokumenti za istorijata na makedonskiot narod. Opširni popisni defteri od XVI vek za ŭstendilskiot sandžak. Vol. 5. Book 2, pp. [69]—286.

25. *Ibid.*

26. *Ibid.*, p. 489.

27. Turski dokumenti za istorijata na makedonskiot narod. Opširni popisni defteri od XVI vek za ŭstendilskiot sandžak. Vol. 5. Book 1, p. 426.

28. *Ibid.*, pp. 27, 90–93, 153, 176, 275.

29. Turski dokumenti za istorijata na makedonskiot narod. Opširen popisen defter za Kazite Kostur, Serfidže i Veles od 1568/9 godina. Vol. 7. Book. 2, pp. 14, 52.

30. *John V. A. Fine*. The late medieval Balkans: a critical survey from the late twelfth century to the Ottoman Conquest. Michigan, 1994, p. 449.

31. *Vacalopoulos A. E.* History of Macedonia 1354–1833. Thessaloniki, 1973, p. 232.

32. *Stojanovski A.* Gradovite na Makedonija od krajot na XIV do XVII vek [in Macedonian: The cities of Macedonia from the end of the 14th till the 17th centuries]. Skopje, 1981, p. 84–85.

33. *Ibid.*, p. 85.

34. *Ivanova* S. Malkite etnokonfesionalni grupi v bŭlgarskite gradove prez XVI–XVII v. [in Bulgarian: The small ethno-religious groups in the Bulgarian cities 16th—17th centuries] // Bŭlgarskiŭat shestnadeseti vek. Sofia, 1996, p. 56.

Historical travelogues. Simeon Tbir³⁵ Lehats'i visiting the Balkans between 1608 and 1620 recounts: "Here [in Skopje] there are 3 Armenian families—gardeners, very hospitable and religious, who took us to their gardens, calmed us down, fed us a variety of dishes, entertained us with eloquent speech until the arrival of another caravan"³⁶.

"There [in Sarajevo, Bosnia] we discovered 4 Armenian merchants, who, after they calmed us down and comforted us, welcomed us with deep love, accommodated us in their houses, for which may God reward them. We stayed for 2 days"³⁷.

Our traveler and his companions have more encounters with Armenians in the Balkans, such as the one in Split (Serbia). While enduring the shock and psychological trauma of being incarcerated at a detention facility upon arrival here, they are able to talk to some Armenians on the outside, who soothe their fears and anxieties and from whom they learn about the rules and regulations at the detention facility³⁸.

Evliya Çelebi, the famous 17th century historian and world traveler, writes about Armenians in Macedonia. He visits Skopje a few years before the great fire of 1683 and finds an Armenian church and says it is evident there was an Armenian colony as well³⁹. Likewise, during his visit to Belgrad, Çelebi finds an Armenian colony, as well as an Armenian church there⁴⁰.

Ecclesiastical report. Peter Bogdan Bakshev was an archbishop in the Bulgarian Catholic Church, and a historian and historiographer. In a report from his 1640 visit to Sofia, he notes the following: "There are many Armenian households, which also have their own churches; they are even divided amongst themselves and think of one another as heretics. There are about 200 houses that have more or less 160 people"⁴¹.

Later historiography. Grigor Daranaghtsi (1576–1643) is a chronicler of critical historical events that affect the Armenian community in the very early 17th century⁴². As a contemporary to these events, he reports on the plight of Armenians during two migratory phases. In the years 1603–1605, bad harvest years due to draught, as well as famine and plague chase Armenians away from the city of Kaffa⁴³ in the Crimea. In Daranaghtsi's Chronography, the migratory stream's course is charted as first south-westward via the north-eastern Bulgarian cities of Varna, Razgrad and Provadia and then further westward all the way to Belgrad. He writes: "and as a result of the continued and horrible hunger, a large number of Armenians and Turks were dispersed, passing via the sea from Kaffa. And in order to save themselves from the hunger, some came to Stambul [Istanbul], and some to Thrace, which is called Urumeli [Rumelia] and passing through

35. Tbir, dpir (armenian)—scribe.

36. *Simeon tbir Lehatsi. Ughegrutiun* [in Armenian: Travelogue]. Vienna, 1936. Translated into Bulgarian: Armenski pütepisi za Balkanite XVII–XIX v. / Ed. Agop Ormandzhian. Sofia, 1984, p. 33.

37. Armenski pütepisi za Balkanite XVII–XIX v., p. 33.

38. *Ibid.*, p. 36.

39. *Shopov A. Evliia Çelebi: pütuvaneto my iz Makedoniia, Sürbiiia i Bülgariia* [in archaic Bulgarian: Evliya Çelebi: his travels through Macedonia, Serbia and Bulgaria] // "Periodichesko spisanie na Bülgarskoto knizhovno druzhestvo". Vol. 6, 1902, p. 175 (viewed on Library of Congress sourced HathiTrust Internet resource: <https://catalog.hathitrust.org/Record/011742501>).

40. *Ibid.*, p. 194.

41. [*Bakshev P. B.*]. *Doklad ot P. Bogdan Bakshev, episkop na Galipoli i pomoshtnik na sofiiskiiia episkop* [in Bulgarian: Report of P. Bogdan Bakshev, Bishop of Gallipoli and assistant to the Sofia Bishop] // *Pütishta i püteshestvenitsi, XIV–XIX vek* / Ed. by Gyurova S. Sofia, 1982, p. 59.

42. *Zhamanakagrut'iun Grigori Vardapeti Kamakhets'voh kam Daranaghts'voh* [in Armenian: Chronology of Grigor Vardapet Daranaghtsi or Kamakhetsi]. Jerusalem, 1915 (viewed on Library of Congress sourced HathiTrust. Internet resource: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.10071424915;view=1up;seq=433>).

43. Kaffa, Caffa—today's Feodosia or Theodosia in the Crimea.

*Varna dispersed to Belgrad ... and to Poland*⁴⁴. This testimony of Armenian settlements in the Western Balkans is significant to the present discussion, as some of these immigrant Armenians, on their west-ward trek across the Bulgarian lands, may very well have veered south to settle in the Macedonian lands, while others continued up north to Belgrad and further north. Another displacement of Armenians from Asian Minor takes place in 1606. They are fleeing the violence of the Jalali Kurdish tribes⁴⁵. They find refuge in Sofia, among other places, according to a sultan's *ferman* of 1610⁴⁶.

The focal point of this rigorous investigation of the sources for the Armenian presence in the area and historical period in question is a small group of related church buildings in the Kumanovo-Žegligovo region of the present day central to north-eastern Republic of North Macedonia⁴⁷, alluded to in the first paragraph of this paper. With the exception of the first which is from the 11th century, the rest probably date from the 2nd through the last quarter of the 16th century, and possibly early 17th century. The decorative treatment of the walls as well as the masonry and building technique are very different in this group of churches than elsewhere in Macedonia (figs. 3, 4 and 5). This is a distinct group of buildings that presents a clear paradigm. The technique of building in ashlar and the workmanship of the sculptural reliefs are of very high quality, betraying the fact, therefore, that this is not the work of local masters, but rather of highly skilled master builders who were very much at home with this type of external facade decoration and masonry technique, and were therefore in this case, foreign. In design aesthetic, these buildings appear informed by the classical Armenian arts of stone masonry and facade embellishment. (The church decoration is the subject of a separate study.)

The myriad of sources attesting an Armenian presence in the immediate vicinity or close to the geographic location of the above-mentioned churches paints a picture of a vibrant and robust Armenian community in the Macedonian diaspora, certainly in the 16th—17th centuries and much earlier. This in turn grapples with the issues of patronage and foundation and raises questions related to the commissioning of cult building for the spiritual and social needs of the Armenian community. And these churches, in particular. (The latter is a study in gestation.)

44. Zhamanakagrut'iun Grigori Vardapeti Kamakhets'voh kam Daranaghts'voh, pp. 95–96.

45. Ibid, pp. 18, 322–323.

46. Die Protokollbücher Des Kadiamtes Sofia / der Ed. Galab D. Galabov. München, 1960, s. 113.

47. *Kiel Machiel*. A contribution to the history of art of the Armenian diaspora. Armenian and Ottoman influences in North-Eastern Macedonia // "Revue des Études Arméniennes". Vol. VIII, 1971, pp. 267–282; *Krstik Slavica*. Crkovni spomenici vo Kumanovsko [in Macedonian: Ecclesiastical monuments in the Kumanovo area]. Kumanovo, 2012, pp. 13–140; Tolidjian Beatrice. Art of church building and facade decoration in Ottoman Macedonia: resonances from medieval Armenia / An overview Paper presented at the SAS 40th Anniversary Conference, Yerevan, Armenia, October 3–5, 2014 (submitted for publication).

Illustrations

Fig. 1. Map of Kumanovo area

Fig. 2. Stone inscription at the Monastery of Vitovnica, Serbia

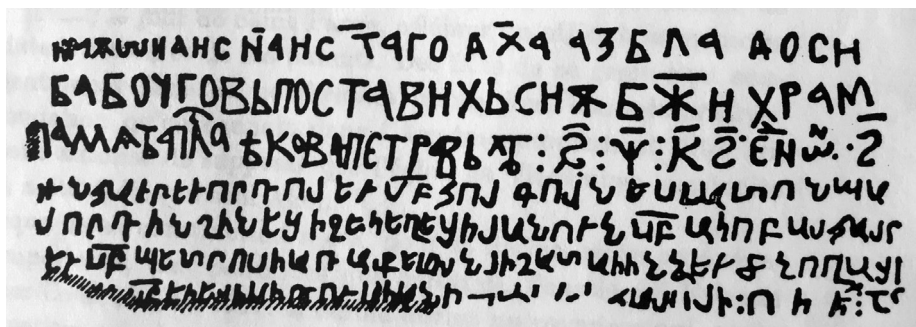

Fig. 3. Holy Spirit Church at Dobrača, view from the south-east

Fig. 4. St. George Church at Mlado Nagoričino, northern tympanum
(photo courtesy of Slavica Krstić)

Fig. 5. St. Nicholas Church at Žegljane, western facade (photo courtesy of Slavica Krstić)

Резюме

Беатрис Толиджян,
независимый ученый (Вашингтон)

Армяне Османских Балкан: источники

В статье приведены и проанализированы источники, подтверждающие присутствие армян на Балканах, а конкретно—на землях современной Северной Македонии, в XVI–XVII веках, в период османского владычества. Используются данные историографии, эпиграфики, агиографии, топонимики, эпистолярных источников, а также юридические документы, османские налоговые регистры, османские судебные регистры, различные путевые записи и церковные отчеты.

Изучение заявленной темы было вызвано живым интересом автора к небольшой группе сельских церквей в районе Куманово-Жеглигово, которые демонстрируют черты, не характерные для местной церковной архитектуры данного периода. Они, выраженные в классической каменной кладке, а также в искусно выполненных сюжетных рельефах и резных орнаментах, украшающих фасады, свойственны именно армянскому зодчеству, и приведенные источники могут стать доказательной базой для такого утверждения.

Завещания армянских урядников¹ города Замостье третьей четверти XVII века (по материалам Национального исторического архива Беларуси)

Денис Лисейчиков

кандидат исторических наук, заместитель директора Национального исторического архива Беларуси (Минск)

Прошлый век был неблагоприятным с точки зрения сохранности документальных памятников. Многие архивы были полностью или частично уничтожены, другие — фрагментированы и разбросаны по хранилищам разных стран. К числу последних относится датирующийся XVII веком архив Замостского армянского войтовско-лавницкого суда — коллегиального судопроизводственного органа армянского самоуправления города Замостье² Люблинского воеводства Королевства Польского.

Делопроизводство Замостского армянского войтовско-лавницкого суда XVII века, судя по всему, включало в себя восемь актовых книг, одна из которых не сохранилась. Другая из актовых книг, за 1660–1668 годы, в настоящее время находится на хранении в Национальном историческом архиве Беларуси (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, НГАБ) в фонде 1807 «Замостский армянский магистрат». Основной же корпус актовых книг архива за 1626–1659, 1669–1674, 1680–1700 годы хранится в Государственном архиве в Люблине (Archiwum Państwowe w Lublinie, APL) в фонде 35 «Acta miasta Zamościa» («Акты города Замостья»). В целом структура корпуса актовых книг Замостского армянского войтовско-лавницкого суда XVII века выглядит следующим образом:

Книга [№ 1]	1626–1649 годы	APL 35/61/0/2/64
Книга [№ 2]	1649–1659 годы	APL 35/61/0/2/66
Книга [№ 3]	1660–1668 годы	НГАБ 1807/1/1
Книга [№ 4]	1669–1674 годы	APL 35/61/0/2/68
Книга [№ 5]	1675–1679 годы	[Не сохранилась]
Книга [№ 6]	1680–1685 годы	APL 35/61/0/2/69
Книга [№ 7]	1685–1690 годы	APL 35/61/0/2/70
Книга [№ 8]	1690–1700 годы	APL 35/61/0/2/71

Начало формированию армянской общины в городе Замостье положил привилей³ коронного канцлера Яна Замойского от 1585 года, который гарантировал армянам права, аналогичные тем, что были у других жителей города. В 1590-х

1. Урядник — в Речи Посполитой человек, занимающий должность (уряд) в государственных учреждениях или органах самоуправления.

2. Польск. — Zamość, Замосць; укр. — Замостя.

3. От польск. przywilej — привилегия, особый закон.

годах была сформирована отдельная единица замойского городского самоуправления — армянская гмина⁴. Гмину возглавлял *войт* (*лантвойт*), а в состав ее входили заседатели — *лавники*⁵. В 1620-х годах армянских лавников в Замостье было шесть, в 1640-х годах — семь, а в 1660-х годах — уже девять. Войтовско-лавницкие суды, действовавшие помимо магистратов, имелись лишь в крупных городах Речи Посполитой, каковым и являлся Замостье.

Как следует из книги 1660–1668 годов, хранящейся в НГАБ, в состав армянской гмины входили также два экзекутора и писарь. На эти должности могли избираться лавники. Еще один представитель гмины ежегодно избирался депутатом в Замойский трибунал — местный апелляционный суд.

Юрисдикции Замостского армянского войтовско-лавницкого суда подлежало расследование имущественных дел и уголовных преступлений, совершенных мещанами-армянами. Однако основное содержание сохранившихся актовых книг составляют экономические споры и сделки мещан. Книги позволяют проследить динамику формирования и развития армянской общины в Замостье. Если объем записей в 1620-х годах насчитывал от семи до девяти страниц за год, то к 1660-м годам он вырос до 30 страниц в год, а к 1690-м годам уменьшился до 15–20 страниц.

С 1680-х годов в Замостье в делопроизводство входят также отдельные книги заседаний войтовско-лавницкого суда для неармянского христианского населения. Они датируются 1685–1744 годами. Именно в этот период численность армян в Замостье начала уменьшаться. В 1738 году она снизилась настолько, что встал вопрос об упразднении отдельной армянской гмины. А после того, как в 1772 году в результате первого раздела Речи Посполитой город Замостье вошел в состав Австрийской империи, армянская община прекратила существование, армянская церковь была закрыта, а ее имущество — передано римско-католическим храмам города.

Общий объем хранящейся в НГАБ актовоей книги составляет 258 листов (516 страниц). Книга сохранилась не полностью: запись актов обрывается на дате «23 сентября 1668 года». То есть отсутствуют записи за три последних месяца года. Язык записей — польский, с небольшими вкраплениями латинской лексики. Стоит заметить, что, как правило, магистратские книги Замостья и других городов Королевства Польского в то время велись на латыни. Писарь, безусловно, знал и армянский язык, но пользовался им лишь при внесении в документ подписей участников и свидетелей сделок. Примечательно также, что среди мещан-армян бытовали в основном так называемые патронимические фамилии — производные от имени отца или деда. По актовым книгам можно проследить, как на протяжении столетия формировались фиксированные фамилии у армянских мещан. К особенностям ведения армянских актовых книг можно отнести и то, что они велись по юлианскому календарю.

Одним из самых интересных и информативных видов *эго-документов*, внесенных в актовые книги, являются завещания — *тестаменты*⁶. Хотя и существовал устоявшийся формуляр составления завещаний, однако именно в этом виде документов наиболее явно проявляется индивидуальность их составителей, очерчивается круг родственников, друзей и партнеров завещателя, характеризуются

4. Gmina (польск.) — сообщество.

5. Лавник — член судебной коллегии с компетенцией рассматривать уголовные и гражданские дела в городах Магдебургского права.

6. От лат. testamentum, польск. testament — завещание.

отношения к Богу, смерти и вечности. По некоторым параметрам завещания даже можно отнести к литературным сочинениям. Обычно они состояли из двух частей. Первая — так называемая «духовница». В нее вносились распоряжения «о спасении души»: о месте погребения, о выплатах духовенству на поминание души, о пожертвованиях на храмы, обращения к Богу. Вторая часть, собственно завещание, включала в себя распоряжения по движимому и недвижимому имуществу, вопросы о долгах, назначение опекунов. Первое завещание, внесенное в книги Замостского армянского войтовско-лавницкого суда, датируется 1632 годом.

Во второй половине XVIII века завещаний в Замостье стало составляться много и в связи с этим были заведены отдельные книги, фиксировавшие именно этот вид документов. Правда, в то время армянской общины в городе практически уже не было. А делопроизводство XVIII века представляют в основном различные книги неармянского христианского населения.

Наиболее интересны завещания представителей городской верхушки — урядников. В актовой книге Замостского войтовско-лавницкого суда 1660–1668 годов, хранящейся в Национальном историческом архиве Беларуси, нами выявлено два таких завещания: лавников Криштофа Балеёвича 1664 года и Николая Мустафы Криштофовича 1668 года.

Духовная составляющая завещаний армянских урядников Замостья занимает внушительную часть текста — до половины объема. В этом и есть их отличие от других мещанских завещаний. Обычно важное значение духовной части завещаний придавали представители духовенства, а также крупной и средней шляхты. Значительные выплаты были предусмотрены на поддержку армянского духовенства — и в городе, и за его пределами. Причем выплаты адресовались как на имя храмов, так и конкретных священников. Выплаты предусматривались не единовременные, а ежегодные. В качестве наследства выступало не только движимое и недвижимое имущество (что присутствует в любом завещании), но и сама налаженная система торговли («*гандель ест гандлем*» — «как он есть»).

В данной статье мы публикуем тексты выявленных двух завещаний целиком, на языке оригинала — на польском. Сокращения в тексте раскрыты в круглых скобках. В квадратных скобках курсивом указаны номера листов. Окончания строк отмечены вертикальными линиями, окончания страниц — двойными вертикальными линиями.

Введение в научный оборот текстов завещаний армянских урядников из актовой книги Замостского войтовско-лавницкого суда 1660–1668 годов поможет приоткрыть неизвестные страницы истории армянской общины города Замостье середины XVII века.

Завещание лавника Криштофа Балеёвича.

28 января 1664 года

(Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі.

Ф. 1807. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 143–145)

[л. 143] Testamentum p(ana) Baleiowicza. |

W imie Pańskie Amen. |

Ja, Krzysztofh, z łaski y miłosierdzia Boga w Troycy iedynego, Oy|ca y Syna, y Duchu Świątego, przeżywszy czas niemały | w doczesności świata tego, naprzód dziękuję Panu Naywyższemu | za wszystkie dary y dobrodzieystwa, który mnie z łaski choyney | a nieprzebraney szczodrobliwey opatrności raczył | dni || [л. 143 об.] moie.

Przy tym tego ż Pana proszę aby grzechami moie|mi sprosznemi miłościw bydz raczył, ktoremu ż ia maiestat | iego święty od młodości swoiey obrażał, zesłał | na mnie, niegodnego sługę swego, dar Ducha Świętego y otwo|rzył zmysły moie y rozum moy, a tym według iego sprawiedli|wości y upodobania sprawę przedsięwziętą w dysponowaniu | ubostwa mego odprawił, gdy ż widzę żem prawie iest we | wrotach śmierci na wszystkich członkach ode dnia upa|daiąc, tedy sobie na pamięć przywodze słowa Zbawiciela | mego, którymi wszystkich wiernych upomina, mówiąc bydz|cie gotowi, a bowiem nie wiecie czasu y godziny, temu ia | Pańskiemu chcąc dosyć czynić przy dobrym baczeniu y rozumie | ze wszystkim przygotowaniem czekając godziny wezwania | iego, napisałem ten testament ostatniem wolej moiey aby | uboga substantia moia po śmierci moiey w roszypkę nie po|szła, czyniąc opiekunami pana brata, pana Jakuba, pa|na Jana Kirkowicza, siostrzeńca mego, y pana Bogdana, zien|cia mego, do wzrostu syna mego Wartenysa, proszę y upra|szam ich zaraz aby ze wszystkim tak iako wola moia iest | postempowały y we wszystkim dosyć czynili do ostatnie|go punktu, który tyż zaraz za żywota mego wszystką | substantię y dobra do rąk y w moc oddaiąc, co abym ia barziesy || [л. 144] według wolej y upodobania Pana Naywy(ż)szego mógł odprawić, | biore sobie na pomoc Christusa Pana y niewinną mękę iego przed | którą jestem odkupiony, prosząc tego ż aby gdy duch moy w ciele moim | zstawać będzie, a do wieczności przystępować dał mi stanąc przed | oblicznością swoją bez zawstydzenia, a uczynił y uwielbił | z doczesnych dobr moich matkę wszystkich wiernych, to iest Ko|ściół Święty zwłaszcza tuteczny, przy którym ciało moie będzie pocho|wane, ktoremu ia (oddawszy dusze Panu Bogu) ledwie z dobr swoich | złotych sto piędziesiąt zosobna z kamienicy moiey, u kogo w rękę bę|dzie kamienica aby corok dawał na Mszę Świętę złotych trzydzie|ści xięży y złotych dziesięć na tę ubogię, którą będą w s(z)pitalu | przy kościele ormiańskim, zaraz przy tym jego mości xiędzu | arcybiskupowi ormiańskiemu złotych sześćdziesiąt, a nie więcej. | Małżonce moiej dać złotych cztery tysiącze, łańcuch grochowy, mane|li dwie parze po dwadzieścia czerwonych, konewke srebrno mniesy|szą, roztruchak ieden y łyżek puzdro srebrnych, dożywocie mieszka|nie w kamienicy y wikt iey z dobr moich iesli nie poydzie zamaż, a | gdy zamaż poydzie, to iey oddać wszystko com kolwiek tu miano|wał y ochędotwo co ma, oddać, cokolwiek mieć będzie. Basi, córce moiey, złotych tysiąc wiana na wyprawę złotych pięćszeth, | łyżek srebrnych sześć, łańcuch za trzydzieści czerwonych, maneli pare || [л. 144 об.] za dwadzieścia czerwonych, konewkę z oboch stron złocistą | y pierścieni trzy, pas srebrny, a przy tym błogosławieństwo | Boskie y oycowskie daie. Jasiowi, wnukowi, złotych trzysta, Kasi, | wnuczce, złotych dwieście, panu bratu, panu Jakubowi, złotych | trzysta, panu Janowi, iako opiekunowi, sto pięćdziesiąt złotych, | panu zięnciowi Bogdanowi z Zuzią złotych trzysta, a cokol|wiek się zostanie, Panu Bogu a Synowi Wartenysowi, tak ru|chome, iako y stojące dobra, należyć maia nikomu inszemu. Sy|na proszę abys dusze moiey nie zapominał y rodziców moich, a na | każdy rok dawał xiędzu po złotych dwadzieściu na Msze | Święte aby Pana Boga prosili za dusze moie. Panowie opie|kunowie aby te pieniądze, będą według rejestru aby summa nie | wakowała y to summą robić y wychowanie synowi y na wikt, y na | ochendostwo, y małżonce moiey było poki zamaż nie poydzie. | Synu proszę abys matkę szanował, a cokolwiek by zbywało nad | wikt y nad insze wydatki, to do summy przykładać aż do | lat y wzrostu syna ma się obraczać, od pogrzebu xiędzu | dać złotych czterdzieści, y na czterdzieści msze dać zło|tych czterdzieści, klerykowi złotych dziesięć y dzwon|nikowi złotych sześć, przy pogrzebie obiad dać, ubostwu zło|tych dziesięć rozdać aby Pana Boga prosili za mnie, grzeszne|go, y obiad dać ubostwu. A na ostatek proszę panowie opiekunowie || [л. 145] aby to wszystko com napisał kazdemu stało się dosyć | według wolej moiey, nic nie umnieyszaiąc, a za pracą w(aszmoś)ciom Pan | Bog niech nagrodzi za pracę y zapłaci,

zatem w(aszmoś)ciom Panu Bogu | oddaie, a prosze wszystkich w(aszychmoś)ciów ieslim kogo rozniewał albo | ukrzywdziel dla Boga odpusczenie za te prace, co pracować | będziecie, niech Pan Bog nagrodi w Królestwie Niebieskim. Amen. Działo się w Łazach pod Jarosławiem. Anno millesimo sexgentesimo sexagesimo quarto, januarii dwudzieste(g)o | osmego dnia. A dla lepszej wagi tego testamentu podpisałem | się y pieczęć przycisnąłem. Krzystoph Baleiowicz m(anu) p(ropria). Lo(cus) sig(ili). | Auxenty Owaniuszowicz, lentwoyt na ten czas prawa ormiańskie|go zamoyskiego, m(anu) p(ropria). Ja, Jan Kistestorowicz, xiądz kościoła orm(iańskiego) | zamoyskiego, ręką swą, m(anu) p(ropria). Jan Saiowicz, ławnik prawa or|miańskiego zamoyskiego, m(anu) p(ropria). Łukasz Jędrzeiowicz. Ktory testa|ment iest do akt niniejszych prawa uprzywileiowanego ormiań|skiego zamoyskiego przyięty y wpisany pod pamiętnym. Original zaś tego testamentu ten że Pan Krzystoph Baleiowicz od urzę|du odebrał, z którego odebrania originalu urząd niniejszy kwitował, | co iest zapisano pod pamiętnym. |

Завещание лавника Николая Мустафы Криштофовича.

27 августа 1668 года

(Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі.

Ф. 1807. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 253–254 адв.)

[л. 253] Dnia dwudziestego sio|dmego roku ut supra sierpnia. |

Testamentum p(ana) Mustaphy. |

Sąd potrzebny zagaiony dnia wyż opisanego w domu sła | wetnego pana Mikołaiia Krzystophowicza, ławnika prawa | ormiańskiego zamoyskiego, przez zanie sławetnego pana | Auxentego Owaniuszowicza, woyna prawa uprzywileiowane(g)o | ormiańskiego zamoyskiego y sławetnego pana Krzystopha | Baleiowicza, ławnika prawa tego ż. Przy bytności wie|lebnego jego m(ości) x(ię)dza Jana Kistesterowicza, proboszcza | kościoła ormiańskiego zamoyskiego. Na affectatią | z instantię sławetnego pana Mikołaiia Krzystophowicza, ławnika || [л. 253 об.] przystoynie odprawował się. | Przed którym sądem zagaionym potrzebnym sławetny | pan Mikołay Mustapha Krzystophowicz, ławnik prawa | ormiańskiego zamoyskiego, aczkolwiek zachorzał na cie|le, ale zdrowy na umysle, siedząc na łożu swym iawnie, | iasnie, dowrowolnie y słowy wyraznemi zeznał. Chcąc y ży|cząc tego sobie y dziatkom swoim aby po smierci iego ia|kowe trudności nie zostawały, rozporządzenie albo testa|ment dobr wszystkich ruchomych y nieruchomych takowy | czyni.

Naprzod zeznam zem winien długu kościołowi | ormiańskiemu na domie moim assecurowanych złotych tysiąc | prosić ich m(oś)ciów panow prowisorow aby z capitała darowa|li złotych pięcszeth y interes od tey ze summy przycho|dzający patrząc na osierociałe dziatki moie pana swa|gra mego pana Grzegorza prosić aby był takiemu opieku|nem, iakom ia ich był, a teraz mam tam w Warszawie w to|warach capitału dziewięcszeth trzydzieści y ieden za|robku tez bez małam przebrał prosze ieżelim co prze|brał za prace moie pan Grzegorz, niech ma danie a ze|by capitał wcale został, a gandel gandel niech będzie || [л. 254] u pana Jakuba Bilagowicza mam długu złotych | dziewięcdziesiąt y pięć na co iest script. Małżonke moie | y syna mego na mieyscu moim zostawiam do tego gandlu war|szawskiego gdyż y przywiley J(ego) K(rólewskej) M(iłoś)ci taki iest że mnie, mał|żonce moiey y synowi memu służy. W Kamięcu mam tez dom | ieno ze był pogorzał, brat tam pobudował, ale teraz mieszkał | zato poki nie pogorzał lat dwadzieścia y iest zapis na | ten dom xiędzu Janowi odkazuie złotych dziesięć, oso|bno zaś od pogrzebu, ciało prosze żeby przystoynie pocho|wane było moie, małżonkę moię z osmiorgą dzieci doży | wotną panią zostawuie. Działki aby w dobrym cwiczeniu | zostawali y błogosławie

ich Bożym błogosławieństwem y mojim oycowskim y aby iako matka naylepsze staranie | miała około dziełek moich y swoich. Panu Baleiowiczowi Krzystophowi winienem za towar talerów lewkowych | tysiąc dwiescie sześćdziesiąt y puł, którym towar | odeszłał do pana szwagra mego y na seymie teraznieyszym według słowa mego aby pan szwagier w Warsza|wie zapłacił, na co y sam przy potentiey ich m(oś)ciów ręką swą podpisa-łem się, zostawiając sobie zdrowe prawo ieżeli || [л. 254 об.] mi Pan Bog da zdrowie ten moy testament popra|wić, odmienieć by y wszystek zcassować, co iest do akt | przyięto y zapisano pod pamiętnym. Mikołay Mustapha, | m(anu) p(ropria). Jan Kistosterowicz, m(anu) p(ropria). Auxenty Owanisowicz, na | ten czas woyt ormiański zamoyski. Krzy-stoph Baleiowicz, | burmistrz zamoyski, m(anu) p(ropria).

Summary

Denis Liseichikov,

PhD in History, Deputy Director of the National Historical Archive of Belarus (Minsk)

The wills of the Armenian self-government officials of the Zamość city dating to the third quarter of the 17th century (based on the materials of the National Historical Archives of Belarus)

The article reveals some of the office work features of the Armenian self-government bodies in the Zamość city (the Lublin Voivodeship, Kingdom of Poland) in the third quarter of the 17th century. Particular attention is paid to the 1660–1668 years act book of the Armenian Voytovsko-Lavnitsky Court of Zamość, which is currently kept in the National Historical Archives of Belarus in the city of Minsk. The article publishes two of the most interesting documents (in Polish, according to the original) of the act book—the wills of the Armenian self-government officials from Zamość dating to the third quarter of the 17th century.

«Право» Юзефа Любомирского, дарованное армянам города Рашкова в 1751 году

Татевик Саргсян,

кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Научно-исследовательского центра кримоведения и охраны культурного наследия Республики Крым (Симферополь)

Общеизвестно, что короли и вельможи Королевства Польского, а впоследствии и Речи Посполитой, наделяли армян привилегиями, в том числе и правом на самоуправление внутри своих национальных общин. Они высоко ценили роль армян в торговых сношениях и строительстве, поэтому стремились заселять ими свои города и поселения. Тем более что при необходимости вооруженной защиты этих городов и поселений жители-армяне проявляли себя весьма самоотверженно.

Наиболее ранние королевские грамоты, обеспечившие польским армянам привилегии, относятся к середине XIV века: армяне Каменца-Подольского и Львова получили такие грамоты от Казимира Великого в 1344 и 1356 годах соответственно¹. Со временем грамоты или указы периодически заверялись или переоформлялись последующими королями и владельцами городов, в целом демонстрируя их приверженность данному предкам слову.

Есть много сведений о дарованных армянам привилегиях и об организации ими самоуправления внутри своих общин. В структурном отношении институт самоуправления включал в себя коллегия судей во главе с войтом. Войт председательствовал над судьями, вершил правосудие и выносил вердикт². Что касается внутреннего содержания института самоуправления, его законодательной основы, то о нем известно немного. Есть мнение, что армянская община Львова руководствовалась законами из Судебника Мхитара Гоша — известного армянского правоведа XI века. Эти законы в 1519 году были утверждены королем Сигизмундом I и получили название «Армянский статут»³. Есть основание предполагать, что теми же законами руководствовались и другие общины польских армян. Более того, академик В. А. Микаелян полагал, что теми же законами пользовались и крымские армяне⁴. По точному определению польского исследователя Ч. Хованца, самоуправление польских армян имело двоякое свойство. Заимствованная из Магдебургского права структура самоуправления, с войтом и судьями, была лишь внешней оболочкой, тогда как внутренняя его организация «*всем своим духом, понятиями и назначением соответствовала армянскому праву*». Это был синтез «*общественного использования элементов армянского права на фоне магдебургских городских учреждений*»⁵.

1. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие страны, обитаемые армянами, произошедшими из города Ани. Венеция, 1930, с. 116 (на арм. яз.).

2. Там же, с. 117.

3. Бастамян В. Армянский судебник. Вагаршапат, 1880, с. 48 (на арм. яз.).

4. Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. Ереван, 1964, с. 62, 129–130 (на арм. яз.).

5. Chowaniec Cz. Ormianie w Stanisławowie w XVII i XVIII wieku. Stanisławów, 1928; цит. по: Григорян В. В. История армянских колоний Украины и Польши (Армяне в Подолии). Ереван, 1980, с. 187–188.

Известен один документ, который наиболее полно и обстоятельно раскрывает суть привилегий и самоуправления польских армян. Он сохранился благодаря армяно-католическому монаху Минасу Бжишкяну (Минай Медици) из конгрегации мхитаристов в Венеции. Речь идет о «Праве» Юзефа Любомирского⁶, наследного князя города Рашкова, от 19 марта 1751 года. Сразу же после оглашения документ был переведен с польского языка на армянский и снабжен подробными разъяснениями. К ним были приложены также определения, или предписания, сформулированные духовным начальством польских армян. Написанный болорагиром⁷, этот пакет документов и увидел М. Бжишкян, вскоре поместив их в свою известную монографию «Путешествие в Польшу». Из материала, опубликованного Бжишкяном, выясняется, что перевод «Права» осуществлен вардапетом⁸ Оксентиосом (Оксент Хосров Николаян), который также является составителем приложенных к нему разъяснений и определений.

По словам М. Бжишкяна, грамота Юзефа Любомирского, дарованная армянам Рашкова, охватывает почти все привилегии, которыми были наделены различные общины польских армян: «По этой причине я посчитал подобающим поместить ее [здесь] в соответствии с очередностью подлинника [перевода], вместе со всеми определениями, дабы в будущем уведомить книголюбов об упорядочениях и вольностях армян, бывших в Польше»⁹. Армянский перевод «Права», разъяснения и определения к нему попали в руки М. Бжишкяна, очевидно, в Рашкове, где он остановился в ходе своего путешествия в 1820 году и погостил у досточтимого каноника тэр Андрэ Минасяна—пастора некогда армянской церкви. К тому времени армян здесь уже не было и приход пастора состоял из одних поляков¹⁰. В. Р. Григорян пишет, что польский оригинал «Права», равно как и его армянский перевод, пока не обнаружены, но он не исключает, что последний мог остаться у М. Бжишкяна и в конце концов найти пристанище в архиве конгрегации мхитаристов в Венеции¹¹. Далее В. Р. Григорян довольно подробно описывает и анализирует приведенный М. Бжишкяном материал, локализуя Рашков (их было несколько) на левом берегу Днестра¹². Ныне это небольшое село—административный центр Рашковского сельсовета Каменского района непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

«Право» Юзефа Любомирского и приложенные к нему определения представляют разносторонний интерес. Это весьма ценный источник для юристов, интересующихся историей юриспруденции. Написанный живым армянским языком со множеством заимствований из польского, немецкого, арабского, турецкого, персидского языков и латыни, он является кладезем для филологов и лингвистов. Важен источник также для историков и историков церкви. Он красочно иллюстрирует место церкви в польском государстве и в жизни существовавших там армянских общин, моральные ценности, социальные отношения, исторический

6. Юзеф Любомирский—с 1744 года подстолий великий литовский, старший сын Ежи Александра Любомирского, одного из наиболее влиятельных людей в Речи Посполитой. Умер в 1755 году. Любомирские, купившие Рашков у князей Конецпольских, владели им в течение всего XVIII века.

7. Тип армянского письма, сформировавшийся в X–XI веках и позже получивший широкое распространение. Характеризуется меньшими размерами символов, различием заглавных и строчных букв, наличием знаков препинания.

8. Вардапет (арм.)—архимандрит, богослов, ученый монах.

9. Бжишкян М. Путешествие в Польшу, с. 165.

10. Там же, с. 164.

11. Григорян В. В. История армянских колоний Украины и Польши, с. 176.

12. Там же, с. 174–179.

период на уровне рядового городского жителя. Есть еще один примечательный момент. Как справедливо отмечает В. Р. Григорян, к 1751 году армяне Рашкова являлись недавними переселенцами, говорили на армянском языке и исповедовали национальный толк христианства, несмотря на католическое окружение. Выйдя из некой исконно армянской среды, они не знали польского языка и польских традиций, иначе зачем было переводить документ на армянский язык, разъяснять его положения и знакомить с давно уже существовавшими упорядочениями¹³.

Учитывая важность «Права» Юзефа Любомирского и приложений к нему, до сих пор не имевших полного и полноценного перевода с армянского языка, а также необходимость введения их в более широкий научный оборот, приводим эти документы в собственном переводе на русский язык, снабдив необходимыми комментариями.

Тексты в круглых скобках соответствуют источнику.

Тексты, взятые в квадратные скобки, отсутствуют в оригинале и приведены нами для уточнений и дополнений.

Нумерация страниц приведена согласно монографии М. Бжишкяна.

**«Иовсэп [= Иосиф, Юзеф] Любомирский,
наследный князь¹⁴ Рашкова и так далее [С. 165]**

Во имя Бога, аминь, и на вечную память в будущем. Всем вообще и [каждому] в отдельности да будет известна настоящая Привилегия из моего послания.

Поскольку процветание всякого города наступает с увеличением его населения и людей [в нем], я также, стремясь к расширению и процветанию унаследованного мной города Рашкова, [заинтересован] в увеличении разных народов [в нем], и в особенности пазириков¹⁵ [= торговцев] армянской национальности, ради чего сему народу армянскому даю свое Право, чтобы мое Право вселило в их сердцах и мыслях уверенность прибыть в Рашков, заняться строительством домов и торговлей, живя спокойно и смело. И господским словом своим обещаю вышеозначенному армянскому народу, что все статьи и пункты нижеизложенного Права обязуюсь выполнять и придерживаться [их] во все времена и вечно. Также и мои преемники, наследные князья Рашкова, обязаны следовать моим словам и выполнять [их перед] жителями-армянами и их потомками вечно, в соответствии со скреплением Права.

Статьи и пункты Права—следующие:

1. Жителям-армянам Рашкова даю полномочие формировать свой урэнт¹⁶, то есть иметь войта с двенадцатью ага и сорока братьями, и со всеми остальными городскими исполнителями¹⁷. И с единодушного одобрения всех сих жителей-армян в руки войта, каждый новый год элекцией¹⁸ [С. 166] избираемого и под присягу подводимого, даю правомочие на юрисдикцию, чтобы, заседая вместе с двенадцатью ага, то есть присяжными судьями, вершил правосудие по шариату¹⁹ над всем своим

13. Там же, с. 173–174.

14. В тексте использованы слова ժառանգորդ (ժառանգ — наследник; օրդ — пек, бек, бей) или просто օրդ — бек.

В нашем переводе они представлены соответственно как «наследный князь» и «князь».

15. От турецк. pazarlık — торговаться, pazar — рынок.

16. Скорее всего, от латин. iurant — они кланутся, присяжные.

17. В тексте — բիշարաք երկարաքի.

18. От польск. elekcja — выборы, голосование.

19. Судейство по своим национальным законам.

народом по текущим²⁰ и криминальным [делам], и выносил решение декретом²¹; и такие декреты их писарь обязан записать в протокол [книги] актов.

2. Только первичная²² апелляция их декрета подлежит моему или моего векиля²³ [= представителя] судейству; и декреты по таким апелляциям, подписанные моей или моего векиля рукой, писарь армянский обязан записать в их [книгу] актов для подтверждения истцом и ответчиком²⁴.

3. И этому урэнету бесплатно выделяю судейское помещение в Ратуше, где [могут проводить] свое судейство и всякие длительные заседания²⁵.

4. Сии жители-армяне должны участвовать во всех сборах средств [в пользу] города²⁶ наравне с жителями-поляками; для этого [они] должны избрать из своих благоразумного надсмотрщика, каждый новый год подводимого под присягу, который соберет эти средства и потратит согласно требованиям их урэнта.

5. Как проживая в других городах, народ этот имеет бакишии²⁷ от своих королей и наследных князей, так и я войту и знати обещаю выделить жителям-армянам Раикова некую долю из моих полевых земель для их пользования.

6. В качестве вольности народу армянскому даю [право вести] всякие торговые и рыночные дела и зарабатывать по мере своих способностей для [удовлетворения] житейских потребностей всех в целом и каждого [в отдельности].

7. Жители-армяне освобождены от поборов на все виды продовольствия²⁸, но причитающееся на продовольствие должны внести за аренду: так, как вносят поляки.

8. Жители-армяне обязаны ежегодно платить всеобщий чини²⁹: с каждого дома внутри рынка — один золотой матжар, а с каждого дома на других улицах³¹ — половину золотого матжара. Но сперва слобода должна сформироваться, потом³².

9. Народ сей армянский, раз в год уплатив такой чини, навечно ничто другое не обязан платить наследному князю; и от уплаты всякой десятины [С. 167] освобождаю их: [от десятины за] овец, коров³³, свиней, лошадиное мясо³⁴, и рога крупного скота, пофурние³⁵ [= пушину], поволосчизну³⁶ [= текстиль], и от всякой контрибуции; и как настоящим Правом я освобождаю сей армянский народ от всех уплат, так и мои преемники обязаны сдержать мое слово вечно.

10. Судейство шариата, требующееся между армянами, приехавшими из других мест во время панезера³⁷ [= торжества, праздника], должен проводить назначен-

20. В тексте — բոլորչիւն, поточный.

21. В армянском тексте всюду использовано слово «декрет» в значении «вердикт», «приговор».

22. В тексте — ւալիւն ւիւն.

23. В переводе с араб. — наместник, представитель, управляющий.

24. Здесь и далее в армянском тексте вместо слов «истец» и «ответчик» использованы польск. слова *astog* и *rozwan*.

25. В тексте — գաւննայն նրկայն ւաւնիւն.

26. В тексте — ւաւննայն կերպրից րաւրիւն.

27. Дар, подарок, подношение, чаевые, пожертвование.

28. Здесь и далее в тексте — իջգն (иджгу). Полагаем, преобразовано от *jedz ku* — в смысле «для еды», «относящееся к еде».

29. От лат. *sensus*, польск. *czynsz* — оброк (деньгами), платившийся с земли или дома.

30. В тексте — ւաւնոյն.

31. В армянском тексте использовано турецк. слово *sokak* — улица.

32. На момент основания слободы жители имели освобождение от местных феодалов.

33. В армянском тексте — յաօլաննոնն. Полагаем, образовано от польского слова *krowa* — корова.

34. В тексте — ճիւսննոնն ւճիւն. Скорее, от польск. *mięso*, *mięsił*.

35. Видимо, видоизменение от *ro futn* в смысле «сделанный из меха».

36. Видимо, видоизменение от *ro volos* в смысле «сделанный из волос», «сделанный из пряжи». Сюда могли войти и дорогие ковровые изделия, и различные ткани, сделанные из шерсти, хлопка и шелка.

37. От *lāv-pūrkōs*, *rapegutikus* — похвальное слово в торжественном всенародном собрании; букв. перевод с греч. — собрание всех, всеобщее народное собрание.

ный мной векил. Но и войт армянский обязан вместе с моим векилом выносить декрет, и оба должны подписаться собственноручно, чтобы [армяне] знали, что я твердо держу свое слово, данное им в Праве, и имели желание приехать на панегер, чтобы увеличилось строительство домов в Рашкове, [также] для того, чтобы мой временный векил не сотворил безумия или несчастья над армянами-пазирканами [= армянами-торговцами].

11. Если когда-нибудь случится так, что приехавший из другого места армянин внезапно заболевает и, упаси Боже, без завещания умрет на земле Рашкова, тогда урэнт армянский обязан в присутствии моего векила в суде Рашкова внести в опись все деньги и имущество умершего, поместить [их] в сундук и запечатать двумя печатями, моего векила и урэнта армянского, сохранить в суде до одного года и шести недель. Затем, если не объявятся родственники или их представитель с доверенностью на имущество умершего, тогда мой векил и урэнт армянский достанут имущество из сундука и поделят на две части: одну часть сдадут в мою казну, а другую часть потратят на нужды Рашкова: как урэнт армянский должен понимать, — на церковь.

12. Если ерлу³⁸ [= добродетельный] армянин из Рашкова, оставив завещание, умрет бездетным, тогда сначала, согласно завещанию, надо будет покрыть [расходы] на похороны, на церковь и так далее, а хусур³⁹ [= оставшееся] с ведома моего векила потратить на нужды города Рашкова — на церковь.

13. Как народ польский в каждом органе управления⁴⁰ имеет бесплатно [служащего и] под присягу подведенного цехмистра⁴¹ [= управляющего гильдией], так и народ армянский в каждый орган управления должен избрать своего представителя-цехмистра, а [полагающуюся] ему зарплату отдать церкви.

14. Как армяне города Замосць имеют право, позволяющее ходить по всей польской земле с фрайскими⁴² [= транзитными] товарами и никакой миты⁴³ [= пошлины] не платить Речи Посполитой, так и я обещаю получить от короля Речи Посполитой аналогичное право для жителей-армян Рашкова. [С. 168]

15. Все жители-армяне Рашкова освобождены от уплаты миты внутри сего города и в других моих городах или деревнях, по земле которых будут ходить с товарами.

16. Завещаю своим преемникам, чтобы после моей смерти, если придется поделить Рашков между двумя барамми [= господами]⁴⁴, тогда не поделили бы жителей-армян пополам между двумя барамми, а весь армянский народ оставили бы в руках одного барина.

17. Поскольку в нашем мире желание человека [относительно того], где хочет жить и куда хочет идти, изменчиво⁴⁵, поэтому, если рашковскому жителю-армянину не понравится жить в Рашкове, [он] должен быть волен продать все свое имущество другому человеку и отправиться куда пожелает. И войт или мой векил не должны препятствовать ему. Но следуя обычаю, [он] должен дать бакиши армянскому урэнту.

38. Видимо, от турецк. erli — добродетельный.

39. От турецк. kusur или kusur — остаток, недостача.

40. В армянском тексте — шիւժն գնդ անիւրնի մէջ; անիւր — сенат.

41. От польск. cechmistrz — гильдмастер, управляющий гильдией, глава объединения ремесленников.

42. В тексте — фрайццшн. Полагаем, видоизменение от итальянского fra — через, среди.

43. Мито, mito — пошлина за ввоз; у славянских народов в более широком смысле — пошлина, налог.

44. В тексте — բարձնիւնի ք ցանիւնի.

45. В тексте — լիւրն գալիւնիւն է.

18. Как жители-армяне других городов закрепляли свои Права печатями королей и Речи Посполитой, так и я обещаю армянам Раикова закрепить дарованное мной настоящее Право.

19. Я и мои преемники всеобщим и извечным обещанием закрепляем настоящее Право и [обязуемся] полностью придерживаться вышеизложенных привилегий и навечно держать слово. И в подтверждение сказанного обещаю и желаю настоящее Право закрепить в [книге] актов города⁴⁶.

20. А чтобы это Право имело действительно нерушимую и извечную силу, собственноручно подписываю и закрепляю моей печатью.

Было в городе Лабуние, в 1751 году Господнем, месяца марта 19 дня.

Юсэп [= Юзеф] Любомирский, подстолий⁴⁷ литовский, генерал-майор. Печать».

Далее переводчик грамоты, вардапет Оксентиос, начинает истолковывать значение различных терминов и суть деятельности каждого из исполнителей, затем подробно описывает организацию и ход судебного процесса, а также процедуру апелляции. В самом конце он приводит Указ, состоящий из семи определений, направленных «на благочинность и упорядоченность городского проживания армян, недавно поселившихся в Раикове». Как можно заключить из текста, эти определения, или предписания, сформулированы духовным правлением армян Польши.

«Здесь изложены краткие наставления для пользования и правильного понимания переведенного выше Права [С. 169]

Сначала следует знать

Поскольку в Праве указано, дескать, армянский урэнт Раикова должен функционировать таким же образом, каким функционируют [урэнты] наших жителей-армян в других городах Польши, поэтому жителям Раикова необходимо знать все привычные положения городского проживания.

Что такое «урэнт»

Это власть и полномочия, данные князем [города] в руки войта и двенадцати судей через Право (то есть Грамоту), вершить все суды и управлять жителями-армянами, проживающими в Раикове.

Что такое элекция

Каждый год, днем ранее Каланда [= Нового года], войт дает отчет⁴⁸ народу, а затем в день Нового года войт, ага и сорок братьев собираются в церкви, дают жамуц⁴⁹ своему священнику тэр пробоцу⁵⁰ и все слушают торжественную⁵¹ литургию. А после завершения святой литургии, получив благословение, отправляются в здание суда [каждый имея при себе] маленькую бумажку с именем нового войта на ней. И эти вотумы⁵² на бумаге кладутся на стол, и с чьим именем больше

46. В тексте — [рош]j; видоизменение от grodiu (польск.).

47. Подстолий великий литовский — пожизненная должность в Великом княжестве Литовском. Назначались или утверждались великим князем, воеводами или старостами. Почетное придворное звание «подстолий» появилось с конца XIV века: так называлось лицо, выполнявшее обязанности за королевским столом.

48. В армянском тексте использовано арабское слово hisab — счет.

49. Ժամից (арм.) — денежное или другого рода подношение духовному лицу.

50. От польск. proboszcz — пастор.

51. В армянском тексте использовано видоизменение от латин. votivus — торжественный.

52. В тексте использовано преобразование в виде Վոյմիւնք.

вотумов оказывается, тот из двенадцати ага, с Божьей милостью, и избирается войтом. И новоизбранный войт обязан дать присягу следующего рода:

«Я, по имени такой-то, клянусь Богу всемогущему, Отцу и Сыну, и Духу Святому, вечно девственной Богоматери Мариам, отцу моему Святому Григорию Просветителю и всем святым Божьим, подчиняться моему народу, [С. 170] Его Пресвященству предстоятелю Илова [= Львова] и досточтимому нашему тэр пробоцу—беспрекословно. Клянусь быть верным князю Раикова и дорожить жителями города, и увеличивать [их численность]. Клянусь следовать Праву города и по всем шариятам с достоверного расследования⁵³, честно и справедливо выносить декрет, отвечая душой и именем Бога, по истинным законам христианским, не взяткой, лицемерием или завистью. А если не буду всецело следовать обещаниям своей клятвы, пусть достигнет меня по эту и ту стороны жизни справедливый Божий суд и страдания Христа в возмездие безвинно [осужденного]. Да будет так, да будет так, аминь». Так же клянутся и новоизбранные ага. Не меняются те [из них], кои этой клятве следовали в полной мере.

Затем через элекцию из ага избирают одного субделегата [= заместителя войта], который занимает место войта, когда тот отсутствует из города, или болен, или [сам] с кем-то судится⁵⁴.

Тогда же избирают трех боголюбивых и церковь почитающих состоятельных провизоров⁵⁵: старшего казначея, церковного казначея и эконома бедняков. Четвертым [избирают] разумного регента⁵⁶ [= секретаря канцелярии], двух богобоязненных назначателей салии⁵⁷, ученого писаря, а также инстикатора⁵⁸ урэнта и одного мелкого служителя⁵⁹, чтобы прислуживал в зале суда.

Старший казначей обязан заботиться о всяком сборе средств как в церкви, так и на базаре⁶⁰, перед каждым воскресеньем собирая деньги с каждого ларька и тюка⁶¹ и, по обыкновению армян других [общин], отдавая их в руки своего досточтимого тэр пробоца.

Церковный казначей обязан заботиться о [состоянии] здания церкви, [его] благовидности, о всех нуждах и сборах средств: а именно, собирая [назначенные] декретами армянского урэнта штрафы, [пожертвования] во время вынимания креста при освящении воды⁶², открытия дверей в Вербное воскресение, [во время] Пасхального сочельника, венчаний, похорон, панегерах [= праздничных собраниях]⁶³, салеамитах [= заседаниях?]⁶⁴, а также на рынке и в церкви [вообще], прохаживаясь с гандзанаком⁶⁵, и собранные таким образом средства [церковный] казначей вместе со старшим казначеем кладут в церковный сундук-гандзанак в присутствии

53. Здесь и далее в тексте использовано преобразование от лат. inquisitionis—расследование.

54. В тексте—կան ըրիշ ւարդոտ հետ շարիարժ ւտանի.

55. В тексте—բրոզիգոր.

56. Регент—секретарь канцелярии Великого княжества Литовского. Здесь и далее в тексте использована польск. транскрипция rejent. В данном случае—лицо, уполномоченное свидетельствовать, оформлять различные юридические акты, документы; нотариус, секретарь.

57. Սալիս (салиа)—надо полагать, рыночная пошлина.

58. Instigator (лат.)—букв. подстрекатель. В данном случае—агитатор, беседчик, переговорщик.

59. В армянском тексте—մեկ մեյարի ւրմիս.

60. В армянском тексте использовано турецк. слово çarşı (чарши)—рынок.

61. В оригинале—տան և տոկնան զոյս փարիս ժողովոյ:

62. Подразумевается обряд, совершаемый после Рождественской литургии (6 января) и символизирующий крещение Христа.

63. В оригинале использовано слово բանհերոտ ընդ-դարձոց, panegyrikus—«похвальное слово в торжественном всенародном собрании»; букв.—«собрание всех», «всеобщее народное собрание».

64. Возможно, от польск. sale—залы.

65. Գանձանակ—емкость (кружка, чаша, шкатулка, поднос, ящик) для денежных пожертвований.

досточтимого тэр пробоица, который все [полученное] записывает в реестр. И без ведома досточтимого тэр пробоица [С. 171] сундук тот [никто] не открывает [и] ничего из него не тратит.

Эконом бедняков обязан заботиться о нуждах фахи́ров [= странствующих монахов], беспомощных, больных и гостей [из числа] путников-скитальцев; и он должен иметь отдельный гандзана́к у входа в церковь и отдельное помещение, сбитал [= приют]⁶⁶, подведомое церкви, где будут собираться и жить убогие и больные, а также пришедшие в гости армяне. Он собирает добровольную милостыню у дверей церкви, а также на рынке, на всенародных собраниях, похоронах, матахах⁶⁷ и других меропрятнях, согласно обычаю армян. А если беспомощный заболевает [смертельно, эконом должен к нему] вызывать священника, чтобы исповедал, причастил и похоронил.

Регент является старостой над сорока братьями [и] обязан: приучать [жителей] города к городским порядкам и всяким регламентам⁶⁸; собирать чинши и салию, и доставлять войту; освобожденных [от уплаты] обозначать флажком⁶⁹; выяснять сборы и затраты города, как только [на то] будет требование войта. Назначатели салии клянутся во имя Бога, что в присутствии регента запишут плательщиков салии; если возникает необходимость, тогда бухгалтерские тетради носят к войту.

Писарь обязан знать закон Божий, каноны церкви и полномочия христианского правосудия; и [он] клянется, дескать, честно и правдиво будет записывать [ход] судебного заседания и декрет в протокол [книги] актов и не разгласит тайну следствия.

Инстикатор обязан: до начала суда внятно разъяснять сторонам истца и ответчика [суть дела]; или же вести объяснительные беседы с вдовами, сиротами и бедняками, чтобы они не были обделены; также, когда из-за непристойности предмета, не подается иск, он должен вызвать таких злоумышленников, устранить спор и поставить точку, чтобы не осталось непристойного предмета среди жителей-армян.

Мелкий слуга⁷⁰ должен известить ответчика о вызове войта, чтобы в такое-то время⁷¹ [он] предстал перед судом для дачи ответа истцу; и во время судейства [слуга обязан] вести стороны к суду или вывести их, освободив помещение⁷²; также [обязан] в соответствии с декретом арестовать виновного⁷³, избивать [его], требовать штрафы, [С. 172] держать в тюрьме, и всячески прислуживать урэнту по первому же требованию войта.

Как совершается судейство

1. Необходимо знать, что не проводится судейство: по духовным вопросам; над священником или церковником; или по вопросам церкви; или же по инцидентам, случившимся во дворе церкви или во дворе священника; или когда судейство

66. От польск. szpital—больница.

67. Դշիւիւն — животная жертва; традиционное благотворительное пожертвование в Армянской апостольской церкви.

68. В тексте— գաւննիւսյն նրկայն վարճել.

69. В тексте использовано турецк. слово bayrak—флаг. Мы не уверены в правильном осмыслении и переводе этого пассажа. В тексте он представлен так: Բալիւնընուն ցարիւնըն վառիւնըն.

70. На этот раз в армянском тексте— մերի վրկա.

71. Փշիւն ւտիւրըն (араб.)—falan sahat, такой час, тотчас.

72. Использовано преобразование от польск. слова ustap.

73. От турецк. suçlu—виновный

против законов Божьих и святых таинств; [также] из-за отступников веры, кознодеев⁷⁴, сквернословцев и нарушителей торжественных [договоренностей], как то: сватовство, обручение, венчание; а также [по допустившим] скверну в супружестве или же разрушение семьи и так далее. Такие дела должны быть отправлены досточтимому тэр пробоцу, а судейство тех, кто не соглашается⁷⁵ с его назиданиями, — в компетенции председателя армян в Илове: и задержание, и освобождение. А тот, кто ударит священника или вмешается в духовное судейство, тотчас же будет отлучен от церкви.

2. Не бывает суда по воскресеньям [и] в праздничные дни; [не бывает] ни из-за мита, ни мѣхана, ни ичку⁷⁶; [не бывает,] когда судья или одна из сторон подвыпивший, обезумевший или полоумный, недостаточно взрослый; и не [бывает] в отсутствие войта или субдеlegates, а также в отсутствие нескольких ага.

3. Войт и ага не должны никого оскорблять, ударять, арестовывать или штрафовать без проведения суда и [вынесения] декрета.

4. Каденцию [= расписание, график работы]⁷⁷ и встречи для проведения заседаний суда назначают только в три дня [недели]: в понедельник, среду и в субботний день.

5. Этот армянский урэнт полномочен вести всякое судейство лишь среди армянских жителей Раикова⁷⁸ или когда некто другой национальности имеет спор с армянином из Раикова. Но когда армянин из Раикова имеет спор с кем-то другой национальности или с армянином, приехавшим из другого места, тогда судейство отправляет губернатор. А когда губернатор, собственноручно завизировав, переправляет такие [дела] к армянскому урэнту на рассмотрение, тогда декрет свой [армяне] должны отнести к губернатору; и если [С. 173] губернатор согласится [с решением], должен будет подписать этот декрет внизу, а писарь — записать [его] в армянскую [книгу] актов.

6. Если в период праздников у армянина из другого места возникает спор, будь то с армянином, будь то с кем-либо другой национальности, войт обязан отправлять судейство, как указано в Праве барина.

7. Итак, в назначенный расписанием суда день встречи войт или субдеlegates вместе с ага и писарем заседают в судебном помещении. Сначала колени преклоненно взывают к Святому Духу, чтобы позволил им познать причину спора и [вынести] справедливый декрет. Затем звонят в маленький колокольчик, чтобы участники суда, услышав [его] звон, вошли внутрь; и во имя Бога ставят на стол Распятие Христа и состоящую из протоколов книгу актов.

Итак, истец и ответчик становятся перед судебными заседателями молча и со всем уважением. Сначала слушают состав спора от истца, затем — комментарии ответчика. А писарь слово в слово записывает аргументы обоих в [книгу] актов, и со звоном колокольчика стороны выходят, освободив помещение; и сперва ага с краю альфа⁷⁹ начинают излагать сентенцию⁸⁰ декрета, по мере своего понимания [дела]. Но войт, хорошо изучив причины спора и предложенные ага сентенции, выносит справедливый декрет и приказывает писарю записать. Затем со звоном

74. В тексте — ցիւիւիւրիւց (ւն. հլ.). Очевидно, подразумевается слово բիւիւրիւն.

75. Здесь и далее в армянском тексте для этого глагола использовано слово դիւցիւց от турецк. qabul, gabul — принимать, соглашаться.

76. В тексте — ոչ միտիւր, ոչ միտիւնիւ, ոչ իշգրիւն իւրիւն. Думается, речь идет о податях мита, мѣхан и ичку (иджгу). Очевидно, в этом пассаже по каким-то причинам допущены ошибки в окончаниях.

77. Здесь и далее в тексте для слова «расписание» использовано польск. слово kadencja (букв. — срок полномочий).

78. Здесь в тексте — Շուրիւց.

79. В тексте — ցիւիւիւրիւն.

80. От лат. sententia — приговор.

колокольчика стороны заходят внутрь [помещения], и писарь оглашает декрет. А виновный не выходит оттуда [= из помещения суда], пока не удовлетворит [требования] декрета, не заплатит издержки⁸¹ и штраф; или сядет взаперти, пока не даст поручительство⁸² и так далее. А судьи коленопреклоненно благодарят Бога и уходят.

8. Когда не удастся выяснять правду об истинных причинах [случившегося], тогда сначала назначается расследование с рассмотрением, свидетельскими показаниями или клятвами; но клятва не может быть кривой, ложной и ни о чем или зря, а только клятву дают честную, верную и о чем-то существенном, и при столь крайних обстоятельствах, когда без клятвы ничего не будет узнано по другим вторичным причинам.

9. Акты пишут по такому образцу⁸³: [С. 174]

Актум составлен в городе Рашкове, в году Господнем 1751, 9-го дня марта месяца, в присутствии ага такого-то..., одного же [правомочного] привилегированным армянским Правом судьи и войта, а также в присутствии уважаемых такого-то, такого-то... — той же юрисдикции судей и ага, между таким-то истцом с одной стороны и ответчиком таким-то — с другой.

На назначенном заседании суда истец выдвинул против ответчика жалобу [дескать,] так-то, так-то. А ответчик ответил [мол,] так-то, так-то. И присутствующие судебные заседатели, выяснив, выдвинули обеим сторонам контрверсию, поскольку так-то, так-то; или же [другие формулировки]: полным расследованием было проверено так-то и так далее; или же: взывая во имя Бога, поклялся так-то и так далее; сегодняшним решением⁸⁴ вынесен такой декрет; поскольку виновный такой-то таким-то образом платит штраф барину столько-то, а церкви — столько-то; или же: сядет запертым в тюрьме столько-то; или же: честно примирили стороны так-то и так далее правоспособностью настоящего декрета.

10. Когда случается, что декрет армянского [суда] не удовлетворяет одну из сторон, тогда [она] с жалобой обращается в суд крепости [= замка], иначе говоря — в апелляционный суд, и просит, чтобы дали ей в руки образец декрета *per extractum* [= в выдержке]⁸⁵; и с этой выдержкой декрета [она] идет к губернатору или же к князю [города], или же к комиссару; и получив исправленный декрет, приносит, отдает в руки войта, чтобы [тот] дал писарю для принятия к сведению⁸⁶, записав в армянскую [книгу] актов.

11. [Полученные] этим судом штрафы и издержки передаются церковному казначею, чтобы в присутствии священника положил в гандзанак церкви. А когда штраф назначен [судом] крепости, войт передает [его] губернатору и берет расписку⁸⁷.

12. Сквернословивший⁸⁸ на суде или же надругавшийся над судьями, задерживается там и платит штраф церкви, и молит суд [о снисхождении].

81. В тексте — նախընթաց. От турецк. naklad — издержки, расходы.

82. В тексте — քեֆիլ (кефил). От турецк. kefil — гарант, гарантия, поручительство.

83. В тексте — տրիբյալալի.

84. В тексте — տեղի գործարար. Преобразовано от польск. decyzja — решение.

85. *Per extractum* (лат.) — вкратце, в извлечениях.

86. В армянском тексте использовано преобразование от слова *indukować* (польск.) в смысле — вызывать реакцию или изменение. Полагаем, в основе лежит «индукция» — способ суждения от частных фактов, положений к общим выводам.

87. В тексте использовано польск. слово *kwit* — чек, расписка.

88. В тексте — լիցիլիս (шуметь, ругаться).

13. За запись судебного процесса в акте или [С. 175] за составление выдержки писарю платится по одному шестаку⁸⁹. За вызов [в суд платится] один шестак, и с декрета два шестака—судьям, и еще одна монета—[судебному] служащему. Эти затраты оплачивает провинившийся.

Ниже следует указ по определениям, направленным на благочинность и упорядоченность городского проживания армян, недавно поселившихся в Рашкове

Слуга Иисуса Христа Оксентиос, сын Хосрова из рода Николовых, вардапет армян. В году Господнем 1747 властью Его Преосвященства владыки Иакоба Августиновича, главы-архиепископа армянской епархии столицы Леополь [= Львов] и всей Польши, и моего председателя, мне было дано поручение, чтобы отправился [я] навестить приход Рашкова; найдя его здесь, как разбредшуюся паству без пастыря, сильно загоревал из-за убогости их [= прихожан] и сразу же с мольбами подал прошение⁹⁰ благочестивому князю-католику, наследному князю Рашкова Иовсэпу [= Юзефу] Любомирскому, чтобы, вспомнив об унии [своих] предков-католиков, с любовью заключивших союз с просветительским народом нашим православным, позаботился бы о том же народе, проживающем в Рашкове, основав церковь, у которой будет свой священник-исповедник, и даровав привилегированное Право для их городского проживания, в восхваление Бога, в сохранность и в процветание города Рашкова; и оный же, прислушавшись к бесконечным мольбам моим, одарил меня всем запрошенным, дал в руки мне Право и повелел на деньги из своей казны⁹¹ построить здесь каменную церковь вместе со всеми внутренними и внешними необходимыми составляющими. Итак, почти четырехлетними стараниями и весьма усердными трудами я завершил сию армянскую церковь на вечный помин по душе моей и [полученное] привилегированное Право, данное на польском языке, перевел на армянский язык и прокомментировал в пользование народа Рашкова, равно как и в усвоение жителей-армян других городов Польши. В своей должности духовника я позаботился об упорядочении городского проживания своих прихожан, разъясняя им [С. 176] богоугодные и Христом установленные традиции и порядок христианского жизнеустройства, так как даны мне полная власть и полномочия от вышеупомянутого Его Преосвященства-предстоятеля. И следуя привычным традициям просветительского народа восточных и западных армян, приверженность которым, с Божьего благословения, должна быть навечно сохранена нерушимой, утвердил следующие определения.

1. Определение

О богослужении и сборах средств для священника

Поскольку святая церковь—дом Божий, чертог небожителей, обиталище ангелов и святых, приемная [возносимых] людьми молитв и прославлений Божьих, святое пристанище провинившихся, спаситель душ и кров умерших, а служащий в ней обедню священник еще и—примиритель, который, денно и нощно служа в церкви псалмами и молитвами, заступает и посредничает за спасение душ [членов] своей паствы, а с другой стороны—за благосостояние и невредимость города и домов [в нем], нажитого имущества и товаров, является исповедником,

89. Шестак (польск. szóstak)—монета для платежей в Речи Посполитой. Номинал—шесть грошей.

90. В тексте arzuhal (турецк.)—желание.

91. В тексте hazina (араб.), hazine (персид.)—богатство, сокровище, средства.

который отпускает грехи, и навещателем, который дает больным святые [дары], и отправителем усопших в царствие [Божье], поэтому церковь любящий приход обязан держать свою церковь невредимым и благовидным, заботиться о наличии сосудов, облачений, украшений, свечей и масел, ладана и потиров, крестов, Евангелий, также других внутренних и внешних принадлежностей.

Жаждая звона колокола, как [позыва] трубы архангела Гавриила, следует посещать все литургии и богослужения, как бы идя с желанием увидеть лик Божий, и не срывать сборы средств [в пользу] священника, а, по обычаю армян, полностью заботиться о нем по установленному Христом определению: «Ибо трудящийся достоин награды за труды свои» (Лука 10:7); так требовал и апостол Павел: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святылища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?» (1-е Коринфянам, 9:13). Так же и Господь дал приказ, который Евангелие [С. 177] Евангелию от Евангелия передавался. Так и народ Рашково обязан обеспечить прокормление своему священнику, досточтимому тэр пробощу.

1. Старший казначей обязан с гандзанаком прохаживаться [в церкви] как разъясняет толкование Права.

2. Второй казначей, церковный, из сундука той церкви, который хранится в келье досточтимого тэр пробоща, под страхом Божьего гнева, не должен тратить [средства] на что-либо другое, кроме как во славу Бога и на церковь. (Предстоятелю каждый год на Каланд⁹² [полагается] одно матжарское золото, когда гандзанак наполнится деньгами; и священнику, досточтимому тэр пробощу, каждый год на Господских богослужениях⁹³ денег [полагается] — по два хуруша). И так, уже с нынешней поры на каждый Господский [праздник прихожане] обязаны дать полхуруша, на [каждый из] четырех квартальных литургий.

3. А обычное довольство священника обеспечивается так: оплата за богослужение — полхуруша; благословение домов на Рождество и Святую Пасху: от состоятельных [горожан] — один хуруш, от середняков — полхуруша, и от ранчпаров [= землепашцев, бедняков]⁹⁴ — один рубль; на освящение воды при рождении ребенка — один шестак, на крестины — полхуруша, на принесение ребенка [в церковь] на сороковой день — один шестак; благословение сватовства и обручения — полхуруша, извещение о венчании на трех богослужениях — полхуруша; на венчании: от состоятельных — по мере достатка, от среднего достатка [горожан] — один золотый, и от ранчпаров — ползолота; благословение невесты и жениха на восьмой день после венчания на [обряде] «ереслва» [= умывания] — один тымф⁹⁵.

На похоронах, как за соборование, так и за свечи и другие услуги, [платит] родня усопшего; благословение одной могилы — один шестак; за один удар в колокол — один шестак. За поминальную литургию на сороковой [день] — три золотых. На годовщину похорон⁹⁶ — один хуруш. За каждый матах — полхуруша. [На празднование] «Нуждающиеся в Боге Единосущном»⁹⁷ — в соответствии с обычаем. Но труп непричащенного усопшего не достоин захоронения, а труп усопшего,

92. В тексте — լաղաւորի տօր, новогодний праздник.

93. Подразумеваются Господские праздники — дни годового богослужебного круга, в которых особо торжественно прославляется Господь Иисус Христос в связи с воспоминаниями о событиях Его земной жизни, а также со связанными с ним реликвиями, знамениями и чудесами.

94. Բանաւոր — землероб, землепашец, крестьянин.

95. В тексте — դիմֆ, Կումֆ (Կումֆ) — биллонная (неполноценная) монета в Речи Посполитой.

Номинальная стоимость — 30 грошей, но реально содержала серебра на сумму в 12–13 грошей.

96. В тексте использовано польск. egzekwie — похороны.

97. В тексте — աղաւորի Կամուսի տօնախմբ.

преданного анафеме или проклятию, вообще не подлежит захоронению, пока не будет получено отпущение от епископа.

2. Определение [С. 178]

Относительно сватовства, обручения и свадьбы

Когда по Божьему предначертанию⁹⁸ намечается помолвка, сваты приглашают священника, чтобы узнать позволительна⁹⁹ ли эта помолвка между их дочерью и сыном. И священник, выяснив, что [их родство] выходит [за черту] четвертого колена, и что по всем остальным критериям [брак] позволителен, пишет зроренк¹⁰⁰ [с перечнем] всего, что родители обещают своей дочери в приданое¹⁰¹, и того, что жених обещает в выкуп¹⁰² своей невесте. И [если условия] одобряются сватами, священник спрашивает у невесты и жениха, дескать, добровольны ли помолвка и брак между ними. Расспросив их и найдя твердыми [в намерении сочетаться браком, присутствующие] совершают обручение в соответствии с обрядом и, дав священнику бакиши, назначают дату свадьбы.

А на второй день обручальные кольца несут в церковь для благословения на литургии, дав священнику жамуц. Священник же, известив прихожан о состоявшемся обручении, берет кольца, отправляется в дома невесты и жениха и, поздравив, надевает им на пальцы. А о [предстоящей] свадьбе объявляется следующим образом: священнику дают знать [о ней] за три недели, чтобы в [ближайшие] три воскресенья [на литургии он] торжественно объявлял дату предстоящего венчания между невестой такой-то и женихом таким-то и так далее.

А свадьба отмечается только три дня. Сначала приносят к священнику халадж¹⁰³, две курицы и продукты¹⁰⁴, также бакиши платок¹⁰⁵ и деньги на венчание. Затем, когда прастава¹⁰⁶ [= братство, гильдия] удальцов уже сформировалась, приходят к согласию¹⁰⁷ [с членами] праставы: назначают из них пеших удальцов. И в первый день [свадьбы] маршалок удальцов с посохом в руке ведет удальцов в дом невесты. Там устраивают танцы¹⁰⁸ после того, как маршалок построит [удальцов] перед девушками; а стола угощений им не накрывают, только дают пить одну ватру¹⁰⁹ пива, а [обладателю] посоха [дарят] платок; и [гости] за светом уходят оттуда.

На второй день хачлуны и удальцы¹¹⁰ [С. 179] приводят невесту и жениха на литургию, чтобы сначала исповедались, затем во время литургии получили причастие; и священник венчает их. После венчания со всем приглашенным людом идут

98. В тексте стоит арабск. слово *nasib*—судьба, доля.

99. Позволительность или непозволительность в первую очередь обуславливалась степенью родства между невестой и женихом. В данном случае брак считался позволительным, если степень родства превышала 4-е колено.

100. В тексте—*րրորոյր*; тот же *զրորոյր*, *գիրորոյր*—нечто вроде брачного договора.

101. В тексте—*սխիւց*; то же что *զինից*, *զնիւց*—приданое.

102. В тексте—*կրիւշնր*; выкуп за невесту.

103. В тексте—*լաւիւն* (*լաւիւն*); большой праздничный хлеб формы полумесяца или кольца.

Известен также среди нор-нахичеванских, или донских, армян. Надо полагать, еще раньше он был распространен у крымских армян.

104. В армянском тексте—*իջրն* (иджку), тот же «иджгу».

105. Здесь и далее в тексте использовано слово *mahrama* (гурецк.)—платок.

106. Очевидно, от польск. слова *bractwo*, *braterstwo*—братство.

107. В тексте—*լմի հաշտնգնումն*.

108. В тексте—*դաւնց կաւնիւն*.

109. От польск. *wiadro*—ведро; около 12 литров.

110. То есть—подружки и дружки.

в дом жениха на застолье и по ходу пиришества¹¹¹ устраивают танцы; и засветло священник и гости встают [из-за стола].

В третий день священник, хачлуны и пешие удалыцы отправляются на застолье, и священник благословляет брачное ложе, а затем уходят, оставив новобрачных одних у брачного ложе.

3. Определение

О составлении завещания и последнего волеизъявления¹¹²

Когда кто-то тяжело заболевает, священник вызывает двух казначеев и писаря урэнта и в их присутствии дает записать волю, высказанную устами больного, в следующей форме:

«Во имя Отца и Сына, и Святого духа, аминь! Я, по имени такой-то, христианской веры, исповедью покаявшийся в грехах, причащенный спасительной святостью и перед опасностью моего заболевания крепившийся таинством последнего помазания, милостью Бога призван отправиться в путь, выйдя из этого греховного мира и идя жить к Создателю моему и воздающему по делам Богу. Итак, поскольку при выходе моей души в путь не перестаню прощаться с данным мне Богом преходящим достоянием и ныне оставляемыми домом, женой, детьми и имуществом, перед дарующим все блага Богом, перед духовником-исповедником и перед свидетелями в здравом рассудке своем и живыми устами даю записать настоящее завещание последней воли моей—законный и нерушимый тестамент.

Прежде всего вручаю душу свою в руки человеколюбивого и милостивого Создателя моего, Спасителя моего и Воздающего мне Бога моего, а плоть, как землю, отдаю земле для захоронения [на кладбище] церкви Раикова; и на похороны плоти моей назначаю такие-то, такие-то затраты и так далее. Жена моя обязана дать столько-то и все расходы по моим похоронам оплатить [С. 180] из оставляемого мной имущества: и на сорок литургий по душе моей—столько-то, и на матах, и на годовщину, и так далее. Подношение церкви [устроить] таким-то образом; а в фондуи¹¹³ для извечного [отправления] литургий [дать] столько-то, предстоятелю—столько-то; долгов имею столько-то, мне должны столько-то. Долги обязана оплатить моя жена из таких-то, таких-то средств. (Джехез¹¹⁴ полностью отходит к жене моей, как и мной ей обещанный ересджур [= выкуп]; так пишется бездетной вдове). А все оставшееся¹¹⁵ добро и имущество, дом и домашняя утварь переходят в пользование моей жены, как госпожи и матери моих детей, которые трудолюбием и благочестием, станут доброй памятью по душе моей и останутся богобоязненными и благими перед Божьим и моим благословением. Итак, чтобы дети мои выросли в благополучии и не знали никакой нужды или же чтобы доставшееся им имущество не потратили впустую, а набрались ума, обязаны подчиняться и прислушиваться к словам человека-калана¹¹⁶ такому-то, ибо этим завещанием его оставляю им экономом и опекуном и обязываю во имя Бога. А тот, кто не последует этому моему завещанию или нарушит [его], ответит

111. В тексте—*սիրիսի տարիսի հին*.

112. Здесь и далее в тексте использовано слово *testament*—завещание.

113. От польск. *fundusz*—фонд, запасы, ресурсы.

114. То, что жене в свое время было дано в придание.

115. В тексте использовано арабск. слово *қазығ*—неполный, недостаточность, недостаток.

В данном случае—оставшийся.

116. В тексте—*րիւցիւի*. Возможно, от арм. слова *լիւցիւի*—футляр, ограничитель, а возможно, от тюрк. *қалап* в смысле «остающийся».

мне на страшном суде Божьем. А для того, чтобы сия добровольно завещанная мной заповедь имела большую значимость¹¹⁷ и правомочия, моей печатью¹¹⁸, или же пальцем, или же знаком святого креста утвердил, закрепил и собственноручно подписал [именем] таким-то; и присутствующим свидетелям подписаться дал.

В богохранимом городе Раикове [составлено], в лето такое-то, [в такой-то] день месяца такого-то».

4. Определение

О создания фундуша

Фундуш—это денежный вклад человека, который он передает в руки своего досточтимого тэр пробоица и казначеев на помин [своей] души, написав и вручив, сколько пожелает, для литургий, которые извечно должны быть отслужены в данной церкви ради [спасения] его души или же ради [спасения] душ его родителей, или же ради [спасения] душ других усопших.

Итак, для извечного [отправления] литургий наличные деньги [С. 181] дают: тот, кто хочет, чтобы ежегодно одна литургия в год была отслужена [по нему], должен платить наличными шесть полных турецких хурушей; для двух литургий должен платить три матжарских золотых, а для четырех кварталных литургий должен дать шесть матжарских золотых; [для] 12 литургий, в начале каждого месяца, — 18 матжарских золотых; [для] 50 литургий, в каждую неделю, — 75 матжарских золотых.

Но поскольку из-за всяких врагов и страха по части напастей оставлять извечно в Раикове такие поминны на извечную память и вкладывать [их] в дело, будучи всегда в опасности, невозможно, суммы таким образом созданных фундушей должны быть отправлены в столицу Илвов, в распоряжение Его Преосвященства владыки предстоятеля, чтобы [он] передал провизорам старого гандзанака Просветителя. И [в Раикове] должны получить письменное заверение¹¹⁹ оттуда о том, какая сумма была передана им и каким образом [они] собираются вложить ее в дело, и [о том, что сумму у себя] держа навечно, ежегодно будут отправлять тэр пробоицу Раикова средства в соответствии с фундушем. И означенное заверение должны сохранить в гандзанаке раиковской церкви, [но] перед тем— в актах урэнта, внеся [его] выдержку и в эту книгу в вечную осведомленность последующих священников и прихожан.

5. Определение

О средствах из гандзанака, отдаваемых под проценты

Тот, кто хочет, используя, увеличить деньги в гандзанаке, должен дать в руки казначеев расписку¹²⁰ и свидетельство, и в задаток¹²¹ положить золото или серебро, или жемчуг и что-то из драгоценных камней¹²²; а расписка должна быть такой: если до одного года [задолжавший] не сумеет забрать задаток, стоимость которого в два раза больше, нежели взятая сумма, тогда казначеи будут вольны назначить перед урэнтом цену на тот задаток и продать его, и, взяв сумму и проценты в соответствии с распиской, положить в гандзанака, а оставшийся

117. В тексте использовано польск. слово *walog*—ценность.

118. В тексте—*hú dohrnčú*.

119. В тексте—*asekuracja*.

120. В тексте—*ршішшшч*. В армянских диалектах используется—*ршішшиш*, *ршпр-ршішшиш*.

121. В тексте—*рh*.

122. В тексте—*klejnot* (польск.).

излишек обязаны отдать владельцу задатка. А если в гандзанаке обнаружится недостача, казначеи, каждый новый год отчитывающиеся перед досточтимым тэр пробощем, [С. 182] обязаны из собственного кошелька полностью оплатить все недостающее и [ответить] за случившееся; но одежда или матерчатые изделия никак не могут быть положены в задаток силою [настоящего] определения.

6. Определение

О праставе и об исполнителях-цехмистрах¹²³

Всякие ремесленники¹²⁴ должны иметь свой цех и одного, покровительствующего себе Божьего святого от имени праставы: Богоматерь или же Просветителя, или же другого святого.

Прастава скорняков и портных, и тех, кто иглой работает, бывает под именем покровительствующего [им] Святого Каетана.

Прастава пастухов¹²⁵, возчиков¹²⁶, прядильщиков, мясников и других—под [именем им] покровительствующего Святого Григория Просветителя.

Прастава всех братьев-удальцов—всегда под покровительством Богоматери, вечной Девы Мариам.

Все эти праставы должны иметь еще и свои гандзанаки-сундуки, в которых, согласно своему уставу, должны хранить предписания, реестры, акты, бухгалтерские книги прихода и расхода, наличные деньги, также собранные штрафы или задатки, если выдают деньги под проценты. И из этого сундука нельзя тратить [средства] на что-либо другое, кроме как на церковь—на предстоятеля, священников и бедняков в соответствии со своим отдельным уставом¹²⁷: как в других городах, народ армянский [в Рашкове] для этого имеет властью предстоятеля [установленные] предписания.

Каждая прастава ежегодно через выборы избирает из своих [рядов] двух глав, старост-цехмистров, и писаря, который записывает все необходимое. Сундук находится у старшего цехмистра или в келье священника. Один из замочных ключей должен находиться в руках младшего цехмистра, а другой ключ—в руках его старшего брата [= старшего цехмистра] и так далее.

Братья-удальцы [в свою очередь] через свои выборы должны избрать себе двух благоразумных старост-фундатров¹²⁸ и каждый [С. 183] год из своих [рядов] должны избрать четырех основных вожakov¹²⁹, а именно: 1. старосту; 2. казначея; 3. маршалока; 4. писаря. И их прастава должна управляться согласно предписанию предстоятеля и так далее.

Тот, кто хочет записаться в праставу, обязан исповедаться, обязан причаститься, и обязан дать обет в церкви перед священником, который имя входящего в праставу записывает перед алтарем их святого; [церемонию он должен пройти] со свечой в руке и коленопреклоненно, и должен внести в сундук входную плату¹³⁰—один тымф. Ежегодно член праставы должен дать годовичные¹³¹—один рубль.

123. В тексте—шւնիարվորաց-ցէլսիւնորոնոյ.

124. В тексте—բշարարներ.

125. В тексте—սիրորգի.

126. В тексте—լօշար.

127. В тексте—преобразование от польск. artykuł.

128. В тексте—սիւնուոր-ֆունսորոս.

129. В тексте использовано слово վարիւն. Возможно от польск. wataha—стая; wataha wilków—стая волков; wataha dzikich psów—стая диких псов.

130. В тексте—wpisnego (польск.).

131. В тексте—roczizni (польск.).

Тот из братьев, кто не последует пункту устава, будет оштрафован; и будут судить его всей¹³² праставой, сидя у сундука во время сессии. Праставы, все вместе, ежегодно из своего сундука [= своих сундуков] платят священнику один матжарский золотой за четыре кварталных литургии.

Братья всех прастав с керонами¹³³ в руках должны быть в составе всякой процессии, а не присутствовавший должен оплатить штраф в сундук—[стоимость] одной литры воска. Также не слушавший литургию в воскресенье или [в день] знатного святого обязан платить штраф—[стоимость] одной литры воска: [так] до трех раз, после чего [провинившегося] заключают в железо у входа в церковь.

7. Определение

Обо всем вообще

И тот, кто в [течение] четырех пасхальных недель не исповедуется или же не примет причастия у священника Раикова, будет предан анафеме и должен будет оплатить штраф на проводимом священником суде, и должен будет покаяться у входа в церковь, заключенный в железо.

Тот, кто на Святую Пасху не принесет в церковь паски¹³⁴ для благословения, должен будет дать одну хоу¹³⁵ воска и будет заключен в железо у входа в церковь.

В великие дни, [в дни] свадеб, похорон, господских праздников, матахов, а также поминок усопших прихожане из своих домов священнику и беднякам отправляют халадж и пищу, и питье.

Написал я, вардапет тэр Оксентиос».

132. В тексте использовано преобразование от турецк. *bütün*.

133. *Чіпні*—большая свеча.

134. В тексте—*рширшц*.

135. В тексте—*ошшц*. Чаше встречаются формы *һншшц*, *һншш*. От турецк. *оккау*—мера веса, равная 400 граммам, или почти трем фунтам.

Summary

Tatevik Sargsyan,

PhD in History, Senior Researcher at the Research Center for Crimean Studies and Protection of the Cultural Heritage of the Republic of Crimea (Simferopol)

“The Law” by Jozef Lubomirsky, granted to the Armenians of the city of Rashkov in 1751

The article presents “The Law” by Jozef Lubomirski, translated from Armenian into Russian and provided with comments. The purpose is to introduce this source, which has not yet had a complete translation, into a wider scientific circulation.

It is well known that the kings and nobles of the Kingdom of Poland, and then the Commonwealth, endowed the Armenians with privileges, including the right to self-government within their national communities. They highly appreciated the role of Armenians in trade relations and construction, therefore sought to populate their cities and settlements with them. Moreover, when the armed protection of these cities and villages was needed, the Armenian inhabitants showed themselves quite selflessly.

“The Law” by Jozef Lubomirski, the crown prince of the city of Rashkov, was granted to the Armenians of Rashkov in 1751. It most fully and in detail reveals the essence of the privileges and self-government of the Polish Armenians. Immediately after the announcement, the church head of the Armenians of Rashkov Vardapet (Archimandrite) Oksentios Khosrov Nikolyan translated “The Law” from Polish into Armenian and gave detailed explanations to it. The latter, following the text of “The Law” itself, include an interpretation of the various terms presented in it, and the essence of the activities of each of the performers called upon to carry out the self-government of the community. Oksentios goes on to describe in detail the organization and course of the trial and the appeal procedure. At the very end, he cites the Decree, consisting of seven definitions, aimed at *“the piety and orderliness of the urban life of the Armenians who recently settled in Rashkov”*. The definitions were formulated by the spiritual authorities of the Polish Armenians and in a certain sense were based on “The Law” by Lubomirski.

Obviously, the *“recently settled in Rashkov”* Armenians were natives of an original Armenian environment and were not familiar with either the Polish language or the customs of the Polish Armenians.

The listed documents preserved thanks to the Armenian Catholic monk Minas Bzhishkyan from the Mkhitarist congregation in Venice, who saw them and included in his famous monograph “Journey to Poland”. The fate of the Polish and Armenian originals of the documents is still unknown.

Армяне-фондообразователи Этнографического отдела Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге (по материалам собрания Российского этнографического музея)

Лусинэ Гушян,

кандидат культурологии, научный сотрудник высшей категории Отдела этнографии народов Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

Этнографический отдел (в настоящее время — Российский этнографический музей, РЭМ), созданный в начале XX века в качестве составляющей Русского музея императора Александра III, стал одним из последних крупных дореволюционных музейных проектов. Задачи, функции и структура Этнографического отдела (ЭО) определялись в ходе длительных, с 1840-х годов вплоть до начала XX века, дискуссий в заинтересованных интеллектуальных кругах двух столиц. Еще в XIX веке один из крупных ученых и общественных деятелей Федор (Фридрих) Павлович Аделунг (1768–1843 гг.), выступая с проектом создания Русского национального музея, предлагал представить в нем тематические разделы, такие как «Одежда», «Оружие», «Утварь», наравне с которыми предлагался раздел «Языки». Несмотря на то что отдела по собиранию материалов по языкам народов, населявших империю, создано не было, идея значимости языка как важного фактора этнической культуры была оценена высоко.

Новый музей должен был отличаться от старейшего академического музея Санкт-Петербурга, Кунсткамеры, в котором основными задачами были исследование и демонстрация идей эволюционизма как в социально-культурном, так и в физико-антропологическом смысле. Главным направлением исследовательской, собирательской и презентационной деятельности нового этнографического музея была признана «народная» культура. Так, например, академик В. В. Радлов выдвинул в качестве основных задач музея исследование и демонстрацию «*уходящей*» культуры «*отдельных народностей*» Российской империи. В свою очередь этнограф Д. А. Клеменц, хранитель Кунсткамеры и будущий директор Этнографического отдела, определил концепции формирования его коллекций: географические рамки — выходящие за пределы актуальных границ Российской империи; хронологические границы — в пределах современности, но с учетом архаичных пластов культуры; тематические рамки — памятники материальной культуры, охватывающие все ее многообразие. Он также обозначил критерии, по которым должен был вестись сбор этнографического материала и которые базировались на двух основополагающих признаках — отношении предмета к тому или иному народу «*по бытованию*» и «*по изготовлению*».

Таким образом, в результате принятых решений новый музей должен был сосредоточиться на диахронных и кросс-культурных исследованиях и презентации технико-технологического, социального, художественно-эстетического и лингвистического разнообразия/аналогий доиндустриальной народной культуры не только населения Российской империи, но и сопредельных ей территорий.

Широта исследовательских и экспозиционных задач потребовала привлечения различных источников для сбора необходимых вещественных и фотографических коллекций, в частности, для пополнения кавказских фондов музея. Приобретались личные собрания, предложенные музеем частными лицами, велась экспедиционная работа штатными сотрудниками отдела, кроме того, был образован аппарат внештатных сотрудников-корреспондентов, участвовавших в формировании коллекций. В процессе разработки концепций собирательской и исследовательской работы новой музейной институции выкристаллизовывались структура и объем деятельности его сотрудников.

Согласно практике, опробованной уже в таких учреждениях, как Русское географическое общество и Музей антропологии и этнографии — Кунсткамера, кроме штатных сотрудников Этнографический отдел имел также вольнонаемных регистраторов коллекций и так называемых корреспондентов-экспедиционеров, которые по его заданию приобретали фондовые предметы в различных областях Российской империи и за ее пределами. Таким образом, история формирования кавказских коллекций ЭО в первые годы его существования связана не только с именами крупных этнографов — хранителей фондов музея, таких как известный востоковед К. А. Инostrанцев, но и внештатных его сотрудников.

Следует отметить, что деятельность и статус корреспондентов отдела существенно отличались от статуса частных коллекционеров, передававших свои собрания в музей, поскольку работа первых координировалась со стороны хранителя отдела и соответствовала научной концепции сбора и фиксации предметов, выработанных в ЭО.

Обращение к содействию внештатных сотрудников диктовалось не только необходимостью скорейшего создания фондовой базы музея, но и тем, что он, кроме комплексных исследований и презентации материальных памятников, должен был сосредоточиться и на фиксации лингвистического аспекта традиционной культуры. Таким образом, ЭО был первым (и единственным) учреждением такого рода, который, будучи нацеленным на изучение поликультурного сообщества, декларировал важность языка и его элементов среди базовых категорий концепции сбора исследуемого и презентативного материала.

Несмотря на то что первоначально поставленный широкий круг задач, относящихся к лингвистике (изначально в планах было создание корпуса манускриптов и печатных книг на языках народов России), впоследствии существенно сузился, тем не менее в музее сложилась практика при формировании коллекции не только указать место бытования данного предмета и народ, в культуру которого входило его изготовление и использование, но и зафиксировать название предмета на языке означенного народа. Это требование изначально поставило вопрос о лингвистической компетенции в квалификации сотрудников ЭО. Вероятно, по этой причине первым хранителем кавказско-среднеазиатских фондов был ориенталист К. А. Инostrанцев, владевший несколькими восточными языками. Однако языковое многообразие, в частности кавказского региона, требовало обращения к содействию внештатных сотрудников-корреспондентов соответствующей компетенции.

Музейная регистрационная документация, а также архивные материалы РЭМ позволяют выделить среди армян-корреспондентов, работавших по заданию ЭО на Южном Кавказе, следующие основные группы: 1) местные жители, получившие образование на месте и работавшие в образовательных учреждениях или музеях; 2) чиновники, служившие в имперских торговых и дипломатических представительствах; 3) путешественники, художники-ориенталисты; 4) студенты Санкт-Петербургского университета родом с Кавказа; 5) студенты и профессионалы из числа востоковедов, археологов и лингвистов, входившие в интеллектуальное сообщество, которое мы предлагаем отметить термином «круг Марры».

Если первые две группы были привлечены к работе лично К. А. Иностранцевым и курировались им по переписке, то третья группа имела свои собственные интересы в поездках на Кавказ, к которым добавлялась и собирательская деятельность. Следует отметить, что две последние группы в той или иной степени были связаны с Н. Я. Маррой (академик Императорской академии наук с 1912 г.), который с 1902 по 1916 год лично рекомендовал некоторых своих учеников для работы с ЭО. Благодаря усилиям Н. Я. Марры молодые востоковеды были командированы в различные области Южного Кавказа для изучения и фиксации в первую очередь рукописного наследия и археологических памятников, а интерес к традиционной культуре современного населения региона поддерживался необходимостью пополнения фондов ЭО.

Среди первых фондообразователей ЭО известен учитель истории Тифлисской женской гимназии Иосиф Мелик-Шахназарян, в 1905 году передавший в фонды музея фотографии и 67 предметов, которые относились к традиционной культуре армян города Ахалциха. Работу Мелик-Шахназаряна курировал лично К. А. Иностранцев, благодаря чему корпус представленных памятников охватил не только отдельные предметы: ремесленные инструменты, утварь, украшения, одежду, но и полные костюмные комплексы армянок-горожанок как среднего класса, так и высокого социального статуса. Весьма важными представляются записи собирателя, сообщающие имена изготовивших предметы ремесленников и мастериц, а также их владельцев, что соответствует принятому в музее правилу определения принадлежности предмета тому или иному народу «по изготовлению» и «по бытованию»¹. Примечательно, что в списке необходимых для «исполнения экспедиции» предметов Мелик-Шахназарян указывает приобретение револьвера «системы Браунинга с патронами (в виду опасности езды в армяно-татарских уездах)»².

По договоренности с дирекцией музея в 1906–1907 годах в его фонды были переданы одиннадцать коллекций, включавших 166 предметов, собранных чиновником МИД князем Никодимом Амагуни, который относился к так называемым востоковедам-практикам. Во время своей дипломатической командировки в Иран он коллекционировал памятники материальной культуры населения юга страны — персов и гебров. Характер коллекций весьма многообразен. Сюда входят как традиционные ремесленные инструменты, так и вооружение, утварь, костюмы, конская упряжь, ковры и так далее. Исключительно важно отметить, что предметы по возможности приобретались в комплексе. Так, например, в одной из коллекций из «Фарса» (провинции Фарс в Персии) представлены одиннадцать предметов «принадлежностей для верховой езды» и десять предметов «принадлежностей для лошади караванного проводника». Собирателем были зафиксированы

1. Архив Российского этнографического музея (далее — РЭМ). Ф. 1, оп.2, ед. хр. 400.

2. Архив РЭМ. Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 400, л.10 об.

не только названия и способ использования отдельных предметов, например «но-гус» — медный колокол, который привешивался по двум сторонам от вьючного стада, но и всего комплекса, например, принадлежности для лошади караванного проводника — «аснаб-э-фишанг». Причем местные названия некоторых предметов фондообразователь отметил как на русском, так и на армянском языках.

Немаловажную роль в формировании фондов ЭО сыграли также Иосиф Орбели, Смбат Тер-Аветисян, Ашхарбек Лорис-Калантар — ученики и сотрудники Н. Я. Марры, являвшиеся собирателями фотоколлекций и материальных собраний, относящихся к традиционной культуре армян, персов, гебров, езидов, курдов и татар.

Так, в период 1903–1905 годов были сформированы десять коллекций, собранных Смбатом Тер-Аветисяном в Елисаветпольской губернии и провинции Азербейджан на севере Ирана. Студент Петербургского университета Тер-Аветисян, который после окончания семинарии в Эчмиадзине (учился в 1894–1898 гг.) продолжил образование по армяно-грузино-персидскому разделу факультета восточных языков, был направлен в экспедиционную поездку в первую очередь для пополнения сведений о рукописях, созданных в старой Джульфе Нахиджеванского уезда Эриванской губернии и Новой Джульфе недалеко от Исфাহана³.

В архиве РЭМ сохранилась переписка молодого исследователя и сотрудников ЭО⁴, в которой содержится ряд сведений, касающихся экспедиции Смбата Тер-Аветисяна в Новую Джульфу, а также — что, как нам кажется, не менее интересно — опосредованно демонстрируются статусы научных сотрудников в начале XX века.

Переписка начинается с телеграммы Смбата Тер-Аветисяна от 17 августа 1904 года, адресованной хранителю фондов ЭО К. А. Иностранцеву, следующего содержания: «Пбг ЭО Русского музея Иностранцеву из Нахичевани Эриван. Предложением Марры еду в Азербейдан для рукописей. Прошу телеграфировать уездному начальнику Нахичевань Эриванской, что я командирован музеем Персию. Подробности письмом. Тераветисян»⁵.

Далее в архивной папке представлена копия телеграммы с требуемым Тер-Аветисяном текстом: «Нахичевань Эриванская. Уездному Начальнику. Тераветисян командирован Персию собирать этнографические предметы для Русского музея Императора Александра Третьего. Заведующий Иностранцев»⁶. Документ не датирован, но с большой степенью вероятности направлен достаточно оперативно после получения первой телеграммы.

27 августа в Санкт-Петербург прибывает письмо, написанное Тер-Аветисяном 16-го числа того же месяца, в котором он сообщает подробности: «Многоуважаемый Константин Александрович, — пишет он, — по окончании раскопок в Ани я поехал в Эчмиадзин и ждал, что из Археологического общества пришлют мне командировочный лист для составления описаний Азербейджанских рукописей; но на днях получил письмо Николая Яковлевича Марры и узнал, что в Археологическом Обществе никого нет теперь и потому барон Розен сообщает ему, что

3. Средневековый армянский город Джуга (Չոլիս, Старая Джульфа) в провинции Нахиджеван (область Васпуракан Большой Армении) являлся известным торговым узлом на Великом шелковом пути. Новая Джуга (Նոր Չոլիս, Новая Джульфа) была основана в 1606 году, после того как Шах-Аббас переселил около 300 тыс. армян из восточно-армянских провинций, в том числе и из города Джуга, в Персию. Заселение армянскими ремесленниками, купцами и земледельцами северных территорий государства ставило целью экономическое развитие последних.

4. Архив РЭМ. Ф. 1, оп. 2, д. 625, л. 8–11об.

5. Там же, л. 8.

6. Там же, л. 9.

командировочные листы не могут прислать мне. Я думал без этой бумаги получить заграничный паспорт, но не мог. Нахичеванский (Эриванской губ.) Уездный Начальник разрешил мне переехать границу и оставаться в Персии только на восемь дней, ибо я обещал ему, что от Вас будет командировка. И потому прошу по телеграфу сообщить здешнему Начальнику, что Музей меня командировует в Персию. Если этой телеграммы не будет на днях, я должен прервать свои работы и вернуться в Петербург. А если напишете Начальнику, тогда останусь в Персии до конца сентября. Прошу еще сообщить, могу ли купить для музея предметы и не может ли музей ассигновать новую сумму для этой цели? Письмо можете адресовать мне в Нахичевань (Эриванской губ.) в Армянское духовное правление для передачи Архидиакону Смбагу Тер-Аветисяну⁷.

Таким образом, благодаря помощи ЭО молодому исследователю, оказавшемуся в затруднительном положении во время экспедиционного сезона в Археологическом обществе, удалось провести исследование в Персии и собрать исключительно важные с научной точки зрения материалы.

Широко известным результатом экспедиционных поездок Смбата Тер-Аветисяна в Новую Джульфу стал рекомендованный Н. Я. Маррой к печати «Каталог армянских рукописей церкви Всеспасителя Новой Джульфы», который включает описание 600 манускриптов. В дальнейшем Тер-Аветисян составил каталог 300 рукописей из церкви Святого Стефана Первомученика из той же Новой Джульфы. Исследовательский интерес к истории двух армянских городов, Джуги (Джульфы) и Нор Джуги (Новой Джульфы), метрополии и армянского переселенческого очага в Персии завершился изданием в 1937 году в Тбилиси монографии «Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов XV–XVII вв.». В своем последнем труде, затрагивающем деятельность джульфинского купечества, С. В. Тер-Аветисян впервые рассматривает старый город Джуга как предвестника крупного торгового центра, каковым стала позже Нор Джуга. На основе письменных источников автор связывает джульфинское купечество Нахиджевана с армянским переселенческим очагом в Крыму, выявляя, таким образом, на их торговом маршруте северочерноморское направление Великого шелкового пути, проходившее как через экономически развитые армянские колонии, так и итальянские, в первую очередь генуэзские и венецианские, фактории.

Следует также отметить, что термин «ходжа», который применялся как статусный для крупных торговцев, согласно С. Тер-Аветисяну начал использоваться в джульфинской среде еще в XV веке: «Начиная с конца XV столетия торговля стала главной профессией для зажиточной части джульфинцев, известной под общим названием «Ходжа» и сосредоточившей в своих руках значительные капиталы. По словам одного исследователя армяно-венецианских отношений⁸, из 2500 армянских имен, встречающихся в архивных делах Венеции, 500 принадлежат джульфицам и сюникцам (Зангезур—Карабах), причем половину этого числа составляют джульфицы».

Не менее важным, хотя и значительно менее известным, результатом командировки С. Тер-Аветисяна в Персию, в провинцию Адербейджан, в города Исфahan, Кашан, Йезд, Новую Джульфу, стали четыре коллекции, собранные по поручению ЭО Русского музея Александра III. Первая из указанных вещевых коллекций смешанная и представляет традиционную культуру персов и армян (103 предмета),

7. Там же, л. 11–11об.

8. Речь идет о Гевонде Алишане.

вторая—только армян (22 предмета), третья—только иранцев (35 предметов), четвертая включает памятники материальной культуры иранцев и гебров (8 предметов). Коллекции хорошо аннотированы собирателем, в предварительной описи указаны место изготовления и приобретения предметов, название каждого предмета на языке культуры, в которой он был изготовлен, а также его этническая принадлежность. Особое место в собрании С. Тер-Аветисяна занимают костюмные комплексы. Представлены персидские костюмы мальчика, ахуна, или ахунда (мусульманского ученого высшего разряда), и дервиша. Есть также армянский мужской костюм, женские костюмы персиянок-горожанок, женские костюмы армянок-горожанок и армянок-крестьянок.

Более ста предметов составляют восемь смешанных армянских и татарских коллекций из Казахского уезда Елисаветпольской губернии, собранных Тер-Аветисяном в 1903 году. В них представлены орудия для земледелия, предметы, относящиеся к скотоводству, музыкальные инструменты, изготовленные армянскими мастерами оружие, армянский ковровый стан «торк», мужские и женские костюмные комплексы, среди которых наряд замужней татарки, а также отдельные предметы костюма. Следует отметить, что за данную работу Совет ЭО Русского музея постановил выразить Тер-Аветисяну благодарность, о чем ему сообщил заведующий ЭО Дмитрий Александрович Клеменц в письме, датированном 1904 годом⁹.

Итак, широко проявляемая в армянском сообществе заинтересованность в изучении собственного прошлого, как и возросший в этот период интерес к «экзотическим восточным культурам», стимулировали желание молодых людей из числа армян получить гуманитарное востоковедческое образование. В свою очередь, квалификационные ресурсы, приобретенные благодаря среднему армянскому и высшему петербургскому образованию, позволяли молодым востоковедам, еще будучи студентами университета, находить применение своим знаниям в ряде сфер современной им науки, не ограничиваясь археологическими и филологическими изысканиями, широко известными в обществе благодаря деятельности академика Н. Я. Марры. Расширению исследовательских интересов И. Орбели, С. Тер-Аветисяна, А. Лорис-Калантара способствовала также востребованность их компетенций в ряде столичных музейных и научных учреждений. В 1903–1916 годах ими было совершено несколько экспедиционных поездок, во время которых по заданию ЭО были собраны орудия труда, утварь, элементы костюмов и другие этнографические памятники, относящиеся к культуре народов, населявших Кавказ и примыкающие к нему территории. Таким образом, в начале XX века в Санкт-Петербурге (Петрограде) работали многоплановые исследователи-востоковеды, деятельность которых включает также этнографические изыскания. Особенностью петербургской этнографии, в свою очередь, являлась ее направленность в сторону изучения традиционной культуры не только в описательном плане «народной жизни», но и в собирании и изучении памятников материальной культуры населения региона, что давало возможность исследователям становиться его, то есть региона, многопрофильными экспертами.

9. Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 625, л. 7.

Summary

Lusine Gushchian,

PhD in Cultural Studies, Senior Researcher at the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia Peoples, The Russian museum of Ethnography (St. Petersburg)

Armenian fund-makers of the Ethnographic Department of the Emperor Alexander III Russian Museum in St. Petersburg (based on the materials from the collection of the Russian Museum of Ethnography)

Based on the archival and museum materials, the article examines the role of some collectors—ethnic Armenians who collaborated with the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III at the beginning of the 20th century.

When creating the Ethnographic Department of the Russian Museum, its founders outlined the most important criteria and requirements for collecting and fixing monuments of material culture. The breadth of conceptual provisions was the reason for attracting collectors, whose competence could correspond to both linguistic and source research needs of the museum. In the first decades of the 20th century, highly educated Armenian collectors of various classes met such requirements. A group of students and professionals from among the orientalists, archaeologists and linguists stood out in this galaxy of enthusiasts. They were a part of the intellectual community, which in the article is proposed to mark with the term “coterie of Nicholas Marr”.

Մասանց պահարանները Ռումինիայի հայոց թեմի հավաքածուներում¹

Մարիամ Վարդանյան,

երևանի պետական համալսարանի Հայ արվեստի պատմության
և տեսության ամբիոնի դասախոս

Սուրբ մասունքները և դրանց պաշտամունքը խիստ կարևոր տեղ են զբաղեցնում քրիստոնեական եկեղեցում: Սկզբնական շրջանում ընդունված էր սրբերի մասունքների վրա եկեղեցիներ կամ վկայարաններ կառուցել, որոնք էլ, ըստ էության, դառնում էին մասունքի պահարաններ: Ժամանակի ընթացքում, քրիստոնեության տարածման գործում մասունքների դերի կարևորման պայմաններում, փոխվեցին դրանց հանդեպ մոտեցումները: Մասունքները պահպանելու, տեղափոխելու, նվիրաբերելու համար դրանք համապատասխան իրերի մեջ զետեղելու անհրաժեշտություն ծագեց, ինչն էլ նպաստեց թանկարժեք մետաղներից պատրաստվող զարդարուն մասանց պահարանների ի հայտ գալուն: Հետագա դարերի ընթացքում մասանց պահարանների հարդարանքը դարձավ ավելի բազմաձև և շքեղ՝ ձևավորելով մետաղագործական արվեստի առանձին ճյուղ:

Հայոց եկեղեցում մասանց պահարանները կարող են հանդես գալ աղյուսաձև տուփերի, խաչերի, աջերի, տապանակների տեսքով և ունենալ բարդ կամ պարզ ոճավորում:

Սույն հոդվածի նպատակն է ներկայացնել Ռումինիայի հայոց թեմի հավաքածուներում պահվող մասանց պահարանների նախկինում երբևէ չուսումնասիրված ոչ մեծ հավաքածու² և այս համատեքստում քննել դրանց հիմնական տեսակները, նշանակությունը, բնույթը և տարածումը հայոց եկեղեցիներում:

Սուրբ մասունքների պաշտամունքը սկիզբ առավ մ. թ. 2-րդ և 3-րդ դարերում քրիստոնյաների դաժան հետապնդումների ժամանակ, երբ անդամահատված կամ այրված մարմինների պատշաճ թաղումը հաճախ անհնարին էր: 3-րդ դարի վերջին և 4-րդ դարի սկզբին նահատակների աճյունի մասերը սկսեցին դիտվել որպես աստվածայինին մոտենալու առանձնահատուկ հնարավորություն³: Ճիշտ այս շրջանում էր, որ Գրիգոր Լուսավորիչը Սուրբ Հովհաննես Մկրտչի և Սուրբ Աթանազիանս վկայի մասունքները Կեսարիայից բերեց Հայաստան⁴: Դրանք, ըստ էության, առաջին մասունքներն էին, որ բերվեցին երկրպագության նպատակով:

1. Ուսումնասիրությունն իրականացվել է Ռումինիայի հայոց թեմի, ՀՀ Մշակույթի նախարարության և ՀՀ Գիտության կոմիտեի ֆինանսական աջակցությամբ՝ 13-6E440 ծածկագրով գիտական քննային շրջանակներում: Հավաքածուների ուսումնասիրությունը սկսվել է 2012 թվին՝ Ռումինիայի հայոց թեմի առաջնորդ Տաթև Եպիսկոպոս շակոբյանի և Երևանի պետական համալսարանի Հայ արվեստի պատմության և տեսության ամբիոնի վարիչ, արվեստագիտության դոկտոր, պրոֆեսոր Լ.Նոն Չուգասցյանի նախաձեռնությամբ:
2. Մասանց պահարանների միայն մի քանի նմուշներ տպագրվել են վերջերս հրատարակված «Vardanyan M. The Silverware Collections of the Armenian Diocese of Romania // Armenian Treasures in Romania. Catalog. Bucharest, 2020»-ի պատկերացանկում:
3. *Bynum C, Gerson P.* Body-Part Reliquaries and Body Parts in the Middle ages // “Gesta”. Vol. 36, № 1. Chicago, 1997, p. 3.
4. *Ագաթանգեղոս.* Հայոց պատմություն. Երևան, 1983, էջ 455; *Զենոբ Գյուլ Կարի.* Յովհան Մամիկոնեան. Պատմություն Տարսուշ. Վենետիկ, 1832, էջ 8, 38; *Սուրբ Կարապետ Մ. Լիակատար վարք և վկայաբանություն սրբոց,* որք կան ի հին Տոնացուցի եկեղեցույ Հայաստանեայց. Հատոր Գ. Վենետիկ, 1812, էջ 56–73:

Մասունք է համարվում այն ֆիզիկական առարկան, որը, ըստ հավատացյալների պատկերացումների, կրում է Քրիստոսի կամ որևէ սրբի առաքինությունը և ուժը, այն կարող է լինել ոսկոր, մարմնի որևէ մաս կամ պարզապես երկրորդական մի առարկա, օրինակ՝ գգեստի կտոր, որը սրբի հետ շփվելով, սրբագործվել է և նույնպես կարող է փոխանցել նրա առաքինությունը⁵: Սուրբ երկրից բերված փոշին, յուղը կամ ջուրը նույնպես դիտվում էին որպես սրբազան և կոչվում էին «*օրհնություններ*»⁶: Իսկ այնտեղից վերադարձած ուխտավորների համար Սուրբ երկրի հետ ունեցած կապը ցուցադրելու գլխավոր միջոցներից մեկը մնում էր հագուստը՝ պատրաստված արևելյան երկրներում ձեռք բերված գործվածքներից՝ բյուզանդական մետաքսից, եգիպտական վուշից և մանավանդ՝ քիրագից⁷:

Մասունքները սրբազան տարածքների ձևավորման կարևոր բաղադրիչներից էին⁸: Դրանցից նշանակալիցների «երթնեկը» դիտարկվում է որպես «*Եվրոպայում խաչի ճանապարհի փաստացի ընդօրինակում*», որպես փոխազդեցության և կապի համընդհանուր ձև⁹:

Ներկայում բազմաթիվ են ուսումնասիրությունները մասունքի և այն ամփոփող պահարանի «փոխհարաբերության» վերաբերյալ: Օրինակ, Սինթիա Հանը գտնում է, որ մասանց պահարանը «ձգտում է» մասունքը ներկայացնել որքան հնարավոր է ազդեցիկ, սուրբ և սրբազան, որպես եկեղեցական հաստատության մասնիկ, որպես խորհուրդի ձևավորման գործընթացի բաղադրիչ: Եվ չնայած դրան՝ ողջ ուժով և կարողությամբ ներկայացված լինելուն, բուն մասունքը մնում է թաքնված¹⁰: Իր հերթին Բիսսերա Պենչևան կարծում է, որ մասունքի պահարանը, այն ձևավորող դրվագներն ու թանկարժեք քարերը ամփոփում և թաքցնում են նյութից ու նյութականից դուրս գտնվող աստվածայինի ներկայությունը¹¹:

Մասանց պահարանը մասունքը գողությունից և պղծումից գերծ պահելու միջոց է: Մինևույն ժամանակ այն պաշտպանություն է սխալ նույնականացումից, սովորական բեկորներից չտարբերվող մասունքները չեն կարող վկայել իրենք իրենց մասին: Այդ պատճառով է նաև ծագում մասունքի պահարանի անհրաժեշտությունը, որը հանդես է գալիս որպես ինքնատիպ պիտակ բարդ ֆիզիկական ձևի մեջ. մասանց պահարանը վավերացնում է մասունքի ինքնությունը՝ կիսելով նրա աուրան և գերծ պահելով հավատացյալներին սխալ երկրպագությունից¹²:

Բյուզանդական կայսրության գրեթե հիմնադրումից սկսած միջև անկումը կայսրերն իրենց հոչակել են Քրիստոսի չարչարանքներին, Տիրամորը և հիմնական արևելյան սրբերին վերաբերող մասունքների, այսինքն՝ քրիստոնեական մեծագույն սրբությունների

5. Hahn C. What do reliquaries do for relics? // Numen. International review for the History of Religions. Vol. 57, № 3–4. Leiden, 2010, pp. 290–291.

6. Նույն տեղում:

7. Snyder J. Vestimentary Signs of Pilgrimage in Twelfth century Europe // Matter of Faith: An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration on the Medieval Period / Ed. by J. Robinson, Lloyd de Beer, A. Harnden. London, 2014, p. 8.

8. Lidov A. Hierotopy. The creation of the sacred spaces as a form of creativity and subject of cultural history // Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia / Ed. by A. Lidov. Moscow, 2006, pp. 32–58.

9. Filipova S. Early Christian reliquaries and encolpia and the problem of the so called crypt reliquaries in the Republic of Macedonia // Rome, Constantinople and newly-converted Europe. Archaeological and historical evidence. Vol. II. Krakow, Leipzig, Rzeszow, Warsaw, 2012, p. 113.

10. Hahn C. What do reliquaries do for relics?, p. 289.

11. Pentcheva B. Containers of Power: Eunuchs and Reliquaries in Byzantium // "RES: Anthropology and Aesthetics", № 51 (Spring). Chicago, 2007, p. 113.

12. Nagel A. The Afterlife of the Reliquary // Treasures of Heaven: Saints, Relics and Devotion in Medieval Europe / Ed. by M. Bagnoli, H. Klein, G. Mann, J. Robinson. Baltimore, 2010, p. 211.

պահապան, վերահսկող և տարածող¹³, այսպիսով գերակշիռ դեր ստանձնելով քրիստոնեական աշխարհում:

Ֆրանսիայի արքա Սուրբ Լյուդովիկոս Թ-ն (1226–1270 թթ.) Փարիզ տեղափոխեց բյուզանդական կայսրերի պալատական սրբավայրից՝ Փարոսի Աստվածամանի մատուռից (Կոստանդնուպոլսի Մեծ պալատի հարավային մասում, փարոսի աշտարակի մոտ) դուրս բերված մեծ թվով մատուրներ, հատկապես՝ Քրիստոսի չարչարանքներին վերաբերող: Այս սրբությունները նա հանդիսավոր արարողությամբ տեղադրեց վերոնշյալ մատուռի օրինակով 1242–1248 թվերին կառուցված Սենտ-Շապելի մատուռ-մասնարանում, ինչպես նաև Վենետիկի Սուրբ Մարկոսի տաճարում¹⁴: Չ. Տեր-Ղևոնդյանը կարծում է, որ մասանց պահարանների օգտագործումը արևելքից Եվրոպա է անցել հենց այս շրջանում, 13-րդ դարից հետո՝ խաչակիրների միջոցով¹⁵: Սակայն, եթե հաշվի առնենք այն հանգամանքը, որ Բյուզանդական կայսրերն իրենց վերապահված բացառիկ իրավունքով ի գործ էին ըստ հայեցողության մատուրներ նվիրել այլ երկրների տիրակալներին, ապա կարող ենք ենթադրել, որ դրանց տեղափոխման համար հատուկ զետեղարանների անհրաժեշտությունը զգացվել է դեռևս 13-րդ դարից շատ առաջ՝ կայսերական նվերը պատշաճ ամփոփելու համար:

Ս. Չանի կարծիքով, ժամանակակից իմաստով, մասանց պահարանները արվեստի գործեր չեն և, անշուշտ, «արվեստ չեն հանուն արվեստի»: Դրանք նախատեսված են մատուրները մեծարելու և պատվելու համար, իսկ գեղեցկությունն անպայմանորեն ենթարկվում է հիմնական պահանջներին և գաղափարին¹⁶:

Մասանց պահարանները պատրաստելիս միջնադարյան վարպետները սրբությունն ընդգծելու համար հաշվի են առել տարբեր նյութերին վերագրվող խորհուրդները: Ազնիվ մետաղներն ընտրվել են ոչ միայն այն պատճառով, որ թանկ էին և հագվազյուտ, այլ նաև այն պատճառով, որ համարվում էին անբասիր. դրանց գտնան համար օգտագործվող հալեցման գործընթացը դիտվում էր որպես կրակով մաքրագործելու միջոց¹⁷:

Մասանց պահարանները զարդարող թանկարժեք քարերը ևս պատահական չէին ընտրվում: Դրանք նույնացվում էին սրբերի հետ: Նաև, քրիստոնյա վարպետները շեշտը դնում էին Աստվածաշնչում հիշատակվող քարերի վրա, որոնք հաճախ համեմատվում էին առաքինությունների հետ¹⁸ (Ելից 28:17): Սրան հանգամանորեն անդրադառնում է Բրիջիթ Բյուրները՝ վկայակոչելով տարբեր թանկարժեք քարերի մասին վկայությունները և դրանց դերը Աստվածաշնչյան տեքստերում, սրբերի վարքում և այլն¹⁹: Կարմիր ռուբիններն, օրինակ, խորհրդանշում են Քրիստոսի արյունը՝ որպես Սուրբ Պետրոսի խոսքերի մարմնացում (Ա Պետր. 1:18–19)²⁰:

Ռուսական մասանց պահարանները բնորոշելիս, Իրինա Ստերլիգովան նկատում է, որ, ի տարբերություն Կաթոլիկ եկեղեցում տարածված օրինակների, դրանք փակ են՝

13. Klein H. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West // "Dumbarton Oaks Papers". Vol. 58, 2004, p. 284; Kalavrezou I. Helping Hands for the Empire: Imperial Ceremonies and the Cult of Relics at the byzantine Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / Ed. by Henry Maguire. Washington D.C., 1997, p. 53.

14. Kalavrezou I. Helping Hands for the Empire, p. 57.

15. Տեր-Ղևոնդյան Չ. Չալկական արծաթյա մասնատուփերի երկու հին նմուշներ // «Էջմիածին», ԺԹ. Էջմիածին, 1962, էջ 46:

16. Hahn C. What do reliquaries do for relics?, p. 291.

17. Bagnoli M. The stuff of Heaven. Materials and craftsmanship in Medieval Reliquaries // Treasures of Heaven: Saints, Relics and Devotion in Medieval Europe / Ed. By M. Bagnoli, H. Klein, G. Mann, J. Robinson. Baltimore, 2010, p. 138.

18. Նույն տեղում:

19. Sü'ü Buettner B. From Bones to Stones — Reflections on Jeweled Reliquaries // Reliquiare im Mittelalter / Ed. by B. Reudenbach and G. Toussaint. Berlin, 2005, pp. 43–59.

20. Pentcheva B. Containers of Power: Eunuchs and Reliquaries in Byzantium, p. 110; Buettner B. From Bones to Stones — Reflections on Jeweled Reliquaries, p. 47.

ներկայացված տապանակների կամ տուփերի տեսքով, և թաքցնում են մասունքը²¹: Իհարկե, այս ավանդույթը Ռուսական եկեղեցին ժառանգել է Բյուզանդական եկեղեցուց, որտեղ ևս մասունքները թաքնված էին: Հայկական եկեղեցիների մեծաթիվ մասանց պահարանների դիտարկումը ցույց է տալիս, որ դրանք նույնպես չեն թաքցնում մասունքը: Մակայն պետք է հաշվի առնել, որ նման պատկերը բնորոշ է միայն ուշ շրջանում ստեղծված օրինակներին, երբ արևմտյան արվեստի տարրերն ու ավանդույթները մեծ տարածում գտան Արևելքում: Հակառակ արևմտյան ազդեցության տակ ստեղծված ուշ շրջանի օրինակների, չափազանց փոքր թվով մեզ հասած միջնադարյան մասանց պահարանների դիտարկումն ակնհայտ է դարձնում, որ դրանք պատրաստված են մասունքը թաքցնելու սկզբունքով, ինչպես Բյուզանդական եկեղեցում էր:

16-րդ դարում Կաթոլիկ եկեղեցին հստակեցրեց, թե ինչպես պետք է ձևավորվեր և վավերացվեր մասունքներ պարունակող պահարանը. փորագրի տեսքով կամ ուղեկցող մագաղաթի վրա պետք է գրանցվեր սրբի և նրա մարմնի համապատասխան մասի անունը, պիտի նշվեր նաև, թե երբ (տարեթիվ, ամիս, օր) և որտեղից (վայրի անվանում) է մասունքը բերվել²²: Մասունքների արձանագրման նույն ձևը որոշ վերապահումներով կիրառվել է նաև մեզ մոտ: Տարբեր հավաքածուներում պահվող հայկական մասանց պահարանների վրա հիմնականում առկա են այս գրությունները՝ հաճախ գուգորդված նվիրատվական տեղեկություններով: Ուշ շրջանի մասանց պահարանների դեպքում՝ մասունքների հետ մեկտեղ նկատելի են բոթի վրա լրացված ուղեկցող գրությունները՝ դրված բյուրեղապակու կտորի տակ:

Մասունքները հաճախ են ամփոփվել բնական բյուրեղապակու կտորի տակ²³ տեսանելի հատվածում: Բյուրեղապակին համարվել է կիսաթանկարժեք քար, գնահատվել է նաև նյութը խոշորացնելու նրա հատկությունը: Այն օգտագործվել է մասունքները տեսողականորեն մեծացնելու և դրանք պարփակող առարկաների թանկարժեքությունը շեշտելու համար²⁴: Ամրության, թափանցիկության և քարացած ջրի հետ ընդունված ասոցիացիաների շնորհիվ բյուրեղապակին միջնադարյան Արևմուտքում դիտվել է որպես աստվածաբանական տարբեր հասկացությունների փոխաբերություն՝ որպես հրեշտակային բնություն, Քրիստոսի մարմնավորում, սկրտության խորհուրդ, մեղավոր հոգիների փոխակերպում²⁵: Քարացած ջրի «կերպավորման» պարագայում բյուրեղապակին խորհրդանշել է մաքրությունը մեղքից, իսկ թափանցիկ անոթների ներսից երևացող մասունքները ընդգծել են Քրիստոսի գոհաբերության գաղափարը՝ որպես փրկության աղբյուրի, որը տարածվում է Մկրտության ջրի միջոցով²⁶:

Ինչպես Հայաստանի, այնպես էլ աշխարհի այլ երկրների հավաքածուներում, թանգարաններում և եկեղեցիներում պահվում են հայ ոսկերիչ-արծաթագործների կողմից պատրաստված մեծ թվով մասանց պահարաններ: Հայկ Տեր-Ղևոնդյանը գտնում է, որ Հայաստանում մասնատուփերի²⁷ պատրաստումը սկսվել է Բագրատունյաց շրջանում, կամ դրանից էլ առաջ²⁸: Իրենց տիպաբանական, ոճական և գեղարվեստական առանձնահատկություններին զուգահեռ հայոց մեջ տարածված մասանց պահարաններն

21. *Стерлигова И.* Новозаветные реликвии в древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. Лидов. Москва, 2000, с. 29.

22. *Nagel A.* The Afterlife of the Reliquary, p. 211.

23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.metmuseum.org/toah/hd/reic/hd_reic.htm.
Дата доступа: 21.03.2021.

24. *Greveni St.* Christus crystallus: Rock Crystal, Theology and Materiality in the Medieval West // Matter of Faith: An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration on the Medieval Period / Ed. by J. Robinson, Lloyd de Beer, A. Harnden. London, 2014, p. 92.

25. Նույն տեղում, էջ 93:

26. *Bagnoli M.* The stuff of Heaven. Materials and craftsmanship in Medieval Reliquaries, p. 138.

27. Հայկ Տեր-Ղևոնդյանը «մասնատուփ» է անվանում «մասանց պահարաններ»-ը:

28. *Տեր-Ղևոնդյան Հ.* Հայկական արծաթյա մասնատուփերի երկու հին նմուշներ, էջ 46:

ի հայտ են բերում ընդհանրություններ այլ եկեղեցական մշակույթներում առկա օրինակների հետ:

Ռումինիայի հայոց թեմի հավաքածուներում պահվող մասանց պահարանները հիմնականում խաչեր են՝ Սուրբ Հովհաննես Կարապետի մատուցով, Երուսաղեմից բերված սուրբ քարով: Կա նաև աչ և մեկ տապանակ²⁹: Յուրաքանչյուր մատուցի հետ, ըստ ընդունված կարգի, բյուրեղի տակ դրված է վերը նշված ուղեկցող գրությունը: Իհարկե, միշտ չէ, որ հնարավոր է պարզել, թե ինչ մատուց է ամփոփված պահարանի մեջ. ուղեկցող գրություններից շատերը ժամանակի ընթացքում խունացել են և ընթեռնելի չեն, իսկ իրի վրա համապատասխան արձանագրությունները բացակայում են: Գրությունների բովանդակությամբ մասամբ հնարավոր կլինի ծանոթանալ միայն բյուրեղը հանելու և գրությունները դուրս բերելու դեպքում: Գործընթացն, իհարկե, բավական բարդ է և կարող է կատարվել եկեղեցու հատուկ թույլտվությամբ՝ բարձրակարգ արժաթագործ վարպետի ձեռքով, ինչն ապագայի գործ է:

Մասանց պահարանները ներկայացված են Բուխարեստի Սրբոց Հրեշտակապետաց եկեղեցում, Ռումինիայի հայոց թեմի Տուտյան և Բոթոշանի Սուրբ Աստվածածին եկեղեցու թանգարաններում: Դրանք թվով շատ չեն, մեզ միայն մի քանի նմուշներ են հասել: Հաշվի առնելով Ռումինիայի հայկական գաղթօջախի երբեմնի հզորությունը, տեղի հայկական եկեղեցիների պատկառելի թվաքանակը, պատմիչների և ճանապարհորդների վկայությունները ռումինահայ համայնքի ունեցվածքի, ինչպես նաև եկեղեցասեր և աստվածավախ ռումինահայերի Երուսաղեմ հաճախ ուխտի գնալու մասին³⁰, կարող ենք ենթադրել, որ մասանց պահարաններն այստեղ շատ ավելի են եղել և պատմական տարբեր իրադարձությունների ու դեպքերի պատճառով գողացվել կամ կորսվել են:

Դատելով ընդհանուր գեղարվեստական առանձնահատկություններից, օրինակները միշտ չէ, որ պատրաստվել են հայ վարպետների կողմից, սակայն ամբողջովին համապատասխանում են Հայոց եկեղեցում օգտագործվող մատուցի պահարանների սկզբունքներին՝ ստեղծելով բազմազանություն ընդունված տիպաբանական հիմնական տեսակների մեջ: Այստեղ, իհարկե, կարող է որոշիչ նշանակություն ունենալ նաև պատվիրատուի կամ արդեն պատրաստի պահարանը գնողի ցանկությունը և ճաշակը:

Մատուցի խաչ-պահարաններ

Ինչպես ցույց է տալիս տարբեր հավաքածուների ուսումնասիրությունը, Հայոց եկեղեցում ընդգծված կերպով գերակշռում են մատուցի հավասարաթև խաչ-պահարանները: Դրանց ձևավորման հարցում վարպետներն ազատորեն կիրառել են մետաղագործական բոլոր տեխնիկաները՝ հորինվածքները դարձնելով հնարավորինս բազմազան: Պետք է նշել, որ բոլոր պահպանված օրինակները պատրաստված են 17-րդ դարից հետո: Միջնադարյան մատուցի խաչ-պահարանների վերաբերյալ որևէ դատողություն անել չենք կարող, քանի որ գրեթե չունենք պահպանված օրինակներ: Խաչ-պահարանները, որպես քրիստոնեական եկեղեցու գլխավոր մատուցի՝ Տիրոջ խաչափայտի խորհուրդ, քանակապես գերակշռում են նաև Ռուսական եկեղեցում³¹: Սակայն ի տարբերություն հայկական օրինակների, այստեղ հավասարաթև խաչ-պահարաններ հիմնականում չեն հանդիպում:

Ռումինիայի հայկական հավաքածուների մասանց պահարանների մեծ մասն ունի հավասարաթև խաչի տեսք: Դրանք տարբեր են ձևավորմամբ և տիպաբանորեն կարող են դասակարգվել հետևյալ կերպ.

29. Տապանակին կանդրադառնանք հետագայում՝ առանձին հոդվածով:

30. Գալիպագեան Յ. Ռումինահայ գաղութը. Երուսաղեմ, 1979, էջ 23:

31. Стерлигова И. Новозаветные реликвии в древней Руси, с. 29.

1. Ճաճանչավոր
2. Առանց ճաճանչների
3. Պատկերներով
4. Առանց պատկերների

Նմուշները պատրաստված են դրվագումով, փայլեցմամբ և գուգաթել-հատիկա-գարդամբ՝ կոման, արծնակիտման և ընդելուգման տեխնիկաների օժանդակու-թյամբ: Խմբավորել այս օրինակներն ըստ ոճի բավական դժվար է, քանի որ դրանք՝ լինելով տարբեր նվիրատուների ճաշակի արդյունք, գրեթե բոլորն էլ ինքնատիպ են:

Հավասարաթև խաչի տեսքով թիվ 115 մասանց պահարանը՝ կատարված դրվագ-ման տեխնիկայով (նկ. 1), թերևս միակ օրինակն է, որի վրա նշված է մասունքի պատ-կանելությունը: Ըստ դարձերեսին փորագրված հայերեն արձանագրության, այն պարունակում է Սուրբ Հովհաննես Մկրտչի (Կարապետի) մասունքը և 1846 թվին ընծայվել է Բոլխարեստի Սրբոց Հրեշտակապետաց եկեղեցուն (նկ. 2): Մասունքն ամփոփված է շրջանաձև խոռոչում, որը ներառված է խաչի քառակուսի կենտրոնի մեջ: Բոլոր խաչաթևերն արմավագարդի նմանվող ավարտ ունեն: Դրանցից վերինի և հորիզոնականների վրա պատկերներ են դրվագված, իսկ ստորինի վրա միայն բուսական մոտիվ է: Վերին խաչաթևին Տիրամայրն է մանկան հետ, ձախ թևին՝ հրեշտակապետ է, իսկ աջ թևին՝ սրբացված անմորուս հոգևորական, դատելով հագուստից՝ եպիսկոպոս: Մեր փնտրտուրը պատկերված հոգևորականին բացահայտելու ուղղությամբ դեռևս վերջնական արդյունք չի արձանագրել: Վարպետը չափագանց ժլատ է գտնվել ատրիբուտների պատկերման հարցում, ինչը խիստ դժվարացնում է նույնականացումը: Ընթերցելի չէ նաև պատկերին ուղեկցող գրությունը: Բացի այս, նկատվում է պատկերագրության ոչ լավ իմացություն. օրինակ՝ հրեշտակապետի դեմքի սշակման մեջ նշմարվում է նուրբ մորուք, ինչը հակասում է հրեշտակապետերի պատկերման կանոններին: Նրանք միշտ ներկայացվում են անմորուս:

19-րդ դարի սերբական մի սկիհի վրա հստակ ճանաչելի պատկերագրությամբ ներկայացված են Տիրամայրը, Միքայել հրեշտակապետը և Սուրբ Նիկողայոսը՝ նույնպիսի խույրով, ինչպիսին մեր խաչի սրբացված հոգևորականի դեպքում է³²: Սակայն, թիվ 115 խաչ-պահարանին պատկերված հոգևորականն անմորուս է, իսկ արևելաքրիստոնեական արվեստում Սուրբ Նիկողայոսի ընդունված պատկե-րագրությունը նրան ներկայացնում է մորուքով: Հնարավոր է, մեր խաչ-պահարանի վարպետը նույնպես նկատի է ունեցել սուրբ Նիկողայոսին, սակայն, ինչպես ցույց է տալիս հրեշտակապետին մորուքով պատկերելու փաստը, գուցե շփոթվել է³³:

Քանի որ մեր մասանց պահարանի դեպքում նույնպես մի կողմում հրեշտակապետ է, իսկ մյուս կողմում պատկերված կերպարը եպիսկոպոսական հագուստով է, ինչպես որ Սուրբ Նիկողայոսի ընդունված պատկերագրական ձևերից մեկն է, հետևաբար կարող ենք առաջ քաշել նման վարկած: Բացի այդ հայտնի են պատկերագրական օրինակներ, երբ Աստվածածինը պատկերվում է Սուրբ Նիկողայոսի հետ՝ որպես նրա բարեխոս և հովանավոր, ինչպես նաև հրեշտակապետերի հետ³⁴:

Դատելով պատկերներին ուղեկցող կիրիլյան գրերից (Տիրամորը և ենթադրյալ Սուրբ Նիկողայոսին), մասանց պահարանը հայ վարպետի աշխատանք չէ, այլ, ամենայն հավանականությամբ՝ տեղական մետաղագործի: Իսկ հայերեն նվիրատվական

32. Dautović V. Liturgical vessels from XIX century Serbian Orthodox churches: pictorial symbolic decoration of Eucharistic chalices (Литургијски сасуди у српским црквама XIX века: пикторална симболичка декорација Евхаристичјских путира) // «Зборник Матице српске за ликовне уметности» (Matica srpska. Journal for fine arts), № 42. Нови-Сад, 2014, с. 180.

33. 18–19-րդ դարերի արժարագործական իրերի մեջ մեզ արդեն հանդիպել են նմուշներ, որոնցում ակնհայտ են եղել վարպետի վրիպումներն ինչպես պատկերագրության, այնպես էլ գրությունների դեպքում:

34. Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 8. Freiburg, 1994, S. 49–50.

արձանագրությունն արված է հետագայում՝ պահարանը ձեռք բերելուց և մասունքը տեղադրելուց հետո: Հատկանշական է, որ գրությունները տարբերվում են ոչ միայն լեզվով, այլև փորագրման տեխնիկայով:

Մասանց պահարանն աչքի չի ընկնում շքեղ ձևավորմամբ և կատարման վարպետությամբ: Այն պարզ, շեշտված գծային մշակումով, ոչ շատ բարձր ռելիեֆային դրվագումով աշխատանք է: Եվ չնայած պրիմիտիվ արտահայտչամեթոդին, վարպետը դեմքերը, հագուստը, ժեստերը, մարմնի թեքվածությունը պատկերելիս, այնուամենայնիվ, կողմնորոշվել է անհատականացման սկզբունքով, այլ ոչ թե կրկնվող ձևերով կամ ընդհանրացումներով:

Դրվագման միջոցով է պատրաստված նաև ուշագրավ հարդարանքով հաջորդ խաչ-պահարանը, որը ոճով տարբերվում է մյուսներից: Տուտյան թանգարանում պահվող թիվ 100 ճաճանչավոր հավասարաթև այս խաչն ակնհայտորեն նախատեսված է եղել մասունքի համար (նկ. 3 և 4), սակայն մասունքի փորվածքը, որը, բնականաբար, խաչակենտրոնում է, դատարկ է, և կարելի է ենթադրել, որ չի ծառայել իր նպատակին, քանի որ համապատասխան հետքերը բացակայում են:

Հարթ, փայլեցված, կենտրոնից դեպի ծայրերը լայնացող խաչաթևերն ավարտվում են բյուզանդական խաչերին բնորոշ ներս ընկած կիսակլոր գծագրությամբ: Խաչաթևերին առանձին թիթեղներ են ամրացված՝ դրվագված ավետարանիչների և նրանց խորհրդանշանների պատկերներով: Վերջիններիս պատկերագրությունը և ոճը բնորոշ են 19-րդ դարի ինչպես ռումինական, ռուսական, այնպես էլ մյուս ուղղափառ մշակույթներին և հատկապես հաճախ են հանդիպում նույն շրջանի ավետարանների կազմերի վրա՝ շքեղ կամ պարզ հորինվածքով:

Կրիկորովիչ ընտանիքի անդամներից մեկի Յաչի Սուրբ Աստվածածին եկեղեցուն նվիրաբերած և ներկայում Բուխարեստի Սրբոց Հրեշտակապետաց եկեղեցուն պահվող մասունքի խաչ-պահարանը պատրաստված է թափանցիկ մշակումով՝ ձուլման եղանակով: Այն, ամենայն հավանականությամբ, պատվանդան է ունեցել կամ բուն, ինչի մասին վկայում է ստորին հատվածում առկա պտուտակը (նկ. 5 և 6): Մասանց պահարանն ամփոփում է սրբի հագուստից մի կտոր, սակայն դարձերեսին փորագրված արձանագրությունը չի հայտնում, թե որ սրբի հագուստի մասնիկն է: Նվիրաբերման թվականը ևս բացակայում է (հնարավոր է, այս տեղեկությունները նշված են եղել պատվանդանի վրա):

Նմուշն աչքի է ընկնում շքեղ հորինվածքով: Հավասարաթև ճաճանչավոր խաչի չորս թևերը ձևավորված են նրբագեղ բուսածաղկային զարդամոտիվով, որի ներսում արեգակնաձև ճաճանչագարդն է՝ կենտրոնում հրեշտակի գլուխ: Խաչի դիմային և հակադարձ երեսները նույնական են: Դիմային երեսի կենտրոնում շրջանաձև մասնախտոշն է: Դարձերեսի այդ տեղում արձանագրությունն է:

Հակված ենք կարծելու, որ վերը ներկայացված երեք խաչ-պահարանները ստեղծվել են անմիջապես Ռումինիայում՝ 19-րդ դարում: Բացառված չէ, որ դրանք պատրաստողների մեջ եղել են նաև հայ վարպետներ, սակայն, քանի որ նմուշները չունեն հիշատակում վարպետի ով լինելու մասին, ապա հնարավոր չէ որևէ վարկած առաջ քաշել: Բացի այդ, բերված օրինակներն իրականացված են տարբեր ոճերով, ինչը նույնպես թույլ չի տալիս հստակեցնել վարպետների ձեռագրերը:

Հաջորդ երկու խաչ-պահարանների հիմնական հարդարանքը փայլեցման տեխնիկայով արված մշակումն է և մակերեսի նկատմամբ ցցում, վերադիր մուգ քարերի կիրառումը:

Հայոց թեմի արքեպիսկոպոսարանում պահվող Երուսաղեմից բերված ճաճանչավոր խաչ-պահարանն ամբողջովին փայլեցված է (նկ. 7 և 8): Սրբագան քար ամփոփող այս օրինակի դարձերեսին հայերեն նվիրատվական արձանագրություն է փորագրված՝

1833 թվականին վերաբերող³⁵: Մեկական քարով շեշտված խաչաթևերը կիսակրոն ավարտ ունեն: Խաչաթևերի միջանկյալ տարածությունները զբաղեցված են մեկական ծավալային ճառագայթով: Մասունքը տեղադրված է խաչի կենտրոնում:

Խաչի կենտրոնում մասունքի տեղադրված լինելը, ինչը բնորոշ է բոլոր խաչ-պահարանների, պատահական չէ: Այս կարևորագույն միջակայքում էր գտնվում Քրիստոսի մարմինը խաչելության ժամանակ, ինչի վկայությունը գտնում ենք նաև գեղանկարչության, քանդակի, եկեղեցական սպասքի և կիրառական արվեստի օրինակներում: Նույն միջակայքը կարևորվում է նաև խաչի օժան ծեսի ժամանակ. առաջինն օժվում է ակը՝ կենտրոնը, ապա՝ թագը, խաչաթևերը, վերջում՝ բունը³⁶:

Մյուս հուշարձանին՝ Բոթոշանի Սուրբ Աստվածածին եկեղեցու թանգարանում պահվող ճաճանչավոր խաչ-պահարանին բնորոշ են նույն գեղարվեստական և ոճական հատկանիշները (նկ. 9 և 10): Հագուստի մասնիկ ամփոփող այս օրինակի խաչաթևերը ևս շեշտված են մեկական քարով, սակայն ավարտվում են եռատերևով և գնդով: Ըստ դարձերեսի փորագրված 1842 թվականի հայերեն արձանագրության, նախորդ խաչի պես, այս օրինակը ևս ընծայվել է Սուրբ Երրորդություն եկեղեցուն: Չնայած պատրաստման վայրի մասին որևէ հուշում չկա, սակայն՝ հաշվի առնելով ոճական նմանությունները և նվիրաբերման միմյանց մոտ տարեթվերը, կարող ենք ենթադրել, որ նույն վարպետի կամ նույն վայրի գործեր են:

Տարբեր հավաքածուներում պահվող 18–19-րդ դարերի հայկական խաչ-պահարանները դիտարկելիս կարելի է առանձնացնել դրանց որոշակի մի խումբ՝ խաչաթևերի հատման կետից դուրս եկող մեկական երկար կամ կարճ ճաճանչով: Նման ձևավորումը հաճախ է հանդիպում հատկապես այն օրինակներում, որոնցում բացակայում են գարդամոտիվները կամ պատկերները, իսկ փայլեցումը, ընդելուզումը և խաչաթևերի ծայրերի տարբեր կտրվածքներով սշակումը հանդես են գալիս որպես հիմնական գեղարվեստական արտահայտչամիջոցներ: Հաշվի առնելով այս տեսակի լայն տարածումը, վստահորեն կարող ենք ասել, որ այն ճաճանչավոր խաչ-պահարանների խմբում առանձին ենթախումբ է կազմում: Մեծ է հավանականությունը նաև, որ այս ենթախմբին վերաբերող օրինակները հայ վարպետների գործեր են:

Բոթոշանում պահվող մյուս ճաճանչավոր հավասարաթև խաչ-պահարանը պատրաստված է նույն կերպ՝ խաչաթևերի հատման կետից ծագող մեկական ճաճանչով (նկ. 11 և 12): Եռատերևի տեսքով ավարտվող խաչաթևերին տեղադրված են բյուրեղապակյա կաբոշոններ, իսկ խաչակենտրոնում բյուրեղով ծածկված շրջանաձև խոռոչն է, որի ներսում նշմարվում են ուղեկցող գրությունների ծավված թերթերը: Կարևորված է նաև խաչ-պահարանի դարձերեսը, որի մեջտեղում խաչված Քրիստոսի ձուլածո պատկերն է: Թերևս սա միակ նմուշն է, որ պարունակում է մեկից ավել մասունքներ: Այդ մասին են հուշում հոգնակի թվով գրությունները, որոնք, սակայն, դեռևս ի հայտ չեն բերել, թե ինչ մասունքներ են այստեղ ամփոփված: Խաչ-պահարանը չունի նվիրատվական արձանագրություն: Ձևից և ոճական առանձնահատկություններից դատելով, կարող ենք ենթադրել, որ այն նույնպես 19-րդ դարի աշխատանք է:

Հաջորդ, թիվ 161 և 162 մասունքի խաչ-պահարանները թեմի հավաքածուների գուգաթեյ-հատիկագարդման եղանակով ձևավորված եզակի օրինակներ են:

Թիվ 161 մասունքով խաչը հավասարաթև է՝ առանց ճաճանչների, արմավագարդ վերջավորություններով: Մակայն ի տարբերություն թիվ 115 մասանց պահարանի, արմավագարդերն այստեղ սլաքաձևություն ունեն (նկ. 13 և 14): Խաչի մի երեսին ինը բներ են գետեղված. մեկը, որի մեջ մասունքն է ամփոփված, կենտրոնում է, մյուսները

35. Կան նմուշներ, որոնք դեռևս չունեն հստակ համարակալում, այդ պատճառով ներկայացնում ենք առանց թանգարանային համարի:

36. Գիրք Մեծ Մաշտոց կոչեցեալ. Կոստանդինուպոլիս, 1807, էջ 208:

երկուական բաշխված են խաչաթևերի վրա: Այս ութ բներից յոթը վնասված են, իսկ մեկուն կիսաթանկարժեք քար է ագուցված:

Մյուս երեսի հորինվածքը գրեթե նույնական է՝ նույնպես խիստ վնասված. կենտրոնում արծնակիտունան միջոցով ներկայացված են «Ադամը և Եվան դրախտում», իսկ նրանց շուրջը՝ խաչաթևերին, չորս զուգաթել-հատիկազարդ վարդյակներ են: Դատելով պահպանված հետքերից, խաչի արմավածն վերջավորությունների միջնադաշտը ևս ձևավորված է եղել, սակայն դժվար է հստակ ասել, թե ինչպես:

Արմավածն թևերով, զուգաթել-հատիկազարդումով հավասարաթև խաչ-պահարաններ հաճախ են հանդիպում: Հատկապես աչքի են ընկնում 18–19-րդ դարերում Վան-Վասպուրականում պատրաստված օրինակները, որոնցից որոշներն այժմ պահվում են Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի թանգարաններում: Մեր խաչի պարագայում նույնպես կարծում ենք, որ այն 18–19-րդ դարերի աշխատանք է:

Զուգաթել-հատիկազարդումով խաչ-պահարանները լինում են ինչպես անթափանց, այսինքն՝ թիթեղի վրա արված, թիվ 161-ի օրինակով, այնպես էլ թափանցիկ, ինչպիսին հաջորդ նմուշն է՝ թիվ 162-ը: Հավասարաթև այս խաչ-պահարանի թևերն, ի տարբերություն նախորդի, ավարտվում են եռատերևներով (նկ. 15 և 16): Մի երեսի կենտրոնում շրջանաձև խոռոչն է՝ մատունքով, իսկ խաչաթևերի ծայրերին վերադիր քարեր են ագուցված: Մյուս երեսի կենտրոնում ամրացված է խաչված Քրիստոսի ձուլածո պատկերը, իսկ խաչաթևերի ծայրերին էլի քարեր են, ինչպես մյուս երեսին: Խաչի վերնամասում երկու օղակ է պահպանվել՝ շղթայի համար:

Զուգաթել-հատիկազարդումը մեծ տարածում ուներ ոչ միայն Վան-Վասպուրականում, այլ նաև հայկական մյուս արժաթագործական կենտրոններում: Այն ընդունված էր նաև Օսմանյան կայսրությանը հպատակ երկրներում, օրինակ՝ բալկանյան ժողովուրդների ավանդական մշակույթում: Շատ դեպքերում խաչ-պահարանների այս խմբի նմուշներն ունեն ոճական, կատարողական ընդհանրություններ, չնայած պատրաստված են տարբեր մշակութային և դավանաբանական միջավայրերում: Այսուհանդերձ, դրանք մեծ թվով ներկայացված են հայկական եկեղեցիներում և ի հայտ են բերում 18–19-րդ դարերում դրանցում գոյություն ունեցող գեղարվեստական նախընտրությունները, որոնցով էլ պայմանավորված էր տվյալ տիպի առարկաների պատվիրումը: Հակված ենք կարծելու, որ վերջիններս՝ ընդունված լինելով Հայոց եկեղեցու և նրա նվիրատուների կողմից, հիմնականում հայ վարպետների գործեր են՝ պատրաստված հայկական արժաթագործական կենտրոններում:

Այսպիսով, ներկայացված խաչ-պահարանների դիտարկումը հանգեցնում է հետևյալ եզրակացություններին.

1. Բերված օրինակները պատրաստված են 18–19-րդ դարերում:
2. Օրինակներից երեքը պատրաստված են Ռ-ումինիայում, իսկ մյուսները, ամենայն հավանականությամբ՝ հայկական արժաթագործական կենտրոններում:
3. Բերված նմուշները լրացնում և հստակեցնում են Հայոց եկեղեցում կիրառվող խաչ-պահարանների տիպաբանական տեսակների մասին պատկերացումները:
4. Որոշ դեպքերում, պատրաստված չլինելով հայ վարպետի կողմից, ներկայացված նմուշն այնուամենայնիվ ցուցադրում է Հայոց եկեղեցու, հայ հոգևորականի և նվիրատուի ընտրությունը՝ պայմանավորված գեղարվեստական նախապատվությամբ:

Մատունքի աջ-պահարաններ

Ռ-ումինիայի հայոց թեմի հավաքածուներում կա ընդամենը երկու աջ-պահարան: Երկուսն էլ տեղական աշխատանքներ են: Մեկը պատրաստվել է բոլորովին վերջերս՝ Հայոց եկեղեցու պատվերով, մյուսը 19-րդ դարի գործ է, որն էլ կոիտարկենք այստեղ: Երկու աջ-պահարաններն էլ ամփոփում են Սուրբ Հովհաննես Կարապետի մատունքները:

Սուրբ Գրիգոր Լուսավորչի կողմից Հովհաննես Կարապետի մասունքները Մշո Իննակյան (Սուրբ Կարապետ) վանքում ամփոփելուց հետո, սուրբը սկսեց դիտվել որպես Հայոց աշխարհի երկնային պաշտպան³⁷ և բնավ զարմանալի չէ նրան վերաբերող մասունքների քանակական գերակշռությունը:

Մարդու մարմնի մասերի ձև ունեցող մասանց պահարաններն ի հայտ են եկել Արևմուտքում թերևս 9-րդ դարի վերջից, բայց առավել կարևորում են ստացել միայն 12–13-րդ դարերից սկսած³⁸: Կարելի է հանդիպել մասունքի պահարաններ գլխի, ոտքի, ձեռքի, մատների տեսքով: Ամենատարածվածը գլուխներն ու աչքերն են՝ մարդու մարմնի ամենից արտահայտիչ և ամենից ակտիվ հաղորդակցություն իրականացնող մասերը. աչքերը կարևոր են տեսողական շփման համար, բերանը՝ խոսքի, ձեռքը՝ ժեստի³⁹, ինչպես նաև օրինության: Ըստ Մ. Հանի, այս տեսակի մասանց պահարանների դեպքում առաջին հերթին կարևորվում է գործառույթը և պարտադիր չէ, որ ամփոփված մասունքը պատկանի սրբի մարմնի այն մասին, որի ձևով ներկայացված է մասանց պահարանը⁴⁰:

Հայոց եկեղեցում մարմնի մասերի ձև ունեցող մասանց պահարանները լայն գործածություն չունեն: Եվ միայն աչքերն են, որ կիրառվում են տարբեր ծեսերի ժամանակ. Սուրբ Գրիգոր Լուսավորչի աչքն օրինակ՝ նյութն օրինության, կաթողիկոսի օժման, եկեղեցու կարևորագույն տոների կապակցությամբ, ինչպես նաև երկրի համար օրհասական պահերին:

Ուղղափառ եկեղեցին չի օգտագործում մարմնի մասերի տեսքով մասանց պահարաններ: Եզակի օրինակ է ներկայում Ստամբուլի Թուպկապի թանգարանում պահվող Սուրբ Հովհաննես Մկրտչի աչքը, որն իր սկզբնական տեսքով չէ՝ ուշ շրջանի իտալական գործ է և թերևս կապ չունի Բյուզանդական եկեղեցու հետ⁴¹: Աննա Բալլյանն այս առիթով նշում է նաև Սուրբ Մարինայի ձեռքի ավի ուրվագծի մասին⁴²:

Ինչպես գտնում է մասանց պահարանների հայտնի ուսումնասիրող Իոլի Կալավրեցուն, ձեռք-բազկի ձև ունեցող մասանց պահարանը չի համապատասխանում Բյուզանդական կանոնին և անսովոր է: Նմանատիպ մասանց պահարաններից խուսափում էին հավանաբար այն պատճառով, որ՝ սուրբ մասունքի ամփոփարան լինելով, դրանք կամ չափազանց նման էին իրական մարմնի մասի, կամ մոտ էին կլոր քանդակի⁴³: Բյուզանդացիները նախընտրում էին ոսկորները թողնել բաց վիճակում՝ որպես ապացույց: Դրանց ծայրին, ինչպես նաև հողերին ամրացնում էին արծաթե կամ ոսկե ժապավեն՝ ուղեկցող գրությամբ առ այն, թե ում մասունքն է, ապա տեղադրում ուղղանկյուն տուփի մեջ⁴⁴:

Հայոց եկեղեցում նույնպես ողջունելի չէր կլոր քանդակը: Այս դեպքում հարց է ծագում, թե ե՞րբ և ինչպե՞ս այն ընդունեց մասանց աչք-պահարանները, որոնց մեզ հասած օրինակները բազմաթիվ են: Դրանց մեջ իր կարևոր տեղն է գրավում Սուրբ Գրիգոր Լուսավորչի մասանց աչք-պահարանը: Ըստ վերջերս շրջանառվող տեսակետի, Լուսավորչի մասունքը դեռևս 5-րդ դարում է ամփոփվել աջի տեսք ունեցող պահարանի մեջ⁴⁵:

37. Օրմանեան Սրբ. Մ. Ազգայնատուն: Հայ Ուղղափառ եկեղեցույ անցքերը սկիզբէն մինչև մեր օրերը յարակից ազգային պարագաներով պատմութ. Հատ. Ա. Ամբիլիաս, 2001, էջ 46:

38. *Bynum C., Gerson P.* Body-Part Reliquaries and Body Parts in the Middle ages // "Gesta". Vol. 36, № 1. Chicago, 1997, p. 4.

39. Նույն տեղում, էջ 5:

40. *Hahn C.* The Voices of the Saints: Speaking Reliquaries // "Gesta". Vol. 36, № 1. Chicago, 1997, p. 20.

41. *Kalavrezou I.* Helping Hands for the Empire, pp. 68–69.

42. *Ballian A.* The Treasury of the Monastery of Saint Sophia at Sis // Armenian Relics of Cilicia from the Museum of the Catholicosate in Antelias, Lebanon / Ed. by A. Ballian. Athens, 2002, p. 88.

43. *Kalavrezou I.* Helping Hands for the Empire, pp. 68–69.

44. Նույն տեղում:

45. *Սահակյան Ս.* Լուսավորչի աչք // Քրիստոնյա Հայաստան հանրագիտարան. Երևան, 2002, էջ 417:

Ընդհանուր առմամբ, Լուսավորչի մատուրների մասին բազմաթիվ աղբյուրներ են հայտնում: Մակայն աջի՝ որպես առանձին մատուրքի մասին դրանցում խոսվում է 5-րդ դարից շատ ավելի ուշ: Որպես գլխավոր սրբություն այն հիշատակվում է էլ ավելի ուշ՝ 12-րդ դարի հեղինակ Ներսես Շնորհալու մոտ⁴⁶: Այսպիսով, վաղ շրջանի աղբյուրներից և ոչ մեկը չի հայտնում բազկի տեսքով պահարանի մասին, այն դեպքում, երբ ամենակարևոր մատուրքի պահարանը չէր կարող աննկատ մնալ պատմիչների կողմից⁴⁷: Շեռտաբար, չենք կարող ընդունել այն տեսակետը, թե արդեն 5-րդ դարում մատուրքներն ամփոփվել են աջի տեսքով պահարանների մեջ: Եվ եթե հիշենք, որ մարդու մարմնի մասերի ձև ունեցող մասանց պահարանների գործածությունը Արևմուտքում ձևավորվել է 9-րդ դարի վերջից և առավել կարևորվել 12–13-րդ դարերից սկսած, ապա պիտի ընդունենք, որ աջի տեսքով պահարանը պատրաստվել է ավելի ուշ:

Հստակ է այն փաստը, որ 15-րդ դարում Լուսավորչի աջն արդեն ամփոփված է եղել աջի տեսքով մատուրքի պահարանի մեջ: Սրա անհերքելի ապացույցը գտնում ենք Երևանի Մեսրոպ Մաշտոցի անվան Մատենադարանի 1461 թվականի «Ձեռնադրության մաշտոց» ձեռագրում (Մ 4997), որտեղ եպիսկոպոսի ձեռնադրության (11 թ) և կաթողիկոսի օծման (50 թ) տեսարաններում պատկերված է աջը: Դիտարկելով ծիսակարգը, արվեստաբան Էդդա Վարդանյանը գալիս է այն եզրակացության, որ պատկերվածը Գրիգոր Լուսավորչի աջն է⁴⁸:

Ինչպես վերը նշվեց, աջ-պահարանների գործածությունը բնորոշ էր Արևմտյան եկեղեցուն: Շեռտաբար, հավանական է, որ դրանք մեր եկեղեցի են թափանցել արևմտյան ազդեցության արդյունքում: Եվ ուրեմն, կարելի է ենթադրել, որ մեզ մոտ աջ-պահարանները սկսել են գործածվել մոտավորապես այն ժամանակաշրջանում, երբ Հայոց եկեղեցին ընկրկեց կաթոլիկ ճնշման առջև՝ հանդուրժելով որոշակի ներմուծումներ: Հատկանշական է, որ աջ-պահարանների տարածումն Արևմուտքում համընկավ այն ժամանակաշրջանին, երբ Հայկական Կիլիկիայում կաթոլիկանետ քայլեր ձեռնարկվեցին՝ 12-րդ դարի վերջին և 13-րդ դարի սկզբին⁴⁹: Այս շրջանում փոփոխություններ տեղի ունեցան նաև Հայոց եկեղեցու սպասավորների ծիսական հագուստում՝ փոխառվեցին տարրեր Լատին եկեղեցուց⁵⁰: Շեռտաբար, աջ-պահարանների ներմուծումը նշված շրջանում ևս հնարավոր էր: Մեր այս վարկածը հաստատող վստահելի փաստարկներից են Հայոց եկեղեցու աջ-պահարանների ամենավաղ օրինակները՝ հստակ թվագրությամբ: Այսպես, Մուրբ Նիկողայոսի աջը, որ թվագրություն ունեցող ամենահին օրինակն է, համաձայն հայերեն արձանագրության «կազմվել» է 1315 թվին Կիլիկիայում: Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնում պահվող

46. Թուրք ընդհանրական, արարեալ երիցս երանեալ Սուրբ Հայրապետին մերոյ տեսան Ներսիսի Շնորհալույ. Ս. Էջմիածին, 1865, էջ 2:

47. Ս. Գր. Լուսավորչի աջի վերաբերյալ գրավոր աղբյուրների մանրամասն քննությունը տե՛ս *Koչuyumjian D. The Right Hand of St. Gregory and other Armenian Arm Relics // Les objets de la mémoire. Pour une approche comparative des reliques et de leur culte*. Bern et al., 2005, pp. 1–18.

48. *Vardanyan E. Un Maštoc' d'ordination et de sacre royal du XVe siècle // "Revue des Études Arméniennes"*, № 29. Paris, 2003–2004, p. 188.

49. Տե՛ս Տն. Ներսեսի Լամբրոնացոյ Տարսնի եպիսկոպոսի Առնեաբանութիւն եւ թուրք եւ ճառք. Վենետիկ, 1838, էջ 203–242; Սրբոյն Ներսեսի Լամբրոնացոյ Տարսնի Եպիսկոպոսի Խորհրդածութիւնք ի կարգս եկեղեցոյ եւ մեկնութիւն խորհրդոյ պատարագին. Վենետիկ, 1847:

50. Տե՛ս *Սմբատյան Ն.* Հայկական եկեղեցական սաղավարտների և վականների գեղարվեստական նկարագիրը (Բոլխարեսաի հայկական եկեղեցու թանգարանի նմուշների օրինակով) // «Անտառ ծննդոց». Ֆելիքս Տեր-Մարտիրոսովի հիշատակին նվիրված հոդվածների ժողովածու. Երևան, 2015, էջ 499–513:

Հովհաննես Մկրտչի աջով խաչ-պահարանը նույնպես պատրաստվել է Կիլիկիայում՝ Ադանա քաղաքում, 14-րդ դարում⁵¹:

Բերված հիմնավորումները թույլ են տալիս եզրակացնելու, որ աջ-պահարանները Հայոց եկեղեցի են ներթափանցել կիլիկյան միջավայրով: Այլ փաստարկներ հայթայթելու դեպքում, այս վարկածը կարող է կամ լիարժեքորեն հիմնավորվել, կամ՝ կասկածի տակ դրվել:

Հայ վարպետների ստեղծած և Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի թանգարանում, ինչպես նաև այլ հաստատություններում պահվող օրինակներին հակառակ, Բուխարեստի Սրբոց Հրեշտակապետաց եկեղեցում պահվող մասունքի աջ-պահարանն իր ձևավորմամբ շքեղ չէ (նկ. 17 և 18): Ըստ արձանագրության, այն նվիրաբերվել է 1892 թվականին: Նշված չէ, թե որ եկեղեցուն է ընծայվել, սակայն հիշատակված է Իպրայիլը՝ Ռումինիայի ներկայիս Բրայլա քաղաքը, որտեղ մինչ օրս գործում է հայոց Սուրբ Աստվածածին եկեղեցին:

Օրինող դիրքով ներկայացված աջի գուսպ հարդարանքը լրացնում են դաստակի և արմունկի հատվածները բոլորող վերադիր թիթեղները, որոնք դրվազված են փարթամ բուսածաղկային մոտիվով: Թիթեղների միջև՝ նախաբազկին, տեղադրված է նվիրատվական արձանագրությունը, որը՝ ծածկելով աջի դրսային երեսը, կատարում է նաև ձևավորող դեր: Բյուրեղապակով ծածկված մասունքի շրջանաձև խոռոչը տեղադրված է ձեռքի արտաքին երեսին: Մասունքից բացի, խոռոչում նշմարվում են մարգարտի և կանաչ քարի (հնարավոր է, գնրուխտի) հատիկներ:

Փարթամորեն դրվազված ժապավեն-բազկապատերը, դրանց միջև ընկած նվիրատվական արձանագրությունը և մասունքի խոռոչը՝ հերթագայելով միմյանց, ուրիշ և հավասարակշռություն են ստեղծում աջի հարթ, փայլեցված, մանրամասներից գուրկ մակերեսի վրա՝ ծառայելով որպես հիմնական արտահայտչամիջոցներ:

Այս ոճը՝ հարթ մակերեսների գերակշռությամբ և զարդանախշերի սակավությամբ, բնորոշ է 19-դ դարի ռումինական արձաթագործությանը, որը շեշտը դնում էր առարկայի ձևի վրա՝ գեղարվեստական լուծման մեջ այն վերադասելով զարդարուն մանրամասներին⁵²: Շքեղությամբ և փարթամ բուսածաղկային մոտիվներով հայտնի հետքերանկովյան ոճին հաջորդած այս նոր ոճը՝ ազդված լինելով Եվրոպայում տարածված կայսերական ոճից, պարզություն և թարմություն բերեց գեղարվեստական մտածողության մեջ⁵³:

Ամփոփելով, կարող ենք արձանագրել, որ ռումինահայ թեմի հավաքածուներում պահվող մասանց պահարանները, որոնք, ինչպես ենթադրում ենք, հիմնականում պատրաստված են ոչ հայ վարպետների ձեռքով, սակայն Հայոց եկեղեցու կանոնին համահունչ, լրացնում են մասանց պահարանների տեսակային բազմազանությունը: Ինչպես ասվեց, այստեղ ևս գերակշռում են մասանց հավասարաթև խաչ-պահարանները՝ տարբեր գեղարվեստական լուծումներով: Ինչ վերաբերում է Հայոց եկեղեցու ծիսակարգում իրենց հաստատուն տեղը գտած մասանց աջ-պահարաններին, ապա դրանք Արևմտյան եկեղեցու ազդեցության արդյունք են՝ ներմուծված Հայոց եկեղեցու պատմության կիլիկյան շրջանից ոչ շուտ: Մինչ այդ, հավանականորեն, սրբերի աջերն ունեցել են ամփոփելու այլ ավանդույթ:

51. *Kouyoumjian D.* The Armenian Catholicosate of Cilicia. History, Treasures, Mission. Lebanon-Anthlias, 2015, p. 179–181. Տիգրան Կույումջյանն իր այս հոդվածում մերժում է Սուրբ Նիկողայոսի աջի թվագրության տարածված ընթերցումը՝ 1325 թվական, և հաստատում 1315 թվականը: Սուրբ Նիկողայոսի աջի ոճական և գեղարվեստական վերլուծությունը տե՛ս *Ballian A.* The Treasury of the Monastery of Saint Sophia at Sis, pp. 87–93.

52. *Simon V.* Masterpieces of the Precious Metalwork Art in Romania (Capodopedere ale Artei metalor Prețioase din România). Bucharest, 1997, p. 35–36.

53. Նույն տեղում, էջ 35:

Նկարներ

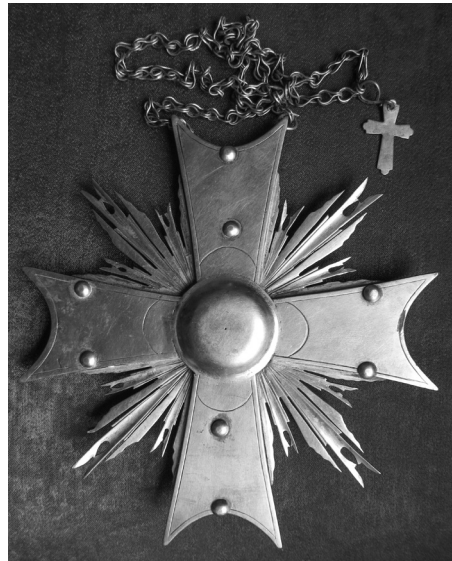
Նկ. 1. Թիվ 115. Մասանց խաչ-պահարան Սուրբ Կարապետի մատուցրով, 19-րդ դար (մինչև 1846 թ.), Ռ-ումինիա (?): Սրբոց Հրեշտակապետաց եկեղեցի, Բոխարեստ:

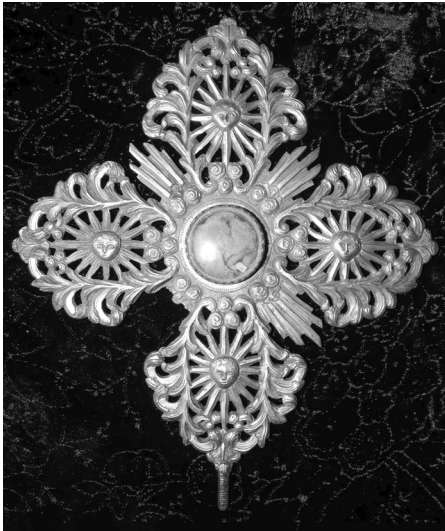
Նկ. 2. Թիվ 115. Դարձերեսը՝ նվիրատվական արձանագրությամբ:

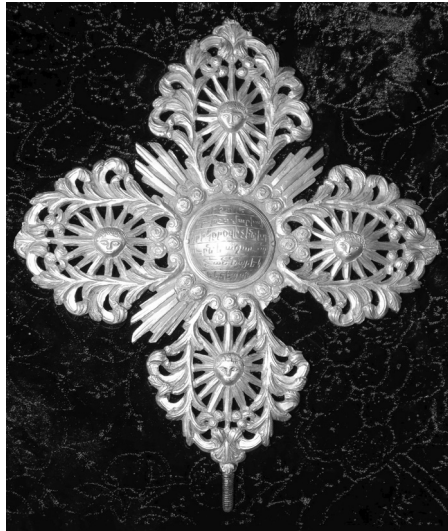
Նկ. 3. Թիվ 110. Մասանց խաչ-պահարան, 19-րդ դար, Ռ-ումինիա (?): Ռ-ումինիայի հայոց թեմի Տուսյան քանդարան, Բոխարեստ:

Նկ. 4. Թիվ 110. Դարձերես:

Նկ. 5. Մասանց խաչ-պահարան հագուստի կտորով, 19-րդ դար, Ռումինիա (?): Սրբոց շրջնապատկանաց նկերեցի, Բուխարեստ:

Նկ. 6. Մասանց խաչ-պահարան հագուստի կտորով, 19-րդ դար, Ռումինիա (?): Դարձերեւո՛ր՝ նվիրատվական արձանագրությամբ: Սրբոց շրջնապատկանաց նկերեցի, Բուխարեստ:

Նկ. 7. Մասանց խաչ-պահարան Երուսաղեմից բերված սուրբ քարով, 19-րդ դար (մինչև 1833 թ.): Ռումինիայի հայոց քենի արքեպիսկոպոսարան, Բուխարեստ:

Նկ. 8. Մասանց խաչ-պահարան Երուսաղեմից բերված սուրբ քարով, 19-րդ դար (մինչև 1833 թ.): Դարձերեւո՛ր՝ նվիրատվական արձանագրությամբ: Ռումինիայի հայոց քենի արքեպիսկոպոսարան, Բուխարեստ:

Նկ. 9. Մասանց խաչ-պահարան հագուստի կտորով, 19-րդ դար (մինչև 1842 թ.): Մուրբ Աստվածածին եկեղեցու քանդարան, Բորոշան:

Նկ. 10. Մասանց խաչ-պահարան հագուստի կտորով, 19-րդ դար (մինչև 1842 թ.): Դարձերեսը՝ նվիրատվական արձանագրությամբ: Մուրբ Աստվածածին եկեղեցու քանդարան, Բորոշան:

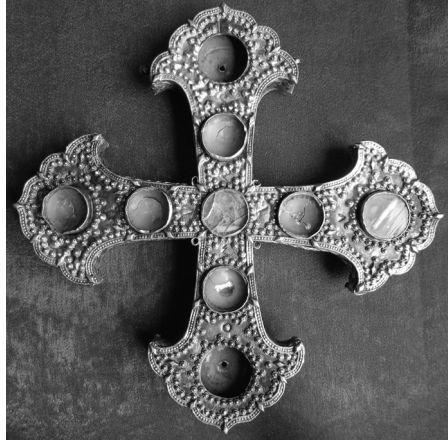

Նկ. 12. Մասանց խաչ-պահարան տարբեր մասունքներով, 19-րդ դար: Դարձերես: Մուրբ Աստվածածին եկեղեցու քանդարան, Բորոշան:

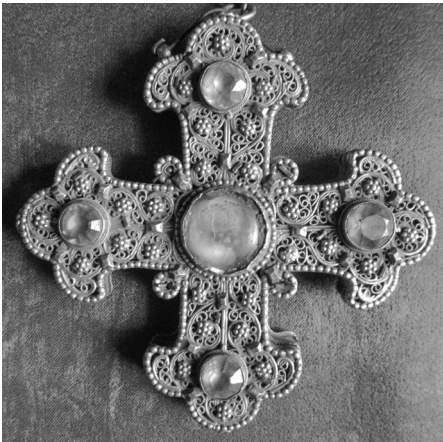
Նկ. 11. Մասանց խաչ-պահարան տարբեր մասունքներով, 19-րդ դար: Մուրբ Աստվածածին եկեղեցու քանդարան, Բորոշան:

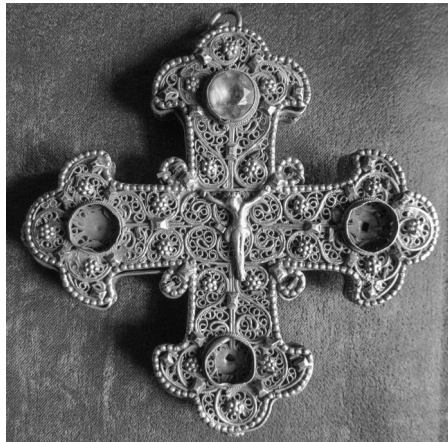
Նկ. 13. Թիվ 161. Մասանց խաչ-պահարան, 18–19-րդ դարեր (?): Ռումինիայի հայոց թեմի Տուտյան քանդարան, Բուխարեստ:

Նկ. 14. Թիվ 161. Դարձերես:

Նկ. 15. Թիվ 162. Մասանց խաչ-պահարան, 19-րդ դար (?): Ռումինիայի հայոց թեմի Տուտյան քանդարան, Բուխարեստ:

Նկ. 16. Թիվ 162. Դարձերես:

Նկ. 17. Թիվ 117. Մատուրի աչ-պահարան, 19-րդ դար (մինչև 1892 թ.), Ռումինիա:
Սրբոց Հրեշտակապետաց եկեղեցի, Բուխարեստ:

Նկ. 18. Թիվ 117. Դարձերես:

Summary

Mariam Vardanyan,

Lecturer of the Chair of Armenian Art History and Theory,
Yerevan State University

Reliquaries in the collections of the Armenian Diocese of Romania

The reliquaries in the Armenian Church can have compound or simple solution. They can be in the form of brick-shaped boxes, crosses, arks but the cross-shaped examples predominant. The purpose of the article is to present the reliquaries preserved in the collections of the Armenian Diocese of Romania, which have never been studied before. The specimens considered here are Greek crosses and a reliquary hand. Most of the relics are unknown, since the inscriptions on the objects do not contain information about this, and the paper records accompanying the relics are not readable. Only the inscription on one of the crosses tells about the relic of St. John the Baptist. Three of the examples, as we tend to think, are made in the 19th century in Romania, most likely not by Armenian masters. The others, more possible, were made by the Armenian masters in the Armenia silverwork centers. Not always made by Armenian masters, the specimens in question are fully consistent with the principles of reliquaries used in the Armenian Church, creating diversity among the main accepted types.

From the reliquaries of the body-part type only arm-reliquaries are used in the Armenian Church. The arm-reliquary preserved in the Holy Archangels' Church in Bucharest was made in 19th century. It is not luxurious in its design, unlike the examples made by the Armenian masters. The tradition of arm-reliquaries has penetrated the Armenian Church as a result of Western influence, as the use of them was typical for the Western Church. We tend to think that this type of reliquary first entered the tradition of the Armenian Church in the Cilician period of its history, when certain tendencies towards the Catholic Church were outlined. In general, this phenomenon is noticeable in Cilicia since the end of 12th century. And it was just this period when changes took place in the complex of Armenian liturgical vestments adopting elements from the Latin Church. It is also important to note that the exact dated earliest arm-reliquaries that have come down to our times were made in Cilicia in 14th century.

Ընտրական սկզբունքի մուտքը Հայ Առաքելական եկեղեցի (1906–1914 թթ.)

Մաթենիկ Ավոյան

պատմական գիտությունների թեկնածու, Հայաստանի Հանրապետության Արագածոտնի մարզպետարանի Կրթության, Մշակույթի և Սպորտի վարչության Մշակույթի և Սպորտի բաժնի պետ

Ռուսական առաջին հեղափոխության շունչը զգացվեց նաև Մայր Աթոռում, որտեղ՝ հասարակական պահանջի թելադրանքով, ծնունդ առան *բարենորոգչական որոշակի* տրամադրություններ: Ամենայն հայոց կաթողիկոս Մկրտիչ Խրիմյանը շտապեց մեկը մյուսի ետևից կոնդակներ հրապարակել: Ըստ 1906 թվի մայիսի 10-ի նրա ստորագրած կոնդակի՝ ժողովուրդն իրավունք էր ստանում իր ներկայացուցիչների միջոցով մասնակցելու ոչ միայն կաթողիկոսի և քահանաների, այլև թեմակալ առաջնորդների, թեմերի անդամների, և հոգևոր աստիճանների անդամների ընտրությանը¹: Հայ եկեղեցու Կանոնադրության համաձայն, թեմերի առաջնորդներին նշանակում էր կայսրը՝ կաթողիկոսի առաջադրած թեկնածուներից: Այսինքն, օրենքը չէր նախատեսում թեմի առաջնորդի ընտրություններ: Մա նշանակում է, որ Մկրտիչ Խրիմյանի մայիսի 10-ի կոնդակը շրջանցում էր Ռուսաստանի օրենսդրությունը: Եվ չնայած դրան, այն չբողոքարկվեց կայսերական վարչակարգի կողմից, և ընտրական սկզբունքը սկսեց գործել ռուսահայոց թեմերում:

Մկրտիչ Ա. Վանեցուն, նույն Մկրտիչ Խրիմյանին, հաջորդած Մատթեոս Բ Իզմիրլյանը (Կոստանդնուպոլսեցի) կաթողիկոսական աթոռին հաստատվելուց կարճ ժամանակ անց, աստիճանաբար սկսեց ավելի անկախ գործունեություն ծավալել: 1910 թվի մայիսի 28-ին նա թեմերի ղեկավարներին ուղարկեց «Թեմակալ ժողովների մասին ժամանակավոր հրահանգներ» վերտառությամբ կոնդակը: Վերջինիս համաձայն Հայոց եկեղեցու թեմերում ստեղծվում էին թեմական ժողովներ՝ ծխական եկեղեցիների կողմից ընտրված պատգամավորներից, թեմական խորհուրդներ և թեմական հանձնաժողովներ: Թեմական ժողովներն իրավունք էին ստանում ընտրել թեմակալ առաջնորդների, թեմական խորհուրդների և թեմական վերատուգիչ հանձնաժողովների անդամների, ինչպես նաև քննել եպիսկոպոսների դեմ հարուցված բողոքները: Բացի այդ, նրանց շնորհվում էր ճեմարանների, եկեղեցա-ծխական դպրոցների, եկեղեցիների և վանքերի գույքի ընդհանուր կառավարման լիազորություն²:

Կոնդակի հրապարակումը չվրիպեց Ռուսական կայսրության վարչապետ Պ. Ա. Ստոլիպինի ուշադրությունից: 1910 թվի հոկտեմբերի 15-ին նա գրություն է ուղարկում Մատթեոս Իզմիրլյանին՝ պահանջելով չեղյալ հայտարարել մայիսի 28-ի կոնդակը, իբրև ոչ օրինական, գործող օրենսդրությանը հակասող: Վարչապետը մատնանշում է այն հանգամանքը, որ 1836 թվին հրապարակված «Օրենքների ժողովածու»-ի («Պոլո-ենիե») համաձայն, թեմական առաջնորդներին նշանակում է կայսրը, հետևաբար այդ պաշտոնական անձանց ընտրության իրավունքը չի

1. Կոնդակ Վեհափառ Հայրապետի // «Արարատ». Մայր Աթոռ Սբ. Էջմիածին, 1906 (մայիս), էջ 375–376:

Կոնդակ հայ ժողովրդին // «Ալիք». Թիֆլիս, 1906 (16 մայիսի), էջ 1:

2. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821, оп. 7, д. 324, л. 74, 74 об.

կարող վերապահվել թեմական ժողովներին, ինչպես նաև՝ կաթողիկոսին: Նրա փաստարկմամբ՝ ըստ «Օրենքների ժողովածու» ի 114 և 117 հոդվածների, թեմական առաջնորդները թեմում կատարվածի համար պատասխանատու են բարձրագույն կառավարության և իրենց հոգևոր իշխանության առջև: Իսկ դա նշանակում է, որ թեմի առաջնորդներն դեմ բողոքները չեն կարող քննարկվել թեմական ժողովներում: Ի վերջո Պ. Ստոլիպինը ընդգծում է, որ Հայ Լուսավորչական եկեղեցու Կանոնադրության (Устав Армяно-Григорианской церкви) մեջ չկան թեմական ժողովների, թեմական խորհուրդների և թեմական հանձնաժողովների մասին հոդվածներ: Եվ քանի որ կաթողիկոսի հրահանգը ոչ միայն չի համապատասխանում գործող օրենքին, այլև խիստ հակասում է դրան, ապա անհրաժեշտ է առանց հետաձգելու չեղարկել այն³:

Հայրապետն, անշուշտ, տեղյակ էր, որ Հայոց եկեղեցին առաջնորդվում է 1836թ. եկեղեցական կանոնադրությամբ և շատ «նորարարություններ» չեն համապատասխանում դրան: Ուստի իշխանությունների դժգոհությունը անակնկալ չէր նրա համար: Սակայն «երկաթյա պատրիարքը», որն իր հուժկու ձայնն էր բարձրացրել Աբդուլ Համիդի բռնապետության դեմ, հեշտությամբ նահանջել չէր կամենում: Չտապելով կատարել վարչապետի կարգադրությունը՝ կաթողիկոսը նոյեմբերի 7-ին պատասխան նամակ է ուղարկում: Նա Ստոլիպինին հանգամանորեն ներկայացնում է, որ թեմական ժողովները և խորհուրդները գործում են արդեն հինգ տարի՝ մամուլի լայն լուսաբանման պայմաններում, տեղական իշխանությունների գիտությամբ և թույլտրվությամբ: Ձգտելով կանոնավորել թեմերի կառավարման նոր կարգը՝ Մատթեոս Բ կաթողիկոսը պարզաբանում է, որ թեմական ժողովները և խորհուրդները իրենցից խորհրդակցական մարմիններ են ներկայացնում. «Թեմական խորհուրդները ծառայում են որպես խորհրդակցական մարմիններ՝ թեմերի ղեկավարների ներքո»⁴:

Այսուհանդերձ, կաթողիկոսի պնդումները ամբողջությամբ չէին համապատասխանում իրականությանը: Թեմական ժողովներն ու խորհուրդները ծրագրված էին հենց որպես իրական իշխանության մարմիններ, ինչը թույլ էր տալիս հայ ժողովրդին որոշակի մասնակցություն ունենալ բուն եկեղեցական գործերին: Դրա վառ ապացույցը թեմական ժողովներում եպիսկոպոսների դեմ հարուցված բողոքների քննարկումն էր:

1910 թվի մայիսի 28-ին հրապարակված հրահանգը փաստացի օրինականացնում էր Մկրտիչ Խրիմյանի 1906 թվի մայիսի 10-ի կոնդակը, որով ժողովուրդն իրավունք էր ստացել իր ներկայացուցիչների միջոցով մասնակցելու տարբեր մակարդակի եկեղեցական ընտրություններին: Խրիմյանի կոնդակը ժամանակին չբողոքարկվեց իշխանությունների կողմից և ընտրական սկզբունքը կյանք մտավ աննկատելիորեն՝ դառնալով հայ եկեղեցական կյանքի անբաժան մասը: Եվ միայն «Թեմական ժողովների մասին ժամանակավոր հրահանգի» հրապարակումից հետո էր, որ Պ. Ա. Ստոլիպինը ուշադրություն դարձրեց Հայոց եկեղեցու կառավարման կարգում ի հայտ եկած «սպօրիխության» վրա՝ պահանջելով չեղարկել հրահանգը:

Կովկասի փոխարքա Ի. Ի. Վորոնցով-Դաշկովը, որին հանձնարարվեց իրականացնել կառավարության պահանջը, երկակի դիրքորոշում ընդունեց: Վերջինս 1910 թվի նոյեմբերի 27-ին Պ. Ա. Ստոլիպինին ներկայացրեց իր տեսակետը: Լիովին ընդունելով վարչապետի այն կարծիքը, որ մայիսի 28-ի կոնդակը հակասում է կայսրության օրենսդրությանը, նա, այնուամենայնիվ, առաջարկեց հաշվի առնել մի շարք հանգամանքներ: Նախ այն, որ Մատթեոս Բ-ն կաթողիկոսական աթոռը ստանձնելուց ի վեր «իրեն դրսևորել է իբրև կարգուկանոնի և քաղաքական գործերին հոգևորականության չմիջամտելու կողմնակից»: Նրա կաթողիկոս նշանակվելը համընկել է

3. Մերոպ Մաշտոցի անվ. հին ձեռագրերի գիտահետազոտական ինստիտուտ՝ Մատենադարան. Անձնական դիվան կաթողիկոս Բգմիրյանի, թղթ. 11, վավ. 236:

4. РГИА. Ф. 821, оп. 7, д. 324, л. 76, 77 об.

Կովկասում սուր խռովության և խմորումների շրջանի հետ», ինչը հանգեցրել է ժողովրդի շրջանում կրոնական գգացումքների անկմանը և եկեղեցու հեղինակության թուլացմանը: Ոստի գիտակցելով, որ ժողովրդի մեջ հավատքի ամրապնդումը տեղի չի ունենա առանց հոգևորականության հեղինակության վերականգման՝ Մատթեոս Բ-ն ձեռնամուխ է եղել վճռական գործունեության: Ի. Ի. Վորոնցով-Դաշկովը կարևորում է այն հանգամանքը, որ հայոց հայրապետը փորձում է իրագործել իր նախորդի՝ Մկրտիչ Խրիմյանի կոնդակը, որը ժամանակին չի բողոքարկվել: Փոխարքան գտնում է, որ մայիսի 28-ի կոնդակը չի փոխել թեմականներին նշանակելու կարգը, այլ միայն մասնակի թույլատրել է բնակչության մասնակցությունը թեմական առաջնորդների ընտրությանը՝ խորհրդակցական հիմունքներով: Վերջում Ի. Ի. Վորոնցով-Դաշկովը եզրակացնում է, որ կաթողիկոսի կոնդակը չի պարունակում այն ազդեցիվ միտումները, որի համար կարելի կլիներ կշտամբել նրան: Ավելին, Ի. Ի. Վորոնցով-Դաշկովը եզրակացնում է, որ անհրաժեշտ է մայիսի 28-ի կոնդակը համապատասխանեցնել Ռուսաստանի օրենսդրության ընդհանուր հիմունքներին⁵:

Կովկասի փոխարքայի առարկությունները Պ. Ստոլիպինին մղում են հայ եկեղեցու գործունեության ստուգումներ անցկացնել⁶: Բնականաբար, սա ծանր ազդեցություն է թողնում կաթողիկոսի վրա, և 1910 թվի վերջին նրա առողջական վիճակը կտրուկ վատանում է: Իսկ նոյեմբերի 10-ին վեհափառ հայրապետը կարգադրում է պատրաստել Նիկոլայ II-ին ուղղված իր հրաժարականի դիմումը: Որպես պատճառ նշվում էր «գործունեության ազատության սահմանափակումը»: Սակայն մինչև հարցը քննարկման առարկա կդառնար, 1910 թվի դեկտեմբերի 11-ի լուսադեմին Ամենայն հայոց կաթողիկոս Մատթեոս II Իգմիրլյանը կնքում է իր մահկանացուն՝ արտի կաթվածից⁷: Կաթողիկոսի մահը բուռն քննարկումների թեմա է դառնում մամուլում: «Հորիզոնը», օրինակ, շտապում է նրա մահվան մեջ մեղադրել «Էջմիածնի միաբանության հավիտենական անմիաբանությունը»⁸:

Մատթեոս Բ-ին հաջորդած Գևորգ Ե Սուրենյանց (Տփղիսեցի) կաթողիկոսը շարունակում է իր նախորդների գործը՝ փորձելով ընտրական սկզբունքը համապատասխանեցնել կայսրության օրենսդրությանը: Հարցի կարգավորման համար նա 1912 թվի հոկտեմբերի 7-ին դիմում է ներկայացնում կայսրության ներքին գործերի նախարար Ա. Ա. Մակարովին՝ «Թեմական խորհուրդների ու ժողովների մասին» վերտառությամբ: Գործող վեհափառ հայրապետը նախ ներկայացնում է, որ հանգուցյալ կաթողիկոսներ Մկրտիչ Խրիմյանի և Մատթեոս Իգմիրլյանի Հայոց եկեղեցու ոգուն համահունչ գործունեությունը (ընտրական սկզբունքի ընդունումը և հոգեվորհոտից ընտրվածների մասնակցությունը եկեղեցական գործերի կառավարմանը), ինչպես նաև Կովկասի փոխարքայի հրապարակած՝ «Հայ Լուսավորչական եկեղեցու գույքի կառավարման ժամանակավոր կանոններ»-ին համաձայն առանձին կոնդակներով թեմական ժողովների և թեմական խորհուրդների կանոնակարգումը՝ որպես խորհրդակցական մարմիններ⁹: Ծանոթացնելով գործի ընթացքին՝ Գևորգ Ե-ն նշում է, որ հանգուցյալ Պ. Ա. Ստոլիպինը կարգադրել էր փակել թեմական ժողովները և խորհուրդները, ինչին հետևել էր կաթողիկոս Իգմիրլյանի պատճառաբանված բացատրությունը: Սակայն վերջիններիս մահվան

5. Վավերագրեր հայ եկեղեցու պատմության (1873–1910 թթ.). Գիրք Ը, Մաթեոս Բ. Իգմիրլյան Կաթողիկոս Ամենայն Հայոց (1908–1910 թթ.) / Կազմ. և առաջաբ.՝ Ս. Բեխրոդեան. Երևան, 2001, էջ 873–876:

6. Քննություն անց կացնել: Հայաստանի Ազգային արխիվ (ՀԱԱ). Ֆ. 57, գ. 2, գ. 217, ր. 1:

7. Հանգիստ Վեհափառ Ս. Ս. Մատթեոս Բ Սրբազնագոյն Կաթողիկոսի ամենայն Հայոց // «Արարատ». Մայր Աթոռ Սբ. Էջմիածին, 1910 (դեկտեմբեր). էջ 5: Վեհափառ Մատթեոս Բ-ի մահը // «Հորիզոն». Թիֆլիս, 1910 (12 դեկտեմբեր), էջ 1: *Շահ-Նազարեանց Ս.* Վեհափառ Իգմիրլյանը. Մոսկվա, 1910, էջ 54:

8. Էջմիածնի ցար // «Հորիզոն». Թիֆլիս, 1910 (12 դեկտեմբեր), էջ 1:

9. ՀԱԱ. Ֆ. 57, գ. 2, գ. 286, ր. 4:

պատճառով հարցի կարգավորումը փակուղի է մտել, ինչն էլ հենց ստիպում է գործող կաթողիկոսին ներկայացնել իր կարծիքը և խնդրել ընթացք տալ հարցին. «Համաձայն լինելով Մ. Իզմիրլյանի հայացքների հետ թեմական ժողովների և խորհուրդների վերաբերյալ, որոնք գործում են Տաճկահայաստանի, Պարսկաստանի և մյուս երկրների բոլոր հայ լուսավորչական թեմերում, խոնարհաբար խնդրում են թույլ տալ այդ խորհրդակցական մարմինների ազատ գործունեությունը, ինչը համապատասխանում է Հայ եկեղեցու ոգուն և ավանդույթներին»¹⁰:

Կաթողիկոսի դիմում-խնդրանքի պատասխանը չի ուշանում: 1912 թվի հոկտեմբերի 22-ին Ա. Ա. Մակարովը նամակով տեղեկացնում է Գևորգ Ե-ին, որ «նշված կառույցները, որոնք չեն համապատասխանում գործող օրենսդրությանը և մի շարք փոփոխություններ են մտցրել օտար դավանությունների կանոնադրությամբ սահմանված Հայ Լուսավորչական եկեղեցու լիազորություններում, կարող են ճանաչվել միայն օրենսդրական կարգով»¹¹: Միևնույն ժամանակ ներքին գործերի նախարարը հայտնում է, որ չի առարկում Հայ եկեղեցու բարձրագույն կառավարմանը վերաբերող օրենքի վերանայմանը և խնդրել է Կովկասի փոխարքային հիմնավորված առաջարկություն ներկայացնել հայ հոգե-վոր կառավարման մարմինների վերաբերյալ՝ սահմանելով դրանց իրավասությունները և ընդհանրապես դրանց փոխադարձ իրավական հարաբերությունները¹²: Սա նշանակում էր, որ կայսրության բարձրագույն կառույցներում արդեն դեմ չէին Հայոց եկեղեցու կառավարման համակարգում ընտրական սկզբունքի առկայությանը: Մնում էր միայն, որ կաթողիկոս Գևորգ Սուրենյանցը կառավարության հաստատմանը ներկայացներ բարեփոխումների նախագիծը:

1913 թվի փետրվարի 10-ին Ի. Ի. Վորոնցով-Դաշկովը հայտնում է Գևորգ Ե-ին, որ Հայոց եկեղեցում պաշտոնապես ներդրվում է կառավարման մարմինների ընտրական սկզբունքը: Փոխարքան կարգադրում է մանրամասն ներկայացնել առաջարկությունները («Հայ Լուսավորչական եկեղեցու կառավարման մարմինների վերաբերյալ անհրաժեշտ բարեփոխումների մասին»), որպեսզի Կովկասի փոխարքայության խորհրդում դրանք քննելուց հետո, հնարավոր լինել ներմուծել օրենսդրական ընթացակարգով¹³: Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Ե-ի պատասխանը, սակայն, ուշացավ՝ միջազգային իրադրության բարդացման պատճառով: 1912 թվի հոկտեմբերի 8-ին Բալկանյան միության (Բուլղարիա, Սերբիա, Հունաստան և Չեռնոգորիա) և Օսմանյան կայսրության միջև բռնկվեց Բալկանյան առաջին պատերազմը (1912 թվի հոկտեմբերի 8 – 1913 թվի մայիսի 30): Պատերազմում, որն ավարտվեց Լոնդոնի հաշտության պայմանագրով, Թուրքիան ջախջախիչ պարտություն կրեց: Դաշնակիցները նվաճեցին Օսմանյան կայսրության գրեթե ամբողջ եվրոպական մասը՝ Թուրքիային թողնելով Կ. Պոլիսը և Արևելյան Թրակիայի մի մասը: Ալբանիան հռչակեց իր անկախությունը: Բալկանյան ժողովուրդների հաջողությունները ոգևորեցին նաև արևմտահայությանը: Հայկական հարցի արժարժման համար նպաստավոր իրավիճակ ստեղծվեց: Այդ գործում հատկապես մեծ դեր խաղաց Ռուսական կայսրության բարյացակամ վերաբերմունքը, ինչն էլ ավելի ամրապնդեց արևմտահայության ռուսական կողմնորոշումը:

Այսպիսով, ստանձնելով կաթողիկոսական աթոռը, Գևորգ Ե Սուրենյանցը մեծ եռանդով շարունակեց Մկրտիչ Խրիստիանի և Մատթեոս Իզմիրլյանի գործը՝ փորձելով ընտրական սկզբունքն ամրագրել Հայ Առաքելական եկեղեցու Կանոնադրության մեջ: Կաթողիկոսի դիմում-խնդրանքները դրական արձագանք ստացան ներքին գործերի նախարար Ա. Ա. Մակարովի և Կովկասի փոխարքա Ի. Ի. Վորոնցով-Դաշկովի

10. Նույն տեղում, ք. 4 շրջ.:

11. Նույն տեղում, ք. 11, 11 շրջ.:

12. Նույն տեղում, ք. 11 շրջ.:

13. Նույն տեղում, ք. 20, 20 շրջ.:

Կողմից: Վերջիններս կողմ արտահայտվեցին օրենսդրական ճանապարհով հարցի կարգավորմանը: Մակայն Առաջին Համաշխարհային պատերազմի բռնկումը թույլ չտվեց ընտրական սկզբունքը համապատասխանեցնել կայսրության օրենսդրությանը:

Summary

Satenik Avoyan,

PhD in History, Head of the Culture and Sports Section of the Education, Culture and Sports Department, Aragatsotn Regional Administration of the Republic of Armenia

Implementation of the electoral principle in the Armenian Apostolic Church (1906–1914)

The breath of the First Russian Revolution was also felt in Mother See of Holy Etchmiadzin where some renewing sentiments were in public demand. Armenian Catholicos Mkrtich I Khrimyan rushed to publish kondaks (encyclicals) one after another, which allowed the parishioners not only to participate in the elections of the Catholicos, high spiritual dignitaries and Diocesan leaders through their representatives, but also to take part in the discussion of issues concerning the spiritual administrative institutions. Matheus II Izmirlyan and George V Surenyants, the Catholicos who followed Mkrtich I Khrimyan, took steps to bring the electoral principles of the Armenian Church in line with the legislation of Russian Empire.

Խարկովում Խորհրդային Հայաստանի լիազոր ներկայացուցիչ Հովսեփ Կարախանյանի նամակ–գեկուցագրերը Ուկրաինայի հայերի մասին (1921–1922 թթ.)

Համո Մուրիասյան,

պատմական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ,
Հայաստանի Հանրապետության Գիտությունների Ազգային Ակադեմիայի Պատմության
ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող (Երևան)

Մեր օրերում, երբ Հայաստանի Հանրապետությունը դիվանագիտական կապեր է հաստատել բազմաթիվ երկրների հետ և ձգտում է բարեկամական ու գործընկերային հարաբերությունների առկայության նրանց հետ, առավել քան արդիական է միջպետական գործընթացների նախահիմքերի ուսումնասիրությունը: Նշվածի շրջանակներում է նաև խորհրդային տարիների հայ-ուկրաինական դիվանագիտական հարաբերությունների ձևավորման պատմության քննումը:

Կարևորելով Սովետական (Խորհրդային) Ուկրաինայի հետ բարեկամական հարաբերությունների զարգացումը՝ Հայաստանի Սոցիալիստական Սովետական Ռեսպուբլիկայի (Հայաստանի Սոցիալիստական Խորհրդային Հանրապետություն՝ ՀՍԽՀ) իշխանությունները 1921 թվականի գարնանը որոշեցին դիվանագիտական հարաբերություններ հաստատել և փոխշահավետ համագործակցություն սկսել Ուկրաինայի հետ՝ ուշադրության կենտրոնում պահելով այնտեղ ապաստանած բազմահազար արևմտահայ գաղթականների խնդիրները:

ՀՍԽՀ ժողկոմխորիը 1921 թ. մայիսի 23-ին Հովսեփ Կարախանյանին նշանակում է Խորհրդային Ուկրաինայի կառավարությանը կից ՀՍԽՀ լիազոր ներկայացուցիչ: Նրան տրված մանդատը ստորագրված էր ժողկոմխորիի նախագահ Ալեքսանդր Մյասնիկյանի և արտգործժողկոմ Ասքանազ Մոսկվանի կողմից¹: Հայկական լիազոր ներկայացուցչության կենտրոնատեղին երկրի մայրաքաղաք Խարկովն էր: Հ. Կարախանյանի նշանակման մասին ՀՍԽՀ արտգործժողկոմ Ա. Մոսկվանը հեռագրով տեղեկացնում է ինչպես Խորհրդային Ուկրաինայի արտգործժողկոմ Քրիստիան Ռակովսկուն, այնպես էլ Մոսկվայում ՀՍԽՀ լիազոր ներկայացուցիչ Սահակ Տեր-Գաբրիելյանին: Եվ քանի որ այդ ժամանակ նորանշանակ լիազոր ներկայացուցիչը գտնվում էր Մոսկվայում, Ս. Տեր-Գաբրիելյանին ուղղված հեռագրում մասնավորապես պատվիրվում է, որ նա Հ. Կարախանյանին առաջարկի առանց հապաղելու ճանապարհվել նշանակման վայրը²: Նշենք, որ Մոսկվայի լիազոր ներկայացուցչությունը հետագայում ևս կապող օղակ էր հանդիսանում Երևանի և Խարկովի միջև: Մոսկվայից դուրս գալով մայիսի 25-ին՝ Հ. Կարախանյանը ամսի 27-ին ժամանում է Խարկով: Նա շատ արագ ձևավորում է լիազոր ներկայացուցչության աշխատակազմը և անցնում իր պարտականությունների կատարմանը: 1921 թ. հունիսի 30-ով թվագրված մի վավերագրից տեղեկանում ենք, որ լիազոր ներկայացուցչություն

1. Հայաստանի ազգային արխիվ (այսուհետև՝ ՀԱԱ). Ֆ. 114, ց. 1, գ. 215, թ. 8:

2. Նույն տեղում, թ. 4:

ուններ հինգ աշխատակից՝ ներկայացուցիչ, քարտուղար, հատուկ հանձնարարություններ կատարող պաշտոնյա, մեքենագրուհի և աղախին³:

Խորհրդային Ուկրաինայում լիազոր ներկայացուցիչ նշանակվելուց հետո Չ. Կարախանյանն իր գործունեության կարևոր ուղղությունն է դարձնում Ուկրաինայի հայության շահերի պաշտպանությունը, այստեղ ապաստանած հազարավոր հայ գաղթականների խնդիրների կարգավորումը: ՀՍԽՉ Խարկովի լիազոր ներկայացուցչությունը մեր ուսումնասիրած արխիվային փաստաթղթերում վերջին անգամ հիշատակվում է 1922 թ. ապրիլ-մայիսին: Չ. Կարախանյանի կողմից ՀՍԽՉ արտգործժողկոմատ ուղարկված 1922 թ. ապրիլի 1-ով թվագրվող մի գրությունից տեղեկանում ենք, որ նա Երևան էր ուղարկում Խորհրդային Ուկրաինայի արտգործժողկոմատի հրատարակած գրքերի խմբաքանակը⁴:

Չովեսի Կարախանյանը վերադասին պարբերաբար տեղյակ է պահել իր գործունեության մասին: 1921–1922 թվականների հայ-ուկրաինական հարաբերությունների համակողմանի ուսումնասիրման համար առանձնահատուկ կարևորություն են ներկայացնում Երևան ուղարկված նրա շուրջ մեկ տասնյակ նամակ-գեկուցագրերը՝ հասցեագրված արտաքին գործերի ժողկոմատին: Դրանք անտիպ են և պահվում են Հայաստանի ազգային արխիվում:

Կարախանյանի նամակները տեղեկություններ են պարունակում Ուկրաինայի հայկական համայնքների վերաբերյալ: Նամակներում խոսք է գնում ինչպես համայնքի հին բնակիչների, այնպես էլ արևմտահայ գաղթականների մասին: Հաղորդվող տեղեկությունները պայմանականորեն կարելի է բաժանել երկու խմբի՝ Ուկրաինայի հայկական համայնքների կրթամշակութային կյանքի կազմակերպմանը վերաբերող տվյալներ և այստեղ ապաստանած արևմտահայ գաղթականների դրությունը ներկայացնող գեկուցումներ:

Չ. Կարախանյանի նամակներից տեղեկանում ենք, որ Ուկրաինայի հայերը որոշակի ջանքեր են գործադրել համայնքային կառույցներ ստեղծելու ուղղությամբ: Ասվածը առավելապես վերաբերում է Խարկովի բազմամարդ համայնքին: Այսպես՝ 1921 թ. սեպտեմբերի 3/4-ին Ա. Մռավյանին ուղղված նամակում Չ. Կարախանյանը հաղորդում է, որ քաղաքում գոյություն ունի հայկական ակումբ, ուր շաբաթը մեկ անգամ դասախոսություններ են կազմակերպվում: Ուշադրության է արժանի այն հանգամանքը, որ տեղի հայությունը ամենից շատ հետաքրքրվել է հայաստանյան անցուղարձով: Կարախանյանը տեղեկացնում է, որ ակումբի լեփ-լեցուն դահլիճում ինքը երեք անգամ դասախոսություն է կարդացել Խորհրդային Հայաստանի մասին⁵: Մեկ այլ նամակից տեղեկանում ենք, որ յուրաքանչյուր հինգշաբթի և կիրակի օր ակումբում գեկուցումներ են ընթերցվել նորագույն շրջանի հայ գրականության վերաբերյալ, կազմակերպվել անգրագետներին տառաճանաչ դարձնելու դասընթացներ, դասավանդվել են հայերեն, ռուսերեն, թվաբանություն և աշխարհագրություն: Խարկովում գոյություն ունեին նաև հայկական դպրոց և դրամատիկական խումբ: Վերջինս ամիսը երկու-երեք անգամ ներկայացումներ էր բեմադրում⁶:

Խորհրդային Հայաստանի կառավարությունն իր ունեցած սուղ միջոցներից բաժին էր հանում խորհրդային մյուս հանրապետությունների բուհերում սովորող հայազգի ուսանողներին: Այսպես՝ Խարկովի ՀՍԽՉ լիազոր ներկայացուցչության միջոցով օժանդակություն էին ստանում Խարկովի, Կիևի և Օդեսայի բուհերում սովորող հայ ուսանողները, որոշակի օժանդակություն էին ստանում նաև տեղի հայկական կրթամշակութային կազմակերպությունները: Նոյեմբերի 30-ին Երևան ուղարկված

3. Նույն տեղում, p. 15:

4. ՀՍՍՀ. Ֆ. 114, ց. 1, գ. 275, p. 1–2:

5. Նույն տեղում, գ. 215, p. 25 շրջ.:

6. Նույն տեղում, p. 11 շրջ.— 12:

նամակում Չ. Կարախանյանը բարձրացնում է ուկրաինական բուհերում սովորող հայ ուսանողներին տրվող նպաստներն ավելացնելու հարցը⁷:

Հաշվի առնելով Խորհրդային Հայաստանի հանդեպ եղած հետաքրքրությունը՝ ամենևին պատահական չէ, որ Ուկրաինայի հայությունը պատրաստակամ էր հնարավորության ներածի չափով օժանդակել կքած մեջքն ուղող հայրենիքին, նպաստել նրա տնտեսության վերականգմանը: Ասվածի ապացույցներից է այն արձագանքը, որ եղավ այստեղ 1921 թ. սեպտեմբերին Երևանում Հայաստանի օգնության կոմիտեի հիմնադրման առնչությամբ: 1921 թ. հոկտեմբերի 29-ին Երևան ուղարկված նամակում Չ. Կարախանյանը հայտնում է, որ կոմիտեի կանոնադրությունը ստանալուց հետո իրենց մոտ ևս դրա մասնաճյուղը կբացեն՝ հայրենիքին նյութապես օգնելու համար⁸: Իսկ նոյեմբերի 30-ով թվագրված մեկ այլ նամակից տեղեկանում ենք, որ Խարկովում կազմվել է Հայաստանի սովյալներին օժանդակող կոմիտե, որի խնդիրն է դրամի, հագուստի, մթերքի հանգանակության կազմակերպումը:

Խարկովում ՀՄԽՀ ներկայացուցիչը կարևորում էր սեփական մամուլի միջոց ունենալը: 1921 թ. հունիսի 27-ին արտգործժողկոմ Ա. Մոավյանին հասցեագրած նամակում Չ. Կարախանյանը նշում է, որ պատրաստվում է տեղի համայնքի համար թերթ հրատարակել: Նա հույս ուներ հայկական տառատեսակներ ստանալ Մոսկվայից կամ Պետրոգրադից⁹: Այս գաղափարը ողջունվում է արտգործժողկոմի կողմից¹⁰: Արդեն սեպտեմբերի 3/4-ին Ա. Մոավյանին ուղղված նամակում Չ. Կարախանյանը տեղեկացնում է, որ գրեթե պատրաստ է «Նոր ճանապարհ» անվանումով թերթի առաջին համարը: Նախատեսվում էր դրանում նյութեր զետեղել Ուկրաինայի հայկական գաղութի, արևմտահայ գաղթականների խնդիրների, նրանց և խորհրդային իշխանությունների փոխհարաբերությունների, խորհրդային երկրներում կենսագործվող նոր տնտեսական քաղաքականության մասին: Թերթն ունենալու էր գրական, լուրերի, հայտարարությունների բաժիններ: Կարևոր տեղ էր հատկացվելու հայաստանյան նորություններին: Չ. Կարախանյանը հաղորդում է նաև, որ պատրաստվում էին առաջիկա կիրակի օրը, այսինքն՝ սեպտեմբերի 11-ին, լրագրի անդրանիկ համարի բովանդակությունը ներկայացնել Խարկովի հայկական ակումբում¹¹:

Ինչպես երևում է, Կարախանյանին չի հաջողվել հայկական տառատեսակներ ստանալ Մոսկվայից կամ Պետրոգրադից: Այդ պատճառով էլ 1921 թ. նոյեմբերի 30-ին Ա. Մոավյանին ուղղված մեկ այլ նամակում նա առաջ է քաշում դրանք Երևանից ուղարկելու հարցը՝ ընդգծելով, որ Ուկրաինայում հայերեն թերթի կարիք է զգացվում, սակայն տառատեսակներ չունենալու պատճառով չեն կարողանում թերթ հրատարակել: Լիազոր ներկայացուցիչը կարծիք էր հայտնում, թե հայության շրջանում տարվող քարոզչական աշխատանքներն առավել արդյունավետ կլինեին իրականացնել թերթի միջոցով, որովհետև «*մի կողմից կոմունիստական մտածելակերպ, կոմունիստական աշխարհայացք կպատվաստվեն հայկական աշխատավորությանը, մասնավորապես նրա երիտասարդ մասին, և մյուս կողմից իրագել կպահեն նրանց Հայաստանի իրադարձություններին*»¹²:

Հայտնի չէ, թե ինչ ճակատագիր ունեցավ թերթ հրատարակելու Խարկովի ներկայացուցչության փորձը, սակայն հայ պարբերական մամուլի ցանկերում նման անվանումով

7. ՀԱՍ. Ֆ. 113, ց. 3, գ. 46, ք. 13 և շրջ.:

8. ՀԱՍ. Ֆ. 114, ց. 1, գ. 215, ք. 11:

9. ՀԱՍ. Ֆ. 114, ց. 1, գ. 215, ք. 13:

10. Նոյն տեղում, ք. 19:

11. Նոյն տեղում, ք. 25 շրջ.—26:

12. ՀԱՍ. Ֆ. 113, ց. 3, գ. 46, ք. 15:

թերթ չկա¹³: Այս իրողությունը հինք է տալիս պնդելու, որ թերթ հրատարակելու Չ. Կարախանյանի փորձը հաջողությամբ չի պսակվել:

Խորհրդային Ուկրաինայում լիազոր ներկայացուցիչ նշանակվելուց հետո Չ. Կարախանյանն իր գործունեության առաջնային խնդիրներից էր համարում այստեղ ապաստանած արևմտահայ գաղթականությանը օժանդակություն ցուցաբերելը:

Արագործողկոմ Ա. Մռավյանին ուղղված և 1921 թ. հունիսի 27-ով թվագրված նամակում Չ. Կարախանյանը տեղեկացնում է, որ իր առջև ծառայած կարևոր հարցերից է բազմահազար հայ գաղթականների խնդիրներով լուծումը, քանի որ հենց նրանք էին կազմում Խարկովի հայկական համայնքի մեծամասնությունը: Լիազոր ներկայացուցիչը նշում է, որ հայ համայնքին ամենից շատ անհանգստություն է պատճառում պարտադիր հանրային աշխատանքների հարցը: Նշելով, որ ինքը դեմ չէ, որ Ուկրաինայում ապաստանած հայերը ևս իրենց աշխատանքով օգտակար լինեն հյուրընկալող երկրին, Չ. Կարախանյանը մատնանշում է հետևյալ հանգամանքը. «<...> այստեղ ապաստանած տաճկահայերից յուրաքանչյուրը խնամում է իր այս կամ այն ազգականից հետո մնացած որբերին կամ այրիներին, որ նրանց մեջ չկա գեթ մեկը, որ առնվազն հինգ անձ չկերակրի իր աշխատանքով, ապա պետք է ինձ հետ համաձայնեք, որ մեկ տաճկահայ աշխատանքի ընդունակ տղամարդու երկար ժամանակով բռնի աշխատանքների տանելը հավասարազոր է հինգ հոգու քաղցած գոյության դատապարտելուն, որովհետև այստեղ օրաբաժինները շատ չնչին են և աշխատավորի ընտանիքի անդամները ոչինչ չեն ստանում»¹⁴: Այնուհետև տեղեկացնում է, որ այդ խնդրի առթիվ դիմել է Ուկրաինայի աշխատանքի կոմիսարին՝ «բռնի աշխատանքների գործը կանոնավորելու վերաբերմամբ», ով, սակայն, դեռևս չի պատասխանել, և ինքը մտադիր է հարցը բարձրացնել մինչև անգամ ուկրաինական կառավարության առջև¹⁵: Պատասխան գրության մեջ Ա. Մռավյանը հարցի կարգավորումը թողնում է Չ. Կարախանյանի հայեցողությանը¹⁶: Խնդիրն այն է, որ այս պարտադիր աշխատանքների պատճառով Ուկրաինայում ապաստանած հայերի (և ոչ միայն) շրջանում խորհրդային իշխանությունը համակրանքի չէր արժանանում:

Կարախանյանը մեծ ուշադրություն էր դարձնում Ուկրաինայում բնակվող հայության շահերի պաշտպանությանը: Այս առումով նա կարևոր խնդիր էր համարում երկրի հայաշատ քաղաքներում հայկական ներկայացուցչությունների ստեղծումը: ՉՄԽՀ արագործողկոմ Ա. Մռավյանին ուղղված 1921 թ. սեպտեմբերի 3/4-ին իր նամակում Չ. Կարախանյանը տեղեկացնում է, որ պատրաստվում է այցելել Կիև և Կրասնոդար՝ ծանոթանալու տեղի հայկական համայնքների խնդիրներին: Նա գրում է, որ, իր ունեցած տեղեկությունների համաձայն, Կիևի պարսկական հյուպատոսը, որին հանձնված էր քաղաքի հայերի շահերի պաշտպանությունը, թալանում է նրանց՝ կաշառք պահանջելով նույնիսկ ամենաչնչին վկայաթղթի համար¹⁷: Արագործողկոմ Ա. Մռավյանի կարգադրությամբ գրված պատասխան գրության մեջ ժողկոմատի ընդհանուր բաժնի վարիչ Ալեքսանդր Մեյլանն առաջարկում է լիազոր ներկայացուցչության իրավասության ներքո վերցնել Ուկրաինայի քաղաքներում բնակվող հայահպատակներին և նրանց ազատել Կիևի պարսկական հյուպատոսի կեղերումներից, ինչպես նաև

13. Մասնավորապես տե՛ս Չայոց պարբերական մամուլը. լիակատար ցուցակ հայ լրագրության սկզբից մինչև մեր օրերը (1794–1934) / Կազմ. Գ. Լևոնյանը. Երևան, 1934; Չայ պարբերական մամուլի մատենագիտություն (1794–1967) / Կազմ. Ա. Կիրակոսյանը. Երևան, 1970; Չայ պարբերական մամուլը: Մատենագիտական համահավաք ցուցակ (1794–1980) / Կազմ. Մ. Բաբոյանը. Երևան, 1986:

14. ՉԱԱ. Ֆ. 114, ց. 1, գ. 215, ք. 11 շրջ.:

15. Նույն տեղում, ք. 11 շրջ.— 12:

16. Նույն տեղում, ք. 19:

17. Նույն տեղում, ք. 24 շրջ.— 25:

վերահսկել հայկական համայնքների կրթամշակութային հիմնարկները՝ ներգրավելով նաև տեղական գործիչներին¹⁸:

Հայ-ուկրաինական հարաբերություններում խնդրահարույց էր արևմտահայ գաղթականների քաղաքացիության հարցը: 1921 թ. սեպտեմբերի 27-ին Շ. Կարախանյանին ուղարկած գրության մեջ Ա. Մռավյանը նշում է. «Տաճկահայ փախստականները, որոնք ներկայումս ապրում են Հայաստանի սահմաններում և Ռուսաստանի և խորհրդային հանրապետությունների զանազան վայրերում, Հայաստանի ԽՍՀ (պետք է լինի՝ ՄԽՀ — Շ. Մ.) կառավարության կողմից համարվում են որպես Հայաստանի քաղաքացիներ: Ըստ որում՝ Ուկրաինայում ապրող տաճկահայերի վերաբերմամբ Ձեզ մնում է հետևել նույն սկզբունքին»¹⁹: Խնդիրն այն է, որ հայ գաղթականների հարցը ուկրաինական իշխանությունները դիտարկում էին թուրք-ուկրաինական հարաբերությունների տեսանկյունից: Նոյեմբերի 30-ին Ա. Մռավյանին ուղղված նամակում Շ. Կարախանյանն այս առթիվ հայտնում է. «Խորհրդային Ուկրաինայի կառավարությունը իմ կրկնակի և եռակի դիմումներին՝ ճանաչելու Ուկրաինայում ապրող հայ գաղթականներին իբրև հայկական հպատակներ, ինձ միշտ պատասխանում է, որ նրանք տաճկաց և հատկապես Անգորայի կառավարության (Անկարայի; այսինքն՝ Թուրքիայի ազգային մեծ ժողովի՝ ԹԱՄԺ-ի — Շ. Մ.) հպատակներ են»²⁰: Այնուհետև Շ. Կարախանյանը տեղեկացնում է, որ արևմտահայ գաղթականները դրականորեն են տրամադրված Խորհրդային Հայաստանի հանդեպ և «իրենց սրտին մտոկ են ընդունում Հայաստանի կառավարության և հայ ժողովրդի պետքերն ու կարիքները, սակայն չեն գրվում մասսայորեն հայկական հպատակ՝ երկյուղ կրելով այն հանգամանքից, որ պատերազմի դեպքում Խորհրդային Ուկրաինան նրանց կզինվորագրի՝ իբրև խորհրդային քույր հանրապետության հպատակների և կողարկի պատերազմի դաշտ»²¹: Բանն այն է, որ 1921 թ. աշնանը ուկրաինական հասարակական-քաղաքական շրջանակներում այն համոզումն էր տիրում, թե 1922 թ. գարնանը պատերազմ է սկսվելու Խորհրդային Ռուսաստանի և Լեհաստանի միջև, ինչը արևմտահայ գաղթականներին դրդում էր զգուշանալ խորհրդային հպատակություն ընդունելու հարցում: Հայ-ուկրաինական հարաբերություններում թուրքական գործոնի նշանակությունը Շ. Կարախանյանի համար ի հայտ է եկել նաև Ուկրաինայի կոմկուսի կենտկոմի քարտուղար Ֆելիքս Կոնի հետ հանդիպման ժամանակ: Չրույցի ընթացքում վերջինս շեշտել է Մ. Քեմալի կառավարության հետ բարեկամական կապեր պահպանելու Ուկրաինայի դիրքորոշման մասին²²: Ահա թե ինչու 1921 թ. սեպտեմբերի 4-ին Երևան ուղարկված նամակում Շ. Կարախանյանն անհրաժեշտ է համարել ընդգծել, որ ուկրաինական կառավարությունը մեծաթիվ կազմով (50 մարդ) դեսպանություն է ուղարկում Անկարա: Նշվում է նաև, որ առաջիկայում Խարկով է ժամանելու ԹԱՄԺ կառավարության ներկայացուցիչը²³:

1921 թ. աշնանը, Անդրկովկասի խորհրդային հանրապետությունների միավորման գործընթացի համատեքստում, Խորհրդային Հայաստանում քննարկվում էր խորհրդային հանրապետություններում ՀՄԽՀ ներկայացուցչությունների լուծարման հարցը: Արտգործժողկոմատն այս մասին տեղեկացրել է նաև Խարկովում ՀՄԽՀ լիազոր ներկայացուցչությանը: 1921 թ. նոյեմբերի 9-ին Ա. Մռավյանին ուղղված նամակում, ի պատասխան վերջինիս այն դիրքորոշմանը, թե Ուկրաինայում ՀՄԽՀ ներկայացուցչության պահպանումը կարևոր չէ, Շ. Կարախանյանը տեղեկացնում է, որ պատրաստ է

18. Նույն տեղում, ք. 41 և շրջ.:

19. Նույն տեղում, ք. 53:

20. ՀԱԱ. Ֆ.113, ց. 3, գ. 46, ք. 14:

21. Նույն տեղում, ք. 14 և շրջ.:

22. Դազախեցյան Վ. Ն. Հայաստանը 1920–1940 թթ. Երևան, 2006, էջ 250:

23. ՀԱԱ. Ֆ.114, ց. 1, գ. 215, ք. 20 շրջ. — 21:

լիազոր ներկայացուցչության աշխատակիցների քանակը կրճատել մինչև երեքը, սակայն դեմ է արտահայտվում ներկայացուցչության փակմանը: Այս առթիվ նա բերում է հետևյալ փաստարկները.

ա. Ուկրաինայում կենտրոնացած է մեծաքանակ հայություն (Չ. Կարախանյանի ունեցած տեղեկությունների համաձայն՝ միայն Խարկովում բնակվում էր 10.000, իսկ Կրասնոդարում՝ 20.000 հայ): Ներկայացուցչությունը պետք է իր ձեռքում կենտրոնացնի տեղի հայկական համայնքի վարչական և կրթամշակութային գործը, պաշտպանի հայ բնակչության շահերը:

բ. Ներկայացուցչությունը պետք է իր վրա վերցնի Ուկրաինայի և Հայաստանի միջև ապրանքափոխանակության կազմակերպման գործը: Հայկական գինին, կոնյակը կարող են փոխանակվել ուկրաինական ալյուրի, ցորենի, յուղի, շաքարի հետ, Ուկրաինայից Հայաստան կարող են ներմուծվել յոդ, խինին և այլ ապրանքներ: Այս գործառնությունների արդյունքում հայկական ներկայացուցչությունը ոչ միայն կհոգա իր պահպանման ծախսերը, այլև օգուտ կբերի Հայաստանին²⁴:

Արդեն 1921 թ. նոյեմբերի 16-ին ՀՍԽՀ Ժողկոմխորհը որոշում կայացրեց 1922 թ. հունվարի 1-ից հայկական դիվանագիտական ներկայացուցչությունների գործունեությունը խորհրդային հանրապետություններում (բացառությամբ Մոսկվայի) դադարեցնելու մասին²⁵: Սակայն այս որոշումը միանգամից չգործադրվեց, և հայկական ներկայացուցչությունների լուծարման գործընթացն ամիսներ տևեց: 1922 թ. Խարկովի հայկական լիազոր ներկայացուցչության գործունեության վերաբերյալ արխիվային նյութերն ավելի կցկտոր են:

Փաստորեն, Չովսեփ Կարախանյանի նամակներում վեր է հանվում Խարկովի լիազոր ներկայացուցչության՝ Ուկրաինայում բնակվող հայության շահերի պաշտպանությանն ուղղված գործունեությունը: Նամակներից տեղեկանում ենք, որ Խարկովի հայկական համայնքի մեծ մասն արևմտահայ գաղթականներ էին, ուստի Չ. Կարախանյանի առջև ծառայած կարևոր խնդիրներից էր բազմահազար հայ գաղթականների խնդիրներով զբաղվելը: Հատկապես խնդրահարույց էր արևմտահայ գաղթականների քաղաքացիության հարցը, ինչը ուկրաինական իշխանությունները դիտարկում էին թուրք-ուկրաինական հարաբերությունների տեսանկյունից: Վերը հիշատակված նամակ-զեկուցագրերը Ուկրաինայի հայության պատմության ուսումնասիրման վստահելի աղբյուրներ են: Դրանցում քննարկվող հարցերից որոշներն արդիական են նաև մեր օրերում:

24. ՀԱՍ. Ֆ.113, ց. 3, գ. 46, ք. 6–7 շրջ.:

25. *Ղազարխեցյան Վ. Ն.* Հայաստանը 1920–1940 թթ., էջ 254:

Summary

Hamo Sukiasyan,

PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of History,
National Academy of Sciences (Yerevan)

Letter-reports of the plenipotentiary of Soviet Armenia in Kharkov Hovsep Karakhanyan on the Armenians in Ukraine (1921–1922)

Assessing the importance of developing friendly relations with Soviet Ukraine, in the spring of 1921, the authorities of the Socialist Soviet Republic of Armenia (SSRA) set about establishing diplomatic relations and beginning mutually beneficial cooperation with Ukraine, focusing on the problems of thousands of Western Armenian refugees who escaped the Turkish scimitar and found shelter there. On May 23, 1921, the Council of People's Commissars of Soviet Armenia appointed Hovsep Karakhanyan as the plenipotentiary of the SSRA in the Soviet Ukraine. The Armenian representative office was located in the capital of the country, Kharkov.

H. Karakhanyan periodically informed his superiors about his activities. He sent about a dozen of letters to the People's Commissariat of Foreign Affairs in Yerevan, which have a particular importance for studying the Armenian–Ukrainian relations in 1921–1922. They have not been published yet and are kept in the National Archive of Armenia. These letters reveal the activities of the representative office aimed at protecting the interests of the Armenians living in Ukraine. According to the letters, the majority of the Armenian community members in Kharkov were immigrants from Western Armenia, therefore one of the important issues facing Karakhanyan was the solution of the problems of thousands of Armenian refugees there. The question of citizenship of the latter was especially acute: the Ukrainian authorities discussed it from the standpoint of Turkish-Ukrainian relations.

Above mentioned letter-reports are a reliable source for studying the history of the Armenians in Ukraine. Some of the issues raised in the letters are still relevant today.

«В страну гор и бурных рек...»: Янка Купала и Армения

Галина Варёнова,

ученый секретарь Государственного литературного музея Янки Купалы (Минск)

В современном мире, где еще продолжают существовать локальные конфликты, межнациональные и межконфессиональные противоречия, все большее внимание уделяется развитию культурного диалога на межгосударственном уровне как основы для формирования взаимопонимания между носителями различных культур и предпосылок успешного развития дальнейших отношений в широком спектре деятельности. Посредством культурного диалога осуществляется народная дипломатия, представители которой чаще всего писатели, художники, композиторы — творцы, наиболее полно воплотившие в искусстве духовное наследие своего народа. В этом контексте белорусско-армянские межкультурные связи заслуживают отдельного рассмотрения. Они имеют давние традиции, а одним из тех, кто стоял у истоков поступательного развития этих связей, был классик белорусской литературы, первый народный поэт Беларуси Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич, 1882–1942 гг.).

Становление белорусско-армянских культурных и литературных отношений в XX веке в значительной мере связано с деятельностью Союза советских писателей СССР, способствовавшей формированию и развитию культурных контактов между литераторами народов Советского Союза. Межкультурный диалог развивался в рамках взаимных переводов, а также личного общения писателей, и Янка Купала как один из ярчайших представителей белорусской литературы был активным участником этого процесса¹.

Первый всесоюзный съезд Союза советских писателей (ССП), который состоялся в 1934 году, стал площадкой для создания, укрепления и развития самой широкой межкультурной коммуникации. Во время съезда состоялось знакомство Янки Купалы с Мариэттой Шагинян, русской писательницей армянского происхождения. Они были избраны в состав президиума, а позже встретились в Москве.

В 1935 году появились первые переводы произведений Янки Купалы на армянский язык. Это было связано с тридцатилетием творческой деятельности поэта, которое благодаря деятельности ССП СССР широко отмечалось не только в Беларуси, но и во всех союзных республиках. В выходившем в Армении журнале «Советская литература»² (1935, № 2) были опубликованы переводы стихотворений Я. Купалы «Новая осень» («Новая осень») и «Хвалююцца морскія хвалі...» («Волнуются морские волны...») за подписью «В.». В газете «Пролетарий»³ от 6 июля 1935 года были помещены статья Г. Халата «Тридцать лет» и стихотворение

1. Амiран С. Р. Армянская літаратура і Янка Купала // Янка Купала: энцыклапедычны даведнік / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мiнск, 1986.

2. В оригинале название журнала звучит как «Хорердаин граванутюн» (Խորհրդային գրականություն).

3. Выходила в Тбилиси, на армянском языке.

«Хвалююцца морскія хвалі...» в переводе Г. Халата и А. Цовака. В связи с юбилеем поэт и общественный деятель А. Вштуни отправил Купале поздравительную телеграмму.

В конце 1935 года на юбилейные торжества в Минск приехал Наири Зарьян, который, выступив 11 декабря, поздравил Янку Купалу от имени армянских писателей. Вместе с Купалой и другими писателями он побывал на приеме у председателя Совнаркома БССР Н. М. Голодеда. Зарьян близко познакомился с Купалой и при его же участии начал переводить произведения белорусских поэтов. Чуть позже Купала поздравил Зарьяна с награждением орденом Ленина: в опубликованном на страницах газеты «Звязда» (Минск, 29.01.1936) коллективным поздравлением белорусских писателей его подпись стоит первой. Между Я. Купалой и Н. Зарьяном установились дружеские отношения: на протяжении зимы 1935–1936 года они участвовали в литературных вечерах в Минске, Копыле, Пуховичах, Бобруйске⁴. На них Зарьян читал стихотворение «Алеся» и отрывки из поэмы «Борисов» в переводе на армянский язык. Вернувшись в Ереван, он поместил их в периодической печати: «Алеся» была опубликована в газете «Пролетарий» (Тбилиси, 01.04.1936), а «Борисов» — в журнале «Советская литература» (Ереван, 1937, № 1). Поездка Наири Зарьяна по городам Беларуси сопровождалась публикациями в районных изданиях: «Камуніст» («Коммунист», Бобруйск), «Калгаснік Капыльшчыны» («Колхозник Копыльщины», Копыль). В публикациях подчеркивался интернациональный характер этих вечеров: «19 января 1936 года в Копыльском доме культуры состоялась большой интернационально-литературный вечер еврейской, белорусской и армянской литературы, посвященный столетию со дня рождения дедушки еврейской литературы, классика Менделе Мойхер-Сфорима (Соломона Моисеевича Абрамовича)⁵. Зал не мог вместить всех желающих присутствовать на этом историческом вечере»⁶. «Как молния, разнеслось несколько дней тому назад сообщение по местечку о том, что 19 января приезжает интернациональная бригада писателей для участия в проведении юбилея Менделе»⁷. На протяжении трех месяцев, проведенных в Беларуси, Наири Зарьян неоднократно посещал дом Купалы. В своих воспоминаниях он писал: «Янка Купала произвел на меня глубокое впечатление. С первых встреч я убедился, что это исключительно дружелюбный и сердечный человек. Возможно, поэтому между нами установилась большая дружба, про которую я вспоминаю с большим теплом. <...> Купала был интересным собеседником и не менее интересным человеком»⁸. Зарьян подчеркивал такие черты характера Янки Купалы, как его внимание к людям, заботливость, гостеприимство: Купала дал распоряжение своему шоферу найти Н. Зарьяна после бани и привезти к себе домой; он позвонил в Дом творчества писателей и попросил директора каждый день подавать к столу любимое блюдо Зарьяна — капусту; он же первым поздравил его с награждением орденом Ленина⁹. Следующая встреча

4. Аміран С. Р. Наіры Зар'ян // Янка Купала: энцыклапедычны даведнік / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш.—Мінск, 1986.

5. «Дедушка» еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима — классик, писавший и на иврите, и на идише. Считается основоположником современной светской литературы на языке идиш.

6. Юбилейны вечар, прысвечаны Мендэле Мойхер-Сфорым // «Калгаснік Капыльшчыны». Копыль, 1936, № 9 (от 22 января).

7. Садоўскі М. Літаратурны інтэрнацыянальны вечар // «Калгаснік Капыльшчыны». Копыль, 1936, № 10 (от 24 января).

8. Зарьян Н. Мои встречи с Янкой Купалой (Ереван, 30.11.1967 г.) / Государственный литературный музей Янки Купалы (ГЛМЯНК), КП 1374, коллекция «Ушанаванне».

9. Там же.

поэтов состоялась в 1939 году, когда Янка Купала приехал в Ереван на торжества, посвященные 1000-летию эпоса «Давид Сасунский». В декабре 1940-го Зарьян отправил Купале поздравление по поводу 35-летия его литературной деятельности.

10–16 февраля 1936 года в Минске проходил Третий пленум правления ССП, посвященный вопросам поэзии, белорусской и башкирской литературы. К Наири Зарьяну присоединился еще один писатель из Армении — Гурген Маари. Он также стал вхож в дом Купалы. Белорусский поэт подарил Маари свой фотопортрет, подписав «*Гургену Маари с сердечным приветом. Янка Купала. Минск. 15/II-36 г.*». К сожалению, эти близкие отношения не имели дальнейшего развития, так как осенью того же года Г. Маари был арестован. Однако даже эта единственная встреча оставила в душе армянского писателя глубокий след, о чем свидетельствуют следующие его слова: «*Пропало много ценных сувениров, но сувенир великого сына белорусского народа чудом сохранился*»¹⁰. В фондах Государственного литературного музея Янки Купалы хранится фотокопия этого снимка, сделанная в 1964 году Ильей Семеновичем Клазом, русским прозаиком, заведовавшим отделом в музее Янки Купалы в 1966–1969 годах (илл. 1, 2). Оригинал оставался у Г. Маари, в настоящее время его судьба неизвестна.

В 1938–1939 годах были опубликованы новые произведения Купалы на армянском языке — поэма «Курган» в переводе Г. Борьяна («Советская литература», 1939, № 2) и стихотворение «Нашаму святу» («Нашему празднику») в переводе А. Аветикяна («Советская литература», 1939, № 1).

Со второй половины 1930-х годов стихотворения Купалы печатаются в школьных хрестоматиях Армении. В сборник «Советские писатели. Хрестоматия для X класса средней школы», подготовленный в 1937 году Г. Абовым (переиздания 1938, 1940, 1945 гг.), вошли стихотворения «А хто там ідзе?» («А кто там идет?») в переводе Н. Зарьяна и «Хвалююцца морскія хвалі...» в переводе Г. Сарьяна. Стихотворения «Алеся» и «Хлопчык і лётчык» («Мальчик и летчик») в переводе Н. Зарьяна, «Хвалююцца морскія хвалі...» в переводе Г. Сарьяна были включены в «Хрестоматию советской литературы для X класса», вышедшую в свет в 1948 году (составитель А. Мкртчян; переиздания 1950, 1951, 1952 гг.). В сборнике «Литература народов СССР» (Ереван, 1958) были размещены поэма «Курган» (перевод Г. Борьяна), стихотворения «А хто там ідзе?», «Арлянтам» («Орлятам»), «Генацвале», «Дзве таполі» («Два тополя»), «Сыходзіш, вёска, з яснай явы...» («Уходишь, деревня, из ясной явы...»), «Памяці Максіма Горкага» («Памяти Максима Горького») (перевод Н. Зарьяна), «Алеся», «Хлопчык і лётчык» (перевод Г. Сарьяна), «На смерць таварыша Кірава» («На смерть товарища Кирова»; перевод Л. Мириджаняна), «Будзь смелым!..» («Будь смелым!..»; перевод Ц. Шогенца).

Сближению Купалы с армянскими писателями способствовала его поездка в Армению в сентябре 1939 года на Седьмой пленум ССП СССР, посвященный 1000-летию юбилею армянского народного эпоса «Давид Сасунский». Как свидетельствует статья «Бессмертный армянский эпос», опубликованная в «Литературной газете» от 30 июня 1939 года (№ 36), подготовка к юбилею велась не только в Армении, но и в других республиках СССР. Именно Янка Купала рассказал корреспонденту газеты о мероприятиях, которые осуществлялись в преддверии юбилея в Беларуси: «*Два с половиной месяца осталось до празднования 1000-летия бессмертного армянского эпоса “Давид Сасунский”.* Этот праздник культуры

10. Маари Г. Об одном фотоснимке (Ереван. 29.11.1967 г.) / ГЛМЯнк, КП 1404, коллекция “Ушанаванне”.

советского народа будет ознаменован в СССР выпуском многочисленных изданий гениального произведения, научными и торжественными заседаниями, художественными вечерами. <...> Бригада белорусских поэтов перевела значительную часть из «Давида Сасунского»; отрывки из этого перевода печатались в журналах, а газета «Литература и мастацтво»¹¹ посвятила поэме две полосы. В дни торжеств в Минске состоятся большой общегородской вечер и ряд концертов и лекций, посвященных «Давиду Сасунскому»¹².

Янка Купала приехал в Ереван 14 сентября 1939 года и остановился в гостинице «Севан». На пленуме, состоявшемся 17 сентября 1939 года, он выступил с речью, в которой отметил высокую художественную ценность эпоса «Давид Сасунский»: «По справедливости, эта поэма может быть поставлена в один ряд с «Илиадой» и «Нибелунгами», «Словом о полку Игореве» и «Витязем в тигровой шкуре»¹³. Янка Купала подчеркнул, что эпос создавался в тяжелый исторический период, когда армянский народ оказался во враждебном окружении и в борьбе отстаивал свою независимость: «Эта поэма создавалась тогда, когда народ армянский боролся с нашествием врагов, не сдаваясь даже самым сильным из них. Поэма ярко изображает героический характер армянского народа.

Эта поэма проникнута великой идеей братства народов. И в ней народ мечтает о счастливой жизни.

Эти чувства и идеи близки всем народам»¹⁴.

Янка Купала высказал искреннее восхищение богатой культурой армянского народа: «Сейчас мы собрались в Армении, в столице народа, создавшего одну из самых древних, одну из самых славных человеческих культур. Уже полторы тысячи лет назад армянские архитекторы строили великолепные храмы, и народ Армении выдвигал из своих рядов изумительных мастеров резьбы по камню. Немало зданий и в других странах воздвигнуто руками армянских зодчих и каменщиков.

Но не только архитектурным искусством прославился армянский народ. С незапамятных времен он знаменит также искусством песнопения»¹⁵.

Следует отметить, что в своем выступлении Янка Купала подчеркнул свою роль именно как народного дипломата, представителя Беларуси на армянской земле, акцентировал внимание на подобию исторических судеб двух республик при всех внешних различиях: «В вашу страну гор и бурных рек, виноградных садов и кристальных ручьев меня послал народ страны дремучих лесов и тихих рек. По-разному прекрасны наши страны. Но одна и та же живет в них советская душа. <...>

Но есть еще одно у нас с вами сходство, которое особенно роднит народ Армении с народом Белоруссии.

Армения — южная пограничная республика.

Белоруссия — западная пограничная республика.

Так пусть же примет народ, охраняющий незыблемость советских южных гор, от народа, охраняющего незыблемость советских западных лесов, самый пламенный братский привет»¹⁶.

11. «Литература и искусство».

12. Бессмертный армянский эпос // Пуцявінамі Янкі Купалы: дакументы і матэрыялы / уклад. Г. В. Кісялёў. Мінск, 1981, с. 231–232.

13. Купала Я. Речь на юбилейном VII пленуме ЦСП СССР, посвященном 1000-летию армянского героического эпоса «Давид Сасунский» // Поўны збор твораў: у 9 т. Т. 8. Мінск, 2002, с. 195.

14. Там же, с. 195–196.

15. Там же, с. 195.

16. Там же, с. 196.

Вероятно, определенная общность исторических судеб армянского и белорусского народов, которые были вынуждены отстаивать свою свободу и независимость, культурное и историческое наследие, делала Армению для Янки Купалы еще более близкой, понятной, родственной. Чувашский писатель С. Эльгер, с которым Янка Купала познакомился во время работы пленума, вспоминал, что, делаясь с ним впечатлениями от пребывания в Армении, знакомства с ее историческими памятниками, Янка Купала образно воссоздал именно момент сражения древних армян с ордами захватчиков: «Как много пришлось бороться армянскому народу за свою независимость! Сколько войн пришлось ему выдержать в течение нескольких столетий!.. Да, недалеко, здесь, в районах этого самого Севана, закипели бои с арабскими и персидскими поработителями... Сижу, смотрю вот на склоны этих прибрежных гор, чудится, что вот, вот хлынут из ущелий, из впадин скал лавины древних воинов—армяне, персы, арабы, сельджуки—с копьями, мечами, щитами и закипит свирепый бой!.. Так и кажется, будто слышны душераздирающие крики, удары мечами, копьями по щитам и латам, слышатся бряцанье оружий и ржанье коней <...>»¹⁷.

В Ереване Янка Купала встречался со многими армянскими писателями и деятелями культуры, подружился с Дереником Демирчаном, известен их общий фотоснимок. Совместно с другими писателями ознакомился с Ереваном, выезжал в Дом творчества писателей на озере Севан, посетил древнюю столицу Армении Двин, исторические места Гарни, Гегард, Эчмиадзин, которые произвели большое впечатление на поэта.

Именно в Ереване из радиосообщения Янка Купала узнал, что Красная армия перешла границу Польши и вступила на территорию Западной Беларуси. Для поэта это было объективно радостным событием, восстановлением исторической справедливости, воссоединением белорусского народа, что нашло отражение в его выступлении на вечернем заседании пленума 17 сентября: «Я с радостью приветствую это решение советского правительства <...>»¹⁸. Под впечатлением этих событий Купала в Армении начал работу над циклом стихотворений «На западно-белорусские мотивы», включающим 14 произведений. Одно из них, «Слава тебе, Армія!..» («Слава тебе, Армия!..»), он прочитал на литературном вечере в Доме творчества писателей. Двенадцать стихотворений цикла имеют пометку-указание на место написания: Ереван—Минск.

Янка Купала был также знаком с известным армянским писателем Степаном Зорьяном (Аракеляном)—автором исторических романов. В соответствии с решением президиума ССП СССР оба они были включены в состав юбилейного комитета по празднованию 800-летия со дня рождения великого персидского поэта Низами¹⁹.

В 1940 году армянская общественность широко отметила 35-летие литературной деятельности Купалы. В периодической печати были размещены статьи: в «Литературной газете» («Гракан тэрт»²⁰) от 10.01.1941—«Юбилей Янки Купалы», в «Советской Грузии» («Советакан Врастан»²¹) в авторстве А. Магарадзе—«Белорусский народный поэт» (Тбилиси, 1940, № 284, на армянском языке), а Н. Зарьян отправил Купале поздравление, которое было опубликовано в литературно-художественном

17. Эльгер С. Янка Купала в Чебоксарах: воспоминания / ГЛМЯнк. КП 1445, "Ушанаванне", л. 3.

18. Купала Я. Речь на юбилейном VII пленуме ССП СССР, с. 194—195.

19. См.: «Литературная газета». Москва, 1939, № 7 (от 5 февраля); В Союзе советских писателей // Пуцявінамі Янкі

Купалы: дакументы і матэрыялы / уклад. Г.В. Кісялёў. Мінск, 1981, с. 230.

20. В оригинале—«Чрыціць рёрр».

21. «Մոլորակային Վրաստան»:

и общественно-политическом журнале «Польмя рэвалюцыі» (1941, № 1). В 1941 году в Ереване отдельными брошюрами на армянском языке были изданы статьи Купалы «Не будет белорус рабом немецких баронов» и «Поднялась Беларусь».

С болью восприняли армянские писатели известие о смерти Купалы. В журнале «Советская литература и искусство» («Советакан граканутюн ев арвест»²², Ереван, 1942, № 7) и газете «Советская Армения» («Советакан Айастан»²³ от 1 июля 1942 г.) был размещен некролог «Певец белорусского народа», который подписали А. Исаакян, М. Арази, С. Зорьян, Н. Зарьян, Г. Абов, А. Сирас, Г. Сарьян, А. Григорьян, Г. Борян, Х. Тапалтян. В нем с почтением и глубокой скорбью армянские писатели писали про творчество Купалы, его дружеские отношения с деятелями культуры Армении, отмечали его заслуги в развитии и укреплении армяно-белорусских литературных связей.

В послевоенное время поэзия Янки Купалы продолжала привлекать внимание армянских поэтов и переводчиков. В 1951 году в переводе Р. Аванесяна, Агавни, Н. Зарьяна, Г. Камуни, С. Капутикян, А. Лусенца, Л. Мириджаняна, Р. Погосян, Х. Рачана, П. Севака, М. Хераняна и Ц. Шогенца вышел сборник стихотворений Купалы «Избранное» (48 стихотворений, вступительная статья Е. Мозолькова) — своеобразная антология произведений поэта на армянском языке. В сборник вошли и дореволюционные стихотворения Купалы («Мужык», «Гэта крык, што жыве Беларусь», «Родныя песні», «Там», «А хто там ідзе?», «Я не паэта» и другие), и те, что были созданы в советское время, — «Спадчына» («Наследие», «Арлянятам», «Вечарынка», «Маладым паэтам», «Госці», «Ты з Заходняй, я з Усходняй...» («Ты из Западной, я из Восточной <Беларуси>»), «З новай думкай» («С новой мыслью»). Стихотворение «Хлопчы і лётчык» было включено в сборник белорусских детских писателей «Светлый путь» (1953 г.). Стихотворение «Поле» в переводе Паруйра Севака было опубликовано в газете «Пионерский клич» («Пионер канч»²⁴) от 11 июля 1954 года. Отдельные переводы произведений Купалы печатались в «Антологии белорусской литературы» (1957 г.). Творчеству и общественной деятельности поэта свои статьи посвятили С. Агабабян (Поэт-революционер (К 70-летию со дня рождения Янки Купалы) // «Авангард», Ереван, 08.07.1952), Р. Аванесян (Поэт братского народа // «Литературная газета» («Гракан тэрт»), 30.6.1952), Э. Налбандян (Великий белорусский поэт // «Коммунист», 09.07.1957), Ц. Шогенц (Великий поэт белорусского народа // «Авангард», 06.07.1957), А. Арамян (Великий друг армянского народа // «Вечерний Ереван» («Ерекоян Ереван»²⁵), 11.07.1972), З. Налбандян (Воспевший зарю (К 90-летию со дня рождения Янки Купалы) // «Комсомолец», Ереван, 08.07.1972), Т. Папян (Классик белорусской литературы // «Коммунист», 06.07.1972), А. Сароян (Певец Беларуси // «Советская Армения» («Советакан Айастан»), 08.07.1972), Г. Туманян (Поэт народа // «Вечерний Ереван» («Ерекоян Ереван»), 10.07.1972) и другие. В этих публикациях литературная деятельность поэта рассматривалась в связи с историей и судьбой белорусского народа, подчеркивалась тесная связь поэтики Купалы с народным творчеством, национальная самобытность его произведений, отмечались большие заслуги поэта в воспитании молодого писательского поколения, его роль в развитии принципов реалистического искусства Беларуси. В армянской печати опубликованы

22. «Սովետական գրականություն և արվեստ»:

23. «Սովետական Հայաստան»:

24. «Պիոներ կանչ»:

25. «Երեկոյան Երևան»:

также статьи М. Лынькова «Янка Купала» («Коммунист», 08.07.1962, и «Гракан тэрт», 06.07.1962) и Е. Мозолькова «Янка Купала» («Авангард», 07.07.1962). В 1960–1980-е годы на армянский язык переведены произведения Купалы «Святочные вершы» («Праздничные стихи») в переводе М. Карамяна («Советакан Вростан», 25.09.1966), «З надзейя гаротнай...» («С горестной надеждой») и «Яшчэ прыйдзе вясна» («Еще придет весна») в переводе А. Сарояна («Ерекоюн Ереван», 10.07.1972), «Песня» («Ой, рана, рана войска ўставала...» («Ой, рано, рано войско вставало...»)) в переводе Н. Микаэлян (журнал «Пионер», Ереван, 1972, № 7). Многие армянские писатели и деятели культуры посещали родину Купалы: в 1949 году Ашот Граши выступил на митинге, посвященном открытию памятника-бюста Купале в Минске, и посвятил этому событию стихотворение «На родине Янки Купалы». В июле 1972 года Сильва Капутикян участвовала в праздновании 90-летия со дня рождения поэта. Она выступила на торжественном вечере в Минске и на празднике поэзии в Вязынке. К 100-летию со дня рождения Купалы в армянской печати были размещены: редакционная статья «Янке Купале — 100» и стихи «За ўсё...» («За все...»), «Я не паэта» («Я не поэт») в переводе С. Касяна («Гракан тэрт», 09.07.1982), статья С. Григоряна «Белорусский классик на армянском языке» («Авангард», 11.07.1982). В конце XX века поэзия Купалы была неотъемлемой частью духовной жизни армянского народа.

Исторические события последнего десятилетия XX века, и в первую очередь распад Советского Союза, внесли в развитие межкультурного диалога Беларуси и Армении существенные коррективы. Распад огромного многонационального государства на суверенные страны привел не только к разрыву существовавших хозяйственных, но и культурных связей. Поддержание бывших литературных контактов стало не задачей государственных программ, а делом отдельных энтузиастов. Экономическая и политическая нестабильность, вооруженные конфликты 1990-х годов заставляли национальную культуру сосредотачиваться в первую очередь на сохранении собственного наследия.

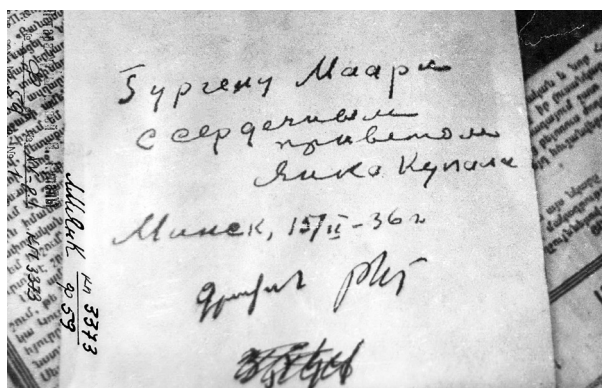
Сейчас процессы поддержания и развития межкультурной коммуникации берут новый старт, стремясь наверстать упущенное, и перед исследователями, творцами, деятелями культуры как в Армении, так и в Беларуси открывается широкое поле деятельности. Мы по-новому осмысливаем и открываем духовное наследие наших народов миру. Отсутствие прежних идеологических ограничений позволяет представить творчество классиков национальных литератур, каким является Янка Купала, во всей его полноте и разнообразии. Государственный литературный музей Янки Купалы, чьей миссией является сохранение, изучение и популяризация наследия Купалы — поэта, драматурга, публициста, общественного деятеля, продолжая традиции, заложенные самим поэтом, стремится как можно шире представить его творчество в мире, пробудить интерес к жизни и деятельности человека, еще при жизни названного пророком белорусского национального возрождения. Именно так родился начатый музеем в 2015 году международный выставочный проект «Янка Купала в диалоге культур», адресованный прежде всего иностранной аудитории. Выставки проекта прошли в Финляндии, Эстонии, Израиле, России, Литве, Латвии, Польше, Украине, Грузии, Франции, Сербии. В июне 2018 года выставка «В страну гор и бурных рек...», созданная в рамках проекта, была представлена в Ереване. Как свидетельствует практика музейной работы, осуществление выставочных проектов, общественно-культурных акций за рубежом зачастую становится фактором, активизирующим межкультурную коммуникацию. Так, после ряда успешных экспозиционных и культурных мероприятий,

реализованных музеем Янки Купалы в Словакии, в 2017 году появилось первое отдельное издание произведений белорусского поэта на словацком языке—сборник «А хто там ідзе?». Хочется надеяться, что творческое наследие Янки Купалы обратит на себя внимание армянских писателей-переводчиков, которые вновь откроют его для своих соотечественников. Важным шагом на этом пути является соглашение о переводе на армянский язык сонетария Янки Купалы для включения во второе издание собрания сонетов Янки Купалы на языках мира, над подготовкой которого ведется работа в Министерстве информации Республики Беларусь. Дружба—фундамент, на котором должны строиться отношения между народами и странами. Культурный диалог, начатый Янкой Купалой, его друзьями и современниками, продолжается.

Иллюстрации

Илл. 1. Копия фотографии Янки Купалы, подаренной Гургену Маари.

Илл. 2. Надпись на обратной стороне фотографии: «Гургену Маари с сердечным приветом. Янка Купала. Минск, 15/II-36 г.».

Summary

Galina Varyonova,

academic secretary of the State Literary Museum of Yanka Kupala (Minsk)

“To the country of mountains and tumultuous rivers ...”: Yanka Kupala and Armenia

Article is devoted to the contribution of the first national poet of Belarus Yanka Kupala to the formation and development of cultural ties between Belarus and Armenia in the first half of 20th century, his role as a people’s diplomat in the growth of intercultural interaction between the Belarusian and Armenian peoples. It talks about the creative cooperation of the Belarusian classic poet and spiritual leader of the nation with the Armenian writers Nairi Zaryan and Gurgen Mahari, based on interpersonal contacts and repeated meetings. It also covers the visit of Yanka Kupala, as a public figure and representative of Belarus, to Armenia in September 1939 to participate in the 7th plenum of the USSR Writers’ Union, dedicated to the 1000th anniversary of the Armenian epos “David of Sasun”. It examines the reflection of poet’s creative heritage in cultural life of Armenia, as well as the retrospective of translation of his works into Armenian until the 80s of the 20th century inclusive.

At one time, the poetry of Yanka Kupala was an integral part of the cultural life of Armenia. In the context of modern socio-political realities, the new perception of Yanka Kupala’s creativity has significant potential for the development of intercultural communication, which is confirmed by the international projects of the State Literary Museum of Yanka Kupala, implemented in several countries, including Armenia in 2018.

Традиции армянской школы художественной картографии и их развитие на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы

Рубен Атоян,

кандидат технических наук, научный сотрудник, Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ» (Минск)

Многие карты, выполненные армянскими авторами, привлекают внимание необычным стилем исполнения, художественным, творческим подходом к отображаемой теме. В этих работах чувствуется национальный колорит: карты выдержаны в ярких цветах, декорированы орнаментами и рисунками, названия подписаны художественным шрифтом. Можно провести параллели между оформлением армянских художественных карт и иллюстрированием армянских средневековых рукописных книг. Как первым, так и вторым присущи одинаковая цветовая гамма, яркие краски, буквы (первые буквы текстов и заглавий), оформленные замысловатыми орнаментами с использованием растительных, животных и геометрических мотивов.

Настоящая статья посвящена возрождающимся традициям армянской художественной картографии, характерной чертой которых является максимально выразительное изображение местности, внедрение в это изображение миниатюрного «объемного» рисунка. Особый стиль современных армянских художественных карт сформирован на старых национальных традициях и основан на технических и художественных навыках картографов, а также на теоретической базе по созданию художественных карт, недавно разработанной армянскими авторами.

Еще в XVIII веке граверы армяно-католической конгрегации мхитаристов в Венеции, оформляя карты Армении, делали это с любовью и трепетом. Особенно красиво оформлен картуш карты «*Ашхарацойц Айастанеац*»¹ 1778 года, которую мхитаристам заказал известный общественный деятель из Индии, один из ярких представителей армянского национально-освободительного движения Шаамир Шаамирян (Шаамирянц). Именно поэтому второе название карты — «Карта Шаамирянца». В армянской картографии это шестая по хронологии печатная карта на армянском языке². В ее оформлении кроме флагов, оружия и музыкальных инструментов можно увидеть изображения праотца армян Айка, одного из древних правителей Армении царя Арама с картой страны, царей Тиграна Великого (95–55 гг. до н. э.) и Трдата III Великого (287–330 гг.), провозгласившего христианство официальной религией в Армении (илл. 1).

1. С армянского переводится как «География Армении».

2. *Атоян Р. В.* Карта Армении XVIII века Ш. Шаамирянца и её историческая роль в укреплении и развитии российско-армянских отношений // Материалы Междунар. науч. конф. «Армянская диаспора и армяно-российские отношения: история и современность» (Москва, 2018) (в стадии публикации); *Степанян И. С.* Армянские картографические издания за 260 лет (1695–1955). Краткий очерк. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

Помимо красивых декоративных рамок и картушей на армянских картах XVII–XVIII веков появлялись изображения значимых памятников архитектуры. Одним из первых подобных произведений является рукописная карта «*Tabula Chorographica Armenica*»³ 1691 года. Ее называют также «Картой из Болоньи», так как она была обнаружена в архиве Болонского университета. Сложно было понять сразу, что это карта в обычном понимании: на ней нет рек и дорог, привычных для нас условных знаков и легенды. Табула представляет собой свиток огромных размеров (358 × 120 см) с множеством иллюстраций, но основными являются армянские монастыри Эчмиадзина, запечатленные именно так, как они выглядели в XVII столетии. Все содержание карты приведено на армянском языке, и только заголовок подписан на итальянском, так как она была заказана итальянским графом Людовиком Марсили. На карте дана подпись на армянском языке: «Рукой художника Магакии, сына Иеремии Константинопольского, [исполнена]». Магакия Кёмюрджян (1662–1702 гг.) был искусным художником-миниатюристом. В 1685 году он вместе с отцом посетил Армению—Первопрестольный Святой Эчмиадзин, чем и объясняется точность изображения эчмиадзинских монастырей на карте. Табула послужила материалом для научного труда профессора Габриэлы Улуоджян из Италии⁴. С большой точностью и скрупулезностью, присущей исследователю, она изучила и перевела на итальянский язык более 800 текстовых вставок, помещенных на карте.

Традиции армянской художественной картографии далекого прошлого нашли продолжение в работах армянских картографов и художников XX века. На картах изображались Библейский Арарат с Ноевым ковчегом, горы Армении, исторические мотивы, отдельные персонажи, памятники архитектуры и культуры. Художественное оформление армянских карт первой половины XX века часто доминирует над картографическим содержанием, последнее представляется в упрощенном схематичном варианте. Красиво оформлены карты-картины О. Папесяна, З. Ханзадяна и других авторов. Интересна с точки зрения содержания и художественного оформления карта Армении О. Папесяна (Париж, 1931 г., на армянском языке). Она богато иллюстрирована, декорирована армянскими орнаментами. Основное картографическое содержание дополнено четырьмя врезками: района озера Ван, Киликии, окрестностей Карина (Эрзрума) и Харберда. На диаграммах размещены статистические данные—численность армян в разных странах и национальный состав населения в самой Армении. Много иллюстраций. В художественную рамку вписаны рисунки памятников архитектуры—церквей, крепостей, мостов. Оформление дополнено портретами царей Тиграна Великого и Арташеса (190–159 гг. до н. э.), католикаса Нерсеса Аштаракеци (1843–1857 гг.) и просветителя нового времени Хачатура Абовяна (илл. 2). Есть также изображения птиц, животных, рыб и много текста. Поэтому отметим индивидуальный подход художника-составителя к карте и отсутствие каких-либо общепринятых правил оформления данного произведения. Но в целом карта смотрится красиво. В выходных данных автор пишет, что готовит карту Армянского нагорья большого размера (*Ашхарацуиц*) и просит помочь ему фотографиями. Фотографии могли выслать и те, кому захотелось бы увидеть родные места на будущей карте.

Совмещение картографического и художественного изображений показано на примере античной карты греческого географа Гекатея (VI в. до н. э.), восстановленной

3. Хорографическая (описательная) карта Армении.

4. *Uluhogian G. Un' antica mappa dell'Armenia. Italy, 2000.*

британцем Джоном Мери и оформленной художником-картографом из Франции Затигом Ханзадяном. В оформлении использовались как античные, так и армянские сюжеты (илл. 3).

Некогда главный картограф Турции адмирал З. Ханзадян с началом Первой мировой войны был снят с должности как нежелательный элемент, но успел покинуть страну незадолго до известных событий 1915 года. Дальнейшая карьера З. Ханзадяна была связана с Военно-морским флотом Франции, где он занимал различные посты, являлся разработчиком атласов для ВМФ ряда стран НАТО. В 1960 году вышел в свет атлас истории Армении З. Ханзадяна «*Картезагрутюн Айоц Азги Патмутеан*» (Картография истории армянского народа). Атлас включает много старых известных карт, но некоторые листы полностью оформлены автором. Издан он на двух языках, отдельными листами, но не все содержание имеет параллельный перевод. Например, лист атласа, посвященный Урарту (с. 33), содержит три карты, из которых две на французском, а одна на армянском языках. Отметим оригинальное художественное оформление этого листа атласа, включающее изображения урартской колесницы и клинописи.

Не только карты украшались художественными элементами, но и на живописных полотнах появлялись картографические изображения. Например, армянский пейзаж на картине выдающегося художника Мартироса Сарьяна эмоционально усилен картой Армянской ССР (илл. 4).

Иногда кажется, что армянские художественные карты «перегружены» рисунками. В этом плане примечательна иллюстрированная «Карта-путеводитель историко-архитектурных памятников Армении» Г. Авакяна с многочисленными «некартографическими» изображениями. Григор Авакян долгие годы проработал в реставрационной мастерской, выполнил большое количество акварельных изображений архитектурных памятников Армении, лучшие из которых нашли место на его карте. Впервые она увидела свет в 1970-х годах, затем многократно переиздавалась и в настоящее время является наиболее популярным путеводителем для туристов по Армении. Кроме памятников архитектуры и хачкаров свое место в этой работе нашли армянский алфавит и стихи известных поэтов. Один только взгляд на такую карту приводит к мысли, что Армения действительно является музеем под открытым небом, как часто ее называют.

Современные армянские художественные карты созданы не только на основе старых национальных традиций, но также имеют научно-теоретическую платформу, разработанную армянскими авторами относительно недавно. В связи с этим коротко остановимся на художественно-картографических работах АрмГИИГИС (Армянского государственного института инженерно-геодезических изысканий и съемок), который был образован в 1972 году. С 1975 года в Армянской ССР начали создаваться карты для массового пользователя. После организации в 1979 году «тематической» группы при картографическом отделе, а с 1981 года — самостоятельного отдела тематического картографирования большинство картографических работ по Армении выполнялись уже непосредственно в Ереване. За короткий срок отдел сумел полностью наладить картографическое производство по традиционной технологии, а также создать армянскую, неповторимую по стилю оформления карт дизайнерскую школу. Отметим также, что в институте АрмГИИГИС велась научная работа: разрабатывались новые виды карт, новые системы условных знаков, внедрялись методы художественного оформления карт. В 1980-е годы отдел достиг больших успехов в разработке панорамных карт, создаваемых на основе технологии построения перспективного изображения для туристских

карт-схем, разработанной в АрмГИИГИС (авторы: Р. Атоян и С. Абрамян, авторское свидетельство оформлено в 1986 г.).

Составление перспективного изображения — сложный процесс, который может быть выполнен картографом-дизайнером высокой квалификации, имеющим навыки в топографии, начертательной геометрии, рисовании. Весь процесс условно делится на следующие этапы: выбор направления проецирования, определение высоты горизонта, глубины изображения, вида проекции и построение изображения на карте-основе. Являясь полностью творческим процессом, зависящим от опыта и мастерства картографа, тем не менее художественное построение панорамных карт опирается на такие фундаментальные знания, как законы линейной и воздушной перспективы, основы цветоведения и цветовая пластика. Естественно, каждый картограф сохраняет свою индивидуальность как художник, так как это творческий процесс, и каждый к нему подходит по-своему.

Перспективное изображение открывает поистине широкие возможности при создании туристских карт. Перед другими видами изображения перспектива имеет следующие преимущества:

- перспективное изображение наглядно, отображаемые объекты тождественны натуре;
- используются графические приемы, доступные восприятию каждого;
- в перспективе могут быть показаны в основном все элементы ландшафта;
- возможны разработки карт-панорам на любые территории в различных вариантах (настенные, буклеты, открытки)⁵.

Разработанная методика создания панорамных карт неоднократно была апробирована в 1980-х годах. Например, картинный способ изображения рельефа применялся при создании обзорной туристской карты «По южным склонам Арагаца», маршрутных карт-открыток «К вершинам Арагаца» и «Гарни—Гехард», «Круговой панорамы Армянского нагорья»; физиографический способ изображения рельефа использовался в экспериментальной карте «Цахкадзор зимой и летом». Большое внимание уделялось оформлению обложек карт, особенно туристских, нередко интересно сложенные коллажи. Поэтому считаем уместным подчеркнуть уникальность школы армянской художественной картографии, традиции которой не только сохранились до наших дней, но также были развиты и многократно приумножены. В этой связи можно говорить о таких новых профессиях, как картограф-художник и декоратор карт (в университетах мира специалистов таких профессий пока не готовят).

Остановимся подробнее на некоторых художественно-картографических работах 1980-х—2000-х годов. По своей значимости для армянской художественной картографии, а также оригинальности метода исполнения выделяется туристская иллюстрированная панорамная карта-схема «Ереван», которая была издана в 1985 году (автор С. Абрамян). Она уникальна в исполнении, ничего подобного не создавалось ни до, ни после нее. Картографическое изображение разделено на четыре сектора по частям света. Каждый сектор имеет свою ориентировку, и, хотя схема несколько необычна в использовании (приходится постоянно крутить, ориентируясь на местности), к этому можно быстро привыкнуть. Центральной точкой обзора выбрана смотровая площадка Монумента 50-летия установления

5. Атоян Р. В. Перспективное изображение на туристских картах // Геодезия и картография. 1987, № 8, с. 36–40;
Атоян Р. В. Совершенствование методики и технологии создания туристских карт и разработка их новых видов // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Москва, 1989.

Советской власти в Армении (в настоящее время памятник называется «Возрождение») — места, в обязательном порядке посещаемого туристами и экскурсантами. С выбранной центральной точки в южном направлении представлен центр города с видом на Арарат, в западном направлении открывается вершина Арагаца, в северном — панорама горного массива Араи-лер, а восточном — отроги Гегамского хребта. Карта-схема «Ереван» была издана большим даже для тех времен тиражом — 164 тыс. экземпляров. Экземпляр ее экспонируется в Музее истории города Еревана. К сожалению, техническое оснащение картографической промышленности 1980-х не позволило выполнить издание этого интересного произведения с высоким полиграфическим качеством.

Следует отметить также сотрудничество отдела тематической картографии АрмГИИГИС с Институтом древних рукописей — Матенадараном. По заказу последнего в 1987 году в одном экземпляре были созданы две большие карты (размер каждой — 180 × 120 см) под общим названием «Центры армянской рукописной культуры», которые уже 30 лет являются частью экспозиции Матенадарана. Первая выполнена в технике отмывки рельефа и охватывает территорию Армянского нагорья (картограф-художник Р. Атоян), а на второй показана карта мира с административным делением (картограф-художник С. Абраамян). Специальное тематическое содержание, демонстрирующее количество манускриптов, созданных «под сенью» того или иного армянского духовного центра в той или иной стране, составлено сотрудником Матенадарана, доктором исторических наук Арташесом Матевосяном.

Отметим также один из крупных благотворительных проектов в современной армянской картографии — карту-буклет историко-культурного наследия крымских армян «Армяне в Крыму» (1990 г.), которая была составлена и подготовлена к изданию творческой группой (С. Абраамян, Р. Атоян, Ю. Варян и С. Давтян) на общественных началах. На этой панорамной карте, одновременно являющейся и справочником, наиболее полно представлены все поселения в Крыму, где проживали армяне, армянские монастыри, церкви и хачкары, указаны старые названия населенных пунктов. Заслуживает внимания общее художественное оформление буклета. Даны графические рисунки памятников, портреты выдающихся деятелей-армян из Крыма (илл. 5). На оборотной стороне листа размещен пояснительный текст с картами, раскрывающими динамику переселения армян на Крымский полуостров, историю армянских колоний. Следовательно, представленный материал — не только нарисованная красивая карта, но и наглядное справочное пособие.

Аналогичная по тематике карта «Армяне в Италии» (автор содержания — доктор ист. наук Вардан Григорян, художественное оформление — Р. Атоян) была создана в 1986 году и использовалась в «передвижной выставке» Матенадарана, в частности, для оформления экспозиции армянских манускриптов, созданных в Италии. Позднее эта карта была издана на острове Сан-Лазаро в Венеции на немецком языке в качестве иллюстрации к книге «Венеция и армяне».

Хотелось бы подробно остановиться еще на одном картографическом произведении, открывшем новую страницу в армянской картографии, — художественно-панорамной карте центральной части Еревана (картограф-художник Р. Атоян). Впервые она была издана на армянском языке в 2001 году общественной организацией «Айоц Ашхар» (Страна армянская) и в том же году была представлена на персональной картографической выставке автора в Доме художников Армении. В 2012 году Фондом развития и поддержки арменоведческих исследований

«Анив» панорама была доработана и обновлена с использованием современных технологий и интернет-ресурсов, а затем издана на русском и английском языках (илл. 6). Цель карты — изобразить не только достопримечательности Еревана, но и весь городской ландшафт в реалистической форме. Она является последней на сегодняшний день нарисованной картой столицы Армении и наглядным историческим документом начала XXI века. Одновременно это первая подробная карта Еревана, создающая трехмерный правдивый образ города, максимально приближенный к художественному произведению.

Следующей значительной картографической работой Фонда «Анив» является «Иллюстрированная панорамная карта Арцаха» (2011–2012 гг.). Это региональная карта, в которой большое значение уделялось изображению природных объектов: рельефа, гидрографии и растительного покрова. Для разработки карты-основы и специального тематического содержания использовались топографические карты масштаба 1:100000 советского периода, а также современные картографические и другие издания Республики Армения: атласы и карты НКР (Нагорно-Карабахской Республики, Республики Арцах) 2007–2012 годов, исследования Шагена Хачатряна и Самвела Карапетяна. На карте показаны все населенные пункты Арцаха, включая и Северный Арцах, а также монастыри, церкви, кладбища, хачкары, старые мосты, места исчезнувших поселений, развалины мельниц и другие объекты. Карта дополнена акварельными рисунками картографа-художника С. Абрамяна, что делает ее не только информативной, но и красиво оформленной. В 2015–2016 годах карта Арцаха была издана на русском и армянском языках (илл. 7).

Современный этап армянской художественной картографии охватывает не только отображение территории Армении, ее городов и регионов, но и армянских переселенческих очагов. Так, идея создания карты «Армяне на землях Королевства Польского и Великого Княжества Литовского в XIV–XVIII веках» (Фонд «Анив», авторы Р. Атоян, А. Хечоян, А. Земба и К. Стопка, 2015 г.) возникла в 2010 году, после первой экспедиции фонда «Анив» в Западную Украину и Польшу. Карта стала итоговым результатом пяти экспедиций Фонда «Анив» (общая протяженность маршрутов по Западной Украине и Польше в 2010–2014 гг. составила более 9 тыс. км). Цель создания карты заключалась в сборе и представлении на наглядной картографической основе материала об армянской истории и культуре в Речи Посполитой, в привлечении специалистов для изучения армянских памятников, их реставрации и сохранения для потомков, а также популяризации армянского культурно-исторического наследия за рубежом. Содержание карты состоит из географической основы и исторической информации. Современная географическая ситуация представлена в наглядной форме, показаны рельеф, реки и озера, растительность. Историческая информация (специальное содержание), нанесенная на карту, очень богата и многопланова. Форма представления содержания — наглядная, на карте использованы выразительные картографические знаки разных размеров и цветов, при помощи которых можно передать количественные и качественные характеристики объектов. Произведение украшают шесть карт-врезок городов Варшавы, Кракова, Львова, Каменца-Подольского, Замосця (илл. 8) и Язловца с подробным показом памятников армянского культурного наследия⁶.

Для карты «Армяне на землях Королевства Польского и Великого Княжества Литовского в XIV–XVIII веках» была предложена совмещенная рукописно-компьютерная

6. Атоян Р., Хечоян А. К вопросу создания карт армянского исторического и культурного наследия // «Вестник Матенадарана». Т. 21 (Материалы XIII конференции АПЕА). Ереван, 2014, с. 173–178 (на арм. яз.)

методика на основе трехмерных ландшафтных геоизображений, которая представляет совершенно новое и перспективное направление в художественной картографии (разработана А. Герман в 2014–2017 гг.)⁷.

В продолжение темы армянских колоний добавим, что Фонд «Анив» инициировал создание серии художественных карт армянского культурного наследия в других странах, собран значительный материал и начато составление иллюстрированных карт по Румынии, Болгарии и Крыму.

Теоретические основы художественной картографии были разработаны автором статьи в двух последних декадах XX века. Изучая это направление, следует говорить о нетрадиционных формах картографического изображения, к которым относятся живописно-ландшафтные, декоративные, юмористические и другие виды изображений на картах. Они создаются без строгого и точного применения картографических законов и способов. К этой группе относятся также некоторые геоизображения, полученные трансформированием карты, например аксонометрия и перспектива местности. Все эти вопросы изучаются новой картографической дисциплиной — «картографикой» (термин введен в научный оборот автором статьи на конференции в Москве в 2009 г.). В ней прослеживается связь картографии с эстетикой, изобразительным и декоративно-прикладным искусством, промышленным дизайном⁸.

Помимо указанных выше художественно-картографических работ автором статьи выполнены панорамные карты ряда городов, замков, курортных зон и усадеб, находящихся в государствах Восточной и Центральной Европы:

- в Польше — панорамные карты городов Варшавы, Кракова, Гданьска и других (6 наименований);
- на Украине — панорамные карты Киева, Львова, Каменца-Подольского и других (16 наименований);
- в Беларуси — панорамные карты Минска, областных центров, городов-музеев и других (34 наименования);
- в Литве — панорамные карты Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Тракая и других (11 наименований);
- в Латвии — панорамная карта центра Риги;
- в Болгарии — панорамные карты курортов (6 наименований);
- в России — панорамные карты Москвы и Санкт-Петербурга;
- в Германии — панорамные карты Берлина и Потсдама;
- в Швейцарии — панорамные карты Берна и Цюриха.

Следует также отметить, что вышеперечисленные карты-панорамы были широко представлены в экспозициях картографических выставок, туристических ярмарок, материалы о них освещены в периодической печати разных стран. Некоторые работы отмечены международными наградами, призами и грамотами Польши, Германии, Беларуси.

Хочется также обратить внимание на работы картографа-художника Стефана Абрамяна. Работая в АрмГИИГИС с 1981 по 1994 годы, он редактировал и оформлял различные туристские карты, являлся автором художественного оформления

7. Атоян Л., Герман А. О методике построения и компьютерного дизайна трехмерного картографического изображения // «Земля Беларуси». 2015, № 4, с. 36–40; Ruben V. Atoyán, Anna German. New Technologies in 3-D mapping // Bulletin of Geography. Socio-economic Series / The Journal of Nicolaus Copernicus University. Vol. 12. Torun, 2017, pp. 31–40.

8. Атоян Р. В., Чумак И. А. Предмет и задачи художественной картографии — «картографики» // Тез. докл. Междунар. научно-технической конф. «Геодезия, картография и кадастр—XXI век». Москва, 2009, с.73–74.

многих армянских карт 1980–90-х годов. Наиболее значимые работы С. Абрамяна по армянской тематике: вышеупомянутое панорамное изображение Еревана по секторам, «Центры армянской рукописной культуры» (карта мира), «Ландшафтная карта Армении». В 2000-х годах в России Стефан Абрамян нарисовал и издал карту достопримечательностей Липецкой области, панорамы Липецка, Ельца, Сергиева Посада, Задонских монастырей, памятников Лебедянска, Краковского еврейского предместья «Казимеж» (илл. 9), старой части Львова и другие.

Выполняя работы по картографическому изображению зарубежных стран, городов и регионов, армянские авторы всегда отмечают присутствовавшее армянское культурное наследие, даже незначительные его остатки, которыми другие авторы могли бы пренебречь. Например, на картах-панорамах Львова, Каменца-Подольского, крымских городов показаны армянские памятники, которых нет на обычных картах тех же городов. Нельзя также недооценивать значение этих работ для культуры, науки и искусства вышеперечисленных стран и регионов. Ведь подобные изображения создаются впервые, если не считать редкие старые карты. Во всяком случае, нам известны только несколько произведений — карты-панорамы Вильнюса, Варшавы, Кракова, Москвы, Берлина и Цюриха, выполненные в XVI–XIX веках.

Таким образом, усилиями армянских специалистов в картографии появилось новое направление, выразительное в художественном отношении, обогащенное цветом и информативностью. В отличие от старых карт (как их принято называть — античных), произведения этого направления не только имеют высокую точность передачи элементов ландшафта (природного, городского, архитектурного), но и служат наглядным путеводителем и красочным сувениром как для туристов, так и для самих жителей. Их можно рассматривать также как исторический документ, как план города на конкретный период времени, ибо в них скрупулезно показаны дома, их этажность, цвет фасадов и крыш, а на крупномасштабных панорамах — даже элементы декора. Все карты-панорамы востребованы, многократно переиздавались, некоторые из них (Берлин, Минск, Вильнюс) выдержали более 10 изданий в различных вариантах. Автору статьи неоднократно выражали благодарность жители городов, изображенных на картах, специалисты-картографы и их воспитанники — учащиеся вузов. Рассказывая о своем городе и университете во время стажировок и поездок, они дарят карты-панорамы в качестве сувениров.

Иллюстрации

Илл.1. Картуш карты
«Аихарацоц Айастанеац», 1778 г.

Илл. 2. Титул иллюстрированной
карты Армении О. Папаяна.
Париж, 1931 г.

Илл. 3. Карта мира
Гекатея Милетского (VI в. до н. э.)
в художественной интерпретации
З. Ханзадяна. Париж, 1960 г.

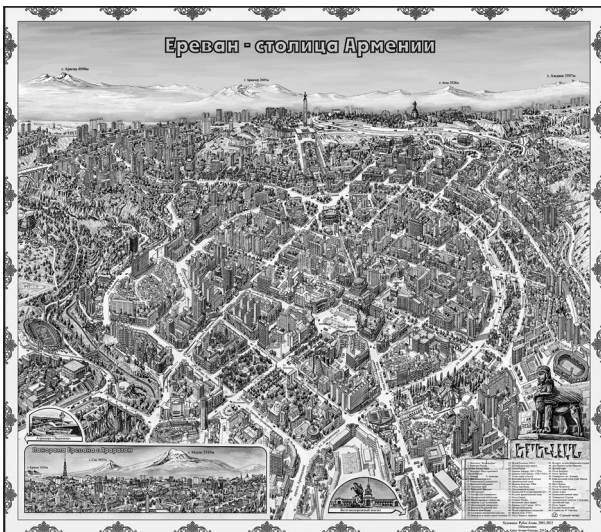

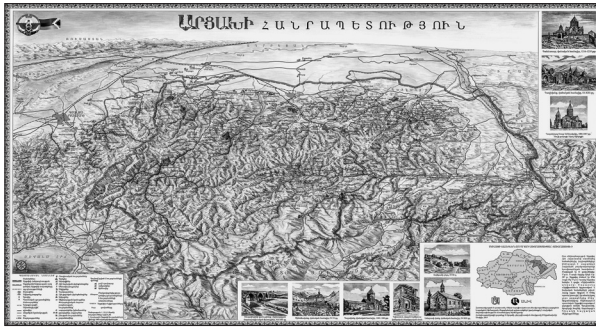
Илл. 4. Картографическое изображение Армянской ССР на картине М. Сарьяна

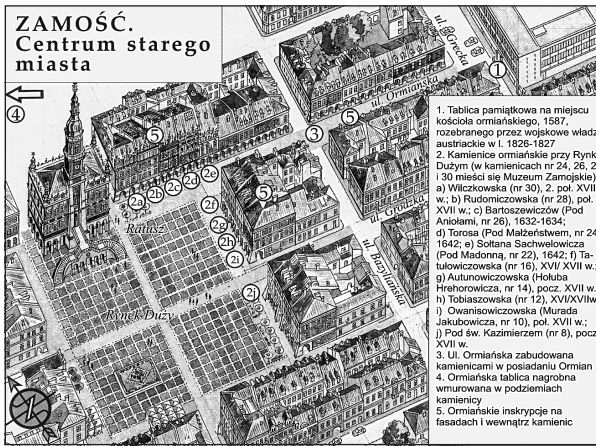
Илл. 5. Карта «Армяне в Крыму», 1990 г.

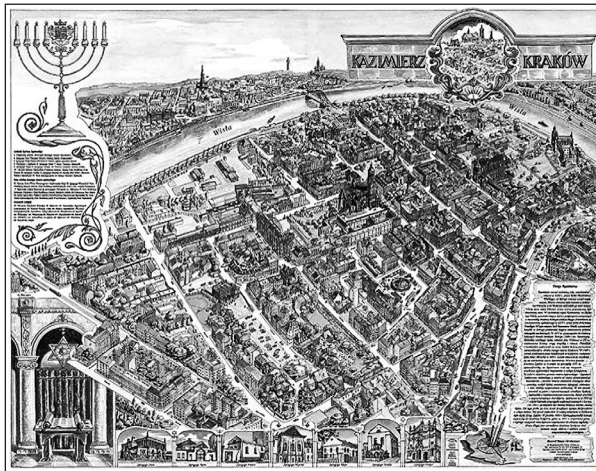
Илл. 6. Художественно-панорамная карта Еревана, Фонд «Ани». Авторы Р. Атоян и А. Герман, 2012 г.

Илл. 7. Панорамная карта Арцаха, Фонд «Анив». Авторы Р. Атоян и С. Абрамян, 2015 г.

Илл. 8. Фрагмент карты «Армяне на землях Королевства Польского и Великого Княжества Литовского в XIV–XVIII веках». Карта-врезка Замосця, польский вариант, 2015 г.

Илл. 9. Панорамная карта предместья «Казимеж» в Кракове. Автор С. Абрамян, 2005 г.

Summary

Ruben Atoyán,

PhD in Technical Science, Research Fellow, “ANIV” Foundation for Development and Support of Armenian Studies (Minsk)

Traditions of the Armenian School of Artistic Cartography and their development in the Post-Soviet space and in Eastern Europe

Many maps made by the Armenian authors attract attention by the unusual style of execution, artistic, creative approach to the displayed topic. In these works, one can feel the national flavor: the maps are sustained in bright colors, decorated with ornaments and drawings, the names are signed with an artistic font. It is possible to draw parallels between the design of the Armenian art maps and the illustrations of the Armenian medieval manuscripts. Both the first and the second have the same color scheme, bright hues, drop caps (the first letters of texts and titles), decorated with intricate ornaments using plant, animal and geometric motifs.

This article is devoted to the reviving traditions of the Armenian artistic cartography, a characteristic feature of which is the most expressive image of the area, the introduction of a miniature “volumetric” drawing into this image. It examines in detail the decoration of the Armenian maps from the 17th century to the present. In addition to beautifully designed decorative frames and cartouches, Armenian maps are notable for the images of the mountains of Armenia, churches, kings, and cultural figures. The article notes that the special style of the Armenian art maps is formed on the basis of old national traditions, technical and artistic skills of cartographers, as well as on a theoretical platform for the creation of art maps, recently developed by the Armenian authors. Therefore, based on the analysis of the main works, the uniqueness of the Armenian artistic cartography school is emphasized, the traditions of it have not only survived to this day, but have been developed and multiplied many times over.

The technique of creating panoramic maps, developed in the 1980s in Armenia, was repeatedly tested in the creation of modern map-works, reproducing as cities and regions of Armenia, as those of Belarus, Germany, Lithuania, Poland, Russia, Ukraine and others. Studying this direction, one should talk about non-traditional forms of cartographic image, which include picturesque landscape images on maps. The panorama maps made by the author of the article were widely presented in the expositions of cartographic exhibitions, tourist fairs, they were covered in periodicals from different countries. Armenian authors have always marked on the maps the Armenian cultural heritage in different countries, even its insignificant remains, which other authors would have neglected.

Thus, thanks to the efforts of the Armenian cartographers, the new direction maps received much more expressiveness and a new artistic sound. Modern maps by the Armenian authors, using modern technical means and Internet resources, are distinguished by high accuracy in conveying landscape elements (natural, urban, architectural). They serve as a visual guide and a colorful souvenir. They can also be viewed as a historical document, as a city plan for a specific period. These maps are in demand and have been reprinted many times by the European publishers.

Фольклорные реликвии переселившихся в Пятигорск арцахских армян

Вержине Свазлян,

доктор филологических наук, заслуженный деятель науки, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики
Армении (Ереван)

Невзирая на то что моя 60-летняя научная деятельность большей частью была направлена на сбор и изучение произведений устного народного творчества западных армян, фольклорное наследие жителей Арцаха, относящихся к восточной ветви армянского народа, постоянно находилось в центре моих профессиональных интересов. Важной вехой на этом поприще стало составление VI тома научно-академической серии «Армянские народные сказки», в который вошли произведения жанра, собранные у армян исторических областей— Арцаха и Утика (правобережье Куры в среднем и нижнем ее течениях, включая и Карабах; ныне в составе Азербайджана). Эта работа, опубликованная в 1973 году, включила в себя 182 оригинала сказок с присущими жителям Арцаха и Утика диалектными оттенками, а также историко-фольклористическое исследование, примечания, словарь диалектных и сложных для понимания слов¹.

Составление означенного тома было поручено мне неслучайно. Дело в том, что с особенностями диалекта армян Арцаха и Утика я была знакома еще с 1964 года. А ситуация сложилась следующим образом: дирекция Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, получив сведения об этнической группе армян, обосновавшихся в Пятигорске (Краснодарский край, Россия), в 1964 году командировала меня туда. Приехав в Пятигорск, я узнала, что в городе есть квартал, где живут арцахские, или карабахские, армяне. В те годы Карабах-Арцах для нас, арменоведов, был недостижим. Азербайджанцы всячески препятствовали работе армянских специалистов там, остерегаясь каждого нового свидетельства, который в очередной раз подтвердил бы, что отданный им прекрасный край испокон веков был армянским. Меня как фольклориста-этнографа интересовало, когда и откуда арцахские (карабахские) армяне переселились в Пятигорск, каким этнокультурным воздействиям подверглись в условиях совместного проживания с местным населением, сохранили ли верность традициям родины-колыбели²?

Среди живших в Пятигорске, в отдельном районе, представителей армянской общины первыми мое внимание привлекли пожилые арцахские женщины, сидевшие у своих домов с прялками в руках. Полученные нити они использовали как для вязания, так и для изготовления красочных ковров на основе традиций и навыков ковро ткачества, сформировавшихся на родине. Женщины были

1. Армянские народные сказки. Том VI: Арцах—Утик / Сост. Свазлян В.Г. Ереван, 1973 (на арм. яз.).

2. Материал по устному народному творчеству Арцаха, собранный и записанный мной летом 1964 года во время командировки в Пятигорск, вошел в рукописный сборник «Фольклорные реликвии армян Пятигорска», который хранится в Архиве фольклора Института археологии и этнографии НАН РА, в фонде Вержине Свазлян, FS: 3444-3648. Спустя десятилетия сдаю его в печать.

в своеобразных карабахских национальных нарядах, гармонично сочетающих черный цвет с зеленым и фиолетовым. Налобные украшения их были усыпаны серебряными монетами, а края рукавов кофт и верхней одежды окаймлял декор из серебра в виде фигурных коконов. Талии были подчеркнуты серебряным либо матерчатым поясом, придававшим стройность и подтянутость даже престарелым женщинам. С первого же взгляда они произвели на меня неизгладимое впечатление, вселив надежду, что, сохранив верность традиционному колоритному наряду, эти женщины сберегли в душе и завещанные предками духовные ценности.

В беседе с ними выяснилось, что многие переселились из Арцаха еще в 1905–1906 годах вследствие межнациональных столкновений с кавказскими татарами (последние с 1936 года известны как азербайджанцы). Следующее переселение армян Арцаха в эти края, имевшее место в 1921 году, было вызвано передачей Нахиджевана и Арцаха Азербайджану. Это решение советского руководства стало причиной ухудшавшегося со дня на день положения армян на собственной земле, их последовательного вытеснения из Нахиджевана и Арцаха, причиной бесконечных миграций, уничтожения армянского материального культурного наследия в этих регионах и, наконец, затянувшегося кровавого конфликта, продолжающегося по сей день.

Обустроенный армянский квартал в Пятигорске местные жители называли Армянским Нью-Йорком. В городе еще во второй половине XIX века существовала армянская община. Представители ее в основном занимались торговлей. Была построена и армянская церковь—Сурб Таргманчац (Святых Толкователей). Во второй половине XX века, а конкретно в 1964 году, когда я побывала здесь, арцахские армяне жили весьма скромно, сохраняя национальное достоинство и верность своим истокам. Они жили компактно, избегали смешанных браков, хотя таковые случались. Несмотря на то что дети ходили в русскую школу, дома по-прежнему разговорным языком оставался мощный арцахский диалект армянского языка. Мужчины работали на местных фабриках, в колхозах, поэтому моими 12 сказителями в большинстве своем были домохозяйки—женщины от 70 до 90 лет. Исключение составляли трехлетние сестры-близнецы Маргарита и Анжела Авакянцы, которые пели детские песни на арцахском диалекте.

Представляю живущих в Пятигорске моих сказителей, уроженок Карабаха-Арцаха, с их краткими биографическими данными³.

Армянские сказители Пятигорска

Анна Багдасаровна Акопова. Родилась в 1876 году в Карабахе. Когда мы с ней познакомились в Пятигорске, ей было 88 лет. Это была женщина с исстрадавшимся лицом, истощенной, худосочной согбенной фигурой. Прожила она тяжелую жизнь. Во время межнациональных столкновений 1905–1906 годов ей удалось спастись от рук погромщиков и вместе со многими арцахцами переселиться на Северный Кавказ. Обосновавшись в армянском квартале в пригороде Пятигорска, она вскоре потеряла мужа и, чтобы прокормить восьмерых детей, стала работать в местной армянской церкви. Затем трудилась в мастерской по изготовлению ковров, где отличилась своим тонким вкусом и умением.

3. Биографические подробности переселившихся в Пятигорск арцахских армян, в частности сказителей, приведены в нашем вышеупомянутом неизданном сборнике.

Несмотря на тяжелые жизненные условия, Анна Акопова смогла достойно воспитать детей и дать им образование. Многие из известных ей сказок она уже подзабыла, но то, что удавалось вспомнить, тут же пересказывала, чтобы фольклористу с родины, помимо плодов, выращенных в собственном саду, подарить и крупицу полузабытого духовного богатства прошлого. В рассказанных Анной волшебных сказках «Живая вода», «Сказка о трех братьях», «Мальчик-змея» присутствуют распространенные армянские мотивы с небольшими отличиями. Колыбельная, которую она вспомнила, носит в основном автобиографический характер; в ней мать устрашает малыша образом жестокого турка Зелим-хана: «Придет, заберет тебя».

Анна Багдасаровна вспомнила также некоторые подробности совершаемого на родине свадебного обряда, которые сопровождались сочиненными ею самобытными песнями. Кроме этого, она познакомила меня с рядом образных старинных загадок и скороговорок.

Матушка Майко. Родилась в 1897 году. На момент нашей встречи ей было 67 лет. Это была полноватая, краснощекая, жизнерадостная женщина. Пела, слегка искажая мелодию. Смерть сына оставила глубокий след в ее сердце: у нее были проблемы с памятью. Мне удалось записать ряд песен, посвященных труду, которые Матушка Майко знала еще с детства: «Песню гумна», более позднюю «Колхозную песню», а также песню «Желание матери», в которой были такие строки:

*Есть сын у меня,
Зовут его Аршак,
От начальника он
Большую медаль получил,
Хочу, чтобы стал он
Генералом большим.*

Варсеник Погосян. Родилась в 1904 году. При нашей встрече ей было под 60. Варсеник переселилась в Пятигорск из деревни Ванк Гадрутского района. Она была немногословной застенчивой женщиной и с трудом пересказала мне мудрую басню «Вьетес⁴ и мышь». На этом наше общение с ней завершилось.

Астхик Арутюнян. Родилась в 1904 году. Во время нашей встречи ей было 60 лет. Астхик была общительной и гостеприимной женщиной, воспитывала троих внуков-сирот, оставшихся на ее попечении после смерти родителей. Понятно, что все мысли и помыслы ее были связаны с внуками и с их будущим. С уст Астхик мной было записано несколько традиционных частушек и оригинальное четверостишие, похожее на завещание:

*Отдаю тебе трех детей своих,
Вечный дар я тебе даю,
От меня на память эти трое детей,
Желаю, чтобы плоды их
Достались тебе.*

4. Вьетес—насекомое, в целях самозащиты испускающее неприятный запах.

Она же напела шуточную песню «Птичка на дерево села», в которой использовано много слов, заимствованных из русского языка, но в целом верность армянским корням сохранена.

Аревхат Варданян. Родилась в 1905 году в Карабахе. На момент нашей встречи ей было 59 лет. Жила в Баку, затем— в Кафане (на юге Республики Армении). С 1948 года обосновалась в Пятигорске. У нее было двое детей, сама была пенсионеркой. Аревхат рассказала мне басню «Тетушка Вьетес» и сказку «Несчастный сын царя и невеста». В последней присутствует образ колдуньи-старухи— воплощения злых сил. Она требует, чтобы ее похоронили между умершим в молодом возрасте царевичем и его невестой. На могиле царевича растет фиалка, на могиле его невесты— роза, а между двумя могилами— колючка, препятствующая их союзу даже после смерти.

Еще более мудрой и реалистичной была рассказанная Аревхат бытовая сказка «Ненасытный человек», в которой высмеивается жадность.

Лусик Саргсян. Родилась в 1904 году. Эта одаренная сказительница напела мне— а пела она чистым и красивым голосом— ряд традиционных народных частушек, а также любовный дуэт «Хабрбан» и песню землепашца «Оровел». С ее уст мной записаны традиционная песня «Вам Масленица— нам добрая Пасха», а также песни советского периода «8 Марта [сегодня], мама» и «Колхозная».

Соня Даниелян. Родилась в 1904 году. С ее уст я записала сказку «Родной отец», в которой говорится о царской дочери, оклеветанной сводным братом. Чтобы быть поближе к отцу, она нанимается к нему в прислуги и носит на голове овечью шапку, дабы оставаться неузнанной. Мужем девушки становится потерявший семью ашуг, который в песне рассказывает о своем несчастье. Царская дочь берет в руки саз⁵ и также рассказывает историю своей горькой жизни. Наступает день, когда царь узнает правду. Он приказывает наказать сводного сына, привязать его к хвосту коня и отпустить скакать по полю.

Наделенная даром сказителя и исполнителя, Соня поведала мне эту грустную сказку с непередаваемым волнением. Она исполнила также ряд любовных частушек и других песен, которые были записаны мной и таким образом спасены от забвения.

Вардануш Григорян. Родилась в 1904 году. Эта 60-летняя женщина знала много песен и поговорок. Благодаря своей энергичности и живости ей удавалось собирать и удерживать аудиторию. Ее песни звучали на литературном армянском языке, но в них имелись вкрапления из русского языка. Спетая ею образная городская комическая песня «Туфли, калоши— сестричке моей» в свое время была распространена в Константинополе⁶ и других местах. Спела она и песни о войне:

*В июле, двадцать пятого,
Каро с ружьем в руках,
Жажда в сердце отомстить турку,
Воскликнул: «В бой, ребята!»*

5. Саз— народный струнный инструмент.

6. Связлян В. Фольклор константинопольских армян. Ереван, 2000, с. 427–428 (на арм. яз.).

А в песне, призывающей отомстить за смерть Каро, который сражался против фашистов («Пал Каро, взывая к мести!»), свое отражение нашли отзвуки героических самооборонительных боев, которые армяне киликийского города Аджн⁷ вели против турок. Следовательно, старые поэтические традиции продолжались и в новое время.

Танке (Танкагин) Саргсян. Родилась в 1903 году. 61-летняя мудрая Танке была дочерью талантливой сказительницы Анушки. У нее уже были внуки, и она не жалела сил, чтобы приобщить их к армянской речи, рассказывая армянские сказки, такие как, например, народная сказка «Охотник Пирум», в которой говорится о необходимости знать язык врага. С уст Танке мной записана трудовая песня «Мотал, мотал», сопровождавшая процесс взбивания масла, а также исполненные глубокого смысла притчи и поговорки.

Ашхен Мусаеловна Ванилова. Родилась в 1904 году. 60-летняя Ашхен была истрадавшей и иссохшей от горя женщиной, но в душе сохранила творческое начало. О чем бы она ни говорила, все превращалось в ее устах в поэтический текст и преподносилось в виде песни. Она поведала мне свои автобиографические стихи «Пусть все живут счастливо!», в которых рассказывается о тяжелой доле арцахских армян на родине, описывается, как их вынуждали покинуть родные места и переселиться в Пятигорск. В песне звучит надежда, что настанет день, когда армянский народ восстановит свои исторические права.

Ашхен Ванилова, обладавшая жизнерадостным характером, была автором напутствий, сочиняла колыбельные песни с оптимистическими пожеланиями. К примеру, в песне «Спи и вырастай» она связывает надежды армянского народа с растущим поколением.

Ашхен рассказала мне также бытовую сказку «Умная девушка», в которой героиня, вопреки уговорам своего окружения, отказывается выйти замуж за богатого старика, заявив: «*Старый конь не станет молодым, если отрезать ему хвост и гриву*». От Ашхен я услышала также сказку «Вор и жалобщик».

Маргарита Рубеновна Авагянц и Анжела Рубеновна Авагянц — сестры-близнецы 1961 года рождения. Когда я спросила у трехлетней Маргариты, где работает ее мама, она ответила: «В роддоме». А на мой вопрос, чем она там занимается, последовал ответ: «Дитя ловит».

* * *

В течение всего лишь двадцати дней своего пребывания в арцахской общине Пятигорска, насчитывавшей на тот момент около двух тысяч человек, мне удалось собрать более 100 единиц фольклорного материала с характерными диалектными особенностями. Материал этот, являющийся объектом нашего исследования, делится на три группы: эпическую-повествовательную, лирическую и фразеологическую. Он включает в себя волшебные сказки, бытовые сказки, басни, пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, благословения, детский лепет, частушки, любовные песни, колыбельные, песни о труде, солдатские песни, элегии, шуточные

7. Свазлян В. Киликия. Устная традиция западных армян. Ереван, 1994, с. 163 (на арм. яз.).

песни, обрядовые песни (праздничные и свадебные), описание свадебного обряда, биографические данные сказителей и словарь сложных для понимания слов.

Эпический фольклор. Записанные мной в Пятигорске *волишебные и бытовые сказки* по своему сюжету и мотивам во многом перекликаются с армянскими народными сказками, распространенными как в Армении, так и в Киликии: как известно, в XI–XIII веках отток армян из Великого Айка в Киликию достиг небывалых масштабов⁸. В свете сказанного весьма примечательны следующие сказки: «Мальчик-змея», «Живая вода», «Сказка о трех братьях», «Умная дочь царя», «Охотник Пирум» и другие.

Волишебные сказки арцахских армян начинаются традиционным зачином «жили-были», но не всегда заканчивались принятой формулировкой «с неба упало три яблока». Развязка сюжета иногда наступала решительными действиями, к примеру, «парня привязали к лошади и отпустили лошадь скакать в чистом поле», либо завершали сказку русским выражением «*вот и все*». Вследствие влияния русской среды, в лексику выходцев из Арцаха, обосновавшихся в Пятигорске, проникла масса заимствованных из русского языка слов и выражений, в частности: *момент, стол, уже, компания, кукла, как раз, приданое, еле-еле, магарыч, караул* и так далее. Подобные лексические напластования — закономерное явление, в особенности для приезжих, на протяжении длительного времени живущих рядом с местным населением и имеющих общий с ним быт.

Из *бытовых сказок* следует выделить сказку «Шах Аббас и старец»: возвратившись после завоевательных походов, шах Аббас насмехается над старцем, сажающим финиковую пальму, дескать, не успеешь вкусить плод с посаженного дерева, так как смерть поджидает тебя. В ответ на это арцахский старец говорит: «*А сейчас позволь мне посмеяться над тобой. Наши деды сажали [деревья] — мы [плоды] их ели, а сейчас мы должны посадить, чтобы наши потомки съели*».

Записанные две басни «Мышь и Вьетес», а также «Тетушка Вьетес» излагают известный армянский сюжет, только вот действующие персонажи — представители животного мира — соответствуют особям животного мира Арцаха.

Фразеологический фольклор. В данную группу входят *загадки*, в которых в скрытой форме представлены характерные для Арцаха животный и растительный миры, реалии жизни и быта людей. При этом они отличаются оригинальной постановкой вопроса:

*Есть у нас нечто,
Что зеленеет, цветет,
Становится белым,
Затем краснеет и чернеет.*
(Ежевика)

Или:

*У нас есть то, в чем
Ходим повсюду,
Возвращаемся вечером
И у порога снимаем.*
(Лапти)

8. Там же, с. 12.

Примечательны поговорки, имеющие аллегорический смысл:

*Гора с горой не сходится,
Но человек с человеком сходится.*

Или:

*Не ем курдюк,
Ведь он у овцы
У задних ног откладывается.*

В диалектном воспроизведении поговорки арцахских армян приобретают особый колорит и выступают как местные варианты данного фольклорного творения.

Весьма оптимистичны *благословения-пожелания*: «*Долгой свободной вам жизни*». Здесь важна идея приоритетности свободы, столь характерной для свободолюбивых и наделенных оптимизмом арцахцев:

*Пуškai все лишенья,
Которые пришлось испытать,
Завершатся счастливым концом.*

Арцахские армяне обращаются к человечеству с пожеланиями мира и благополучия: «*Пусть мир живет добрыми надеждами*».

Лирический фольклор. Здесь присутствуют как мотивы любви, так и темы скитальчества и природы.

В *частушках* в основном говорится о любви и о разных реалиях жизни и быта:

*Я хлеб ячменный испекла,
Скитальцем стал любимый мой.
Жизнь за тебя
Отдам свою и здесь,
И на чужбине,
Сладкоречивый мой.*

В одной из частушек, по всей вероятности, говорится о напряженных межнациональных отношениях:

*Эй, парень, вернись домой,
На заре вернись,
С росой на ногах:
Но в нашем околотке беспокойно,
Выбери дорогу
Через верхний околоток.*

Арцахские армяне не одобряли скитальчество, особенно если местное мужское население покидало Арцах, чтобы найти работу в Баку—в центре нефтяной промышленности.

*Под деревом грядки разбиты,
Возлюбленный мой в Баку.
Пуškai с лица земли
Исчезнут горы Баку
И вернется домой мой любимый.*

Примечательно, что образ врага нашел отражение в *колыбельных песнях*, в которых мать баюкает ребенка, устрашая его образом жестокого хана:

*Спи, сыночек, баю-бай,
Спи ты крепко, засытай,
А то Зелим-хан придет
И с собою заберет.
Спи, мой сладкий,
Мой красивый, баю-бай.*

Припев этой колыбельной напоминает русские мотивы.
А вот образец любовной частушки:

*Назик, милая, уймись,
Полноте кокетничать,
Лучше платье подтяни,
Пыль столбом не поднимай.*

Строки этой частушки напоминают строки одной киликийской, а конкретно кесабской⁹, песни:

*Девушка, где родина ваша?
Меньше кривляйся,
Подол запылишь¹⁰.*

А это указывает на то, что эти две частушки восходят к одним и тем же народным корням.

Жившие в Пятигорске арцахцы из своих *обрядовых песен* часто вспоминали традиционную *праздничную песню* «Вам счастливой Масленицы, / А нам доброй Пасхи», но, отмечая эти праздники, они уже не придерживались всех принятых канонов. А еще ими исполнялись определенные песни, сопровождавшие праздник Вознесения:

*Где ты, девица?
Ты вся словно пламя.
Я жажду воды— Вода это ты.
Праздник сегодня,
Так где же ты?
Приди, с тобой
Мы пустимся в пляс,
Айло джан, айло,
Амбардзум¹¹, айло.*

Арцахцы с ностальгией вспоминали о том, как на родине в дни этого праздника водили хорорывы, сопровождаемые песнями. Они тосковали по этим дням, так как в новой среде, в Пятигорске, таких празднеств уже не устраивали.

Свадебный обряд в узком кругу еще сохранял некоторые традиционные особенности. Например, как и прежде, принято было осыпать голову невесты монетами, изюмом и сухофруктами или класть под ноги невесты тарелку, которую ей

9. Кесаб—населенный армянами город в Сирии.

10. Связлян В. Киликия. Устная традиция западных армян, с. 127.

11. Амбардзум (на арм. яз.)—Вознесение.

следовало разбить. Свадебная церемония сопровождалась определенными песнями. Весьма трогательна песня-прощанье с отчим домом:

*Отец мой, родной,
Уводят меня,
Из отчего дома
Уводят меня.
Отец мой, родной,
От матери дорогой
Уводят меня [...].*

В Арцахе, когда невеста направлялась в дом жениха, зажигали свечи и с песнями выводили ее навстречу жениху:

*Поздравляем тебя, отец,
Вот сын твой, а вот невестка твоя,
Всех родственников-гостей
Твоих поздравляем.*

В доме жениха устраивалось застолье, затем начинали играть музыканты, родственники жениха вручали подарки: предметы мебели и быта, сундук, кувшин. Подарки представлял музыкант, который играл на дхоло¹². Когда невеста заходила в дом, под ее ногами разбивали тарелку, пили за здоровье сватов, жениха и невесты.

Песни о труде также были традиционного характера: «Соберись с силами, тяни ярмо, мой бычок»; «Овей меня прохладой, Джейран дорогой». Процесс взбивания масла в маслобойке также сопровождался песней: «Мотал¹³, мотал, джан мотал».

Среди песен, вошедших в быт армян Пятигорска, были также песни, посвященные колхозной жизни. Они исполнялись на литературном языке и полюбились народу:

*Зазеленело поле мое,
Колышется поле мое,
Забилось горе мое,
День новый настал,
Радости день,
Трактор уж в поле,
Трактор-красавец
В поле моем.*

К числу песен советского периода относятся песни, посвященные Международному женскому дню 8 Марта:

*Сними платок,
Бабушка, родная,
Пусть лица твоего
Коснутся солнца лучи
И высушат слезы твои.
Столько лет перетянут
Платком подбородок твой,
Искривился аж рот,*

12. Дхол — музыкальный инструмент из группы ударных.

13. Мотал — сыр, который готовят специальным способом и хранят в бурдюке.

Искривился аж нос,
 Ты взгляни на себя,
 Дорогая!
 Подарил Вам Октябрь
 Новую жизнь,
 Зимняя стужа
 Сменилась весной,
 Родная моя, дорогая!
 8 марта сегодня,
 Ликуй же, танцуй,
 Шабаш¹⁴ раздавай,
 Ведь женский праздник сегодня,
 Моя дорогая!

В этой песне, воспевающей новые жизненные ценности, целая гамма чувств: ощущение реального мира, весеннее пробуждение природы, победа над зимней стужей. Бабушку, на которую в традиционном фольклоре возложено множество функций, призывают освободиться от тех деталей одежды, которые скрывают естественное очарование и красоту женщины, чтобы с ликованием встретить весну, пробуждение природы, обновленную жизнь. Песня утверждает готовность принять новое, передовые жизненные реалии. В ней говорится о пробуждении самосознания патриархальной армянской женщины, о ее неразрывной связи с природой и единении с ней.

Среди армян Пятигорска были распространены также *сатирические песни*:

Для моей сестрички — Туфельки, калоши,
 Маме моей — туфли,
 Ну а папе — лишь пару
 Лаптей без завязок [...].

В среде западных армян, в основном константинопольских, эти песни комического содержания были весьма популярны среди молодежи, в особенности у выходцев из Арцах¹⁵.

Живущие в Пятигорске арцахские армяне высмеивали чуждые и неприемлемые для их традиционного образа жизни явления:

Барышни Кисловодска
 Просыпаются в десять утра,
 И разгуливают по бульвару
 Словно кошки, сломавшие
 Себе позвоночный хребет [...].

Новая русская среда, новые человеческие взаимоотношения откладывали свой отпечаток на лексику арцахцев Пятигорска, насытив ее новыми словами и выражениями — русизмами.

Птичка на дерево села,
 Охотник ее убил,
 Домой ее забрал,

14. Шабаш — денежный подарок.

15. Связлян В. Фольклор константинопольских армян, с. 427–428.

*Пожарил в жаровне,
Хорошенько поел.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой!*

Постепенно в лексику вошли слова «охотник», «убить», «домой», «жаровня», «жарить», «кушать» и много других русских слов и выражений. При этом арцахские армяне даже не подозревали, что способствуют языковым заимствованиям, утверждая, что говорят на чистейшем армянском языке.

Хотя к 1964 году лексика арцахских армян заметно изменилась под влиянием русской речи, однако им еще удавалось беречь национальную идентичность и достоинство, что нашло художественное воплощение в *солдатских* и *патриотических песнях*.

В те дни с уст арцахцев мне удалось записать отрывок песни, посвященной событиям, имевшим место в Аскеранском ущелье в 1905 году. В песне повествуется о том, как многочисленная конница татар-азеров, с двумя фургонами, груженными трофеями, награбленными в разоренном Шуши, дошла до Ходжалу. Так как не было слышно стрельбы, они подумали, что могут спокойно пройти через Аскеранское ущелье, но армянские воины, следуя верной стратегии Амазаспа, окружили их при содействии Вардана и, сомкнув кольцо, уничтожили более 200 татар-азеров¹⁶:

*Как льва детеньши,
Отважный Вардан
И Амазасп с именем храбрым
Из крепости Аскеранской
Уничтожили врага.*

«Таким образом, с 17 по 21 августа 1905 г. благодаря победоносным боям во главе с Амазаспом силам самообороны Арцаха в Аскеранском ущелье, имевшем важное стратегическое значение, удалось отразить удары противника и пресечь нападение татарских разбойничьих банд на Шуши»¹⁷.

Другой самобытный образец солдатской песни. В ней говорится о героическом прошлом армян и о готовности арцахской молодежи умереть за свой народ:

*Матушка, дай меч мой!
Сестрица, дай мне ружье,
Если за свой не погибну народ,
Зачем же тогда я родился?*

Особое место в музыкальном творчестве армян Арцаха занимают песни, созданные в годы Великой Отечественной войны. Они с сарказмом представляли напавших на советскую страну немцев:

*Немец, немец, ты куда?
Ты думал, что Пятигорск—Это куриные окорочка? А ну назад,
Бомбу брошу на башку твою.*

Или:

*В военкомат меня вызвали
В восемь утра,
Дали в руки рюкзак*

16. Степанян Г. Амазасп. Ереван, 2016, с. 110–111 (на арм. яз.).

17. Там же.

*И отправили в Керчь.
Когда я на землю Керчи ступил,
Ужас смерти обуял меня.*

В конце этой длинной песни умирающий арцахский солдат обращается с просьбой:

*Соберитесь, друзья мои,
Пускай зазвучит дудук¹⁸,
У могилы моей
Спойте песни Саят-Новы¹⁹.*

Предсмертными словами его были: «Мать-Армению я не забуду».

Ностальгия по Матери-Армении, по своей колыбели — Арцаху всегда сопровождала живших на чужбине арцахских армян, в том числе армян, переселившихся в Пятигорск. Среди них были стихотворцы, создатели и исполнители песен, как, например, 60-летняя Ашхен Мусаеловна Ванилова. Она слагала стихи и перекладывала их на музыку. В лаконичных строках ее песни-элегии нашли отражение бесчисленные страдания арцахских армян, их невзгоды, связанные с вынужденным переселением в другие края:

*В исполненной горя, тоски
Жизни измучились мы,
Обожжена, истерзана,
Изнурена наша душа — Велик был наш род,
Всех потеряли мы,
До Пятигорска
Теперь мы дошли,
Ужели нам не суждено
Без мук спокойно пожить?
Довольно! Сколько крови
Родители наши пролили!
Лишили нас дома,
Сражаться должны мы,
Сколько хватит сил,
И все потери наши
Со славой вернуть!*

Концовка этой песни, исполненная столь характерного для армян оптимизма, озарена светом будущего. словно молитва, обращенная к Богу, она в то же время — напутствие всему человечеству:

*Пусть народу армянскому
Бог даст ту силу и честь,
Какими он обладал издревле,
И пускай весь мир
Спасает Господь Бог,
Спокойно и счастливо
Пусть все живут.*

18. Дудук — народный духовой музыкальный инструмент из абрикосового дерева.

19. Саят-Нова — Арутюн Саятжан (1712 - 1795 гг.), армянский поэт и ашуг, мастер любовной лирики.

Пророческие слова арцахской женщины давно стали реальностью. Армения и героический Арцах завоевали свое историческое право жить свободно и независимо.

В материалах, записанных мной в 1988 году, в период подъема Арцахского движения, армяне—переселенцы из Киликии также четко высказывали свое отношение к происходившим событиям:

*Карабах—это малая
Часть Армении нашей,
Зачем мы должны
Другому оставить его,
Ведь живут там армяне²⁰.*

И народная песня звучит как общенациональная заповедь объединенной борьбы:

*Братья-армяне!
Мы долго молчали,
Хватит терпеть!
Карабах наш
У нас отняли,
Теперь мы сильны,
Вернуть его мы должны²¹.*

Этот исторический подвиг арцахских армян стал источником творческого вдохновения и для западных армян, поскольку Арцахская борьба стала воплощением мечты о возврате Западной Армении.

Годы спустя, когда я собирала материал в доме престарелых «Святого Спасителя» в Стамбуле (1997 г.) и в приюте для престарелых «Арагат» в Лос-Анджелесе (2001 г.), а конкретно—записывала воспоминания и свидетельства очевидцев-армян, переживших геноцид в Турции, мои респонденты проявляли живой интерес к Арцахскому вопросу и выражали искреннее сопереживание.

Еще более трогательными были мои встречи в 2005 году с представителями третьего и четвертого поколений свидетелей-очевидцев, переживших геноцид в Дейр-эз-Зоре, который когда-то был пустыней, а сейчас превратился в современный город. Многие из них были уже наполовину арабами и курдами, которые не сохранили ни своего родного языка, ни христианской веры, ни своих армянских фамилий. Их называли по именам погибших во время геноцида дедов и бабушек—«Хусейн Мариам», «Мустафа Каранет», но по зову крови они продолжали позиционировать себя армянами. Услышав о том, что Арцах освобожден и что тем, кто хочет обосноваться в Арцахе, правительство выделит землю и деньги на строительство дома, они выразили готовность переселиться в свободный и независимый Арцах и начать там новую жизнь—начать жить как армяне²².

Народоведческий материал, записанный мной в 1964 году с уст переселившихся в Пятигорск арцахских армян, а также мои наблюдения позволяют заключить следующее:

20. Свазлян В. Киликия. Устная традиция западных армян, с. 204.

21. Там же.

22. Свазлян В. Геноцид армян. Свидетельства очевидцев. Ереван, 2011, с. 564–565 (на арм. яз.).

- а) фольклор армян Арцаха своими корнями восходит к культурным традициям Исторической Армении в целом и киликийских армян в частности, что свидетельствует об идентичности их национальных и традиционных истоков, а также принадлежности к армянской культуре;
- б) к 1960-м годам русская среда Пятигорска уже успела в определенной степени повлиять на устное народное творчество переселившихся сюда арцахских армян;
- в) в сознании всего армянства происходит неизбежный процесс изменений; вокруг патриотической идеи освобожденного Арцаха консолидируются представители рассеянного по всему миру армянского народа;
- г) Арцах, вместе с Арменией, на этом новом этапе должен будет стать священным пристанищем репатриации.

Summary

Verjine Svazlian,

Doctor of Philology, Honored Scientist of the Republic of Armenia, Leading Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan)

The folkloric relics of the Artsakh Armenians emigrated to Pyatigorsk

In 1964, I was sent to Pyatigorsk by the Institute of Archeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences to study the ethnic Armenians living there. When I got to my destination, I found out that the Armenians who interested me had moved to Pyatigorsk from Artsakh (Karabakh) in 1905. As a folklorist-ethnographer, it was important for me to find out what changes the Armenian community, numbering 2000 people at that time, had undergone in conditions of cohabitation with the local population? Whether it remained sincere to the traditions of the homeland-cradle and so on?

It is noteworthy that the resonance of the new environment was clearly felt in the vocabulary of the new generation of Armenians. They listened more than they spoke and sang more than they spoke.

In just 20 days of my stay in Pyatigorsk, I recorded more than 100 samples of folklore material with their dialect nuances. The said material is divided into **epic**, **lyric** and **phraseological** directions. My personal observations among the Artsakh Armenians of Pyatigorsk give grounds to conclude that:

1. Folklore of Artsakh Armenians is rooted in the cultural traditions of Historical Armenia and the Armenians of Cilicia, which testifies to the identity of their national origins.
2. In the vocabulary of the Artsakh Armenians who had moved to Pyatigorsk, by the 1960s the influence of the surrounding Russian environment was already felt and the tendencies of linguistic integration into it were noticeable.
3. In the consciousness of the Armenians inevitable changes were taking place, connected with the consolidation around the patriotic idea of the liberation of Artsakh.

Белорусско-армянские литературные связи в XX–XXI веках

Дмитрий Кривошей,

кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации (Минск)

В истории культурных связей Армении и Беларуси ведущее место занимают литературные контакты, начало которым было положено в советский период — личным общением литераторов двух республик. Известно, что в 1926 году в Ереване находился белорусский писатель и государственный деятель Тишка Гартный (Дмитрий Жилунович). Он побывал в гостях у классика армянской поэзии Ованэса Ованисяна. Впоследствии они вели переписку, обменивались книгами¹.

Зимой 1935–1936 года в Беларуси побывал писатель Наири Зарьян. Гость выступил в Минске на торжественном вечере, посвященном 30-летию литературной деятельности Янки Купалы. Вместе с Купалой и другими белорусскими писателями Н. Зарьян принял участие в творческих вечерах в Копыле, Пуховичах, Бобруйске². В 1930-х годах, в свою очередь, в Армении гостили белорусские поэты Петрусь Бровка и Янка Купала.

Эти встречи были продуктивными. В Армении, в журнале «Советская литература» (Խորհրդային գրականություն, «Хорердаин граканутюн»), в переводе Наири Зарьяна вышло в свет стихотворение Якуба Колоса «Батрачка», а в «Литературной газете» (Գրական Բերր, «Гракан терт») — стихотворение «Мужик». Также в переводе Н. Зарьяна на страницах газеты «Пролетарий» («Пролетар») было опубликовано стихотворение Я. Купалы «Алесья», а в журнале «Советская литература» — поэма «Борисов».

Следует отметить, что переводами произведений белорусских авторов в довоенной Армении занимались и другие литераторы. Среди них был Гегам Сарьян, который перевел стихотворения Янки Купалы «Волнуется синее море» и «Новая осень». В 1935 году они были опубликованы на армянском языке в журнале «Советская литература» (Խորհրդային գրականություն). В 1939 году в том же журнале был опубликован отрывок из поэмы Купалы «Курган» в переводе Гургена Боряна и стихотворение «На нашем празднике» в переводе Аветика Исаакяна.

В 1951 году в Армении был издан сборник стихотворений Янки Купалы. Переводчиками, кроме Наири Зарьяна, были Хачик Погосян, Паруйр Севак, Гевонд Комуни, Мкртыч Херанян и другие.

Значительным событием стало издание в Ереване в 1957 году «Антологии белорусской литературы». В нее были включены произведения 28 авторов: Янки Купалы, Якуба Колоса, Кандрата Крапивы, Петро Глебки, Максима Лужанина, Николы Аврамчика, Рыгора Нехая, Петро Пранузы и других. Авторами переводов

1. Канэ Ю. Энергія сяброўства // «Літаратура і мастацтва», 1980 (28 лістапада), с. 8.

2. Карлюкевич А. Найти свой голос // «Люблю тебя, Отчизна»: сб. произведений писателей Беларуси и Армении / Сост. А. Бадак. Минск, 2013, с. 5.

на армянский язык были Наири Зарьян, Левон Мириджанян, Амо Сагиан, Гарегин Бес и другие.

Первые публикации произведений армянских литераторов на белорусском языке были осуществлены только в послевоенные годы. В 1958 году в Минске в переводе Алеся Кучера вышел роман Александра Ширванзаде «Хаос». Издание было приурочено к 100-летию со дня рождения писателя.

В 1964 году в Минске в переводе на белорусский язык увидел свет сборник рассказов армянских писателей, озаглавленный «Цветы Арарата»³. В него вошли произведения 28 авторов, среди которых Аветик Исаакян, Мовсес Арази, Дереник Демирчян, Ваан Тотовенц, Степан Зорян, Аксель Бакунц и другие. Авторами переводов были Янка Брыль, Борис Саченко, Иван Чигринов, Владимир Домашевич и другие.

В 1969 году белорусские читатели получили возможность познакомиться с творчеством великого классика армянской литературы Ованэса Туманяна. В издательстве «Беларусь» увидел свет сборник его лирических сочинений⁴. В числе переводчиков были Петрусь Бровка, Рыгор Барадулин, Владимир Шаховец, Алесь Зарицкий, Николай Аврамчик, Алесь Звонок, Янка Сипаков и другие.

Наиболее плодотворными были 1970-е и 1980-е годы. Именно тогда в Армении в переводе на армянский язык были изданы книги ведущих белорусских писателей Ивана Мележа, Василия Быкова, Ивана Шамякина, Максима Танка, Алеся Адамовича, Ивана Чигринова. На страницах периодических изданий Армении были опубликованы произведения Петруса Бровки, Янки Брыля, Аркадия Кулешова, Геннадия Буравкина, Василия Зуенка, Елены Лось, Кастуся Киреенко, Владимира Короткевича и других. В тот же период читатели Беларуси познакомились со стихами Авака Авакяна, Ваграма Алазана, Ашота Граши, Наири Зарьяна, Аветика Исаакяна, Сильвы Капутикян, Арамаиса Саакяна, Егише Чаренца, Геворга Эмина, с баснями Мкртыча Корюна, рассказами Гарегина Беса, Хажака Гольназаряна, Гранта Матевосяна и других.

Большой вклад в развитие литературных контактов внес армянский поэт и переводчик Геворг Эмин (настоящее имя — Карлен Мурадян). Ему принадлежат переводы стихов Максима Танка, Пимена Панченко, Рыгора Барадулина, Аркадия Кулешова⁵. А в 1972 году в Минске в серии «Поэзия народов СССР» вышел уже сборник лирики самого Геворга Эмина «Песни Армении» в переводе Алеся Бачило.

В 1972 году в рамках празднования 50-летия образования СССР в республиках прошли литературные недели народов Советского Союза. В том же году в Минске состоялось Всесоюзное совещание писателей и критиков. На мероприятиях в Беларуси присутствовали и армянские литераторы — поэт Вардгес Бабалян и писатель Серо Ханзадян. На мероприятиях в Армении из белорусских авторов присутствовал Василь Яковенко.

В 1974 году в Минске прошла выставка армянской книги, а в Ереване — белорусской книги⁶.

В 1975 году в переводе Рыгора Барадулина и Николы Аврамчика в ряде белорусских журналов вышли подборки стихов Аветика Исаакяна, приуроченные к столетию со дня рождения автора.

3. Кветкі Арарата / Укладальнікі: А. Асіпенка, Г. Севунц. Мінск, 1964.

4. Туманян А. Т. Лірыка. Мінск, 1969.

5. Гордицкий А. Встреча с Арменией // «Неман», № 3. 1985, с. 172.

6. День добры, кніга Арменіі // «Літаратура і мастацтва». 1974 (6 верасня), с. 10;

Воткович Г. Б. Белорусская книга в Ереване // «Советская Белоруссия», 1974 (31 мая).

В 1981 году в Минске в переводе на белорусский язык Юлии Кане вышел сборник рассказов армянских писателей «Родной дом»⁷.

* * *

В литературном сотрудничестве белорусских и армянских авторов особое место занимают книги для детей, издававшиеся многотысячными тиражами.

В 1953 году в Ереване вышел сборник «Светлый путь», в который были включены произведения белорусских авторов для детей. В том же году в Минске в переводе с русского языка была опубликована повесть Вахтанга Ананяна «На берегу Севана»⁸.

В 1961 году на армянском языке была издана повесть Янки Мавра «ТВТ» (перевод А. Карапетяна), а в 1966 году — повесть В. Морозова «В разведку шел мальчишка» (перевод А. Мелконяна), о пионере-герое Марате Казее. В 1974 году в переводе с русского языка вышла повесть Ивана Серкова «Мы с Санькой в тылу врага» (перевод А. Гукасяна), в 1976 году — повесть Павла Мисько «Земля у нас одна» (перевод М. Берберяна), а в 1977 году — повесть Макара Последовича «С тобою рядом» (перевод Л. Назаряна).

В 1958 году в Минске вышел в свет сборник произведений Ованэса Туманяна для детей «Сказки и легенды», а в 1969 году — сборник «Армянские народные сказки» в переводе И. Соколовского. В 1973 году в переводе Артура Вольского на белорусском языке была издана книга стихотворений для детей «Четыре солнца», автором которой является Сурен Мурадян (тираж 67 тыс. экземпляров)⁹. В 1983 году в серии «Сказка за сказкой» в переводе на белорусский язык увидела свет армянская народная сказка «Мудрый ткач» (перевод И. Соколовского)¹⁰. В 1986 году вышла книга рассказов для дошкольников Хажака Гюльназаряна «Как я был маленьким» (40 тыс. экземпляров)¹¹, переведенная на белорусский язык Ниной Загорской.

Заметным вкладом стала публикация издательством «Юнацтва» сборника «Зори Севана» в 1987 году. В нем, выпущенном в серии «Библиотека детской литературы народов СССР» общим тиражом в 12 тыс. экземпляров, представлены лучшие произведения из богатого армянского фольклорного наследия, предназначенные для детей¹². Кроме них, юные читатели получили возможность познакомиться с классическими произведениями Хачатура Абовяна, Гхазароса Агаяна, Ованэса Туманяна, Егише Чаренца, со стихами, рассказами, сказками современных писателей — Сильвы Капутикян, Геворга Эмина, Хажака Гюльназарана, Сурена Мурадяна и других. В 1993 году тем же издательством «Юнацтва» в переводе Артура Вольского, Владимира Коризны и Василия Лукши на белорусском языке был выпущен сборник стихов и сказок Сурена Мурадяна «Мои гости» (6 тыс. экземпляров)¹³.

К сожалению, в последние десятилетия произведения авторов двух стран переводятся очень редко. В 2006 году был издан сборник «Характер и душа Армении»¹⁴ (автор-составитель Н. А. Арутюнян), в который вошли произведения авторов

7. Матчыні дом: Апавяданні армянскіх пісьменнікаў. Мінск, 1981.

8. Ананян В. С. На березе Севана. Мінск, 1953.

9. Мурадян С. Чатыры сонцы. Мінск, 1974.

10. Мудры ткач / Пер. І. Сакалоўскага. Мінск, 1983.

11. Гюльназаран Х. Як я быў маленькі. Мінск, 1986.

12. Зоры Севана: вершы, апавяданні, казкі армянскіх пісьменнікаў /

Уклад. С. Мурадян. Уступ. артыкул Х. Гюльназарана. Мінск, 1987. 381 с.

13. Мурадян С. Мае госці: вершы, казкі. Мінск, 1993. 30 с.

14. Характер и душа Армении: сборник поэзии и прозы / Автор-составитель Н. А. Арутюнян. Минск, 2006.

Средневековья, в том числе и создателя современного армянского алфавита Месропа Маштоца, представителей западно-армянской поэзии, литературы XIX–XX веков, а также стихи армянских поэтов, воспевающие Беларусь. Правда, только в последний раздел вошли переводы на белорусский язык.

Произведения армянских авторов несколько раз публиковались на страницах журнала «Малодось». Так, в 2011 году в переводе Наума Гальперовича была издана подборка стихов известных армянских поэтов¹⁵, а в 2016 году в переводе Геннадия Авласенко вышла подборка стихотворений молодых поэтов Армении Эдуарда Аренца, Рузанны Восканян, Арутюна Овакимяна, Мариам Карапетян, Ншана Абасяна¹⁶.

В 2013 году в серии «Созвучие сердец» на белорусском языке был издан сборник произведений белорусских и армянских писателей «Люблю тебя, Отчизна».

В 2014 году в Союз писателей Беларуси был принят армянский детский писатель, поэт и переводчик Эдвард Милитонян. А в 2015 году в переводе Николая Чернявского на белорусском языке вышла его книга для детей «Воздушный дом»¹⁷.

Следует отметить, что у обеих стран есть все возможности для плодотворного взаимодействия в сфере литературы. Еще в 2003 году было подписано межведомственное соглашение о сотрудничестве между Министерством культуры и по делам молодежи Республики Армении и Министерством культуры Республики Беларусь. Начиная с 2007 года издатели из Армении принимают участие в ежегодной Минской книжной выставке-ярмарке. А в 2016 году Армения стала почетным гостем этого международного форума. Белорусские литераторы, издатели и переводчики принимали участие в проходившем в Ереване с 2007 по 2013 годы Форуме переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии¹⁸.

Таким образом, основы связей между литераторами Беларуси и Армении были заложены еще в довоенное время. Именно тогда вышли первые переводы произведений белорусских писателей и поэтов на армянском языке. Наиболее ранние публикации произведений армянских литераторов на белорусском языке были осуществлены только в послевоенные годы. Самыми плодотворными в области обоюдного издания переводов были 1970-е и 1980-е годы. Многотысячными тиражами издавались произведения для детей.

До 1991 года литературные контакты развивались в контексте советской культурной политики, одной из задач которой являлось укрепление единства народов, воспитание населения в духе братского интернационализма. Литературе в этом процессе отводилось одно из важных мест. Издание переводной литературы планировалось и финансировалось. Происходил тщательный отбор произведений для перевода. В большинстве случаев перевод осуществлялся не с языка оригинала, а с русского перевода.

С распадом Советского Союза двусторонние литературные связи потеряли не только идеологическую составляющую, но и плановость с финансовой поддержкой. Обоюдосторонние переводы произведений авторов двух стран стали редкими. К сожалению, нам не удалось выявить изданий постсоветского периода, включающих произведения белорусских авторов на армянском языке. В Беларуси

15. Гавары, Армения!: пераклады вершаў армянскіх паэтаў // «Малодось». 2011, № 7, с. 109–113.

16. Маладыя паэты Армэніі. На самым ускрайку свету // «Малодось». 2016, № 2, с. 114–121.

17. Милитанян Э. Паветраны дом: вершы / Пер. Міколы Чарняўскага. Мінск, 2015. 32 с.

18. Беларусь прынялі ўдзел у форуме выдаўцоў і перакладчыкаў у Армэніі // Афіцыйны сайт Міжнароднага грамадскага аб'яднання Згуртаванне беларусаў свету «Бацькаўшчына» [Электронны ресурс] Режим доступа: <https://zbsb.org/news/abroad/4571/>. Дата доступа: 24.04.2021.

же в 2010-х годах, после длительного перерыва, перевод сочинений армянских поэтов и писателей на белорусский язык возобновился. Проблемой продолжает оставаться прямой перевод произведений.

Summary

Dzmitry Kryvoshei,

PhD in History, Associate Professor, Scientific Secretary of the Belarusian Research Centre for Electronic Records (Minsk)

Belarusian-Armenian literature connections in the 20th–21st centuries

The basics of relations between the writers of Belarus and Armenia were laid back in the early Soviet period—before the outbreak of the World War II. Back then, the first translations of writings of Belarusian literary figures into Armenian were published. The first publications of the Armenian writings translated into Belarusian appeared only after the World War II. The most productive years in the sphere of mutual translated publications were 1970s and 1980s. Thousands of copies of literature for children were being printed in that period.

Before 1991, the literary contacts were developing in the context of soviet cultural policy, the goals of which were, in particular, the strengthening of the public unity and fostering the spirit of fraternal internationalism. Literature was given one of the important places in that process. The publication of translated literature was planned and financially supported. The texts for translation were carefully selected. In most cases, translations were made not from the language of origin, but from the translation into Russian.

After the collapse of the USSR, bilateral literary ties lost not only the ideological component, but also planning and financing. Mutual translations of works by authors from the two countries became a rarity. After a significant break, the translation of the Armenian poets' and writers' works into Belarusian language was renewed in 2010s. Unfortunately, we were unable to find post-Soviet publications of works by Belarusian authors in Armenian. However, the direct translation of literature remains a challenge.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ**

Начало службы армян в польской дипломатии. Рыцарь Григорий, владелец деревень Ляшки и Сроки, и его потомки

Кишиштоф Стопка,

доктор исторических наук,
профессор Ягеллонского университета, (Краков)

Первый историк города Львова Ян Альнпек (лат. *Ioannes Alembek, Alnpeck, Almpek, Alnpech, Alnpecht*) в своей книге «*Torographia civitatis Leopolitanae*», написанной в начале XVII века, отмечал, что русский князь Лев «*во Львове разместил армянских солдат азиатского происхождения, своим оружием, одеждой и языком похожих на татар, под чьим правлением они жили между Таврическими горами и Кавказом*¹, некогда завоевателей земли Киликии, в награду за то, что с их помощью отец то ли победил, то ли принудил враждебных ему русских князей заключить перемирие, а затем его сила возросла и он практически основал монархию в южной Руси»². Информация о размещении армян во Львове Львом I Даниловичем (1228—ок. 1301 гг.), князем Перемышльским, Белзским, Холмским, Галицким и Волынским, не имеет ничего общего с исторической реальностью. Она появилась только в конце XVI века в разгар горячих споров о равноправии католических и армянских жителей Львова как производная от армянских аргументов о своем раннем прибытии в город. Это был вымысел, который впоследствии оброс новыми подробностями и стал основой легенд о рыцарском происхождении ряда семей польских армян³.

Источники не подтверждают существование армянских рыцарских поселений на Руси ни во время Рюриковичей, ни после присоединения Галицкого княжества к Польше (1349 г.). И все же в каждой мифе есть зерно исторической правды и выявить его можно, исследуя реальную историю, в данном случае — историю тех армян, которых исторические источники относят к рыцарскому сословию, позже названному «дворянство». И поскольку отличительной чертой рыцарства, или дворянства, было владение землей по рыцарскому праву, то есть в вознаграждение за обязательную воинскую службу, то армян из числа таковых следует искать среди законных владельцев земли. Первый такой пример находим уже во второй половине XIV века, то есть сразу после прибытия армян-переселенцев на территорию Королевства Польского. Речь идет о рыцаре Григории (*Gregorius*), история которого иллюстрирует реальное положение армянского дворянства в тот период.

О прошлом рыцаря Григория, армянина из Львова, нет точных данных. Вероятно, его можно отождествить с Григорием Переводчиком (*Gregor Tolmacz*), имя которого в 1407 году было внесено в список армянских налогоплательщиков Львова⁴.

1. В подлиннике: «*miedzy gorami tauryckimi a Kaukazem*».

2. *Rachwał S. Jan Alnpek i jego «Opis miasta Lwowa» z początku XVII wieku*. Lwów, 1930, s. 10, 27.

3. См.: *Stopka K. Ormianie polscy—początki // «Ormianie»* / Red. B. Machul-Telus. Warszawa, 2014, s. 13–44.

4. *Księga przychodów i rozchodów miasta Lwowa 1404–1414* / Wyd. A. Czołowski // *Pomniki dziejowe Lwowa*. T. 2. Lwów, 1896, s. 41.

Выполнявший обязанности переводчика и посланника при короле Владиславе II Ягелло, он первый известный нам армянин, находившийся на дипломатической службе у польских монархов. Для делового общения с правителями Востока Григорий, очевидно, использовал тюркские, а точнее кипчакские, языки⁵, половецкая подгруппа которых была распространена среди польских армян и обобщенно именуется «*кипчакский язык*». Являлись ли именно эти услуги основанием для пожалования ему дворянства, неизвестно.

Следующее упоминание о Григории встречаем в колофоне, или формуле, рукописной книги. Такие колофоны, размещаемые переписчиком в конце книги, содержали информацию о месте и времени ее создания, о владельце, создателе и так далее. В инвентаре имущества одного армянского священника из Львова, написанном в 1591 году на кипчакском языке в армянской письменной графике, есть перечень рукописных книг, которыми он владел. Первым в списке отмечен Гимнарий (этот сборник армянских церковных песнопений называется «*Шарак-ноц*»), сопровождаемый колофоном, который сообщает, что книга была составлена вардапетом (ученым монахом) Мелкисетом, по просьбе рыцаря (по-кипчакски: *атлы* «конный», что соответствует латинскому *equus*) по имени Крикор, то есть Григор, или Григорий. Дата колофона по Армянскому летоисчислению—858 год⁶, что соответствует 1409 году юлианского календаря.

Все указывает на то, что этим рыцарем был интересующий нас Григорий. Из этого в свою очередь вытекает, что дворянство ему было пожаловано еще до войны с Тевтонским орденом в 1410 году. Невозможно определить герб, который был получен рыцарем Григорием, но одно можно утверждать без сомнения: король Владислав в благодарность пожаловал ему также деревню Ляшки под Львовом (позднее—Ляшки Муроване). Вероятно, 23 июня 1413 года в том же районе Григорий купил у Глеба Дедковича Романовский лес у села Городиславице за 10 коп⁷ русских монет⁸. 14 августа 1415 года во Львове тот же Григорий, уже как рыцарь из Ляшек, присутствовал на церемонии провозглашения бывшего села Филиповице городом Рогатином⁹.

В том же 1415 году, когда в отсутствие Сигизмунда I Люксембургского, курфюрста Бранденбурга, короля Венгрии и Германии (впоследствии—император Священной Римской империи), турки вторглись в Венгрию, король польский Владислав Ягелло и великий князь литовский Витовт, оказывавшие помощь Королевству Венгрии, отправили к султану Мехмеду I, бывшему на тот момент в Адрианополе, дипломатическую миссию с богатыми дарами. В качестве посланников назначили

5. Первым свидетельством такого языкового контакта является ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша 1393 года к королю Польши Владиславу Ягелло, написанный староуйгурским письмом на чагатайском языке (см.: Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Zbiór dokumentów pergaminowych, № 5612; Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайло 1392–1393 годов / Сост. М. А. Оболенский. Казань, 1850; Григорьев В. В., Березин И. Н., Исследования о ханских ярлыках. Москва—Казань—Санкт-Петербург, 1842–1852).

6. Zapisy sądu duchownego Ormian miasta Lwowa w języku ormiańsko-kipczackim za lata 1564–1608 / Wyd. E. Tryjarski // Pomniki dziejowe Ormian polskich. T. 2. Kraków, 2017, s. 137, 408 (Fol. 65v).

7. Копя—лат. sexagena, единица счета. 1 копа равна 60 штукам чего-либо.

8. Zamek Królewski w Warszawie. Muzeum. Zbiory Tomasza Niewodniczańskiego. Depozyt: Deutsch-Polnische Stiftung Kulturpflege und Denkmalschutz, Görlitz, sygn. A 43 (см.: Katalog dokumentów pergaminowych ze zbiorów Tomasza Niewodniczańskiego w Bitburgu / Wyd. J. Tomaszewicz, M. Zdanek. Red. W. Bukowski. Kraków, 2004, s. 21, № 46).

9. Село Филиповице со временем переросло в город под названием Рогатин, который в 1415 году получил самоуправление по Магдебургскому праву. При провозглашении города Рогатина его владельцем Волчко Пшеслузищем (Wółczko Przesłuzyc) среди прочих присутствовал и „Gregorius miles de Laszky” (см.: Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Litewskiej / Wyd. A. Prochaska. Lwów, 1890, s. 24, № 32; Biesiadecki F. Herb królewskiego miasta Rohatyna. Lwów, 1936, s. 1).

двух рыцарей: Якуба Скарбка из Гуры и Григория Армянина¹⁰. Польский король через своих посланников просил прекратить вторжение, освободить пленных и заключить перемирие на шесть лет. Посланники были очень хорошо приняты в Адрианополе, вплоть до того, что пировали вместе с султаном. Турецкий правитель уступил в вопросе пленных, согласился прекратить военные действия против Венгрии и провести переговоры о вечном мире. Но, поскольку он не хотел отправлять своих посланников в Венгрию без соответствующих гарантий, сначала туда поехал сам Григорий, а Скарбек вернулся в Польшу другой дорогой.

Однако в Венгрии Григорий был принят неподобающе. Пипон из Осоры, бан Темешвара, отнесся к нему как к турецкому шпиону и двадцать недель продержал в тюрьме. В поисках турецких писем слуги бана порезали одежду, пакеты и обувь польского дипломата. Турецкие посланники, выехавшие вслед за Григорием, немедленно повернули назад, а султан, узнав о таком повороте дел, возобновил поход на Венгрию. Король Владислав Ягелло отказался от дальнейшей помощи венграм, хотя они и просили его об этом.

Эпизод с Григорием имел широкий резонанс. Он был упомянут в речи епископа Кракова Збигнева Олешницкого, которую он произнес перед королем Сигизмундом Люксембургским 20 января 1420 года во Вроцлаве, возражая против необъективного решения в споре с Тевтонским орденом. Иерарх упрекал Сигизмунда за игнорирование требований польского короля наказать виновных в «серьезном оскорблении», каковым было задержание польского дипломата. Об этом говорится и в послании польских вельмож к венгерским господам, датированном 15 октября 1438 года и свидетельствующем, что поляки были чрезвычайно огорчены поведением венгров по отношению к Григорию и долгое время еще помнили об этом¹¹.

Надо полагать, в 1416 году Григорий вернулся во Львов, поскольку 18 мая того года его имя, а также имя его сестры и брата Атабея появились в списке армянских плательщиков муниципальных налогов¹². В 1417 году городской совет Львова сообщал, что по приказу короля и в присутствии рыцаря Григория иностранным армянским купцам (*Armenis Hospitibus*) было уплачено 200 гривен и 12,5 польских гривен из налогов. Из специальной записки узнаем, что 18 марта следующего года на основании королевского указа город выплатил армянскому рыцарю Григорию 16 коп широкого гроша¹³ с добавлением к каждой копе 40 грошей и 30 коп средних грошей. Деньги были взяты из поборов и в присутствии того же Григория возмещены шелковыми изделиями купцами из Каффы (ныне город Феодосия в Крыму). Король получил за поставку шелка 271 польскую гривну и 1 фертон (12 грошей)¹⁴.

В 1421 году Григорий и его потомки получили от короля Владислава Ягелло село Сроки на Полтве вместе с православным монастырем, рыбным прудом в Коморове

10. *Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego*. T. 11. Warszawa, 1985, s. 47–48; *Barącz S. Żywoty sławnych Ormian w Polsce*. Lwów, 1856, s. 134–136; *Barącz S. Rys dziejów ormiańskich*. Tarnopol, 1869, s. 63; *Sochacka A. Skarbek Jakub z Góry h. Awdaniec* // *Polski słownik biograficzny*. T. 38. Warszawa-Kraków, 1997, s. 14–15.
11. *Jana Długosza Roczniki*. T. 11, s. 125–126; *Codex epistularis saeculi decimi quinti* // *Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. T. 2 / *Wyd. A. Sokołowski, J. Szujski*. Cracoviae, 1876, s. 97–98, № 99; *Stachoń B. Polityka Polski wobec Turcji i akcji antyturckiej w XV wieku do upadku Kilii i Białogrodu (1484)*. Lwów, 1930, s. 41–43; *Historia dyplomacji polskiej* / *Red. M. Biskup*. T. 1. Warszawa, 1982, s. 350–351; “600 lat kontaktów polsko-tureckich 1414–2014”. *Katalog wystawy. Archiwum Główne Akt Dawnych*. Warszawa, 2014, s. 26–28; *Posel w drodze. Stosunki turecko-polskie od czasów osmańskich do dnia dzisiejszego*. Stambuł, 2014, s. 2–4.
12. “*Greger cum sorore. Frater militis Armenorum Attabey*” — пер. с латыни: «*Грегер с сестрой. Брат армянского рыцаря, Аттатей*» (см.: *Księga przychodów i rozchodów miasta, 1414–1426* / *Wyd. A. Czolowski* // *Pomniki dziejowe Lwowa*. T. 3. Lwów, 1905, s. 27).
13. Несколько укрупненная серебряная монета.
14. *Księga przychodów i rozchodów miasta, 1414–1426* // *Pomniki dziejowe Lwowa*. T. 3, s. 35–36.

(*Piscina Comorew seu Kruków dicta*) и всем остальным имуществом. В дарственной монарх выражал надежду, что потомки Григория окажут государству такие же услуги, какие оказывал он¹⁵. Григорий умер до 1427 года. На протяжении всей своей жизни он был последователем армянского толка христианства и в этом вероисповедании воспитывал своих дочерей. Из этого следует, что в Польше в тот период принадлежность к армянскому толку христианства не являлась препятствием для получения рыцарского (дворянского) статуса.

После смерти Григория его семье, вдове и находившимся на ее попечении дочерям пришлось пережить драму. Одна из дочерей, имя которой неизвестно, молодая, красивая и богатая, уже год помолвленная с львовским армянином Авраамом Толаговичем, приглянулась польскому дворянину Миколаю Зассовскому. Накануне армянского Рождества 1427 года, а значит 5 января, Зассовский вместе с сообщниками из Высокого Замка во Львове, то есть людьми из окружения короля, организовал вооруженное нападение на поместье в Ляшках. В отсутствие мужчин вдова и ее слуги были избиты, а девушка, по-видимому, против своей воли, похищена и привезена в королевское поместье Скнилов. Мать в отчаянии бросилась в погоню за похитителями, чтобы вернуть дочь, но ее усилия оказались тщетными. Мало того, в Скнилове она была ограблена (украли ее одежду) и оскорблена сообщниками Зассовского, Яном Голубком и Фееном из Кожич (пол. *Kozice*)¹⁶. А похищенная девушка была доставлена в Зимнюю Воду близ Львова.

Похититель был двоюродным братом Навоя, сандомирского¹⁷ подстолия (стольник, лат. *subdarifer*), и Петра Влодковица из Харбиновицы — старосты львовского¹⁸. Он унаследовал деревню Роза в сандомирской земле. За год до похищения дочери Григория Зассовский вел спор в сандомирском земском суде относительно Зассова. Ответчиком был Завиша Черный из Гарбова, который, как и сам Миколай Зассовский, происходил из рода Сулимов. 31 августа 1426 года Зассовский добился признания своего права на Зассов при условии, что расплатится с Завишей до вторника после Рождества. Этого не произошло, и Миколай остался владельцем только лишь имения в Розе¹⁹. Вероятно, он не был молод, поскольку в 1420 году у него уже была жена по имени Елисавета. Была ли она жива во время похищения дочери Григория, или же Зассовский, будучи вдовцом, искал новую богатую невесту, неизвестно.

Армянская община Львова, взволнованная похищением дочери своего именитого члена, сразу отреагировала. Напомним, что в одном из документов Григорий был представлен как «*рыцарь армян*», иными словами, как представитель армян во властной элите. Помощь сперва была запрошена у воеводы Львова, Миколая

15. *Barącz S. Żywoty sławnych Ormian w Polsce. Lwów, 1856, s. 135–136* (в XIX веке документ находился в собственности армянской семьи Ромашкан).

16. Первый из них, Ян Голубек из Зимней Воды, позже занял должность подсудка (1435–1444 гг.), или помощника, земского судьи, а затем был назначен львовским земельным судьей (1444–1454 гг.) (см.: *Urządnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Wyd. K. Przyboś. Wrocław, 1987, s. 135, № 1020, s. 142, № 1093*).

17. Город Сандомир в Польше известен своим королевским замком на берегу Вислы.

18. Петр Влодковиц из Харбиновицы и Огородзенца с 13 марта 1425 года по 8 апреля 1427 года аттестован как староста Львова (см.: *Urządnicy województwa ruskiego, s. 150, № 1160*).

19. *Wroniszewski J. Szlachta ziemi sandomierskiej w średniowieczu. Zagadnienia społeczne i gospodarcze. Poznań–Wrocław, 2001, s. 30–31, 41*.

Корча по прозвищу Никель (Nickel)²⁰. Тот, однако, отказался выступать против родственника старосты, поскольку последний по отношению к нему был вышестоящим лицом²¹. Армяне отправились ко львовским советникам в ратушу и рассказали о произошедшем. Советники направили письмо старосте с просьбой вернуть девушку. С этим письмом армянская делегация вместе с вдовой отправилась в Княгиничи, где проживал староста²². Влодковиц, пытаясь выкрутиться, говорил, дескать, похищенную девушку перепутали с ее младшей сестрой. Из запутанных ответов армяне поняли, что похищение не состоялось бы без ведома старосты. Тем не менее он сделал вид, будто заинтересован в справедливой развязке дела, и дал письмо, адресованное воеводе. Круг замкнулся.

Воевода должен был потребовать, чтобы Зассовский явился во Львов вместе с похищенной девушкой, но, вторично приняв представителей армянской общины, он сказал, что ничего не сможет сделать, поскольку Зассовский и девушка уже уехали из Ляшек в другое место. Заговор становился все более очевидным, и армяне поняли, что похищение было согласовано и с воеводой. Перед полным составом городского совета Львова, в присутствии двух свидетелей-дворян, Осташа из Давидова и Богухвала, мать похищенной девушки, заливаясь слезами, громко оплакивала и ее судьбу, и свою. Разумеется, советники были тронуты таким проявлением отчаяния, а также обеспокоены явным насилием со стороны власть имущих и нарушением общественной безопасности. Опасаясь, что подобный произвол может случиться и с их собственными дочерьми, они призвали армян попросить вмешательства краковского воеводы Яна Тарновского, который считался ближайшим советником короля Владислава. Львовские советники считали, что только он сможет добиться возвращения девушки ее матери и законному жениху, а также наказания похитителей. Чем завершилась эта история, не знаем, поскольку полная документация по делу не сохранилась²³. Личность похитителя и его родственные связи не оставляли больших шансов армянам. Правда, в источниках еще появляется имя жениха девушки, Авраама Толаговича, но о его супружеских связях ничего не сообщается²⁴.

В середине XV века деревня Ляшки и часть деревни Городиславичи, которая в свое время также была передана Григорию, принадлежали отцу и сыну Холубеям, тоже армянам.

20. Этого человека нет в списке воевод Русского воеводства (см.: *Urządnicy województwa ruskiego*, s. 158).

Миколай Корча из Харбиновицы, видимо, был племянником старосты Влодковица. В 1437 году он был владельцем Цишовки (Ciszówka) и Гуры (Góra) (см.: *Piotrowicz K. Charbinowski Bartosz // Polski słownik biograficzny*. Т. 3. Kraków, 1937, s. 263).

21. В то время воевода на Руси имел юрисдикцию в уголовных делах, но играл второстепенную роль. Он был лишь чиновником старосты и назначался им, что являлось пережитком русского права (см.: *Margasz W. W sprawie sądownictwa czerwonoruskiego przed r. 1435 // "Przegląd Powszechny"*. Т. 21, 1889, s. 39–54).

22. Возможно, это была собственность семьи, поскольку другие Влодковицы из Харбиновицы подписывались как «из Княгиничи» (см.: *Piotrowicz K., Charbinowski Bartosz*, s. 263).

23. Мы знаем об этом деле из письма неизвестному высокопоставленному лицу: «*Magnifice Domine Gracioso!*» (см.: *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie* (далее: AGZ). Т. 9. Lwów, 1883, s. 38–40, № 28; *Lesiński B. Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim do połowy XV wieku*. Wrocław, 1956, s. 162).

24. 24 мая 1441 года Авраам и его братья Лазарь и Асвадур засвидетельствовали долг в 42 копы грошей за перец в пользу Винцента, городского нотариуса. Заложены были богатый ларек возле ларька Сиркиса (Саркиса), принадлежавший их отцу Толаку, а также другое движимое и недвижимое имущество. 7 ноября 1442 года Авраам, сын Толака, и Муссис (Мовсес) в долг за перец (37,5 коп хороших чешских грошей) заложили свои богатые ларьки (см.: *Księga ławnicza miejska, 1441–1448 / Wyd. A. Czołowski, F. Jaworski // Pomniki dziejowe Lwowa*. Т. 4. Lwów, 1921, s. 17–18, № 115b; s. 89, № 696).

Старший Холубей в источниках значится как «*Armenus de Laszky*» и «*nobilis*» — «армянин из Ляшек» и «дворянин». Из этого следует, что очередной владелец Ляшек, Холубей, был наследником рыцаря Григория — его сыном или зятем. Известны только два документа, в которых появляется имя Холубея-старшего из Ляшек. В первом, датированном 6 декабря 1439 года, он выступает как свидетель сделки, заключенной во Львове, а во втором, в занесенной в земскую книгу записи 1441 года, — как должник Петра Мзуровского, которому за 50 гривен отдал в залог половину деревни Городиславичи²⁵. Холубей был женат на Машке, дворянке из Болотни (Блоченьска)²⁶, женщине крепкой и боевой. У них было трое детей: сын Холубей-младший и две дочери — Анна и Фиетка. Почти сразу после смерти Холубея-старшего поп Семен из Ляшек обвинил Машку в рукоприкладстве, в том, что она якобы ранила его, что привело к тяжелой болезни. В осиротевшей семье тон задавала мать, которая 3 августа 1443 года приняла участие в процессе с ляхковским попом²⁷.

Холубей-младший женился на львовской армянке Душке (или Духне)²⁸, но потомства не дождался. Они жили в Ляшках и вместе участвовали в какой-то тяжбе (свидетельство датировано 14 июля 1442 г.) с солтысом²⁹ деревни Сроки Станиславом (Стахером)³⁰.

Есть еще несколько возможностей понаблюдать за судьбой Холубея через призму судебных дел. Так, в январе 1443 года в его усадьбе в Ляшках не было дров для отопления, и хозяин послал слугу Гричка (Грина) достать их откуда-нибудь. Этот факт, разумеется, свидетельствует о неумелом ведении хозяйства владельцами поместья в Ляшках. Слуга был пойман в королевских лесах Знесенья, когда украденными у двух татар топорами рубил все подряд. В итоге Холубей был вынужден заплатить штраф за действия своего слуги³¹. Позднее он судился с Клихной Одоровской по поводу попа из Винограда (*Winogród*). У него были также судебные разбирательства с Дерславом из Быдльно (*Bydlnó*) и Лисинич (*Lisinicze*) по поводу какой-то захваченной крестьянки. Сроки этих разбирательств переносил слуга Холубея³². Когда очередное судебное заседание было назначено на 8 мая 1444 года, тот же слуга явился и попросил прекратить дальнейшее разбирательство в связи с тем, что его хозяин находился на службе у короля и воеводы³³. На основании этого свидетельства можно заключить об участии Холубея в войне короля Владислава III против Османской империи. Армянин из Ляшек больше не появляется в текстах судебных актов. Возможно, он погиб осенью 1444 года в битве при Варне.

Несколько лет спустя в борьбу за Ляшки вступают четыре женщины. На одной стороне — «*благородная*» Машка Блоченьская, вдова Холубея-старшего, поддерживаемая своими «*благородными*» дочерьми Анной и Фиеткой, на другой — «*арендаторша*» (*tenutaria*) Ляшек Душка-армянка, бездетная вдова Холубея-младшего.

25. AGZ. T. 14, s. 499, № 3725.

26. Болотню (польск. *Włotnia*) заложил Машке Миколай Парава; 3 февраля 1441 года она предъявила в городском (старостинском) суде иск Станиславу «*de Krzyschow*» (Кшишковскому, из Кшишкова?); дело отложил ее слуга Миколай (см.: AGZ. T. 14. *Lwów*, 1889, s. 26, № 188), аналогично и 24 февраля 1441 года (там же, с. 26, № 190).

27. AGZ. T. 14, s. 56, № 459–460.

28. Уменьшительное от: Анастасия, Настухна, Насдухна.

29. *Laq. scultetus*. В данном случае — сельский распорядитель.

30. AGZ. T. 14, s. 30, № 226; s. 55, № 448.

31. Там же, с. 73, № 583; с. 74, № 586. Холубея также называют наследником Чишек.

32. Там же, с. 96, № 759–760; с. 130, № 1052; с. 131, № 1063. Он появляется в делах с Дерславом из Быдльно и Лисинич.

33. Там же, с. 132, № 1075. Воеводой в то время был Петр Одровонж из Спровы (см.: *Urządnicy województwa ruskiego*, s. 158, № 1253).

Машка и Душка, должно быть, уже давно не ладили: во время процесса 1443 года Душка в суде выступила на стороне попа Семена, которого ее свекровь приказала избить.

В октябре 1453 года Душка лицом к лицу встретилась со своими противницами, которые утверждали, что стремятся вернуть свое наследство. Они заявляли, что во Львовской ратуше хранятся королевские письма, которыми поместья Ляшки и Сроки переданы в собственность их предку, как мы догадываемся, рыцарю Григорию. Спор между женщинами набирал обороты, и староста, пытаясь предотвратить дальнейшее напряжение ситуации, установил от имени короля депозит в размере 100 коп грошей, которые должна была выплатить сторона, отказавшаяся подчиняться судебным решениям. Отмечалось, что имущество будет передано той стороне, которой староста передаст королевские письма.

17 октября 1453 года в ратуше было проведено слушание с участием бургомистра Миколая Сольтыса и представителей городской знати, в ходе которого по просьбе законного представителя Холубеевичей Мирослава Паксиньского были зачитаны королевские письма. Содержание последних ясно, поскольку позже они были отданы Холубеевичам. Душка, во избежание уплаты депозита, отреклась от них, но уступать не собиралась. 26-го числа того же месяца, собрав тридцать дворян и сорок мещан, она ворвалась в поместье в Ляшках. Ее сторонники выбили ворота, разрушили забор, разграбили гумно, разбрасывая зерно. Потерпевшая сторона оценила урон в 100 гривен. Прокурор (адвокат) Душки, Павел Бужиньский, пытался передать дело в земский суд, но без особого результата, поскольку обвинения в грабеже подлежали юрисдикции суда старосты. Душка и ее сторонники были приговорены к выплате высоких штрафов.

Вскоре после этого Анна и Фьетка потребовали, чтобы Душка выплатила им долю от отцовского дома во Львове, а также от взятого серебра, жемчуга и других драгоценностей. 7 января 1454 года воевода и староста русский Анджей Одровонж и земский судья Ян Голомбек из Зимней Воды вновь заслушали спор сестер Анны и Фьетки Холубеевич с Душкой-армянкой относительно деревень Ляшки и Сроки. И вновь оба судьи вместе с советниками в ратуше зачитали королевские письма. Среди рассматриваемых на процессе документов были также письменные поручения на русском и латинском языках, связанные белым холстом и депонированные в ратуше до достижения сестер совершеннолетия. И снова письма были отданы Анне и Фьетке, а Душка отказалась от них, избавившись от обязательств. Дело расследовалось в присутствии Миколая Гологурского, подстоля львовского, Винцента Хохловского, Яна Бучацкого, Павла из Пшецлавиц, Яна Высоцкого, Станислава из Срок и других³⁴.

После победы в суде над своей снохой неугомонная Машка Холубей из Болотни продолжала активно судиться с местными дворянами. С Яном Волковским и Матеушем Лашотой из Подхуссова [?] она вступила в спор из-за беглого крестьянина, затем из-за поля и иного имущества. В другой раз она подала в суд на Станислава из Кривчиц и его сыновей. Недобрососедские взаимоотношения нередко сопровождались насилием. Под деревней «Подхуссов», над дорогой «Нагорче», выступавший в качестве свидетеля судебный пристав видел последствия насильственных действий: пять опрокинутых телег без волов и металлических креплений, разбросанное сено, рассыпанные пшеница, ячмень и мука, сломанная крышка

34. AGZ. T. 5. Lwów 1875, s. 174–175, № 134.

небольшой шкатулки, другая шкатулка с вытасенными креплениями и гвоздями, кучер с опухшим коленом, не в состоянии ходить, с кровью на лице и на носу. Машка обвинила Матеуша Лашоту из Подхуссова в грабеже. Судебный пристав засвидетельствовал, что он видел ее шесть быков в стаде в поместье Лашоты. Их ему показал Дашко Тустановский, зять Машки. Слушание дела откладывалось много раз, и наконец 7 июля 1455 года обе стороны приняли участие в заключительном заседании в гродском (старостинском)^{35*} суде. Машка обвинила Лашоту в том, что он напал на нее на свободной королевской дороге, отнял ее шкатулку с деньгами и жемчугом (*manicas*), ткани, плащи, ячмень, пшеницу, меха, муку, волов и другие вещи. Лашота все отрицал, но она его привела к присяге. Ему только удалось вернуть сбежавшего к Машке крестьянина.

Машка участвовала и в многочисленных хозяйственных спорах. В связи с владением участками в селе Болотня она заключила мировое соглашение с жителем Львова Яном Чорнбергом. Также давала денег взаймы своим соседям. Михно Боршовски пообещал, что восемь гривен долга выплатит Машке из Ляшек в день Святого Димитрия. Если не заплатит, то на следующий день должен будет позволить судебному приставу получить два имения и две пустыни (*deserte*) в Боршеве и Залиплянах. Он также должен был защищать Машку от своих братьев и других недоброжелателей. 15 мая 1456 года слушалось дело между Машкой и Яном, или Юрой, из Домбровки, чиновником города Львова. Судьи решили, что Юра вернет все, что взял в поместьях Машки в Ляшках, а также в доме в пригороде Львова³⁶. В 1455 году Машка должна была выкупить часть деревни Срок у Станислава Стахера³⁷.

Обе дочери Холубея-старшего вышли замуж за дворян: Анна за Дашка Тустановского³⁸, а Фиетка за Яцека Дзедушицкого. В 1456 году Фиетка и ее муж продали Ляшки и Сроки за 1000 гривен Анджею Одровонжу. Возможно, к тому времени Анны Дашковой уже не было в живых, поскольку ее сестра продавала все наследство, доставшееся им от предка-Григория. Дзедушицкий в 1456 году завещал часть Дзедушиц теще, а жене оставил 200 гривен приданого на половину Дзедушиц и Лешчан³⁹.

Таким образом, мужская линия потомков армянского рыцаря Григория превратилась. Что касается потомков по женской линии, то они слились с русскими дворянами, которые со временем подверглись полонизации и до сих пор проживают в Польше.

35. Появление старостинских имений (государственных владений) в Королевстве Польском связано с изменениями в системе вознаграждений за выполнение гродской (старостинской) службы.

36. AGZ. T. 14, s. 26, № 188; s. 57, № 467; s. 212, № 1697; s. 213, № 1702; s. 214, № 1716; s. 365, № 2795; s. 365–366, № 2796; s. 368, № 2807; s. 386, № 2936; s. 387–388, № 2945; s. 388, № 2946; s. 389, № 2951; s. 390, № 2955; s. 390, № 2957; s. 391, № 2964; s. 391, № 2965; s. 395, № 3000; s. 396, № 3001; s. 420, № 3176; s. 421, № 3187; s. 423, № 3196; s. 427, № 3221; s. 428, № 3228; s. 428, № 3229; s. 428, № 3230; s. 439, № 3313; s. 439, № 3314; s. 439, № 3315; s. 510, № 3316; s. 443, № 3333; s. 444, № 3337; s. 444, № 3339; s. 449, № 3383; s. 451–452, № 3398; s. 459, № 3445; s. 478, № 3557; s. 508, № 3790; s. 510, № 3817.

37. 3 ноября 1455 года Машка заложила у Стахера, знатного солтыса из Срок, 100 гривен из приданого. Она заявила, что выплатит Стахеру 50 гривен в день Святого Иоанна Крестителя. В случае неуплаты Стахер получал право на всю деревню (AGZ. T. 14, s. 460, № 3453). 5 ноября Стахер отменил залог деревни Сроки таким образом, что взял у Машки, вдовы Холубея, 100 гривен из приданого и еще 50 гривен.

Машка пообещала заплатить все до дня Святого Иоанна Крестителя.

38. AGZ. T. 14, s. 439, № 3316 (12 апреля 1455 г.).

39. Korwin [Piotrowski] L. Ormiańskie rody szlacheckie w Polsce. Kraków 1934, s. 93–94.

Summary

Krzysztof Stopka,

Professor of the Jagiellonian University (Krakow)

The beginning of the Armenians' service in Polish diplomacy. Knight Gregory, owner of the villages of Lyashki and Sroki, and his descendants

The first known Armenian to have served as a Polish diplomat and translator was Gregory (Gregorius) of Lvov (pol. *Lwów*, ukr. *Lviv*). It is confirmed that he lived in that city as early as in 1407. Beside his brother Atabey he also had a sister whose name is unknown. His service to king of Poland Władysław II Jagiełło was rewarded with knighthood, as well as with the village of Laszki (Lashki, today Murovane) in the Lvov region. Due to this endowment, he was obliged to carry out military service. The fact that he was an active warrior is confirmed by historical sources calling him a “*knight*” (lat. *miles*). In 1415, together with the Polish knight Jakub Skarbek of Góra he went as an envoy to the court of the Ottoman sultan Mehmed I in Adrianople. The goal of their mission was to stop Ottoman raids on Hungary during the period when Sigismund of Luxembourg, the king of Hungary, concentrated his efforts on mending the church schism at the council of Constance. That aim was not achieved since Gregory the Armenian was imprisoned by Hungarian magnates in Transylvania as an Ottoman spy. This occurrence led to the departure of sultan's envoys and renewed Ottoman raids on the Kingdom of Hungary. After his return to Lvov, Gregory represented king's interests in his trade relations with the city. In 1421, he was additionally rewarded with the village of Sroki (today Soroky) in the Lvov region, a fact confirming that the king deeply appreciated his services.

Following the death of Gregory, his widow found herself in a very difficult position. In 1427 one of her daughters was abducted from the family estate in Laszki by the Polish knight Mikołaj Zassowski, most likely for forced marriage. The despairing mother wanted to free her daughter who had already been betrothed to an Armenian of Lvov, Abraham, son of Tolag. The situation was very difficult due to kidnapper's familial connections and political influence. Unfortunately, the outcome of the affair remains unknown.

A descendant of Knight Gregory was the nobleman named Holubey (senior), his son or son-in-law, the inheritor (lat. *haeres*) of Laszki and Sroki, who died in 1443. The offspring of his marriage to Maszka (Mashka) of Błotnia was the son Holubey (junior) and two daughters—Anna and Fietka. Holubey-junior stayed in the service of king Władysław Jagiellończyk. He probably died at the battle of Varna in 1444. Following his demise, the mother—Maszka of Błotnia—had to participate in a difficult court dispute with his widow—Duchna (Dukhna/ Nasdukhna/ Anastasia), an Armenian woman from Lvov who was still childless. Eventually, the dispute was won by Maszka and her two daughters, Anna and Fietka, in 1454. Both young women were married off to local nobles: Daszko (Dashko) Tustanowski and Jacek Dzieduszycki.

The progeny of Gregory the Armenian, a knight in service of king Władysław Jagiełło, ended in the male line. The villages of Laszki and Sroki were sold to new owners.

Հովսեփ արքեպիսկոպոս Արղությանի ավանդը Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքի պահպանման և վերականգնման գործում

Հասնիկ Ամիրջանյան,

պատմական գիտությունների թեկնածու, Հայաստանի Հանրապետության Գիտությունների Ազգային Ակադեմիայի Պատմության ինստիտուտի գիտաշխատող (Երևան)

1768–774 թվականների ռուս-թուրքական պատերազմում հաղթած Ռուսական կայսրությունն անրապնդեց իր դիրքերը Սև ծովի հյուսիսային առափնյա շրջանում՝ Թուրքիայից անջատելով ու անկախ հայտարարելով Ղրիմի խանությունը: Թերակղզին վերջնականապես Ռուսաստանին միացնելուն (Կերչը, Կինբուրն և Ենիկալե ամրոցները Ռուսաստանին էին անցել դեռևս 1772 թվի Կարասուրագարի պայմանագրով) ուղղված քաղաքականության համատեքստում հասունացավ տեղի քրիստոնյա բնակչության, հիմնականում հայերի և հույների, տեղահանության հարցը, որը և իրականացվեց 1778 թվին:

Տեղահանությունից հետո, այնուամենայնիվ, թերակղզում մնացած փոքրաթիվ հայության հոգևոր կյանքի կազմակերպման ու եկեղեցապատկան կառույցների պահպանման հարցերը հայտնվեցին Ռուսաստանի հայոց թեմի առաջնորդ Հովսեփ արքեպիսկոպոս Արղությանի (1773–1801 թթ.) ուշադրության կենտրոնում: Նշված հարցերի կարգավորումն առավել հրատապ դարձավ 1783թ՝ Ղրիմը Ռուսաստանին անցնելուց և քաղաքական իրավիճակի կայունացումից հետո, երբ թերակղզու հայ բնակչության թիվը սկսեց աճել: Կարևորվեցին հատկապես հայկական վանքերի ու եկեղեցիների բարեկարգման, դրանք հոգևորականներով ապահովելու, հոգևոր հարկերի (հատկապես եկեղեցական հարկի՝ տասանորդի) գանձման հարցերը: Հովվապետի գերագույն նպատակը դարձավ ղրիմահայոց նշանավոր հոգևոր կենտրոնի՝ երբեմնի արքեպիսկոպոսանիստ Սուրբ Խաչ վանքի նախկին վայելչության և հոգևոր կյանքի վերականգնումը: Վանքը ներկայումս էլ կանգուն է և գտնվում է Ստարի Կրիմ (միջնադարում՝ Սուրխաթ–Ղրիմ, հետագայում՝ Էսկի Ղրիմ, Հին Ղրիմ) քաղաքից 3 կմ հյուսիս-արևելք, Ղրիմի լեռների հյուսիս-արևելյան ճյուղի Կարասան-Օբա լեռան լանջին¹:

Արքեպիսկոպոս Արղությանը քանիցս դիմում է ռուս պետական գործիչներին՝ խնդրելով իրեն վերապահել վանքի գործերով զբաղվելու իրավունքը: Նա գիտակցում էր, որ վանքի տնօրինությունը ստանձնելով, ինքնստիճյան կստանձնեք նաև Ղրիմի հայերի հոգևոր կյանքի վերահսկման ու կառավարման գործը:

Այս հարցով Արղությանը դիմում է գեներալ Ի. Գորիշչին, սակայն պատասխան չի ստանում: Փորձում է դիմել գաղտնի խորհրդական գեներալ-մայոր Վ. Պուպլին, սակայն չի հաջողվում: Ի վերջո տեղեկանում է, որ վանքը ռուս անվանի պետական գործիչ իշխան Գ. Պոտյոմկինի կողմից շնորհվել է ռուսական արքունիքում մեծ դիրք զբաղեցնող Հովհաննես Լագարյանին: Արղությանը դիմում է Սանկտ Պետերբուրգում գտնվող նորնախիջևանցի Կարապետ վարդապետին՝ հորդորելով ռուսահայության

1. Сарсјян Т., Петросјан М. Крым. Монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2017, с. 18

անունից խնդրել կառավարությանը, որպեսզի Սուրբ Խաչ վանքը պաշտոնապես տրվի հայերին, սակայն հաջողության չհասնելով՝ սկսում է իր կողմից ուղարկել գործակալներ՝ տեղում իրավիճակը վերահսկելու համար:

1785 թվի գարնանը դրինահայությանը հասցեագրված կոնդակով Արդությանը թերակղզի է ուղարկում քահանա տեր Ղազարին՝ խստագույնս հանձնարարելով նրան զբաղվել Սուրբ Խաչ վանքի հարցերով²: 1786 թվի ամռանը երեք քահանա է ուղարկում՝ հովվելու Կաֆայի (այժմ՝ Թեոդոսիա) Սուրբ Սարգիս և Սուրբ Հրեշտակապետաց հայկական եկեղեցիները, իսկ 1795 թվի հունվարի 4-ին Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքի վերակազմու է կարգում պարոն Պետրոս Քալանթարին, ով պիտի գանձեր հոգևոր հարկը³:

1787 թվի աշնանը գնալով Ղրիմ՝ Արդությանը սկսում է մեծ գործունեություն ծավալում՝ հայերի կողմից լքված բնակավայրերի ու մշակութային արժեքների պահպանման ու օտարների կողմից չյուրացման բնագավառում: Սուրբ Խաչ վանքը դրինահայերի գաղթից հետո հայտնվել էր բարձիթողի վիճակում՝ ամայացած ու լքված, իսկ նախկին վանքապատկան հողերի մի մասն օտարվել էր: 2. Արդությանը մասամբ հասնում է իր նպատակին: 1789 թվի մարտին ծանոթներին գրած նամակներից մեկում նա նշում է, որ Գ. Պոտյոմկինը «Ղրիմի Խաչ վանքը մեզ է նվիրել՝ իր հողովն և շանկալովն, Մալա և Չալթր գյուղերով»⁴:

Վանքը հայոց թեմի ենթակայության տակ անցկացնելուց հետո, հարկ էր նրա հոգևոր կյանքը համապատասխանեցնել թեմական կանոններին և նվիրակության համակարգին (նվիրակները գործողված անձինք էին, որոնք կոչված էին հանգանակություն կատարել հոգուտ եկեղեցու): Անհրաժեշտ էր նաև վերահսկել թերակղզու հայկական եկեղեցիների ու վանքերի եկամուտները, դրանք ապահովել վստահելի հոգևոր գործիչներով, հետևել, որ եկեղեցական ունեցվածքն ու հասույթները չզրավվեն այլոց կողմից: Սույն քայլերը պայմանավորված էին այն հանգամանքով, որ Ղրիմը երբեմնի հարուստ հայկական գաղթօջախներից մեկն էր, որտեղից թեմը կարող էր զգալի հոգևոր հասույթ ստանալ:

Այնուհետև արքեպիսկոպոսը ձեռնամուխ է լինում վանքապատկան հողերի անրագրման և առիավետ սեփականացման հարցին: Մտադրվել էր նաև, հնարավորության դեպքում՝ շրջակայքի այլ հողեր ևս գնել Սուրբ Խաչ վանքի համար, նախագծել և ներկայացնել պետության հաստատմանը: Իր կողմից Ղրիմ ուղարկված Կարապետ վարդապետին նա գրում է. «...ես առավել ցանկան, որ Սուրբ Խաչի տեղն ընդարձակ առեալ լինես»⁵: Ղրիմաբնակ հայ երևելիներին ու հոգևորականներին հրահանգում է հետևել Սուրբ Խաչ վանքին, հանձնարարություններ է տալիս վանքի ու այլ տարածքների, հողերի, հոգևոր հարկերի վերահսկման վերաբերյալ: Տեղում մնացած հայ բնակչությանն ուղղած կոնդակներում քանիցս հորդորում է հոգևոր այս օջախը հաստատուն և շեն պահել:

1794 թվի աշնանն Արդությանը հերթական անգամ այցելում է Ղրիմ, քանի որ մտադրվել էր վերանորոգել Սուրբ Խաչը և նախկինում վանքապատկան հողերի վերադարձի հարցով դիմել տեղի ռուսական իշխանություններին: Բարեկարգելով երբեմնի աթոռանիստը, նա այնտեղ միաբանություն է հաստատում, կալվածքներ, անտառներ գնում և նվիրում, Նոր Նախիջևանից և Աստրախանից եկեղեցական սպասք ու հանդերձանք ուղարկում: Այդ մասին նա գրում է. «...վասն նորա զբաղական գետինս առի մայրիւր, բարեհամ շորքք և պտղատու ծառովք»⁶: Իր կատարած վերականգնողական

2. Մերոպ Մաշտոցի անվան Մատենադարան (այսուհետև՝ Մատենադարան), Ձեռագիր 4496, ք. 301:

3. Նույն տեղում, Ձեռագիր 2699, ք. 91 ա: Ձեռագիր 2951, ք. 52 ք:

4. Նույն տեղում, Ձեռագիր 2949, ք. 113 ա:

5. Նույն տեղում, Ձեռագիր 2949, ք. 135 ք:

6. Պաղանյան Գ. Դիւան հայոց պատմութեան. Գիրք Թ. Թիֆլիս, 1911, էջ 156:

աշխատանքների մասին Արդությանը գրում է. «Ուստի՝ ապալինեալ ի յԱստուած և ի ձերդ բարեպաշտութիւն, ձեռն ի գործ արկի շինել և զամենայն պակասութիւնսն հոգալ, որ և նորոգել ետու զխախտեալ տեղիսն, շինեցուցի անդ զառաջնորդարանս, զխոցս և զտունս յաղագս միաբանից և ուխտատրաց»⁷: Հավանաբար, խոսքը սեղանատան վրա կանգնեցված վերնահարկի մասին է: Համաձայն 19-րդ դարի պատկերների, այն դեպի հարավ նայող փայտաշեն պատշգամբով, սենյակների բաժանված կառույց էր, որը 20-րդ դարի սկզբին փոխարինվել է նորով⁸:

Սակայն վանքի բարեկարգումն ու հողային հարցերն այդքանով չեն լուծվում: 1795 թվի հունվարի 4-ի «Ի վերայ հասարակութեանն գրեցաք ի Մոսկով յաղագս Ղ.դիմու Մուրբ Խաչ վանից պայծառութեան» խորագիրը կրող առաջնորդական կոնդակով հովվապետը դիմում է Մոսկվա քաղաքի հայությանը՝ խնդրելով մասնակցել վանքի բարեկարգմանը:

Վերադառնալով Նոր Նախիջևան, արքեպիսկոպոս Արդությանը շարունակում է հեռվից կարգավորել դրինահայերի հողային իրավունքները՝ իր գործակալների միջոցով: Վերջիններից պահանջում է շրջագայել նախկինում հայաբնակ բոլոր տարածքներով, տեղեկանալ հայերի հոգևոր գործերի իրավիճակին: 1795 թվին արքեպիսկոպոսը Ղ.րիմ է ուղարկում իր եղբորորդի իշխան Բարսեղ Արդությանին՝ տեսակցելու վանքի վարդապետ տեր Մանվելի հետ: 1797 թվականին Արդությանը խնդրում է Տավրիկյան գեներալ-նահանգապետ պայծառափայլ իշխան Պլատոն Չուբովի (1793–1796 թթ.) միջնորդությունը՝ ներկայացնելու վանքի հողերի նախագիծը, որի մի օրինակն էլ ուղարկում է Հովհաննես Լազարյանի հավանությանը: Վանքի բարեկարգմանն ու հողային հարցերով արքեպիսկոպոսը դիմում է նաև ումն Կառլ Ի-վանիչի (հավանաբար, ռուս ռազմական գործիչ Կառլ Ի-վանովիչ Բիստրոմիին):

Արդությանի հաղորդումից տեղեկանում ենք, որ ժամանակին հայերին պատկանող տարածքներում, ուր «մեր վարուցանքը և կայն է», այգի է տնկվել: Այնուհետև, Կաֆայի ճանապարհին գտնվող «Ղամշաչի» կոչվող հողակտորի վրա, որը Եկատերինա Երկրորդ կայսրուհու (1762–1796 թթ.) հրամանագրով տրվել էր հայերին, ավելի քան երեք տարի էր, ինչ տեղակայվել էր ռուսական գործառնա: Արդությանը դիմում է Գ. Պոտյոմկինին՝ կորսված հողերի վերադարձի կապակցությամբ, քանի որ ըստ կառավարական նոր հրահանգի բոլոր հողերը պետք է վերադարձվեին նախկին տերերին. «...Ուրեմն մեզ հանձնված վայրերը պետք է մերը լինեն»⁹, — եզրահանգում է հովվապետը:

1798 թվի հուլիս 12-ին Ղ.րիմի Մուրբ Խաչ վանքից գրված անանուն նամակի հեղինակը շ. Արդությանին հայտնում է, որ վանքի հողերում հողաչափական աշխատանքներ են տարվում, իսկ իրենց ներկայացրած նախագիծը մերժվել է և այն ընդունելու համար 200 ռուբլի կաշառք են պահանջում: Նամակում նշվում է, որ սպասում են Արդությանի կողմից ուղարկվելիք նախագծին և նախատինք է հղվում Հովհաննես Լազարյանի հասցեին, որ վերջինս ըստ հարկի չի հետևում վանքի հողային նախագծի հաստատման աշխատանքներին: «<...> Եւ փոքր մի ևս ստուգին, տիրելոց են ի վերայ ամենայն գետնոյն <...> խղճալի վանիցս»¹⁰, — գրում է նամակի հեղինակը՝ տեղի հայ բնակչության անունից խնդրելով օգնության ձեռք մեկնել աղքատացած հոգևոր կենտրոնին, որի միաբանների ու սնակների վիճակն անելանելի էր:

Ելնելով այս ամենից, Արդությանը 1798 թվի հուլիսին անձամբ փաստաթղթեր է պատրաստում վանքի հողերի չափագրման անհրաժեշտության վերաբերյալ և

7. Նույն տեղում, էջ 156:

8. Մարգարյան Տ. Ղ.րիմի Մուրբ Խաչ վանքը և նրա նորահայտ վիմագրերը // «Պատմա-բանասիրական հանդես».

Երևան, 1999, № 2–3, էջ 319:

9. Մատենադարան. Ձեռագիր. 2951, ք. 127 ք:

10. Մատենադարան. Ֆոնդ Կաթողիկոսական Դիվան, քրթապանակ 8, վավերագիր 58, ք. 1:

ուղարկում Ղրիմում գտնվող իր հանձնակատար Գրիգոր վարդապետ Չաքարյանին՝ ներկայացնելու նահանգային կառավարիչներին, ինչպես նաև հանձնարարություններ է տալիս Ղրիմի վանքի հոգևոր գործիչներին. այն է՝ ինչպես հարկն է հոգալ հոգևոր արդյունքների մասին, աշակցել տեղի Կարապետ վարդապետին հոգևոր գործերում և հետևել Գրիգոր վարդապետ Չաքարյանի խորհուրդներին ու ցուցումներին: Սակայն օգոստոսի 29-ին Արդոթյանը Մանկտ Պետերբուրգից կարգադրում է Գրիգոր վարդապետին վանքի հողերի վերաբերյալ իր ուղարկած փաստաթղթերի մեջ ուղղումներ մտցնել, տեղեկացնելով, որ ամեն ինչ պետք է նորովի սկսել, քանի որ գլխավոր դատախազ իշխան Ա. Բ. Կուրակինին (1796–1798 թթ.) փոխարինել է Պ. Վ. Լոպուլսինը (1798–1799 թթ.), ում հետ պետք է զգույշ քաղաքականություն վարել, քանի որ վերջինս հայերի գործերից անտեղյակ է: Արքեպիսկոպոսը մտավախություն ուներ, որ նորանշանակ ռուս պետական գործիչը կարող էր հայերին չընդառաջել: Ուստի Գրիգոր Չաքարյանին զգուշացնում է, որ վանքի տարածքը չափազանց տան, անհրաժեշտության դեպքում գումար ծախսեն, հոգ տանեն նաև Կաֆայի Սուրբ Աստվածածին վանքի և հայկական եկեղեցիների մասին: Նույն օրով թվագրված մեկ այլ նամակով նա Աբրահամ վարդապետից ևս պահանջում է. «<...> մեր նշանակած տեղերը չափել տուր, եթե նույնիսկ ծախս լինի»¹¹:

1798 թվի հոկտեմբերի 28-ին Ռուսաստանի մայրաքաղաքից Գրիգոր վարդապետին գրած ձ. Արդոթյանի նամակն առավել հստակ պատկերացում է տալիս հոգևոր հոր առաջիկա նպատակների մասին: Արքեպիսկոպոսը գտնում էր, որ անհրաժեշտ է նախկին և ներկա վանքապատկան բոլոր հողերի սահմաններն ընդգրկող հստակ նախագիծ կազմել և ներկայացնել ռուս կառավարիչներին, այլապես ամբողջ աշխատանքն իգուր կկորչեր:

Արդոթյանի նպատակն էր, որ կառավարության հրահանգն ի նպաստ հայերի իրագործվեր և վերջիններիս վերադարձվեին նրանց կողմից նախկինում մշակվող բոլոր հողերը, այլ ոչ թե խոպան ու անմշակ օտար հողատարածքներ: Ցանկանալով աչքի անցկացնել հողատարածքների վերաբերյալ կազմված նախագծերը, Արդոթյանը Ղրիմից Մանկտ Պետերբուրգ ուղևորվող Գրիգոր վարդապետին 1799 թվի փետրվարի 20-ին գրում է. «Ի գալն հոգասցե Ղրիմի պլանին առնել և ըստ յինքեան բերել»¹²: Գրիգորը Ղրիմի վանքի հողերի ու այգիների մասին հայերի կազմած փաստաթղթերը հասցնում է Արդոթյանին:

1799 թվի մարտի 4-ի թվակիր նամակում Սուրբ Խաչ վանքի հոգևոր գործերի կառավարիչ Աբրահամ վարդապետն արքեպիսկոպոսին ներկայացնում է վանքի ու դրա ավերված այգու անմխիթար վիճակը: Աբրահամը նաև տեղեկացնում է, որ վանքը նոր միաբաններով համալրելու կարիք կա:

Ի վերջո, Աբրահամ վարդապետին Ղրիմ և Կարապետ վարդապետին Նոր Նախիջևան հղած գրություններով արքեպիսկոպոսը հայտնում է. «Ղրիմի վանքի պլանի ուրազն առի»¹³: Հրամանագրի պատճենն, ըստ որի վանքի այգին և չափազանցված վայրերը կայսերական հրովարտակով վերադարձվում էին հայերին, նա ուղարկում է Ղրիմ՝ պատարագի ժամանակ հասարակության առջև հրապարակավ ընթերցելու:

Հովանավոր Արդոթյանը շարունակում է Ղրիմ ուղարկել հոգևոր գործակալների, այդ թվում՝ Թադևոս վարդապետին, տեր Միմեռնին, տեր Չաքարին՝ հատուկ կոնդակներով պատվիրելով շրջագայել հայաբնակ վայրերով, հետևել Սուրբ Խաչ վանքի եկամուտներին, ելքի ու մուտքի հաշվարկներին, տեղի հոգևոր այրերին օգնել վանքի կառավարման և այլ հարցերում:

11. Նույն տեղում. Ձեռագիր. 2951, ք. 210 ա:

12. Նույն տեղում, ք. 248 բ:

13. Նույն տեղում, թթ. 312 ա, 316 բ:

Մակայն գործադրված ջանքերը չեն գոհացնում արքեպիսկոպոսին: Սուրբ Խաչ վանքի հողերի բարձրորդի վիճակը նա բացատրում է առաջին հերթին տեղի հայ եկեղեցականների թերացումով: 1798-1799 թթ. սեպտեմբեր-հոկտեմբեր ամիսներին Սանկտ-Պետերբուրգից հոգևոր հոր գրած նամակները՝ ուղղված Ղրիմի նորանշանակ աթոռակալ պարոն Միրզային, իր իսկ կողմից Ղրիմ գումուղված տեր Ջաքար ավագ քահանա Առաքելյանին, տեր Հակոբին և Աբրահամ վարդապետին, փաստում են, որ տեղի գործակալները բարեխղճությամբ չէին կատարում իրենց հոգևոր պարտականությունները¹⁴:

1799 թվի հոկտեմբերի 13-ի նամակում Արղությանն Աբրահամ վարդապետին մեղադրում է անտարբերության մեջ՝ նշելով, որ վերջինիս համար փույթ չէ, թե վանքի ամբողջ հողը հափշտակել են: Հոգևոր հորը գայրացնում է այն հանգամանքը, որ իմանալով հանդերձ, որ իրենց հողերի նախագիծը հաստատվել է կայսերական հրամանով, հայ հոգևոր գործիչները չեն բողոքում ուր հարկն է ընդդեմ հափշտակիչների, կամ իրավիճակի մասին չեն տեղեկացնում իրեն. «*Ամեն ինչ պետք է մեզ գրեիր և ոչ թե ինքնագլուխ վարվեիր*», — գրում է թեմակալ առաջնորդը Ղրիմի Աբրահամ վարդապետին՝ հրահանգելով հրամանը ստանալուն պես ձեռնամուխ լինել հողերի չափագրմանը¹⁵: շեռագա նամակներում արքեպիսկոպոսն Աբրահամ վարդապետին մեղադրում է տեղի հոգևոր դատարանում ինքնագլուխ կերպով աշխարհականներ նշանակելու և դատավարություններ վարելու մեջ, քանի որ ըստ կայսերական հրովարտակի նման իրավասություններով օժտված էին լույ ռուսահայ թեմի առաջնորդը և Աստրախանի կոնսիստորիան¹⁶: Վրդովված Արղությանը 1799 թվի հոկտեմբերի 20-ի թվակիր կոնդակով Աբրահամ վարդապետի փոխարեն Սուրբ Խաչ վանքի վերակացու է նշանակում Հովհաննես վարդապետին՝ պարտավորեցնելով նրան իրականացնել վանքի կառավարումը, շրջագայել նախկինում հայաբնակ բոլոր տարածքներով՝ տեղեկանալու հոգևոր գործերի իրավիճակին: Հովհաննեսը պարտավորվում է վերահսկել ոչ միայն Սուրբ Խաչ վանքի, այլև Ղրիմի բոլոր հայկական եկեղեցիների հոգևոր գործերը, հաշվառել վանքապատկան շինությունները, վանքերի գույքը, այդ ամենը գրանցել հաշվենատյաններում և զեկուցագրերի տեսքով ներկայացնել արքեպիսկոպոսին¹⁷:

Այսպիսով, Հովսեփ Արղությանը ձգտում էր Ղրիմում կենտրոնացնել իր վստահված անձանց և նրանց միջոցով իրականացնել հոգևոր կյանքի կազմակերպումն ու վերահսկումը: Ի վերջո, ռուսական բարձրագույն իշխանություններին ուղղված նրա բազմաթիվ դիմումները իրենց վերջնական արտահայտությունն են գտնում 1799 թվի հոկտեմբերի 28-ի Պավել Առաջինի (1796–1801 թթ.) կայսերական հրովարտակում, որով ի թիվս այլ շնորհների, Ղրիմի հայերին էին վերադարձվում մի շարք հայկական եկեղեցիներ ու վանքեր, իսկ Սուրբ Խաչ վանքին էին հատկացվում մերձակա հողերը:

1801 թվին Ամենայն Հայոց կաթողիկոս ընտրվելուց հետո՝ հրամեշտ տալով թեմին, Հովսեփ Արղությանը վերջին հրահանգներն է տալիս Սուրբ Խաչ վանքի վանահայր Ղազարին. այն է՝ հետևել վանքի հողերի հարցին, չափագրություններ անել ու ներկայացնել ռուսական կառավարությանը, ինչը վկայում է, որ նա, այնուամենայնիվ, գոհ չէր վանքին հատկացված տիրույթների չափից և ըստ նրա դրանք նորովի նախագծման կարիք ունեին: Հարակից տարածքներից գատ, վանքը կալվածքներ ուներ նաև Պերեկուպի գավառում, Մուդակի մերձակայքում և այլուր: Հոգեհույզ են Արղությանի վերջին պատվիրանները. «<...> գուր ռոնիցիս ի վերայ սրբոյ վանիցդ

14. Նույն տեղում, ք. 205 ա, 317 ա:

15. Նույն տեղում, ք. 315 ա:

16. Նույն տեղում, ք. 317 ա, 318 ա—318 ք:

17. Նույն տեղում, ք. 318 ք:

և ջանասցես շինել և պայծառացուցանել յանուն մեր, ես եմ պատճառն շինութեան դորին, զի լինիցի մեզ վայելուչ»¹⁸: Բացի այդ, նա վանահորը պատվիրում է վանքի միաբաններին համախմբել, նրանց հետ համերաշխ լինել և արդարամիտ կառավարել: Որպես վանական կալվածք, Արդուքյանը Ղազարին է հանձնում նաև Սուդակի խաղողի այգին, որից վանքը ստանում էր մուլք (համախառն բերքի մեկ տասներորդը): Նույն պատվերները տալիս է նաև Կաֆայի Սուրբ Աստվածածին վանքի վերաբերյալ: Պահանջում է չթույլատրել հայկական տարածքներում այլազգիների բնակեցումը, վերջինների կողմից հայերի հողերում տների, հասարակական շինությունների, խանութների և այլնի կառուցումը:

Հովսեփ Արդուքյանի ջանքերով Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը մասամբ վերստանում է երբեմնի նշանակությունը և շարունակում ծառայել որպես թերակղզու հայության կարևոր հոգևոր օջախ:

Summary

Hasmik Amirjanyan,

PhD in History, Researcher of the Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan)

Archbishop Hovsep Arghutyan's contribution in the preservation and restoration of the Surb Khach (The Holy Cross) monastery in the Crimea

Since the Middle Ages, Armenians have been one of the largest ethnic communities in the Crimea. They played an important role in various spheres of life on the peninsula. The spiritual affairs of the Armenian colony here were led by the archbishops, who sat in the famous Surb Khach (Holy Cross) monastery. It still exists and is located 3 km from the city of Stary Krym (Old Crimea, in the Middle Ages—Surkhat-Krym, later—Eski Krym).

In 1778, the Armenian population of the Crimea decreased due to the resettlement of the Armenians and the Greeks of peninsula to the Azov province organized by Russian authorities. The Surb Khach monastery ceased to function, and its lands were plundered.

In the 1790s, when the Armenian community of peninsula began to revive, first spontaneously, and then in a more organized manner, the head of the Armenian Diocese in Russia, Archbishop Hovsep Arghutyan, asked the authorities to return some of the former Armenian religious buildings and their lands. During his reign (1779–1801), the Archbishop visited Crimea twice, became closely acquainted with the situation and made an attempt to restore some of the former Armenian spiritual centers here and breathe life into them. He paid special attention to the Surb Khach monastery. Hovsep Arghutyan's diligent and fruitful actions to return the monastery lands contributed to the salvation and development of this centuries-old spiritual center, as well as to the strengthening of its social position.

18. Աղանյանց Գ. Դիւան հայոց պատմութեան. Գիրք Թ, էջ 366:

Из колонновожатых в генералы: астраханский армянин Никита Макарович Калустов на русской военной службе

Степан Джунджузов,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Оренбургского государственного педагогического университета

В исторической литературе имя Никиты Макаровича Калустова, генерал-лейтенанта Русской императорской армии армянского происхождения, упоминается в справочном порядке. Исследователи используют, как правило, записи из формулярных и наградных списков генерала Калустова без пояснительных комментариев¹. Целью представленной статьи является введение новых сведений о военной и административной службе Калустова, относящихся главным образом к оренбургскому периоду его жизни. Автором привлечены ранее не использовавшиеся материалы из фондов Государственного архива Оренбургской области, а также проведено сопоставление послужных записей с реальными историческими событиями, в которых Н. М. Калустов принимал непосредственное участие.

Никита Макарович родился в 1800 году в семье астраханских армян. Его отец, Макар Калустов, специализировался на «заграничной торговле шелковыми товарами». Он являлся одним из богатейших астраханских купцов, почетным гражданином города Астрахани², а в начале XIX века, уже после рождения сына, вместе с семьей был возведен в дворянское достоинство.

На военную службу Н. М. Калустов поступил в 25-летнем возрасте, его сверстники к этим годам уже ходили в высоких офицерских чинах. Первая запись — о зачислении на должность колонновожатого по квартирмейстерской части на службу в свиту Его Императорского Величества — в послужном списке Калустова была сделана 23 апреля 1825 года. В колонновожатые в то время принимали молодых дворян, часто даже подростков, готовившихся к производству в офицерское звание. Уже через год, после успешной сдачи экзамена, Н. М. Калустов получает первый офицерский чин прапорщика и переводится в Лейб-гвардии Павловский полк.

Судьбоносным для военной карьеры молодого офицера стало его назначение адъютантом генерал-квартирмейстера Главного штаба, состоявшееся 15 июня 1827 года. На пост генерал-квартирмейстера Главного штаба, еще в 1825 году, был определен генерал-майор, граф Павел Петрович Сухтелен³. На момент назначения Н. М. Калустова адъютантом П. П. Сухтелен уже был произведен в генерал-лейтенанты и находился на Кавказе, где в должности начальника штаба Отдельного

1. Амелин В. В., Денисов Д. Н. Армяне в Оренбургском крае. Оренбург, 2014, с. 10–11.

2. Рубцов А. Л. Астраханское гильдейское купечество и его специализация в конце XVIII—начале XIX в. // «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». Тамбов, 2013. №9. Ч. 2, с. 149.

3. Государственный архив Оренбургской области (далее—ГАОО). Ф. 6, оп. 11, д. 11516, л. 14.

Кавказского корпуса участвовал в Русско-персидской войне 1826–1828 годов⁴. Вслед за своим командиром в действующую армию отправился и Н. М. Калустов. К месту службы прапорщик Калустов прибыл в начале сентября. В селе Карабаба он присоединился к отряду генерал-лейтенанта, князя Г. Е. Эриванского, отрезанному от основных сил Кавказского корпуса. В составе этого отряда Калустов участвовал в походе на Тавриз (Тебриз), а после взятия города, с 15 октября исполнял должность плац-адъютанта (адъютанта коменданта крепости). «В воздаяние ревностной службы и отличной деятельности» Н. М. Калустов получил первую свою награду — орден Св. Анны 3-й степени. Потеря Тавриза, второго по величине города Персии, заставила шахское правительство искать приемлемые условия для заключения мира. По поручению П. П. Сухтелена Н. М. Калустов неоднократно посещал неприятельский лагерь, встречал и сопровождал командовавшего персидскими войсками принца Аббаса-мирзу, участвовал в переговорах с его сыном Барам-мирзой. Наиболее значимыми из исполненных Калустовым поручений были объявления условий перемирия и демаркационной линии. За оказанные услуги в деле достижения мира он в 1833 году был награжден персидским орденом Льва и Солнца 2-й степени.

По завершении Персидской кампании граф П. П. Сухтелен и состоявший при нем адъютантом Н. М. Калустов отправились на Дунай, где разворачивался основной театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Н. М. Калустов был участником и свидетелем всех значительных событий этой войны: в конце мая 1828 года у деревни Сатунов под сильным огнем неприятельской артиллерии он с частями 2-й армии переправился через Дунай; до занятия Базарджика 26 июня 1828 года состоял при Императорской Главной квартире; в составе отряда генерала П. П. Сухтелена участвовал в осаде крепости Шумла; участвовал в блокаде, а позднее и в взятии крепости Варна, за что 16 октября был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». 14 ноября 1828 года «за отличие в делах против турок» был произведен в поручики⁵. По возвращении на родину Н. М. Калустов был переведен в Лейб-гвардии Московский полк.

В апреле 1830 года генерал-адъютант П. П. Сухтелен назначается оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса⁶. Вслед за своим командиром в Оренбург, в той же должности адъютанта, но теперь уже оренбургского военного губернатора, отправляется поручик Н. М. Калустов.

В первой половине XIX века Оренбургская губерния являлась крупным пограничным форпостом Российской империи. В обязанности военной администрации Оренбургского края входило обеспечение безопасности границ от набегов кочевников, главным образом киргиз-кайсаков (казахов), привлечение к оренбургскому торгу азиатских купцов и защита их караванов от разграбления. Сотрудники администрации занимались вопросами приема и обустройства переселенцев, экономического и социального развития губернии, повышения образовательного и культурного уровня ее населения. О важности и ответственности исполняемых Калустовым поручений свидетельствуют записи в его формулярном списке.

12 августа 1830 года Н. М. Калустов был направлен в Уральск для организации мероприятий по предотвращению распространения эпидемии холеры в Уральском

4. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 2014, с. 221.

5. ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 11516, л. 14.

6. Семенов В. Г., Семенова В. П. Сухтелен Павел Петрович // Военная история Башкир: энциклопедия / Сост. У. Г. Сайтов и др. Уфа, 2013, с. 239–240.

казачьем войске. А. В. Попов, характеризуя эпидемиологическую обстановку, сложившуюся к тому времени в Уральске, указывает: «В Уральске в короткое время вымерли от холеры почти все начальствующие лица (войсковой атаман, полицмейстер), чиновники войсковой канцелярии и полиции. Движение всех дел прекратилось, некому было распоряжаться, успокоить население, среди которого царил ужас». Смерть большинства уральских чиновников не позволила собрать статистику по заболеваемости и смертности, но о катастрофических масштабах эпидемии красноречиво свидетельствуют следующие показатели: только с 8 по 12 августа в наскоро сооруженные для холерных больных два больничных барака поступило 697 больных из них 211 умерло⁷. К сожалению, информация о распорядителе деятельности Н. М. Калустова по противодействию эпидемии холеры не сохранилось. Но о том, что она оказалась успешной, свидетельствует его производство в капитаны гвардии, последовавшее 11 ноября 1831 года.

В течение следующих лет капитан Калустов управлял Продовольственным отделением дежурства Отдельного Оренбургского корпуса. Был привлечен к разбирательству тяжб Уральского войска с астраханскими рыбопромышленниками по ведению рыболовства на Каспии и с казаками Внутренней орды по владению береговыми участками, имевшими важное значение для благосостояния уральских казаков. Наградой за «отлично-усердную службу» на этом поприще стали ордена Св. Владимира 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени⁸.

В 1835 году, после месячной отставки, вызванной кончиной военного губернатора П. П. Сухтелена, новоназначенным губернатором графом В. А. Перовским Н. М. Калустов вновь был принят на должность адъютанта. По поручению В. А. Перовского адъютант Калустов с 15 ноября 1836 года по 4 ноября 1837 года исполнял обязанности директора Училища хлебопашества и лесоводства и одновременно с 19 февраля по 26 июня 1837 года — директора Оренбургского Неплюевского военного училища⁹. Согласно аттестации, он сдал эти должности преемникам «в надлежащей исправности». «Все отчеты и срочные донесения представлял в установленное время» и в 1838 году был произведен в подполковники. Однако, знакомясь с перепиской военного губернатора со своим адъютантом, складывается впечатление, что это были самые неудачные назначения в послужной карьере Н. М. Калустова. Директором Неплюевского училища он стал в связи с увольнением в отпуск и прошением об увольнении от службы инженер-полковника К. Д. Артюхова. 25 июня Калустов напомнил В. А. Перовскому, что со дня назначения не получал директорского жалования, «положенного ему независимо от получаемого из Комиссариата по чину»¹⁰. Уже на следующий день, как следует из формулярного списка, он был освобожден от занимаемой должности.

Училище земледелия (хлебопашества) и лесоводства было учреждено 18 февраля 1836 года на основании высочайше утвержденного положения Комитета министров с целью подготовки для Оренбургского казачьего войска смотрителей общественной запашки и лесничих. Н. М. Калустов принял управление через несколько месяцев после его открытия. Ему приходилось заниматься вопросами строительства и обустройства зданий, подбором персонала, приемом учеников

7. Попов А. В. Холера в Оренбургском крае 1829–1833 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.

Вып. 21. Оренбург, 1910, с. 208–209.

8. ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 11516, л. 15.

9. Семенов В. Г., Семенова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах.

Оренбург, 2017, с. 101.

10. ГАОО. Ф. 6, оп. 10, д. 4629, л. 4–4 об.

и наблюдением за их воспитанием и многими другими административно-хозяйственными делами. Единственная сфера, куда не допускалось его вмешательство, был учебный процесс по самым главным дисциплинам — агрономии и лесоводству. Для преподавания этих предметов граф В. А. Перовский пригласил бывших студентов Дерптского университета, немцев Ф. К. Эверта и Э. Х. Рейхенбаха с большим для провинциального училища окладом в две тысячи рублей в год. Для сравнения, жалование учителей, преподававших общие дисциплины, варьировалось от полутора рублей (учитель чистописания) до трех с половиной рублей (учитель истории) в неделю¹¹. Н. М. Калустов вынужден был обратить внимание начальства на сложности, связанные с поиском квалифицированных преподавателей: *«Трудно найти здесь учителей, которые бы, за такую скудную плату, согласились ходить в Училище за две версты в дождь, в бураны и в стужу»*.

Неудовлетворительный итог своей годичной деятельности на посту директора Калустов подвел в докладе о состоянии Училища хлебопашества и лесоводства за период с 1 января по 15 сентября 1837 года. Из него следовало, что к непосредственному преподаванию хлебопашества в Училище еще не приступали, а из лесоводства пройдено столь мало, что ни о каких успехах говорить не приходится. В качестве главной причины медленного усвоения учениками теоретических знаний по профильным дисциплинам директор называл невладение учителей русским языком. О себе, как о непосредственном руководителе, Н. М. Калустов не без иронии замечал, что был для *«господ-учителей»* скорее казначеем и экономом, нежели начальником. Видимо понимая, что дни его на посту директора сочтены, Никита Макарович составил рекомендацию для своих преемников: *«Кто бы то не заведовал Училищем, во всяком случае, необходимо предоставить ему власть и свободу действия, чтобы он мог по однажды определенному годичному курсу направлять действия учителей, смотреть за преподаванием и выискивать, чтобы в известное время года назначенное было пройдено. Чтобы ученики были ему подчинены в строгом смысле российских постановлений. Словом, чтобы он был начальником. Без этого условия Училище или совсем не пойдет, или же очень медленно»*¹².

23 июня 1842 года Н. М. Калустов перешел на службу в Министерство государственных имуществ. В ведении Министерства находились казенные земли и леса. Чиновники министерства осуществляли руководство и контроль за проведением реформы государственных крестьян, цель которой заключалась в повышении благосостояния крестьянского населения. Н. М. Калустов уже имел опыт такой работы. По поручению оренбургских военных губернаторов он занимался надзором за ведением общественной запашки в Оренбургском казачьем войске. В 1842 году, в статусе министерского чиновника, командировался в Херсонскую и Бессарабскую губернии для ревизии государственных имуществ окружных и волостных управлений.

29 апреля 1843 года, в чине полковника, Н. М. Калустов был переведен в Военное министерство, где состоял при генерал-провиантмейстере офицером для особых поручений. По линии министерства назначался на должности управляющего Саратовской и Кременчугской провиантских комиссий. Вершиной служебной карьеры Калустова стало последовавшее 24 июня 1849 года назначение генерал-интендантом Отдельного Кавказского корпуса. На этом посту он принимал участие в Крымской войне — на Кавказском фронте, против турок. О распорядительности

11. Там же. Ф. 78, оп. 1, д. 201, л. 115–116.

12. ГАОО. Ф. 78, оп. 1, д. 201, л. 152–153 об.

Н. М. Калустова имеется упоминание в труде М. И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 годов» в связи с выступлением в 1854 году 20-тысячного корпуса под начальством генерал-лейтенанта князя Бебутова: «Подвижной магазин, из 3-х тысяч арб, собранный генерал-интендантом Отдельного Кавказского корпуса Калустовым, мог поднять 20-дневный провиант отряда, а под полевой госпиталь было назначено: 400 арб, 200 троечных повозок из Духоборья и 500 черводарских (вьючных) лошадей»¹³.

30 ноября 1855 года, в чине генерал-майора, Н. М. Калустов был уволен с должности генерал-интенданта Кавказского корпуса, с оставлением при Военном министерстве. 19 апреля 1864 года он был произведен в чин генерал-лейтенанта. Умер Никита Макарович 13 октября 1872 года в Санкт-Петербурге, где и похоронен на Смоленском армянском кладбище¹⁴. Н. М. Калустов относится к числу офицеров Русской армии, имена которых, как принято говорить, в силу исследовательской специализации известны узкому кругу историков. Но именно их доблестной службой, часто незаслуженно заслоненной громкими именами правителей и полководцев, ковалась военная слава Российской империи, строилась система государственного управления, обеспечивалось экономическое и социальное развитие огромной многонациональной и многоконфессиональной державы.

Summary

Stepan Dzhundzhuzov,

Doctor of Historical Science, Professor, Orenburg State Pedagogical University,
Chair of History of Russia

From Military Column Leader to General: Astrakhan Armenian Nikita Makarovich Kalustov in the Russian Military Service

Historical literature refers to the name of Nikita Makarovich Kalustov, a Lieutenant General of Armenian origin who served in the Russian Imperial Army, with a brief reference only. The purpose of this article is to introduce new facts from his life, to give more detailed information about his military-administrative service mainly relating to the Orenburg period of life. The author primarily relies on hitherto unused materials from the funds of the State Archives of the Orenburg Region, and also compares the available records with real historical events in which N. M. Kalustov was directly involved.

General Kalustov was one of those numerous officers, thanks to whom the military glory of the Russian Empire was forged, the system of state administration was built, the economic and social development of a huge multinational and multi-confessional power was ensured.

13. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение члена Русского Императорского Общества генерал-лейтенанта М. И. Богдановича: в 4-х томах / Изд. второе, исправленное, дополненное. Т. 2. СПб., 1876, с. 176.

14. Меружанян А. Маршалы, генералы и адмиралы армянского происхождения в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, 2013, с. 123.

Աբդուլլահ եղբայրների բացառիկ դերը Օսմանյան կայսրության լուսանկարչական արվեստում

Իվեթ Թաշարյան,

արվեստագիտության թեկնածու, Երևանի Պետական Համալսարանի Հայ արվեստի պատմության և տեսության ամբիոնի դոցենտ, Մեսրոպ Մաշտոցի անվ. հին ձեռագրերի գիտահետազոտական ինստիտուտի՝ Մատենադարանի ավագ գիտաշխատող (Երևան)

Դարեր շարունակ բնության, առարկաների և մարդկանց հարթադիր պատկերումը մնում էր գեղանկարչության մենաշնորհը և թանկ հաճույք էր: Դիմանկար ունենալն ընդհանրապես հասու էր միայն բարձր և ունևոր խավին: Եվ ահա, 19-րդ դարի երկրորդ քառորդին հայտնագործվեց լուսանկարչությունը, որը սակայն սկզբում դիտվում էր որպես գուտ տեխնիկական միջոց պատկերն ամրագրելու համար: Հասարակության մի հատված այն համարում էր դարի կարևոր հայտնագործություններից մեկը, որը խթան պիտի հանդիսանար և՛ գիտության, և՛ արվեստի զարգացմանը, մյուսները՝ հատկապես գեղանկարիչները, պնդում էին հակառակը՝ գտնելով, որ այն խոչընդոտելու է իրենց ստեղծագործական ընթացքին: Արդյունքում՝ 1850-ականներից որոշ արվեստագետներ, որոնք գեղագիտական կրթություն ունեին կամ պարզապես սիրում ու գնահատում էին արվեստը, ներգրավվելով վավերագրական լուսանկարչության մեջ, սկսեցին դրան գեղարվեստական երանգներ տալ:

Հայ դիմանկարիչ-լուսանկարիչները առաջիններից էին, որ փորձեցին գեղարվեստորեն ամրագրել բնորդի կերպար: Պետք է նկատել, որ հայկական լուսանկարչությունը զարգացավ համաշխարհային լուսանկարչությանը համընթաց և ունեցավ աշխարհագրական ու ժամանակային լայն ընդգրկում: Աշխարհի տարբեր երկրներում բնակվող հայագգի բազմաթիվ լուսանկարիչներ՝ ինքնատիպ ստեղծագործական մոտեցում հանդես բերելով, բարձր հեղինակություն նվաճեցին: Նրանք իրենց յուրահատուկ ձեռագրով կամա թե ակամա նպաստեցին լուսանկարչության զարգացմանը այն երկրներում, որտեղ ապրում էին՝ դասվելով առաջնակարգ լուսանկարիչների շարքին: Հատկանշական է, որ Մերձավոր Արևելքի շատ երկրների թիվ առաջին լուսանկարիչներն ազգությամբ հայեր էին:

Այսպիսով, լուսանկարչությունն իր ի հայտ գալու հենց սկզբից ներթափանցեց հայ մշակույթ, ամուր արմատներ ձգեց և դարձավ իրականությունն ամրագրող ու հավերժացնող արվեստի ինքնատիպ մի ճյուղ, որն իր լուրջ նպաստը բերեց նաև բազում այլ ոլորտում:

Հայերը հատկապես կարևոր ներդրում ունեցան Օսմանյան կայսրության սահմաններում լուսանկարչության զարգացման և տարածման գործում, սակայն, ցավոք, նրանց ազգությամբ հայ լինելու մասին ոչ միշտ է հիշատակվում¹: Ժամանակագրական առումով այստեղ առաջինը Աբդուլլահյան եղբայրներն էին², կամ Աբդուլլահ եղբայրները՝ սուլթաններ Աբդուլ Ազիզի (1861–1876 թթ.) և Մուրադ Ե-ի (1876 թվի մայիս—օգոստոս) արքունի լուսանկարիչները, որոնց պալատական գործունեությունը մասամբ շարունակվեց նաև Աբդուլ Համիդ Բ-ի (1876–1909 թթ.) օրոք:

1. *Faroqhi S. Subjects of the Sultan: Culture and Daily Life in the Ottoman Empire.* London, 2013, p. 258.

2. Ֆրանսերեն հայտնի են որպես *Abdullah Frères*, իսկ քուրդերեն՝ *Abdullah Biraderler*:

Աբդուլլահյան եղբայրների հեռավոր բարեկամ Էդուարդ Յուրմուզյանի կողմից արխիվում կատարած որոնումները թույլ տվեցին հաստատել, որ իրենց ընդհանուր նախնիները Կեսարիայից են տեղափոխվել Ստամբուլ: Լուսանկարիչները Աբդուլլահ ազգանունը ստացել են իրենց պապ Ասովաժատուր Յուրմուզյանից, որը վաճառական էր սուլթան Աբդուլ Համիդ Ա-ի (1774–1789 թթ.) պալատում: Հրաժարվելով իսլամ ընդունել և միևնույն ժամանակ ցանկանալով մեղմել կրոնափոխ լինելու պահանջի մերժումը, նա իր Յուրմուզյան ազգանվան փոխարեն վերցնում է Աբդուլլահ («Ալլահի ծառա») անունը: Ինչ վերաբերում է անմիջականորեն Աբդուլլահյան եղբայրներին, ապա լուսանկարչության պատմաբան, ազգությամբ թուրք Նիսան Փերեզի կարծիքով նրանք մահմեդականություն են ընդունել³:

Աբրահամ Աբդուլլահյանը՝ Աբդուլլահյան եղբայրների հայրը, ծնվել է Ստամբուլում 1792 թվին: Երեխաներից երեքը՝ Վիչենը (1820–1902 թթ.), Հովսեփը (1830–1908 թթ.) և Գևորգը (1839–1918 թթ.), նվիրվելով լուսանկարչական արվեստին, հենց Ստամբուլում էլ բացել են իրենց առաջին լուսանկարչատունը՝ Բայագետ թաղամասում: Եղբայրները վճռականորեն էին տրամադրված լուսանկարչության նորագույն նվաճումները կիրառելու գործում, այդ իսկ պատճառով որոշում են մեկնել Փարիզ՝ լուսանկարչության զարգացման կենտրոն: Փարիզում նրանք վերապատրաստվում են հայտնի լուսանկարիչ բարոն Ագուադոյի մոտ: Իր հուշերում Գևորգը գրում է. «Իր շատ ասածներ մեզ համար նորություն չէին, սակայն քիչ չէին և օգտակարները»⁴:

Գևորգը և Վիչենը վերադառնում են Ստամբուլ՝ գինված ոլորտի վերջին ձեռքբերումներով: Նրանց աշխատանքներն աչքի են ընկնում բարձր որակով՝ պատկերի լուսավորությամբ ու պարզությամբ, ինչի շնորհիվ «Աբդուլլահյան եղբայրներ» տաղավարի հռչակն օրեցօր աճում է: 1860-ականների սկզբին եղբայրները Բերա թաղամասում նոր տաղավար են բացում: Բերան այդ շրջանում վատ համբավ ունեն՝ նրա փողոցները վտանգավոր էին անցորդների համար, բայց 19-րդ դարի կեսերից իրավիճակը կտրուկ փոխվում է, ինչը նաև Աբդուլլահյանների լուսանկարչատան գործունեության շնորհիվ էր:

Եղբայրները շատ հնարամիտ էին: Դա օգնում էր նրանց սեփական մեթոդները կիրառել և տպավորիչ լուծումներով իրենց աշխատանքները գրավիչ դարձնել հաճախորդների համար: Օրինակ՝ տաղավարի առաստաղը նրանք ապակիով էին պատել և վերևից թափանցող բնական լուսավորության շնորհիվ հնարավորինս շատ լույս էին կիրառում: Աբդուլլահյանները այն արվեստագետներից էին, որոնք մշտապես նորարարություն էին բերում իրենց արվեստ և մեծ ուշադրության արժանանում ժամանակի վարպետների և թուրքական արքունիքի կողմից: Գեղագիտական նորագույն չափանիշների կիրառման շնորհիվ տեղացի մրցակիցները չէին կարողանում նրանց գերազանցել:

Սուլթան Աբդուլ Ազիզը և իր շրջապատը գոհ չէին այդ շրջանում Բերայում աշխատող ֆրանսիացի վարպետ Դերեի արած պորտրետային լուսանկարներից: Այդ իսկ պատճառով՝ ընդունելով մեծ վեցիր Ֆուադ փաշայի առաջարկը, սուլթան Աբդուլ Ազիզը 1863 թվին Աբդուլլահյան եղբայրներին է հրավիրում Իզմիրում գտնվող արքունական որսորդական նստավայր՝ իրեն լուսանկարելու: Արդյունքը հրաշալի էր. սուլթանը եղբայրներին արժանացնում է «կայսերական արվեստագետներ» կոչմանն ու այդ պահից հրամայում դառնալ իր պալատական լուսանկարիչները: Հրամայվում է նաև զանազան նպատակների համար պատճենել սուլթանի միայն այն լուսանկարները, որոնք արվել էին եղբայրների կողմից:

3. Perez Nissan N. Focus East: Early Photography in the Near East (1839–1885). New York, 1988, p. 76.

4. Նույն տեղում, էջ 76.

1863 թվի փետրվարի 27-ին սուլթան Ահմեդի հրապարակում կազմակերպվում է օսմանյան առաջին ցուցահանդեսը, որտեղ ներկայացվում են արդյունաբերական և գյուղատնտեսական արտադրանքի, հագուստի, զարդերի, ռազմական տեխնիկայի ու արվեստի նմուշներ: Ցուցադրվում են նաև Աբդուլլահյան եղբայրների լուսանկարները, որոնք նվիրված էին կյանքի տարբեր ոլորտներին կայսրության տարածքում:

Եղբայրների առաջին միջազգային հաջողությունը գրանցվեց 1867 թվին Փարիզում կայացած համաշխարհային ցուցահանդեսին, որի բացմանը ներկա էր ինքը՝ սուլթան Աբդուլ Ազիզը: Օսմանյան կայսրության կողմից կազմակերպված հարուստ ցուցադրությանը ներկայացված էին նաև Աբդուլլահյանների գործերը: «Թայմս թերթը այդ առիթով գրում է. «Ցուցահանդեսի լուսանկարչական բաժնում դուր կարող եք տեսնել «Աբդուլլահյան եղբայրներ» ստորագրությամբ մի քանի լուսանկարներ: Հայտնի չէ, թե ինչ ազգի են նրանք, բայց նրանց լուսանկարները գերազանցում են բոլորին»⁵:

Իր հուշերում Ֆրանսիայի դեսպան Մյուրեյը նշում է. «Ամենամեծ և ամենահայտնի տաղավարը պատկանում էր Աբդուլլահյան եղբայրներին, ովքեր հայտնի էին որպես պալատական լուսանկարիչներ: Ոչ մեկին դեռ չէր հաջողվել հասնել լուսանկարչական այն մակարդակին, որին այդ ժամանակ հասել էին եղբայրները: Ստամբուլի ամենաուշագրավ և հետաքրքիր լուսանկարներն արված են հենց իրենց ձեռքերով»⁶:

Աբդուլլահյան եղբայրների տաղավարից են դուրս եկել Ստամբուլի կյանքը ներկայացնող զանազան լուսանկարներ: Առավել հետաքրքրական են քաղաքի արհեստավորների, այդ թվում և հայ վարպետների պատկերները՝ ներկայացված ազգային հագուստով, իրենց իսկ արհեստանոցներում, ինչպես նաև սուլթանի ընտանիքի և կայսրության նշանավոր գործիչների դիմապատկերները:

1869 թվին Ուելսի արքայազնը (Միացյալ թագավորության ապագա Էդուարդ Է արքան) պաշտոնական այցով գալիս է Ստամբուլ: Այստեղ նա լուսանկարվելու նպատակով լինում է նաև Աբդուլլահյան եղբայրների տաղավարում և վերջիններիս շնորհում թանկարժեք նվերներ, որոնք կամ գեղարվեստական մեծ արժեք ունեին, կամ ներկայացնում էին տեխնիկայի վերջին նվաճումները: Եղբայրները հետագայում էլ քանիցս լուսանկարում են արքայազնին և նրա ընտանիքի անդամներին: Ի վերջո, նրանց հրավիրում են Լոնդոն՝ տաղավար բացելու առաջարկով, որին սակայն ընթացք չի տրվում: Ավելի ուշ Գևորգն իր հուշերում գրում է. «Մենք բաց թողեցինք այդ հնարավորությունը, ինչի համար հետագայում գղջացինք»⁷:

Օրեցօր աճում էր եղբայրների փառքը: 1869 թվի հունիսի 28-ին մի քանի թերթեր գրում են. «Աբդուլլահյան եղբայրները՝ սուլթանի լուսանկարիչները, հրավիրվել են պալատ՝ ինչպես այցեքարտերի, այնպես էլ սենյակային մթնոլորտում դիմանկարներ անելու համար: Սուլթանը չափազանց գոհ էր լուսանկարման ընթացքից, որը տևեց ընդամենը 30 րոպե: Եղբայրների լուսանկարները պետք է դաշվեին նաև մեղայների վրա»⁸:

Այս ընթացքում են հենց Աբդուլլահյան եղբայրները Թուրքիայում լուսանկարել Ֆրանսիայի կայսրուհի Եվգենյային և նրան նվիրել իրենց լուսանկարների ալբոմը: «Levant Herald» թերթը 1869 թվի հոկտեմբերի 16-ի համարում գրել է. «Միջազգային հռչակ վայելող Աբդուլլահյան եղբայրները պատիվ ունեցան Եվգենյա կայսրուհուն ներկայացնելու իրենց «Հին և ժամանակակից Թուրքիան» լուսանկարչական ալբոմը՝ զարդարված սուլթանի զինանշանով»:

5. Ambrose D. The Ottoman Empire — Photographed by the Abdullah Frères [Էլվկտրոնային ռեսուրս] <https://www.lightstalking.com/abdullah-freres/>. Շասանելի է՝ 24.03.2021:

6. Նույն տեղում:

7. Ambrose D. The Ottoman Empire — Photographed by the Abdullah Frères.

8. Նույն տեղում:

1871 թվին Աբդուլ Ազիզի գլխավոր ճարտարապետ Սարգիս Պալյանը Աբդուլլահյան եղբայրներին հանձնարարում է լուսանկարել Չիրաղան պալատը, որի շինարարությունը նոր էր ավարտվել: Պալատի երեսունմեկ լուսանկարներ ներառվում են մեկ ավբոմի մեջ, որը Սարգիս Պալյանը ուղարկում է Իսպանիայի արքային:

Ըստ ժամանակի հայտնի հայկական ամսագրերից մեկի՝ Գևորգ Աբդուլլահյանը իրենց գործերի բարձր որակը կապել է քիմիական լուծույթների ճիշտ համադրման հետ⁹: Շողվաձագրի խոսքով, դա թույլ է տվել հասնել խորության և ներդաշնակության՝ լույսի ու ստվերի յուրահատուկ անցման շնորհիվ: Փաստորեն, Աբդուլլահյան եղբայրների լուսանկարների հաջողությունը ստվերների ճիշտ աստիճանավորման, ներդաշնակ տոնների, ինչպես նաև առավել արդյունավետ տեխնիկական պատճենահանման մեջ էր, ինչի արդյունքում պատկերներին երկար տարիների կյանք էր ապահովվում:

1874 թվին թերթերը գրում են այն մասին, որ Վիլհելմ Աբդուլլահյանը սուլթանին առաջարկել է լուսանկարվել Դոմաբախչե պալատում, որպեսզի դիպակագործները ըստ լուսանկարի արժաթագույն և ոսկեգույն թելերով ասեղնագործեն նրա դիմանկարը:

1870-ականների սկզբին Աբդուլլահյանների տաղավարում լուսանկարվել է արքայազն Նիկոլայ Ռոմանովը, որը հիացել է ստացված արդյունքով: Եղբայրները չէին էլ կարող պատկերացնել, որ Մեծ իշխանի հետ ծանոթությունը կհանգեցնի պալատական լուսանկարչի պաշտոնից իրենց ազատմանը: Երբ 1877–1878 թվականների ռուս-թուրքական պատերազմն ավարտվեց օսմանյան բանակի պարտությամբ (նախնական հաշտության պայմանագիրը կնքվեց 1878 թվի փետրվարի 19-ին), ռուսական զորքերն արդեն հասել էին Սան Ստեֆանո՝ Ստամբուլի արևմտյան արվարձան: Մեծ իշխան Նիկոլայը հյուրընկալվեց Առաքել Բեկ-Դադյանի տանը և 107 ռուս սպաների ու պաշտոնատար անձանց խմբակային լուսանկարն անելու նպատակով հրավիրեց Գևորգ Աբդուլլահյանին: Լուսանկարչական գործողություններից հետո Գևորգն առաջարկեց լուսանկարել նաև իշխան Նիկոլային: Թշնամի պետության իշխանավորների հետ Աբդուլլահյանների սերտ ընկերական հարաբերությունների մասին լուրը շուտով հասավ սուլթան Աբդուլ շամիդին և նա մինչև 1890 թվականը եղբայրներին գրկեց միացագրից, կամ ինչպես ընդունված էր ասել՝ սնոնգրամից օգտվելու իրավունքից: Քանի որ կառավարությունը չէր կարող ուղղակի գործողություններով դեմ դուրս գալ եղբայրներին, 1880 թվի դեկտեմբերի 26-ին կյանքի կոչվեց արքունական հրամանագիրը, որով արգելվում էր առանց հատուկ թույլտվության լուսանկարել սուլթանին: Այս հիմնավորմամբ, բռնագրավվեցին նաև նախկինում արված բոլոր լուսանկարները: Եղբայրների տաղավարում հայտնաբերված սուլթանի պատկերները ոչնչացվեցին: Ահա սա է հիմնական պատճառն այն բանի, որ Աբդուլ շամիդ Բ-ի գրեթե ոչ մի լուսանկար՝ արված Աբդուլլահյանների տաղավարում, չի պահպանվել:

Միննույն ժամանակ եղբայրների միջազգային համբավն աճում էր: Նրանց լուսանկարներով հիանում էին Լոնդոնում և Փարիզում, Պետերբուրգում և Մոսկվայում: Կոստանդնուպոլսի պատրիարքարանի քահանան, որն այդ շրջանում գտնվում էր Պետերբուրգում, գրում է. «Իմ սիրտը լցվում է սիրով ու երջանկությամբ, երբ տեսնում եմ, թե ինչ մեծ արագությամբ է տարածվում ձեր փառքը: Այստեղ դժվար է գտնել մեկին, ով լսած չլինի ձեր մասին: Հարգանքը, որն այժմ վայելում եք, ծառայում է այն համայնքի շահերին, որի մեջ դուք ապրում եք: Հավատացեք, որ դուք իսկապես արժանի եք ձեր ազգի հիացմունքին, որի մասին դուք երբեք չեք դադարել հոգ տանել»¹⁰: Հայ հոգևորականի այս խոսքերը հակասում են Նիսսան Փերեզի այն կարծիքին, թե եղբայրներն իսլամ են ընդունել:

9. Նույն տեղում:

10. Նույն տեղում:

Աբդուլլահյանները լուսանկարել են Օսմանյան կայսրություն այցելած մի շարք համաշխարհային դեմքերի: Ֆրանսիայի կայսրուհի Եվգենյայից, Ռուսի արքայազնից և Մեծ իշխան Նիկոլայից բացի, նրանց թվում են Գերմանիայի կայսր Վիլհելմ Բ-ն, Շվեդիայի թագավոր Գուստավ Ե-ն, Իտալիայի թագավոր Վիկտոր-Էմանուիլը, Սերբիայի իշխան Միլենա Օբրենովիչը, Բուլղարիայի իշխան Ֆերդինանդը, Եգիպտոսի երեք փաշաները՝ Իսմայիլը, Տևֆիկը, Աբաս Խիմը, Իրանի շահ Նասեր Էդ-դինը: Առանձնակի ուշադրության են արժանի օսմանյան սուլթաններ Աբդուլ Ազիզի և Մուրադ Ե-ի լուսապատկերները¹¹:

Աբդուլլահյանների փոքրիկ տաղավարը շատ արագ դարձավ սրընթաց գարգացող քաղաքային ձեռնարկություններից մեկը, որտեղ սկսեցին դասեր առնել մի շարք լուսանկարիչներ: Օրինակ՝ Երուսաղեմում ապրող և ստեղծագործող Եսայի Կարապետյանը (1821–1885 թթ.)¹² իր առաջին լուսանկարչական գիտելիքները ստացել է Աբդուլլահ եղբայրների մոտ՝ Կոստանդնուպոլսում սովորելու տարիներին¹³: Երեք հնուտ եղբայրների շնորհիվ լուսանկարչությունն աստիճանաբար դարձավ Ստամբուլի հասարակության կյանքի կարևոր մասը:

1890 թվի մայիսի 22-ին, երբ Գևորգը Կահիրեում էր, Ռուսի արքայազնը նրան և նրա եղբայրներին պաշտոնապես իրավունք է տալիս Եգիպտոսի տարածքում օգտվել «*արքայական լուսանկարիչ*» կոչումից¹⁴: Այսուհանդերձ, Աբդուլլահյան եղբայրները երբեք չեն հիշատակում այս կոչումը իրենց տաղավարում արված լուսանկարների դարձերեսին:

Սուլթանական մոնոգրամի օգտագործման իրավունքը վերականգնվեց 1890 թվականին: Սակայն արքունիքում բոլորը չէ, որ գոհ էին եղբայրների մենաշնորհային դիրքի վերականգնումից: Եվ շուտով ոստիկանության կողմից տաղավարում խուզարկություն է կազմակերպվում այն պատրվակով, թե հայերն ու մյուս քրիստոնյաներն այստեղ լուսանկարվել են մահմեդական հագուստով: 1892 թվի հունվարի 19-ի սուլթանական հրամանագրում ասվում էր, որ դա արվել է «*նպատակ ունենալով գրպարտել մահմեդական համայնքը և արատավորել իսլամը*»¹⁵: Լուսանկարչական թիթեղները եղբայրների տաղավարում ոչնչացվում են, իսկ մյուս տաղավարները՝ համապատասխան նախագուշացում ստանում:

Աբդուլլահյաններն իրենց գործունեության ընթացքում հրատարակել են 51 անուն լուսանկարչական ալբոմ, որոնցում պատկերել են ինչպես Թուրքիայի տեսարժան վայրերն, այնպես էլ նրա տարածքում ապրող բնակիչներին: Դրանք այսօր պահվում են աշխարհի ամենատարբեր գրադարաններում: 1893 թվին թուրքական իշխանությունները Մեծ Բրիտանիայի, ԱՄՆ-ի և Ֆրանսիայի ղեկավարներին ուղարկեցին լուսանկարների նվեր-հավաքածուներ, որոնցում հիմնականում Աբդուլլահյան եղբայրների գործերն էին:

Այսպիսով, համոզված ենք, որ 1858 թվին բացված Աբդուլլահյան եղբայրների տաղավարը հայազգի լուսանկարիչներին պատկանող առաջին լուսանկարչատունն էր տարածաշրջանում: Նրանց աշխատանքների շնորհիվ կարող ենք բացահայտել ժամանակի մշակութային շերտերը, հասարակական ներքին հարաբերությունները, դեմքերն ու դեպքերը, արհեստներն ու արվեստները, քաղաքական գործիչների կերպարներն ու զգեստները, տարբեր ազգերի հագուկապը և այլն: Աբդուլլահյան

11. *Քոչար Վ. Ա.* Շայ լուսանկարիչներ. Երևան, 2007, էջ 50:

12. Եսայի Կարապետյանը 19-րդ դարի հայ նշանավոր լուսանկարիչներից է: Լինելով Երուսաղեմի Հայոց պատրիարքը, նա 1865 թվականին Մուրբ շակոբյանց վանքում լուսանկարչատուն է բացում, որը գործում է 17 տարի և կրթում հայ և արաբ լուսանկարիչների հինգ սերունդ: Եսայի Կարապետյանի գործունեության մասին, ավելի մանրամասն տե՛ս *Քաջայրյան Բ.* Լուսանկարչության պատմություն. Երևան, 2019, էջ 62–63.

13. *Perez Nissan N.* Focus East: Early Photography in the Near East (1839–1885), p. 163.

14. *Ambrose D.* The Ottoman Empire — Photographed by the Abdullah Frères.

15. Նույն տեղում:

եղբայրների լուսանկարները հարուստ նյութ են պարունակում՝ ժամանակակից հետազոտողին ներկայացնելով տեղի կենցաղային պայմանները, սոցիալ-տնտեսական միջավայրը և հատկապես հայերի մշակութային կյանքն ու սովորույթները: Լուսանկարն այստեղ հանդես է գալիս իբրև պատմական աղբյուր, փաստաթուղթ ու հղում իրականությանը, այն ներկայանում է որպես մեր պատմական անցյալի հատվածական պատկերը Այսպիսով, Աբդուլլահ եղբայրների գործերը հարկ է դիտարկել ոչ միայն որպես գեղարվեստական լուսանկարներ, այլ նաև որպես պատմական և ազգագրական տեղեկատվություն, հաղորդակցման պատկերային փաստաթղթեր՝ մեզ հասած իրենց իսկ ամրագրած ժամանակաշրջանից: Աբդուլլահյանները բնագավառի միջազգային ճանաչում ունեցող մասնագետներ էին: Նրանց ինքնատիպությունը խիստ մտածված, սակայն մանրամասներից գերծ հորինվածքի կառուցման մեջ էր: Լուսանկարիչներն ազդեցիկության էին հասնում լուսաստվերային մոդելավորման միջոցով, իսկ կերպարի խառնվածքն առավելագույնս բացահայտում ճիշտ ընտրված դիրքի, ինչպես նաև դիտանկյունի շնորհիվ:

Աբդուլլահյանների ստեղծագործությունների մի մասն արժանավայել ձևով հանրությանն է ներկայացվել աշխարհի շատ թանգարաններում և մշակութային օջախներում, սակայն դրանց մեծ մասը դեռևս հավոր պատշաճի ներկայացվելու կարիք ունի: Հայ լուսանկարիչներն իրենց աշխատանքներով երբեք չեն գիջել համաշխարհային լուսանկարչական ընտրախավին: Ստեղծելով գեղարվեստական մեծարժեք լուսանկարներ՝ նրանք հաճախ են արժանացել բարձրագույն գնահատականի: Աբդուլլահ եղբայրների լուսանկարչական գործերն այսօր պահվում են աշխարհի բազմաթիվ թանգարաններում և մասնավոր հավաքածուներում: Լինելով ուշագրբավ ոչ միայն լուսանկարչությամբ զբաղվող արվեստագետների, այլ նաև ուրիշ մասնագիտությունների տեր անձանց համար, այս աշխատանքները՝ իբրև լրացուցիչ աղբյուրագիտական նյութ, ժամանակին համընթաց ավելի ու ավելի հետաքրքրական են դառնում:

Նկարներ

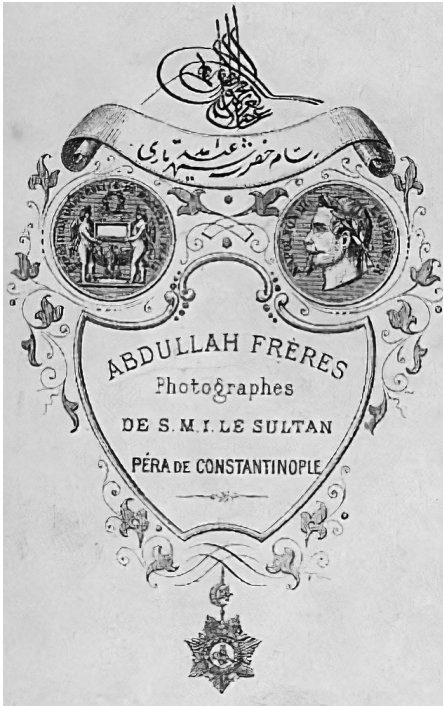
Նկ. 1. Վիշեն Արղույան

Նկ. 2. Գևորգ Արղույան

Նկ. 3. Շոխնիսի Արղույան

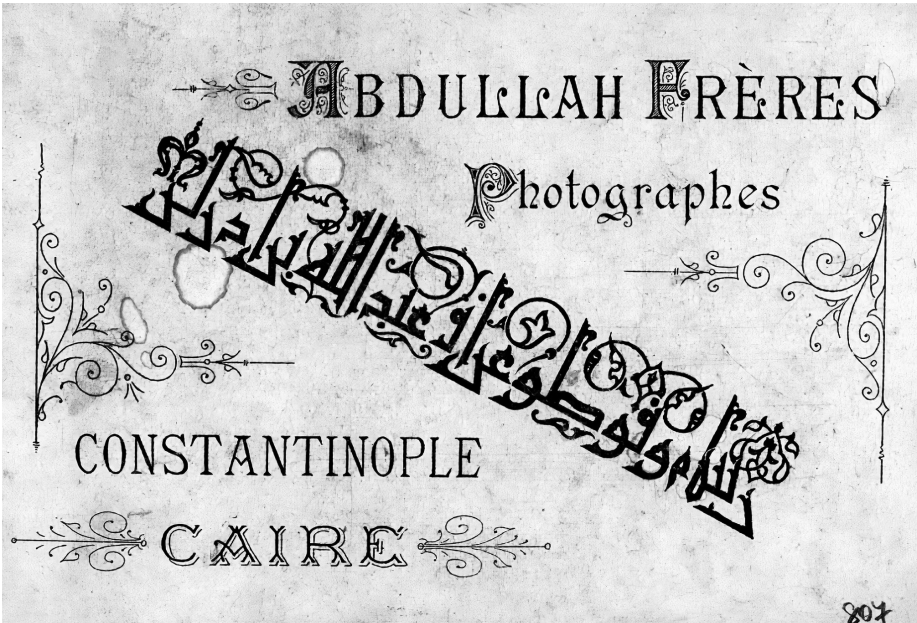

Նկ. 4. Աբդուլլահ եղբայրների այցերարտը

Նկ. 5. Աբդուլլահ եղբայրների այցերարտը

Նկ. 6. Եգիպտոսի վարչապետ Նուբար փաշայի լուսանկարը

Նկ. 7. Շայ և հոյն հոգևորականներ
(1870-ականներ)

Նկ. 8. Կոմպոզիտոր Տիգրան
Չոխաչյանի լուսանկարը

Նկ. 9. Լուսանկար
«Թռչնակով աղջիկը»

Summary

Yvette Tajarian,

PhD in Arts, Associate Professor of the Chair of Armenian Art History and Theory, Yerevan State University; Senior Research Officer of the Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts — the Matenadaran (Yerevan)

The unique role of Abdullah frères in the art of photography in the Ottoman Empire

Photography is considered to be one of the outstanding discoveries of the 19th century. Being a technical product, it became an urgent need in recording the reality, and is supporting many scientific fields until nowadays. At the same time, in many countries, photography is regarded as a fresh perception of the aesthetic values of the current period and as a new type of Pure Art.

Armenians have played an important role in the development of Art, in which Armenian photography has a special place. Despite this, the value of the latter, which penetrated into Armenian culture and grew into a strong branch of Armenian art, is underestimated.

Armenian photography has developed along with the international art of photography. Its role is unique, given the natural and national characteristics. Various Armenian photographers living in different countries of the world have shown themselves brightly and became widely known. They played a large role in the development of the art of photography in Ottoman Turkey: not only in Constantinople, but even in the remote areas of the Empire. Chronologically, Abdullah frères Vichen, Hovhannes and Gevorg were the first here. The Abdullahyan brothers, or Abdullah brothers, were photographers at the court of Sultan Abdul Aziz (1861–1876) and Sultan Murad V (May–August 1876), whose palace activity partially continued under Abdul Hamid II (1876–1909).

Photos of these authors are kept in famous museums around the world, most of them in Turkey. However, the photographs by Abdullah frères have not been studied properly, and the studies carried out do not reflect professional analysis. They mostly refer to the authors' biography. Meanwhile, the photographs by Abdullah frères express high aesthetic level. They are also of exceptional value in the study of anthropology, ethnography, socio-economic realities, rituals and religious ceremonies, in general — people who lived in the Ottoman Empire.

So, the aim of this article is to show the documental value of Abdullah frères photography, to designate their artistic value, and to present them as international professional artists in this field. One of the targets of the study is to discover the peculiarities of the region and their impact on Abdullah frères works. The presentation of their biographies and works is also important, as in this way we enable the public to get to know the Armenian artists from the Ottoman Empire better.

Некоторые уточнения к биографии И. К. Айвазовского

Мария (Маника) Багдасарян,
краевед, независимый исследователь (Феодосия)

Уже к тридцати годам Иван Константинович Айвазовский был знаменит не только в России, но и далеко за ее пределами. И несмотря на возможность обосноваться в столичном Петербурге или в любом другом городе Европы, своим пристанищем он избрал родную Феодосию, где и в 1845 году начал строительство собственного дома. Построенный у берега Черного моря, на городской набережной, дом художника современники называли виллой маэстро.

Вскоре, летом 1848 года, в жизни Айвазовского произошло важное событие: он женился. Причем женился настолько быстро, что признавался друзьям: *«Правда я женился, как истинный артист, то есть влюбился, как никогда. В две недели все было кончено»*¹.

Знакомство Ивана Константиновича с будущей супругой произошло в Санкт-Петербурге. Молодой художник здесь давал уроки живописи в семье пожилой дворянки, у которой были две дочери на выданье. Но выбор Айвазовского пал на их гувернантку Юлию (Джулию) Гревс, которую художник после женитьбы увез в Крым. Юлия Гревс, англичанка по происхождению, дочь петербургского врача Якоба Гревса, была очень красивой и высокообразованной женщиной (илл. 1). Венчание их состоялось в Феодосии, в армянской церкви Святых Архангелов Гавриила и Михаила (илл. 2), по армянскому церковному обряду: *«Женился 15 августа 1848 года на Джулии, дочери Якоба Гревса, англичанина-лютеранина, — сообщал художник Эчмиадзинскому синоду, — однако венчался в армянской церкви и с условием, что дети мои от этого брака тоже будут крещены в армянской святой купели»*².

В Государственном архиве Республики Крым хранится «Свидетельство о браке профессора и кавалера Ивана Константиновича сына Айвазовского с дочерью доктора Гревс Юлией» (илл. 3). Вот его текст: *«16 августа 1848 года, по указу Его Императорского Величества, я, нижеподписавшийся Старо-крымской армянской св. Успенской церкви священник Геворг Туманьян, этим удостоверяю, что сего числа Профессор и кавалер Иван Константинович Айвазовский, действительно бракосочетался с дочерью Доктора Гревса Юлией Гревс в Феодосийской Армянской св. Архангельской церкви. Посаженым отцом был Тайный Советник Александр Иванович Казначеев <...>»*³.

Первые годы совместной жизни были счастливыми. В браке родились четыре дочери: Елена, Мария, Александра и Жанна. Об этом периоде своей жизни Айвазовский писал одному из друзей: *«Спешу сообщить вам о моем счастье. Сейчас, когда прошло восемь месяцев, могу сказать: «Счастлив так, что не мог бы*

1. Барсамов Н. С. 45 лет в галерее Айвазовского. Симферополь, 1971, с. 25

2. Саргсян М. Жизнь великого мариниста. Феодосия, 2010, с. 90.

3. Государственный архив Республики Крым. Ф. 49, оп. 1, д. 5839, л. 25.

представить и половины этого»⁴. Он также признавался, что после женитьбы им были написаны лучшие произведения⁵.

Однако счастье длилось недолго. После более десяти лет совместной супружеской жизни брак распался. В 1877 году Айвазовский от Эчмиадзинского синода получил разрешение на развод, что само по себе было явлением редким⁶. Об этом он писал: «...известно, что мы развода не имеем и надо мною совершен обряд, как исключение»⁷. Таким образом, знаменитый живописец не был лишен возможности по прошествии времени получить благословение на повторный церковный брак и заключить новый супружеский союз.

Как известно, спустя некоторое время счастье вновь улыбнулось Айвазовскому. В 1882 году он решил жениться вторично. Его избранницей стала молодая и прекрасная Анна Никитична Саркизова (урожденная Бурназян), которая на тот момент уже была вдовой купца Саркизова (илл. 4). Большая разница в возрасте не стала препятствием для совместной счастливой жизни. На этот раз бракосочетание состоялось в армянской Свято-Успенской церкви в Симферополе, о чем свидетельствует запись в церковной книге: «1882 года января 30 дня, я, нижеподписавшийся настоятель Симферопольской армяно-григорианской св. Успенской церкви, сим удостоверяю в том, что как видно из метрической книги, хранящейся при вверенной мне церкви о бракосочетавшихся в 1882 г., состоит в записи под № 3 акт следующего содержания: 1882 г. января 30 его превосходительство действительный статский советник И. К. Айвазовский, разведенный по указу Эчмиадзинского синода от 30 мая 1877 г. № 1361 с первую женою от законного брака, вступил вторично в законный брак с женою феоdosийского купца вдовою Анной Мертчан Саркизовой, оба армяно-григорианского исповедания. Посаженным их отцом был Карасубазарский купец Емельян Христофорович Мурзаев.

Таинство брака совершено мною. О чем удостоверяю подписью моею и приложением церковно-казенной печати.

Настоятель Симферопольской армяно-григорианской св. Успенской церкви священник Авксентий Хопчанчянц»⁸.

Таким образом, расхожее мнение о том, что Айвазовский венчался в феоdosийской церкви Святого Саркиса, не соответствует действительности: церемония его бракосочетания с первой женой состоялась в другой феоdosийской церкви — церкви Святых Архангелов, построенной в 1408 году и сохранившейся по сей день по улице Армянской. Со второй супругой же художник обвенчался в Симферополе, в армянской Свято-Успенской церкви, которая не сохранилась (илл. 5). При этом, конечно, известно об особом отношении Айвазовского к церкви Святого Саркиса, в которой он был крещен⁹. В 1888 году живописец не только принял самое активное участие в восстановлении этой древней святыни (илл. 6), основанной

4. Сарсян М. Жизнь великого мариниста, с. 90.

5. Там же.

6. Необходимо отметить, что понятия «развенчание» в церкви не существует: такого обряда нет ни в одной традиционной церкви. И неслучайно, что во время таинства венчания отмечается: «Так что они уже не двое, но одна плоть <...> Итак, что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф 19:6). Церковь выступает против развода и старается направить и примирить супругов, однако бывают случаи-исключения, при которых она идет навстречу и дает разрешение на развод.

7. Айвазовский: документы и материалы. Ереван, 1967, с. 187.

8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 789, оп. 11, д. 160, л. 328 (копия).

9. В метрической книге церкви Святого Саркиса сохранилась запись об этом (см.: Национальный архив Армении. Ф. 320, оп. 1, д. 78, с. 33).

еще в догенуэзский период истории города, но и для амвона ее алтаря написал несколько замечательных произведений.

О своем браке с Анной Никитичной Айвазовский писал близкому другу Геворку Абдулле (Аствацатуряну)¹⁰ в Константинополь: «<...> Дошедшая до вас молва достоверна. Минувшим летом я вступил в брак с одной госпожой, вдовой-армянкой. Ранее с нею знаком не был, да вот о добром ее имени слышал премного. Жить теперь мне стало спокойно и счастливо. С первой женой уже 20 лет не живу и не вижусь с нею вот уже 14 лет. Пять лет тому назад Эчмиадзинский синод и католикос разрешили мне развод. Так что на новый брак права лишен не был. Только вот очень страшился связать свою жизнь с женщиной другой нации, дабы слез не лить. Сие случилось божьей милостью, и я сердечно благодарствую за поздравления <...>»¹¹.

Автор книги «Жизнь великого мариниста» Минас Саргсян отмечает: «<...> Связав судьбу с молодой армянкой, Айвазовский зарядился новой творческой энергией. Несмотря на почтенный возраст, он создал не только новые высокохудожественные полотна, но в своих произведениях часто возвращался к теме Армении, к жизни и быту армянского народа»¹².

В Феодосийской картинной галерее им. И. К. Айвазовского хранится несколько портретов Анны Никитичны. Она была хранительницей домашнего очага и верной помощницей. Супруга часто сопровождала художника в его поездках, связанных с организацией выставок. Известно, что с этой целью чета Айвазовских посетила Петербург, Францию, Швецию, Соединенные Штаты Америки.

Со второй супругой Айвазовский прожил 18 лет. В 1900 году великого художника не стало. Он был погребен во дворе той же армянской церкви Святого Саркиса в Феодосии. На южной грани беломраморного надгробия высечено изречение на древнеармянском языке:

«ՄԱՀԱԿԱՆԱՏՈՒ ԾՆԵԱԼ, ԱՆՄԱՀ ՉԻՒՐՆ ՀԻՇՍԱՍԿ ԵԹՈՂ»
(«Родившись смертным, оставил по себе бессмертную память»)

В 1944 году рядом с супругом была погребена Анна Никитична Айвазовская.

После советизации, в период отрицания религии и гонений духовенства, культовые учреждения прекратили свою деятельность и были закрыты. Произведения И. К. Айвазовского из феодосийских церквей поступили в фонды Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского. Из церкви Святого Саркиса в 1934 году сюда поступили следующие его произведения: «Богоматерь с младенцем», «Крещение», «Тайная вечеря», «Апостол Петр», «Апостол Павел», «Крещение народа», «Молящийся воин» (илл. 7–13).

10. В середине XIX века Геворк Абрамович Абдуллахан (Аствацатурян) вместе с братьями Овсепом и Виченом основали в Константинополе одно из самых знаменитых в то время в мире фотоателье «Abdullah Frères» («Братья Абдулла»). Созданные братьями фотопортреты были столь впечатляющими, что их провозгласили дворцовыми фотоаграфами — сначала при дворе султана Абдул-Азиза, затем султана Мурада V (по этому поводу см. статью Иветт Таджарян в настоящем сборнике). Сохранилось несколько фотопортретов И. К. Айвазовского, сделанных в павильоне «Abdullah Frères».

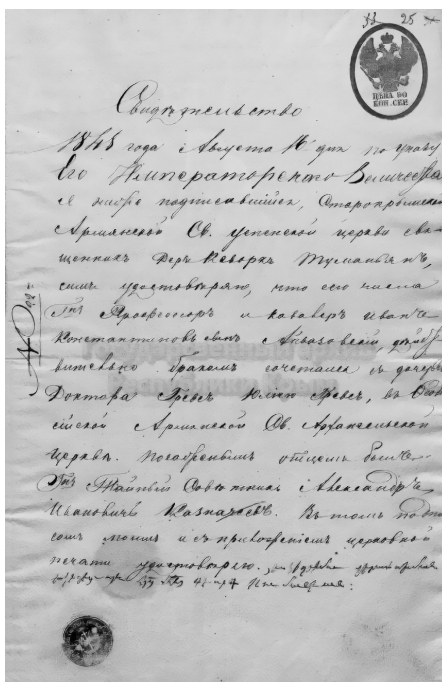
11. Айвазовский: документы и материалы, с. 187.

12. Саргсян М. Жизнь великого мариниста, с. 90.

Иллюстрации

Илл. 1. И. К. Айвазовский и Юлия Гревс
(художник — И. К. Марков; бумага, акварель).
Ист.: Государственный Русский музей

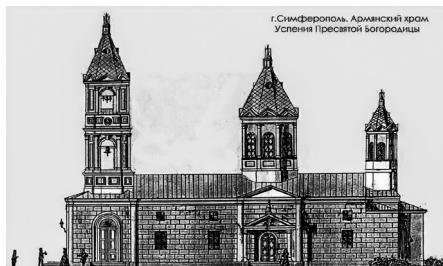
Илл. 3. Свидетельство о венчании
И. К. Айвазовского с Ю. Я. Гревс в армянской церкви
Святых Архангелов в Феодосии (от 16 августа 1848 г.).
Ист.: Госархив РК, Ф. 49. Оп. 1. Д. 5839. Л. 25

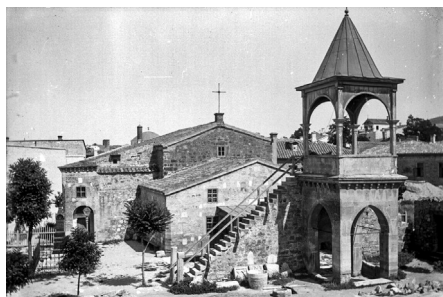
Илл. 2. Армянская церковь
Святых Архангелов в Феодосии
в начале XX века.
Ист.: «Крым в описании
и на фотографиях французского
путешественника
Жозефа де Бая», 1905 год

Илл. 4. Портрет А. Н. Айвазовской
(художник — М. Гордиджани; холст, масло;
Феодосийская картинная галерея
им. И. К. Айвазовского). Ист.: «ФКГА»

Илл. 5. Графическое изображение армянской
Свято-Успенской церкви в Симферополе,
составленное в 1864 году, после ее реконструкции.
(Ист.: сайт «Армяне Крыма»)

Илл. 6. Церковь Святого Саркиса
в Феодосии в конце XIX века.
(Ист.: сайт pastvu.com)

Илл. 7. «Богоматерь с младенцем»,
И. К. Айвазовский, 1891 г.
Ист.: «ФКГА»

Илл. 8. «Тайная вечеря»,
И. К. Айвазовский, 1890-е гг. Ист.: «ФКГА»

Илл. 9. «Крещение»,
И. К. Айвазовский, 1890-е гг. Ист.: «ФКГА»

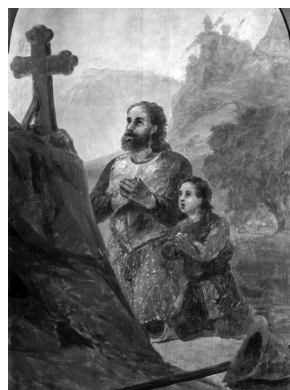
Илл. 10. «Апостол Петр»,
И. К. Айвазовский, 1890-е гг.
Ист.: «ФКГА»

Илл. 11. «Апостол Павел»,
И. К. Айвазовский, 1890-е гг.
Ист.: «ФКГА»

Илл. 12. «Крещение народа»,
И. К. Айвазовский, 1892 г.
Ист.: «ФКГА»

Илл. 13. «Молящийся воин»
И. К. Айвазовский, 1890-е гг.
Ист.: «ФКГА»

Summary

Maria (Manika) Baghdasaryan,
local historian, independent researcher (Feodosia)

Some clarifications to the biography of I. K. Aivazovsky

Based on archival documents, the author of the article establishes that the great marine painter Ivan Aivazovsky married his first wife, Julia Grevs, in the Armenian Church of the Holy Archangels Gabriel and Michael in Feodosia, and with his second wife, Anna Sarkizova-Burnazyan, in the Armenian Church of the Holy Mother of God (Holy Assumption) in Simferopol. Thus, the conventional wisdom that Aivazovsky got married in the Armenian Church of St. Sarkis in Feodosia is corrected. Of course, it is known about the special attitude of the artist to the church of St. Sarkis, in which he was baptized. In 1888, Aivazovsky not only took an active part in the restoration of this ancient shrine, founded in the pre-Genoese period of the city's history, but also painted several remarkable works for the ambo of its altar: "The Virgin and Child", "Baptism", "The Last Supper", "The Apostle Peter", "The Apostle Paul", "The Baptism of the People", "The Praying Warrior". In 1934, after the closure of the church, these works were transferred to the Aivazovsky Art Gallery in Feodosia.

Просветитель донских армян Григорий Христофорович Чалхушьян

Виктор Акопян,

кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета

Статья посвящена одному из ярких представителей армянской интеллигенции на Дону и Северном Кавказе, известному общественному деятелю Г. Х. Чалхушьяну. В ней, в частности, рассматривается отношение Чалхушьяна к событиям вековой давности — революции 1917 года в России и последовавшей за ней в 1917–1922 годах Гражданской войне. Вследствие этих судьбоносных переломов и дальнейшей политики советской власти армянские общины России понесли непоправимые потери. Были ликвидированы или обескровлены функционировавшие ранее многие сегменты общин:

1. церковная организация;
2. существовавшее, пусть даже в усеченном виде, местное самоуправление;
3. национальные организации: партии, благотворительные общества, попечительские советы;
4. независимая периодическая печать разной направленности;
5. национальные по содержанию и языку образовательные учреждения и так далее¹.

Трагическим последствием Русской революции 1917 года стал классовый антагонизм внутри армянского социума. Объективно социальные противоречия существовали и раньше, однако до 1917 года национальная солидарность и взаимопомощь сводили классовые противоречия внутри общин до минимума. Культивируемый левыми российскими партиями, особенно большевиками, классовый антагонизм самым пагубным образом повлиял на внутриобщинную атмосферу армянского общества.

В таких сложных условиях особую миссию должна была выполнить национально ориентированная интеллигенция. В данном случае под интеллигенцией понимается образованная, духовно ведущая часть национальной общины, обладавшая критическим мышлением, способностью понять возникшие перед общиной вызовы и предложить варианты ее последующего развития. Предложенные ответы на сложившуюся ситуацию — как для диаспоры, так и в целом для страны проживания, равно как и видение дальнейшей судьбы всего армянского народа и его исторической родины, являлись личным выбором отдельных представителей интеллигенции. Этот выбор не был однозначным, так как интеллигенция не представляла какой-либо определенный класс.

1. Акопян В. З. Выбор путей развития армянских общин Северного Кавказа в 1918–1921 гг. // Материалы Международной конференции «Республика Армения — 100» (Ереван, 25–26 мая 2018 г.): отд. арменоведения и общественных наук Национальной академии наук Республики Армении, Ереванский госуниверситет. Ереван, 2018, с. 27–36.

Среди оппозиционно настроенных против большевиков представителей армянской интеллигенции — как покинувших Россию, так и оставшихся в стране — мало было фанатичных антисоветчиков, призывавших любыми средствами бороться против большевистской власти в России. Оставшимся в России представителям национальной духовной элиты — а их было больше, нежели тех, кто покинул страну, — предстояло выдержать серьезные испытания. Многие из них проявляли к новому режиму лояльность, в смысле корректного, благонадежного (не конфронтационного) отношения к нему. Но среди тех, кому посчастливилось выжить в Гражданской войне, были и такие, кто не разделял «идеалы» большевиков и не поддерживал их проекты будущего.

В годы новой экономической политики по отношению к части представителей «чуждой, буржуазной интеллигенции» — а к ней произвольно причисляли всех неугодных — советская власть проявляла некоторую терпимость и подходила «потребительски», видя в них специалистов, которых пока не было возможности заменить «своей, трудовой интеллигенцией». Многие из них со временем (особенно с конца 1920-х годов) будут репрессированы: одних физически устранят сразу, другие погибнут в ГУЛАГе или, выпущенные оттуда «на свободу», обессиленные и морально подавленные, будут доживать отмеренные им годы, а то и дни. Будут и такие, кто, не выдержав испытаний, покончит жизнь самоубийством. Впрочем, подобные случаи нередко являлись умелой инсценировкой, удобным способом устранить неугодных для власти лиц. При этом получался двойной эффект: во-первых, снималась ответственность с режима, а во-вторых, вызывалось порицание у верующих людей за то, что «самоубийцы» согрешили, покинув этот бренный мир не по «воле Божьей».

Среди тех представителей армянской интеллигенции, которым суждено было приспособиться к новым советским реалиям, был и Григорий Христофорович (Крикор Хачатурович) Чалхушьян (1861–1939 гг.) — видный общественный деятель, историк, публицист, юрист, литератор, журналист, просветитель армян Дона и всего юга России. Ему, как и другим представителям национально ориентированной интеллигенции, предстояло ответить на вопрос: как традиционной национальной общине в создавшихся условиях отсутствия свободной церковной жизни, партий и прочих свойственных общине компонентов сохранить национальную идентичность своих членов.

Григорий Христофорович Чалхушьян родился 1 июля 1861 года в Новой Нахичевани, или Нахичевани-на-Дону (Нахичевань, Нор-Нахиджеван²), в обедневшей дворянской семье. Его предки в числе других основателей армянской колонии Нахичевани были переселены из Крыма при Екатерине II и обосновались на Дону в 1779 году. Документы того времени свидетельствуют, что первым нахичеванским городничим был Степан Чалхушьян. В своей переписке с князем Григорием Потемкиным городничий отмечал, что крымским армянам было бы предпочтительно остаться на прежнем месте жительства. Эти данные приводит А. А. Скальковский в одной из своих работ³. Впоследствии Григорий Христофорович неоднократно возвращался к вопросу о том, что переселение армян на Дон

2. Город, основанный в конце XVIII века армянами на Дону, определялся эпитетом «нор» (новый), в отличие от исконного Нахиджевана, находящегося в Восточной Армении, на левом берегу реки Аракс (ныне в составе Азербайджана).

3. Смирнов В. Григорий Чалхушьян: «Пестрая птица» [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://xn--b1acd1bacdkfl.xn--p1ai/14-rajony-goroda/5431-grigorij-chalkhushyan-pestraya-ptitsa>.
Дата доступа: 18.02.2020.

за четыре года до присоединения Крыма к империи не есть благодеяние царизма в отношении крымских (анийских⁴) армян, а всего лишь голый расчет императрицы, стремившейся заселить трудолюбивыми армянами неосвоенные и малонаселенные южные степи⁵.

После окончания приходского училища Чалхушьян на средства нахичеванского благотворительного общества был определен в Лазаревский институт восточных языков в Москве, который окончил в 1881 году с серебряной медалью. Получив специальность юриста и вернувшись в Нахичевань, двадцатилетний юноша занялся юридической практикой и одновременно — общественной и литературной деятельностью. В год окончания института вышла первая книга Г. Х. Чалхушьяна «Идеалы французской адвокатуры», которую он посвятил известному российскому юристу В. Д. Спасовичу. Чалхушьян с завидной регулярностью публиковал очерки, статьи, театральные рецензии. В 1886 году была издана его работа «Армянская поэзия в лице Рафаэла Патканяна». В том же году он получил первую премию в объявленном городской думой Ростова конкурсе за книгу «История города Ростова-на-Дону», опубликованную отдельными очерками в газете «Юг» в 1883–1884 годах. Как отмечает ростовский краевед В. Смирнов, публикации этой работы отдельной книгой препятствовало банальное противостояние в тот период разных группировок. Полный текст исследования Чалхушьяна был опубликован только в 1999–2002 годах в «Донском временнике»⁶.

Григорий Христофорович был истинным патриотом. Он отстаивал интересы армянской Нахичевани, находившейся в непосредственной близости от города Ростова. До середины XIX века моноэтническая Нахичевань по численности населения превосходила последний, но к концу века царским властям удалось добиться опережения Ростова, а также изменения этнического облика Нахичевани. Одновременно сворачивалось национальное самоуправление здесь: урезывались привилегии и льготы, дарованные Екатериной II переселившимся на Дон армянам. И несмотря на это, до 1917 года депутатский корпус городской думы состоял исключительно из армян⁷.

Накануне Первой мировой войны власти Дона в очередной раз попытались присоединить Нахичевань к Ростову. Накануне выборов в городскую думу в 1913 году группа националистов во главе с В. Н. Костричиным (так называемая «ротонда») развернула в печати кампанию против коренных нахичеванцев. Подобные публикации вызвали резкую отповедь гласного нахичеванской думы Г. Х. Чалхушьяна. Он со страниц ряда газет с «Открытым письмом» обратился к русским избирателям Нахичевани: *«Во имя интересов города Нахичевани, его роста, процветания, благосостояния, я обращаюсь от имени группы избирателей к русским избирателям — к избирателям не из ротонды... я обращаюсь ко всем нахичеванским честным русским людям и прошу их, прежде чем опустить шар в урны, отбросить все личности, подумать об одном — о благе города. Самостоятельное существование нашего города необходимо. Иначе он станет окраиной. Все окраины так всегда жалуются, что об их нуждах не пекутся, неужели же избиратели пожелают обратить весь наш город в окраину Ростова?»*.

4. Представители армянского переселенческого очага в Крыму считали себя потомками жителей города Ани — столицы царства Багратидов.

5. Чалхушьян Г. Красивые легенды // «Приазовский край». Ростов-на-Дону, 1917, № 83 (31 марта) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wegaowolw.ru/?p=10594>. Дата доступа: 24.02.2021.

6. Смирнов В. Григорий Чалхушьян: «Пестрая птица».

7. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван, 1996, с. 333–340.

Чалхушьян многие годы трудился в Нахичеванском благотворительном обществе, предприняв организацию новых благотворительных учреждений. Он являлся членом совета и ревизионной комиссии Общества взаимного кредита, попечительствовал в духовной семинарии. В течение 20 лет Чалхушьян избирался гласным Нахичеванской городской думы. По его инициативе у монастырской церкви Сурб Хач были установлены памятники выдающимся нахичеванцам — мыслителям и поэтам Микаэлу Налбандяну и Рафаэлу Патканяну⁸.

Признанием заслуг Чалхушьяна перед его соотечественниками стало чествование 25-летия его адвокатской, литературной и общественной деятельности в октябре 1910 года. В честь юбилея католикос Маттеос II Измирлян направил ему поздравительное послание. Григорий Христофорович получил также поздравительные телеграммы от других иерархов Армянской церкви, а также видных деятелей армянской и русской обществности. Городской голова Нахичевани Минас Ильич Балабанов сообщил об учреждении в Екатерининской женской гимназии стипендии имени юбиляра⁹.

Особое место в общественной и публицистической деятельности Г. Х. Чалхушьяна занимал армянский вопрос, под которым понимался комплекс проблем, связанных с положением армянского населения в восточных областях Османской империи, то есть в Западной Армении. Этой проблеме Чалхушьян посвятил ряд исследований, первым из которых стала книга «Армянский вопрос и армянские погромы в России», изданная в 1905 году.

Патриотизм выдающегося просветителя проявлялся не только в публикациях, но и в практических делах. С началом Первой мировой войны турецкие власти под предлогом того, что российские войска продвигаются по территории проживания лояльных к России армян, инициировали «переселение» последних вглубь Османской империи, приступив к тотальному геноциду народа, тысячелетиями жившего на своей родной земле. Массовые убийства христиан в Османской империи имели место и в предыдущие десятилетия, однако в 1915 году турецкие власти решили снять армянский вопрос с повестки дня путем уничтожения всего народа. Более полутора миллионов армян были зверски убиты, для сотен тысяч депортированных в пустыни Месопотамии также была уготована трагическая участь. Десятки тысяч беженцев, чудом спасшихся от кровавого ятагана, заполнили города Ближнего Востока, Европы, Закавказья и юга России.

С целью оказания материальной и денежной помощи беженцам-армянам в Нахичевани был создан Армянский комитет (Арменком), председателем которого был избран Г. Х. Чалхушьян. Армянское благотворительное общество по просьбе Чалхушьяна ассигновало значительные средства Арменкому. По всей Донской области велся сбор пожертвований в пользу армян. В «Воззвании» Арменкома к населению говорилось: *«Наступили кошмарные дни для армян. Война с Турцией таит в себе, с одной стороны, светлый луч спасения всего населения Турецкой Армении от векового турецкого ига. Все армяне, способные носить оружие, весь цвет армянской молодежи взяли за оружие для борьбы с турецкой тиранией. Как львы, борются они бок о бок с доблестной Кавказской армией, деля с нею горе и радость, побеждая или умирая без ропота. Но, с другой стороны, армянские семьи, лишенные своих кормильцев и защитников, оказались в безвыходном положении.*

8. Казаров С. С. Нашим русским братьям — «Красная книга» Григора Чалхушьяна [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.yerkramas.org/article/24787/nashim-russkim-bratyam>. Дата доступа: 24.02.2021.

9. Смирнов В. Григорий Чалхушьян: «Пестрая птица».

Разбойничьи турецкие орды не признают никаких божеских и человеческих законов. Они грабят, насилуют, убивают беззащитных армян. Стариков, женщин и детей без всякой жалости истребляют. И вот турецкие армяне обращают свой молящий взор к великому в своей человечности русскому народу. От Белого Царя они ждут спасения от злого турецкого насилия. Бросая свое имущество на разгром свирепому врагу, они ждут спасения в пределах России. Холодные, голодные, больные, они уже наполнили все уголки Кавказа. При 30-градусных морозах они принуждены проводить дни почти голые. Но великая русская душа, не отказавшая в своем милосердии ни одному страждущему народу, не оставит этих детей, стариков и женщин без помощи»¹⁰.

Ростовские газеты публиковали фамилии жертвователей, среди которых были не только состоятельные граждане. Только за один день «кружечного сбора» 31 декабря 1914 года было собрано 15 тысяч рублей. При содействии Арменкома был создан Армянский лазарет. 15 января 1915 года Католикос Геворк V прислал в Нахичевань благодарность за полученные от Арменкома 20 тысяч рублей в фонд помощи армянам-беженцам. Г. Х. Чалхушьян обратился за помощью к городскому голове Москвы, своему другу М. В. Челнокову, с посланием, в котором отмечал, что помощь армянам — это поддержание веры в русский народ. В ответ на это обращение Москва прислала в помощь беженцам 100 тысяч рублей.

Русская революция 1917 года и кровопролитная Гражданская война привели к развалу Российской империи. На Кавказе начался процесс формирования национальных государств. Для армян и грузин это было восстановлением давно потерянной государственности. Но в Восточном Закавказье турецкими интервентами было создано новое государственное образование, которому было присвоено название «Азербайджан» — то же, что и носила северо-западная провинция Ирана, никакого отношения не имевшая к Восточному Закавказью. Тем самым планировалось на практике начать создание новой Турецкой империи — Турана, тянущейся от Средиземного моря до Тихого океана и включающей территории, населенные тюркоязычными народами и племенами. Но на пути к созданию Турана опять стояло препятствие, на этот раз — Восточная Армения с остатками армянского народа, присоединенная к Российской империи по Гюлистанскому (1813 г.) и Туркменчайскому (1828 г.) договорам. Теперь уже над восточными армянами навис дамоклов меч истребления. И если армяне Араратской долины, Сюника и Арцаха остановили турецкие орды, то их соотечественники в окружении преобладавшего по численности тюрко-мусульманского населения подверглись варварскому насилию.

В этот период Г. Х. Чалхушьян в своих публикациях пытается привлечь внимание общественности к кровавым событиям в Закавказье. В статье «Бакинская трагедия», опубликованной в газете «Приазовский край»¹¹, он с болью пишет о новой резне, о том, как в сентябре 1918 года в Баку, после взятия города турецкими и азербайджанскими войсками, а также вооруженными бандитскими группами, в течение трех дней было убито 30 тысяч армян. *«У армян их летописи полны черных страниц, — пишет Чалхушьян, — и ужасы один кровавее, грознее другого развертывались с поразительной настойчивостью, последовательно в течение*

10. Там же.

11. Влиятельная газета либерального направления, выходившая в Ростове-на-Дону в 1891–1920 годах. Издавал ее титулярный советник, секретарь городской управы Нахичевани Серафим Христофорович Арутюнов. С приходом к власти большевиков издание газеты прекратилось.

веков, и каждый раз казалось, что чаша горькая испита уже до дна. Не осталось больше капли. Но нет, заставляли новые ужасы, тяжелее прежних, испытанных, пережитых»¹². По прошествии месяца после Бакинской резни, в ноябре 1918 года, он приезжает в Тифлис, где приступала к работе конференция представителей новых государств Закавказья и политических образований юга России. Чалхушьян, в то время исполнявший обязанности вице-консула Армянской республики на Дону, на конференции представлял армян Нахичевани-на-Дону. Он рассматривал сложившуюся на Северном Кавказе и в Закавказье ситуацию с точки зрения интересов армянского народа, но тесно увязывал их с положением в России. На конференции преобладали силы, стремившиеся окончательно порвать с Россией. Особо в этом усердствовали представители Грузии, Азербайджана и делегация от северокавказских горцев. С их стороны прозвучало обращение к народам Кавказа о взаимопризнании новых самостоятельных государств. Чалхушьян поставил вопрос ребром: будет Кавказ с Россией против других государств или же с ними — против России? Естественно, он был обеспокоен будущим своего народа, который давно связал свою судьбу с Россией. «Мы, армяне, — писал об этом Чалхушьян, — не хотим использовать народы Северного Кавказа как буфер против России, не признаем Азербайджан, пока он будет преследовать армян»¹³.

Григорий Христофорович в своих статьях и заметках освещал не только текущие события, но и размышлял о том, какой выбор должен сделать его народ в то переломное время. Особое внимание автора привлекали армяне диаспоры. В статье «Культурные задачи армянской общины», изданной в газете «Приазовский край», он ставит вопрос о значении сплоченной общины в укреплении национального самосознания, особо выделив роль руководящего органа — общинного совета. Чалхушьян подвергает резкой критике тех своих состоятельных соотечественников, которые отказывались поддерживать свою общину и Родину¹⁴. Не будет национального образования, народ лишится родного языка. А последнее приведет к потере национальной идентичности и исчезновению общины.

Эти его слова созвучны призывам национального героя Андраника Озаяна, оглашенным во время его благотворительной миссии по городам юга России¹⁵. Во второй половине октября — в начале ноября 1917 года Андраник вторично побывал в ряде здешних городов, в том числе в Армавире, Екатеринодаре и Майкопе. Выступая в Майкопе на вечере-банкете, организованном в его честь, Андраник описал тяжелое положение голодающего народа и призвал местных армян «взамен суесловий и споров практическими делами помочь страждущим, голодающим братьям хлебом насущным». Обратившись к присутствовавшим, он сказал: «Если вам доставляет удовольствие только присутствие мое или подобных мне лиц, то не стоило здесь собираться. Если бы каждый армянин думал не только о своем лишь благополучии — бедствий, выпавших на долю нашу, было бы намного меньше»¹⁶.

Уместно будет прояснить идеологическую направленность воззрений Григория Христофоровича Чалхушьяна, более конкретно — в какой партии он состоял

12. Смирнов В. Григорий Чалхушьян: «Пестрая птица».

13. Там же.

14. «Приазовский край». Ростов-на-Дону, 1918 (1 ноября).

15. Акопян В. З. Благотворительная миссия национального героя Андраника Озаяна на юге России // «Кавказ в геополитических интересах региональных и мировых держав»: сб. науч. ст., посвященный памяти В. В. Черноуса. Ростов-на-Дону, 2018, с. 23–33.

16. Андраник Озян. Документы и материалы / сост.: А. О. Арутюнян, В. С. Эвоян, С. С. Мирзоян, П. Г. Сафян, Г. М. Шатириян // «Вестник архивов Армении». Ереван, 1991. № 1–2 (89–90), с. 234.

или какой организации симпатизировал и в какой мере. После Первой русской революции 1905 года в Нахичевани-на-Дону и Ростове действовали национальные и общероссийские партии разной направленности. Большинство армянской интеллигенции юга России симпатизировало национальным партиям Рамкавар (1885 г.), Гнчак (1887 г.) и Дашнакцутюн (1890 г.), разрешенным только в годы Первой мировой войны, когда царизм пытался использовать национально-освободительное движение западных армян в войне с Турцией.

То, что Чалхушьян во время революционных потрясений 1905 и 1917 годов выступал за соблюдение конституционных прав и интересов населения, свидетельствует о его приверженности идеалам Конституционно-демократической партии (1905 г.). Кроме того, во время выборов в III Госдуму он также шел по партийному списку от кадетов. Но, с другой стороны, историк К. Л. Папазян приводит веские доказательства сотрудничества Чалхушьяна с армянской партией Дашнакцутюн¹⁷.

В этом отношении интересен следующий факт. В 1906 году по инициативе католика Мкртыча Хримяна (Айрика) было предложено созвать в Эчмиадзине Всеармянский съезд. Для участия в нем армянским общинам было предложено избрать депутатов. В выборах на Дону, проходивших в два тура (в первом определяли выборщиков, а во втором выборщики избирали депутатов), участвовали либералы, социал-демократы во главе с А. Мясникяном и дашнаки, находившиеся в большинстве. Известный деятель партии Дашнакцутюн Симон Врацян (родился в селе Мец Сала недалеко от Нахичевани-на-Дону), в 1920 году занимавший пост премьер-министра Первой армянской республики, в своих мемуарах впоследствии писал, что дашнаки допустили ошибку, потому что известный юрист и общественный деятель Г. Х. Чалхушьян очень хотел избираться депутатом по спискам дашнаков, но ему отказали в местном комитете партии¹⁸. Это подтолкнуло Чалхушьяна баллотироваться по спискам либералов. Из-за личных амбиций руководства местных дашнаков их партия проиграла выборы, а Чалхушьян не получил необходимого количества голосов.

О симпатии Чалхушьяна к партии Дашнакцутюн наглядно свидетельствует его «Красная книга», посвященная геноциду армян в Османской империи и изданная в Ростове-на-Дону в 1919 году¹⁹. Это — подлинно научное исследование, основанное на различного рода источниках: письмах, документах, газетных статьях, договорах, посланиях, которые автор, не в ущерб основному тексту, обильно цитирует. Важно также и то, что Чалхушьян лично посетил места массовых захоронений армян в Западной Армении, тщательно и подробно расспрашивал многих очевидцев описываемых событий, воспоминания которых частично и легли в основу его книги²⁰. В ней он пишет: дашнаки — «единственные защитники армянских интересов, единственные и официальные представители армян»²¹.

17. Папазян К. Л. К вопросу о партийной принадлежности Г. Х. Чалхушьяна // «Армяне юга России: история, культура, общее будущее»: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.) / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2015, с. 282–286.

18. Врацян С. Дорогами жизни. Ч. I. Бейрут, 1967, с. 57 (на арм. яз.).

19. В середине 1970-х годов, будучи студентом, автор настоящей статьи имел возможность прочитать «Красную книгу» в научной библиотеке Ростовского госуниверситета. В то время было небезопасно где-либо транслировать ее содержание, от чего потрясение, испытанное при чтении, становилось еще более глубоким. Изумляло и то, что в формуляре читателя, приклеенном к книге, значилась только наша фамилия. К счастью, по инициативе одного из потомков Чалхушьяна — Виктора Хазизова «Красная книга» была переиздана Ростовским региональным общественным фондом развития культурного наследия армян Дона.

20. Казаров С. С. Нашим русским братьям — «Красная книга» Григора Чалхушьяна.

21. Чалхушьян Г. Х. Красная книга. Ростов-на-Дону, 2008, с. 165.

Заметим, что «Красная книга» была издана в бытность Григория Христофоровича вице-консулом независимой Армянской Республики на Дону в период власти белого правительства А. Деникина.

Свою политическую позицию Чалхушьян обозначил в работе «Мысли, думы, лица». Он признавался в том, что не принадлежал к какой-либо партии, так как *«знал только одну партию—армянскую»*. И далее он заметил, что те деятели, которые *«стремятся восстановить наш разрушенный очаг—мои близкие, мои родные, и на данный момент патриотизм—вопрос самозащиты [выделено нами—В. А.]»*²².

И здесь мы находим параллели с позицией национального героя Армении—Гарегина Нжде (1886–1955 гг.). Находясь в эмиграции в Болгарии, Нжде (Гарегин Тер-Арутюнян) написал свою знаменитую программную работу «Открытые письма армянской интеллигенции», первое издание которой увидело свет в Бейруте в 1929 году²³. Это патриотическое произведение Нжде, по сути дела, развивает ту же мысль Григория Христофоровича: *«Патриотизм—вопрос самозащиты»*.

Здесь никак нельзя обойтись без объемных цитирований из произведения Нжде. О Советской Армении он пишет: *«Все стратегически важные позиции этой маленькой Армении отобраны. Она окружена нашим извечным врагом. Это окружение осуществлено с расчетом, имеющим очевидный смысл, а именно: при удобном случае в самое краткое время и с наименьшими потерями уничтожить армянство. Армения уязвима в нескольких различных позициях, и всего за несколько часов Турция может перерезать эти позиции, отделить друг от друга армянские провинции и соединиться с Азербайджаном. Враг полон решимости нас уничтожить, у нас нет программы самозащиты и обеспечивающего самозащиту оружия. <...> Враг сторожит не только превращенную в кладбище турецкую Армению, но и внимательно наблюдает за миром в Советской Армении. В любую минуту он может нарушить этот мир, и если до сих пор не пытался—это означает, что так более выгодно для его политических целей»*²⁴.

Далее Нжде продолжает: *«Из-за настроений упования на чужих в некоторых наших политических течениях, недостатка самоуверенности и страха одиночества наш народ, в других случаях сумевший бы успешно организовать свою самооборону, превратился в безвольную толпу и проиграл. <...> Мы проиграли, потому что вместо того, чтобы целиком использовать духовные силы нации, стали искать покровителей. <...> Содействующие нам на этом пути силы должно использовать как союзников, друзей. Использовать, а не молить—понял армянин различие, значит, стоит на пути спасения. <...> Союзники, а не благодетели—это означает, что армянин храбр и ищет друга для самозащиты, для войны. Это—право храброго, того, кто решил победить в одиночку, и ищет союзника лишь для облегчения победы. Преодолеть свое поражение—значит, быть способным к самозащите, что есть не что иное, как поражение врага. Самозащита—вот что диктует время и прогресс. Самозащита—вот наша новая религия. Самозащита—вот единственный способ обеспечить существование как народов, так и их богов. И вовсе не эгоизм, когда народ провозглашает самозащиту своей религией. Напротив, к такому убеждению подталкивают народы кровавые*

22. Чалхушьян Г.Х. Мысли, думы, лица. Тифлис, 1914, с. 3 (на арм. яз.).

23. Акопян В. З. «Бог и моя родина всегда были на первом месте в моем храме веры» (Гарегин Тер-Арутюнян) // Вестник университета Месроп Маштоц. Ереван, 2015, с. 66–77.

24. Гарегин Нжде. Открытые письма армянской интеллигенции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aniv.ru/archive/30/otkrytye-pisma-armjanskoj-intelligentsii-perevod-s-armjanskogo-garegin-nzhde/>. Дата доступа: 24.02.2021.

трагедии, и только самые праведные народы имеют право на такую религию. Самозащита не естественное право каждого народа, а обязанность по отношению к человечеству. <...> Народ, который не способен на самозащиту, лишен этих элементарных добродетелей, — добродетелей, критерием которых является лишь способность к самозащите. Лишен народ способности к самозащите — значит, лишен всяких добродетелей, лишен морального права на существование. <...> Самозащита есть внутреннее усилие народа к своему существованию. До сих пор это усилие проявлялось в виде молитвы, мольбы, попрошайничества и как следствие — тысячи и тысячи мирных жертв. Сейчас это усилие должно стать выражением нашей внутренней силы. <...> И школа, и церковь, и политические партии, и пресса, и непартийные организации — все, все должны преисполниться новым умонастроением, должны повторять новые истины, повторять без конца, без усталости, до тех пор, пока идея смелой, мужественной самозащиты не станет народным умонастроением, искренней страстью, психологией, до тех пор, пока армянство не станет способным на самозащиту»²⁵.

Как уже отмечалось выше, культивируемый левыми российскими партиями, особенно большевиками, классовый антагонизм, в том числе и внутриобщинный, самым пагубным образом повлиял на армянское общество — и не только в диаспоре, но и на родине, где в восточной части Исторической Армении происходил процесс формирования Первой Республики Армении. Об опасности классового противостояния внутри нации, находящейся в состоянии войны за самосохранение, в тот период предупреждали все истинные патриоты Армении. В своем выступлении в северокавказском Армавире 15 октября 1917 года генерал Андраник предупреждал своих соотечественников: «Между нами, армянами, не должно быть расхождений на классовой почве, так как мы все дети одной земли, одной родины. <...> Как весь организм чувствует боль при повреждении какой-либо части своего тела, так и все армяне, как одно целое, как целый организм, должны были содрогнуться и почувствовать ту невыносимую боль, которая постигла турецких армян»²⁶.

Андраник обличал тех национальных политиков, которые во имя своих узкопартийных и классовых интересов, псевдоинтернационалистских идей забывают о главном — национальном выживании. «Политика всеобщего уничтожения — политика геноцида — уже осуществлена в самых широких масштабах и в самом жестоком виде. И в силу этого классовые различия среди турецких армян <...> стусевались — они все стали жертвами одной судьбы, одного правового положения, они все живут единым идеалом, единым горем, имея перед собой одного общественного врага. <...> В разоренной нашей стране партии пусть проповедуют не отвлеченные теоретические учения, а то, каким способом обеспечить физическое существование уцелевших остатков истребленного народа. <...> Нам надо подумать о спасении уцелевших, чтобы завтра или послезавтра мы могли перестроить армянское общество на той же родине в соответствии с ее исторической миссией и чаяниями»²⁷. Эти слова Андраник произносил в Тифлисе, Новой Нахичевани, Армавире, Екатеринодаре, Майкопе, Пятигорске, Владикавказе, Грозном и других городах.

25. Там же.

26. Андраник Озаян. Документы и материалы, с. 232.

27. Там же, с. 228.

Такие же настоятельные призывы к своему народу, проживающему в диаспоре и на родине, мы слышим и в выступлениях Григория Христофоровича Чалхушьяна. Политическая позиция Чалхушьяна привела его к идее созыва в Ереване «Съезда беспартийных» (май 1920 г.). В условиях утраты правящей в Армении партии Дашнакцутюн доверия у значительной части армянского населения и отсутствия иной авторитетной национальной силы, проходивший под руководством Чалхушьяна съезд беспартийных (назовем этот форум съездом «армянской партии») призвал народ и все патриотические силы к единству²⁸.

Увы, эти предупреждения патриота из Новой Нахичевани, как и Андраника и Нжде, не были услышаны. В «Открытых письмах армянской интеллигенции» Нжде, обращаясь к национальным партиям зарубежья (в Советской Армении, как и в СССР в целом, была только одна партия — правящая Коммунистическая со своими республиканскими подразделениями, которая, слившись с государством, образовала руководящую и направляющую надстройку государственной системы) и к партиям будущего независимого армянского государства, писал: *«В обязательном порядке должны обновиться духовно также и наши партии. Они — в особенности. Наши внутренние распри, противоборство играют на руку внешним врагам и направлены против нашего народа и нашей страны. Трудно поверить, что ярость отвратительной межпартийной борьбы исходит из любви к родному народу, о путях спасения которого противоборствующие стороны имеют разное представление. Единственным «боевым средством» в борьбе наших партий должно было быть моральное порицание и не более — не ложь, не клевета, не извращение действительности и не аморальные и достойные осуждения деятели! По-детски наивны те партии, которые, отрицая мораль в политической борьбе, надеются, что смогут сохранить нравственную чистоту в своих рядах. Нищета нравственного — то же, что и нищета нравственных сил. От имени одной части народа охаивать другую, противоположную во взглядах, и по-мальчишески отрицать ее право на существование еще не означает воспитания своих рядов. Бессмысленна и отвратительна критика, если она не созидательна. Кто денно и нощно занят критикой недостатков своих противников, тот, по меньшей мере, идет на компромисс со своими пороками. Такой может и выиграть, но приобретение будет за счет своего нравственного здоровья. Такой может нанести ущерб своему противнику, но сам не приобретает ничего.*

Подлость остается подлостью даже в том случае, когда она оправдывается самыми сокровенными интересами — это, прежде всего, лишает морали и ослабляет. И смешно, и несправедливо говорить бесконечно только хорошее о своей партии и только плохое о других. Подобные больны духом. Злоупотреблять, пользуясь темными чувствами масс, и сеять слепую ненависть к противнику — нет, не это означает вести идейную борьбу! Такие люди подталкивают свои ряды к падению, такие люди — зло и для своих, и для противника, и для своего народа. Страдая слепой ненавистью, некоторые наши партии забыли о святом деле самозащиты армянского народа, во имя чего, казалось бы, они и созданы. Они продолжают раздраженную и взаимоисключающую борьбу, ослабляя себя и ослабляя наш народ, разрушая его коллективную душу, они делают то, что нужно нашему внешнему врагу. И все это наивно называется народолюбием, когда, в сущности, осуществляется народодубийство. Да, народодубийство»²⁹.

28. Папазян К. Л. К вопросу о партийной принадлежности Г. Х. Чалхушьяна, с. 282–286.

29. Гарегин Нжде. Открытые письма армянской интеллигенции.

Мы сознательно идем на пространное цитирование в силу актуальности темы для современной Армении, когда возникла реальная угроза для армянской государственности из-за амбиций отдельных популистов, которые исходя из своих корыстных интересов, а может, даже и явного предательства (какая разница?), готовы пожертвовать родиной и нацией. И чтобы завершить тему (но только в рамках этой статьи), продолжим цитировать Странника (так переводится псевдоним «Нжде»), защитившего и сохранившего область Сюник армянской: *«Наши партии, оставив византийские споры и бессмысленное стремление любой ценой повергнуть друг друга наземь, оставив суетные усилия завуалировать собственную неполноценность каждодневным рекламированием недостатков соперника, — оставив все на свете, должны сделать своей обязанностью самовоспитание. <...> Осознавая все это, наши партии, наша церковь, наша школа, пресса обязаны изменить духовно наш народ. Осознавая эту спасительную истину, воспринимая ее как часть своей сущности и воплощая ее в жизни, наша интеллигенция должна суметь, перевоспитав, духовно поднять армянский народ, она должна суметь сделать непобедимость духа залогом непобедимости нашего народа, его физического и нравственного существования»³⁰.*

Относительно либеральный режим, царивший короткое время в Новой Нахичевани и Ростове при правительстве Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерала А. И. Деникина, оказался кратковременным. 10 января 1920 года они были с боем заняты частями 1-й Конной армии С. М. Буденного. Горожане, не успевшие покинуть регион в начале Гражданской войны и надеявшиеся, что с властью Деникина начинается восстановление «единой и неделимой» империи, теперь спешно покидали Дон. Григорий Христофорович со своей многочисленной семьей (от брака с Софьей Андреевной Титровой у него было пять сыновей и три дочери) отказался покинуть родной город. Как один из лидеров 50-тысячной армянской общины он считал, что это будет предательством по отношению к ней.

Григорий Чалхушьян остался в Ростове-на-Дону со своей семьей в доме по ул. Большая Садовая, 148 (прямо напротив современной гостиницы «Дон-плаза»). Точнее, трехэтажный особняк, принадлежавший Чалхушьянам, советская власть национализировала, а членам семьи выделила несколько комнат в нем³¹.

При советской власти Г. Х. Чалхушьян вел тихую и замкнутую жизнь. К властям проявлял лояльность, но отнюдь не верноподданность и унижительную услужливость. Честно выполнял обязанности адвоката и был полезен клиентам своим профессионализмом. Советским работникам нужны были профессиональные врачи, инженеры, адвокаты. Но он был не свой. Известного в прошлом юриста, литератора, историка и общественного деятеля, ушедшего из политики, находившегося в изоляции в своей стране, но известного в армянской диаспоре Запада, опасались уничтожить демонстративно. За ним, чуждым системе интеллектуалом, негласно следили и искали любой повод, чтобы устранить. Но проницательный интеллигент такого повода не давал.

Власти ожидали гневной реакции Чалхушьяна на присоединение Нахичевани к Ростову в 1928 году и упразднение этого известного армянского города в «Пролетарский район» Ростова³². Но он, сомкнув уста свои, пережил столь трагическое

30. Там же.

31. Смирнов В. Григорий Чалхушьян: «Пестрая птица».

32. Акопян В. З. Вопрос о статусе Нахичевани-на-Дону в 1920-е гг. // «Армянская диаспора Российской Федерации»: сб. док. Международной науч. конференции. Ереван, 2018, с. 311–330.

событие. Надеялись, что возраст возьмет свое и находившийся в преклонных летах адвокат сам по себе покинет земной мир...

Однако начинался сталинский Великий перелом 30-х годов, и власть опасалась пронизательного свидетеля разворачивавшегося кровавого маховика. Чалхушьяна надо было любой ценой уничтожить. И у сильного человека было найдено «слабое место». Его сыновья Рубен, Серафим, Лион и Степан в 1937 году по надуманным обвинениям были арестованы. Лион и Степан были расстреляны сразу, а Рубен и Серафим сосланы на строительство Беломорско-Балтийского канала, где и погибли. Пережить семейную трагедию Григорий Христофорович не смог. 1 марта 1939 года он скончался от разрыва сердца прямо на улице. Сразу после войны скончалась и супруга Г. Х. Чалхушьяна.

Выдающийся просветитель донских армян был похоронен на Армянском кладбище Нахичевани.

После установления советской власти у представителей армянской интеллигенции юга России появился еще один выбор—возможность творить в духе «социалистического реализма» на небольшом островке, оставшемся от обширной Исторической Армении и ставшем одной из союзных республик СССР. Сотни армян—общественных деятелей (Александр Мясникян), композиторов (Александр Спендиарян), архитекторов (Александр Таманян), живописцев (Мартирос Сарьян), врачей (Амбарцум Кечек), писателей, ученых, инженеров—выходцев из южного региона России переехали в Армянскую ССР, которая впоследствии, в 1991 году, стала независимым государством. Их именами названы улицы и города республики, они внесли неоценимый вклад в развитие своего народа и национальной культуры.

Увы, имя Чалхушьяна мы не встретим в названиях улиц, образовательных учреждений и даже на стене его дома в самом центре Ростова-на-Дону. Достойной памятью выдающемуся просветителю донских армян может стать возвращение исконного имени Пролетарскому району—некогда самому крупному городу на юге России. Этот вопрос давно назрел.

Summary

Victor Akopyan,

PhD in History, Associate Professor of the Department of Historical, Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, of Pyatigorsk State University

Enlightener of the Don Armenians Grigory Chalkhushyan

The article is dedicated to an outstanding public figure of the Armenian colony of New Nakhichevan (Nakhichevan-on-Don), historian, publicist Grigory Chalkhushyan (1861–1939), who consistently defended the interests of the 50-thousand Armenian population of the Don. Chalkhushyan served in Nakhichevan Charitable Society for many years, was a trustee in the Theological Seminary and was elected as a member of the Nakhichevan City Duma twenty years. On his initiative, monuments to famous Don Armenians Mikael Nalbandyan and Raphael Patkanyan were erected near the monastery church of Surb Khach (Holly Cross).

During the First World War, Chalkhushyan headed the Armenian Committee, which was involved in helping refugees from Western Armenia. The “Armenian question” occupied a special place in Chalkhushyan’s activities. He devoted several major studies to this problem, including the books “The Armenian Question and the Armenian Pogroms in Russia” and “The Red Book”.

During the existence of the First Republic of Armenia (1918–1920), Chalkhushyan was the vice-consul of the Armenian Republic on the Don. On his initiative, in Yerevan (May 1920), a “Congress of Non-Party People” was convened, calling all Armenian parties and other patriotic forces to unity.

Particular attention is paid to Chalkhushyan’s activities to strengthen the Armenian community of the Don during the Russian Revolution of 1917 and the Civil War of 1917–1922. After the establishment of Soviet power on the Don, he did not go abroad, but withdrew from dynamical political activity. And yet, despite loyalty to the new government, he was a stranger to it: in 1937, four of his sons were repressed. Father could not bear their death and on March 1, 1939, he died of a heart failure. Outstanding enlightener of the Don Armenians Grigory Chalkhushyan was buried in the Nakhichevan Armenian Cemetery.

«Он в край степной пришел издалека»: Ваан Терьян на оренбургской земле

Сергей Любичанковский,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургского государственного педагогического университета

В городе Оренбурге, на одном из домов по улице Чичерина, можно увидеть мемориальную доску с текстом на двух языках: «В этом доме истекли последние дни жизни армянского поэта Ваана Терьяна, члена ВКП(б) и ВЦИК. 1885–1920». И хотя доску установили в 1940 году, оренбуржцам об этом человеке ничего более не было известно. Даже в 60-е годы XX века сведения о нем ограничивались тем, что в октябре 1919 года «член ВЦИК Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и солдатских депутатов Ваан Терьян» командирован в Ташкент и должен следовать к месту назначения через Самару и Оренбург. Правда, был еще один документ, выданный «жене члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Териана, умершего 7 января 1920 года в Оренбурге», в котором предписывалось «всем военным, железнодорожным и гражданским властям оказывать содействие тов. Шахиджаниян». Документ был датирован январем 1920 года. Между датами на удостоверениях два с половиной месяца, если точнее — 74 дня, ход и события которых реконструировал оренбургский писатель и ученый Леонид Наумович Большаков¹. Исследователь буквально по крупичкам восстановил историю последних дней жизни армянского поэта и государственного деятеля, отыскал людей, помнивших его и его юную жену, фотографа, сделавшего последние скорбные снимки... Найденное оказалось очень важным, так как на родине поэта ничего не было известно о последних днях его жизни, месте захоронения и так далее. Первый материал Л. Н. Большакова о Ваане Терьяне вышел в 1965 году², а в 1976 году уже в благодарность за проявленный интерес и проделанную работу правительство Армении подарило Оренбургу памятник Терьяна, который был установлен недалеко от дома, где прошли последние дни поэта.

По сценарию Л. Н. Большакова на Оренбургской студии телевидения был снят фильм о Ваане Терьяне, озаглавленный «Он в край степной пришел издалека...». Судьбе армянского поэта и событиям его последней поездки, трагическим дням в Оренбурге были посвящены публикации в областной газете³ и в журнале «Урал»⁴. Позже пространственный очерк «Встреча через годы» вошел составной частью в книгу «Главы из жизни»⁵.

1. Леонид Наумович Большаков (01.01.1924–09.08.2004) — писатель и литературовед, академик Международной академии гуманизации образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель культуры Украины, лауреат Государственной премии Украины и премии Совета министров УССР им. Павло Тычины «Чувство семьи единой», почетный гражданин Оренбурга, автор более 60 книг — о Л. Н. Толстом, Т. Г. Шевченко, Г. С. Винском, составитель региональных литературных энциклопедий.
2. Большаков Л. Память сердца // «Блокнот агитатора». Оренбург, 1965, № 3, с. 46–47.
3. Большаков Л. По следам Ваана // «Южный Урал», 1965 (за 10, 11, 12 февраля).
4. Большаков Л. Дом на старой улице // «Урал», 1965, № 7, с. 144–154.
5. Большаков Л. Н. Встреча через годы // Главы из жизни. Челябинск, 1974, с. 189–210.

В 1964 году состоялась церемония торжественной передачи нескольких горстей земли со старого оренбургского кладбища для захоронения в ереванском Пантеоне, где находится символическая могила В. Терьяна. На этой церемонии присутствовала и дочь поэта — Нвард Ваановна Терьян⁶.

Ученый-литературовед Л. Н. Большаков умел не только разыскивать, устанавливать, открывать новые факты, но и делать их интересными для всех. Вот и армянский поэт Ваан Терьян стал для оренбуржцев своим.

В 1982 году в оренбургской школе № 24 было создано Общество друзей Ваана Терьяна. Ребята изучили жизнь и творчество поэта, познакомились и подружались с его дочерью, переписывались с другими родственниками, с писателями Армении, готовили и проводили литературные вечера, конкурсы чтецов. Материала набралось много, и в 1984 году в школе был организован музей Ваана Терьяна. В работе музея самое активное участие принимал Леонид Наумович — до последних лет своей жизни.

В поиск «по Терьяну» включились не только школьники. В одной из публикаций Л. Н. Большаков рассказывал, как оренбуржцы помогли ему установить имя героини стихотворения Терьяна «Принцесса На», в котором он упоминает город Бузулук в Оренбургской области⁷.

Благодаря изысканиям Л. Н. Большакова, Оренбург давно стал одним из центров терьяноведения. Масштабные торжества проходили в городе в 1965 году, тогда же одной из старых улиц было присвоено имя Ваана Терьяна. Представительные писательские делегации из Армении и Грузии прибыли в Оренбург в 1985 году, когда широко отмечалось 100-летие поэта. В своем дневнике⁸ под датой «7 января 1985 года» Леонид Наумович записал впечатления об этих торжествах: *«Этот день посвящен Ваану Терьяну и не менее — его землякам. ... Два с половиной часа с ребятами из Клуба юных друзей В. Терьяна были удивительно теплыми и сердечными. В комнате-музее я представил гостей из Богдановки... говорили учителя, «терьяновцы» показали неплохую композицию со стихами и музыкой, вместе пошли по ул. Чичерина, остановились у дома, где Терьян умер, и, наконец, подошли к памятнику, у подножия которого возложили гирлянду, перевитую красной лентой; заключительный аккорд — приятное чаепитие в той же музейной комнате. Повторю еще раз: все прошло на удивление сердечно — достойно чистого и искреннего Поэта».*

Добавим, что юбилеи армянского поэта отмечали в Оренбурге и после ухода из жизни Л. Н. Большакова. Были и вечера, и выставки в библиотеках, и концерты. Так, широко праздновали 120-летие поэта в 2005 году: возложили цветы к его памятнику, в музее В. Терьяна вспоминали многочисленных гостей, приезжавших сюда в предыдущие годы, рассматривали фотографии, читали стихи; появилась статья в областной газете⁹...

Спустя два десятилетия после первой публикации о Терьяне Л. Н. Большаков начал работать над новой книгой об армянском поэте — «74 дня перед бессмертием», которой предпослал посвящение: *«Памяти Анаит и Нвард — самоотверженных женщин»*¹⁰.

6. Нвард Ваановна Терьян (1920–1978 гг.) — хранительница и пропагандист литературного наследия отца.

7. Большаков Л. Загадка «Принцессы На» // «Южный Урал». 1965 (за 20 января).

8. Хранится в нашем семейном архиве.

9. Лукьянова Р. «Имя благородное твое» // «Южный Урал». 2005 (от 8 февраля).

10. Большаков Л. Н. 74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна. Ереван, 1990. 127 с.

В дневнике Л. Н. Большакова под датами 28 и 29 мая 1984 года находим несколько записей, рассказывающих о работе над этим произведением: «Пишу «Недели перед бессмертием»¹¹. Пишу увлеченно, пытаюсь восстановить все существенное в этих неделях и все достоверное в этих днях. Пока, думается, получается. «Доехал» до Самары. «Обживать» этот город решил уже завтра. Кое-что надо посмотреть в библиотеке... Нет и грана¹² объективности в отношении Анаит Шахиджян. Ее, как жену, не признают вовсе, так что моя цель и восстановление чести семьи, которую создал Терьян в последний год своей жизни. Не было бы Анаит, не осталось бы у Терьяна никаких наследников, никакого продолжения. Попробую выразить это возможно тоньше и убедительнее (28 мая)».

На следующий день: «Я все еще в «Самаре». Писал чуть не весь день, сделал несколько страниц, но даже не добрался до встречи с Фрунзе... Пока все идет нормально, повесть, полагаю, будет читаться... Мне очень нужны материалы об Анаит Шахиджян... Готовлюсь к завтрашней работе над повестью — накачиваю себя материалами, вживаюсь в них. ... Вот незадача — не записал вовремя рассказы Нвард о матери. Но мог ли подумать тогда, что мне захочется писать о ней?.. (29 мая)».

Рыскания «по Терьяну» познакомили Леонида Наумовича со многими армянскими писателями и общественными деятелями. В его личном архивном фонде¹³ можно найти письма от писателей Вардгеса Петросяна и Зори Балаяна, академика-историка Геворга Гарибджяна, учительницы из Еревана Н. Арутюнян, более шестидесяти писем от Нвард Ваановны Терьян, письма от внуков поэта — Ваана и Григора Эминых. О многих из них рассказано в нашей книге «Леонид Большаков: на связи с миром и людьми»¹⁴. Сохранились и фотографии разных лет, на которых у памятника В. Терьяну запечатлены его дочь и внук.

Друзьями Л. Н. Большакова и гостями терьяновских торжеств стали и герои его книги «Первые»¹⁵ — земляки В. Терьяна, жившие в Богдановском районе Грузинской ССР, на границе с Арменией, где находится родное село поэта Гандза. Добавим, что 5 декабря 1983 года решением горисполкома Богдановского района Леониду Наумовичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Богдановки».

Распад единой страны не заставил Л. Н. Большакова отказаться от работы по укреплению русско-армянских связей. В 1992 году он стал инициатором создания Центра армянской культуры «Наири», выпустившего несколько информационных бюллетеней. К слову, автором одного из них стал Вардгес Петросян¹⁶ — известный писатель и общественный деятель из Армении¹⁷. В других выпусках рассказывалось о родном селе поэта¹⁸, была представлена хроника его последней командировки¹⁹. В одном из выпусков бюллетеня помещено стихотворение оренбургского поэта Михаила Трутнева «Слово о поэте», в котором есть такие строки:

11. Такое название планировалось первоначально.

12. Гран — зерно, крупинка; устаревшая единица измерения массы.

13. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2919, оп. 1.

14. *Большаков Л. Н. Первые: страницы из жизни одного р-на.* Москва, 1985. 158 с.

15. *Большакова Т. Л., Любичанковский С. В. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми.* Москва, 2016. 493 с. (см. также: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://e.lanbook.com/book/89871>).

16. *Петросян В. Слово о Терьяне.* Оренбург: Центр «Наири», 1992. 31 с.

17. *Петросян Вардгес Амазаспович (1934–1994 гг.)* — армянский писатель, публицист, общественный и политический деятель. Возглавлял Союз писателей республики, был председателем Фонда культуры Армении, работал главным редактором газеты «Еркир Наири» («Страна Наири», или «Страна Армения»). 15 апреля 1994 года застрелен в подъезде собственного дома.

18. *Большаков Л. Гандза — это сокровище.* Оренбург: Центр «Наири», 1992. 22 с.

19. *Ваан Терьян в Оренбурге.* Оренбург: Центр «Наири», 1992. 13 с.

*Он жив в степи, в султанах ковылей,
Он в камне жив, он родником струится,
Он вечен в шуме золотых полей,
В листве деревьев и в зерне пшеницы.*

В самом деле, последний в жизни Поэта город помнит его и чтит.
Последняя статья Л. Н. Большакова об армянском поэте, «Оренбургский след Ваана Терьяна», была опубликована в 2001 году²⁰.

Summary

Sergey Lyubichankovskiy,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History,
Orenburg State Pedagogical University

“He came to the land of the steppe from afar”: Vahan Teryan on the land of Orenburg

The article examines the contribution of the Orenburg scientist Leonid Bolshakov to the study of the last life days of the great Armenian poet Vahan Teryan, which he spent in the Orenburg region. The literary heritage of Leonid Bolshakov, dedicated to Teryan, is also given in detail, and his investment in the perpetuation of the poet's memory in the Orenburg region is described.

²⁰ *Большаков Л. Н.* Оренбургский след Ваана Терьяна // Армяне в Оренбуржье: история и современность. Оренбург, 2001, с. 14–16.

Армянин в Гродно: штрихи к интеллектуальному портрету Гургена Мартиросова

Андрей Тихомиров,

магистр культурологии, Гродненский государственный музей
истории религии (Гродно)

«Я глубоко убежден в том, что цивилизованное общество не может жить без идеалов. С давних времен мыслители разных направлений мечтали о таком устройстве общества, которое на своих знаменах могло бы написать слова равенства, братства, справедливости, честности и других нравственных ценностей. А вот тот вариант, к которому мы стремились все эти годы, оказался утопическим и претерпел крах»¹, — так охарактеризовал состояние общества прекращавшего существование СССР гродненский философ и религиовед Гурген Мартиросов в декабре 1991 года. Политический и экономический кризис советского государства радикально повлиял на переосмысление всей интеллектуальной составляющей, на которой базировалась советская идеология. Эти изменения коснулись и Г. Мартиросова — доцента Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. В понимании Мартиросова советский вариант марксизма (марксизм-ленинизм) и созданная на его основе идеология имели существенные недостатки: *«Вся идеология оказалась недостаточно научно обоснованной. Хотя нам доказывали, что она перешла в нашей стране от утопии к науке, как в свое время Ф. Энгельс озаглавил свою книгу. Но это не так. Особенно ложным, ведущим в никуда, оказался советский вариант, который принес много страданий народам, чудовищных злоупотреблений»².*

Сомнения, которые испытывал ученый в советские годы, не могли быть выражены открыто в печати: необходимо было придерживаться строгой партийной линии (ведь сам Мартиросов был членом КПСС). Что же давало надежду на существование некоего определенного идеала? Для Мартиросова это были основания логики: *«Лично я читаю курс логики. А логика со времен Аристотеля незыблема в своих основных принципах и положениях. Что касается других общественных наук, то они претерпели существенные изменения. Я несколько ближе к философским наукам. Здесь коренные перемены в программах, содержании курса. И, конечно, это в лучшую сторону. Самые коренные вопросы философии, выработанные историей с древнейших времен, содержат много разумного, что нами игнорировалось в угоду догмам. Все это сейчас на вооружении»³.* Усугублявшиеся сомнения оставляли надежду для гродненского философа на изменения и на возможность конструирования некоего идеального состояния общества. Оставаясь марксистом, он видел

1. Мартиросов Г. А. Деяние — начало бытия / Интервью записано Ричардом Карачуном // «Гродненская правда» за 31 декабря 1991 года, с. 2.

2. Там же.

3. Там же.

в труде способ достижения этого идеала: «За многие десятилетия, прожитые в труде, высшим идеалом для меня был именно честный, добросовестный труд. У Гете в «Фаусте» герой размышляет: что было началом бытия? Он перебирает многие понятия, но в итоге все отбрасывает и завершает рассуждение так: «... деяние — начало бытия». Я бы хотел, чтобы мы близко подошли к тому уровню труда, который мне пришлось наблюдать в скандинавских странах. Труд — святое дело. Одним из главных отрицательных последствий нашего прошлого в том, что люди потеряли вкус к честному труду. Прежняя система извратила народ. Много у нас делается по принципу «тяп-ляп», буйно цветут казнокрадство, спекуляция. Но я глубоко убежден, что все это преодолеем, если возвратим культ труду, мастерству и творчеству с необходимым вознаграждением»⁴.

Несмотря на то что Гурген Амиранович Мартиросов стоял у истоков зарождения Гродненского государственного университета, о его деятельности написано немного. Небольшие упоминания в книгах, небольшая статья в научном сборнике, статья в энциклопедическом справочнике о преподавателях Гродненского университета, статьи в Интернете — это, пожалуй, то немногое, что можно найти о его жизни и работе⁵. Нет статьи о нем ни в универсальной «Беларуской энциклапедыі», ни в отраслевых энциклопедиях, посвященных истории и общественным наукам. Вероятно, на отсутствие интереса исследователей к работам Мартиросова повлияли разные факторы: «провинциальность» автора (хотя интерес исследователей к истории Гродно переживает подъем уже не одно десятилетие), нежелание возвращаться к изучению советского периода (хотя и в этом вопросе есть существенный прогресс в белорусской науке), а возможно, Мартиросов просто «выпал» из поля зрения историков.

Гурген Мартиросов был, пожалуй, одним из самых известных представителей армянской диаспоры в послевоенном белорусском Гродно, ставшем для него второй родиной. Ровно 50 лет он проработал в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы (до 1978 года — Гродненский государственный педагогический институт), отличался принципиальной позицией в общественной деятельности, участвовал в защите известного писателя Алексея Карпюка от нападок и травли со стороны местного партийного руководства⁶. Его также связывала дружба с известными белорусскими литераторами Андреем Макаенком, Петром Макалем и Василем Быковым.

4. Там же.

5. Акинчыц И., Журавлев И. В ногу со временем // «Гродненская правда» за 16 февраля 1972 года, с. 4; Габрусевич С. А., Крэнь І. П. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: гістарычны нарыс. Гродна, 2001; Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: Біябібліяграфічны даведнік / Пад рэд. В. М. Чарапіцы. Гродна, 1999, с. 329–330; Таранцей В. П. Армянін дацэнт Гурген Марціросяў заўсёды лічыў сябе беларусам // Постаці ў гісторыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Гістарычны нарыс / Аўтар-скаладальнік В. П. Таранцей. Гродна, 2005, с. 41–43; Воины-армяне в боях за Беларусь (1941–1944 гг.) / Под общ. ред. А. М. Литвина, А. В. Хечояна. Минск, 2019, с. 423–434, 750; Великая Отечественная война в судьбах сотрудников Купаловского университета: ист. очерк / Авт.-сост. А. К. Гецевич. Гродно, 2020, с. 62–63. К сожалению, в специальной работе, посвященной деятельности армян в партизанском и подпольном движении в Беларуси, имя Г. А. Мартиросова не указывается (см.: Арутюнян К. А. Сыновья армянского народа в рядах партизан и подпольщиков Беларуси в 1941–1944 гг. // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25–26 июня 2009 г.) / Редкол.: М. В. Мясникович (пред.) и другие. Минск, 2009, с. 103–108.

6. Крапчин С. Алексей Карпюк и «литературоведы» из дальнебомбардировочной авиации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://naviny.by/rubrics/society/2010/04/14/ic_articles_116_167432. Дата доступа: 17. 03. 2019.

Гурген Мартиросов родился 15 февраля 1912 года в селе Чардахлы Елизаветпольского уезда Елизаветпольской губернии, в семье рабочего⁷. Село Чардахлы (Чардахлу, Хачисар), известное как «село героев», находится на землях исторической области Утык Большой Армении, северо-западнее Нагорного Карабаха (непризнанной Республики Арцах). Ныне оно входит в Шамхорский район Азербайджана под названием «Чанлибель». В годы Великой Отечественной войны Чардахлы отправило в Красную армию 1250 воинов, из которых 350 не вернулись. Уроженцами Чардахлы были дважды Герой Советского Союза (1944 г., 1977 г.), Маршал Советского Союза Иван (Ованес) Баграмян, Главный маршал бронетанковых войск (с 29 апреля 1975 г.), Герой Советского Союза (1944 г.) Амазасп Бабаджанян, генерал-лейтенант царской армии, главнокомандующий Аршак Тер-Гукасов, генерал-майоры царской армии Юрий Мартиросян, Леонид Мартиросян, Илья Баграмян, Гарегин Габриелян и многие другие известные полководцы и военачальники⁸.

После окончания средней школы Мартиросов осваивал разные профессии. Трудовую деятельность он начал в 1927–1928 годах в Баку, в качестве газетчика, в 1928–1929 годах был культработником сельскохозяйственного института в Баку. С января 1930 года по март 1932-го Мартиросов — аспирант Азербайджанского государственного научно-исследовательского института в Баку, с августа 1932 года по февраль 1933-го — преподаватель курса диалектического материализма в Азербайджанском сельскохозяйственном институте в городе Гянджа (исторический Гандзак). Во время учебы в Баку учителем Г. А. Мартиросова был уроженец Гродно, известный историк античной философии, профессор Александр Осипович Маковельский (1884–1969 гг.)⁹.

В феврале 1933 года Мартиросов переехал в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) и до декабря 1934 года преподавал ленинизм в Коммунистическом вузе Выборгского района. С декабря 1934 года по май 1935-го являлся ученым секретарем Государственного музея Новгорода, с июля 1935 года по декабрь 1939-го служил директором областного музея, заместителем директора Антирелигиозного музея города Куйбышева (ныне Самара), а с сентября 1939 года до июня 1941-го был лектором Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, одновременно являясь аспирантом Института философии Академии наук СССР в Москве¹⁰.

С июня по ноябрь 1941 года Гурген Мартиросов находился в действующей армии, принимал участие в обороне Москвы в составе Московского народного ополчения и в боях на Западном фронте. В ноябре 1941 года он попал в плен в районе города Сухиничи Калужской области и с ноября 1941 года по декабрь 1943-го находился в лагерях для военнопленных в городах Рославль, Горки, Лида. Будучи в плену, он организовал подпольную группу в составе 52 человек. 7 декабря 1943

7. Согласно другим сведениям — в семье крестьянина. Отец Мартиросова был плотником на заводе, а после 1914 года жил в деревне. Вероятно, поэтому в учетных записях советского времени фигурировали обе «версии» социального происхождения (Личный листок по учету кадров // Архив Гродненского государственного университета (АГГУ) им. Я. Купалы. Отдел кадров. 18–10: Асабовья sprawy прафесарска-выкладчыцкага саставу, звольнены ў 1995 г. Т. 4: М-С, А, Ц, Н, лл. 35, 38).

8. Более подробно см.: Арутюнян К. А., Литвин А. М. Армяне — Герои Советского Союза в боях за Беларусь (1941–1944 гг.). Минск, 2010, с. 41.

9. Киркевич А. Выдающийся ученый-философ // «Гродненская правда» за 21 июля 1979 г., с. 4.

Биографию А. О. Маковельского см.: Гостев А. П. Известные личности Гродно. Vive la Grodno (издание 2-е). Гродно, 2016, с. 69–75.

10. Личный листок по учету кадров // АГГУ им. Я. Купалы. Отдел кадров. 1810: Асабовья sprawy прафесарска-выкладчыцкага саставу, звольнены ў 1995 г. Т. 4: М-С, А, Ц, Н, л. 35 об. — 36.

года Мартиросов и возглавляемая им подпольная группа (в полном составе) сбежали из немецкого госпиталя № 4-605 в городе Лида в партизанский отряд «Искра», при побеге убив немецкого унтер-офицера и захватив оружие и боеприпасы¹¹: «при уходе уничтожено 6 автомашин, убит немец унтер-офицер, захвачено 8 винтовок, 9 пистолетов, 1 автомат»¹². С декабря 1943 года по июль 1944-го Мартиросов являлся членом партизанского отряда «Искра» (партизанская бригада им. С. М. Кирова Барановичской области), действовавшего в районе города Лида. В июне 1944 года он участвовал в переговорах о перемирии с руководством соединения «Наднеманское» Новогрудского округа Армии Крайовой. После их успешного окончания советскими партизанами была завершена операция по разрушению железнодорожных коммуникаций немецких войск (операция «Концерт») ¹³.

Во время пребывания в отряде Мартиросов участвовал в подрыве эшелонов с техникой и боеприпасами, в двух открытых боях. В боевой характеристике отмечено, что он проявил себя как «смелый и дисциплинированный партизан»¹⁴. Гурген Мартиросов завершил участие в военных действиях в звании политрука.

В течение полутора лет, с июля 1944 года до декабря 1945-го, жизнь Мартиросова была связана с городом Лида, где работал пропагандистом в городском комитете Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. В декабре 1945 года он переезжает в город Гродно, который становится для него родным домом в течение всей последующей жизни.

Согласно Всеобщей переписи населения 1897 года, в Гродно проживало двое армяно-григориан (так в Российской империи именовали приверженцев Армянской апостольской церкви), в Гродненском уезде насчитывалось еще шесть армян-католиков. В городе также проживало десять человек, для которых армянский язык был родным, еще восемь таких человек насчитывалось в Гродненском уезде¹⁵. Таким образом, вплоть до начала XX века армян в Гродно было весьма мало, и армянская община, по сути, стала складываться здесь лишь после окончания Второй мировой войны.

Гродненский государственный педагогический институт, на основании которого сформировался Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, был основан сразу после окончания войны. Его предтечей была другая советская высшая школа—Гродненский учительский институт (1940–1941 гг.). Г. Мартиросов стоял у истоков становления педагогического института, с декабря 1945-го по 1956 год являясь старшим преподавателем кафедры основ марксизма-ленинизма, а в 1945–1946 годах—заместителем директора по учебной части. Послевоенные условия жизни были трудными: многие преподаватели, в том числе и Мартиросов, жили непосредственно в здании института.

11. Автобиография // АГРУ им. Я. Купалы. Отдел кадров. 18–10: Асабовыя справы прафесарска-выкладчыцкага саставу, звольнены ў 1995 г. Т. 4: М-С, А, Ц, Н, л. 38.

12. Характеристика на партизана отряда «Искра» бригады им. Кирова Мартиросова Гургена Амирхановича // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450, оп. 7, д. 282, л. 191. Благодарю Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «Анив» и лично Евгения Гуринова за предоставление данного материала.

13. *Кранивин С.* Рассказ мудрого армянина, который устроил перемирие комбатантов Армии Крайовой и советских партизан. 1 июля 2014 г. [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://news.tut.by/society/405296.html>. Дата доступа: 18. 02. 2018.

14. Личный листок по учету партизанских кадров // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450, оп. 7, д. 280, л. 123 об.

15. *Ціхаміраў А. У.* Армяне горада Гродна і Гродзеншчыны з канца XIX да пачатку XXI стст. у святле статыстыкі // Роля міжнацыянальнага дыялогу ў станаўленні і развіцці грамадства: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Гродна, 1 чэрвеня 2018 г.). Гродна, 2018, с. 85–86.

Карьера Мартиросова-ученого складывалась непросто. Работу над диссертацией прервала война, получить ученую степень в послевоенные годы было также непросто. В 1946–1948 годах он вернулся в аспирантуру Института философии Академии наук СССР (готовил к защите диссертацию на тему «Социологические взгляды Д. И. Писарева»), а в июле—августе 1946 года прослушал курс лекций по переподготовке преподавателей логики в Министерстве высшего образования СССР в Москве.

Защитить диссертацию по запланированной теме Мартиросову так и не удалось. В 1952 году он сдал кандидатские экзамены в Белорусском государственном университете в Минске, а с 1 февраля 1954 года стал слушателем годичного курса Отделения диссертантов Института повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова. Именно тогда, 12 ноября 1954 года, в Ленинградском государственном университете Г. Мартиросов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Марксистско-ленинское учение о конкретности истины и его значение для практической деятельности Коммунистической партии». 29 ноября 1954 года он был утвержден в ученой степени кандидата философских наук.

С сентября 1955 года по март 1977-го Г. Мартиросов работал заведующим кафедрой политэкономии и философии Гродненского государственного педагогического института, причем с 23 июня 1956 года—в звании доцента. Дважды в течение нескольких месяцев был деканом историко-филологического факультета института: с 16 сентября по 2 октября 1961 года и с 28 сентября по 10 октября 1967 года. Мартиросов дважды посещал курсы в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском государственном университете: в 1960 и в 1970 годах. Состоял в КПСС с ноября 1945 года до 1991-го, в 1958–1960 и 1960–1962 годах был членом Гродненского городского комитета Коммунистической партии Белоруссии, долгие годы был лектором общества «Знание», также был председателем научно-методической секции Гродненской областной организации общества «Знание», преподавал в Гродненском университете марксизма-ленинизма.

С 28 ноября 1974 года по 1 октября 1976 года Мартиросов работал в Силезском университете в городе Катовице (Польша) в качестве командированного преподавателя. Здесь он читал курс марксистско-ленинской философии, спецкурсы, руководил семинаром аспирантов. Под руководством ученого трое аспирантов в Силезском университете готовили кандидатские работы. В личном деле Мартиросова сказано, что к тому времени он уже владел польским языком. Будучи партизаном, с военнослужащими Армии Крайовой он объяснялся на русском и немецком, а в последующие десятилетия освоил польский язык, что и позволило работать в Катовицах.

Выйдя на пенсию 1 марта 1977 года, доцент Гурген Мартиросов вплоть до самой смерти продолжал работать на кафедре марксистско-ленинской философии Гродненского педагогического института (с 1978 г.—Гродненский государственный университет им. Янки Купалы)¹⁶. Преподавал курсы марксистско-ленинской философии, научного атеизма, логики, истории философии, вел значительную методическую и воспитательную работу. Гургена Амирхановича Мартиросова не стало 24 июля 1995 года. Он умер в Гродно после тяжелой болезни.

16. Личный листок по учету кадров // АГРГУ им. Я. Купалы. Отдел кадров. 18–10: Асабовыя справы прафесарска-выкладчыцкага саставу, звольнены ў 1995 г. Т. 4: М-С, А, Ц, Н, л. 36.

Научные интересы Мартиросова были сосредоточены главным образом в сфере религии и религиозного сознания. Он был убежденным атеистом и в большинстве своих работ обращал внимание на вопросы воспитания нового, «советского человека». Будучи представителем научного сообщества западных областей Беларуси, присоединенных к СССР в 1944 году, Мартиросов стремился показать несостоятельность религиозного мировоззрения, используя местный региональный материал. В современной перспективе его воззрения могут казаться радикальным ответом на религиозность, особенно на религиозность населения западнобелорусского региона. Но следует помнить о политических условиях и общественной ситуации, в которых жил философ. Он воспитывался и получал образование в период острых антирелигиозных гонений в Советском Союзе (1920–1930-е годы), его понимание проблемы на тот момент сложно представить вне атеистического контекста. Вероятно, лишь после войны, уже в Западной Беларуси Мартиросов смог наблюдать живую и массовую религиозность местного населения, которая «выпадала» из привычного для него массового атеизма советского общества.

Понимание Мартиросовым религиозности менялось на протяжении десятилетий. Нельзя сказать, что у него не было выбора: ведь и тогда многие отказывались от атеистических убеждений и приходили к религии. Но он, можно сказать, был убежденным и осознанным атеистом, что для советского преподавателя-философа не было чем-то необычным. Научные и публицистические тексты Мартиросова использовались для ведения радикальной атеистической пропаганды и жесткого отрицания всех религий, религиозных конфессий и убеждений рядовых верующих. При этом следует отдать должное интеллектуальному мужеству Мартиросова: в 1991 году в интервью, цитируемом вначале, он признает утопичность взглядов, под которыми сам подписывался.

В 1949 году Гурген Мартиросов опубликовал рецензию на сборник произведений польской писательницы Элизы Ожешко (сборник вышел в двух томах в 1948 году), жизнь и творчество которой были связаны с Гродно и Гродненщиной. В тексте рецензии есть несколько важных моментов для понимания мыслей ученого. В условиях Западной Беларуси внимание к «польской проблеме» в обстановке все еще действовавшего польского подполья и присутствия значительного польского населения было важным элементом советской пропаганды. Фигура Элизы Ожешко — признанной писательницы демократических взглядов как нельзя более подходила для распространения идей о советско-польской дружбе и близости между белорусским и польским народами: *«Трудящиеся нашей области бережно хранят память об Элизе Ожешко. Ее имя носит центральная улица Гродно, украшенная восстановленным советской властью памятником писательнице. Творчество Элизы Ожешко близко советским людям своим демократическим духом, благородным призывом служить народу и бороться за его счастье»*¹⁷.

Утверждения о близости Э. Ожешко с белорусским народом не были голословными: *«В своих произведениях она отразила бурные общественные события второй половины девятнадцатого столетия, быт и настроения различных слоев общества. Ей принадлежат яркие картины жизни белорусской деревни, находившейся под классовым, национальным и религиозным гнетом»*¹⁸. Учитывая контекст советской антисемитской кампании конца 1940-го — начала 1950-х годов, часть произведений Э. Ожешко интерпретировалась Мартиросовым в строго

17. Мартиросов Г. Избранные произведения Элизы Ожешко // «Гродненская правда» за 1 июня 1949 года, с. 2.

18. Там же.

атеистическом ключе. Однако в контексте советской пропаганды эти фрагменты рецензии звучали в унисон тогдашним настроениям советской печати: «Роман «Меир Эзофович» и ряд рассказов Элизы Ожешко посвящены описанию быта и нравов, господствовавших в тогдашних еврейских местечках. С исключительной силой писательница показала картины гнетущей атмосферы религиозного фанатизма, беспредельной дикости, культивируемые раввинами и религиозными изуверами. Она беспощадно бичует этих схоластов, приверженцев и хранителей религиозных законов, ставших тяжелыми оковами для еврейского народа. Во всей мировой литературе нет таких предельно ярких и страстных произведений, где с такой силой изобличаются закоренелые фанатики иудейской религии, злбные человеконенавистники и проповедники национальной вражды»¹⁹. В конце ученый делает вполне предсказуемый вывод в соответствующем стиле, вписывающийся в концепцию польско-советской дружбы в рамках строительства социализма: «Бесспорно и то, что Элиза Ожешко была истинной и страстной патриоткой своей родины. Она мечтала видеть свой многострадальный народ свободным и счастливым и в меру сил своих способствовать его прогрессу. Ей не удалось увидеть осуществление своих мечтаний. Только теперь, когда из Польши изгнаны истинные враги польского народа, продажные политики и тунеядцы, родина писательницы обрела свободу и счастье. Советская армия освободила Польшу от немецко-фашистских варваров, опустошивших страну и варварски уничтоживших память о ее славной дочери. Под руководством польской марксистской партии польский народ строит счастливую и свободную социалистическую жизнь. Великий и негасимый свет с Востока, свет сталинского гения озарил судьбы народа, давшего мировой литературе замечательных писателей, к числу которых относится и Элиза Ожешко»²⁰.

Конец 1950-х—первая половина 1960-х годов был одним из наиболее важных периодов в проведении массовой антирелигиозной кампании в Советском Союзе. В случае с западными областями Беларуси острие пропаганды было направлено в сторону католической церкви и различных церквей и деноминаций протестантского направления (их часто в печати называли сектами). Имея уже достаточно богатый опыт лекционной деятельности, Гурген Мартиросов опубликовал несколько своих работ в виде отдельных книг и часто выступал в региональной печати. Свое понимание атеизма он не раз излагал в этих выступлениях. По его мнению, «во всей стране миллионы советских людей строят под руководством славной партии Ленина величественное здание коммунизма, общество, которое принесет человечеству мир, свободу, счастье, братство. Не пустопорожняя мечта, не ожидание манны небесной, а практическая, созидательная деятельность советских людей на всех участках, во всех уголках творит коммунизм. <...> С тех пор, как только возникли зачатки знания, в человеческом разуме образовались два противоборствующих начала— достоверные знания и религиозные фантастические представления. На всем протяжении истории идет непримиримая борьба этих двух начал, а в наши дни все отчетливее обнаруживается победа знаний над религией, света над тьмой. С точки зрения науки, в мире безраздельно господствуют объективные, т. е. независящие от людей законы. Издавна наука доказала, что все явления в природе и в обществе имеют свою причинную зависимость, происходят закономерно. Назначение науки заключается в том, чтобы раскрыть

19. Там же.

20. Там же.

эти закономерности и дать людям успешно использовать знание природы и общественной жизни в практической жизни»²¹. Убежденность в том, что в СССР строится коммунизм (тезис, неоднократно озвученный в тот период Н. С. Хрущевым и провозглашенный в программе КПСС) также должен был способствовать утверждению атеистического мировоззрения среди населения: «Общество должно избавиться от всех заблуждений и дурных наклонностей с тем, чтобы утвердилось братство людей труда. Атеисты осознают эту необходимость и способствуют переходу общества из царства необходимости, каким оно было до социализма, в царство свободы, каким оно станет при коммунизме»²².

При этом стоит обратить внимание на одну деталь: Мартиросов признавал ограниченность человеческого сознания определенными условиями. Это также касалось атеистического мировоззрения: «Утверждение, что возможна абсолютная свобода личности является одним из глубоких заблуждений. Каждый человек — продукт своей эпохи, определенной среды. Формирование тех или иных идей и норм нравственности свое начало берет в семье. Дети христиан растут христианами, а мусульман — мусульманами, если, конечно, родителям удастся сохранить свое влияние на детей. <...> Личность свободна выбирать что-либо из того, что предлагается общественным строем. Каждый раз перед вступающими в жизнь поколениями открываются определенные возможности, определенные пути. Личность свободна выбирать одну из таких возможностей, один из множества путей»²³.

В начале 1960-х годов на волне «развенчания культа личности И. Сталина» в публицистических выступлениях Г. Мартиросова появились критические высказывания по отношению к сталинизму: «Культ Сталина нанес значительный урон марксистско-ленинской философии. Сталин насаждал чуждый материалистическому пониманию культ личности. Это было проявлением ошибочного с точки зрения науки и вредного для практики субъективного идеализма. Сталин говорил немало красивых слов о народе, а на деле считал себя творцом всех побед, скатывался на позиции субъективных идеалистов. Субъективно-идеалистическими были взгляды Сталина по ряду вопросов политической экономии социализма. Отрицание Сталиным принципа материальной заинтересованности, его утверждения о том, что колхозная собственность и товарное производство стали препятствовать росту производительных сил и ряд других положений свидетельствуют об отходе Сталина от философского материализма Маркса, Энгельса и Ленина. <...> Исторический XX съезд решительно осудил культ личности Сталина и творчески, по-ленински поставил важнейшие вопросы теории и практики коммунистического строительства»²⁴.

В 1960-е годы Гурген Мартиросов опубликовал свои основные работы отдельными изданиями. В основном это были критические тексты о вероучении и практике протестантских церквей и деноминаций, распространенных в западных областях Беларуси. Активная критика вероучения баптистов, пятидесятников, свидетелей Иеговы и других религиозных объединений была одной из наиболее характерных черт хрущевской антирелигиозной кампании. Основные положения этой критики не были оригинальны: они, по сути, повторяли наработанный в 1920–1930-х

21. Мартиросов Г. На чем основан атеизм? // «Гродненская правда» за 19 декабря 1964 года, с. 3.

22. Там же.

23. Там же.

24. Мартиросов Г. Програма воинствующего материализма // «Гродненская правда» за 10 марта 1962 года, с. 3

годах антирелигиозный нарратив. При этом Г. Мартиросов использовал исследовательский материал из западнобелорусских областей, собранный на основе интервью и наблюдений.

В 1961 году в Государственном издательстве Белорусской ССР вышла работа Мартиросова «Хто такія іеговісты?» («Кто такие иеговисты?») — единственная большая работа исследователя, изданная на белорусском языке. Имея хороший дар полемиста, философ в ней обращался к произведениям марксистов, работам Максима Горького и характеризовал суть вероучения свидетелей Иеговы следующим образом: *«Идеология «Общества последователей Иеговы» — это пестрая смесь сумасшедших религиозных идей и политической демагогии. В «произведениях» Русселя, Рутефорда и других вожяков «Общества» можно встретить ссылки и на Библию, и на исследования современных ученых, обращение к вере и здравому смыслу. Идеологи иеговизма делают это для того, чтобы неопытный в сложных вопросах веры и знаний человек мог подумать, что библейские мифы и великие достижения науки не противоположны, а совместимы. В реальности между наукой и религией существует такая пропасть, как между светом и тьмой»*²⁵. Оценивать трактовку Мартиросовым означенного вероучения как научную и объективную нельзя. Начиная с упорного именованя свидетелей Иеговы «иеговистами» (что неправильно с религиозоведческой точки зрения и оскорбительно для верующих) и заканчивая довольно свободной интерпретацией общих положений этого вероучения, автор, как и другие советские исследователи, на основе заметно упрощенного представления и минимального набора источников показывал общество свидетелей Иеговы не как религиозную, а как политическую структуру. Запрет на деятельность свидетелей Иеговы и репрессии по отношению к рядовым верующим в СССР основывались именно на подобном понимании: *«Социалистическое государство не может допустить деятельность такой организации, которая придерживается антинародных политических принципов и фанатических обрядов»*²⁶. Оптимистическая надежда на скорое построение коммунизма позволяла Мартиросову сделать следующий вывод: *«На ярком фоне коммунистического строительства деятельность церковников и сектантов, в том числе и иеговистов, выглядит уродливым паразитическим наростом. Поэтому нельзя мириться с тем, чтобы мракобесы, которыми являются иеговисты, безнаказанно устранили людей, затуманивали их сознание, подталкивали их на преступления»*²⁷.

В 1961 году в издательстве Белорусского государственного университета вышли лекции Г. Мартиросова по научному атеизму под названием «Религиозное сектанство». На примере конкретных людей и с использованием солидного объема материала автор попытался убедить читателя в правоте своих взглядов на деятельность протестантских конфессий. Мартиросовым были использованы архивные источники о деятельности в межвоенный период религиозных объединений на западнобелорусских землях, входивших в состав Польши. В первой главе он обратился к причинам возникновения «сект» и привел хорошо знакомый ему материал о существующих в Закавказье различных религиозных группах, отколовшихся от русского православия. Во второй главе он описал реалии возникновения и распространения протестантских деноминаций в Западной Беларуси

25. Марці́рсаў Г. А. Хто такія іеговісты? Мінск, 1961, с. 7–8 (переведен с белорусского языка автором настоящей статьи — А. Тихомировым).

26. Там же, с. 19.

27. Там же, с. 21.

в межвоенный период и пришел к выводу, что именно классовый гнет порождал «благодатную почву для насаждения сектантско-религиозного фанатизма»²⁸. В третьей главе автор проанализировал отношение коммунизма к «сектантской идеологии»: «Социалистическое государство на основе самых высоких принципов человеколюбия и подлинного народовластия обеспечивает свободу отправления религиозных потребностей. Оно считается с фактом существования религиозных предрассудков у части людей. Но социалистическое государство не может мириться с преступлениями, посягательствами на свободу и права личности, пропагандой войны, всякого рода шарлатанством и одурачиванием трудящихся «святыми источниками», «нетленными мощами», «чудотворной иконой», сектантским изуверством, различными приемами мошенничества проходимцев»²⁹. Критика религиозных учений велась автором с привлечением самого широкого материала: собственных наблюдений, опыта полемики и изучения печатных текстов. При этом Мартиросов подчеркивал именно силу личного примера, ненасильственного убеждения со стороны атеистов. Однако зачастую в этом нарративе руководители вероучений представлялись в самом негативном свете, их деятельность сравнивалась с преступной, а попытки верующих оказать влияние на собственных детей резко осуждались.

Гурген Мартиросов и в последующие десятилетия активно выступал в региональной прессе на темы, связанные с религией и атеизмом. В основном это были статьи, касающиеся современного католицизма, и рецензии на книги по истории религиозных конфессий. Критика в них, по сравнению с текстами 1960-х годов, была заметно мягче. Сложно сейчас определить, что именно повлияло на изменение риторики автора: возможно, общая политика советского руководства, в 1970–1980-е годы менее репрессивная по отношению к религии, а возможно — эволюция личных взглядов.

В целом работы Мартиросова в первую очередь представляют исторический интерес как свидетельства научной и публицистической мысли советского периода. Важно отметить при этом, что взгляды его эволюционировали: сами тексты автора выявляют его стремление к более осознанному и всестороннему анализу различных общественных феноменов.

Возвращаясь к интервью Г. Мартиросова 1991 года, можно заметить искреннее его разочарование той политической системой, существование которой он поддерживал на протяжении многих десятилетий. В этом, вероятно, и весь трагизм этой личности. Продолжая верить в философский идеал и объективные законы существования общества, он желал видеть причины крушения советского общества в неправильной интерпретации философии: «Трагическое положение народа сегодня во многом объясняется произволом субъективистских сил в процессе обновления общества. У меня даже такое впечатление, что никто из главных реформаторов не мог заглянуть на два дня вперед, предвидеть, что произойдет в результате тех или иных шагов. <...> Но то, что, скажем, в истории общества давно оправдало себя — частная собственность, предпринимательство, — мы же находили у себя буквально ценой разрушения экономических связей, хаоса и беспредела, которые властвуют у нас. Это, конечно, огорчительно. Что ж, может

28. Мартиросов Г. А. Религиозное сектантство. Лекции по курсу «Основы научного атеизма». Минск, 1961, с. 24.

29. Там же, с. 42.

быть, история такова, что приходится платить дань за ту дорогу, на которую должны выйти»³⁰.

Вклад Гургена Мартиросова в интеллектуальную жизнь Гродненского университета еще предстоит всесторонне оценить. Его моральный авторитет как ветерана Великой Отечественной войны был важным фактором в различных дискуссиях в городе Гродно и повлиял на судьбу многих известных людей. Атеистические взгляды ученого, в отличие от воззрений многих его коллег по университету, не изменились на волне перестройки и распада Советского Союза. Помня о том, что он армянин (в анкетах армянский язык им указывался как родной и первый в списке), Мартиросов искренне считал белорусскую землю своей второй родиной. Работ на тему истории Армении и армянского народа в период своей белорусской жизни ученый не публиковал, однако он внес определенный вклад в интеллектуальное развитие города, с которым связал свою судьбу. Научные работы Г. Мартиросова были свидетельством целой послевоенной эпохи. В них можно проследить не только изменения официального советского нарратива, но и личную эволюцию автора, наблюдавшего действительность с пытливым умом идеалиста. Критикуя религиозное сознание, он впоследствии смог заметить все негативные стороны коммунистической идеологии в ее советской версии. Несмотря на то что Мартиросов работал в провинции, его научные и педагогические интересы были далеко не провинциальными, а оценки действительности зачастую выходили за шаблоны и границы дозволенного.

Summary

Andrei Tsikhamirau,

Andrei Tsikhamirau, Master in Cultural Studies, Hrodna State Museum of the History of Religion (Hrodna)

Armenian in Grodno: touches to the intellectual portrait of Gurgен Martirosov

The article contains biography of the philosopher and religious scholar Gurgен Martirosov (1912–1995) and analysis of his scientific interests. A special place is given to his activities during the Second World War, the struggle against Nazism and the work at the Yanka Kupala State University in Grodno (Hrodna, Belarus) in 1945–1995. It also points to the evolution of Martirosov's worldview and the gradual departure from the principles of the Soviet Marxism in the early 1990s.

30. Мартиросов Г. А. Деяние — начало бытия // «Гродненская правда» за 31 декабря 1991 года, с. 2.

Фонд развития и поддержки
арменоведческих исследований «АНИВ»
117393, г. Москва, ул. Архитектора Власова, д. 55, офис 30
foundation.aniv@gmail.com
www.aniv.fund

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОТ БАЛТИКИ ДО ЧЕРНОГО МОРЯ: АРМЯНЕ В КУЛЬТУРНЫХ,
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ»
ЕРЕВАН, 15–18 ОКТЯБРЯ 2018 г.**

Научный редактор	Татевик Саргсян, кандидат исторических наук
Подготовка к печати	ИД «Арк Медиа»
Главный редактор	Наталья Рыжкова
Директор	Игорь Степанян
Технический директор	Андрей Гавердовский
Корректоры	Людмила Королёва Нуне Мхитарян

ИД «Арк Медиа»
www.arkmedia.ru, e-mail: info@arkmedia.ru
Тел.: +7 (926) 583-97-87

Подписано в печать 10.01.2024
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 27,25
Тираж 500 экз. Заказ № 3363

ООО «Красногорская типография»
143405, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2
Тел.: +7 (495) 150-19-08
<http://ktprint.ru>